ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

ISSN 2225-756X

Научный диалог

2021. № 2

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2019	0,357
ICV 2019 Index Copernicus	98.91
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки 10.01.00 Литературоведение 10.02.00 Языкознание
География авторов выпуска	Арзамас, Архангельск, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Калининград, Махачкала, Москва, Мытищи, Нижневартовск, Нижний Новгород, Новосибирск, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Саранск, Тюмень, Улан-Удэ, Хабаровск, Челябинск, Череповец, Чита
Авторы, имеющие ученую степень	90 %

Дата выхода в свет 20.02.2021

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 2

Impact factor RSCI 2019	0,357
ICV 2019 Index Copernicus	98.91
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • Science Index (Rus) • Index Copernicus • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефтимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Science Editors

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

Editorial board

Linguistics

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

Literary studies. Journalism. Folklore

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

History. Ethnography. Ethnology

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

Содержание

Языкознание

Боднарук Е. В. Парадигматика и функционирование немецкого инфинитива (на материале научных и публицистических текстов) ... 9

Горбань О. А. Учетные документы Войска Донского в XVIII веке : содержание и структура текстов ... 28

Еремина М. А. Анализ словарных дефиниций слова успех в свете проблемы верификации лингвокультурологических построений ... 48

Каганов А. Ш. Разветвленный лингвистический анализ как инструмент выявления признаков монтажа фонограмм ... 62

Ковтуненко И. В., Былкова С. В., Кудряшов И. А., Корман Е. А. Сценарии унисонного разворачивания текста в русскоязычной блогосфере ... 79

Садченко В. Т. Глаголы с приставкой за- в русских говорах Приамурья ... 95

Сдобников В. В. Объективное и субъективное в редактировании перевода ... 107

Сигал К. Я. Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа ... 127

Халикова Н. В., Никитин О. В. Образ предмета исследования в дискуссиях о русском языке советского периода (к вопросу об образности как лингвостилистической категории научного текста) ... 147

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Володина Н. В. Предисловие как жанр автокомментария в творчестве И. С. Тургенева ... 163

Жилина Н. П. Христианский дискурс в трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир» ... 175

Илунина А. А. Рецепция творчества Дж. Остен в современной британской литературе (на материале романа Джо Бейкер «Лонгборн») ... 189

Мохаммед Адам Э. А., Коваленко А. Г. Семантический комплекс путешествия в творчестве А. Г. Битова ... 202

Сейбель Н. Э. Ритуальные функции волос Сунь У-куна в романе У Чэн-Эня «Путешествие на Запад» ... 218

Сытина Ю. Н. О неожиданных гранях образов чиновников у Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского ... 231

Танасейчук А. Б., Осьмухина О. Ю. Проблема периодизации и некоторые аспекты позднего творчества Ф. Брета Гарта ... 244

Фролова Н. С. Англоязычная поэзия Кении на рубеже веков : опыт прошлого и художественная трансформация ... 259

Исторические науки

Виноградов А. В. Борьба с промышленным загрязнением в Российской империи: законодательный контекст (1800—1917) ... 277

Иконников С. А. «Береженого Бог бережет» : приходское духовенство Воронежской епархии в борьбе с холерной эпидемией 1892—1893 годов ... 292

Клюева И. В. Борис Владимирович Залесский (1887—1966): неизвестные страницы биографии ученого 308

*Мамкина И. Н., Гусевская Н. Ю.*Российская государственная политика по освоению Дальнего Востока в начале XX века 326

Мамяченков В. Н., Львова М. И., Шведов В. В. Потребление продуктов питания семьями колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946—1950 годы) 344

Николаи Ф. В., Софронова Л. В., Хазина А. В. Военно-историческая антропология: векторы теоретической полемики в российской и англоязычной историографии 356

Османова М. Н. Маргиналии рукописных Коранов нагорного Дагестана как исторический источник 371

Спичак А. В. Система попечительства о женщинах духовного звания в Тобольской епархии в 1820—1830-х годах 385

Тихомирова М. Н., Тихомиров К. Н. Рыболовство татар лесостепного Прииртышья в XIX — начале XXI вв. 403

Цыбенов Б. Д. Новый источник о взаимоотношениях Хулун-Буира и Внешней Монголии в 1912—1915 годах 422

Яблонская О. В. Английские финансисты середины XIV века : особенности и результаты деятельности 436

АВТОРАМ 453

CONTENTS 458

Языкознание
Linguistics

Александр Шлемович Каганов, канд. техн. наук (Москва)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Валентина Тарасовна Садченко, д-р филол. наук (Хабаровск)
Екатерина Анатольевна Корман, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Елена Владимировна Боднарук, д-р филол. наук (Архангельск)
Игорь Александрович Кудряшов, д-р филол. наук (Ростов-на-Дону)
Инна Викторовна Ковтуненко, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Марина Артуровна Еремина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Наталья Владимировна Халикова, д-р филол. наук (Мытищи)
Оксана Анатольевна Горбань, д-р филол. наук (Волгоград)
Олег Викторович Никитин, д-р филол. наук (Петрозаводск)
Светлана Викторовна Былкова, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)

Боднарук Е. В. Парадигматика и функционирование немецкого инфинитива (на материале научных и публицистических текстов) / Е. В. Боднарук // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-9-27.

Bodnaruk, E. V. (2021). Paradigmatics and Functioning of German Infinitive (Scientific and Journalistic Texts). *Nauchnyi dialog, 2:* 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-9-27. (In Russ.).

УДК 811.112.2’367.625.41
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-9-27

Парадигматика и функционирование немецкого инфинитива (на материале научных и публицистических текстов)

© **Боднарук Елена Владимировна (2021),** orcid.org/0000-0003-4405-4513, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкой и французской филологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия), e.bodnaruk@narfu.ru.

Представлена комплексная характеристика структурных и функциональных особенностей инфинитива в текстах немецкоязычного публицистического и научного дискурсов. Новизна исследования заключается в том, что в нем выявляется соотношение представленных в данных дискурсах форм инфинитива (инфинитива I и II в активном и пассивном залоге). Рассматривается зависимость использования форм от семантики вида инфинитива. Особое внимание уделяется описанию синтаксических функций, в которых употребляется инфинитив, выявлению наиболее востребованных из них. Определяется корреляция синтаксических функций с темпоральными характеристиками инфинитива. Актуальность исследования обусловлена применением для анализа инфинитива сопоставительного дискурсивного подхода. Отмечается, что функционирование инфинитива в публицистическом и научном дискурсах обнаруживает как сходства, так и различия. Автор приходит к заключению, что различия в использовании инфинитива обусловлены основными дифференциальными чертами публицистических и научных текстов, в то время как сходства указывают на то общее, что свойственно немецкому инфинитиву в целом и отличает его от других языковых феноменов.

Ключевые слова: немецкий язык; научный и публицистический дискурс; формы и виды инфинитива; темпоральные и залоговые характеристики; синтаксические функции.

1. Введение

Об инфинитиве в немецком языке написан ряд работ. В центре внимания исследователей оказывались вопросы субстантивации инфинитива и вовлечения субстантивированного инфинитива в выражение видовых характеристик [Волкова, 2015; Ланских, 2019], семантики глаголов и существительных, управляющих зависимыми инфинитивами [Сметанина, 2008; Marschall, 2005], классификации приглагольных [Панина, 2007] и

присубстантивных зависимых инфинитивов [Садовникова, 1986], характеристики инфинитивов в сочетании с глаголами *haben* и *sein* [Holl, 2010; Gelhaus, 1977], инфинитивов в конструкциях «… um / statt / ohne + zu + инфинитив» [Sabel, 2005], инфинитива в функции замены причастий в составе аналитических форм некоторых глаголов [Dovalil, 2018], семантических особенностей независимых инфинитивов [Hoffmann, 2005]. В данных работах рассматриваются определенные частные разновидности инфинитива. Вместе с тем перечисленные исследования не дают общей картины функционирования инфинитива, не акцентируют внимания на его использовании в конкретном дискурсе.

Целью настоящей работы является комплексный анализ основных структурных и семантических характеристик инфинитива, а также сопоставительное изучение особенностей его функционирования в современных текстах немецкоязычного публицистического и научного дискурсов.

Материалом для исследования послужили высказывания с инфинитивом, отобранные методом сплошной выборки из номера газеты “Die Tageszeitung” и пяти статей немецкоязычных авторов, изданных в научном журнале “Zeitschrift für Sprachwissenschaft”.

Основными методами исследования являются наблюдение, количественный метод, контекстуальный и дискурс-анализ, на основе которых производится интерпретация, обобщение и систематизация полученных данных о функционировании инфинитива. Привлечение сопоставительного подхода к анализу инфинитива в двух значимых для немецкого языка дискурсах — публицистическом и научном — позволяет лучше понять особенности его семантики и парадигматики.

2. Общая характеристика инфинитива

Инфинитив характеризуется отсутствием непосредственной корреляции с грамматическими категориями глагола, обусловливающими спряжение, — категориями лица и числа. Отсутствие спряжения дополняется другими неглагольными, то есть именными, характеристиками. К именным свойствам инфинитива можно отнести ярко выраженную способность к субстантивации (*lesen → das Lesen*) и выполнение ряда неглагольных синтаксических функций, например, подлежащего или дополнения. На этом основании некоторые исследователи отказывают инфинитиву в «глагольности», ставя под сомнение его присутствие в глагольной парадигме [Marschall, 2005, S. 22].

Известно, что по своему происхождению немецкий инфинитив является формой отглагольного существительного. В древневерхненемецкий период он мог иметь падежную флексию и часто употреблялся после предлога *zu* со

значением цели [Speyer, 2010, S. 67]. Со временем форма начала использоваться без флексии, существенно расширив свои сочетательные возможности.

Сегодня у инфинитива наблюдаются не только именные, но и глагольные черты. В словарях глаголы как класс слов представлены в инфинитиве. Глагольная семантика и валентность позволяют инфинитиву формировать предикацию, которая может быть зависимой (например: *Er bittet mich ihm* ***zu helfen***) и независимой, в так называемых инфинитивных предложениях (*Einsteigen*). Инфинитив является частью аналитических темпоральных и модальных форм глагола: футура I и II, кондиционалиса I и II.

К глагольным чертам следует отнести и возможность выражения инфинитивом временных значений. Так, в немецком языке имеются формы инфинитива I и инфинитива II, противопоставленные в темпоральном плане: инфинитив I имеет значения одновременности или следования, инфинитив II — значение предшествования действию, выраженному финитной формой. Выбор формы инфинитива и его временная семантика зависят от семантики глагола в личной форме[1]. К примеру, *versuchen* управляет значением одновременности, *versprechen* — следования, а *bereuen* — предшествования. Высказывания типа *Er versucht alles* ***zu verstehen*** и *Er verspricht zu mir* ***zu kommen*** содержат форму инфинитива I, но с разным темпоральным значением. Глагол *verstehen* выражает одновременность, а глагол *kommen* — следование. Глагол *machen* в инфинитиве II выражает значение предшествования, сочетающееся с аспектуальной семантикой завершенности (*Er bereut das* ***gemacht zu haben***). Впрочем, некоторые глаголы, например *glauben*, не могут управлять временными характеристиками инфинитива: *Er glaubt alles* ***zu verstehen*** и *Er glaubt alle Bücher* ***zu finden***. В этом случае значение инфинитива I можно определить по его способу действия. Непредельные глаголы в инфинитиве, в том числе *verstehen*, выражают обычно значение одновременности, а предельные, например *finden*, — следования за действием, выраженным финитной формой.

Инфинитив I обозначается в некоторых трудах по грамматике как инфинитив презенс, а инфинитив II — как инфинитив перфект [Eisenberg, 2006, с. 198], по аналогии с временными формами презенс и перфект. В этой связи инфинитив может вводиться в состав расширенной временной системы немецкого языка наряду с личными формами глагола и причастием, см., напр.: [Fabricius-Hansen, 1991, S. 725]. Думается, что отсылка к значениям презентности или перфектности едва ли корректна, ведь инфинитив не выражает соответствующих временных значений,

1 Влияние на проявление темпоральных характеристик инфинитива оказывает также его синтаксическая функция в предложении (подробнее об этом далее).

поскольку, за редким исключением, не употребляется в абсолютном временном значении (в отличие от презенса и перфекта).

В немецком языке формы инфинитива I и инфинитива II противопоставлены также с точки зрения выражения ими залоговых значений (табл. 1).

Таблица 1

Залоговое противопоставление форм инфинитива в немецком языке

	Инфинитив I	**Инфинитив II**
Актив	machen	gemacht haben
Пассив процесса	gemacht werden	gemacht worden sein
Пассив состояния	gemacht sein	gemacht gewesen sein

Различие между формами пассивного залога в немецком языке связано с противопоставлением по признакам процесс — результат (состояние). Категория залога, будучи трансформационной категорией, обычно предполагает различие между активом и пассивом в синтаксическом, но не в семантическом плане, что и обусловливает возможность трансформации (*Ich kann ihm **helfen** — Ihm kann (von mir) **geholfen werden***). При этом возможна только трансформация активной структуры в пассивную с процессным значением (и наоборот), но не в пассивную с результативным значением. Таким образом, пассив с результативным значением (*Die Arbeit kann **geschrieben sein***) отличается в семантике как от пассива процесса, так и от актива.

Все случаи употребления инфинитива в немецком языке могут быть условно разделены на два вида — «инфинитив без zu» и «инфинитив с zu». *Zu* настолько сильно ассоциируется с инфинитивом (*Er bittet ihnen **zu helfen***), что комбинация этих двух единиц рассматривается некоторыми исследователями как одна словоформа [Eisenberg, 2006, S. 200]. Случаи, в которых *zu* отсутствует, получают специальный комментарий в грамматиках. Несмотря на то, что использование *zu* перед инфинитивом — обычное явление, морфологический статус этой языковой единицы сегодня — предмет дискуссий. Так, *zu* может определяться как «инфинитивный элемент» [Brandt et al., 2006, S. 308], как «маркер инфинитива» [Hoffmann, 2016, S. 231], как частица [Admoni, 1986, S. 164]. В немецкой германистике *zu* иногда считают предлогом [Jung, 1996, S. 203], поскольку генетически инфинитив восходит к одной из падежных форм существительного со значением цели [Poitou, 2005, S. 34]. Некоторые исследователи считают *zu* особого рода союзом, связывающим основную часть предложения с инфинитивом [Metzler …, 2000, S. 296]. Г. Р. Маршалл признает *zu* «оператором

с соединительной функцией» [Maschall, 2005, S. 30]. *Zu* сравнивают также с глагольной приставкой (по аналогии с приставкой *ge-*) [Duden, 2006, S. 446]. Аффиксом считает *zu* Й. Забель [Sabel, 2005, S. 91]. Согласно Х.-В. Эромсу, *zu* — «морфема, выполняющая функцию управления» [Eroms, 2000, S. 148—149].

Признание за *zu* статуса предлога невозможно из-за отсутствия управления, свойственного предлогам. Если бы генетическая связь *zu* с предлогом сохранилась до сегодняшнего дня, инфинитив использовался бы только в значении следования, ведь семантика цели, свойственная предлогу *zu*, указывает на то, что действие или событие еще предстоит. Однако сегодня формы инфинитива могут быть использованы с *zu* в разных относительных временных значениях. Статус союза проблематичен из-за специфичного места *zu* в предложении, нетипичного для союзов. Признание *zu* приставкой или аффиксом неприемлемо из-за раздельнооформленности *zu* и инфинитива. Целесообразно считать *zu* приглагольной частицей. Данная частица является показателем инфинитива. Вместе с инфинитивом она вступает в синтаксические отношения с финитной формой глагола (реже с другой частью речи, например, с существительным). Она всегда стоит в препозиции к инфинитиву и, как все частицы, не изменяется.

3. Использование инфинитива в текстах публицистического и научного дискурсов

Для проведения эмпирического сопоставительного анализа методом сплошной выборки были отобраны высказывания, содержащие формы инфинитива, из номера газеты “Die Tageszeitung” (далее — TAZ) от 02.01.2014, а также из пяти научных статей немецкоязычных авторов из журнала “Zeitschrift für Sprachwissenschaft”. Общее количество форм инфинитива составило в текстах публицистического дискурса (ПД) 1004 языковые единицы, в текстах научного дискурса (НД) — 1003. Формы инфинитива были систематизированы исходя из их окружения и сочетательных возможностей. В отдельные в и д ы выделены следующие структуры с инфинитивом: «модальный глагол + инфинитив», «lassen + инфинитив», инфинитив в функции замены (эрзацинфинитив), конструкции «haben +zu + инфинитив» и «sein + zu + инфинитив», инфинитив после иных глаголов, глагольных и именных сочетаний в инфинитивных группах, инфинитив в составе форм ф у т у р и к о н д и ц и о н а л и с, инфинитив в оборотах «um + zu + инфинитив», «(an)statt + zu + инфинитив», «ohne + zu + инфинитив», независимый инфинитив. Результаты количественного анализа видов инфинитива представлены в таблице (табл. 2).

Таблица 2

Грамматические структуры с формами инфинитива
в публицистическом и научном текстах

Структура с инфинитивом	**ПД**	**НД**
модальный глагол + инфинитив	508 (51 %)	612 (61 %)
lassen + инфинитив	31 (3,1 %)	44 (4,4 %)
эрзацинфинитив (с модальным глаголом / глаголом *lassen*)	14 (1,4 %)	—
конструкция *haben*+*zu*+инфинитив	20 (2 %)	7 (0,7 %)
конструкция *sein*+*zu*+инфинитив	38 (3,8 %)	71 (7,1 %)
футур	73 (7,3 %)	33 (3,3%)
кондиционалис	20 (2 %)	42 (4,2 %)
инфинитивная группа	208 (20,8 %)	162 (16,1 %)
оборот *um* + *zu* + инфинитив	56 (5,6 %)	23 (2,3 %)
оборот (*an*)*statt* + *zu* + инфинитив	2 (0,2 %)	1 (0,1 %)
оборот *ohne* + *zu* + инфинитив	2 (0,2 %)	8 (0,8 %)
независимый инфинитив	32 (3,2 %)	–
всего	1004 (100 %)	1003 (100 %)

В текстах обоих дискурсов инфинитив чаще всего используется в составе конструкций с модальными глаголами. Например:

Welches Konzert oder welchen Klub ***können*** *Sie e m p f e h l e n*? — *Club Hestero, Tag und Nacht geöffnet, ich* ***kann*** *meine eigene Musik d r e h e n und* ***darf*** *es so laut und spät m a c h e n , wie ich will* [TAZ, S. 15].

Известно, что модальные глаголы имеют неэпистемическое и эпистемическое употребление. При неэпистемическом употреблении модальные глаголы выражают значения в о з м о ж н о с т и , д о л ж е н с т в о в а н и я и ж е л а н и я , в то время как при эпистемическом употреблении речь идет о выражении той или иной степени уверенности говорящего в достоверности пропозиции. С эпистемическим употреблением коррелирует эвиденциальное значение, отсылающее к источнику информации [Боднарук, 2019].

Все три значения востребованы в публицистическом дискурсе. В свою очередь, в научном тексте частотны первые два значения, в то время как эвиденциальное значение обычно выражается не модальными глаголами, а другими средствами (например, глаголами речемыслительной деятельности). Частотность конструкций с модальными глаголами в текстах ПД и НД (табл. 3) свидетельствует о большей их востребованности в научном тексте. Объясняться данный факт может тем, что в научном тексте модальные глаголы наряду с выражением эпистемических или неэпистемических

значений выполняют еще ряд сопутствующих функций. Одной из таких функций является функция хеджирования, позволяющая снять излишнюю категоричность высказывания. Например: *Die obligatorische Argumentreduktion **kann** als weiteres Indiz für die Lexikalisierung dieser Partizipien g e w e r t e t w e r d e n* [Lübbe et al., 2011, S. 289].

Еще одна функция — метакоммуникативная, позволяющая автору структурировать научный текст и опосредованно устанавливать контакт с его потенциальным читателем: *Da die freien partikelhaften Vorkommen von mit, die im Mittelpunkt dieser Untersuchung s t e h e n **sollen**, in keinem meiner Beispiele alleine das Vorfeld besetzen, stufe ich sie im weiteren Verlauf als Partikel und nicht als Adverb ein* [Bücker, 2012, S. 208].

Таблица 3

Модальные глаголы в текстах публицистического и научного дискурса

Модальный глагол	**ПД**	**НД**
können	171 (33,7 %)	398 (65 %)
müssen	105 (20,6 %)	82 (13,4 %)
sollen	92 (18,1 %)	68 (11,1 %)
wollen	94 (18,5 %)	18 (2,9 %)
dürfen	33 (6,5 %)	13 (2,2 %)
mögen	13 (2,6 %)	33 (5,4 %)
Всего	508 (100 %)	612 (100 %)

Несмотря на то, что в научном и публицистическом текстах в сочетании с модальными глаголами чаще используются формы инфинитива I в активном залоге (ПД — 435; НД — 372), в более формализованных научных текстах довольно часто встречается и инфинитив I пассива процесса (ПД — 67, НД — 221). Остальные формы — инфинитива II актива, инфинитива II пассива процесса, инфинитива I и II пассива состояния — единичны.

Глагол *lassen* в сочетании с инфинитивом без частицы *zu* имеет ряд сходств с модальными глаголами в их неэпистемическом употреблении. В нашем материале он сочетался только с инфинитивом I активом. При этом в публицистических текстах данный глагол чаще использовался в одном из каузативных значений с активной семантикой: *Bei Hitze laufen überall Klimaanlagen, die die veralteten Kabelnetze schnell überlasten und z u s a m m e n b r e c h e n **lassen*** [TAZ, S. 08].

В научных текстах превалировало использование *lassen* с местоимением *sich* в пассивном значении в качестве синонима конструкции с глаголом *können* (*lässt sich deuten = kann gedeutet werden*):

Es ***lässt*** *sich eine ganze Liste von semantisch prädikativen Konstruktionen a u f s t e l l e n : Kopulakomplement, a l s* -Komplement, selegiertes Objektsprädikativ, freies Prädikativ (...) [Geuder, 2019, S. 202].

В публицистическом дискурсе модальные глаголы и глагол *lassen* зафиксированы в форме эрзацинфинитива («Ersatzinfinitiv») [Duden, 2006, S. 473]. Эрзацинфинитив образует своеобразный «мостик» между инфинитивом и причастием, поскольку служит для замены причастия II при образовании аналитических форм времени — перфекта, плюсквамперфекта и футура II — от модальных глаголов и *brauchen* (реже от *lassen*, глаголов чувственного восприятия и глаголов *lehren*, *lernen*, *helfen*), если последние имеют при себе зависимый инфинитив: *Wir haben (hatten) nichts tun m ü s s e n* — вместо: **Wir haben (hatten) nichts tun g e m u s s t . Sie wird nichts haben tun k ö n n e n* — вместо: **Sie wird nichts haben tun g e k o n n t* [Ibid.]. Будучи более лаконичной формой, чем причастие II, инфинитив «облегчает» структуру перфектных форм: *Vor einem Jahr flüchtete Frau Z. mit ihren zwei Kindern, Hisham** (13) *und Azize** (4), *aus ihrer Heimat. <...> Im Winter 2001 hatte sich die Familie im Keller ihres Wohnhauses vor Bomben verstecken m ü s s e n* [TAZ, S. 21].

Определенной частотностью в публицистических и научных текстах характеризуются синонимичные модальным глаголам конструкции «haben + zu + инфинитив» и «sein + zu + инфинитив». Конструкции имеют модальное значение, появившееся в результате переосмысления глаголов *haben* и *sein*. При этом *haben* выражает необходимость, а вся конструкция имеет активное значение; *sein* имеет значение возможности или необходимости, а вся конструкция приобретает пассивное значение. Функциональная близость *haben* и *sein* к модальным глаголам ограничивается неэпистемическим употреблением. Г. Гельхауз, занимавшийся изучением конструкций с *haben / sein* и инфинитивом, выделил ряд частных значений данных конструкций, соотнеся их в первую очередь со значениями модальных глаголов [Gelhaus, 1977]:

(1) Конструкция «haben + zu + инфинитив»: значение необходимости в широком смысле (=müssen); значение отсутствующей необходимости (=nicht brauchen); значение отсутствия разрешения (=nicht dürfen), значение требования (=sollen).

(2) Конструкция «sein + zu + инфинитив»: значение возможности (=können), значение ‘иметь право, разрешение’ (=dürfen), значение необходимости (=müssen), значение отсутствующей необходимости (=nicht brauchen); значение отсутствия разрешения (=nicht dürfen), значение требования (=sollen).

В нашем материале конструкция «sein + zu + инфинитив» встречается значительно чаще конструкции «haben + zu + инфинитив», что объясняется более широким спектром значений данной конструкции, а также возможностью не называть носителя действия, присущей всем структурам с пассивным значением, что особенно существенно для научных текстов: *Der vorliegende Artikel widmet sich der Frage, wie die Bedeutungskonstitution von komplexen Ausdrucken mit Einstellungsadverbialen (im Deutschen)* ***zu fassen ist*** [Buscher, 2013, S. 137].

Конструкция «haben + zu + инфинитив» значительно менее употребительна. Особую частотность в составе конструкции «haben + zu + инфинитив» имеет инфинитив глагола *tun*, формирующий устойчивое сочетание слов etw. *mit j-m* / etw. *zu tun haben* ‘иметь дело с кем-либо / чем-либо’, ‘иметь отношение к чему-либо’ (более половины от всех случаев использования конструкции в ПД и НД): *taz: Frau Aguilar, was* ***hat*** *Turnen mit der Weltsprache Esperanto z u t u n ?* [TAZ, S. 24].

В составе конструкций «haben / sein + zu + инфинитив» используется инфинитив I в активном залоге.

При употреблении инфинитива после модальных глаголов, глагола *lassen* и в конструкциях «haben / sein + zu + инфинитив» мы имеем дело с составным глагольным сказуемым.

В составе простого глагольного сказуемого инфинитив употребляется в грамматических формах футура и кондиционалиса. В немецком языке возможны формы футура I с инфинитивом I и футура II с инфинитивом II, а также формы кондиционалиса I с инфинитивом I и кондиционалиса II с инфинитивом II: *Ich* ***werde / würde*** *ihm h e l f e n . Er* ***wird / würde*** *nach Hause g e f a h r e n s e i n .* В нашем эмпирическом материале зафиксированы только формы футура I и кондиционалиса I. Соответствующие формы с инфинитивом II являются весьма редкими из-за сложности строения и специфичности их семантики.

С помощью футура I в публицистических текстах выражается главным образом значение простого будущего времени, поскольку футуральная направленность является важной чертой текстов периодики: *Bisher weiß man in der Kunsthalle allerdings nicht einmal, wann der neue Direktor seinen Posten a n t r e t e n* ***wird****, und darüber, wer es s e i n* ***wird****, gibt es nur Gerüchte* (…) [Ibid., S. 15].

В научных текстах футур I обычно выполняет метакоммуникативную функцию, способствуя не только формированию связности и логичности текста, но также его диалогизации (часто в этой функции используется и модальный глагол *mögen* в форме *möchte*). Автор статьи как бы обращается

к потенциальному читателю (авторское «я» в этом случае выражено личным местоимением 1 л. ед. или мн. числа), описывая предстоящие шаги исследования, предпринятые в статье: *Im Folgenden* ***werde*** *ich z e i g e n, dass empirische Evidenzen gegen die Annahme einer Unterspezifikation sprechen* [Buscher, 2013, S. 172].

Кондиционалис I обнаруживает определенное сходство в строении и семантике с формой футура I. Однако в отличие от футура, являющегося формой времени, кондиционалис входит в систему форм наклонения. В текстах прессы он встречается чаще в значении предположения (о будущем или настоящем), в том числе и ирреального: Vielleicht hätten wir eine bessere Politik, wenn *Parlaments- und Kommunalwahlen alle zwei Jahre s t a t t f i n d e n* ***würden*** [TAZ, S. 11].

В научном тексте он также обычно выражает предположение, преимущественно ирреального характера. При этом форма довольно часто имеет не футуральную, а презентную семантику: *Beim Lügen handelt der Lügner so, als* ***würde*** *er eine aufrichtige Behauptung* ***aufstellen*** [Meibauer, 2015, S. 183].

В составе аналитических форм футура I и кондиционалиса I превалировал инфинитив I в активном залоге, в единичных случаях был зафиксирован и инфинитив I пассива процесса.

Инфинитив используется также в составе синтаксических оборотов «um … zu + инфинитив», «ohne … zu + инфинитив» и «(an)statt … zu + инфинитив». В данных оборотах в нашем эмпирическом материале преимущественно встречался инфинитив I в активном залоге. Наибольшей регулярностью характеризуется оборот «um + zu + инфинитив». В большинстве случаев употребления данный оборот выполняет функцию обстоятельства. В единичных случаях он был зафиксирован в функции атрибута и в функции дополнения. Оборот «um + zu + инфинитив» выражает обычно семантику цели или следствия, в связи с этим инфинитив I в его составе эксплицирует относительное временное значение с л е д о в а н и я: *An der Stelle, an der ein Selbstmordattentäter am Montag einen Linienbus gesprengt hatte, legte Putin einen Strauß roter Rosen nieder. Minutenlang blieb der Präsident stehen,* ***um*** *mit Anwohnern z u s p r e c h e n und die brennenden Kerzen z u b e t r a c h t e n* [TAZ, S. 10].

Обороты «statt + zu + инфинитив» и «ohne + zu + инфинитив» обычно выполняют функцию обстоятельства образа действия, а форма инфинитива I выражает о д н о в р е м е н н о с т ь с действием основной предикации: *Anders als etwa beim Objektschutz verfügen die Securitys im öffentlichen Raum über keinerlei Hausrecht.* ***Statt*** *Platzverweise z u e r t e i l e n, dürfen sie nur darum bitten, einen Ort zu verlassen* <…> [Ibid., S. 21].

В научном тексте был зафиксирован единственный пример с инфинитивом II активом со значением предшествования по отношению к действию, выраженному личной формой глагола: ... *In (27b) drückt „versehentlich“ hingegen aus, dass er diese Entscheidungsfreiheit gerade nicht in Anspruch genommen hat; Peter hat geschmatzt,* ***ohne*** *die Entscheidung getroffen zu haben, das Schmatzen-Ereignis einleiten zu wollen* [Buscher, 2013, S. 148].

Инфинитив может иметь и так называемое независимое употребление — в составе инфинитивных предложений. Независимость инфинитива проявляется в том, что его использование не определяется личной формой глагола, поскольку данная форма в предложении отсутствует, как и частица *zu* перед инфинитивом. Основная функция инфинитивных предложений — побудить человека к выполнению определенного действия или, наоборот, склонить к отказу от действия. В работе Б. Хоффман такие инфинитивы именуются сигнальными (Signal-Infinitive) [Hoffmann, 2005]. Обычно это краткие сообщения в общественных местах, например табличка в парке*: Rasen nicht betreten!* Часть информации, которую реципиент может извлечь из ситуации, контекста или благодаря знаниям о мире, может в них отсутствовать. Отсутствие в предложении указания на адресата позволяет реципиенту сообщения мысленно соотносить его с разными императивными структурами в зависимости от возраста, социального статуса и других факторов, обусловливающих восприятие: *Einsteigen! = Steige ein! — Steigt ein! — Steigen Sie ein!*

Ввиду семантических особенностей независимый инфинитив был зафиксирован только в текстах прессы, преимущественно в речи от первого лица, для выражения совета, предупреждения, просьбы, рекомендации, пожелания, адресованных читателю или имеющих аутокоммуникативный характер, например: Nächstes Problem: *“Antibiotika. Bitte diesen Begriff unbedingt vermeiden. Auch wenn er in einer Frage verwendet wird, diesen nicht in der Antwort wiederholen”* [TAZ, S. 12].

Инфинитив в инфинитивных предложениях выражает побудительность в сочетании с семантикой будущего времени. Независимый инфинитив представлен в эмпирическом материале исключительно формами инфинитива I в активном залоге.

Наибольшие сочетательные возможности демонстрирует инфинитив в составе инфинитивных групп. Инфинитивные группы могут выполнять функции различных членов предложения, содержать как инфинитив с *zu*, так и без *zu*. Частотность использования инфинитивных групп в тех или иных синтаксических функциях показана в таблице (табл. 4).

Таблица 4

Синтаксические функции инфинитивных групп

Синтаксическая функция	**ПД**	**НД**
подлежащее	31 (14,9 %)	16 (9,9 %)
именная часть сказуемого	9 (4,3 %)	2 (1,2 %)
часть составного глагольного сказуемого	10 (4,8 %)	28(17,3 %)
дополнение	91 (43,8 %)	66 (40,7 %)
определение	53 (25,5 %)	46 (28,4 %)
обстоятельство	14 (6,7 %)	4 (2,5 %)
всего	208 (100 %)	162 (100 %)

Степень распространенности инфинитивной группы может быть различной.

Минимальный объем представлен только формой инфинитива, ср.: инфинитивная группа в функции предикатива: *“Das Schwierigste für die Menschen ist, zu erkennen***,** *wem sie trauen können”, sagt Yasar* [Ibid., S. 05].

Распространенная инфинитивная группа встречается значительно чаще. Она показывает валентность инфинитивной формы глагола:

1. Инфинитивная группа в функции подлежащего: *Alle Zuwanderer in den lokalen Arbeitsmarkt zu integrieren, wird nicht möglich sein* [Ibid.].

2. Инфинитивная группа в функции обстоятельства: *Künstlerin und Projektraumleiterin Hester Oerlemans hat von Dezember 2013 bis Februar 2014 eine Reihe von KünstlerInnen eingeladen, jeweils ein Still oder eine Fotografie zu zeigen* [TAZ, S. 15].

3. Инфинитивная группа как часть составного глагольного сказуемого представлена в нашем материале глаголами *scheinen*, *bleiben*, *stehen*. Наибольшей частотностью в данной группе глаголов как в публицистическом, так и в научном дискурсе отличается *scheinen*: *Noch einmal darf Martin Schmitt vor einem großen Publikum springen. Der lange Abschied aus dem deutschen Eliteteam* ***scheint*** *nun endgültig vollzogen zu sein* [Ibid., S. 19].

4. Довольно распространенной является инфинитивная группа в функции определения, зависимая от существительного. В сопоставляемых дискурсах преобладают существительные с абстрактным значением (например, в обоих дискурсах *Idee, Versuch, Ziel, Absicht, Verfahren, Motiv, Grund, Möglichkeit*; в ПД: *Strategie, Aufgabe, Chance, Gefühl, Wunsch, Anspruch, Recht, Pflicht, Vorhaben; в НД: Tendenz, Fähigkeit, Begründung, Motivati-*

on, Eigenschaft, Gelegenheit, Funktion, Zustand, Entscheidung, Einstellung, Repräsentation): *74 Menschen an Bord des seit Weihnachten in der Antarktis festsitzenden Schiffes „Akademik Schokalskiy" müssen weiter auf Hilfe warten. Bisher scheiterten zwei* ***Versuche****, das Schiff mit Eisbrechern zu befreien* [Ibid., S. 02].

5. Частотными являются и инфинитивные группы в функции дополнения. Зафиксированы следующие глаголы, управляющие такими инфинитивными группами: в ПД и в НД — *aufhören, anfangen, auffordern, beginnen, sich bemühen, brauchen, drohen, (es) geben, (es) gehen, versuchen, verzichten*; в ПД — *aufrufen, anweisen, ankündigen, aufdrängen, anhalten, behaupten, bitten, beschließen, befehlen, beitragen, sich ertappen, sich entscheiden, fordern, glauben, helfen, lernen, meinen, schaffen, sehen, vermögen, vornehmen, verführen, versprechen, vorwerfen, wagen, werben, zwingen, zumuten*; в НД — *abhalten, beauftragen, bestehen (in), bevorzugen, bringen, dienen, hoffen, entscheiden, erlauben, ermöglichen, erwägen, leugnen, plädieren, schwören, sprechen (für, gegen), verdienen, sich verteidigen, vorschlagen*. В обоих дискурсах инфинитив чаще встречается после глаголов речемыслительной деятельности, отсылающих к источнику информации (автору или третьему лицу): *Der Bischof der evangelischen Nordkirche, Gerhard Ulrich, erinnerte an Opfer kriegerischer Gewalt in Syrien und im Südsudan. Er* ***rief*** *dazu* ***auf****, die Türen für Schutzsuchende in Deutschland weiter zu öffnen* [Ibid., S. 06].

В составе инфинитивных групп использовался преимущественно инфинитив I в активном залоге. Другие формы инфинитива — инфинитив I пассива процесса и инфинитив II в активном залоге — единичны.

Незначительное количество форм инфинитива II актива в обоих дискурсах объясняется тем, что они возможны только после глаголов в личной форме, способных сочетаться с ретроспективной семантикой предшествования. К таким глаголам относится, например, *scheinen*. Семантика и сочетательные способности глагола *scheinen* коррелируют с модальными глаголами при их эпистемическом употреблении в значении предположения: *Den Brief ließ er auf der Straße verteilen — wenige Tage vor den Kämpfen in Kinshasa. Irgendwer* ***scheint*** *ihn gehört zu haben* [Ibid., S. 02].

Инфинитив пассив относительно редок ввиду того, что далеко не каждый глагол может быть употреблен в пассивной форме. Кроме того, он имеет более сложное строение, чем инфинитив актива, и не допускает упоминания носителя действия, что естественным образом ограничивает его использование: *Der Punkt verdient es, als Merksatz* ***hervorgehoben zu werden*** (…) [Geuder, 2019, S. 204].

4. Выводы

Немецкий инфинитив характеризуется разнообразием форм, видов и функций. Полученные в ходе анализа данные позволяют утверждать, что он может выполнять в предложении синтаксическую функцию практически любого члена предложения. Инфинитив используется как часть простого глагольного сказуемого — в составе форм футура и кондиционалиса, часть составного глагольного сказуемого — после модальных глаголов, глагола *lassen*, *scheinen* и некоторых других, а также в составе конструкций «haben + zu + инфинитив» и «sein + zu + инфинитив». В инфинитивных оборотах и инфинитивных группах он встречается также в функциях подлежащего, предикатива, определения, дополнения, обстоятельства. В инфинитивных предложениях он формирует пусть и имплицитную, но независимую предикацию, синкретично выражая семантику побуждения и будущего времени. По частотности в обоих дискурсах наиболее значимым оказывается функционирование инфинитива как части глагольного сказуемого. Даже при использовании в именных функциях определения или дополнения инфинитив проявляет глагольные свойства — сохранение валентностных характеристик, выражение относительного временного значения, залоговых характеристик.

Преломление парадигматических характеристик инфинитива в публицистическом и научном дискурсе свидетельствует о ряде общих ограничений. В обоих дискурсах наиболее частотны формы инфинитива I актива. Формы инфинитива I пассива процесса менее частотны, но значительно более востребованы в научном тексте, чем в публицистическом. Остальные формы единичны. Тем не менее в публицистическом тексте репертуар форм более разнообразен, поскольку в нем встретились все шесть форм, в то время как в научном дискурсе не зафиксировано использование формы инфинитива II пассива состояния.

Научный дискурс обнаруживает определенные ограничения и в плане использования видов инфинитива. В нем, в отличие от публицистических текстов, не были употреблены инфинитив в эрзацфункции и независимый инфинитив. Данные виды инфинитива, по-видимому, более типичны для непосредственного общения, черты которого могут проявляться в публицистических текстах, но исключены в научных. Вместе с тем в научном дискурсе более востребованными оказались формы инфинитива после модальных глаголов, в составе конструкции «sein + zu + инфинитив», оборота «um + zu + инфинитив», а также формы кондиционалиса, определяющие такие черты научного текста, как отвлеченно-обобщенность, логичность и некатегоричность изложения. Наоборот, в публицистических текстах бо-

лее частотными были инфинитивные группы, многие из которых служат передаче в сжатой форме чужого сообщения. Такая способность инфинитивных групп оказалась менее востребованной в научном тексте. Остальные языковые структуры с инфинитивом приблизительно равночастотны в текстах сопоставляемых дискурсов.

Парадигматика инфинитива, его сочетательные возможности и синтаксические функции коррелируют с темпоральными и залоговыми характеристиками. Так, будучи компонентом аналитической формы футура или кондиционалиса, инфинитив не имеет самостоятельных временных характеристик (ни абсолютных, ни относительных). В составном глагольном сказуемом, в функциях дополнения, обстоятельства, предикатива, подлежащего и определения темпоральные значения инфинитива являются относительными, при этом инфинитив I выражает одновременность или следование, а инфинитив II — предшествование по отношению к действию с финитной формой глагола. При независимом употреблении инфинитив выражает абсолютное значение будущего времени.

В выражении залоговых отношений наблюдается значительный перевес форм инфинитива I актива. Второе по частотности место занимает инфинитив I пассива процесса. Формы инфинитива II актива и пассива процесса, а также инфинитива I и II пассива состояния единичны. Варьирование залоговых форм инфинитива возможно после модальных глаголов, в составе футура и кондиционалиса, в инфинитивных группах и инфинитивных оборотах. В остальных случаях наблюдаются ограничения в использовании тех или иных форм, обусловленные, как правило, семантикой структуры с инфинитивом. Так, в конструкциях «haben / sein + zu + инфинитив» залоговые отношения регулируются самой конструкцией, которая может иметь либо активное, либо пассивное значение. После глагола *lassen* и в инфинитивных предложениях, по-видимому, может использоваться только инфинитив в активном залоге.

В синтаксических функциях подлежащего, предикатива, определения, дополнения и обстоятельства инфинитив в инфинитивных группах и инфинитивных оборотах обычно сопоставим с личными формами глагола в главных или придаточных предложениях (например: *Er hat ihr versprochen* ***zu kommen*** *= Er hat ihr versprochen,* ***dass er zu ihr kommt***). Инфинитивные предложения, в свою очередь, соотносятся с простыми предложениями или с частями сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, выполняющих императивную функцию (*Aussteigen*! = *Steigen Sie aus*!). В сравнении с соответствующими структурами с личной формой сказуемого структуры с инфинитивом отвечают закону языковой экономии и характеризуются

большей информационной плотностью, что во многом способствует их востребованности в текстах публицистического и научного дискурсов.

Таким образом, можно заключить, что публицистический и научный дискурсы обнаруживают как сходства, так и различия в функционировании инфинитива. В то время как различия обусловлены основными отличительными чертами каждого дискурса, сходства указывают на то общее, что свойственно немецкому инфинитиву как таковому и отличает его от других языковых средств.

Источники и принятые сокращения

1. *Buscher F.* Im Spannungsfeld von Semantik und Pragmatik: Zur Bedeutungskonstitution von Einstellungsadverbialen / F. Buscher // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 2013. — № 32 (2). — S. 135—179.

2. *Bücker J.* Mit die schönsten und heitersten Stunden : System und Gebrauch der Partikelvorkommen von *mit* im gesprochenen Deutsch / J. Bücker // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 2012. — № 31. — S. 207—233.

3. *Geuder W.* Eine Art Wortart : Das Adverb im Deutschen / W. Geuder // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 2019. — № 38 (2). — S. 191—241.

4. *Lübbe A.* Aspekt, Temporalität und Argumentstruktur bei attributiven Partizipien des Deutschen / A. Lübbe, I. Rapp // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 2011. — № 30. — S. 259—299.

5. *Meibauer J.* Konzepte des Lügens / J. Meibauer // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 2015. — № 34 (2). — S. 175—-212.

6. TAZ — *Die Tageszeitung*. 02.01 2014.

Литература

1. *Боднарук Е. В.* Модальные глаголы : между модальностью, эвиденциальностью и темпоральностью (на материале современного немецкого языка) / Е. В. Боднарук // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2019. — № 59. — С. 19—34.

2. *Волкова И. В.* О статусе отглагольных имен в современном немецком языке / И. В. Волкова // Вестник МГОУ. Серия : Лингвистика. — 2015. — № 4. — С. 147—154.

3. *Ланских Ю. В.* Субстантивированный инфинитив как событийное имя (синхронно-диахроническое рассмотрение) / Ю. В. Ланских // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2019. — № 4. — С. 85—89.

4. *Панина И. А.* Семантика и функционирование конструкций с объектным инфинитивом : на материале немецкого и русского языков : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. А. Панина. — Челябинск, 2007. — 24 с.

5. *Садовникова И. Д.* Присубстантивный инфинитив в ранненовонемецком и современном немецком языке : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / И. Д. Садовникова. — Ленинград, 1986. — 25 с.

6. *Сметанина О. А.* Функции и значения инфинитивных структур в современном немецком языке : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / О. А. Сметанина. — Нижний Новгород, 2008. — 22 с.

7. *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. — Москва : Просвещение, 1986. — 336 с.

8. *Brandt P.* Sprachwissenschaft / P. Brandt, R.-A. Dietrich, G. Schön. — Köln : Böhlau Verlag, 2006. — 329 S.

9. *Dovalil V.* Morphosyntaktische Variation in Verbalkomplexen des Verbs *lassen* und der Modalverben im Infinitiv II. Eine Analyse aus der Perspektive von Zentrum und Peripherie / V. Dovalil // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — 2018. — Bd. 46. — H. 1. — S. 102—134.

10. *Duden.* Die Grammatik / Dudenredaktion. — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 2006. — 1343 S.

11. *Eisenberg P.* Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz / P. Eisenberg. — Stuttgart, Weimar : J. B. Metzler, 2006. — 564 S.

12. *Eroms H-W.* Syntax der deutschen Sprache / H.-W. Eroms. — Berlin, New York : W. de Gruyter, 2000. — 510 S.

13. *Fabricius-Hansen C.* Tempus / C. Fabricius-Hansen // Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / Hrsg. : A. von Stechow, D. Wunderlich. — Berlin, New York : De Gruyter, 1991. — S. 722—748.

14. *Gelhaus H.* Der modale Infinitiv / H. Gelhaus. — Tübingen : Narr, 1977. — 421 S.

15. *Hoffmann B.* Signal-Infinitive / B. Hoffmann // Der Infinitiv im Deutschen / Hrsg. : J.-F. Marillier, C. Rozier. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2005. — S. 195—208.

16. *Hoffmann L.* Deutsche Grammatik / L. Hoffmann. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2016. — 647 S.

17. *Holl D.* Modale Infinitive und dispositionelle Modalität im Deutschen / D. Holl. — Berlin : Akademie Verlag, 2010. — 202 S.

18. *Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache / W. Jung. — Санкт-Петербург : Лань, 1996. — 544 с.

19. *Marschall G. R.* Die nominale Seite des Infinitivs : Bemerkungen zu einer hybriden Form / G. R. Marschall // Der Infinitiv im Deutschen / Hrsg. : J.-F. Marillier, C. Rozier. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2005. — S. 21—30.

20. *Metzler-Lexikon Sprache* / Hrsg. : H. Glück. — Stuttgart, Weimar : Metzler, 2000. — 817 S.

21. *Poitou J.* Zum Status des Infinitivs (reiner Infinitiv und zu-Infinitiv) / J. Poitou // Der Infinitiv im Deutschen / Hrsg. : J.-F. Marillier, C. Rozier. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2005. — S. 31—46.

22. *Sabel J.* Infinitivische Frage- und Relativsätze im Deutschen und in anderen europäischen Sprachen / J. Sabel // Der Infinitiv im Deutschen / Hrsg. : J.-F. Marillier, C. Rozier. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2005. — S. 83—102.

23. *Speyer A.* Deutsche Sprachgeschichte / A. Speyer. — Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 2010. — 128 S.

Paradigmatics and Functioning of German Infinitive (Scientific and Journalistic Texts)

© Elena V. Bodnaruk (2021), orcid.org/0000-0003-4405-4513, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia), e.bodnaruk@narfu.ru.

A complex characteristic of the structural and functional features of the infinitive in the texts of the German journalistic and scientific discourses is presented. The novelty of the research lies in the fact that it reveals the ratio of the infinitive forms presented in these discourses (infinitives I and II in the active and passive voice). The dependence of the use of forms on the semantics of the type of infinitive is considered. Particular attention is paid to the description of the syntactic functions in which the infinitive is used, to the identification of the most demanded of them. The correlation of syntactic functions with the temporal characteristics of the infinitive is determined. The relevance of the study is due to the use of a comparative discursive approach for the analysis of the infinitive. It is noted that the functioning of the infinitive in publicistic and scientific discourse reveals both similarities and differences. The author concludes that the differences in the use of the infinitive are due to the main differential features of journalistic and scientific texts, while the similarities indicate the common features that are characteristic of the German infinitive as a whole and distinguish it from other linguistic phenomena.

Key words: German; scientific and journalistic discourse; forms and types of infinitive; temporal and collateral characteristics; syntactic functions.

Material resources

Buscher, F. (2013). Im Spannungsfeld von Semantik und Pragmatik: Zur Bedeutungskonstitution von Einstellungsadverbialen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 32 (2):* 135—179. (In Germ.).

Bücker, J. (2012). Mit die schönsten und heitersten Stunden: System und Gebrauch der Partikelvorkommen von mit im gesprochenen Deutsch. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 31:* 207—233. (In Germ.).

Geuder, W. (2019). Eine Art Wortart: Das Adverb im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 38 (2):* 191—241. (In Germ.).

Lübbe, A., Rapp, I. (2011). Aspekt, Temporalität und Argumentstruktur bei attributiven Partizipien des Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 30:* 259—299. (In Germ.).

Meibauer, J. (2015). Konzepte des Lügens. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 34 (2):* 175—–212. (In Germ.).

TAZ — *Die Tageszeitung.* 02.01 2014. (In Germ.).

References

Admoni, W. (1986). *Der deutsche Sprachbau.* Moskva: Prosveshcheniye. 336 p.

Bodnaruk, E. V. (2019). Modalnyye glagoly: mezhdu modalnostyu, evidentsialnostyu i temporalnostyu (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [Modal verbs: between modality, evidentiality and temporality (based on the material of the modern German language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]*, 59:* 19—34. (In Russ.).

Brandt, P., Dietrich, R.-A., Schön, G. (2006). *Sprachwissenschaft.* Köln: Böhlau Verlag. 329 S. (In Germ.).

Dovalil, V. (2018). Morphosyntaktische Variation in Verbalkomplexen des Verbs lassen und der Modalverben im Infinitiv II. Eine Analyse aus der Perspektive von Zentrum und Peripherie. *Zeitschrift für germanistische Linguistik, 46 (1):* 102—134. (In Germ.).

Duden. Die Grammatik (2006). Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag. 1343 S. (In Germ.).

Eisenberg, P. (2006). *Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz.* Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler. 564 S. (In Germ.).

Eroms, H-W. (2000). *Syntax der deutschen Sprache.* Berlin, New York: W. de Gruyter. 510 S. (In Germ.).

Fabricius-Hansen, C. (1991). Tempus. In: *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung.* Berlin, New York: De Gruyter. 722—748. (In Germ.).

Gelhaus, H. (1977). *Der modale Infinitiv.* Tübingen: Narr. 421 S. (In Germ.).

Hoffmann, B. (2005). Signal-Infinitive. In: *Der Infinitiv im Deutschen.* Tübingen: Stauffenburg Verlag. 195—208. (In Germ.).

Hoffmann, L. (2016). *Deutsche Grammatik.* Berlin: Erich Schmidt Verlag. 647 S. (In Germ.).

Holl, D. (2010). *Modale Infinitive und dispositionelle Modalität im Deutschen.* Berlin: Akademie Verlag. 202 S. (In Germ.).

Jung, W. (1996). *Grammatik der deutschen Sprache.* Sankt-Peterburg: Lan'. 544 p. (In Germ.).

Lanskikh, Yu. V. (2019). Substantivirovannyy infinitiv kak sobytiynoye imya (sinkhronno-diakhronicheskoye rassmotreniye) [Substantive infinitive as an event name (synchronous-diachronic consideration)]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»* [Vestnik TvSU. Series "Philology"]*, 4:* 85—89. (In Russ.).

Marschall, G. R. (2005). Die nominale Seite des Infinitivs: Bemerkungen zu einer hybriden Form. In: *Der Infinitiv im Deutschen.* Tübingen: Stauffenburg Verlag. 21—30. (In Germ.).

Metzler-Lexikon Sprache. (2000). Stuttgart, Weimar: Metzler. 817 S. (In Germ.).

Panina, I. A. (2007). *Semantika i funktsionirovaniye konstruktsiy s obyektnym infinitivom: na materiale nemetskogo i russkogo yazykov.* Author's abstract of PhD Diss. [Semantics and functioning of constructions with an object infinitive: on the material of the German and Russian languages. Author's abstract of PhD Diss.]. Chelyabinsk. 24 p. (In Russ.).

Poitou, J. (2005). Zum Status des Infinitivs (reiner Infinitiv und zu-Infinitiv). In: *Der Infinitiv im Deutschen.* Tübingen: Stauffenburg Verlag. 31—46. (In Germ.).

Sabel, J. (2005). Infinitivische Frage- und Relativsätze im Deutschen und in anderen europäischen Sprachen. In: *Der Infinitiv im Deutschen.* Tübingen: Stauffenburg Verlag. 83—102. (In Germ.).

Sadovnikova, I. D. (1986). *Prisubstantivnyy infinitiv v rannenovonemetskom i sovremennom nemetskom yazyke.* Author's abstract of PhD Diss. [Prisubstantiative infinitive in Early German and modern German. Author's abstract of PhD Diss.]. Leningrad. 25 p. (In Russ.).

Smetanina, O. A. (2008). *Funktsii i znacheniya infinitivnykh struktur v sovremennom nemetskom yazyke.* Author's abstract of PhD Diss. [Functions and meanings of infinitive structures in the modern German language. Author's abstract of PhD Diss.]. Nizhniy Novgorod. 22 p. (In Russ.).

Speyer, A. (2010). *Deutsche Sprachgeschichte.* Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht. 128 S. (In Germ.).

Volkova, I. V. (2015). O statuse otglagolnykh imen v sovremennom nemetskom yazyke [On the status of verbal names in the modern German language]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State University. Series: Linguistics]*, 4:* 147—154. (In Russ.).

Горбань О. А. Учетные документы Войска Донского в XVIII веке : содержание и структура текстов / О. А. Горбань // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 28—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-28-47.

Gorban, O. A. (2021). Registration Documents of the Don Army in the 18th Century: Content and Structure of Texts. *Nauchnyi dialog, 2:* 28-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-28-47. (In Russ.).

УДК 811.161.1’42-112
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-28-47

Учетные документы Войска Донского в XVIII веке: содержание и структура текстов[1]

© Горбань Оксана Анатольевна (2021), orcid.org/0000-0002-2345-3673, ResearcherID I-1032-2013, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия), oa_gorban@volsu.ru.

Статья посвящена анализу содержания и речевой организации текстов учетно-отчетных документов XVIII века канцелярий Войска Донского фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области. Актуальность исследования определяется решением задач создания аннотированного лингвистического корпуса документов. Рассмотрены списки, росписи, реестры, описи, ведомости, записки с точки зрения таких жанровых параметров, как название, адресант, адресат, дата и место создания документа. Выделены речевые маркеры, эксплицирующие эти параметры и организующие текст. Выявлены сходства и различия документов разных жанров. Показано, что композиция текстов имеет двух- или трехчастную структуру; в одних документах она варьируется, в других постоянна; варьируется также наличие даты, указание на адресанта. Сведения о перечисляемых объектах в документах одного жанра передаются более или менее подробно, систематизированно или нет, в текстовой или табличной формах. При вариативности текстов отмечена тенденция к стандартизации текстов одного жанра и дифференциации разных жанров. Рассмотренные параметры позволяют установить жанровую принадлежность документов без самоназвания и могут быть использованы для автоматизированной метаразметки текстов.

Ключевые слова: история русского языка; региональная деловая письменность; параметры документного жанра; учетные документы.

1. Введение

Региональная деловая письменность XVII—XIX веков в настоящее время является объектом активного исследования учеными в разных научных и образовательных центрах России. Только за последние полтора —

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00246.

два десятилетия появилось значительное число трудов, посвященных палеографическому, документоведческому, филологическому описанию севернорусских, астраханских, уральских, забайкальских, тюменских, тобольских и других архивных источников, например: [Биктимирова, 2015; Выхрыстюк и др., 2012; Майоров, 2006; Русанова, 2019; Скоропись …, 2008; Трофимова, 2002; Файзуллина и др., 2020 и др.]. Исследовательские вопросы решаются как в традиционных аспектах исторической русистики, так и с позиций новых научных направлений.

Одной из проблем изучения истории языка по памятникам деловой письменности является проблема их доступности для широкого круга исследователей, которая решается в первую очередь путем научных публикаций архивных документов. Развитие информационных технологий расширяет возможности и выдвигает новые задачи исследований, в частности, в рамках корпусной лингвистики. Вопросы корпусных исследований и создания корпусов, в том числе деловых документов, раскрываются в многочисленных публикациях, обсуждаются на международных конференциях (см., например [Ковалых, 2011; Мишанкина, 2014; Перцов, 2006; El'Manuscript …, 2016; Mustajoki, 2006; и др.]).

Предлагаемая статья отражает результаты исследования, осуществляемого в рамках научного проекта, целью которого является создание аннотированного корпуса деловых документов Войска Донского XVIII—XIX веков. Основой корпуса является фонд Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области (ГАВО). В задачи проекта входит метаразметка и морфологическая разметка документов.

К важнейшим элементам метаописания относится жанр / вид документа, от которого зависит целый ряд характеристик. Для обозначения класса документов с общими формально-содержательными признаками мы используем принятый в филологических исследованиях термин *жанр документа* (см.: [Качалкин, 1988, ч. 2, с. 19—22]), которому в документоведении, археографии, историческом источниковедении соответствуют термины *вид / разновидность документа*. Участниками проекта разработаны параметры, по которым возможно описание документов и их аннотирование в корпусе, и с этих позиций осуществлена параметризация текстов, содержащих самоназвание документов. Это такие жанровые параметры, как адресат, адресант, функция, модальность, характер передаваемой информации, структура текста, пространственная и временная локализация; с их учетом описаны войсковые грамоты, доношения, рапорты, паспорта, промемории, сообщения, известия, сказки [Горбань и др., 2016; Горбань, 2019; Косова, 2019; Косова, 2020; Шептухина, 2019; Cossack …, 2017 и

др.]. Из указанных жанровых признаков для метаразметки текстов в корпусе актуальны адресат, адресант, место и время создания документа, а также наименование самого жанра, сведения о подлинности, достоверности, представленные часто в документных текстах реквизитами и эксплицированные определенными речевыми оборотами. Эти устойчивые формулы являются своего рода маркерами выделенных параметров, а зачастую и в целом жанра. Выявление и систематизация таких речевых маркеров, с использованием их в соответствующих программных средствах обработки текстов, позволят в той или иной степени автоматизировать процесс метаразметки текстов. Кроме того, они могут быть использованы для жанровой идентификации документов, не имеющих самоназвания.

2. Учетные перечневые документы в делопроизводстве Войска Донского

В данной статье с названных позиций анализируются учетные документы изучаемого архивного фонда, включающие в себя перечни лиц, вещей и др. (перечневые документы), — списки, росписи, реестры, описи, ведомости, записки, а также источники подобного рода без самоназвания. Дается характеристика реализации в них жанровых параметров, вычленяются соответствующие речевые маркеры, устанавливаются сходство и различия между документами с точки зрения их структуры (формуляра, композиции) и содержания (передаваемой информации, перечисляемых объектов и т. д.) для представления их в корпусе в соответствии с метаразметкой. В ряде случаев для сопоставления привлекаются источники, происходящие из канцелярий Войска Донского, хранящиеся в других архивах; они позволяют оценить документы фонда в контексте войсковой документной системы.

Наименованиям документов придается большое значение, поскольку, как справедливо отмечает А. Н. Качалкин, наличие самоназваний и выделение их в самостоятельный реквизит свидетельствует о состоянии документной системы, а само «название документа в концентрированном виде передает тип модальности», раскрывающейся в отношении между содержательной и оформляющей сторонами текста [Качалкин, 1988, с. 25—27, 54].

2.1. Списки

Слово *список* отмечается словарями XVIII—XIX веков в нескольких значениях, одно из которых — ‘роспись’, то есть перечень [САР, т. 4, стб. 851], ‘роспись или опись, исчисленье, поименованье чего-либо’ [Даль, 1999, т. 4, с. 291]. Как наименование письменного документа оно фиксируется с XIV века и сохраняется в современном русском языке. В приказ-

ном делопроизводстве слово широко использовалось с многочисленными определениями в качестве названия разновидностей списка [Качалкин, 1988, с. 35, 37—40, 42]. Это позволяет судить о достаточно длительной традиции функционирования списка как документа с устоявшимся названием. Список мог включать перечень лиц, документов, денег, разнообразных вещей: *Список ученикам, работникам* [САР, т. 4, стб. 851]; *Список припасам. Именной список служащим* [Даль, 1999, т. 4, с. 291].

В изучаемом фонде хранятся списки почт и находящихся на них казаков, почтовых станций Астраханского тракта, хуторов Михайловской станицы, явочных прошений о побеге крестьян и др. Однако подавляющее большинство документов с самоназванием «список» представляют собой так называемые именные списки, содержащие перечни лиц (личных имен). Это обусловлено особенностями организации социальной жизни и службы донских казаков.

С конца XVII века, когда Войско присягнуло на верность московскому государю, были составлены книга со списками присягнувших и вторая книга (в самом Войске) — для записи лиц, принимаемых в казаки. После этого в станицах регулярно велись и подавались в высшие инстанции списки «действительных», или «служилых», казаков, представлявших основной, списочный, состав Войска. Включение того или иного лица в «казачьи списки» означало его законное положение в Войске, наличие у него всей полноты прав и обязанностей казака. С этим связано большое количество документов изучаемого фонда, отражающих следственные дела о принадлежности к казакам по поводу розыска беглых; в них мы встречаем и соответствующее употребление термина *список*, например: *и ныне оные Смешкины в казачьих* ***спискахъ*** *написаны л(ь) и где в службе имянно бывали* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 1, л. 3 об.]; *оные беглецы из ыменного нашего* ***списку*** *выключены были* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 3 об.—4] (здесь и далее тексты источников воспроизводятся с заменой вышедших из употребления букв современными, отделением предлогов и частиц от знаменательного слова, использованием прописных букв в именах собственных, написанием выносных букв в строке, полной записью слов под титлом). Кроме того, периодически осуществлялась перепись «малолетков», то есть юношей, готовящихся к действительной службе, составлялись списки казаков, наряженных в поход, уволенных со службы, получивших расчет, представленных к награде и т. д., так называемых сказочных казаков (живших легально в станицах, но не входящих в основной состав Войска лиц, о которых станицами должны были подаваться сказки), кандидатов к зачислению в казаки и др.

Обращение к войсковым спискам из разных архивов показывает, что они имели схожую композицию: заголовок, собственно перечень, заключительная часть. Композиция определялась формуляром документов, хотя набор и последовательность реквизитов варьировались и менялись со временем. Рассмотрим текстовую структуру и формуляр списка.

Заголовок включает 1) самоназвание *список именной* и 2) нарицательное имя существительное, субстантивированное прилагательное в форме дат. пад. мн. ч., если называет лиц по их воинскому чину, статусу (*казакам*, *есаулам*, *старшинам*, *малолеткам*, *сказочным* и др.), и редко в форме ед. ч., если обозначает совокупность лиц (*станице* = «казакам станицы», *полку*). Существительное имеет при себе определение (причастный оборот, придаточное определительное предложение, прилагательное с зависимыми словами или без них, зависимые падежные именные формы), конкретизирующее характеристику данной группы лиц по тому или иному их действию, состоянию, принадлежности населенным пунктам, подразделениям и т. д. Например: ***Список*** *имянной обретавшимся при войсковом атамане Степане Ефремове старшинам и казакам* [РГВИА, ф. 13, оп. 1/107, св. 89, д. 3, л. 29]; ***Список*** *именной разных рек и станиц* ***казакам****, которых надлежит из станиц на Миюс отправить о дву конь* [РГВИА, ф. 13, оп. 1/107, св. 115, ч. 2, л. 509 об.] [Служба …, 2019, с. 181, 184]).

За заголовком может следовать оборот, который вводит дальнейшее перечисление, выполняя в тексте связочную функцию: *а кто (они) имяны* / *оные* / *именно* / *таковые* (варианты: *а кто … и которых станиц*; *а кто … и при каком оружии*) *значит под сим* (вариант: *ниже сего явствуют*), либо вводное слово *а именно*, которое часто пишется отдельно посередине строки. В документах второй половины XVIII века чаще всего после заголовка или связочного оборота, если он есть, указывается дата составления документа. Например: *Списакъ имянои Михаиловскои станицы в проследование Воладимирскаго пехотнаго полку у кого не бало на квартере того полку постоялцев … и кто оные имено о том зачит* <так!> *под сим сентября 18го дня 1783 году* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 80, л. 53]. К концу XVIII века относительно устойчивой становится следующая развернутая с некоторыми вариациями речевых формул структура вводной части текста, предшествующей перечислению: *список именной* + дат. пад. мн. ч. с определением + *а кто … значит под сим* + дата + *а именно*.

Основная часть документа, а именно сам перечень, может быть построена по-разному и содержать различные сведения той или иной степени полноты. Общим является то, что перечисляемые имена даются в столбце одно под другим, каждое с новой строки от левого поля листа.

Это может быть простое, несистематизированное перечисление имен (как правило, в небольших списках); в таких случаях имена часто приводятся в двух столбцах, если позволяет ширина листа бумаги. Называние имен может сопровождаться сведениями о лице (количество снаряжения, члены семей, сумма полученных денег, состояние здоровья как причина увольнения и т. д.), которые пишутся справа напротив имени.

Перечень имен часто систематизирован по станицам, сотням, чинам и др.; при этом названия станиц, фамилии сотников, наименования чинов пишутся как заголовки на отдельных строках посередине, а напротив имен могут даваться или не даваться необходимые сведения о лицах, например:

Сотника Храпова

Егоръ Куроплин получена 50 ко(пеек) Абрамом Лащилиным

Василеи Сластунов отдал

Гуръ Казловцов

[ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 80, л. 53].

Объемные списки казаков могут приводиться в таблицах. Имена в них не систематизированы либо сгруппированы также по станицам и т. д., а необходимые сведения о лицах распределены по графам; под каждой группой и в конце списка указывается количество человек после слов *итого* и *всего*. Число граф в таблице зависит от характера и объема требуемой информации. Это могут быть название станицы и имя, возраст, чин, время вступления в службу, а также информация о том, когда и как долго был в походах, «грамоте читать и писать умеет ли», женат или холост и др.

Списки могут прилагаться к доношениям и рапортам, в которых содержится указание на прилагаемый список и его содержание.

После перечня имен в ***заключительной части*** чаще всего указывается количество перечисленных лиц после слов *итого* или *всего* (если имена распределены по группам, то в каждой группе дается количество лиц после слова *итого*, а общее число — после *всего*), но заключительных речевых формул может не быть. Документы второй половины XVIII века содержат в заключительной части подпись должностного лица / лиц с указанием чина и имени либо станичную печать. Наличие печати подтверждается речевой формулой в вариантах: у *сего(именного) списка (во верность) наша (нашей станицы) (станищная) печать*; *а к сему списку приложена наша станищная печать*.

Таким образом, для документов, имеющих самоназвание «список», характерна двух- или трехчастная структура (заголовок и текст=перечень; заголовок, текст=перечень и заверительная часть) и такие реквизиты, как название документа (в заголовке), заголовок, дата (после заголовка, может отсутствовать), подпись / печать (в заверительной части, могут отсутство-

вать). Список может содержать перечень лиц и вещей. Для изучаемого материала особенно актуальны именные списки, которые могут представлять собой простое перечисление имен либо перечень имен, распределенных по группам, дополненных или не дополненных сведениями о называемом лице. Адресат в документах не выражен. Адресант и место составления списка не представлены в реквизитах, кроме подписи, если она имеется. О них можно судить по косвенным указаниям в тексте.

К спискам можно отнести некоторые документы без самоназвания, содержащие простой перечень имен с некоторыми дополнительными сведениями. Например, документ двухчастной структуры с заголовком: *1750 году июля 28 следствия станищнаго атомана Онтона Неменкова и станицы казаковъ о недас(та)тку*; далее на отдельных строках называются имена и указывается сумма недостатка либо написаны только имена [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 10—10 об.].

2.2. Росписи

Академические словари XVIII—XIX веков отмечают у слова *роспись* единственное значение — ‘письменное показание вещей’ [САР, т. 4, стб. 850]; В. И. Даль определяет его как ‘перечет на письме вещей, денег и назначенья их; перечневое распределенье людей или предметов и пр.’ [Даль, 1999, т. 4, с. 67]. Существительное образовано от глагола *расписывать* / *расписать* в значении ‘распределять письменно’ [Там же]. Можно предположить, что *роспись* — не простое письменное перечисление предметов, но их описание и распределение, систематизация по каким-либо признакам.

И существительное, и производящий глагол полисемичны, однако древнейшая письменная фиксация слова *роспись* наблюдается именно в значении наименования документа и относится к XIV веку [СРЯ XI—XVII, вып. 22, с. 216]. В современном русском языке данное значение помечается как устаревшее и в современных официально-деловых текстах иногда встречается в словосочетании *бюджетная роспись* (роспись доходов и расходов).

Роспись в качестве перечневого документа активно употреблялась наряду со списком в приказном делопроизводстве XVI—XVII веков для перечисления вещей, денег, документов, могла представлять собой списочный состав служилых людей, смету и т. д., она характеризуется как очень емкий и потому устойчивый жанр [Качалкин, 1988, с. 73—74]. По данным А. Н. Качалкина, разновидности этих двух документов во многом совпадают, что позволяет судить о росписи и списке как об очень близких жанрах с целым рядом общих признаков [Там же, с. 21, 30, 35, 37, 43, 45, 76]; не случайно и в лексикографических справочниках слова толкуются одно через другое как синонимы.

Среди документов Войска Донского росписи по количеству значительно уступают спискам. В нашем материале отмечены единичные документы с таким названием, которые содержат перечни лиц и вещей. Они могут прилагаться к рапортам и доношениям.

Имеющиеся документы по структуре являются двухчастными и состоят из заголовка и основного текста=перечня.

Заголовок содержит 1) самоназвание и 2) предложение с местоимением *кто* либо *что*, раскрывающее характер перечисляемых объектов, однако, в отличие от списка, форма дат. пад. существительного, обобщенно называющего эти объекты, после названия отсутствует. Иными словами, вместо прямой номинации класса перечисляемых объектов используется описательная конструкция. За заголовком следует связочная формула о *том значит ниже*, о *том явствует ниже сего* и под. После названия может быть указано имя составителя документа или лица, от имени которого он составляется, в род. пад.: *Роспис(ь) Савеля Моргунова что забрано из лавки за котором атаманством и какова товару и куды о том явствует ниже сего* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 12, л. 6]. Таким образом, начальная часть документа имеет следующую структуру: *роспись* (+ род. пад.) + *кто*/*что* … (*какой … куда* и т. д.) + о *том значит* / *явствует ниже* (*сего*).

Основной текст представляет собой перечисление имен, вещей, сгруппированных по тому или иному признаку (по станицам, чинам, по годам и т. д.), дополненное более или менее подробными сведениями о них: называнием только чина; указанием того, кем взят товар, его количества, стоимости и др. В имеющихся источниках простые, несистематизированные перечни без описания не отмечены.

Заключительная часть с соответствующими реквизитами и реквизит «дата составления документа» отсутствуют (датированным может быть сопроводительный документ, к которому прилагается роспись).

Адресат в текстах не представлен. В роли адресанта может выступать составитель, либо адресант подразумевается (станица, атаман и казаки станицы). Место создания документа не называется, оно также может подразумеваться.

Как видим, по содержанию и форме роспись имеет общее со списком. Нами отмечено меньшее разнообразие вариантов, однако это может объясняться небольшим объемом имеющегося в архиве материала.

2.3. Реестры

Слово *реестр* ‘список, перечень, роспись’ впервые зафиксировано в документе 1570 года, связанном с отношениями Московского и Польско-Литовского государств [СРЯ XI—XVII, вып. 22, с. 133]. Термин начал

активно использоваться в петровскую эпоху и вошел в академические словари XVIII—XIX веков в значении ‘роспись’ [САР, т. 5, стб. 112], то есть слова *реестр* и *роспись* синонимичны. Однако в приказном делопроизводстве точного совпадения между соответствующими документами не было, в частности, исследователями в росписи отмечается более подробное описание вещей, дел, чем в реестре [Качалкин, 1988, с. 76].

Реестры канцелярий Войска Донского могли содержать перечни людей, вещей, дел. Так, в войсковой грамоте от 14 октября 1753 года говорится о реестре «вещей и пожитков» [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 9, л. 34, 34 об.]. Однако чаще всего в них представлены списки казаков. Реестры могли прилагаться к другим документам, в которых есть соответствующая ссылка, например: о *том для сведения вашего прилогаю у сего* ***реестръ*** [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 80, л. 81 об.].

Тексты реестров имеют двух- или трехчастную структуру: заголовок и перечень; заголовок, перечень и заключение.

Заголовок обычно включает в себя 1) самоназвание документа и 2) существительное, субстантивированное прилагательное, причастие в форме дат. пад. мн. ч., обобщенно называющие перечисляемых лиц (*казакам*, *бурлакам*, *невыросткам*, *командированным* и др.), а также распространенное определение (причастный оборот, придаточное предложение), характеризующее этих лиц. Иногда такое определение отсутствует, иногда опускается форма дат. пад., например: *Реэстръ невыросткам козачьим детям* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 4 об.]; *Реэстръ сколко с нижеписанных станицъ казаков наредить надлежитъ* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 79, л. 58].

За заголовком во многих документах следует вводящий перечисление устойчивый оборот *(а кто именно) о том значит ниже*; после него может указываться дата составления реестра (если реестр прилагается к другому документу, датируется тот, основной, документ), а за ней располагается еще один вводный оборот *(а) именно*. Таким образом, полный вариант структуры вводной части документа следующий: *Реестр* + дат. пад. мн. ч. с определением + *(а кто именно) о том значит ниже* + дата + *а именно*. Например: *Реэстръ нашеи Михаиловскои станицы козакамъ которые ко отстав[к]е отчисленны. а кто именны о томъ значитъ ниже 1750 году марта 18 дня а именно* … [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 1].

Основная часть документа, то есть собственно перечень, может быть организована по-разному. Это часто простое, несистематизированное перечисление имен без указания дополнительных сведений о называемых лицах. Имена в ряде случаев сгруппированы по станицам, войсковым подразделениям (корпусам, сотням и под.), чинам и т. д. Иногда напротив

имени приводятся такие сведения, как сумма полученного жалованья, занятость по службе и др.

Заключительная часть, если она есть, как правило, содержит итоговые сведения о количестве названных лиц и включает слова *итого*, *всего* с указанием количества. Адресант, адресат, место составления документа не указываются. Адресант и место создания могут быть определены косвенно через название станицы в тексте или заголовке, а также указаны в документе, к которому реестр прилагается.

Материал показал, что реестры по форме и содержанию сближаются со списками и росписями, хотя в основном характеризуются большей краткостью представляемой в перечнях информации по сравнению с названными документами. Речевая структура заголовка именного реестра, при наличии вариантов, практически полностью совпадает с таковой в именных списках. Из реквизитов отмечены название документа и дата (в заголовке).

2.4. Описи

Многозначное слово *опись* в качестве наименования документа определяется словарями XVIII—XIX веков как ‘подробная роспись чему, с изъяснением качества, доброты, цены и проч.’ [САР, т. 4, стб. 842], современными лексикографическими справочниками — как ‘список, перечень чего-л., составленный с целью учета, опись’ [СРЯ XI—XVII, вып. 13, с. 18], ‘список, письменный перечень, реестр’ [СРЯ XVIII, вып. 17, с. 20], то есть слово толкуется через *список*, *роспись, реестр* с уточнением *подробный*.

Немногочисленные описи в изучаемом архиве содержат перечни вещей — имущества, принятых товаров, документов. Тексты имеют трехчастную композицию: заголовок, перечень и заключительная часть.

Заголовок включает в себя 1) самоназвание, 2) имя владельца имущества, товара и др. в род. пад. и 3) общее указание на перечисляемые далее вещи (выражено существительными в род. пад., придаточным предложением). После заголовка используется связочная формула, вводящая дальнейший перечень: о *томъ значитъ*; *значитъ под симъ*; может также употребляться вводное *а именно*. Иногда заголовок после самоназвания включает дату составления документа. Например: *Опись Острагожска купца Фелипа Григорьева сына Боранникова сколко от прикащика ево Якова Климова принето горячего вина значит под сим*… [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 78, л. 4 об.]; *Опись 1783го года августа 17го дня реки Медведицы Глазуновской станицы умершаго команды моеи казака Сергея Сырина; оставшего ево лошадеи и разнаго екипажа о том значитъ а именно* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 80, л. 29 об.].

Собственно, перечень в ***основной части*** описи представляет собой перечисление вещей (нумерованное или нет) с дополнительными сведениями о количестве, цвете, размере, состоянии, о лицах, которым продано, вырученной сумме и т. д. Эта часть текста может иметь более или менее сложную организацию, в частности, включать несколько групп описываемых вещей, которые графически могут быть отделены друг от друга отступами.

Заключительная часть носит удостоверительный характер и имеет варианты. Так, при описании полученного товара указано его общее количество после *итого*, а затем следуют заверительная формула о наличии свидетелей и их имена: *и они свидетели были города Острагожска воисковые жители* [имена] [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 78, л. 4 об.], один из свидетелей здесь написал свое имя собственноручно. Для заверения могут быть поставлены подписи должностных лиц, например, полкового есаула, полкового писаря. В конце документа может быть обозначена дата его составления.

Итак, опись состоит из трех частей, в которых выделяются следующие реквизиты: название документа, имена или подписи свидетелей, составителей документа, дата. Адресат не представлен, на место составления документа могут быть косвенные указания. Речевая структура заголовочной части содержательно и грамматически отличается от других перечневых документов, но в то же время сходна с ними связочными устойчивыми оборотами.

2.5. Ведомости

Слово *ведомость* известно по памятникам письменности с конца XIV века. С XVII века оно широко употребляется для наименования любого письменного сообщения, уведомления и для наименования делового документа, содержащего сведения в виде списка, росписи [СРЯ XI—XVII, вып. 2, с. 48]. Эти значения сохраняются и в XVIII—XIX веках. Как документ ведомость — это ‘перечень или краткое начертание известного рода дел или вещей, подаваемое начальникам’ [САР, т. 1, стб. 971], ‘список, сводка каких-л. сведений’ [СРЯ XVIII, вып. 2, с. 243], ‘роспись на бумаге, сведение в графах и цифрах; оглавление; именной список чего-либо’ [Даль, 1999, т. 1, с. 329], ‘краткое показание о числе или количестве чего-либо’ [СЦСРЯ, т. 1, с. 245]. Как видим, для документов XVIII века не уточняется такой элемент содержания ведомости, как выраженные в цифрах количественные данные, хотя они, безусловно, могут в ней быть. Изучаемые архивные источники середины XVIII века это подтверждают.

По содержанию ведомости войсковых канцелярий представляют собой перечни лиц (состоящих на службе, потерпевших убытки и др.) с необходимыми сведениями о них, вещей (купленных продуктов, документов

и т. д.), денежных сумм. Это могут быть также общие данные, без указания имен, о количестве казаков по станицам, занятых на различных службах, количестве казаков разных чинов и т. д. Ведомости являлись исходящими документами, то есть направлялись из войсковой или станичной канцелярии в другие инстанции.

Ведомости имеют, как правило, трехчастную композицию: заголовок, основную часть (перечень со сведениями) и заключение. Заключительная часть может отсутствовать в ведомостях, прилагаемых к рапорту.

Структура ***заголовка*** менялась на протяжении XVIII века. Во всех случаях она включает 1) самоназвание в им. пад. и 2) наименование перечисляемых объектов в дат. пад. мн. ч. (*служилым казакам* и под.) либо в конструкции «*о* + предл. пад.» (*о состоянии отставных казаков* и т. д.). В документах первой половины XVIII века за этим следует, как и в других документах, устойчивый оборот о *том значит ниже (сего) (а именно)*, вводящий дальнейший перечень; в более поздних текстах вместо этого оборота пишется дата составления документа. В документах второй половины и конца XVIII века название выводится из заголовка на отдельную строку; наименование перечисляемых объектов часто вводится причастием *учинена*, *учиненная*, иногда после этого называется составитель ведомости в творит. пад.; дата располагается, как правило, сразу за ними или предваряется причастной формой *подана*. Документы изучаемого фонда — это в основном «третные» (за треть года) ведомости о числе, занятости служилых и отставных казаков. В них сложилась следующая структура заголовка: *ведомость (учинена/учиненная)* + дат. пад. мн. ч. / «*о* + предл. пад.» + (*подана*) + дата. Например: ***Ведомость*** *учинена Левыкинскои станицы на генварь февраль мартъ і апрель м(е)с(я)цъ о состоянии отстовныхъ казаковъ подана марта 20 дня 1783 году* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 78, л. 48].

Если ведомость прилагается к рапорту или доношению, то в заголовке название отсутствует, поскольку упоминается в основном документе, например: *прилагаю об ономъ … ведомость* [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 79, л. 13].

Основная часть организуется в виде текста или таблицы. В первом случае каждая позиция перечня занимает отдельную строку, в конце которой, справа, указывается количество единиц. Например, ведомость о занятости казаков той или иной станицы:

По списку состоит — 639
Ис того числа в раскамандирациях
В Сан Петербурхе при высочаишем дворе в конвои команде — 1
В Черкаском годовом карауле — 28 и т.д.
[ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 78, л. 67].

Во втором случае сведения разнесены по графам. Так, в сводной ведомости о количестве казаков разных станиц, занятых на «службах», по вертикали в строках указаны станицы, по горизонтали, в заглавии столбцов, — виды занятости (обязанности) казаков; на пересечении строк и столбцов приведены цифры. Графы таблицы могут наполняться не цифрами, а текстом. Например, в ведомости о решенных делах по столбцам распределены порядковый номер, месяц и число поступления дела, описания, «какие именно дела» и «когда и чем решены».

Заключительная часть содержит, как правило, сведения об общем количестве перечисленных объектов после слова *итого*, а также заверительные записи — подпись должностного лица или, чаще, отметку о наличии печати и печать. Запись о печати представляет собой такие обороты, как в *чем (во верность чего, во уверение) прилагаем нашу станищную печать*, к *сей ведомости (у сей ведомости) приложена наша станищная печать*.

Итак, формуляр ведомости включает реквизиты «название документа», «дата», «адресант (составитель)»; место составления указывается косвенно. Адресат не называется, однако может быть представлен в документе, к которому прилагается ведомость.

2.6. Записки

Слово *записка* имело следующие значения: ‘занесение чего в книгу, поденник и проч.’ и ‘короткое письмецо’ [САР, т. 4, стб. 837]; ‘деловая бумага, документ’; ‘книга, журнал для записей, регистрации чего-л.’; ‘запись дневных дел, событий; журнал, дневник’ [СРЯ XVIII, вып. 8, с. 55].

Немногочисленные записки в фонде содержат краткие сведения о предметах, связанных с той или иной деятельностью, являющихся результатом этой деятельности — об отправленных почтой документах, о накошенном сене и под. Вероятно, они составлялись как учетные документы для внутреннего пользования.

Записки имеют двух- или трехчастную композицию: заголовок и основная часть; заголовок, основная и заключительная части.

Заголовок включает 1) название документа, 2) общее наименование перечисляемых предметов, 3) дату составления. После названия может быть названо имя составителя записки в род. пад. (адресант) и место составления. Здесь же употребляется устойчивый оборот о *том значит ниже*, предваряющий дальнейший перечень, и вводное слово *а именно*. Дата может стоять в начале заголовка, перед названием, или в конце, после оборота о *том значит ниже* перед вводным словом. Например: *1753 году апреля 4 дня Михаиловскои станицы записка станищнаго атомана Григоря Пекова в правозе*

идущих пакетов куда которы из которых местъ отправленъ о томъ значит ниже сего а именно [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 23].

В ***основной части*** приводятся не только наименования перечисляемых предметов, но и их описание, называются произведенные действия (при этом используются формы страдательных причастий прошедшего времени *посланы*, *получены*, *скошено*, *потравлено* и под.).

Заключительная часть, если она имеется, содержит общее количество учитываемых предметов после слова *итого*.

Адресат в записках не указывается.

Подобную структуру текста можно выделить также в некоторых источниках, не имеющих самоназвания. Например, в документе, фиксирующем забор напитков в войсковом кабаке [ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 1—1 об.], имеется заголовок, который включает дату (год и месяц), наименование перечисляемых объектов и действий, оборот *кому именно о том значит*. В основной части описывается, сколько для кого взято в кабаке вина и меда (при этом используются формы *взято*, *отнесена*, *забрано*), против каждой позиции указывается сумма денег. Заключительная часть содержит после *итого* общую сумму, требуемую к оплате. Содержащиеся количественные данные сближают данный документ с ведомостями, однако небольшой объем дает основание определить его жанр как записку.

3. Заключение

Рассмотренные учетно-отчетные перечневые документы фонда Михайловского станичного атамана имеют сходства и различия в структуре и содержании.

Документы имеют общие жанровые признаки: выполняют информативную функцию, содержат фактуальную информацию, реализуют объективную модальность (фиксируют факты, наличие, состояние предметов).

Анализ названий показал, что слова *список*, *роспись*, *реестр*, *опись* являются синонимами: в семантике этих слов имеется указание на содержание текстов — перечень лиц, вещей, дел. В наименовании *ведомость* отражена функция документа — сообщение сведений. Название *записка* свидетельствует о краткой письменной фиксации действий с определенным количеством предметов.

Документы имеют сходную композицию, включая заголовок и основную часть (перечень). В росписях отмечены только эти две части, в описях всегда есть третья — заключительная; у остальных документов наблюдаются варианты. Используются общие речевые обороты, организующие текст (*а кто именно о том значит ниже*, *а именно*, *итого* и под.), языко-

вые средства экспликации элементов формуляра. Роспись и ведомость несколько отличаются речевыми формулами заголовка, называющими перечисляемые объекты.

Общей является невыраженность адресата документа. В ряде случаев он является неопределенным: это любой, кто воспользуется данными документа (например, в записках). Адресат может подразумеваться, если документ направляется в конкретную инстанцию (список, реестр, ведомость, роспись). Он может быть назван в документе, к которому прилагается список, реестр и др. Не представлены обычно как самостоятельные элементы формуляра адресант и место составления документа.

С точки зрения содержания все документы, кроме описей, включают перечни лиц и вещей; описи содержат перечисление вещей; записки фиксируют действия, производимые над разными вещами с участием разных лиц.

Сходство и различия наблюдаются в способе передачи информации и ее объеме. Это может быть перечень конкретных лиц с дополнительными сведениями разной степени полноты или без них, систематизированный или нет; могут содержаться лишь общие сведения о категориях лиц с количественными данными. Сведения передаются в виде текста или в виде таблицы.

Вариативность текстов свидетельствует о динамике системы жанров. Постепенно наблюдается тенденция к стандартизации форм и дифференциации видов документов, это проявляется при сопоставлении источников середины и конца XVIII века. Разные жанры в определенной степени тяготеют к тому или иному способу подачи сведений. Реестры представляют собой обычно краткие несистематизированные перечни, росписи, ведомости, записки — систематизированные, при этом росписи и ведомости, как правило, содержат дополнительные сведения о перечисляемых объектах. Описи чаще содержат несистематизированный список вещей с дополнительными сведениями о них. Ведомости и записки отличаются преобладанием количественных данных, в том числе финансовых, однако записки обладают меньшим по сравнению с ведомостями объемом. Наибольшим разнообразием структуры и содержания характеризуются документы, именуемые списками.

Выявленные формально-содержательные признаки текстов позволяют отнести к тому или иному жанру документы, не имеющие самоназвания, и могут быть использованы для автоматической метаразметки текстов при создании лингвистического корпуса архивных документов.

Источники и принятые сокращения

1. ГАВО — *Государственный* архив Волгоградской области. «Михайловский станичный атаман». Ф. 332. Оп. 1.

2. Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1999. — ISBN 5-200-02658-X.

3. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив.

4. САР — *Словарь* Академии Российской : в 6 т. — Санкт-Петербург : Императ. Академия наук, 1789—1794.

5. *Служба* донских казаков. Отставные казаки Войска Донского. 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 12 / авт.-сост. В. А. Гусев. — Волгоград : [Б. и.], 2019. — 392 с. — ISBN 978-5-9666-0135-5.

6. СРЯ XI—XVII — *Словарь* русского языка XI—XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. — Москва : Наука, 1975—.

7. СРЯ XVIII — *Словарь* русского языка XVIII века / АН СССР Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука, 1984—. — Вып. 1—.

8. СЦСРЯ — *Словарь* церковнославянского и русского языков, составленный Вторым отд. Императ. Акад. Наук : в 4 томах. — Санкт-Петербург : Императ. Акад. наук, 1847.

Литература

1. *Биктимирова Ю. В.* Особенности палеографии и графики памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII—XVIII вв. / Ю. В. Биктимирова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. — 2015. — № 2 (61). — С. 12—17.

2. *Выхрыстюк М. С.* Особенности орфографии рукописных текстов учреждений просвещения г. Тобольска второй половины XVIII века / М. С. Выхрыстюк, Т. В. Быкова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 21 (275). — С. 32—35.

3. *Горбань О. А.* Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в.: источниковедческий анализ / О. А. Горбань // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — Т. 24, № 4. — С. 45—59. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4.

4. *Горбань О. А.* Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») / О. А. Горбань, Е. Ю. Ильинова, М. В. Косова, Е. М. Шептухина // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 18, № 4 (157). — С. 182—199. — DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.

5. *Качалкин А. Н.* Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 2. Филологический метод анализа документов / А. Н. Качалкин. — Москва : Изд-во МГУ, 1988. — 120 с. — ISBN 5-212-00519-8.

6. *Ковалых Е. В.* К вопросу о создании корпуса текстов псковской деловой письменности / Е. В. Ковалых // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. — 2011. — № 15. — С. 70—72.

7. *Косова М. В.* Жанровые параметры паспорта середины XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») / М. В. Косова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2019. — Т. 18, № 2. — С. 6—15. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1.

8. *Косова М. В.* Параметризация текстов документов как способ жанровой идентификации / М. В. Косова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2020. — № 1. — С. 48—55.

9. *Майоров А. П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. / А. П. Майоров. — Москва : Азбуковник, 2006. — 262 с. — ISBN 5-91172-002-7.

10. *Мишанкина Н. А.* Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: теоретико-методологическое обоснование проекта / Н. А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 28—37. — DOI: 10.17223/15617793/389/4.

11. *Перцов Н. В.* О роли корпусов в лингвистических исследованиях / Н. В. Перцов // Корпусная лингвистика—2006 : труды международной конференции. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — С. 318—331.

12. *Русанова С. В.* Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века / С. В. Русанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2019. — Т. 18, № 2. — С. 16—26. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2.

13. *Скоропись* XVIII — начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сборник статей / ред. Л. А. Глинкина. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2008. — 106 с. — ISBN 978-5-9772-0072-1.

14. *Трофимова О. В.* Тюменская деловая письменность. 1762—1796 гг. : кн. III: Тюменские рукописные деловые тексты 1762—1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения / О. В. Трофимова. — Тюмень : Вектор Бук, 2002. — 232 с.

15. *Файзуллина Г. Ч.* Мечетные книги Тобольской губернии XIX — начала XX веков как памятник письменности сибирских татар : состав книг и лексика / Г. Ч. Файзуллина, Э. Х. Кадирова, А. А. Фаттакова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 127—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-127-140.

16. *Шептухина Е. М.* Жанровые параметры сказки как документа середины XVIII века в аспекте создания лингвистического корпуса / Е. М. Шептухина // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 114—129. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-114-129.

17. Cossack military charters of the mid. 18th century: genre distinction / O. A. Gorban, E. Yu. Ilyinova, M. V. Kosova, E. M. Sheptukhina // XLinguae Journal. — 2017, June. — Vol. 10, Issue 3. — P. 123—136. — DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.10.

18. *El'Manuscript—2016*: Rašytinis palikimas ir informacinės technologijos : VI tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22—28 d. Pranešimai / red. V. Baranovas, T. Timčenko. — Vilnius ; Iževskas, 2016. — 370 p. — ISBN 978-609-411-189-1.

19. *Mustajoki A.* The Integrum database as a powerful tool in research on Contemporary Russian / A. Mustajoki // Integrum: точные методы и гуманитарные науки / ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава ; предисл. А. Я Шайкевич. — Москва : Летний сад, 2006. — С. 50—75. — ISBN 5-98856-007-5.

Registration Documents of the Don Army in the 18th Century: Content and Structure of Texts[1]

1 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of a scientific project № 19-012-00246.

© **Oksana A. Gorban (2021),** orcid.org/0000-0002-2345-3673, ResearcherID I-1032-2013, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University (Volgograd, Russia), oa_gorban@volsu.ru.

The article is devoted to the analysis of the content and speech organization of the texts of accounting and reporting documents of the 18th century of the Chanceries of the Don Fund Troops of the Mikhailovsky stanitsa ataman of the State Archives of the Volgograd Region. The relevance of the research is determined by solving the problems of creating an annotated linguistic corpus of documents. Lists, catalogues, registers, inventories, statements, notes are considered from the point of view of such genre parameters as name, addressee, addressee, date and place of creation of the document. Highlighted speech markers, explicating these parameters and organizing the text. The similarities and differences of documents of different genres are revealed. It is shown that the composition of texts has a two — or three-part structure; in some documents it varies, in others it is constant; the availability of the date, the indication of the addressee also varies. Information about the enumerated objects in documents of one genre is conveyed in more or less detail, systematized or not, in text or tabular form. With the variability of texts, a tendency towards standardization of texts of one genre and differentiation of different genres was noted. The considered parameters allow to establish the genre of documents without self-naming and can be used for automated meta-tagging of texts.

Key words: history of the Russian language; regional business writing; parameters of the documentary genre; accounting documents.

Material resources

Dal — Dal, V. I. (1999). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. *4*. ISBN 5-200-02658-X. (In Russ.).

GAVO — *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti. «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman»* [State Archives of the Volgograd Region. "Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive"]. (In Russ.).

Gusev, V. A. (ed.). (2019). *Sluzhba donskikh kazakov. Otstavnyye kazaki Voyska Donskogo. 1777 god: materialy po istorii i genealogii kazachestva* [Service of the Don Cossacks. Remaining Cossacks of the Don Army. 1777: materials on the history and genealogy of the Cossacks]. Volgograd. *12*: 392 p. ISBN 978-5-9666-0135-5. (In Russ.).

RGVIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

SAR — *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. (1789—1794). Sankt-Peterburg: Imperat. Akademiya nauk. 6. (In Russ.).

SRYa XI—XVII — *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* (1975—…). [Dictionary of Russian of XI—XVII centuries]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

SRYa XVIII — *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language XVIII cent.]. (In Russ.).

STsSRYa — *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazykov, sostavlennyy Vtorymm otdniem Imperat. Akad. Nauk.* (1847) [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, compiled by the Second Division Imperat. Acad. Science]. Sankt-Peterburg: Imperat. Akad. nauk. (In Russ.).

References

Baranovas, V., Timčenko, T. (eds.). (2016). *El'Manuscript—2016: Rašytinis palikimas ir informacinės technologijos: VI tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22—28 d. Pranešimai*. Vilnius; Iževskas. 370 p. ISBN 978-609-411-189-1.

Biktimirova, Yu. V. (2015). Osobennosti paleografii i grafiki pamyatnikov delovogo pis'ma Vostochnogo Zabaykal'ya XVII—XVIII vv. [Features of paleography and graphics of the monuments of business writing in Eastern Zabaykal'ye XVII—XVIII centuries]. In: *Uchenye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies], 2 (61): 12—17. (In Russ.).

Fayzullina, G. Ch., Kadirova, E. Kh., Fattakova, A. A. (2020). Mosque Books of the Tobolsk Province of the 19th — Early 20th Centuries as a Literary Text of the Siberian Tatars: Books Contents and Vocabulary. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], *2:* 127—140. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-127-140. (In Russ.).

Glinkina, L. A. (ed.). (2008). *Skoropis' XVIII — nachala XIX veka na Yuzhnom Urale i v Zauralye: lingvistika teksta: sbornik statey* [Cursive writing of XVIII — the beginning of the XX century in the South Urals and in the Trans-Urals: text linguistics: a collection of articles]. Chelyabinsk: Poligraf-Master. 106 p. (In Russ.).

Gorban, O. A. (2019). Donosheniya i raporty donskikh kazakov v seredine XVIII v.: istochnikovedcheskiy analiz [Message and reports of don cossacks in the mid. 18th: source analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya,* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships], *24 (4):* 45—59. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4. (In Russ.).

Gorban, O. A., Ilyinova, E. Yu., Kosova, M. V., Sheptukhina, E. M. (2016). Zhanrovye osobennosti voyskovykh gramot serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [Genre characteristics of the 18th century military charters (With Reference to the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki,* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2. Humanities], *18, 4 (157):* 182—199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074. (In Russ.).

Gorban, O. A., Ilyinova, E. Yu., Kosova, M. V., Sheptukhina, E. M. (2017). Cossack military charters of the mid. 18th century: genre distinction. *XLinguae Journal, 10 (3):* 123—136. DOI: 10.18355/XL.2017.10.03.10.

Kachalkin, A. N. (1988). *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoy epokhi. Filologicheskiy metod analiza dokumentov* [Genres of Russian document of the pre-Petrine era. Part 2. Philological method of document analysis]. Moskva: Izd-vo MGU. 120 p. ISBN 5-212-00519-8. (In Russ.).

Kosova, M. V. (2019). Zhanrovye parametry pasporta serediny XVIII v. (po materialam arkhivnogo fonda «Mikhaylovskiy stanichnyy ataman») [The Genre Parameters of the Passport of the Mid-Eighteenth Century (On Materials of the Archival Fund of Mikhailovsky Stanitsa Ataman)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 2: Linguistics], *18 (2):* 6—15. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.1. (In Russ.).

Kosova, M. V. (2020). Parametrizatsiya tekstov dokumentov kak sposob zhanrovoy identifikatsii [Parametrization of document texts as a way of genre identification]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], *1:* 48—55. (In Russ.).

Kovalykh, E. V. (2011). K voprosu o sozdanii korpusa tekstov pskovskoy delovoy pis'mennosti [On the issue of creating a text corpus for Pskov business writing]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social-humanitarian and psychological-pedagogical sciences], *15:* 70—72. (In Russ.).

Mayorov, A. P. (2006). *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pis'mennosti XVIII veka* [Essays on the vocabulary of regional business writing of the XVIII century]. Moskva: Azbukovnik. 262 p. ISBN 5-91172-002-7. (In Russ.).

Mishankina, N. A. (2014). Lingvisticheskiy korpus «Tomskiy regionalnyy tekst»: teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie proekta [Linguistic Corpus "Tomsk Regional Text": theoretical and methodological substantiation of the project]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], *389:* 28—37. DOI: 10.17223/15617793/389/4. (In Russ.).

Mustajoki, A. (2006). The Integrum database as a powerful tool in research on Contemporary Russian. In: *Integrum: tochnye metody i gumanitarnye nauki* [Integrum: Exact Methods and Humanities]. Moskva: Letniy sad. 50—75. ISBN 5-98856-007-5.

Pertsov, N. V. (2006). O roli korpusov v lingvisticheskikh issledovaniyakh [On the role of corpora in linguistic research]. In: *Korpusnaya lingvistika—2006: trudy mezhdunarodnoy konferentsii* [Corpus Linguistics — 2006: Proceedings of the International Conference]. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 318—331. (In Russ.).

Rusanova, S. V. (2019). Naimenovaniya prositelnykh dokumentov v zakonodatelnykh aktakh i regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Names of petition documents in legislative acts and regional documents of XVII century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Episode 2: Linguistics], *18 (2):* 16—26. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2. (In Russ.).

Sheptukhina, E. M. (2019). Genre Parameters of a Narrating as a Document of the Mid-18th Century in the Aspect of Creating a Linguistic Corps. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], *11:* 114—129. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-114-129. (In Russ.).

Trofimova, O. V. (2002). *Tyumenskaya delovaya pis'mennost'. 1762—1796 gg. Tyumenskie rukopisnyye delovye teksty 1762—1796 gg. v aspektakh lingvistiki i dokumentovedeniya* [Tyumen business writing. 1762—1796. Tyumen handwritten business texts 1762—1796 in aspects of linguistics and records management]. Tyumen: Vektor Buk. 232 p. (In Russ.).

Vykhrystyuk, M. S., Bykova, T. V. (2012). Osobennosti orfografii rukopisnykh tekstov uchrezhdeniy prosveshcheniya g. Tobolska vtoroy poloviny XVIII veka [Features of spelling of handwritten texts of educational institutions of Tobolsk in the second half of XVII century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], *21 (275):* 32—35. (In Russ.).

Еремина М. А. Анализ словарных дефиниций слова *успех* в свете проблемы верификации лингвокультурологических построений / М. А. Еремина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 48—61. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-48-61.

Eremina, M. A. (2021). Analysis of Vocabulary Definitions of the Word “Uspech” (“Success”): Problem of Verification of Linguoculturological Constructions. *Nauchnyi dialog, 2:* 48-61. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-48-61. (In Russ.).

УДК 81-13+811.161.1’37
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-48-61

Анализ словарных дефиниций слова *успех* в свете проблемы верификации лингвокультурологических построений

© Еремина Марина Артуровна (2021), кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурных коммуникаций, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный университет путей сообщения»; доцент кафедры языков массовых коммуникаций, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), marina_makridina@mail.ru.

Предлагается способ решения актуальной проблемы верификации лингвокультурологических построений. Уделяется внимание установлению корректности и эффективности применения одного из видов семантического анализа в современных лингвистических исследованиях, посвященных понятию «успех» и его лексическим репрезентантам. Предложенный метаисследовательский подход нацелен на выявление и поиск причин существенных расхождений в результатах дефиниционного анализа при совпадении теоретической базы, научного аппарата и стратегии исследований. Данный подход позволяет автору рассмотреть ряд спорных случаев применения дефиниционного анализа, связанных с его объектом, предметом и метаязыком, и решить некоторые важные методологические вопросы: какого рода лингвистические источники привлекаются при сборе материала; как осуществляется дефиниционный анализ многозначного слова; в каком аспекте проводится межъязыковое сопоставление словарных дефиниций одного слова; каковы преимущества и недостатки разных форматов описания семантических компонентов, выявленных в результате дефиниционного анализа, и др. Критический разбор исследовательской техники чередуется с конструктивными предложениями по семантическому анализу словарных дефиниций слова *успех* в современном русском языке. В качестве выводов предлагаются общие наблюдения над особенностями применения рассматриваемого аналитического метода.

Ключевые слова: дефиниционный анализ; методы изучения семантики; лингвокультурология; когнитивная лингвистика; проблема верификации; успех.

1. Введение. Постановка проблемы

Постановка вопроса о корректности и эффективности применения одного из видов семантического анализа обусловлена более общей проб-

лемой верификации лингвокультурологических построений. Одной из причин «снижения степени верифицируемости результатов» является «реальное ослабление роли метода, аналитических приемов и процедур в лингвистических исследованиях» [Березович, 2018, с. 133]. Частным случаем проблемы можно считать недостаточно корректное использование лингвистического метода, в результате которого наблюдается значительное расхождение выводов у разных ученых при совпадении теоретической базы, научного аппарата и стратегии исследования. Появление некогерентных выводов при использовании одного аналитического метода не только делает полученные результаты уязвимыми для критики, но и заставляет задуматься о параметрах эффективности самого метода.

Для лингвокультурологии внимание к особенностям применения дефиниционного анализа представляет собой практический интерес, поскольку редкое лингвокультурологичское исследование обходится без обращения к словарным толкованиям как источнику информации о понятийном содержании имени концепта. Но невнимание к вопросам о возможностях и ограничениях дефиниционного анализа чревато малоинформативными или слабоверифицируемыми выводами, что представляет собой методологическую проблему.

Вопрос о специфике лексикографических описаний и методологических принципах анализа словарных дефиниций уже поднимался в научной литературе, в частности, И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой [Рудакова, 2015; Стернин, 2013; Стернин и др., 2017]. Соглашаясь в целом с предложенной авторами методологической концепцией, отметим, что один из описанных в ней принципов требует критического осмысления, поскольку слишком широкое его понимание может привести к сомнительным научным выводам. Речь идет о принципе *неединственности метаязыкового описания ментальных единиц*, суть которого заключается в том, что «описание семантики ментальных единиц разных типов может осуществляться с использованием разного метаязыка, и расхождение в метаязыковой форме описания одних и тех же ментальных единиц в разных исследовательских парадигмах и у разных исследователей не является признаком ошибочности какого-либо из описаний, а подлежит анализу и унификации» [Стернин и др., 2017, с. 12]. Если распространить данный принцип на исследования, целью которых является признаковое описание содержания определенного концепта, тогда существование разного в количественном и качественном отношении набора концептуальных признаков также не должно являться признаком ошибочности или недостаточной обоснованности выводов. Но если учесть, что в лингвокультурологических, особенно контрастивных, исследованиях, нацеленных на изучение корреляции между семантиче-

ским описанием и реконструкцией фрагмента национальной языковой картины мира, наличие или отсутствие того или иного концептуального признака интерпретируется с точки зрения особенностей национальной ЯКМ, то неединственность признаковых описаний одного концепта (языковых образов одного фрагмента действительности) не должна считаться нормой, поскольку это увеличивает степень неопределенности выводов.

Таким образом, ситуация значительного расхождения в описании результатов дефиниционного анализа (в виде набора признаков) одного имени концепта требует критического разбора для выявления «болевых точек» метода, что способствует предметному решению проблемы верифицируемости лингвокультурологических построений.

2. Особенности исследовательского подхода

Наш подход к решению данной задачи реализуется на метаисследовательском уровне: он основывается на сопоставлении материалов лингвокультурологических и лингвокогнитивных трудов на общую тему (понятие «успех») с целью выявить существенные несовпадения в выводах при одинаковых вводных данных. Так, при сравнении диссертационных исследований О. В. Рябухи и И. В. Адониной, посвященных концепту «успех» в английском языке, была установлена следующая проблемная ситуация: указанные научные работы выполнены с общих теоретических позиций; цели, поставленные учеными, содержательно совпадают, ср.: «изучение содержания / объема концепта успех и способов его лингвистической репрезентации в англоязычной публицистической прозе» [Рябуха, 2009, с. 4]; «комплексное описание концепта “успех” в современной речевой культуре американцев» [Адонина, 2005, с. 3]; ход исследования также имеет одно направление в виде последовательного выделения когнитивных признаков концепта УСПЕХ в результате разных видов семантического анализа: этимологического, дефиниционного, контекстуального; но на этапе дефиниционного анализа ученые приходят к разному набору когнитивных признаков.

О. В. Рябуха	И. В. Адонина
(1) сделать или преуспеть в чем-то, что субъект хотел, надеялся или пытался сделать, или увидеть сделанным; (2) преуспеть в чем-то сложном; (3) иметь хороший результат или эффект; (4) идти по плану; (5) начинать преуспевать в чем-то; (6) иметь вероятность стать успешным в будущем.	(1) благоприятное завершение попыток или усилий; достижение (положительный результат); (2) достижение (приобретение) желаемой или планируемой цели, каких-то благ, богатства, положения, славы, процветания и т. п.; (3) успешный субъект или объект.

Содержательное отличие и количественный перевес признаков в работе О. В. Рябухи объясняется привлечением к анализу, помимо толковых словарей, словарей синонимов. Но использование исследователями в рамках одного вида анализа разнородных лингвистических источников показывает наличие спорного методологического вопроса о том, что является объектом дефиниционного анализа.

Другой пример связан с исследованиями И. В. Адониной и Н. Д. Паршиной [Адонина, 2005; Паршина, 2007], в которых применяется контрастивный подход и сходный научный аппарат. В результате анализа словарных дефиниций лексемы *успех* в английском языке оба лингвиста приходят к практически идентичному набору основных концептуальных признаков. Но если И. В. Адонина ограничивается установлением факта несовпадения семантической структуры слова *успех* в двух вариантах английского языка, то Н. Д. Паршина, сопоставляя английский и русский языковой материал, интерпретирует выявленные семантические различия при помощи лингвокультурологической категории «национальное языковое сознание». Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с различным пониманием предмета анализа, что также является методологически спорной ситуацией, нуждающейся в осмыслении.

В результате рассмотрения в подобном ракурсе ряда лингвистических исследований на тему концептуального содержания вербальных репрезентантов понятия «успех» в разных языках [Адонина, 2005; Андриенко, 2010; Лагута и др., 2006; Маркова и др., 2019; Паршина, 2007; Петрова, 2014; Рябуха, 2009; Хрынина, 2009; Шкапенко и др., 2017; Эренбург, 2006] были выявлены значимые, на наш взгляд, расхождения в процедуре дефиниционного анализа, касающихся его объекта, предмета и метаязыка.

3. Спорные аспекты процедуры дефиниционного анализа

ОБЪЕКТ АНАЛИЗА

— Данные толковых словарей *vs* данные аспектных словарей

Терминологическое словосочетание *дефиниционный анализ* содержит в себе вполне определенное указание на объект изучения — словарная дефиниция, или лексикографическое описание понятийных признаков слова. Если исходить из традиционного содержания терминов *понятие* и *понятийные признаки*, то следует признать, что эти семантические сущности представлены в толковых словарях, поэтому привлечение аспектных словарей, в частности словаря синонимов, избыточно.

Вместе с тем в антропоцентрической парадигме лингвистики содержание термина *понятие* расширяется до «концептуализированного поня-

тия» («концепта»), а под *понятийными признаками* имеются в виду все абстрактно-логические признаки слова в противопоставлении эмоциональным, конкретно-образным и субъективно-оценочным смыслам. В таком научном контексте задача по реконструкции всего понятийного объема концепта оправдывает и даже делает неизбежным привлечение аспектных словарей, предоставляющих информацию о лексико-семантических отношениях изучаемой единицы. Тогда, чтобы избежать непоследовательности, к рассмотрению следует привлекать не только синонимы, но и всю сеть парадигматических и синтагматических связей анализируемого слова, как это предлагается, например, в рамках исследовательской программы EUROJOS, посвященной описанию ценностных понятий европейской языковой картины мира [Leksykon aksjologiczny …, 2016]. Определять данный этап исследования как дефиниционный анализ некорректно, поскольку он представляет собой анализ системно-языковых данных, который соотносится с анализом дефиниций как общее с частным. Но и при комплексном подходе к изучению системно-языковых данных дефиниционный анализ, будучи отдельной исследовательской процедурой, предполагает разграничение своего объекта в виде словарной дефиниции от анализа синонимов, однокоренных слов, сочетаемости и т. д.

— Данные одного толкового словаря *vs* данные нескольких толковых словарей

Выбор для дефиниционного анализа одного толкового словаря мотивируется исследователями тем, что словарные формулировки значения различаются в лексикографических источниках. Но подобное обоснование ограничения материала нельзя считать убедительным. Цель исследования дефиниций — максимально полное и адекватное представление семантических компонентов лексикографического значения, поэтому наличие разных вариантов словарного толкования является обязательным условием анализа. В этом случае описание идет по пути обобщения, которое основано на «принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное лексикографическое описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга» [Стернин и др., 2017, с. 5]. Стоит также отметить, что совпадение семантических признаков в разных толкованиях свидетельствует об устойчивости соответствующих представлений в сознании носителя языка, а их варьирование может быть довольно информативным показателем логики категоризации. Так, приведенная в словаре Д. Н. Ушакова дефиниция лексемы *успех* ‘удача в задуманном деле, удачное достижение по-

ставленной цели’ [СУ] в целом повторяет толкование в словаре В. И. Даля ‘удача в работе, достижение желаемого’ [СД], но замена «желаемого» на «задуманное» актуализирует сему ‘замысел’, отражающую представление о потенциально успешной деятельности как осознанной и целенаправленной, ср.: *быть нацеленным на успех.*

ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА

— Описание каждого из значений лексемы по данным разных словарей *vs* описание инвариантного значения лексемы на основании ее лексико-семантических вариантов (ЛСВ)

Суть расхождения заключается в том, что в одном случае разные ЛСВ рассматриваются независимо друг от друга, а в другом — как связанные в одну семантическую сеть. Несмотря на то, что в отдельных исследованиях эти способы исключают друг друга, с точки зрения когнитивной семантики, рассматривающей лексическое значение как модель знаний об определенном фрагменте действительности, а сеть значений слова — как когнитивную категорию, между ними нет противопоставления. Более того, в когнитивно ориентированном исследовании лексикографическое содержание многозначного слова может быть описано исключительно путем совмещения двух исследовательских процедур.

1. Для каждого ЛСВ на базе несовпадающих дефиниций одного и того же значения в разных словарях при помощи декомпозиции отдельных сем формируется расширенный набор семантических компонентов (семное описание), в который входят как базовые, наиболее репрезентативные, так и дополнительные, ассоциативные признаки понятия.

Различие между базовыми и дополнительными признаками некоторыми исследователями обосновывается степенью представленности семантических компонентов в словарных описаниях. На наш взгляд, в рамках когнитивного подхода данное противопоставление довольно формально и не имеет разрешительной силы. Например, по формальному критерию семантический компонент слова *успех* ‘вещественность результата’ не может быть отнесен к базовым, поскольку ни в одном словарном описании он явно не выражен. Данный признак реконструируется только при интерпретации двух фактов: а) варьирования сем ‘цель’ (~«идеальное, неосуществленное») и ‘результат’ (~«материальное, осуществленное») в разных дефинициях; б) существования лексико-грамматической пометы «мн.» к одному из значений лексемы. Между тем, представление о том, что успех должен представать в виде воспринимаемого органами чувств результата, является важным «пазлом» в языковом образе успеха и определяет, в част-

ности, сочетаемость слова, ср.: *видимый успех, зримый успех, ощутимый успех, громкий успех* и т. п.

2. В результате семного описания и когнитивной интерпретации каждого ЛСВ реконструируется инвариантное значение слова. По своей сути оно представляет собой когнитивную модель высокой степени абстракции. Функциональной характеристикой инвариантного значения служит прототипический эффект: оно связывает сеть системно-языковых значений слова и лежит в основе контекстно-обусловленных и коммуникативно-личностных смысловых трансформаций. Описанное таким образом содержание не охватывает все разнообразие семантических признаков, но помогает в большой степени его предсказать. Так, анализ семантической структуры слова *успех* показывает, что одним из способов связи его ЛСВ является специализация основного значения ‘положительный результат, удачное завершение чего-л.’ в виде производных значений, конкретизирующих процессы, которые в силу разных причин нацелены на достижение успеха: ‘успех в работе, деле’, ‘успех в военном поединке’, ‘успехи в учебе, образовании’, ‘успехи в ухаживании, флирте’ и т. д. Поиск общих характеристик данных областей деятельности позволяет установить, что предпосылкой успешной деятельности является удовлетворение базовой, прежде всего социальной, потребности, связанной с встраиванием в социальную иерархию и следованием социальным нормам, стандартам, ценностям, стереотипам. Эта идея, в свою очередь, объясняет естественность выражения *успех в бизнесе* и невозможность выражения **успех в пересчитывании денег*: за первым стоит определенная социально осознанная практика, а за вторым — нет (ср. также *успехи в ведении домашнего хозяйства* и **успехи в вытирании пыли*).

— (При контрастивном межъязыковом исследовании) Сравнение лексико-семантических вариантов ключевой лексемы, закрепленных в толковом словаре *vs* сравнение компонентов понятийного содержания ключевой лексемы, интерпретированных при помощи лингвокультурологических категорий

Межъязыковое сравнение семантической структуры слова на уровне описанных составителем словаря ЛСВ имеет весьма отдаленное отношение к дефиниционному анализу, поскольку в принципе не предполагает аналитических действий. Обнаруженный в результате элементарной сравнительной операции факт несовпадения семемной структуры многозначного слова в разных языках, несомненно, интересен как маркер этнокультурной специфики понятия, но выведение из одного этого факта разницы в особенно-

стях осмысления явления разными национальными сознаниями без дополнительного анализа кажется неправомерным. Таковым нам представляется сделанный Н. Д. Паршиной вывод о том, что «в русской дефиниции успех определяется сторонним наблюдателем» [Паршина, 2007, с. 9]. Данное суждение, по всей видимости, основано на появлении у русского слова *успех* производного значения ‘общественное признание’ путем перехода компонента ‘социальная оценка’ из коннотации в денотативную часть значения, чего не наблюдается в английском слове *success*. Но данный вывод малоинформативен, поскольку не дает ответы на некоторые концептуальные вопросы, в частности, на каком основании определяется успешность. Между тем, соответствующая информация заложена в понятийном содержании слова и может быть выявлена путем декомпозиции значения отдельных слов, составляющих дефиницию. Так, связь между результативной деятельностью и общественным признанием становится более наглядной, если мы установим, что в современном русском языке одним из значений слова *результат* является ‘показатель мастерства, достижения’ [БТС], и соотнесем этот факт с социальной ценностью мастерства в каком-либо деле.

— Требуется интерпретация результатов *vs* не требуется интерпретация результатов

Определенность исследовательской позиции в этом вопросе зависит от точки зрения на сущность и функцию дефиниционного анализа. В методологических положениях когнитивной семасеологии анализ словарных дефиниций относится к методам «получения языкового материала для семного описания значения» [Стернин, 2013, с. 10]. Данный вид анализа представляет собой составление по определенному алгоритму обобщенной (в иной терминологии — сводной, унифицированной, интегрированной, инвариантной) дефиниции значения слова на основе разных толковых словарей, которая позволяет «представить наиболее полный набор семантических компонентов лексикографического значения слова, упорядочить порядок семем (в соответствии с актуальными языковыми представлениями), указать дополнительные значения, более точно сформулировать дефиницию и др.» [Рудакова, 2015, с. 156]. Однако описание обобщенной дефиниции, несмотря на свою полноту и точность, является предварительной процедурой, результаты которой не способны исчерпывающим образом объяснить ни реальное функционирование слова в речи, ни когнитивный механизм порождения речевых смыслов. В связи с этим оно нуждается в семной и когнитивной интерпретации.

В теоретико-методологических исследованиях семная и когнитивная интерпретация результатов дефиниционного анализа описывается как со-

стоящая из двух последовательно идущих по достаточно строгому алгоритму процедур. Вместе с тем в практике лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследований дефиниционный анализ обретает иную значимость: он становится самодостаточным аналитическим приемом, объединяющим в упрощенном виде процедуры составления обобщенной дефиниции, семной и когнитивной интерпретации в один этап исследования. Преимущество такого методологического подхода видится в том, что он позволяет извлечь когнитивную информацию из самого движения лексикографической мысли. Например, хронологическую трансформацию компонента ‘достижение желаемого’ в ‘достижение цели’, фиксируемую в словарях дореволюционной, советской и постсоветской эпох, можно интерпретировать как процесс возникновения представления о том, что успешная деятельность базируется не только на эмоциональном побуждении субъекта, но и на рациональном целеполагании.

Выполненный в таком ключе анализ имеет свои изъяны: в частности, он слабо поддается алгоритмизации и формализации, что увеличивает долю исследовательского субъективизма. Последнее обстоятельство обусловливает необходимость верификации полученных результатов при помощи других видов семантического анализа.

МЕТАЯЗЫК (ФОРМАТ) ОПИСАНИЯ

— Организация понятийного содержания в виде дискретного набора семантических компонентов *vs* организация понятийного содержания в виде нарративного описания

Данная проблема выбора не имеет однозначного решения, поскольку речь идет о форме представления значения. При дискретной форме все релевантные семантические компоненты соположены, они просто суммируются, не взаимодействуя между собой. Такой формат удобен для дальнейшего включения в список и ранжирования по степени яркости дополнительных компонентов, выявленных в результате других видов семантического анализа. Кроме того, «списочная» подача данных в силу своей наглядности при сравнении семантических компонентов часто выбирается в контрастивных исследованиях. К недостаткам данного способа организации можно отнести высокую вероятность формального подхода к выделению признаков. Примером может служить набор общих для русского и немецкого языков концептуальных признаков успеха, выделенный Е. Н. Хрыниной: «1) положительный результат (достижение); 2) положительные последствия; 3) состояние полного удовлетворения; 4) то, что завоевано, достижение; 5) усилие; 6) старание; 7) спокойное, счастливое со-

стояние» [Хрынина, 2009, с. 2010]. Сомнение в данном случае вызывает возможность какого-либо логического обоснования для различения 1-го и 4-го, 3-го и 7-го, 5-го и 6-го признаков.

Отличительной особенностью нарративного описания является использование естественного синтаксиса, связывающего логическими отношениями компоненты значения. Преимущество данного формата заключается в его смысловой упорядоченности, целостности и операциональности, что максимально приближает его к реальному языковому сознанию. Однако нарративный характер вносит в описание определенную долю субъективизма, поэтому требует опыта и высокого уровня профессионализма исследователя.

Немаловажным условием выбора формата является его корреляция с категориальной спецификой понятия. В связи с этим могут различаться семантические описания понятийного содержания языковых единиц *успех* и *успешная женщина*. Первое из них категоризируется как ситуация, складывающаяся из разных обстоятельств. Для семантического описания здесь больше подходит нарративная форма, благодаря которой все упоминаемые обстоятельства, связываясь в одну историю, получают объяснение. Для понятия «успешная женщина» категориальным признаком является «лицо», поэтому вполне репрезентативным будет простое перечисление атрибутивных и акциональных свойств данного лица.

— «Семантический признак» *vs* «концептуальный признак» *vs* «когнитивный признак»

Термины имеют общую часть значения ‘элемент содержания языковой единицы’, поэтому в исследованиях семантики лексических единиц могут сближаться до взаимозаменяемости. Функциональное различие между ними определяется разными исследовательскими парадигмами (ракурсами исследования). При традиционном (структурно-семантическом) описании содержания слова используются термины *семантический признак, семантический компонент, сема*. Если предметом дефиниционного анализа становится моделирование содержания концепта, то семантические признаки обозначаются как *когнитивные*, то есть связанные с особенностями восприятия и познания исследуемого явления, или *концептуальные*, то есть отражающие культурно обусловленное содержание концепта.

4. Выводы

1. Совокупность словарных дефиниций служит важной информативной базой для описания и интерпретации семантических признаков исследуемого понятия.

2. Основным условием эффективности дефиниционного анализа является максимально полная и подробная реконструкция семантических признаков, содержащихся в словарных дефинициях.

3. Совпадение семантических признаков в разных толкованиях свидетельствует об устойчивости соответствующих представлений в сознании носителя языка, а их варьирование может быть довольно информативным показателем логики категоризации.

4. По содержанию выявленный набор признаков отражает когнитивную модель высокой степени абстракции, функция которой — спрогнозировать системно-языковые, контекстно-обусловленные и коммуникативно-личностные смысловые трансформации понятия.

5. Формат представления признаков может быть «дискретным» или «нарративным». Выбор формата во многом обусловлен категориальной спецификой исследуемого понятия.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой* толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — Режим доступа : http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 12.11.2020).

2. СД — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. — Режим доступа : http://slovardalja.net (дата обращения: 12.11.2020).

3. СУ — *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. — Режим доступа : http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm (дата обращения: 12.11.2020).

Литература

1. *Адонина И. В.* Концепт успех в современной американской речевой культуре : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / И. В. Адонина. — Хабаровск, 2005. — 24 с.

2. *Андриенко А. А.* Концепт успех в американской и русской лингвокультурах (на материале популярно-делового дискурса) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / А. А. Андриенко. — Белгород, 2010. — 24 с.

3. *Березович Е. Л.* Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии / Е. Л. Березович // Четвёртые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка : в 2 ч. : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, 22—24 ноября 2018 г. — Оренбург : Оренбургская книга, 2018. — С. 132—138.

4. *Лагута О. Н.* Концепт «успех» в русском языковом сознании / О. Н. Лагута, Е. В. Лукашевич, Н. А. Лукьянова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2006. — Т. 5, № 2. — С. 47—61.

5. *Маркова Г. А.* Содержание концепта «успех» в русской языковой картине мира / Г. А. Маркова, Т. Г. Нестерова, В. Ф. Ремизова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019. — Т. 10, № 1. — С. 23.

6. *Паршина Н. Д.* Лингвокультурологическое поле концепта «успех» в американском варианте английского языка : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / Н. Д. Паршина. — Москва, 2007. — 24 с.

7. *Петрова Ю. Д.* Концепт успех / успешный как фрагмент актёрского дискурса / Ю. Д. Петрова // Образование и наука в современных условиях. — 2014. — № 1 (1). — С. 250—252.

8. *Рудакова А. В.* Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова / А. В. Рудакова // Вестник Дагестанского научного центра. — 2015. — № 58. — С. 152—156.

9. *Рябуха О. В.* Лингвистическая репрезентация концепта «успех» в англоязычной публицистической прозе (на материале журнальных и газетных статей) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / О. В. Рябуха. — Санкт-Петербург, 2009. — 24 с.

10. *Стернин И. А.* Методы исследования семантики слова / И. А. Стернин. — Ярославль : Истоки, 2013. — 34 с.

11. *Стернин И. А.* Словарные дефиниции и семантический анализ / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Воронеж : Истоки, 2017. — 34 с.

12. *Хрынина Е. Н.* Лингвокультурная специфика концепта «успех / erfolg» : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / Е. Н. Хрынина. —Ставрополь, 2009. — 24 с.

13. *Шкапенко Т. М.* Социо-историческая эволюция номинативных единиц успех, успешный в русском языке / Т. М. Шкапенко, С. Б. Попова // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной наук : сборник статей по материалам II—III международной научно-практической конференции. —2017. — С. 56—63.

14. *Эренбург Н. Р.* Концепт успех и его репрезентация в русском языке новейшего периода : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / Н. Р. Эренбург. — Воронеж, 2006. — 24 с.

15. *Leksykon* aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / J. Bartmiński, M. Brzozowska, S. Niebrzegowska-Bartmińska (eds.). — Lublin, 2016. — t. 3. Praca. — 455 s.

Analysis of Vocabulary Definitions of the Word "Uspech" ("Success"): Problem of Verification of Linguoculturological Constructions

© Marina A. Eremina (2021), PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communications, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State University of Railway Transport"; Associate Professor, Department of Mass Communications Languages, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin" (Yekaterinburg, Russia), marina_makridina@mail.ru.

A method for solving the actual problem of verification of linguocultural constructions is proposed. Attention is paid to the establishment of the correctness and effectiveness

of the application of one of the types of semantic analysis in modern linguistic studies devoted to the concept of "success" and its lexical representatives. The proposed meta-research approach is aimed at identifying and searching for the causes of significant discrepancies in the results of definitional analysis when the theoretical base, scientific apparatus and research strategy coincide. This approach allows the author to consider a number of controversial cases of the use of definitional analysis associated with its object, subject and metalanguage, and to solve some important methodological issues: what kind of linguistic sources are involved in collecting material; how the definitional analysis of a polysemantic word is carried out; in what aspect the interlingual comparison of the dictionary definitions of one word is carried out; what advantages and disadvantages of different formats for describing semantic components are identified as a result of definitional analysis, etc. Critical analysis of research techniques alternates with constructive sentences for the semantic analysis of the dictionary definitions of the word success in modern Russian. General observations on the features of the application of the analytical method under consideration are proposed as conclusions.

Key words: definitional analysis; methods of studying semantics; cultural linguistics; cognitive linguistics; verification problem; success.

Material resources

BTS — Kuznetsova, S. A. (1998). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Sankt-Peterburg: Norint, Available at: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (accessed: 12.11.2020). (In Russ.).

SD — Dal', V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Available at: http://slovardalja.net (accessed: 12.11.2020). (In Russ.).

SU — Ushakov, D. N. *Bolshoy tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of modern Russian language]. Available at: http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm (accessed: 12.11.2020). (In Russ.).

References

Adonina, I. V. (2005). *Kontsept uspekh v sovremennoy amerikanskoy rechevoy culture: author's abstract of PhD. Diss* [The concept of success in modern American speech culture: author's abstract of PhD. Diss]. Khabarovsk. 24 p. (In Russ.).

Andrienko, A. A. (2010). *Kontsept uspekh v amerikanskoy i russkoy lingvokulturakh (na materiale populyarno-delovogo diskursa): author's abstract of PhD. Diss* [Concept of success in American and Russian linguocultures (based on the material of popular business discourse): author's abstract of PhD. Diss]. Belgorod. 24 p. (In Russ.).

Bartmiński, J., Brzozowska, M., Niebrzegowska-Bartmińska, S. (eds.) (2016). *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* [Axiological lexicon of the Slavs and their neighbors], *3*. Lublin. 455 p. (In Pol.).

Berezovich, E. L. (2018). Psevdonauchnyye postroeniya v sovremennoy lingvokulturologii [Pseudoscientific constructions in modern cultural linguistics]. In: *Chetvertye Moiseevskiye chteniya: natsionalnyye i regionalnyye osobennosti yazyka* [Fourth Moiseev Readings: national and regional peculiarities of the language]. Orenburg: Orenburgskaya kniga. 132—138. (In Russ.).

Erenburg, N. R. (2006). *Kontsept uspekh i ego reprezentatsiya v russkom yazyke noveyshego perioda: author's abstract of PhD. Diss* [The concept of success and its repre-

sentation in the Russian language of the latest period: author's abstract of PhD. Diss]. Voronezh. 24 p. (In Russ.).

Khrynina, E. N. (2009). *Lingvokulturnaya spetsifika kontsepta «uspekh / erfolg»: author's abstract of PhD. Diss* [Linguocultural specificity of the concept "success / erfolg": author's abstract of PhD. Diss]. Stavropol'. 24 p. (In Russ.).

Laguta, O. N., Lukashevich, E. V., Lukyanova, N. A. (2006). Kontsept «uspekh» v russkom yazykovom soznanii [Concept "success" in the Russian consciousness]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], *5/2:* 47—61. (In Russ.).

Markova, G. A., Nesterova, T. G., Remizova, V. F. (2019). Soderzhaniye kontsepta «uspekh» v russkoy yazykovoy kartine mira [Content of the concept "success" in the Russian language picture of the world]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya* [World of Science. Sociology, philology, cultural studies], *10/1:* 23. (In Russ.).

Parshina, N. D. (2007). *Lingvokulturologicheskoye pole kontsepta «uspekh» v amerikanskom variante angliyskogo yazyka: author's abstract of PhD. Diss* [The linguoculturological field of the concept of "success" in the American version of the English language: author's abstract of PhD. Diss]. Moskva. 24 p. (In Russ.).

Petrova, Yu. D. (2014). Kontsept uspekh / uspeshnyy kak fragment akterskogo diskursa [Concept of success / successful as a fragment of the actor's discourse]. *Obrazovaniye i nauka v sovremennykh usloviyakh* [Education and science in modern conditions], *1/1:* 250—252. (In Russ.).

Rudakova, A. V. (2015). Metodika obobshcheniya slovarnykh definitsiy pri opisanii integrirovannogo leksikograficheskogo znacheniya slova [The method of generalization of dictionary definitions in the description of the integrated lexicographic meaning of a word]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center], *58:* 152—156. (In Russ.).

Ryabukha, O. V. (2009). *Lingvisticheskaya reprezentatsiya kontsepta «uspekh» v angloyazychnoy publitsisticheskoy proze (na materiale zhurnalnykh i gazetnykh statey): author's abstract of PhD. Diss* [Linguistic representation of the concept "success" in English-language publicistic prose (based on the material of magazine and newspaper articles): author's abstract of PhD. Diss]. Sankt-Peterburg. 24 p. (In Russ.).

Shkapenko, T. M., Popova, S. V. (2017). Sotsio-istoricheskaya evolyutsiya nominativnykh edinits uspekh, uspeshnyy v russkom yazyke [Socio-historical evolution of nominative units success, successful in the Russian language]. In: *Kulturologiya, filologiya, iskusstvovedeniye: aktualnyye problemy sovremennoy nauk* [Cultural studies, philology, art history: topical problems of modern sciences]. 56—63. (In Russ.).

Sternin, I. A. (2013). *Metody issledovaniya semantiki slova* [Methods of research of the semantics of the word]. Yaroslavl: Istoki. 34 p. (In Russ.).

Sternin, I. A., Rudakova, A. V. (2017). *Slovarnyye definitsii i semanticheskiy analiz* [Dictionary definitions and semantic analysis]. Voronezh: Istoki. 34 p. (In Russ.).

Каганов А. Ш. Разветвленный лингвистический анализ как инструмент выявления признаков монтажа фонограмм / А. Ш. Каганов // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 62—78. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-62-78.

Kaganov, A. Sh. (2021). Branched Linguistic Analysis as a Tool for Identifying Attributes Montage's of Phonograms. *Nauchnyi dialog, 2:* 62-78. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-62-78. (In Russ.).

УДК 81'33+343.148:778.534.45
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-62-78

Разветвленный лингвистический анализ как инструмент выявления признаков монтажа фонограмм

© **Каганов Александр Шлемович (2021),** orcid.org/0000-0002-7308-065X, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), a.sh.kaganov@mail.ru.

Рассматриваются вопросы разветвленного лингвистического анализа звучащих текстов на предмет наличия / отсутствия на содержащих эти тексты фонограммах признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе записи или после её окончания. Актуальность работы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий фиксации, анализа и обработки звуковых (в первую очередь, речевых) сигналов и использованием этих технологий в целях фальсификации фонограмм. Особое внимание в предлагаемой вниманию читателей работе уделено освещению тех теоретических оснований, которые служат фундаментом лингвистической части комплексного исследования звукозаписей в отношении их аутентичности. Материалом для предлагаемого вниманию читателей исследования послужила совокупность звучащих текстов тех фонограмм русской речи, которые были вовлечены в сферу оперативно-разыскной деятельности, следствия и судопроизводства в качестве источника доказательств. Автор подробно останавливается на вопросах разветвленного лингвистического анализа указанных текстов, последовательно разбирает с теоретической точки зрения этапы подобного криминалистического исследования, показывает роль лингвистической части экспертизы в интегральном комплексном исследовании звукозаписей с точки зрения их целостности.

Ключевые слова: звучащая речь; криминалистика; носитель звуковой информации; речевая коммуникация; ситуация речевого общения; судебная экспертиза; целостность звучащего текста.

1. Введение

Отличительной особенностью задачи криминалистического исследования звукозаписей на предмет их целостности, то есть отсутствия на них признаков монтажа или иных изменений, внесенных в фонограмму

в процессе её фиксации или после окончания последней, является многоаспектность этой задачи прикладной лингвистики и судебной экспертизы [Каганов, 2005, с. 138].

Следствием указанной многоаспектности является комплексность её (задачи) решения. Иными словами, для ответа на вопрос об аутентичности фонограммы, поставленный на разрешения экспертов, необходимо выявить присутствие на звукозаписи признаков монтажа, относящихся к различным группам: аудитивной, лингвистической, инструментальной.

В цели настоящей статьи не входит изложение целостной методики комплексного исследования звукозаписей на предмет наличия (или, наоборот, отсутствия) на них признаков монтажа или иных изменений в полном её (методики) объёме (см., например, [Зубов и др., 2003]). Остановимся здесь только на том разделе такого исследования, который посвящён разветвленному лингвистическому анализу звучащего текста, зафиксированного на фонограмме.

Необходимость проведения такого анализа отмечена, например, в ставшей уже классической монографии Г. С. Рамишвили и Г. Б. Чикоидзе «Криминалистическое исследование фонограмм речи и идентификация личности говорящего», в которой раскрывается тезис о том, что для выявления факта фальсификации фонограммы обязателен анализ речи экспертом-лингвистом с целью проверки естественности протекания беседы, её синтаксического и смыслового единства, естественности и соответствия нормативному распределения речевых пауз и свойств интонационного рисунка высказываний [Рамишвили и др., 1991, с. 217—219].

Указанный анализ строится на изучении условий, специфики речевой организации, структуры и динамики вербального взаимодействия участников рассматриваемого акта речевой коммуникации [Галяшина, 2001, с. 332—335]. Такой аспект анализа фонограмм (вернее, звучащих текстов, зафиксированных на фонограммах) получил в теории криминалистической экспертизы звукозаписей (далее — КЭЗ) название *лингвистического* [Каганов и др., 2014, с. 163].

К новизне настоящей работы можно отнести:

— точку зрения автора на вопрос методологии разветвленного лингвистического анализа звучащих текстов на этапе лингвистической части интегрального комплексного исследования фонограмм в отношении их целостности;

— последовательный разбор (с теоретической точки зрения) составных этапов подобного криминалистического исследования звукозаписей звучащих текстов;

— определение роли лингвистической части исследования в интегральной комплексной экспертизе звукозаписей в отношении их аутентичности (целостности, несфальсифицированности).

2. Цель, объект и предмет лингвистической части комплексного исследования звукозаписей на наличие на них признаков монтажа

С точки зрения теории судебной экспертизы задача исследования фонограмм на наличие признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе записи или после её окончания, относится к задачам экспертной диагностики [Каганов, 2005, с. 136]. В таком комплексном диагностическом исследовании ц е л ь ю лингвистического анализа является установление полноты и непрерывности фиксации того события речевой коммуникации, которое было запечатлено посредством записи на материальном носителе — фонограммы с присутствующей на ней речевой информацией.

Под *событием речевой коммуникации* мы будем далее понимать ограниченный (в пространстве и во времени), целостный, мотивированный с точки зрения психолингвистики и обусловленный речевой ситуацией процесс вербального взаимодействия коммуникантов — фигурантов криминалистической экспертизы.

О б ъ е к т о м лингвистического исследования в процессе решения рассматриваемой нами задачи криминалистической экспертизы звукозаписей является информация в виде звучащего текста (как правило, в форме диалога; значительно реже — в форме полилога или монолога).

Термин *звучащий текст* употребляется нами по двум причинам. Во-первых, это необходимо во избежание терминологических дискуссий относительно определения природы спонтанного разговорного диалога или полилога, для которых в современной науке в зависимости от исходной теоретической позиции автора используются различные термины: *устный коммуникант*, *диалогическое (монологическое, полилогическое) единство*, *дискурс*, *текстоид*, *устное речевое произведение* и др. Во-вторых, термин *звучащий текст* носит общий характер и подразумевает такие формы речи, как монолог, диалог, полилог, то есть все формы, которые могут быть подвергнуты анализу экспертом-лингвистом в процессе выполнения им криминалистического исследования.

Являясь результатом вербального взаимодействия участников события речевой коммуникации, зафиксированного на фонограмме, такой звучащий текст содержит в себе сведения:

— о речевой ситуации, то есть о тех условиях, в которых происходило это коммуникативное событие и в соответствии с которыми выстроено вербальное поведение его участников;

— о динамической структуре анализируемого события, то есть о последовательности смены его фаз на макро- и микроуровне.

Предметом лингвистического исследования в рассматриваемой нами экспертной задаче является установление тех фактических данных по уголовному, гражданскому или административному делу, которые связаны с применением специальных знаний в области разветвленного лингвистического анализа звучащих текстов и которые свидетельствуют о наличии (или, наоборот, об отсутствии) на фонограмме признаков её монтажа.

Соответствие образа речевых действий участников коммуникативного события структуре его развития во времени в условиях, заданных ситуацией речевого взаимодействия, а также проявление этого соответствия в звучащем тексте является показателем целостности отображения коммуникативного события и свидетельствует о полноте и непрерывности его фиксации и его представления на носителе звуковой информации (пластинке, магнитной ленте, дискете, флеш-карте и др.) [Колдин, 2007, с. 427]. В случае цифровой записи звуковая информация содержится в цифровом файле, который может быть размещен либо в памяти компьютера, либо на одном из внешних носителей цифровой информации из приведенного списка.

Важно подчеркнуть, что в зависимости от следственной ситуации, а значит, и в зависимости от конкретных задач экспертного исследования возможно установление полноты и непрерывности фиксации и представления на носителе звуковой информации как всего коммуникативного события, так и отдельных его фрагментов, то есть отрезков звучащего текста различной протяженности.

3. Основные этапы лингвистической части комплексного исследования фонограмм на наличие на них признаков монтажа

Лингвистическая часть комплексного исследования звучащего текста, представленного на экспертизу, включает такие этапы, как:

— установление всех возможных параметров анализируемой коммуникативной картины;

— определение особенностей речевого поведения фигурантов-участников анализируемого коммуникативного эпизода;

— определение динамической композиции анализируемого коммуникативного эпизода на макро- и микроуровне;

— интегрирование параметров ситуации речевого общения и особенностей речевого поведения фигурантов-коммуникантов в заданных этой ситуацией условиях в динамическую конструкцию коммуникативного

эпизода и констатация, таким образом, неразрывности, или целостности его (эпизода) отображения в анализируемом звучащем тексте.

В процессе проведения разветвленного лингвистического анализа звукозаписи (фонограммы) на присутствие на ней признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе записи или после её окончания, рекомендуется использовать нижеуказанный комплекс методов:

— установление дословного содержания анализируемого звучащего текста (далее — АЗТ);

— транскрипция АЗТ;

— сегментация АЗТ на структурные фрагменты;

— контекстуальный анализ АЗТ;

— толковательный (объяснительный, истолковательный) анализ АЗТ;

— компонентный анализ АЗТ;

— семантико-синтаксический анализ АЗТ;

— перцептивный фонетический анализ отдельных элементов АЗТ.

4. Характеристика ситуации речевого общения

Ситуация речевого общения определяет условия коммуникативной деятельности фигурантов-участников, ограниченного в пространстве и во времени, мотивированного, целостного, социально обусловленного процесса их речевого взаимодействия. В соответствии со своим пониманием этих условий и знанием норм речевой коммуникации говорящие выстраивают свою коммуникативную деятельность в рамках данного АЗТ.

Исследование звучащего текста, представленного на фонограмме, имеет своей целью установление всех возможных характеристик ситуации, в которой происходит коммуникация фигурантов, и включает в себя, прежде всего, анализ его (текста) содержательной стороны.

К числу основных параметров анализа ситуации речевой коммуникации, которые устанавливаются в процессе проведения лингвистической части исследования, следует отнести (сразу подчеркнем, что приведенный ниже список параметров анализа носит иллюстративный характер и не претендует на полноту):

— степень подготовленности анализируемой речевой коммуникации (запланированная / незапланированная);

— тип общения (официально-деловое / неофициальное);

— характер речевого общения (публичное / непубличное, или формальное / неформальное);

— частотность анализируемой ситуации (высокая / невысокая);

— количество участников анализируемой речевой коммуникации (диалог / полилог);

— расположение фигурантов-коммуникантов в пространстве (контактное / дистантное, визуальное / невизуальное);

— код общения (вербальный / смешанный, то есть вербальный с применением кинесики) (см., например, работу [Морозов, 2011]);

— назначение события речевой коммуникации (обсуждение путей решения проблемы / поиск нужной информации / координирование совместной деятельности / свободное времяпрепровождение);

— пространственная локализация коммуникативного события (в замкнутом пространстве (то есть в помещении) / на улице (то есть на открытом пространстве));

— факторы, затрудняющие общение (присутствуют / отсутствуют);

— расположение коммуникативного события по отношению к циклическим периодам деятельности человека (работа / отдых / будни / праздники / время суток / время года);

— дефицит времени для общения (присутствует / отсутствует);

— предыстория анализируемой речевой коммуникации (присутствует / отсутствует);

— отношения участников коммуникации (близкие (родственные, дружеские) / нейтральные (знакомый, сослуживец) / дистанцированные);

— сходство объема фонда общих знаний коммуникантов (низкое / среднее / высокое).

Из приведенного выше перечня видно, что речевое, или вербальное поведение индивидуума-фигуранта экспертизы — это сложное, многоаспектное явление, которое обусловлено большим числом факторов: особенностями его воспитания; местом рождения, проживания и обучения; той средой, в которой фигурант-коммуникант АЗТ каждодневно находится; теми особенностями, которые свойственны ему как личности в качестве представителя определенной социальной группы и (или) той или иной национальной общности. В процессе взросления вербальное, или речевое поведение фигуранта постепенно становится для него привычным, шаблонным. Это находит выражение в требуемых окружающими от коммуниканта-фигуранта стандартных оборотах речи, клише (региональных, профессиональных, возрастных и др.), с одной стороны, и в то же время в каких-либо сугубо индивидуальных речевых проявлениях данного диктора-фигуранта, с другой. К перечисленным выше факторам, характеризующим речевое поведение индивидуума, можно добавить и факторы невербальные — жесты, мимику (последние факторы могут быть исследованы,

если речь идёт о видеофонограмме (см., например, [Леви и др., 1983; Морозов, 2011])), те или иные интонационные и фонационные особенности.

Говоря другими словами, в речевом поведении человека проявляется личность анализируемого диктора-фигуранта экспертизы, свойственная его возрасту, данному историческому периоду, стране, региону, определенной социальной (в том числе и профессиональной) группе, семье. Общаясь с кем-либо, человек находится во множестве ролевых и речевых ситуаций. Всё это заставляет его постоянно ориентироваться в обстановке вербального общения, в присутствующих при разговоре сторонних наблюдателях, должным образом реагировать на реплики своего партнера-коммуниканта. Человек (в нашем случае фигурант КЭЗ) в процессе общения постоянно вынужден выбирать ту или иную речевую манеру, стратегию поведения. По манере речевого поведения можно отличить горожанина от жителя села, высокообразованного человека от человека с низким уровнем образования, детей от взрослых и др.

Речевое, или вербальное поведение (разумеется, в соответствии с общими социальными признаками), как правило, носит индивидуальный характер. Таким образом, речевое поведение человека — это источник важной для органов дознания, следствия, суда криминалистической информации.

Вербальное поведение человека включает в себя «воспроизведение», «проигрывание» присущих данному коммуниканту-фигуранту переменных ситуативных образов и «исполнение» ролей, ориентация в общем социальном положении и в ролях адресата его высказываний, оценка официальности или неофициальности обстановки его общения с адресатом и др.

В самом общем виде такие взаимоотношения коммуникантов можно охарактеризовать следующим образом: руководитель — подчиненный, воспитатель — воспитанник, учитель — ученик, родитель — ребенок и др. При этом бесконечность числа текстов (как письменных, так и интересующих нас в этом исследовании — звучащих) порождается ограниченным (то есть конечным) количеством строевых единиц языка: фонем; морфем; словоформ; моделей словообразования, словоизменения и построения предложений, а также ограниченным числом интонационных конструкций [Брызгунова, 1977].

5. Анализ речевого поведения фигурантов как инструмент лингвистического исследования фонограмм на наличие / отсутствие на них признаков монтажа

Из ряда литературных источников (см., например, [Пашук, 2010]) известно, что речевое поведение человека — это сложное явление, связанное

с особенностями его воспитания, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также и национальной общности отличительными чертами.

Основные составляющие речевого поведения — фразы, интонации, внутренний подтекст. В речевом поведении человека в интегрированном виде отражаются его общая эрудиция, особенности его интеллекта, мотивация поведения и эмоциональное состояние в момент рассматриваемого речевого взаимодействия.

Речевое поведение есть не что иное, как наблюдаемая, намеренная, адресованная коммуникативная активность человека в ситуации его речевого взаимодействия, связанная с выбором речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей, стоящей перед ним.

Условимся в данной статье принимать «речевое действие» за ту единицу, с помощью которой описывается речевое поведение. Таким образом, речевое действие — это такое действие (событие, поступок), которое 1) адресовано конкретному собеседнику-адресату и 2) имеет форму языкового выражения (реплика-высказывание или несколько последовательных реплик). Такое речевое действие, направленное на адресата, несёт воспринимающему его собеседнику (партнеру по коммуникации) значимый для участников коммуникации смысл.

Исследование звучащего текста с целью выявления особенностей речевого поведения коммуникантов включает в себя, в числе прочего, анализ языковой программы воспроизведения ими указанных речевых действий.

К числу характеристик, наиболее важных для определения диагностических и идентификационных признаков речевого поведения фигурантов-коммуникантов АЗТ, относятся:

— статус языка, используемого коммуникантом (родной / неродной);

— используемая языковая подсистема (кодифицированный литературный язык, разговорная речь, городское просторечие, региональный вариант языка, социальный или профессиональный диалект);

— уровень речевой культуры коммуниканта;

— индивидуальные речевые особенности коммуниканта (расстановка и заполнение пауз, темп речи, характер речевого дыхания, особенности артикуляции, интонационные характеристики речи, словарный запас, уровень грамматической компетенции, функционально-динамические комплексы устно-речевых навыков) [Орлова, 1997, с. 124—125];

— склонность индивидуума к коммуникативному лидерству (выражена / не выражена);

— порядок ведения диалога (нарратив, то есть повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное слушателю в виде последовательности слов или образов, рассказ / реплицирование, то есть свойство, заключающееся в том, что говорение одного из собеседников чередуется с говорением другого или других: либо в порядке смены, либо в порядке прерывания в эмоциональном диалоге);

— оценка коммуникантами типичности ситуации (привычная, хорошо знакомая, комфортная / непривычная, необычная, неудобная);

— включенность в коммуникацию (поверхностная / глубокая / переменная);

— позиция в ходе общения (открытая / отстраненная / закрытая) и др.

Свойства речевого поведения фигуранта-коммуниканта, выявленные на данном этапе лингвистического исследования, характеризуют как речевое поведение этого коммуниканта в целом, так и каждое его отдельное речевое действие, совершенное им в процессе речевой коммуникации. По этой причине выявленные в процессе исследования АЗТ характеристики следует учитывать при интерпретации речевых действий коммуникантов на этапе интегрирования их речевого поведения в динамическую структуру коммуникативного события.

6. Об анализе композиции речевой коммуникации

Важным этапом лингвистической части интегрального комплексного исследования фонограмм на наличие на них признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе записи или после её окончания, является анализ композиции речевой коммуникации фигурантов АЗТ. Такой анализ предполагает деление рассматриваемой речевой коммуникации на отдельные эпизоды и проводится на двух уровнях, каждому из которых соответствует свой тип коммуникативных единиц.

Описание микроструктуры коммуникативного события базируется на вычленении из АЗТ минимальных коммуникативных единиц или интеракций.

Условимся в данном случае понимать под *интеракцией* (согласно концепции американского психолога Дж. Мида) непосредственную межличностную коммуникацию («обмен символами»), важнейшей особенностью которой признается способность человека «принимать роль другого», представлять себе (ощущать), как его воспринимает партнёр по общению.

Применительно к АЗТ интеракции есть не что иное, как двухкомпонентные диалогические единства, состоящие из речевых действий, принадлежащих различным участникам коммуникации и связанные отношениями иллокутивного вынуждения. Под последним понимается такой

процесс в диалоге, когда одна реплика — реплика-стимул (или соответствующее ей речевое действие) вызывает другую реплику — реплику-реакцию (или другое речевое действие), то есть адресант производит такое высказывание, которое прямо провоцирует адресата реагировать на его сообщение.

Другими словами, в процессе говорения (лат. *in locutio*) человек совершает еще и действие, имеющее какую-то внеязыковую цель: он спрашивает, отвечает, информирует, предупреждает и др. Речевой акт, рассматриваемый с точки зрения внеязыковых целей говорящего, выступает как *иллокутивный* акт.

Единицей описания макроструктуры события речевой коммуникации является коммуникативный эпизод — фрагмент АЗТ, в котором все реплики ориентированы на решение определенной коммуникативной задачи и связаны единой темой. Деление указанного события на отдельные эпизоды отражает динамику развития события речевой коммуникации, членимость этого события на отдельные фазы. В большинстве случаев со сменой фаз связана и смена тем.

7. Определение неразрывности события речевой коммуникации (или его отдельных фрагментов) в анализируемом звучащем тексте

Напомним, что конечной задачей комплексного исследования звукозаписи в аспекте выявления признаков монтажа или иных изменений, внесенных в процессе фиксации звучащего текста или после её окончания, является установление аутентичности (подлинности, несфальцифицированности) анализируемой фонограммы [Каганов, 2005, с. 152].

Эту же цель преследует и лингвистическая часть указанного комплексного исследования. С лингвистической точки зрения целостность отображения события речевой коммуникации в АЗТ можно определить как однозначно выраженное соответствие речевого поведения участников исследуемого коммуникативного события его динамической структуре как на микро-, так и на макроуровне в тех условиях, которые заданы анализируемой ситуацией речевого общения. По этой причине на данном (заключительном) этапе лингвистической части исследования звукозаписи на наличие / отсутствие на ней признаков монтажа осуществляется интегрирование установленных на предыдущих этапах параметров ситуации речевого общения и особенностей речевого поведения фигурантов-коммуникантов в заданных этой ситуацией условиях в динамическую структуру события речевой коммуникации.

Целостность речевого фрагмента, соответствующего взаимодействию собеседников в процессе речевого общения, на микроуровне определяется:

— семантико-синтаксической связностью элементов рассматриваемого общения;

— наличием отношений иллокутивного вынуждения между речевыми поступками коммуникантов в составе их взаимодействия, что включает в себя и адекватность реакции одного из коммуникантов на реплику-стимул его собеседника (адекватность реакции каждого из собеседников определяется ситуацией речевого общения);

— соответствием между репликой-стимулом и репликой-реакцией на содержательном уровне.

В качестве формальных средств семантико-синтаксической связности выступают союзы, предлоги, некоторые виды вводных конструкций и частиц, местоимения, повторы отдельных слов и сочетаний слов, повторение части вопроса при ответе на него, повторение слов из реплики собеседника, распределение функций темы и ремы, а также различных синтаксических компонентов предложения между репликами в анализируемом речевом взаимодействии, звуковые и смысловые ассоциации.

В дополнение к сказанному заметим, что каждое речевое действие в составе такого контактирования характеризуется фонетической (на сегментном и просодическом уровне), грамматической и семантической связностью составляющих его речевых компонентов.

Факт установления целостности речевого фрагмента, соответствующего речевому взаимодействию фигурантов-коммуникантов, свидетельствует о том, что исследуемый фрагмент АЗТ является результатом полной и непрерывной фиксации и представления на носителе звуковой информации (пластинке, магнитной ленте, цифровом звуковом файле и др.) соответствующего фрагмента события речевой коммуникации.

Целостность речевого фрагмента, соответствующего коммуникативному эпизоду на макроуровне, определяется:

— единством темы, обсуждаемой в данном эпизоде;

— исчерпанностью коммуникативных намерений каждого из говорящих;

— непрерывностью иллокутивного вынуждения: каждое речевое действие в анализируемом эпизоде функционально связано с предшествующим как реактивное, а с последующим — как стимулирующее;

— относительной ограниченностью рассматриваемого речевого фрагмента (то есть наличием маркированного или немаркированного завершения эпизода речевой коммуникации).

Факт установления целостности речевого фрагмента, соответствующего коммуникативному эпизоду, свидетельствует о том, что исследуемый фрагмент АЗТ является результатом полной и непрерыв-

ной фиксации, а также представления на носителе звуковой информации соответствующего фрагмента события речевой коммуникации.

В подавляющем большинстве случаев такое событие «соткано» из отдельных эпизодов, каждый из которых отражает свою отдельную тему (подтему). Такие коммуникативные эпизоды в составе события речевой коммуникации представляют собой относительные автономные целостности и сочетаются друг с другом на основе различного рода связей: связей, заданных «сценарием коммуникативного события» — коммуникативной ситуацией; связей ассоциативных, логических, эмоциональных и др.

Отметим, что в случае непринужденной коммуникации участников композиционная структура события речевой коммуникации усложняется. В коммуникации появляются ситуативные фрагменты, которые по критериям их протяженности и степени участия фигурантов-коммуникантов в их разработке могут быть разделить на два вида: вкрапления и включения.

Условимся считать вкраплением такое речевое действие коммуниканта, которое не получает разработки в речевых действиях его партнера (почти всегда подобные речевые действия являются репликами-реакциями на включение элементов пространственно-временной среды в речевую коммуникацию). Вкрапления «разрывают» коммуникативный эпизод, однако после их появления изменения темы не происходит. Яркой иллюстрацией подобного вкрапления может служить ответ одного из коммуникантов на телефонный звонок, поступивший во время основного разговора (пример, который встречается довольно часто в экспертной практике). При этом такой телефонный диалог никак не связан с темой основного разговора. Включения же состоят из взаимосвязанных речевых действий фигурантов-коммуникантов, разрабатывающих ситуативную тематику. В отличие от вкраплений включения диалогичны. Минимальный объем включения — одна интеракция.

При описанном подходе включения получают статус отдельных коммуникативных эпизодов. За таким ситуативным коммуникативным эпизодом может следовать как смена темы, так и возврат к предыдущей.

Примером включения может служить иллюстрация из нашей экспертной практики, когда подчиненная в деловом разговоре с начальником, воспользовавшись возникшей кратковременной паузой, обращается к нему с личной просьбой:

— Мне нужно на родину съездить, в Рыбинск.

— Ну и поезжай! Отпрашивайся у меня и поезжай.

После этого деловой разговор возобновляется.

Фрагменты, составляющие структуру события речевой коммуникации на макроуровне, могут находиться в отношениях включения, вкрапления, могут быть расположены как контактно, так и дистантно относительно друг друга. Установление ситуационно обусловленных, логических, семантических, ассоциативных и иных связей между этими фрагментами свидетельствует о целостности отображения коммуникативного события в АЗТ и, соответственно, о полноте и непрерывности (1) фиксации этого события и (2) представления его на носителе звуковой информации.

8. Заключение

Поводя итоги исследования, подчеркнем, что анализ звукозаписей на наличие на них признаков монтажа или иных изменений, внесенных в фонограмму в процессе записи или после её (записи) окончания, является наиболее сложной задачей КЭЗ на современном этапе развития данного вида экспертных исследований. Это обусловлено бурным развитием технологии цифровой записи звука и широким распространением современных средств мультимедиа и программных продуктов, предназначенных для записи, обработки и анализа цифровых фонограмм.

Перечисленные факторы требуют тщательной проработки теоретических положений, а также практических методов и приёмов анализа (в том числе и лингвистического) звукозаписей в аспекте их аутентичности (подлинности, несфальсифицированности).

Подчеркнем, что при проведении лингвистической части исследования анализируемого звучащего текста (АЗТ) как результата фиксации реального события речевой коммуникации на носителе звуковой информации (пластинке, магнитной ленте, жестком диске компьютера, флеш-карте и др.) эксперт-исследователь не является ни организатором, ни участником, ни свидетелем этого события, а только опосредованным наблюдателем [Шляхов, 1978]. По этой причине возможны ситуации, когда информации, имеющейся в АЗТ, по тем или иным причинам недостаточно для установления *всех* необходимых параметров рассматриваемой ситуации речевой коммуникации, интерпретации тех или иных речевых действий фигурантов-коммуникантов. В подобных случаях установить целостность соответствующего речевого фрагмента средствами одного лишь лингвистического (пусть даже и разветвленного) анализа не удается [Кринов, 1996].

К сожалению, в *отдельных* экспертных ситуациях даже привлечение аппарата аудитивного анализа и инструментальных средств к исследованию такого «сомнительного» с точки зрения возможного монтажа места

фонограммы не даёт необходимого результата, особенно на современном этапе развития цифровых методов записи и обработки звуковых сигналов.

Безусловно, в такой ситуации установление полноты и непрерывности (так же, как и наоборот, неполноты и прерывания) фиксации события речевой коммуникации на том участке фонограммы, который соответствует данному речевому фрагменту, методами перцептивного анализа также не представляется возможным. Последнее, однако, не означает отказа от необходимости разработки теоретических оснований и практических рекомендаций по проведению разветвленного лингвистического анализа в процессе решения этой важнейшей задачи прикладной лингвистики и криминалистической экспертизы звукозаписей по той причине, что разработка и формулирование теоретических положений такого исследования необходимы с точки зрения теории судебной экспертизы в целом и судебной фонографии, в частности.

Следственных (а значит, и экспертных) ситуаций настолько много, что отбрасывать эту часть интегрального комплексного анализа фонограмм только на том основании, что возможный монтаж редко обнаруживается сугубо лингвистическими методами, недопустимо не только с точки зрения теории криминалистики и судебной экспертизы, но и (что особенно важно) с точки зрения судопроизводства, которое требует, чтобы заключение судебного эксперта (в том числе и эксперта КЭЗ с базовым лингвистическим образованием) отвечало трём важнейшим требованиям статьи 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Эксперт проводит исследование *объективно*, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, ***всесторонне*** и в *полном* объеме…» (курсив наш. — *А. К.*) [ФЗ № 73].

Литература

1. *Брызгунова Е. А.* Звуки и интонация русской речи / Е. А. Брызгунова. — Москва : Русский язык, 1977. — 281 с.

2. *Галяшина Е. И.* Особенности лингвистического анализа при установлении факта монтажа фонограмм / Е. И. Галяшина // Информатизация правоохранительных систем : сборник трудов X Международной научной конференции. — Москва : Академия управления МВД России, 2001. — С. 332—335.

3. *Зубов Г. Н.* Методы и средства обнаружения нарушений аутентичности фонограмм / Г. Н. Зубов, С. Л. Коваль // Сборник методических рекомендаций. — Санкт-Петербург : Центр речевых технологий, 2003.

4. *Каганов А. Ш.* Криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей : краткая энциклопедия / А. Ш. Каганов, Л. Ф. Назин. — Москва : Юрлитинформ, 2014. — 280 с.

5. *Каганов А. Ш.* Криминалистическая экспертиза звукозаписей / А. Ш. Каганов. — Москва : Юрлитинформ, 2005. — 272 с.

6. *Колдин В. Я.* Криминалистическая идентификация и поисково-идентификационная деятельность / В. Я. Колдин // Криминалистика: информационные технологии доказывания. — Москва : Зерцало-М, 2007. — 752 с.

7. *Кринов С. Н.* Решение вопросов о монтаже фонограмм в экспертной практике / С. Н. Кринов // Информатизация правоохранительных систем : тезисы докладов Международной конференции. — Москва : Академия управления МВД России, 1996. — С. 179—181.

8. *Леви А. А.* Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве / А. А. Леви, Ю. А. Горинов. — Москва : Юридическая литература, 1983. — 109 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.

10. *Морозов В. П.* Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования / В. П. Морозов. — Москва : Институт психологии РАН, 2011. — 528 с.

11. *Орлова В. Ф.* Основы судебной экспертизы / В. Ф. Орлова / Москва : РФЦСЭ, 1997. — Часть 1: Курс общей теории. — 430 с.

12. *Пашук Н. С.* Психология речи / Н. С. Пашук. — Минск : МИУ, 2010. — 296 с.

13. *Рамишвили Г. С.* Криминалистическое исследование фонограмм речи и идентификация личности говорящего / Г. С. Рамишвили, Г. Б. Чикоидзе. — Тбилиси : Мецниереба, 1991. — 266 с.

14. ФЗ № 73— *О государственной* судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.

15. *Шляхов А. Р.* Судебная экспертиза: организации и проведение / А. Р. Шляхов. — Москва : Юридическая литература, 1979. — 168 с.

Branched Linguistic Analysis as a Tool for Identifying Attributes Montage's of Phonograms

© Alexander Sh. Kaganov (2021), orcid.org/0000-0002-7308-065X, PhD in Technical Science, Senior Researcher, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), a.sh.kaganov@mail.ru.

The issues of a branched linguistic analysis of sounding texts for the presence / absence of editing signs or other changes made during the recording process or after its completion on phonograms containing these texts is discussed in the article. The relevance of the work is due to the rapid development of digital technologies for the fixation, analysis and processing of sound (primarily speech) signals and the use of these technologies for the purpose of falsifying phonograms. Particular attention in the work offered to readers is paid to highlighting those theoretical foundations that serve as the basis of the linguistic part of a comprehensive study of sound recordings in relation to their authenticity. The material for the study offered to the readers' attention was a set of sounding texts of those phonograms of Russian speech that were involved in the field of operational-search activity, investigation and legal proceedings as a source of evidence. The author dwells in detail on the issues of a branched linguistic analysis of these texts, consistently analyzes from a theoretical point of view the constituent stages of such a forensic study, shows the role of the linguistic part of the expertise in the integral complex study of sound recordings from the point of view of their integrity.

Key words: sounding speech; forensics; carrier of sound information; speech communication; situation of verbal communication; forensic examination; the integrity of the sounding text.

References

Bryzgunova, E. A. (1977). *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and intonation of Russian speech]. Moskva: Russkiy yazyk. 281 p. (In Russ.).

FZ № 73— *O gosudarstvennoy sudebno-ekspertnoy deyatelnosti v Rossiyskoy Federatsii: federalnyy zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ*. [On state forensic expertise in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ].

Galyashina, E. I. (2001). Osobennosti lingvisticheskogo analiza pri ustanovlenii fakta montazha fonogramm [Features of linguistic analysis when establishing the fact of mounting phonograms]. In: *Informatizatsiya pravookhranitelnykh sistem: sbornik trudov X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Informatization of law enforcement systems: collection of proceedings of the X International Scientific Conference]. Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 332—335. (In Russ.).

Kaganov, A. Sh. (2005). *Kriminalisticheskaya ekspertiza zvukozapisey* [Forensic examination of sound recordings]. Moskva: Yurlitinform. 272 p. (In Russ.).

Kaganov, A. Sh., Nazin, L. F. (2014). *Kriminalisticheskaya ekspertiza video- i zvukozapisey: kratkaya entsiklopediya* [Forensic examination of video and sound recordings: a short encyclopedia]. Moskva: Yurlitinform. 280 p.

Koldin, V. Ya. (2007). Kriminalisticheskaya identifikatsiya i poiskovo-identifikatsionnaya deyatelnost' [Forensic identification and search and identification activity]. In: *Kriminalistika: informatsionnyye tekhnologii dokazyvaniya* [Criminalistics: information technologies of proof]. Moskva: Zertsalo-M. 752 p. (In Russ.).

Krinov, S. N. (1996). Resheniyye voprosov o montazhe fonogramm v ekspertnoy praktike [Solution of questions about the editing of phonograms in expert practice]. In: *Informatizatsiya pravookhranitelnykh sistem: tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii* [Informatization of law enforcement systems: abstracts of the International conference]. Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 179—181. (In Russ.).

Levi, A. A., Gorinov, Yu. A. (1983). *Zvukozapis' i videozapis' v ugolovnom sudoproizvodstve* [Sound recording and video recording in criminal proceedings]. Moskva: Yuridicheskaya literatura. 109 p. (In Russ.).

Morozov, V. P. (2011). *Neverbalnaya kommunikatsiya: eksperimentalno-psikhologicheskiye issledovaniya* [Non-verbal communication: experimental psychological research]. Moskva: Institut psikhologii RAN. 528 p. (In Russ.).

Orlova, V. F. (1997). *Osnovy sudebnoy ekspertizy* [Fundamentals of forensic examination]. Moskva: RFTsSE. 430 p. (In Russ.).

Pashuk, N. S. (2010). *Psikhologiya rechi* [Psychology of speech]. Minsk: MIU. 296 p. (In Russ.).

Ramishvili, G. S., Chikoidze, G. B. (1991). *Kriminalisticheskoye issledovaniye fonogramm rechi i identifikatsiya lichnosti govoryashchego* [Forensic research of phonograms of speech and identification of the speaker's personality]. Tbilisi: Metsniereba. 266 p. (In Russ.).

Shlyakhov, A. R. (1979). *Sudebnaya ekspertiza: organizatsii i provedeniye* [Forensic examination: organization and conduct]. Moskva: Yuridicheskaya literatura. 168 p. (In Russ.).

Yartseva, V. N. (ed.). (1990). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 685 p. (In Russ.).

Zubov, G. N., Koval, S. L. (2003). Metody i sredstva obnaruzheniya narusheniy autentichnosti fonogramm [Methods and means of detecting violations of the authenticity of phonograms]. In: *Sbornik metodicheskikh rekomendatsiy* [Collection of guidelines]. Sankt-Peterburg: Tsentr rechevykh tekhnologiy. (In Russ.).

Сценарии унисонного разворачивания текста в русскоязычной блогосфере / И. В. Ковтуненко, С. В. Былкова, И. А. Кудряшов, Е. А. Корман // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 79—94. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-79-94.

Kovtunenko, I. V., Bylkova, S. V., Kudryashov, I. A., Korman, E. A. (2021). Scenarios for Unison Text Unfolding in Russian Blogosphere. *Nauchnyi dialog, 2:* 79-94. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-79-94. (In Russ.).

УДК 811.161.1’42+808.56:004.738.5
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-79-94

Сценарии унисонного разворачивания текста в русскоязычной блогосфере

© **Ковтуненко Инна Викторовна (2021),** orcid.org/0000-0002-2200-6871, ResearcherID ABD-6153-2020, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Россия), iv.kovtunenko@yandex.ru.

© **Былкова Светлана Викторовна (2021),** orcid.org/0000-0002-8853-0684, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Россия), svetbyl7592@rambler.ru.

© **Кудряшов Игорь Александрович (2021),** orcid.org/0000-0001-5449-564X, ResearcherID AAY-3368-2020, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), igalk@mail.ru.

© **Корман Екатерина Анатольевна (2021),** orcid.org/0000-0001-5281-4063, ResearcherID AAY-5308-2020, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), eakorman@sfedu.ru.

Статья посвящена анализу сценариев как концептуальных структур специфического типа, лежащих в основе прагматической связности стимулирующих и реактивных сообщений в составе блогового текста на русском языке и проецирующих унисон в текущем взаимодействии. Доказано, что эти сценарии являются сущностным параметром лингвистической компетенции представителей виртуальных сообществ и задействуются инициатором общения и его респондентами для достижения согласия и нахождения общего смыслового знаменателя для исходно конфликтующих точек зрения. Авторы останавливаются на том, что реализация сценариев в компьютерно-опосредованной коммуникации предопределяется как формальными возможностями лексико-грамматической системы русского языка (дискурсивные маркеры), так и лингвокультурными конвенциями, которых придерживаются собеседники на том или ином этапе совместного разворачивания блогового текста. В настоящем исследовании архитектоника сценариев связности стимулов и реакций в составе блогового текста трактуется как следствие реализации эстафетных структур. Подчеркивается, что инициатором связности выступает респондент (в том числе блогер в функции респондента) в ходе конструирования

реагирующего сообщения. Показано, что прагматическая структура данных сценариев включает в себя плацдарм в стимулирующем сообщении и скрепу, которая стыкуется с этим плацдармом в реактивном сообщении.

Ключевые слова: блоговый текст; категория связности; сценарий; эстафетные структуры; лингвокультурные конвенции.

1. Сценарии прагматической связности стимулов и реакций в русскоязычных блогах

В современной русистике в ходе дискурсивного анализа совместно порождаемых компьютерно-опосредованных текстов закрепляется идея о том, что статус этих текстов формируется, помимо прочего, за счет диалогической формы межличностного взаимодействия собеседников [Кудряшов и др., 2015б, с. 28]. Так, для блоговых текстов, диалогических по своей прагматической сущности, характерными оказываются определенные структурные модели дискурсивного поведения автора исходного стимулирующего сообщения и его респондентов. Данные модели маркируются теми или иными языковыми показателями, отражающими контекст межличностной интеракции, манифестируют собой устойчивые дискурсивные ситуации обмена стимулирующими и реагирующими сообщениями. Многомерный анализ типизированных языковых параметров связного разворачивания блогового текста влечет за собой системное описание таких конструктов, которые характеризуются, во-первых, палитрой частотных языковых средств, участвующих в формировании указанного феномена, и, во-вторых, контекстуально-тематической архитектоникой. В когнитивных изысканиях такие конструкты квалифицируются как «сценарии».

Сценарии — эти сети актуальной информации, хранящиеся в сознании индивидов, которые формируются в ходе категоризации повседневного опыта, преобразования этого опыта в соответствующие концепты [Шипунова и др., 2016, с. 94]. Мы используем понятие сценария для интерпретации нового опыта общения, которые получают блогер и его респонденты, выявления специфики унисонной блоговой коммуникации. Сценарии представляют собой высокоструктурированные абстрактные сущности, их информационное содержание упаковывается в виде специфических слотов, используемых по умолчанию в коммуникативных актах. Унисонная перспектива развития компьютерно-опосредованной коммуникации предопределяется степенью общности сценариев, запускаемых собеседниками в момент установления и поддержания фатического контакта друг с другом. Активация того или иного сценария оказывает конструктивное влияние не только на ментальную репрезентацию обсуждаемой ситуации, осуществляемую блогером и респондентами, но и на лексико-грамматическое наполнение стимула и реакций. Вследствие

этого сценарии закладываются в основу когнитивной и прагматической структуры текста, совместно порождаемого собеседниками. Другими словами, сценарии идентифицируются на основе анализа лексико-грамматического наполнения блогового текста, интегрируют в себе ту неявную семантическую и эмотивную информацию, которую внедряют участники общения в этот текст.

Цель исследования заключается в интегративном анализе базовых типов сценариев архитектоники связности стимулирующих и реагирующих сообщений в русскоязычном унисонном компьютерно-опосредованном общении, которые, в свою очередь, являются маркерами относительной тематической исчерпанности межличностного взаимодействия, его лингвокультурной релевантности.

В ходе системного описания дискурсивной деятельности участников компьютерно-опосредованной коммуникации феномен линейной — структурной, семантической и прагматической — связности сегментов стимулирующих и реактивных сообщений в рамках совместно порождаемых текстов отрезков относится к числу актуальных сфер общего и частного языкознания [Былкова и др., 2017; Величко, 2016; Ерещенко, 2014]. Сама дефиниция текста, совместно порождаемого собеседниками в процессе виртуального взаимодействия, с необходимостью предполагает многомерное проявление когерентности. В рамках нашего исследования сценарий прагматической связности стимулов и реакций квалифицируется как многомерный феномен, который синтезирует в себе разнообразные аспекты речемыслительной и дискурсивной деятельности блогера и респондентов, участвующих в линейной организации совместного текста. Данная разновидность сценариев определяется в терминах схем воспроизведения дискурсивных голосов участников компьютерно-опосредованной коммуникации, конкретного механизма упорядочивания поочередных процессов самовыражения и документирования личностного опыта представителей русскоязычного лингвокультурного сообщества, вступающих в межличностное взаимодействие [Володина и др., 2019].

Методологической базой для когнитивного и прагматического анализа сценарной архитектоники связности стимулирующих и реагирующих сообщений в составе блоговых текстов являются выделяемые в общей теории дискурса приоритетные стратегии интерпретации исходных речевых намерений участников межличностного взаимодействия с опорой на такие факторы, как (1) контекстуальное окружение и пропозициональное содержание суждений; (2) локальная и глобальная когерентность структурных характеристик и семантического содержания сообщения отдельно взятого субъекта и последовательности сообщений, инициированных различными

участниками общения; (3) схемы межличностного взаимодействия [Ковальчук и др., 2018; Марченко, 2012; Скнар и др., 2017].

В качестве актуальной модели компьютерно-опосредованной коммуникации заимствуется теоретический конструкт, репрезентирующий личностно-ориентированные образцы дискурсивного мышления и поведения собеседников, которые системно объективируются в виртуальной среде межличностного взаимодействия с опорой на лингвокультурный фактор [Кудряшов и др., 2015в; Розина, 2009].

Привлекаются идеи, в соответствии с которыми когнитивные структуры, управляющие дискурсивными действиями блогера и его респондентов, упорядочиваются в виде сценариев, которые отражают основные этапы связного и целостного разворачивания совместных текстовых произведений [Скнар, 2013; Discourse ..., 2019]. Тематика таких сценариев лежит в основе типологии межличностного взаимодействия.

2. Слоты модусно-диктумного согласования стимулирующих и реагирующих сообщений в плане реализации эстафетной когезии

В основе дискурсивной активности блогера лежит фактор респондента: инициатор общения фокусирует внимание потенциальных собеседников на возможности признать выраженные им намерения, поддержать смысловую позицию, которая обнародуется в стимулирующем сообщении. Приоритетной прагматической целью блогера оказывается навязывание респондентам той версии восприятия обсуждаемого топика, которая проецируется в стимулирующем сообщении. В этом плане, как полагает блогер, последующее разворачивание виртуального текста предопределяется характером интерпретации потенциальными респондентами диктального и модусного компонентов исходного сообщения в контексте установления и поддержания обратной связи.

В плане реализации эстафетной связности в блоговых произведениях можно выделить следующие слоты модусно-диктумного согласования стимулирующих и реагирующих сообщений.

СЛОТ 1. Модусная реакция на модусный компонент стимулирующего сообщения. Респондент поддерживает мнение блогера, которое составляет модусную пропозицию исходного сообщения. Ср. (здесь и далее стимулирующее и реагирующее сообщение для удобства репрезентируются в форме диалогических реплик): (1) — *... Еще больше панамцев бесили пенальти; и пока они кричали на судью, Кейн все тем же неспешным шагом подходил к мячу, поглаживая, ставил его на 11-метровую отметку и оба раза бил в один и тот же, правый от вратаря угол. — Да, отличный фор-*

вард. Молодой. Пусть старается [Блог London Eye, 2020] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Блогер выдвигает модусную пропозицию, в основе которой лежит эмоциональная рецепция игры сборной Англии во время футбольного матча с панамцами (ср. использование предикатов с разговорной окраской *бесили, кричали*, выражающих негативное отношение к панамской команде). Автор сообщения выражает симпатию к Г. Кейну, форварду английской команды, для него важна не столько информация о действиях игрока, сколько ее модусная интерпретация (ср. воссоздаваемую блогером торжественность момента пенальти: неспешность шага игрока, поглаживание им мяча, меткость удара мяча). Диктумную часть пропозиции сообщения блогера составляет ситуация пенальти перед окончанием второго тайма матча, решающая роль форварда, забившего гол. Респондент реагирует именно на модусную составляющую стимулирующего сообщения: основу его реакции формируют не менее модусные пропозиции, позитивно характеризующие форварда английской сборной команды (ср. употребление имен прилагательных с положительными коннотациями *отличный, молодой*). Другими словами, в ходе разворачивания блогового текста зарождается эмпатия между инициатором общения и его респондентом: основой эмоциональной реакции адресата оказываются эмоции говорящего субъекта.

СЛОТ 2. Модусная реакция на диктумный компонент стимулирующего сообщения. Респондент в форме оценочного суждения выдвигает личностную точку зрения на событие, которое составляет диктальную пропозицию сообщения блогера: (2) — *... На выпады хейтеров Алина отвечает просто: "Я поняла, что доказала себе всё на Олимпиаде. Теперь я просто хочу кататься на коньках, наслаждаться и дарить радость болельщикам". — Алина — наше всё. Пусть откатается на максимуме своих возможностей. Мы же не за одни только медали её любим* [Блог London Eye, 2020].

Инициируя стимулирующее сообщение, блогер цитирует мнение известной фигуристки о своей спортивной карьере. Это сообщение призвано расширить знания респондентов об объекте обсуждения, а поэтому характеризуется как диктумное. Респондент интерпретирует актуальную информацию, представленную в стимуле, выражает прагматическое отношение к этой информации в форме ассертивных и императивных речевых актов, отражающих позитивный эмоциональный настрой и пожелания. Диктум-стимул порождает модус-реакцию.

СЛОТ 3. Диктумная реакция на диктумный компонент стимулирующего сообщения. Респондент, выражая согласие с информацией, которая обнародуется блогером в диктальной пропозиции стимулирующего со-

общения, детализует эту информацию, выдвигает дополнительные свидетельства как усиление выдвинутого согласия: (3) — ... *Эпплтон возглавил "Оксфорд Юнайтед", с которым в итоге вышел в первую лигу. — В первом матче под руководством Эпплтона «Оксфорд Юнайтед» на выезде обыграл «Суонси» со счетом 2:1* [Блог London Eye, 2020].

Блогер сообщает потенциальным респондентам новую информацию об изменениях в руководстве известного британского футбольного клуба. Один из адресатов уточняет стимулирующее сообщение важными сведениями, подтверждая своевременность исходно обнародованной информации и поддерживая ее актуальность для последующего обсуждения. Между собеседниками реализуется взаимный обмен знаниями, предварительно полученными ими из разных источников.

СЛОТ 4. Диктумная реакция на модусный компонент стимулирующего сообщения. Блогер выражает определенную модусную оценку некоторого положения дел, респондент подкрепляет данную оценку информацией, которая неизвестна блогеру: (4) — ... *Малкин — это отличное катание, видение площадки, классный бросок и физические данные… главная его фишка — он может резко включать инопланетный режим, и держать его период, матч, неделю или месяц. Он тот игрок, который забирает для вас матч, серию и кубок. В такие моменты он безоговорочно лучший хоккеист мира. — Да, Малкин собрал 9 очков за 6 матчей* [Блог London Eye, 2020].

В стимулирующем сообщении блогера превалирует модусная составляющая: инициатор общения выражает восхищение известным хоккеистом, задействует для этого, как правило, имена существительные и прилагательные с позитивной оценкой, фокусируя внимание потенциальных респондентов на профессиональных достоинствах популярного игрока. Респондент беспристрастно реагирует на исходное модусное сообщение, детализует его важной информацией, составляющей диктум ответной реплики.

В контексте блогового произведения эстафетная организация связности, проецирующая унисон во мнениях собеседников, реализуется в такой стыковке стимула и реакции, которая предполагает, что респондент поддерживает формальные и содержательные аспекты смысловой позиции блогера в форме своего рода эстафеты. Наиболее распространенный тип эстафетной унисонной связности находит отражение в тех сегментах блогового текста, в которых линейная стыковка осуществляется посредством активации механизмов порождения сложных предложений, а именно устанавливается синтаксическая подчинительная связь между стимулирующим и реагирующим сообщением (примеры 5—6), или в основе стыковки этих сообщений лежит формирование сочинительных структур (примеры

7—8). В подобных контекстах респондент, реагируя на точку зрения блогера, вводит в свое сообщение дискурсивный плацдарм, который выполняет прагматическую функцию индикатора унисонного взаимодействия. Так, в сегменте блогового текста (8) дословное цитирование начального сегмента стимулирующего сообщения, осуществляемое респондентом, является типизированным подхватом сочинительной конструкции: (5) — *Еще эмоциональнее оказался Клопп. На каждое удачное действие своей команды в защите он аплодировал, на каждый упущенный шанс в атаке — яростно размахивал руками и подбадривал нападающих. —* ***Потому что*** *Клопп — крутой!* [Блог London Eye, 2020]; (6) — *От первых дней чемпионата мы как болельщики в восторге. —* ***И****, честно говоря, сразу казалось, что все будет так мощно* [Блог London Eye, 2020]; (7) — *А потом над «Лужниками» зарядил ливень. ... лило так сильно, что за пару минут, пока хорватам вручали медали, насквозь промокли футболисты, фотографы и операторы, первые ряды болельщиков и президент Хорватии, героически отказавшаяся от зонта и продолжившая обнимать свою команду. —* ***И*** *мне кажется, что дождь был очень кстати. Могли бы французы так веселиться и праздновать «на сухую»?* [Блог London Eye, 2020]; (8) — ***Но Свитолина играла очень здорово****, показала, что ей хватает полученного опыта. —* ***Но Свитолина играла очень здорово****, и это проявилось не только в ее преимуществах в ключевые моменты, но и в смелых игровых решениях* [Блог London Eye, 2020].

Анализ примеров (5)—(8) наглядно показывает, что в позиции абсолютного начала реагирующего сообщения используется дискурсивный маркер в функции диалогического плацдарма. Унисонное развертывание текста блога осуществляется с опорой на эстафетную реализацию стимулирующего и реагирующего сообщения. Респонденты моделируют реактивные сообщения с учетом фоновой информации, предварительно сообщенной блогером. При этом фоновая информация обнародуется сразу же после диалогического плацдарма, а впоследствии детализуются точки зрения реагирующих собеседников. Мы наблюдаем усиление поддержки, которую оказывает респондент блогеру. Интересно отметить, что эстафетная унисонная когезия достаточно часто реализуется в случае, когда реагирующее сообщение респондента носит резюмирующий характер: собеседник, обобщая исходную информацию, полученную от блогера, выражает свое оценочное отношение к мнению инициатора общения.

В оформлении эстафетной когезии стимулирующего и реагирующего сообщений в составе текста блога конструктивное значение приобретает слот, в котором структура ответного речевого действия включает дискур-

сивный маркер *Да, но...*, одновременно вводящий уступку в пользу точки зрения инициатора общения и суждение, формально альтернативное этому мнению. Диктальный компонент сообщения, вводимый данным маркером, не столько выражает возражение, сколько усиливает согласие с собеседником: (9) *—Утром сгонял на матч молодежных команд, посмотрел на Стивена Джеррарда. А вечером, я думаю, «Ливерпуль» сомнет «Спартак»! ... все-таки «Ливерпуль» есть «Ливерпуль». —* ***Да, но*** *если подытожить, то сегодня не вся Россия болеет за «Ливерпуль»* [Блог London Eye, 2020].

Модусный компонент реагирующего сообщения респондента заметно усиливает аргумент, приводимый блогером. Соглашаясь с позицией блогера, этот респондент утверждает, что в его сообщении обнаруживается рациональное зерно, и одновременно — как противовес данному сообщению — высказывает свою точку зрения, переключая модус общения с позитивной перспективы на негативную реализацию. В контексте виртуального взаимодействия формальное признание позиции блогера дает возможность респонденту смягчить свое последующее несогласие, представить субъективно окрашенные контраргументы против исходных утверждений.

3. Архитектоника отношений уступки в проецировании унисона в компьютерно-опосредованном общении

В риторике компьютерно-опосредованной коммуникации сегменты сообщения респондента, моделирующие уступительную семантику, предстают действенным дискурсивным способом выражения потенциального несогласия с блогером. Респондент реагирует на стимул посредством уступительной конструкции в целях манифестации контраста между альтернативными точками зрения, переключения формата общения в диаметрально противоположную эмоциональную плоскость. Другими словами, семантика уступки трактуется в нашем изыскании как одно из средств воссоздания контраста, который не порождает конфликта между собеседниками, поскольку сопровождается согласием с мнением инициатора общения. В этом случае реплика-согласие выявляет полное или частичное созвучие точки зрения респондента с суждениями блогера.

Инициатор общения обнародует интересную информацию о событии, участником которой он был. Реагирующий собеседник воздействует на модус блогера. Можно говорить о том, что участники виртуального общения реализуют одну и ту же коммуникативную стратегию, нацеленную на вовлечение в беседу большего количества респондентов и тем самым последующую детализацию диктальной и модусной информации, представленной в стимуле и реакции.

Анализ текстового фрагмента (9) показал, что архитектоника отношений уступки формируется за счет следующих трех речевых действий участников компьютерно-опосредованного общения:

1) стимулирующее сообщение блогера, включающее в себя факты, умозаключения, оценочные суждения о дискуссионном положении дел, выраженные ассертивными речевыми актами;

2) признание действенности, логической релевантности данного сообщения респондентом (средство реализации — слово *да*);

3) выражение респондентом альтернативной точки зрения (средство реализации — противительный союз *но*), которая призвана воздействовать на эмоционально-волевую сферу блогера и тем самым стимулировать его и других респондентов к последующему разворачиванию виртуальной коммуникации.

Реагирующее сообщение респондента включает в себя два дискурсивных хода:

1) респондент, исходя из не менее субъективного восприятия обсуждаемой ситуации, поддерживает точку зрения блогера, также фокусирует внимание участников общения на том, что оцениваемый предмет отклоняется от своей естественной нормы;

2) респондент выражает альтернативное мнение, которое фактически формирует контраст с исходными утверждениями блогера, однако не создает конфликтной ситуации в общении в силу предварительно выраженной уступки в пользу смысловой позиции инициатора общения.

Реагирующее сообщение респондента можно охарактеризовать как полифункциональный диалогический шаг, состоящий из двух частей — интродуктивной (*да*) и базовой (*но…*). Данные части отличаются несходным (противоположным) коммуникативным содержанием. Процессы комбинирования данных частей сообщения предопределяются исходными установками реагирующего субъекта относительно смещения коммуникативного центра общения в сторону базового компонента. Интродуктивной частью респондент оказывает интенсифицированное воздействие на модус блогера, в базовой части приоритет отдается диктальному компоненту общения, приводятся факты, которые указывают на несостоятельность точки зрения блогера.

Как представляется, дискурсивный маркер *да, но…* призван:

— усилить действенность той смысловой позиции, которой придерживается респондент в общении за счет расширения знаний блогера об обсуждаемой ситуации в современном футболе;

— переключить эмоционально-волевой настрой блогера в противоположное направление;

— убедить блогера в необходимости взглянуть на обсуждаемую ситуацию с иной перспективы в силу имеющихся неоспоримых фактов.

Респондент проецирует сценарий, нацеленный на унисон в общении с собеседником, активирует в своем реагирующем сообщении маркер *Да, но…,* посредством которого манифестирует свою уступку в пользу точки зрения блогера и одновременно обнародует свою смысловую позицию. Реализующийся при этом частный слот оформляется реакцией, которая представляется автором суждения как своего рода «незащищенная позиция»: (10) — *Лестер и на прошлом этапе должен был дома «лезть вперед». Ничего страшного, справились, 2:0. Тогда сейчас в ответной игре «Лестеру» предстоит выйти с экспериментальной парой центральных защитников* [Блог London Eye, 2020].

Респондент не выражает безоговорочного согласия с точкой зрения инициатора компьютерно-опосредованного общения, его реакция может быть квалифицирована как своего рода признание актуальности и релевантности диктумного содержания стимулирующего суждения, которое соответствует исходным информативным потребностям реагирующего собеседника. Детализуя информацию, составляющую суть пропозиции стимула, респондент фактически имплицирует согласие с речевым намерением блогера, что можно доказать путем трансформации структуры реагирующего сообщения в контексте взаимодействия: в инициальной позиции сообщения релевантным оказывается выражение типа *Да, на прошлом этапе «Лестер» справился (но сейчас, чтобы выйти вперед, этой предстоит произвести рокировку игроков).* Неявно выражаемое согласие моделируется в исходной реакции респондента с опорой на семантику следствия, вводимую союзным словом *тогда*.

4. Модель «согласие с мнением блогера + возражение против отдельных деталей этого мнения»

В примере (11) прагматическая связность стимулирующего и реактивного сообщений конструируется с опорой на модель «согласие с мнением блогера + возражение против отдельных деталей этого мнения», которая характеризуется структурным набором дискурсивных вариантов. В анализируемом контексте сценарий, проецирующий унисон в общении, представлен в форме частного слота, в котором позиция согласия с мнением собеседника оказывается не замещенной: (11) — *Одно можно сказать наверняка: Чемпионат мира будет очень интересным. Есть восемь фигуристок, каждая из которых, пусть и с разной степенью вероятности, может попасть на пьедестал. Надеюсь, мои прогнозы немно-*

го развлекли вас. — Любые прогнозы, хоть субъективные, хоть объективные…, красноречиво говорят о том, что только Алина Загитова на ближайшем чемпионате мира способна навязать борьбу японкам [Блог London Eye, 2020].

В реакции респондента согласие с точкой зрения блогера не выражается эксплицитным образом, однако эта иллокуция выявляется из контекста общения, воссозданного собеседниками. Позиция «согласие с точкой зрения блогера», проецирующая сценарий эстафетного подхвата речевого намерения инициатора общения, с неизбежностью предполагает подкрепление компонентом «возражение против некоторых аспектов мнения блогера» с той целью, чтобы респондент имел возможность высказать свою индивидуальную точку зрения. Эта перспектива ответного реагирования может реализовываться в блоговом тексте с опорой на следующие слоты. Ср.:

Слот 1.

(12) — *В свое время мы уже считали, что если бы лучший сезон Овечкина (2007—2008) пришелся на 80-е, то именно Александру принадлежал бы «вечный» снайперский рекорд — в 1985—86 он забил бы 95. — Совершенно верно, но начнём с того, что в 80-е Кучеров играл бы в чемпионате СССР, а не в НХЛ* [Блог London Eye, 2020].

В данном слоте в реагирующем сообщении после позиции согласия следует гипотетическое утверждение, в определенной степени ставящее под сомнение истинность суждения блогера, а поэтому ослабляющее исходно представленный эстафетный подхват.

Слот 2.

(13) — *Самый спорный момент матча — падение в штрафном пенальти Артема Дзюбы. — Совершенно верно, не было там пенальти. Дзюба сам об ногу Кутепова споткнулся. И, кстати, если бы судья удалил Смольникова, и момента бы этого не было* [Блог London Eye, 2020].

В слоте 2 мы наблюдаем иной характер позиции «возражение против отдельных деталей точки зрения блогера»: после языкового клише, проецирующего унисонную перспективу взаимодействия *Совершенно верно*, имеет место эстафетный подхват речевого намерения блогера, связанного с фокусированием внимания потенциальных респондентов на спорном моменте матча. Однако этот подхват характеризуется незавершенностью, поскольку респондент выражает определенные сомнения в действенности обсуждаемой ситуации при ее альтернативном развитии. Гипотетичность подобной перспективы создает условия для частичной нейтрализации эстафетного подхвата, реализуемого респондентом.

Слот 3.

(14) — *Сейчас Дончич целиком создает нападение «Мэвс»: он — единственная звезда команды, которая достаточно долго была вполне приличной силой. — Я понимаю Ваше восхищение Дончичем. Однако что бы вы ни говорили, но физики ему все равно не хватает. Лето в качалке, хороший врач по препаратам — и в следующем сезоне он будет еще лучше* [Блог London Eye, 2020].

По сравнению со слотами 1—2 позиция «согласие с точкой зрения блогера», входящая в структуру сообщения-реакции, характеризуется усложненным наполнением: перформативный предикат *я понимаю*, выполняющий контактоустанавливающую функцию, дискурсив *однако*, метадискурсный маркер *что бы Вы ни говорили*, который оформляет контрдовод реагирующего собеседника. Все эти компоненты формируют такой коммуникативный плацдарм, который предопределяет прагматическую когезию стимула и реакции, образующих автономное диалогическое единство блогового текста.

5. Заключение

Итак, связность в блоговом тексте, реализуемая респондентом как эстафетный подхват исходного речевого намерения блогера, моделируется на основе проецирования общего когнитивного фона восприятия обсуждаемой ситуации. Прибегая к дискурсивной кооперативной стратегии, респондент воспроизводит этот фон в целях формирования единого смыслового знаменателя для точек зрения, высказываемых собеседниками в отношении обсуждаемой ситуации, фактически — унисона в компьютерно-опосредованном общении. В этом случае прагматической основой связности выступает реакция респондента на определенный коммуникативный плацдарм в стимулирующем сообщении блогера. Вследствие реализации данного типа связности в блоговом тексте активируется сценарий, который проецирует унисон в межличностном общении.

Источники и принятые сокращения

1. *Блог* London Eye [Электронный ресурс] // Sports.ru. — 2020. — Режим доступа : https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/ (дата обращения 23.11.2020).

Литература

1. *Ануфриева Н. А.* Блогосфера как открытое информационное пространство: опыт классификации / Н. А. Ануфриева // Поволжский педагогический поиск. — 2016. — № 1 (15). — С. 81—84.

2. *Былкова С. В.* Диалогическое общение как сфера взаимодействия дискурсивных и грамматических факторов / С. В. Былкова, И. А. Кудряшов // Общественные науки. — 2017. — № 6. — С. 167—178.

3. *Величко М. А.* Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий / М. А. Величко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2016. — № 2 (177). — С. 39—43.

4. *Володина М. С.* Проблема представления голоса в тексте блога: фреймы, средства выражения, интерсубъективность / М. С. Володина, Н. В. Ковальчук // Балтийский гуманитарный журнал. — 2019. — Т. 8, № 1 (26). — С. 39—42. — DOI: 10.26140/bgz3-2019-0801-0007.

5. *Гаврилова Г. Ф.* Предложение и текст: системность и функциональность / Г. Ф. Гаврилова. — Ростов-на-Дону : АкадемЛит, 2015. — 412 с.

6. *Ерещенко М. В.* Эмоциональное содержание спонтанной диалогической коммуникации: перспективы исследования / М. В. Ерещенко // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. — С. 1307—1315.

7. *Калашникова А. А.* Языковая личность в компьютерно-опосредованной коммуникации: вопросы теории и прагматики : учебное пособие / А. А. Калашникова. — Ростов-на-Дону : Издательство ДГТУ, 2017. — 119 с.

8. *Ковальчук Н. В.* Неформальное интервью как модель риторических отношений уступки / Н. В. Ковальчук, Е. Н. Клеменова. — Ростов-на-Дону : АкадемЛит, 2018. — 128 с.

9. *Кудряшов И. А.* Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации / И. А. Кудряшов, А. А. Калашникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 1 (17). — С. 24—31.

10. *Кудряшов И. А.* Блог как сфера реализации социокультурных стереотипов / И. А. Кудряшов, А. А. Калашникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 2 (18). — С. 40—48.

11. *Кудряшов И. А.* Блог как сфера представления стереотипизированного образа носителя культурно-языковых ценностей / И. А. Кудряшов, А. А. Калашникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 3 (19). — С. 26—33.

12. *Марченко Н. Г.* Социальная сеть как новая форма коммуникации в Интернет-пространстве / Н. Г. Марченко // Казанская наука. — 2012. — № 10. — С. 187—193.

13. *Розина И. Н.* Компьютерно-опосредованная коммуникация: моделирование, реализация и исследование / И. Н. Розина // Образовательные технологии и общество — 2009. — Т. 12, № 2. — С. 387—388.

14. *Скнар Г. Д.* Прагматические модели дискурсивной анафоры в монологическом тексте / Г. Д. Скнар, И. А. Кудряшов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2017. — Т. 15, № 1. — С. 51—65. — DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-1-51-65.

15. *Скнар Г. Д.* Спонтанное диалогическое общение: тема и новая информация как реляционные концепты / Г. Д. Скнар // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 258—263.

16. *Шипунова О. Д.* Когнитивные сценарии в конструировании массового сознания / О. Д. Шипунова, Л. В. Мурейко // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 3 (250). — С. 93—101. — DOI: 10.5862/JHSS.250.11.

17. *Discourse Marker* as a Means of Modeling Interpersonal Relations in the Text of Analytical Report / V. V. Kikhtan, E. N. Klemenova, M. V. Ereshchenko, N. V. Kovalchuk, I. A. Kudryashov // Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research. — 2019. — Т. 9, № 1 S6. — P. 39—42.

Scenarios for Unison Text Unfolding in Russian Blogosphere

© **Inna V. Kovtunenko (2021),** orcid.org/0000-0002-2200-6871, ResearcherID ABD-6153-2020, PhD in Philology, Associate Professor, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia), iv.kovtunenko@yandex.ru.
© **Svetlana V. Bylkova (2021),** orcid.org/0000-0002-8853-0684, PhD in Philology, Associate Professor, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia), svetbyl7592@rambler.ru.
© **Igor A. Kudryashov (2021),** orcid.org/0000-0001-5449-564X, ResearcherID AAY-3368-2020, Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), igalk@mail.ru.
© **Ekaterina A. Korman (2021),** orcid.org/0000-0001-5281-4063, ResearcherID AAY-5308-2020, PhD in Philology, Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), eakorman@sfedu.ru.

The article is devoted to the analysis of scenarios as conceptual structures of a specific type that underlie the pragmatic connectivity of stimulating and reactive messages as part of a blog text in Russian and projecting unison in the current interaction. It has been proven that these scenarios are an essential parameter of the linguistic competence of representatives of virtual communities and are used by the initiator of communication and its respondents to reach agreement and find a common semantic denominator for initially conflicting points of view. The authors dwell on the fact that the implementation of scenarios in computer-mediated communication is predetermined both by the formal capabilities of the lexico-grammatical system of the Russian language (discourse markers) and by linguocultural conventions that the interlocutors adhere to at one stage or another of the joint deployment of the blog text. In this study, the architectonics of scenarios for the connectivity of stimuli and reactions in the composition of the blog text is interpreted as a consequence of the implementation of relay structures. It is emphasized that the initiator of cohesion is the respondent (including the blogger in the function of the respondent) in the course of constructing a responsive message. It is shown that the pragmatic structure of these scenarios includes a foothold in incentive communication and a bond that docks with this foothold in reactive communication.

Key words: blog text; connectivity category; scenario; relay structures; linguocultural conventions.

Material resources

Blog London Eye. (2020). In: *Sports.ru*. Available at: https://www.sports.ru/tribuna/blogs/londoneye/ (accessed 23.11.2020).

References

Anufrieva, N. A. (2016). Blogosfera kak otkrytoe informatsionnoe prostranstvo: opyt klassifikatsii [Blogosphere as an open information space: classifying experience]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk* [Volga pedagogical search], *1 (15):* 81—84. (In Russ.).

Bylkova, S. V., Kudryashov, I. A. (2017). Dialogicheskoe obshchenie kak sfera vzaimodeystviya diskursivnykh i grammaticheskikh faktorov [Dialogic communication as a sphere of interrelations between discoursive and grammatical factors]. *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences], *6:* 167—178. (In Russ.).

Ereshchenko, M. V. (2014). Emotsionalnoe soderzhanie spontannoy dialogicheskoy kommunikatsii: perspektivy issledovaniya [Emotional content of spontaneous dialogic communication: prospects of research]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], *6:* 1307—1315. (In Russ.).

Gavrilova, G. F. (2015). *Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funktsionalnost'* [Sentence and text: consistency and functionality]. Rostov-na-Donu: AkademLit. 412 p. (In Russ.).

Kalashnikova, A. A. (2017). *Yazykovaya lichnost' v kompyuterno-oposredovannoy kommunikatsii: voprosy teorii i pragmatiki: uchebnoe posobie* [Linguistic personality in computer-mediated communication: theory and pragmatics: textbook]. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo DGTU. 119 p. (In Russ.).

Kikhtan, V. V., Klemenova, E. N., Ereshchenko, M. V., Kovalchuk, N. V., Kudryashov, I. A. (2019). Discourse Marker as a Means of Modeling Interpersonal Relations in the Text of Analytical Report. *Ad Alta: Journal of Interdisciplinary Research, 9 (1 S6):* 39—42.

Kovalchuk, N. V., Klemenova, E. N. (2018). *Neformalnoe intervyu kak model ritoricheskikh otnosheniy ustupki* [Informal interview as a model of rhetorical assignment relationship]. Rostov-na-Donu: AkademLit. 128 p. (In Russ.).

Kudryashov, I. A. Kalashnikova, A. A. (2015). Blog kak sfera predstavleniya stereotipizirovannogo obraza nositelya kulturno-yazykovykh tsennostey [Blog as a sphere of representing the stereotyped cultural and linguistic value bearer]. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics], *3 (19):* 26—33. (In Russ.).

Kudryashov, I. A., Kalashnikova, A. A. (2015). Blog kak sfera realizatsii sotsiokulturnykh stereotipov [Blog as sphere of realization sociocultural stereotypes]. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics], *2 (18):* 40—48. (In Russ.).

Kudryashov, I. A., Kalashnikova, A. A. (2015). Verbalno-semanticheskiy uroven' funktsionirovaniya yazykovoy lichnosti v internet-kommunikatsii [Verbal and semantic level of the language personality functioning in the internet-communication]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics], *1 (17):* 24—31. (In Russ.).

Marchenko, N. G. (2012). Sotsialnaya set' kak novaya forma kommunikatsii v Internet-prostranstve [Social network as a new form of communication in the Internet space]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science], *10:* 187—193. (In Russ.).

Rozina, I. N. (2009). Kompyuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: modelirovanie, realizatsiya i issledovanie [Computer-mediated communication: modeling, implementation and research]. *Obrazovatelnye tekhnologii i obshchestvo* [Educational technology & society], *12 (2):* 387—388. (In Russ.).

Shipunova, O. D., Mureyko, L. V. (2016). Kognitivnyye stsenarii v konstruirovanii massovogo soznaniya [Cognitive scenarios in the design of mass consciousness]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [St. Petersburg state polytechnical university journal. Humanities and social sciences], *3 (250):* 93—101. DOI: 10.5862/JHSS.250.11. (In Russ.).

Sknar, G. D., Kudryashov, I. A. (2017). Pragmaticheskie modeli diskursivnoy anafory v monologicheskom tekste [Pragmatic models of discursive anaphora in a monologue

text]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of the RUDN University. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them], *15 (1):* 51—65. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-1-51-65. (In Russ.).

Sknar, G. D. (2013). Spontannoe dialogicheskoe obshchenie: tema i novaya informatsiya kak relyatsionnyye kontsepty [Spontaneous dialogical communication: topic and new information as relational concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state university], *1 (292):* 258—263. (In Russ.).

Velichko, M. A. (2016). Kogeziya i kogerentnost': osobennosti razgranicheniya i opredeleniya ponyatiy [Cohesion and coherence: specifics of differentiation and definition of the terms]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history], *2 (177):* 39—43. (In Russ.).

Volodina, M. S., Kovalchuk, N. V. (2019). Problema predstavleniya golosa v tekste bloga: freymy, sredstva vyrazheniya, intersubyektivnost' [The problem of voice representation in the blog text: frames, means of expressing, intersubjectivity]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], *8—1 (26):* 39—42. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0801-0007. (In Russ.).

Садченко В. Т. Глаголы с приставкой *за-* в русских говорах Приамурья / В. Т. Садченко // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 95—106. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-95-106.

Sadchenko, V. T. (2021). Verbs with the Prefix *za-* in Russian dialects of the Amur Region. *Nauchnyi dialog, 2:* 95-106. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-95-106. (In Russ.).

УДК 811.161.1’282.2(571.56+571.65)+81’373.611
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-95-106

Глаголы с приставкой *за-* в русских говорах Приамурья

© Садченко Валентина Тарасовна (2021), orcid.org/0000-0001-6276-6819, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и издательского дела, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет» (Хабаровск, Россия), ValentinaSadchenko@yandex.ru.

Рассматриваются глагольные дериваты с префиксом *за-* на малоизученном в данном аспекте диалектном материале — русских говорах Приамурья. Характеризуются деривационные и грамматические значения производных глаголов с данным формантом в сопоставлении с литературными аналогами. Выявляются особенности семантики и предлагается типология диалектизмов с данным префиксом. Сделан вывод о том, что словообразование в данной группе говоров представляет собой своеобразную форму проявления специфических и общерусских словообразовательных тенденций. Актуальность и новизна работы обусловлены как общей нерешенностью проблемы описания значений русских глагольных приставок, так и недостаточной изученностью специфики глагольного словообразования в говорах. Кроме того, изучение данной группы говоров в словообразовательном аспекте необходимо для построения типологии говоров Дальнего Востока и подготовки монографического их описания. Обращение к исследованию префиксальной глагольной диалектной лексики может способствовать введению в научный оборот новых интересных фактов. Обращение к говорам вторичного образования, находящихся под сильнейшим воздействием литературного языка, может помочь обнаружить динамику преобразований приставочных значений.

Ключевые слова: глагольная лексика; префиксальное словообразование; типология значений; русские говоры.

1. Введение

В русистике наблюдается активизация научного интереса к проблемам глагольной префиксации, речь ведется даже о «префиксологии» (М. А. Кронгауз) как разделе языкознания. На перспективность исследования творческого потенциала приставок в русском языке и на необходимость «привлечения более разнообразного языкового материала» указывает в своей диссертации М. Э. Азизова [Азизова, 2014, с. 49].

Краткий обзор исследований, посвященных вопросу глагольной префиксации в современном русском языке и в русской диалектологии, содержится в нашей работе [Садченко, 2019]. Аспектуальной характеристике отдельных диалектных полиаффиксальных глагольных лексем, репрезентированных в «Словаре русских говоров Приамурья» (далее — СРГП), посвящена также статья «Аспектуальная префиксация в русских говорах Приамурья» [Садченко, 2016], в которой отмечен синкретизм приставок, их субституция и особенности образования интенсивно-результативного способа глагольного действия (далее — СД).

Обратим внимание на те работы, которые не вошли (или вошли в другом аспекте) в обзор. Дискуссионными по-прежнему являются вопросы о наличии инвариантного значения у приставки и о роли приставки в системе видообразования глагольного слова.

Е. А. Земская отмечала тот факт, что «современная префиксологическая традиция и стандарт описания приставок» сложились на пересечении аспектологии и теории словообразования «путем взаимодействия» данных подходов и «объединения полученных результатов» [Земская, 1992, с. 56].

О том, что «связь приставок и вида остается очевидной, но не описанной», писал М. А. Кронгауз [Кронгауз, 1998, с. 83—84]. Анализируя семантику приставки *над-* в русском языке, М. А. Кронгауз обращает внимание на то, что все значения приставки могут быть объединены в семантическую сеть; а также на «бессмысленность обсуждения продуктивности значений» данной приставки ввиду разрушения системы, под которым он понимает отсутствие употребления глаголов с приставкой *над-* (в указанных значениях) в современной русской разговорной речи [Кронгауз, 2001, с. 94].

В. А. Плунгян, развивая теорию прототипического значения, отмечает, что «… русские приставки <…> являются операторами, преобразующими значение исходного глагола», и предлагает описание приставки *под-* в виде семантической сети, состоящей из связанных между собой определенным образом семантических блоков [Плунгян, 2001, с. 100—103]. В. А. Плунгян считает, что значение приставки сохраняется и при перфективации, но в этом случае наблюдается «проявление эффекта Вея-Схонефельда, то есть поглощение значения приставки близким или идентичным значением глагольной основы» [Плунгян, 2001, с. 119].

А. Богуславский, формулируя проблему «разбиения приставочных глаголов» на словоформы одного и того же глагола и разные глагольные лексемы, обращает внимание на выделение «слишком общих» и «слишком дробных» значений у приставок. А. Богуславский считает, что распределение приставок на словообразующие и формообразующие (словоизмени-

тельные) зависит от типа семем, «реализующихся в глагольных приставочных компонентах» [Богуславский, 2001, с. 8—19].

Д. В. Якунина акцентирует внимание на том, что построение «… семантической сети не предполагает <…> формулировки инварианта значения приставки», что оно «позволит обнаружить общие семантические компоненты “частных” значений одной приставки, которые будут свидетельствовать <…> о внутреннем единстве ее семантической структуры» [Якунина, 2001, с. 126].

М. Э. Азизова, напротив, обращаясь к вопросу о значении префиксальных глагольных дериватов в русском языке, высказывает мысль о возможном выделении инвариантного, типового значения у приставок. М. Э. Азизова пишет о том, что «круг значений той или иной глагольной приставки строго определен, сравнительно постоянен. Каждый префикс имеет свою лексико-семантическую парадигму, отдельные значения которой реализуются (актуализируются) в соответствии с заданностью высказывания. Префиксы, так же как исходные мотивирующие глаголы, являются сложными семантическими величинами» [Азизова, 2014, с. 29—49].

В монографии Е. Р. Добрушиной также рассматривается проблема выделения общего значения у префиксальных морфем. Автор пишет: «Применение к приставкам термина “инвариант” в настоящее время скорее не вызывает доверия». И далее, на этой же странице: «Невозможно говорить об общем семантическом элементе в составе пар *вышить — выбежать* или *ушить — убежать*, кроме разве что еще более таинственной, нежели приставочная, общей семантики совершенного вида». Е. Р. Добрушина, признавая в целом идею об инвариантном значении достаточно продуктивной, предлагает вместо термина «инвариант» использовать терминологическое выражение «формальная схема», понимая под этим «такой семантический конструкт, который <…> никогда не присутствует в непосредственном виде в значении приставочного глагола» [Добрушина, 2014, с. 12—13], что, на наш взгляд, еще дальше уводит исследователя от положительного решения вопроса о наличии инвариантного, или типового, значения.

Известно также мнение Г. О. Винокура о том, что «аффикс может иметь значения только тогда, когда он применен к какой-нибудь основе, а не существует сам по себе» [Винокур, 1959, с. 426]. Следовательно, по Г. О. Винокуру, как такового самостоятельного и в том числе инвариантного значения у префикса быть не может.

Представляется интересным рассмотреть деривационные и грамматические значения глаголов с приставкой *за-* на мало исследованном материале русских говоров, а также попытаться выявить наличие / отсутствие

общего компонента у глагольных дериватов с данным префиксом, репрезентированных в «Словаре русских говоров Приамурья».

2. Префиксальные глаголы с приставкой *за-* в русских говорах Приамурья

Хотя глаголы с приставкой *за-* уже были частично описаны Н. А. Клепицкой [Клепицкая, 1989] и О. Ю. Галуза [Галуза, 2013] (в данных работах исследователи обращались преимущественно к явлению мотивации и отношениям между мотивирующим и производным глаголами), считаем необходимым сделать некоторые уточнения, интерпретировать основные значения приставки *за-* в глагольных дериватах в русских говорах Приамурья, а также акцентировать внимание на явлениях, свойственных данной группе глагольных дериватов и не отмеченных исследователями.

Высокая продуктивность и употребительность глагольных дериватов с приставкой *за-* является общей особенностью русских говоров и литературного языка; в «Словаре русских говоров Приамурья» нами выделено 236 глагольных дериватов с данной приставкой.

Русские говоры Приамурья относятся к переселенческим говорам вторичного образования и характеризуются разносистемностью, повышенной вариативностью и особенностями функционирования в условиях длительного междиалектного контактирования на обширной территории.

В преобладающем большинстве контекстов данная приставка имеет грамматикализованное, чистовидовое значение ‘доведение действия до логического конца, результата’, то есть значение совершенного вида: *загибнуть* (‘погибнуть’), *заглотить* (‘проглотить что-либо’), *заробить* (‘заработать’), *загрохаться* (‘упасть, сильно удариться’), *закочевать* (‘поселиться’), *зарюхаться* (‘залезть, заехать в грязь’), *заскребаться* (‘зашнуроваться’), *зачураться* (‘спрятать’), *забурдучить* (‘заправить мукой жидкую пищу’), *заговеть* (‘подморозиться’), *заветить* (‘загадать’), *затягнуть* (‘вытянуть, высосать’), *завеяться* (‘скрыться, исчезнуть’), *завышить* (‘попасть в стрельбе выше цели’), *закрамбалить* (‘закрепить якорь на лебёдке’), *залепендить* (‘резко, с силой ударить’), *замахнуть* (‘обвязать, обвить’), *замахрить* (‘*связать*’), *заложиться* (‘остаться в помещении, заперев двери, закрыться’).

Л. Н. Денисова, анализировавшая глагольную префиксацию на материале мордовских говоров, отмечала, что в говорах Мордовии также преобладают глаголы именно с результативной семантикой [Денисова, 2008]. О превалировании глаголов совершенного вида над глаголами несовершенного вида в речи носителей архангельских говоров писала В. А. Закревская [Закревская, 2002].

В изучаемой группе говоров можно отметить синкретизм приставок, на который, анализируя приставки в современном русском литературном языке, обращала внимание и Д. А. Осильбекова [Осильбекова, 2013, с. 32].

Материал словаря позволил выделить несколько типов таких производных глагольных дериватов совершенного вида, в которых приставка *за-* реализует следующие значения:

1) ‘с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, поместить, переместить в какое-нибудь место’: *закласть* (‘вложить, поместить куда-либо’), *заторгнуть* (‘спрятать, заткнуть’), *зафурить* (‘закинуть, забросить’);

2) ‘покрыть, закрыть чем-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’: *занести* (‘покрыться тучами, потемнеть’), *забусить* (‘припорошить чем-либо’);

3) ‘довести кого-что-либо до нежелательного состояния (негодности, утомления, исчерпанности) посредством действия, названного мотивирующим глаголом’: *зажёстить / зажотить* (‘запустить, плохо обрабатывая (о земле)’), *заклёкнуть* (‘закиснуть (о ягоде)’), *заглыхать* (‘затухнуть’);

4) ‘добыть, получить, захватить что-нибудь посредством действия, названного мотивирующим глаголом’: *забарабить* (‘захватить, взять’), *загрудить* (‘зачесать наверх, собрать в пучок’);

5) ‘распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на часть предмета’: *задолить* (‘заборонить пашню вдоль борозд’). Данный тип не отмечен в других группах русских говоров.

Во всех случаях синкретизм обусловлен взаимодействием видового значения префикса — ‘достижение результата действия’ — и значением основы исходного, мотивирующего глагола.

К 6-ой группе относятся глагольные дериваты, у которых префикс *за-* имеет значение начала действия (начинательный СД). Следует обратить внимание, что начинательный СД с приставкой *за-* образуется только от глаголов несовершенного вида.

М. Э. Азизова, анализируя глагольную лексику в русском литературном языке, обращает внимание на тот факт, что приставка *за-* имеет почти неограниченную продуктивность и «в индивидуальной речи может придавать начинательное значение почти любому глаголу», что, в том числе, она придает начинательное значение глаголам конкретного физического действия [Азизова, 2014, с. 188—189].

В русских говорах Приамурья такое явление не представлено, более того, в материалах источника не зафиксировано ни одного глагола конкретного действия, обозначающего трудовые процессы, с приставкой *за-* с начинательным значением.

Более частотными в данной группе говоров являются глаголы с общим значением звучания (*загнусеть* (‘заговорить в нос медленно’), *заголосить* (‘*запеть высоким голосом*’), *заблагостить* (‘зазвонить’), *заичить* (‘начать икать, заикать’), *закхыкать* (‘закашлять’) *залавать* (‘залаять’), *запарить* (‘начать клохтать (о курице)’) *зареветь* (‘закричать, запеть’), *зарюхать* (‘начать издавать тревожные звуки (о медведице) ’).

Отмечен ряд дериватов с общим значением ‘изменение состояния, связанного с действием’: *забичевать* (‘начать праздно проводить время, загулять’), *загужевать* (‘начать пьянствовать’), *заплошать* (‘заболеть’), *запомирать* (‘начать умирать’), *захарчать* (‘заболеть’). Все глаголы в приведенном ряду являются непереходными, однако, в отличие от литературного языка, все они имеют негативную оценочность, и значение полноты действия у них не представляется ослабленным. В этой группе можно выделить ряд постфиксальных глаголов со значением экспрессивности действия и интенсивной погруженности в действие: *заводиться* (‘начинать, возникать’), *заспаться* (‘начать спаться’).

Выявлены единичные случаи употребления дериватов с приставкой *за-* в начинательном значении с глаголами, обозначающими психическое переживание (*загориться* (‘затосковать’), *зауросить* (‘закапризничать, заупрямиться (о ребенке)’), *засмуреть* (‘загрустить’)) и движение, изменение положения в пространстве (*закубуряться* (‘закувыркаться’), *запахать* (‘затормозить’), *заселендить* (‘забегать, суетясь’)). Значение глаголов состояния и психического переживания усложняется оттенком инхоативности (длительности) действия.

Все перечисленные выше конкретные значения приставки *за-* в производных глагольных дериватах можно назвать контекстуальными вариантами основного результативного значения.

Производные дериваты с приставкой *за-* несовершенного вида могут быть образованы префиксальным способом: *завертать* (‘заворачивать, поворачивать что-либо’), *замельчать* (‘помещать, опускать что-либо неглубоко в землю, измельчая’) и префиксально-суффиксальным способом, при одновременном присоединении префикса *за-* и суффиксального форманта несовершенного вида *(-а-*) к основе беспрефиксного глагола несовершенного вида: *заглядать* (‘смотреть’), *закружать* (‘сводить края свода при рыбной ловле, выбирая их и сужая’), *затягать* (‘туго стягивать, затягивать’), *засучать* (‘закатывать’). Кроме того, этим же способом при помощи суффиксальных формантов несовершенного вида (*-ва-*, *-ива-*/*-ыва-)* образуются глаголы интенсивно-кратного СД, где префикс и суффикс в сочетании с мотивирующей основой означают, что действие производится

усиленно, с повторением и выделением отдельных своих компонентов: *завихривать* (‘быстро ходить, бегать’), *заверяживать* (‘соединять две нитки пряжи, сучить нитки’), *загартывать* (‘загребать’), *закуборивать* (‘плотно закрыть’), *занизывать* (‘вонзать нож во что-либо’),), *зацапливать* (‘цеплять что-либо’), *зашкуривать* (‘очищать дерево от коры’), *заюливать* (‘заворачивать, закруглять (о неводе)’).

Типы отыменных дериватов с приставкой *за-* в анализируемом источнике представлены единичными примерами:

1) *занырить* (‘погрузить под лёд рыболовную снасть с помощью особого орудия — ныряла’) — образовано от существительного *ныряло* при помощи приставки *за-* и суффикса *-и-* со значением ‘направить действие при помощи объекта, то есть того, что названо мотивирующим существительным’. Данный тип не зафиксирован в «Русской грамматике» и не представлен в материалах других говоров;

2) *закомить* (‘скомкать, смять’) — образовано от существительного *ком* так же, как и глагол, относимый к первому типу, префиксально-суффиксальным способом (бесприставочного глагола *комить* не зафиксировано ни в одном источнике, хотя тип продуктивный, достаточно частотный (см. отыменные глагольные дериваты с суффиксом *-и-*), но с другим значением, соответствующим литературному непродуктивному типу: ‘превратить в то, что названо мотивирующим существительным’;

3) *занастить* (‘покрыть настом’) — от имени существительного *наст*; способ образования и форманты те же, что у первых двух типов, отличается от вышеназванных значением, обусловленным мотивирующей основой; соответствует отмеченному продуктивному типу в литературном языке со значением ‘наделить (покрыть, заполнить) тем, что названо мотивирующим существительным (иногда в чрезмерно большом количестве)’ [Русская грамматика …, 1980, § 888].

Сочетание словообразовательных аффиксов — префикса *за-* и суффикса *-и-* — Д. А. Осильбекова относит к мутационным гиперконфиксам, при помощи которых могут быть образованы отыменные глаголы в русском языке, в которых суффикс и префикс выражают классифицирующий признак действия, а префикс, кроме того, — направление действия. В качестве инвариантного значения для данного конфикса автор называет ‘наделить чем-либо’ [Осильбекова, 2013, с. 36].

Во всех трех примерах, приведенных из изучаемого источника, префикс *за-*, кроме конкретного контекстуального значения, имеет значение исчерпанности, достижения результата действия, соответствующего семантике совершенного вида;

4) *заглухать* (‘застаиваться, закисать’) — от прилагательного *глухой* префиксально-суффиксальным способом; по значению соответствует отмеченному продуктивному типу в литературном языке (третий тип) с приставкой *за-* и суффиксом *-и-* с общим значением ‘наделить (иногда чрезмерно) тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным’ [Русская грамматика …, 1980, § 888], отличается суффиксальным формантом *(-а-*).

Таким образом, приставки в дериватах с отыменными основами не только выполняют словообразовательную функцию, но и могут содержать дополнительный акциональный оттенок значения: указывают на результативность действия.

Можно предположить, что в качестве инвариантного значения для приставки *за-* может быть принято именно результативное значение.

Производных глаголов с приставкой *за-*, образованных от наречий, в анализируемом источнике не отмечено.

Следует обратить внимание на грамматические аномалии (М. Я. Гловинская) в представлении части глаголов с префиксом *за-* в СРГП, выражающиеся в видовом несоответствии диалектного слова и комментирующего в словарной статье. Например, в словарной статье с лексемой *загнуситься*: «***ЗАГНУСИ́ТЬСЯ****, шу́сь, си́шься,* сов. *Плакать длительное время.* Занылся он у меня, загнусился *(Джл. Скв.).* Ребёнок чё-то загнусился: хнычет весь день *(Каз. Хаб.). Амур. (Скв.). Хаб. (Хаб.)*» [СРГП, 2007, с. 140] дается помета «совершенный вид», а комментарий (‘плакать длительное время’) имеет актуально-процессное значение, то есть такое значение несовершенного вида, когда действие представлено как начатое, «но не завершенное в данный момент» [Петрухина, 2013, с. 51]. Глагол может быть отнесен к типу дериватов, образованных префиксально-постфиксальным способом, с общим значением: ‘совершая действие в течение длительного времени, целиком погрузиться в него’.

3. Заключение

Можно говорить о существовании некоторых отличий в количестве представленных в русских говорах Приамурья по сравнению с литературным языком глагольных типов с приставкой *за-*: в изучаемых материалах не обнаружено диалектных глаголов, относящихся к третьему, восьмому и девятому типам, зафиксированным в «Русской грамматике» и имеющим соответственно следующие значения: ‘попутно, мимоходом совершить действие, названное мотивирующим глаголом; ненадолго отклониться от основного направления действия’, ‘совершить заранее, заблаговременно,

предварительно, впрок действие, названное мотивирующим глаголом', 'действие, названное мотивирующим глаголом, совершить сразу после другого действия' [Русская грамматика …, 1980, § 861]. В то же время представлены типы, не отмеченные «Русской грамматикой» и не соответствующие основной словообразовательной модели (типы первый и четвертый в классификации отыменных производных дериватов). В отличие от других русских говоров в данной группе отмечены типы с синкретичным контекстуальным значением 'распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на часть предмета' (пятый тип в классификации отглагольных префиксальных дериватов); отсутствуют глаголы конкретного действия, обозначающие трудовые процессы, с префиксом *за-* в начинательном значении. Наиболее частотным значением для префикса *за-* в большинстве производных глагольных дериватов является результативность действия, которое может быть представлено в виде дополнительного компонента и в семантике отыменных глаголов.

Источник

СРГП — *Словарь* русских говоров Приамурья / О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. — Благовещенск : Издательство БГПУ, 2007. — 544 с.

Литература

1. *Азизова М. Э.* Приставочные глаголы русского языка в сопоставлении с таджикским (структурно-семантический аспект) : диссертация … доктора филологических наук : 10.02.20 / М. Э. Азизова. — Душанбе, 2014. — 389 с.

2. *Богуславский А.* Глагольная префиксация в современном русском языке / А. Богуславский // Московский лингвистический журнал. — 2001. — Т. 5. — №1. — С. 7—36.

3. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку / ред. Л. А. Чешко, О. Г. Шикина. — Москва : Учпедгиз, 1959. — С. 419—442.

4. *Галуза О. Ю.* Отглагольные дериваты в системе говоров Приамурья / О. Ю. Галуза // Слово : фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций : вып. 10 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. — Благовещенск : Издательство АмГУ, 2013. — С. 22—27.

5. *Денисова Л. Н.* Способы действия диалектных глаголов с предельной семантикой основ : на материале русских говоров на территории Мордовии языке : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. Н. Денисова. — Саранск, 2008. — 251 с.

6. *Добрушина Е. Р.* Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка / Е. Р. Добрушина. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2014. — 272 с.

7. *Закревская В. А.* Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских говоров) : автореферат

диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. А. Закревская. — Москва, 2002. — 20 с.

8. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — Москва : Наука, 1992. — 220 с.

9. *Клепицкая Н. А.* Глагольные образования с приставкой за- (на материале русских говоров Приамурья) / Н. А. Клепицкая // Народные говоры Дальнего Востока : межвузовский сборник научных трудов. — Хабаровск : Издательство ХГПУ, 1989. — С. 79—85.

10. *Кронгауз М. А.* Опыт семантического описания приставки над- / М. А. Кронгауз // Московский лингвистический журнал. — 2001. — Т. 5. — №1. — С. 85—94.

11. *Кронгауз М. А.* Приставки и глаголы в современном русском языке : семантическая грамматика / М. А. Кронгауз. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 289 с.

12. *Осильбекова Д. А.* Соотношение значений и функций словообразовательных аффиксов в современном русском языке : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.01 / Д. А. Осильбекова. — Москва, 2013. — 43 с.

13. *Петрухина Е. В.* Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках / Е. В. Петрухина // Вестник Московского университета : сер. 9 : филология. — 2013. — № 4. — С. 48—69.

14. *Плунгян В. А.* Приставка под- в русском языке : к описанию семантической сети / В. А. Плунгян // Московский лингвистический журнал. — 2001. — Т. 5. — № 1. — С. 95—124.

15. *Русская* грамматика : в 2-х томах / под ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 784 с.

16. *Садченко В. Т.* Аспектуальная префиксация в русских говорах Приамурья / В. Т. Садченко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — № 2 (50). — С. 165—168.

17. *Садченко В. Т.* Глаголы с приставкой *вы-* в русских говорах Приамурья / В. Т. Садченко // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 84—94. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-84-94.

18. *Якунина Д. В.* Приставка при- : построение семантической сети / Д. В. Якунина // Московский лингвистический журнал. — 2001. — Т. 5. — № 1. — С. 125—160.

Verbs with the Prefix *za-* in Russian dialects of the Amur Region

© Valentina T. Sadchenko (2021), orcid.org/0000-0001-6276-6819, Doctor of Philology, professor, Head of the Department of Russian Language and Publishing, Pacific National University (Khabarovsk, Russia), ValentinaSadchenko@yandex.ru.

The article deals with verb derivatives with the prefix *za-* on the dialectal material that is poorly studied in this aspect — the Russian dialects of the Amur region. The derivational and grammatical meanings of the derived verbs with this formant are characterized in comparison with their literary counterparts. The peculiarities of semantics are revealed and a typology of dialectisms with this prefix is proposed. It is concluded that word formation in this group of dialects is a peculiar form of manifestation of specific and general Russian word-formation tendencies. The relevance and novelty of the work is due to both the general unresolved problem

of describing the meanings of Russian verb prefixes, and insufficient knowledge of the specifics of verbal word formation in dialects. In addition, the study of this group of dialects in the derivational aspect is necessary for the construction of a typology of dialects of the Far East and the preparation of a monographic description of them. Turning to the study of prefix verb dialect lexicon can contribute to the introduction of new interesting facts into scientific circulation. Turning to dialects of secondary education, which are under the strongest influence of the literary language, can help to reveal the dynamics of transformations of prefixed meanings.

Key words: verb vocabulary; prefix word formation; typology of meanings; Russian dialects.

Material resources

Galuza, O. Yu., Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatina, L. F., Shenkevets, N. P. (2007). *Slovar' russkikh govorov Priamurya.* Blagoveshchensk: Izdatelstvo BGPU. (In Russ.).

References

Azizova, M. E. (2014). *Pristavochnyye glagoly russkogo yazyka v sopostavlenii s tadzhikskim (strukturno-semanticheskiy aspekt):* Doct. Diss [Prefixed verbs of the Russian language in comparison with Tajik (structural and semantic aspect): Doct. Diss]. Dushanbe. 389 p. (In Russ.).

Boguslavskiy, A. (2001). Glagolnaya prefiksatsiya v sovremennom russkom yazyke [Verb prefixation in modern Russian]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Moscow Linguistic Journal], *5 (1):* 7—36. (In Russ.).

Denisova, L. N. (2008). *Sposoby deystviya dialektnykh glagolov s predelnoy semantikoy osnov: na materiale russkikh govorov na territorii Mordovii yazyke:* PhD Diss [Ways of action of dialectal verbs with limiting semantics of bases: on the material of Russian dialects in the territory of Mordovia language: PhD Diss]. Saransk. (In Russ.).

Dobrushina, E. R. (2014). *Korpusnyye issledovaniya po morfemnoy, grammaticheskoy I leksicheskoy semantike russkogo yazyka* [Corpus research on morphemic, grammatical and lexical semantics of the Russian language]. Moskva: Izdatelstvo PSTGU. 272 p. (In Russ.).

Galuza, O. Yu., Arkhipova, N. G., Oglezneva, E. A. (eds.). (2013). Otglagolnyye derivaty v sisteme govorov Priamurya [Verbal derivatives in system of dialects of Priamurye]. *Slovo: folklorno-dialektologicheskiy almanakh: materialy nauchnykh ekspeditsiy, 10*. [Word: folklore-dialectological almanac: materials of scientific expeditions: vol. 10]. Blagoveshchensk: Izdatelstvo AmGU. 22—27. (In Russ.).

Klepitskaya, N. A. (1989). Glagolnyye obrazovaniya s pristavkoy za- (na materiale russkikh govorov Priamuryya) [Verb formations with the prefix za- (based on the Russian dialects of the Amur region)]. *Narodnyye govory Dalnego Vostoka: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Folk dialects of the Far East: interuniversity collection of scientific papers]. Khabarovsk: Izdatelstvo KhGPU. 79—85. (In Russ.).

Krongauz, M. A. (2001) Opyt semanticheskogo opisaniya pristavki nad- [Experience of the semantic description of the prefix over-]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Moscow linguistic journal], *1:* 85—94. (In Russ.).

Krongauz, M. A. (1998). *Pristavki i glagoly v sovremennom russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in modern Russian: semantic grammar]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 289 p. (In Russ.).

Osilbekova, D. A. (2013*). Sootnosheniye znacheniy i funktsiy slovoobrazovatelnykh affiksov v sovremennom russkom yazyke: avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk*. [The ratio of meanings and functions of derivational affixes in modern Russian: author's abstract of Doct. Diss.]. Moskva. (In Russ.).

Petrukhina, E. V. (2013). Tipy protsessnoy semantiki nesovershennogo vida v russkom i cheshskom yazykakh [Types of process semantics of imperfect form in Russian and Czech languages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta: seriya 9: filologiya* [Bulletin of Moscow University: Series 9: Philology], *4:* 48—69. (In Russ.).

Plungyan, V. A. (2001). Pristavka pod- v russkom yazyke: k opisaniyu semanticheskoy seti [Prefix pod- in the Russian language: to the description of the semantic network]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Moscow linguistic journal], *5 (1):* 95—124. (In Russ.).

Sadchenko, V. T. (2016). Aspektualnaya prefiksatsiya v russkikh govorakh Priamurya [Aspectual prefixation in Russian dialects of the Amur region]. *Sotsialnyye i gumanitarnyye nauki na Dalnem Vostoke* [Social and humanitarian sciences in the Far East], *2 (50):* 165—168. (In Russ.).

Sadchenko, V. T. (2016). Verbs with the Prefix "vyi-" in Russian Dialects of the Amur River Region. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], *12:* 84—94. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-84-94. (In Russ.).

Shvedova, N. Yu. (ed.) (1980). *Russkaya grammatika: v 2-kh t.: 1*. [Russian grammar: in 2 volumes: 1]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Vinokur, G. O. (1959). Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu [Notes on Russian word formation]. *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moskva: Uchpedgiz. 419—442. (In Russ.).

Yakunina, D. V. (2001). Pristavka pri-: postroenie semanticheskoy seti [Prefix pri-: building a semantic network]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Moscow linguistic journal], *5 (1):* 125—160. (In Russ.).

Zakrevskaya, V. A. (2002). *Upotreblenie pristavochnykh glagolov sovershennogo i nesovershennogo vidov v dialektnoy rechi (na materiale arkhangelskikh govorov): avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk* [The use of prefixed verbs of the perfect and imperfect types in dialectal speech (Arkhangelsk dialects): author's abstract of PhD Diss.]. Moskva. 20 p. (In Russ.).

Zemskaya, E. A. (1992). *Slovoobrazovanie kak deyatelnost'* [Word formation as an activity]. Moskva: Nauka. 220 p. (In Russ.).

Сдобников В. В. Объективное и субъективное в редактировании перевода / В. В. Сдобников // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 107—126. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-107-126.

Sdobnikov, V. V. (2021). Different Aspects of Translation Revision Process. *Nauchnyi dialog, 2:* 107-126. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-107-126. (In Russ.).

УДК 81’255.4
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-107-126

Объективное и субъективное в редактировании перевода

© Сдобников Вадим Витальевич (2021), orcid.org/0000-0002-4717-2980, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова» (Нижний Новгород, Россия), artist232@rambler.ru.

Автор статьи исходит из того, что редактирование перевода представляет собой неотъемлемый этап переводческого процесса, обеспечивая повышение качества перевода. Подчеркивается, что следует различать функции редактора и корректора. Уделяется внимание функциям редактора перевода, то есть выполнению им тех действий, которые должны привести к появлению перевода, лишенного недостатков. Актуальность исследования определяется необходимостью выработать общий подход к осуществлению редактирования перевода, в настоящее время не представленный в переводческой практике. Изложены результаты проведенного эксперимента по редактированию одного текста несколькими специалистами. Сделан вывод о том, что редактор способен повысить качество перевода при условии, что у него более высокий профессиональный уровень, чем у переводчика. Показано, что при этом в тексте перевода могут оставаться отдельные погрешности, не замеченные редактором. Кроме того, установлено, что значительная глубина правки далеко не всегда обеспечивает доведение текста перевода до идеального состояния, а в некоторых случаях может приводить и к снижению качества из-за ошибок в интерпретации редактором содержания оригинала. Новизна исследования видится в выявлении субъективных подходов разных редакторов к редактированию перевода.

Ключевые слова: редактирование; качество перевода; корректура; интерпретация; переводческая ошибка.

1. Введение

В процессе профессионального перевода, а точнее, в процессе создания переводческого продукта одной из основных фигур является, несомненно, сам переводчик. Именно от него в значительной степени зависит качество этого продукта, в связи с чем большое внимание уделяется требованиям к профессиональной квалификации переводчика, набору его компетенций (см., например: [Researching Translation Competence, 2017; Robinson, 2003]).

Вместе с тем почему-то не принимается во внимание тот факт, что, помимо переводчика, за качество перевода отвечают и другие люди, участвующие в производственном процессе. В структуре любой переводческой компании (бюро переводов), а часто и в структуре переводческих отделов крупных организаций и предприятий всегда имеются люди, в задачу которых входит доведение качества переводного текста до необходимого уровня — редакторы и корректоры. В последние годы представители переводческой отрасли часто жалуются на отсутствие редакторов, обладающих достаточной профессиональной подготовкой. Однако требования к такой подготовке не формулируются четко, а иногда можно усмотреть и противоречия в представлениях субъектов переводческой отрасли о том, какими характеристиками должен обладать редактор перевода, каков его профессиональный «портрет».

Вряд ли возможно определить основные требования к профессиональной квалификации редактора перевода в рамках одной статьи. Наша цель — проанализировать те подходы, которые используют разные редакторы в процессе редактирования переводного текста, чтобы в дальнейшем сформулировать перечень профессиональных компетенций редактора перевода, а также выявить моменты общие (объективные) в работе редактора и субъективные.

Далее мы не будем принимать во внимание такие виды деятельности, как саморедактирование, осуществляемое переводчиком в процессе создания перевода (алгоритмы этого вида редактирования рассматриваются в работе О. Г. Щетинковой, хотя и не отграничиваются ею четко от собственно редактирования, осуществляемого редактором [Щетинкова, 2015, с. 37—42]), постредактирование машинного перевода, которое, по нашему мнению, обладает некоторыми отличиями от традиционного редактирования текста, созданного человеком, и перевод-редактирование, или transediting (об этом см. [Мурзина, 2017, с. 93—94]).

2. Редактирование в структуре переводческого процесса

Под *переводческим процессом* мы в данном случае подразумеваем производственный процесс, направленный на создание текста перевода в письменной форме с участием разных категорий работников. К их числу относятся, помимо самих переводчиков, менеджеры переводческих проектов, редакторы, корректоры и верстальщики. Руководители переводческих компаний, бухгалтеры, сотрудники, принимающие заказы от клиентов, в переводческий производственный процесс нами не включаются, поскольку не участвуют непосредственно в создании итогового продукта. «Рекомендации переводчику, заказчику и редактору», утвержденные Сою-

зом переводчиков России и Национальной лигой переводчиков, дают весьма расплывчатое определение категории «редактор»: «Физическое лицо, осуществляющее при необходимости правку перевода для приведения его в соответствие с действующими нормами, правилами и требованиями заказчика» [Письменный перевод …, 2013, с. 7]. Это определение не дает представления ни о месте редактора в переводческом процессе, ни о функциях, выполняемых им. Правда, радует указание на необходимость привести текст в соответствие с требованиями заказчика, что предполагает клиентоориентированность деятельности по осуществлению перевода в полном соответствии с разделяемым нами коммуникативно-функциональным подходом к переводу (см., например, [Сдобников, 2015, с. 40—42]). Более подробно функции редактора описаны в Приложении 1 к «Рекомендациям». Авторы указывают, что редактор должен:

— следить, не исказил ли переводчик смысл оригинала;

— проверять термины и цитаты, использованные переводчиком;

— устранять допущенные переводчиком и не замеченные им при вычитке пропуски, опечатки и иные подобные ошибки;

— помогать переводчику в создании новых терминов, отсутствующих в словарях, и в поиске цитат;

— в случаях, когда оригинал имеет очень специфический характер, снабжать переводчика справочными материалами или даже глоссарием терминов, принятых в компании, для которой делается перевод;

— обсуждать с переводчиком неясные или нелогичные места, если таковые встречаются в переводе или оригинале;

— следить за соблюдением переводчиком норм языка перевода, не злоупотребляя вкусовой правкой;

— проверять перевод аббревиатур, результаты пересчета единиц измерения, написание имен собственных и географических названий;

— проверять правильность воспроизведения в переводе всей числовой информации оригинала;

— проводить поиск нужной информации в Сети и справочниках [Письменный перевод …, 2013, с. 41].

Таким образом, можно согласиться с авторами, которые определяют редактирование как проверку «информации с целью усовершенствования или исправления ее структуры, содержания, соответствия, завершенности, логической последовательности, методов презентации» [Мариневич и др., 2013, с. 138]. В более общем смысле редактирование можно определить как «обработку текста с целью повышения его качества» [Березовская и др., 2019, с. 81].

Сопоставление указанных выше требований с практикой осуществления перевода в переводческих компаниях показывает, что они не учитывают разграничение полномочий между разными субъектами — редактором и корректором. В частности, устранение опечаток и иных подобных ошибок, а также нарушений норм языка перевода относится, скорее, к функциям корректора, а не редактора, хотя и редактор может исправлять такие ошибки, если замечает их. Здесь следует принять во внимание тот факт, что редактор осуществляет свою деятельность на основе сопоставления перевода с оригиналом, а для корректора текст оригинала требуется не всегда. Подтверждение тому, что редакторы и корректоры решают не совсем одинаковые задачи, находим в рассуждениях переводчиков-практиков, выступающих одновременно и в качестве редакторов / корректоров, например: «Редактор должен убедиться в том, что каждый сегмент текста переведен соответствующим образом — полностью и качественно. После такой “горизонтальной” проверки редактор производит “вертикальную” проверку, сосредоточив свое внимание на переводном тексте и обеспечивая его готовность к публикации. Корректор должен убедиться в том, что текст перевода не имеет орфографических и лексико-грамматических ошибок» (перевод наш. — *В. С.*) [How I Translate]. По мнению О. В Максютиной, «корректирование больше относится к заключительной стадии работы с текстом перевода, после редакторской правки и без сопоставления с текстом оригинала, то есть представляет собой проверку текста перевода на соответствие нормам языка перевода» [Максютина, 2014а, с. 122]. Однако представляется, что подобное распределение обязанностей редактора и корректора существует только в теории. А на практике один и тот же человек может совмещать разные функции.

Более точно задачи редактора определяет Брайан Моссоп, хотя в его перечне они в значительной степени соотносятся с требованиями к редактору, изложенными в «Рекомендациях переводчику, заказчику и редактору». Данный перечень включает 12 критериев, поделенных на четыре группы:

— передача информации: точность и полнота передачи информации;

— содержание: соблюдение логики текста и точное воспроизведение фактологии;

— язык: гладкость стиля, отсутствие нарушений нормы и узуса, воспроизведение особенностей подъязыков, передача идиом, технология перевода;

— презентация текста: набор текста, оформление, расположение элементов текста (перевод наш. — *В. С.*) (цит. по [Collada, 2018, с. 23]).

Как мы видим, Б. Моссоп не говорит об исправлении орфографических и подобных им ошибок, видимо, оставляя эту обязанность корректору.

Таким образом, переводческий производственный процесс включает следующие этапы: выполнение перевода → повторное прочтение, или проверка выполненного перевода самим переводчиком → редактирование → корректура или выверка. О. В. Максютина делит переводческий процесс примерно на те же этапы, оперируя при этом переводоведческой терминологией: «основными этапами процесса перевода являются: подготовка перевода или предпереводческий анализ, непосредственно перевод текста, послепереводческий анализ (контроль, корректура, редактирование)» [Максютина, 2014б, с. 109]. Представляется, что в нашем изложении последовательность этапов переводческого процесса определена более точно и полностью соответствует европейскому стандарту на оказание переводческих услуг EN15038 [European Quality Standard, 2006], а также заменившему его стандарту ISO 17100 Quality Standard — Requirements for Translation Services [ISO 17100]. Однако нельзя не согласиться с тем, что «фаза редактирования непосредственно включена в процесс перевода как самостоятельная единица» [Максютина, 2014б, с. 109]. Причем эта фаза может повторяться в рамках переводческого процесса: скажем, после того, как корректор исправил в тексте ошибки, текст перевода опять может быть направлен на просмотр редактору.

Интерес представляет тот факт, что в английском языке используются разные термины для обозначения схожих действий: check, editing, review, revision, proofreading (см. определения терминов в [Шимановская, 2016, с. 123]). Часто эти термины рассматриваются как синонимы. Стандарт ISO 17100 более четко разводит обозначаемые ими действия по разным этапам и, соответственно, разграничивает значения самих терминов: *check* by a professional translator — проверка профессиональным переводчиком (саморедактирование), in-depth *revision* by a second linguist (bilingual editing) — детальное редактирование вторым переводчиком (двуязычное редактирование), *review* (monolingual editing by domain specialists) — редактирование (одноязычное редактирование специалистом в данной области знаний), *proofreading* (target language content revision and correction before printing) — корректура (проверка правильности передачи содержания в тексте перевода и исправление ошибок перед публикацией) [ISO 17100]. Приходится признать, что русский термин *редактирование* охватывает сразу два вида деятельности: собственно редактирование вторым переводчиком и редактирование специалистом в данной области знания. Однако это не создает каких-то неудобств в ситуациях, когда специалист в опреде-

ленной области знания не привлекается к проверке качества перевода и вся проверка осуществляется вторым переводчиком.

3. Данные эксперимента: варианты редактирования одного перевода

Поскольку нашей целью является определение подходов к редактированию перевода, реализуемых в практической деятельности, мы провели небольшой эксперимент: семи профессиональным переводчикам / редакторам, имеющим значительный опыт переводческой и редакторской деятельности (10—15 лет), было предложено осуществить редакторскую правку текста перевода, выполненного начинающим переводчиком. Созданная нами ситуация получилась отчасти искусственной, поскольку редакторам не была обозначена цель выполнения перевода, не было указано, кто выступает в качестве его заказчика, кому он адресован и как он должен использоваться. Поэтому каждый из редакторов исходил из собственных представлений о назначении редактируемого текста.

Приведем отрывок из текста оригинала и соответствующий ему перевод.

ОРИГИНАЛ	ПЕРЕВОД
My friend Kazuo Ishiguro: 'an artist without ego, with deeply held beliefs' *Last week, the British novelist was awarded the Nobel prize for literature.* *His first editor at Faber recalls the rise to greatness*	**Мой друг Кадзуо Исигуро: непритязательный творец с твердыми убеждениями'** *На прошлой неделе (5 октября 2017) этот британский писатель получил Нобелевскую премию по литературе* *Его первый редактор в издательском доме «Faber and Faber» рассказал о пути Кадзуо к успеху*
One minute, the old friend I know as "Ish" was sitting at his kitchen table, doing emails, having not yet showered or washed his hair. Half an hour later, the world's media was snaking up the path to his house in Golders Green, north London. "How on earth did they know where I lived?" he puzzled, reviewing a day of "bizarre" events. It was, he says, not until the news was confirmed by the BBC that he began to compose himself to address the great honour bestowed upon him by the Swedes.	Минуту назад мой старый друг, которого я зову просто «Иш», сидел за кухонным столом с немытой головой, копаясь в своем электронном почтовом ящике. Всего полчаса спустя журналисты новостных агентств со всего мира уже направляются к его дому в Голдерс Грин, в северной части Лондона. «Как они узнали где я живу?» — задумывается Кадзуо, вспоминая об этом необычном дне. По его словам, только увидев эту новость на BBC, он понял что действительно произошло, и начал собираться с мыслями по поводу оказанной ему шведскими академиками великой чести.

Разные редакторы использовали разные способы комментирования текста перевода или сочетание двух способов: комментарий на полях либо зачеркивание неудачных (на их взгляд) вариантов и вставки собственных вариантов непосредственно в тексте.

Далее мы покажем, какие именно комментарии оставили редакторы.

1. *My friend Kazuo Ishiguro: 'an artist without ego, with deeply held beliefs' //* Мой друг Кадзуо Исигуро: непритязательный творец с твердыми убеждениями'

Ред. 1: оставил комментарий к слову *непритязательный*: «Слова неорганично сочетаются, плюс создаётся нежелательная двусмысленность — возможность интерпретации в том смысле, что творец не предъявляет особых претензий к своим творениям, что, конечно, не соответствует характеристике писателя. Подошло бы что-то вроде "скромный художник"».

Ред. 2: оставил комментарий: «Чтобы все аккуратно было, ставим русские кавычки».

Ред. 3: поставил кавычки перед словом *непритязательный*.

Ред. 4: оставил комментарий: «Этот заголовок звучит лаконично и емко, но меня смутно терзают "твердые убеждения". Я бы поиграл с "мастером слова, который чужд самолюбия". И дальше переформулировал убеждения в "познавший" или "глубины познания". Это просто в качестве "на подумать"».

Ред. 5: без комментариев или исправлений.

Ред. 6: поставил кавычки перед словом *непритязательный*.

Ред. 7: поставил русские кавычки перед словом *непритязательный* и после слова *убеждениями*.

2. *Last week, the British novelist was awarded the Nobel prize for literature. // На прошлой неделе (5 октября 2017) этот британский писатель получил Нобелевскую премию по литературе*

Ред. 1: комментарий к слову *этот*: «Не вполне удачная попытка "эксплицировать" определённый артикль. Следовало написать, например, "британский писатель Кадзуо Исигуро"».

Ред. 2: без комментариев.

Ред. 3: зачеркнул большую часть предложения и вписал свой вариант: «5 октября 2017 года британский писатель японского происхождения был удостоен Нобелевской премии по литературе».

Ред. 4: оставил комментарий: «Всякие "тот, этот и т. д." передаваемые определенным артиклем the, плохо вяжутся с русским благозвучием.

Это имхо. Поэтому я стараюсь уходить через описательное. Например, как предложено в правке». В правке: «британский писатель японского происхождения получил…».

Ред. 5: без комментариев.

Ред. 6: добавлено слово *года* (5 октября 2017 года), зачеркнуто слово *этот* (без комментариев).

Ред. 7: комментарий к словосочетанию *на прошлой неделе*: «Если для получателя перевода не критично знать время написания статьи, то я бы удалил эту относительную привязку и оставил только дату». Добавлено «г.» (2017 г.).

3. *His first editor at Faber recalls the rise to greatness // Его первый редактор в издательском доме «Faber and Faber» рассказал о пути Кадзуо к успеху*

Ред. 1: комментарий к слову *Кадзуо*: «Он же не мальчик. Даже если бы в оригинале в этом месте стояло “Kazuo”, по-русски такое выглядит фамильярностью».

Ред. 2: комментарий к названию издательства: «Иностранные названия зачастую не нужно закавычивать (кстати, это и многие иностранные же заказчики рекомендуют); еще вопрос, оставлять ли название по-английски, или привести и по-русски: здесь стоит ориентироваться на целевую аудиторию — кто-то прочитает, кто-то нет. Вообще, это часто дилемма…».

Ред. 3: без комментариев.

Ред. 4: зачеркнуто *рассказал*, *пути Кадзуо к успеху*, вставил свой вариант: *вспоминает о великом моменте всемирного признания* — и добавил комментарий: «Мне кажется, текст больше о самом моменте переживания успеха, нежели о длинном пути к нему».

Ред. 5: без комментариев.

Ред. 6: без комментариев.

Ред. 7: без комментариев.

4. *One minute, the old friend I know as “Ish” was sitting at his kitchen table, doing emails, having not yet showered or washed his hair. //* Минуту назад мой старый друг, которого я зову просто «Иш», сидел за кухонным столом с немытой головой, копаясь в своем электронном почтовом ящике.

Ред. 1: комментарий к словосочетанию *Минуту назад*: «Допустим. Но следующее предложение начинается со слов: “Всего полчаса спустя...”. Вопрос: где референциальный центр, момент речи?».

Ред. 2: без комментариев.

Ред. 3: зачеркнуто *Минуту назад*, вписано *в то утро*; вместо *Иш* вписано *Ис*; зачеркнуто: *сидел за кухонным столом с немытой головой,*

копаясь в своем электронном почтовом ящике; вписано: *сидел за кухонным столом и разбирал электронную почту. Он еще не успел принять душ и помыть голову*.

Ред. 4: комментарий к слову Иш: «Если он иСигуро, то почему сокращенное “иШ”? Пожалуй, более по-русски было бы сократить до “Иси” ибо Ис не звучит. Как и “иш”, очень напоминающее “ишь”». Вписано: *…не утруждаясь утренними процедурами, разместился за кухонным столом, разбирая электронную почту*; добавлен комментарий: «Негативная коннотация. Тут, как мне кажется, автор хочет подчеркнуть некую последовательность, приоритетность порядка действий. А не факт неряшливости».

Ред. 5: зачеркнуты кавычки у *«Иш»*; зачеркнуто: *…с немытой головой, копаясь в своем электронном почтовом ящике*; вместо этого вписано: *…едва проснувшись, сидел за кухонным столом и проверял электронную почту*.

Ред. 6: зачеркнуто: *минуту назад*, вписано: *Вот буквально только что*; зачеркнуто: *которого я зову просто «Иш»*, вписано: *«Ис»*; далее вписано: *не успев еще привести себя в порядок с утра, и разбирал электронную почту*.

Ред. 7: зачеркнуто: *минуту назад*, вписано: *вот*; зачеркнуто: *сидел*, вписано: *сидит*; далее предложен вариант: *разбирает электронную почту*.

5. *Half an hour later, the world's media was snaking up the path to his house in Golders Green, north London*. // Всего полчаса спустя журналисты новостных агентств со всего мира уже направляются к его дому в Голдерс Грин, в северной части Лондона.

Ред. 1: без комментариев.

Ред. 2: комментарий к слову *направляются*: «Возможно, лучше тоже оставить прошедшее время, как и в оригинале».

Ред. 3: зачеркнуто: *всего*; добавлено: *А уже (полчаса спустя)*; зачеркнуто: *со всего мира*; добавлено: *мировых (новостных агентств)*; зачеркнуто: *направляются*; добавлено: *устремились*; зачеркнуто: *в северной части*; добавлено: *на севере* (*Лондона*).

Ред. 4: зачеркнуто: *всего*; добавлено: *Каких-то (полчаса спустя)*; зачеркнуто: *уже направляются к*, добавлено: *выстроились вереницей у двери (его дома)*.

Ред. 5: *направляются* исправлено на *направлялись*, и добавлен комментарий: «Рассмотрите вариант с другим порядком слов: Всего полчаса спустя к его дому в… уже направлялись журналисты…».

Ред. 6: зачеркнуто: *всего*; добавлено: *И уже*; зачеркнуто: *уже направляются*, добавлено: *потянулись*; зачеркнуто: *в северной части*; добавлено: *на севере Лондона*.

Ред. 7: зачеркнуто: *всего*; добавлено: *А уже*; зачеркнуто: *направляются к его дому*; добавлено: *толпятся на дорожке перед его домом*; *Голедрс Грин* исправлено на *Голдерс-Грин*.

6. *"How on earth did they know where I lived?" he puzzled, reviewing a day of "bizarre" events*. // «Как они узнали где я живу?» — задумывается Кадзуо, вспоминая об этом необычном дне.

Ред. 1: поставлена запятая после слова: *узнали*.

Ред. 2: комментарий к вопросу *Как они узнали…*: «Возможно, эмоциональность стоило сохранить?».

Ред. 3: зачеркнуто: *задумывается*; добавлено: *озадаченно восклицает*; зачеркнуто: *об этом необычном дне*; добавлено: *тот невероятный день*.

Ред. 4: зачеркнут вопрос: *Как они узнали где я живу?*; добавлено: *И где только адрес откопали?*; зачеркнуто: *задумывается*; добавлено: *недоумевает*; зачеркнуто: *об этом необычном дне*; добавлено: *о том невероятном дне*.

Ред. 5: поставлена запятая после *узнали*; зачеркнуто: *задумывается*; добавлено: *задумчиво спрашивает*.

Ред. 6: зачеркнуто: *задумывается*; добавлено: *недоумевает*; зачеркнуто: *об этом необычном дне*; добавлено: *…о череде странных событий, наполнявших этот день*; добавлен комментарий: «В оригинале это не просто необычный день».

Ред. 7: без комментариев.

7. *It was, he says, not until the news was confirmed by the BBC that he began to compose himself to address the great honour bestowed upon him by the Swedes*. // По его словам, только увидев эту новость на BBC, он понял что действительно произошло, и начал собираться с мыслями по поводу оказанной ему шведскими академиками великой чести.

Ред. 1: поставлена запятая после слова *понял*.

Ред. 2: поставлена запятая после слова *понял*, и добавлен комментарий: «В художественном тексте стоит особо внимательно расставлять все знаки пунктуации! Это не для работяг!».

Ред. 3: зачеркнута большая часть предложения, добавлен собственный вариант: «…он решил привести себя в порядок, чтобы достойно принять ту огромную честь, которую оказали ему шведские академики».

Ред. 4: зачеркнута большая часть предложения, добавлен собственный вариант: «…только новости на канале BBC заставили его всерьез уве-

ровать в происходящее и попробовать осознать размах почестей, оказанных ему шведскими академиками».

Ред. 5: добавлен комментарий к слову *новость*: «Не ясно, о какой новости идёт речь. Рассмотрите вариант с сочетанием “выпуск новостей”; изменено положение сочетания *великой чести*: «…по поводу великой чести, оказанной…».

Ред. 6: зачеркнуто: *по его словам*; добавлено: *по словам писателя*; зачеркнуто: *увидев эту новость на…*; добавлено: *когда эту новость подтвердили BBC*, и добавлен комментарий: «Читаем интернет: сначала BBC».

Ред. 7: без комментариев.

4. Глубина правки при редактировании перевода

Прежде всего, обращает на себя внимание различная глубина (или плотность) правки, осуществленной разными редакторами. Очевидно, что из семи редакторов бóльшую часть коррективов внесли редакторы 3, 4 и 6. Ниже приведены результаты работы, то есть тексты после исправлений, редакторов 3 и 6 (без заголовка и подзаголовка); пунктуация сохранена:

Редактор 3:

Мой старый друг, которого я зову просто «Ис», сидел за кухонным столом и разбирал электронную почту. Он еще не успел принять душ или помыть голову. А уже спустя полчаса журналисты мировых новостных агентств устремились к его дому в Голдерс Грин на севере Лондона. «Как они узнали где я живу?» - озадаченно восклицает Кадзуо, вспоминая тот «невероятный» день. По его словам, только увидев эту новость на BBC, он решил привести себя в порядок, чтобы достойно принять ту огромную честь, которую оказали ему шведские академики.

Редактор 6:

Вот буквально только что мой старый друг Ис сидел за кухонным столом, не успев еще привести себя в порядок с утра, и разбирал электронную почту. И уже полчаса спустя журналисты новостных агентств со всего мира потянулись к его дому в Голдерс Грин на севере Лондона. «Как они узнали где я живу?» — недоумевает Кадзуо, вспоминая о череде странных событий, наполнявших этот день. По словам писателя, только когда эту новость подтвердили в BBC, он понял, что действительно произошло, и начал собираться с мыслями по поводу оказанной ему шведскими академиками великой чести.

Известно, что публицистический текст и, особенно, текст художественный предполагают множественность вариантов перевода. Каждый

переводчик имеет полное право на описание предметной ситуации, представленной в оригинале, так, как считает необходимым, при условии, конечно, что избранный им способ описания не противоречит авторскому замыслу, не приводит к нарушению норм и узуса переводящего языка. Однако в процессе редактирования перевода, как нам представляется, следует воздерживаться от навязывания переводчику варианта, который, имея право на существование (то есть «И так можно»), все же не обладает более высоким качеством по сравнению с исправляемым вариантом. Другими словами, задача редактора — именно и с п р а в и т ь не совсем удачный вариант, а не предложить иной вариант такого же качества. И уж тем более редактор не должен предлагать вариант, ухудшающий текст. Заметим, что редакторы 3 и 6 проигнорировали отсутствие запятой после слова *узнали*, что можно рассматривать в качестве недочета в работе редактора (если, конечно, в дальнейшем не предполагается корректура текста). Сравнивая две редактуры (3 и 6), можно прийти к выводу, что редактор 6 осуществил более глубокое редактирование, чем нужно. При этом в личном письме, адресованном автору настоящей статьи, редактор 6 указал: «1) плотность правки для меня обычная; 2) при этом по сравнению с некоторыми из коллег я больше склонен к внесению вкусовой правки (это создает видимость объема, но на качество текста особо не влияет)». Думается, что редактор немного лукавит, говоря о том, что его вкусовая правка не влияет на качество текста. На самом деле его вариант более точен по отношению к оригиналу, в частности, он содержит указание на *череду странных событий, наполнявших этот день* (в оригинале — *a day of "bizarre" events*; на полях редактор пишет комментарий: «В оригинале это не просто необычный день»), а также более точное описание ситуации *начал собираться с мыслями* (в оригинале — *he began to compose himself*); в последнем случае подразумевается именно психологическое состояние персонажа, а не его внешний вид, как это представлено в варианте редактора 3 (*он решил привести себя в порядок*).

При довольно большой глубине редакторской правки итоговый текст все же не свободен от некоторых недостатков, которые либо были заложены в первоначальном переводе, либо были привнесены в текст редактором. Например, редактор 3 почему-то ставит определение *невероятный* в кавычки, привнося дополнительный смысл. Неудачной представляется фраза *увидев эту новость на BBC*, поскольку новости обычно не «видят», а о них узнают (в частности, из новостных выпусков телеканалов). Столь же неудачной является фраза *эту новость подтвердили в BBC*, как будто BBC — это некий государственный орган или служба. И оба редактора ис-

пользовали одно и то же словосочетание *новостные агентства*, хотя официально подобные компании называются информационными агентствами.

Можно сделать промежуточный вывод: сама по себе глубина правки далеко не всегда обеспечивает доведение текста перевода до идеального состояния. Даже самая глубокая правка может оказаться вкусовой и не влияющей на повышение качества перевода, при этом после нее в тексте могут остаться какие-то незамеченные редактором недочеты.

5. Исправление одного и того сегмента при редактировании перевода как признак ошибки в тексте переводчика

Важным представляется вопрос о степени совпадения / несовпадения сделанных разными редакторами исправлений. В качестве гипотезы можно высказать предположение, что если бóльшая часть редакторов исправляет один и тот же сегмент текста, то этот сегмент действительно содержит ошибку или погрешность. Посмотрим, насколько это предположение подтверждается результатами нашего анализа.

Трое из семи редакторов отметили неуместность использования в подзаголовке местоимения *этот* (***этот*** *британский писатель*) как средства воспроизведения значения определенного артикля, причем двое из них особо это прокомментировали. Редактор 3, предложив собственный вариант перевода подзаголовка, также обошелся без этого местоимения.

Трое редакторов справедливо указали, что сокращенное имя писателя должно звучать как Ис. Остальные не настаивали на изменении с Иш на Ис, один из них предложил не ставить имя в кавычки. В исправлении данного предложения наблюдается почти полное единодушие редакторов: пять человек из семи вполне закономерно выступили против фразы: *сидел за кухонным столом с немытой головой, копаясь в своем электронном почтовом ящике*. Были предложены разные варианты перевода сегмента *having not yet showered or washed his hair*, а для сочетания *doing emails* предложен единственный, то есть общий, вариант — *разбирал электронную почту*. В каждом случае качество перевода повысилось.

В переводе пятого предложения четверо редакторов зачеркнули слово *всего* и предложили иные варианты: *И (А) уже полчаса спустя…; Каких-то полчаса спустя…* Казалось бы, правка несущественная, но в результате динамичность описанных событий, стремительность их смены становится более очевидной. Основной же проблемой при переводе этого предложения является передача значения фразы *was snaking up the path to his house* (ранее мы уже писали об ошибках в переводе этой части текста, допущенных студентами во время конкурса письменного перевода [Сдобников,

2018]). Пожалуй, лучшим из предложенных редакторами вариантов перевода можно считать вариант *устремились*; *варианты выстроились вереницей у двери (его дома)* и *толпятся на дорожке перед его домом* вовсе не кажутся удачными. Следовательно, обратив внимание на несовершенство предложенного переводчиком варианта *направляются*, редакторы все же не нашли абсолютно подходящего способа описания представленного в оригинале события.

Несколько странным кажется тот факт, что всего лишь двое из семи редакторов в переводе пятого предложения заменили *в северной части Лондона* на *на севере Лондона*, хотя очевидно, что предложенный переводчиком вариант неузуален для русского языка.

В переводе шестого предложения внимание четырех редакторов привлек вопрос, задаваемый Кадзуо самому себе, но по разным причинам. Двое редакторов не стали изменять саму формулировку вопроса, но поставили запятую после слова *узнали*. Третий редактор написал в комментарии: «Возможно, эмоциональность стоило сохранить?», но собственного варианта не предложил. Четвертый редактор, также полагая, что эмоциональность следовало сохранить, предложил вариант: *И где только адрес откопали?*

В том же предложении четырем из семи редакторов кажется неудачным — и вполне справедливо — вариант *задумывается (Кадзуо)* для слова *puzzled*. Предлагаются альтернативные варианты: *озадаченно восклицает*, *недоумевает* (в двух случаях), *задумчиво спрашивает*. Поскольку в оригинале нет указания на то, что писатель именно восклицал или к кому-то обращался с этим вопросом, то только исправление *задумывается* на *недоумевает* действительно уточняет описание ситуации.

Исправляя перевод седьмого предложения, редакторы серьезно разошлись во мнениях, если не считать постановку запятой после слова *понял* в двух случаях, когда перевод в целом остался неизмененным. Трое редакторов выступили против использования фразы *только увидев эту новость на BBC*, и это вполне понятно: новость нельзя увидеть, о ней можно узнать. Предлагаются варианты: *...только новости на канале BBC заставили его всерьез уверовать...*; *когда эту новость подтвердили BBC*; один редактор предлагает рассмотреть вариант с *выпуском новостей*. Но ни один из предложенных вариантов нельзя считать полностью удовлетворительным. Каждый из них, конечно, лучше, чем тот, что предложен переводчиком, но по-своему несовершенен.

Еще один промежуточный вывод: сопоставление результатов редактирования одного и того же текста разными редакторами позволяет объек-

тивно оценить качество перевода конкретного текста, но само по себе это упражнение имеет сугубо теоретическую ценность. В реальных условиях перевод оценивает один редактор, и действия этого редактора в дальнейшем направлены на повышение качества перевода в той степени, в какой редактор этим качеством неудовлетворен. Именно поэтому есть смысл рассмотреть, что́ в переводе привлекло внимание конкретного редактора, другими словами, чем одна редакторская правка отличается от другой.

Редактор 1 — единственный из всех редакторов, кто выступил против определения *непритязательный (творец)*, оставив следующий комментарий: «Слова неорганично сочетаются, плюс создаётся нежелательная двусмысленность — возможность интерпретации в том смысле, что творец не предъявляет особых претензий к своим творениям, что, конечно, не соответствует характеристике писателя. Подошло бы что-то вроде “скромный художник”». Он же отметил, что неуместно называть писателя просто по фамилии: «Он же не мальчик. Даже если бы в оригинале в этом месте стояло “Kazuo”, по-русски такое выглядит фамильярностью». В остальных случаях его правка совпадает с правкой других редакторов, причем глубина правки незначительна.

Редактор 2 указал на то, что «иностранные названия зачастую не нужно закавычивать»; имеется в виду название издательства Faber and Faber. Кстати, ни один из редакторов не озадачился вопросом: а должно ли название иностранного издательства оставаться в русском переводе на английском языке?

Редактор 3, как мы уже отмечали, осуществил редакторскую правку значительной глубины, отметив те недостатки в переводе, на которые указали и многие другие редакторы. Но внимание привлекает один из предложенных им вариантов: *…он решил привести себя в порядок, чтобы достойно принять ту огромную честь, которую оказали ему шведские академики*. Предложенная этим редактором интерпретация события отличается от интерпретации переводчика и других редакторов, но самое главное — она вряд ли соответствует идее, заложенной в оригинале (*he began to compose himself to address the great honour bestowed upon him by the Swedes*): неожиданное появление большого количества журналистов озадачило и привело в недоумение писателя, но, узнав из выпуска новостей о присуждении ему Нобелевской премии, он постарался взять себя в руки, а не приводил себя в порядок. Ведь ему же не сию минуту нужно было идти на церемонию вручения премии! Таким образом, в данном случае вкусовая правка, основанная к тому же на ложной интерпретации, вовсе не способствовала повышению качества перевода.

Та же проблема возникла и у редактора 4. Он предлагает вариант, по смыслу весьма далекий от оригинала: *Только новости на канале BBC заставили его всерьез уверовать в происходящее и попробовать осознать размах почестей, оказанных ему шведскими академиками*. Вряд ли автор имеет в виду попытки осознать размах почестей. Все значительно проще (см. предыдущий абзац). При этом редактор 4 — единственный, кто отметил некорректность варианта перевода подзаголовка (*…рассказал о пути Кадзуо к успеху*) и сопроводил свой вариант комментарием: «Мне кажется, текст больше о самом моменте переживания успеха, нежели о длинном пути к нему».

Правка редактора 5 не отличается значительной глубиной и во многом схожа с правкой его коллег.

Как мы уже отмечали, правка редактора 6 весьма существенная. Редактор обратил внимание на многие недочеты в переводе и предложил собственные варианты. В значительной части эта правка вкусовая, в чем признался и сам редактор, и не отличается от правки других переводчиков по существу.

Редактор 7 обратил внимание на те же недостатки в переводе, что и другие редакторы, хотя и не на все.

В целом можно сделать вывод, что редакторы исправили бóльшую часть недостатков перевода, хотя в каждом варианте в тексте остались некоторые недочеты, не замеченные редакторами. В отдельных случаях предложенные редакторами варианты не отличаются по качеству от вариантов переводчика, что является признаком вкусовой правки, а иногда и снижают качество перевода в результате ложной интерпретации содержания оригинала редактором.

6. Заключение

Результаты проведенного нами эксперимента свидетельствуют о том, что:

— во-первых, редакторы направляют свои усилия на повышение качества перевода, руководствуясь своими знаниями лингвистики и теории перевода, собственной интерпретацией содержания оригинала и нормами и узусом переводящего языка;

— во-вторых, результатом редактирования является действительное повышение качества перевода в целом, однако при условии, что редактор обладает более высоким профессиональным уровнем, чем переводчик, и это условие соблюдалось в нашем эксперименте;

— в-третьих, иногда стремление редакторов во что бы то ни стало улучшить качество перевода (а иногда просто «оставить свой след» в тексте) приводит к внесению в текст вкусовой правки, которая в действитель-

ности либо не повышает качество, либо наносит ему ущерб, особенно если имеет место ложная интерпретация содержания оригинала редактором.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в правке разных редакторов есть нечто объективное, выделяемое на основе направленности их действий на исправление одних и тех же ошибок и недочетов в переводе. Подобные ошибки очевидны и не могут остаться незамеченными редакторами. Однако интерес представляет тот факт, что сами способы исправления ошибок могут существенно различаться в разных редакторских правках. Вероятно, это связано с различиями в интерпретации редакторами самой предметной ситуации, описанной в тексте, а также с разными представлениями о функциях, семантике и стилистической окраске языковых единиц, которые предлагаются редакторами в качестве наилучшей замены тех единиц, что были использованы переводчиком. Все это говорит о том, что даже при наличии примерно одинакового практического опыта перевода и редактирования редакторы различаются, нет, не по уровню владения языком перевода, а по способам использования языковых средств в процессе редактирования, что привносит в этот процесс значительный элемент субъективизма.

Можно предположить, что если бы эксперимент проводился на материале специального, например, технического текста, то его результаты были бы иными, поскольку публицистический текст дает и больше возможностей для различной интерпретации иноязычного текста, и большую свободу в выборе способов выражения воспринятых смыслов.

Одним из аспектов деятельности редактора является его готовность взаимодействовать с переводчиком, обсуждать возникающие проблемы и предлагаемые варианты. Этот аспект достоин отдельного рассмотрения.

Источники и принятые сокращения

1. *European* Quality Standard for Translation Service Providers. EN-15038:2006 Standard [Electronic resource]. — Access mode : http://qualitystandard.bs.en-15038.com/ (accessed 22.08.2020).

2. *How* I Translate [Electronic resource] / Glossotechnema. — Access mode : https://glossotechnema.eu/en-gb/how-i-do-translation-and-editing (accessed 12.09.2020).

3. *ISO* 17100 Quality Standard — Requirements for Translation Services [Electronic resource]. — Access mode : http://iso17100.com/ (accessed 08.10.2020).

Литература

1. *Березовская Е. А*. Редактирование письменных переводов : теория и практика : учебно-методическое пособие / Е. А. Березовская, А. О. Ильнер. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2019. — 135 с.

2. *Максютина О. В*. К вопросу об обучении редактированию и саморедактированию перевода / О. В. Максютина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014а. —№ 4—3 (34). — С. 121—124.

3. *Максютина О. В.* Редактирование перевода как неотъемлемая часть современного стандарта качества / О. В. Максютина // Вестник ТГПУ. — 2014б. № 4 (145). — С. 106—111.

4. *Мариневич А. С*. Особенности редактирования перевода художественной литературы / А. С. Мариневич, О. Н. Теплая // Вестник магистратуры. — 2013. — № 6 (21). — С. 138—140.

5. *Мурзина Т. А*. Перевод-редактирование : вчера, сегодня, завтра / Т. А. Мурзина // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика. Направления и тенденции современных исследований : материалы Всероссийской (с международным участием) заочной научной конференции. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2017. — С. 93—94.

6. *Письменный перевод* : рекомендации переводчику, заказчику и редактору / сост. Н. К. Дупленский. — Москва : Р.Валент, 2013. — 164 с.

7. *Сдобников В. В.* О визуализации и здравом смысле в переводе / В. В. Сдобников // Проблемы перевода, языка и литературы : сборник научных трудов. Серия: Язык. Культура. Коммуникация. Вып. 21. — Н. Новгород : НГЛУ, 2018. — С. 126—134.

8. *Сдобников В. В.* Перевод и коммуникативная ситуация : монография / В. В Сдобников. — Москва : Флинта : Наука, 2015. — 464 с.

9. *Шимановская Л. А*. Процесс редактирования как завершающий этап выполнения профессионально-ориентированного перевода англоязычного текста / Л. А. Шимановская // Индустрия перевода. — 2016. — Т. 1. — С. 120—127.

10. *Щетинкова О. Г*. Использование алгоритмов в процессе редактирования текста перевода / О. Г. Щетинкова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2015. — № 2. — С. 37—42.

11. *Collada Ali L. C*. Revision : Parameters and practices within the translation industry / L. C. Collada Ali, Paz G. Polledo, C. Harmer // Medical writing. — 2018. — Vol. 27, № 3. — P. 21—24.

12. *Researching Translation* Competence by PACTE Group / ed. by A. H. Albir. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2017. — 401 p.

13. *Robinson D.* Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation / D. Robinson. — 2nd ed. — London ; New York : Routledge, 2003. — 301 p.

Different Aspects of Translation Revision Process

© Vadim V. Sdobnikov (2021), orcid.org/0000-0002-4717-2980, Doctor of Philology, professor, Department of the English Language and Translation Theory and Practice, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Linguistics University of Nizhny Novgorod” (Nizhny Novgorod, Russia), artist232@ rambler.ru.

Translation revision is an integral part of the overall translation process and aims to enhance the translation quality. Differentiation should be made between revision (editing) and proofreading. Special attention is paid to functions performed by a reviser, i.e. actions aiming at producing the text devoid of any defects. The research is topical because an attempt is made to develop a general approach to translation revision which so far is lacking in translation practice. The article reveals the results of an experiment in which the same text has been revised by seven professional revisers. It is concluded that a reviser can enhance the translation quality provided his / her professional competence is better than that of the translator. But still the translated text can have weaknesses missed by the reviser. Moreover, it is found that thorough revision and rewriting of the text not always make it ideal; in some cases, the quality can suffer due to the false interpretation of the text content by the reviser. The research is innovative because it identifies subjective approaches of revisers to translation revision.

Key words: translation revision; translation quality; proofreading; interpretation; translation error.

Material resources

European Quality Standard for Translation Service Providers. EN-15038:2006 Standard. Available at: http://qualitystandard.bs.en-15038.com/ (accessed 22.08.2020).

How I Translate. In: *Glossotechnema*. Available at: https://glossotechnema.eu/en-gb/how-i-do-translation-and-editing (accessed 12.09.2020).

ISO 17100 Quality Standard — Requirements for Translation Services. Available at: http://iso17100.com/ (accessed 08.10.2020).

References

Albir, A. H. (ed.). (2017). *Researching Translation Competence by PACTE Group*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 401 p.

Berezovskaya, E. A., Ilner, A. O. (2019). *Redaktirovanie pismennykh perevodov: teoriya i praktika: uchebno-metodicheskoe posobie* [Editing Written Translations: Theory and Practice: A Study Guide]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 135 p. (In Russ.).

Collada Ali, L. C., Polledo, P. G., Harmer, C. (2018). Revision: Parameters and practices within the translation industry. *Medical writing*, *27 (3):* 21—24.

Duplenskiy, N. K. (ed.). (2013). *Pis'mennyy perevod: rekomendatsii perevodchiku, zakazchiku i redaktoru* [Written translation: recommendations for the translator, customer and editor]. Moskva: R.Valent. 164 p. (In Russ.).

Maksyutina, O. V. (2014). K voprosu ob obuchenii redaktirovaniyu i samoredaktirovaniyu perevoda [On the question of teaching editing and self-editing translation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], *4—3 (34):* 121—124. (In Russ.).

Maksyutina, O. V. (2014). Redaktirovanie perevoda kak neotyemlemaya chast' sovremennogo standarta kachestva [Translation revision as an integral part of modern quality standard for translation]. *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin], *4 (145):* 106—111. (In Russ.).

Marinevich, A. S., Teplaya, O. N. (2013). Osobennosti redaktirovaniya perevoda khudozhestvennoy literatury [Features of editing the translation of artistic literature]. *Vestnik magistratury* [Magistracy bulletin], *6 (21):* 138—140. (In Russ.).

Murzina, T. A. (2017). Perevod-redaktirovanie: vchera, segodnya, zavtra [Translation-editing: yesterday, today, tomorrow]. In: *Literaturovedenie, lingvistika i kommunikativistika. Napravleniya i tendentsii sovremennykh issledovaniy* [Literary criticism, linguistics and communication studies. Directions and trends of modern research]. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. 93—94. (In Russ.).

Robinson, D. (2003). *Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation*. (2nd ed.). London; New York: Routledge. 301 p.

Sdobnikov, V. V. (2015). *Perevod i kommunikativnaya situatsiya* [Translation and communication situation]. Moskva: Flinta, Nauka. 464 p. (In Russ.).

Sdobnikov, V. V. (2018). O vizualizatsii i zdravom smysle v perevode [About visualization and common sense in translation]. In: *Problemy perevoda, yazyka i literatury: sbornik nauchnykh trudov. Seriya: Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya* [Problems of translation, language and literature: collection of scientific papers. Series: Language. Culture. Communication]. N. Novgorod: NGLU. 21: 126—134. (In Russ.).

Shchetinkova, O. G. (2015). Ispolzovanie algoritmov v protsesse redaktirovaniya teksta perevoda [Algorithm in the revision process]. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatelskogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy], *2:* 37—42. (In Russ.).

Shimanovskaya, L. A. (2016). Protsess redaktirovaniya kak zavershayushchiy etap vypolneniya professionalno-orientirovannogo perevoda angloyazychnogo teksta [The process of editing as a final stage of professionally oriented translation from English into Russian]. *Industriya perevoda* [Translation industry], *1:* 120—127. (In Russ.).

Сигал К. Я. Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 127—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146.

Seagal, K. Ya. (2021). 'Fact' as a Lexico-Syntactic Marker of the Character's Linguistic Personality. *Nauchnyi dialog, 2:* 127-146. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146. (In Russ.).

УДК 81'38+81'367+81'373+821.161.1Горький.08+821.161.1Шолохов.08
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-127-146

Об одном лексико-синтаксическом маркере языковой личности персонажа

© **Сигал Кирилл Яковлевич (2021),** orcid.org/0000-0001-9400-4587, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), kjseagal@yandex.ru.

Рассматривается роль установки в формировании лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа. Предпринята попытка показать, как благодаря установке одно и то же слово (а именно слово *факт*) в разных синтаксических употреблениях служит созданию лексико-синтаксического маркера, применяемого художниками слова с целью идентификации и характеризации разных персонажей как языковых личностей. Актуальность исследования состоит в демонстрации того, что учет прагматического уровня языковой личности дает возможность дифференцировать разных персонажей, в речи которых преобладает один и тот же лексико-синтаксический маркер. Новизна исследования заключается в объяснении того, как осуществляется лексико-синтаксическое маркирование языковой личности разных персонажей на основе одного и того же словесного элемента. На материале пьесы М. Горького «Дачники» (языковая личность Басова) и романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» (языковая личность Давыдова) показано, что речевая индивидуализация разных персонажей посредством слова *факт* обусловлена включением этого слова в разные доминантные разновидности лексико-синтаксического маркера *факт*, соотнесенностью с разными установками как «от автора», так и «от персонажа», неодинаковым участием в персонажной речевой кооперации.

Ключевые слова: языковая личность; персонаж; прагматика; установка; лексико-синтаксический маркер; доминанта.

1. Введение

Антропоцентрический взгляд на язык, преобладающий в науке конца XX — первых десятилетий XXI веков, позволил лингвистам сделать особый акцент на том, что «у истоков порождения речи стоят прагматические операторы и сама языковая личность говорящего» [Кубрякова, 2012, с. 120—121]. Далеко не случайно в лингвоперсонологии, основы которой были разработаны Ю. Н. Карауловым, понимание языковой личности как

«личности, выраженной в языке (текстах) и через язык», «личности, реконструированной <…> на базе языковых средств» [Караулов, 2002, с. 38], дополняется идеей трех уровней языковой личности как модели (структурно-семантического, когнитивного и прагматического), причем прагматический (иначе — мотивационный) уровень, отражающий речевые установки, объясняет «языковое поведение личности» путем включения «в ее социально-поведенческий контекст» [Там же, с. 236—238]. Однако, как оказалось, более привычной в современной лингвоперсонологии стала реконструкция языковой личности на основе тщательного документирования преобладающих в ее речевой продукции единиц, преимущественно лексических и синтаксических [Иванцова, 2010; Шаталова, 2012], поскольку структурно-семантический уровень языковой личности сам по себе является индивидуализированным [Иванцова, 2010, с. 50]. Недостаточность такого подхода обнаруживается тогда, когда индивидуализация разных языковых личностей обеспечивается благодаря повышенной частотности в их речи одной и той же единицы языка. При обращении к художественной речи, в особенности к речевому «облику» персонажей, запечатленных исключительно через речь — свою и, безусловно, авторскую, подобный подход становится еще более ограниченным в своих объяснительных возможностях.

Как известно, Ю. Н. Караулов наиболее перспективным в рамках лингвоперсонологии считал «“изолированное” изучение языковой личности персонажа и соотнесение ее с целостным художественным образом» [Караулов, 2012, с. 33]. Предвидя критические замечания о том, что «реальной языковой личностью является автор, а не его персонаж» [Там же, с. 235], Ю. Н. Караулов писал о том, что «персонаж, в силу условности словесного искусства, обладает неполной определенностью <…> двух родов — языковой и поведенческой. Но того и другого рода даже неполные сведения о нем как о личности взаимосогласованы в художественном произведении, и это дает <…> основания соотносить эти два ряда <…> друг с другом, подходя к персонажу как к модели языковой личности» [Там же, с. 236—237]. В современной лингвоперсонологии подчеркивается недопустимость, с одной стороны, «перенесения выводов с дискурса персонажей на реальные языковые личности», а с другой стороны, «распространения характеристик героев беллетристических произведений на языковую личность писателя» [Иванцова, 2010, с. 98]. Существенно, что подобного рода экстраполяция никак не предполагалась у Ю. Н. Караулова. Тем не менее в теории художественной речи, равно как и в читательской рефлексии, отождествление персонажа как особой языковой личности (или, по-другому,

реконструкция языковой личности персонажа) является отдельной аналитической операцией. Надо отметить, что в языковой личности персонажа могут получать «осколочное» отображение другие языковые личности (самого писателя, людей той же профессии, общественных взглядов и т. д.), хотя условность и типизация художественного образа делают необязательным (но отнюдь не исключительным!) «сличение» языковой личности персонажа с языковыми личностями когда-либо живших или ныне живущих людей.

Цель статьи — выяснить роль установки (согласно Д. Н. Узнадзе) в моделировании языковой личности художником слова, а именно в возникновении маркеров языковой личности персонажа в сфере взаимодействия лексики и синтаксиса. Предпринята попытка показать, как благодаря установке одно и то же слово (*факт*) в разных синтаксических условиях употребления формирует такой лексико-синтаксический маркер, который художниками слова применяется с целью идентификации и характеризации разных персонажей как языковых личностей.

Актуальность статьи связана с демонстрацией того, как учет прагматического уровня языковой личности позволяет осуществить принципиальную возможность дифференцировать разных персонажей, в речи которых преобладает один и тот же лексико-синтаксический маркер. Кроме того, актуальным является преодоление редукции модели языковой личности Ю. Н. Караулова, приводящей к автономизации структурно-семантического уровня и к преобладанию описания над объяснением.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней, с одной стороны, благодаря понятию установки (по Д. Н. Узнадзе) уточняются представления о языковой личности персонажа и о принципах ее лексико-синтаксического маркирования, а с другой стороны, раскрыта лингвоперсонологическая перспектива синтаксических условий употребления одного и того же слова в художественной речи.

В качестве материала для наблюдений взяты пьеса М. Горького «Дачники» (1904) и роман М. А. Шолохова «Поднятая целина» (1932—1960), в которых языковые личности таких персонажей, как Басов и Давыдов соответственно, отмечены довольно частотным использованием слова *факт* в разных синтаксических контекстах. Как кажется, привлечение художественных произведений, относящихся к разным родам литературы — драматическому и эпическому, не нарушает единства речевого материала, так как при изучении языковой личности персонажа анализу в статье подвергаются либо реплики — в пьесе, либо прямая (в основном!) и внутренняя речь — в романе.

2. Языковая личность персонажа и особенности ее лексико-синтаксического маркирования

В художественной литературе персонаж объективирован в описаниях (например, портретных), действиях и, главное, в своей речи и речевой кооперации с другими персонажами. Если вслед за М. М. Бахтиным считать, что «“специфицирующий” предмет романного жанра, создающий его стилистическое своеобразие, — говорящий человек и его слово» [Бахтин, 2012, с. 86], то еще в большей мере это утверждение относится к пьесе. Языковая личность персонажа — это не одна из сторон художественно-речевого изображения персонажа, не просто его речевой модус, а наиболее полная форма объективации личности персонажа как таковой. Подчеркнем, что языковую личность персонажа было бы неверно сводить ко всему сказанному (или написанному) ею, так как не все речевые проявления способствуют индивидуализации и, если угодно, узнаванию персонажа через его речь. За каждой языковой личностью персонажа стоит особая метаязыковая концепция художественного образа, концентрирующая представления писателя о том, как в речевой деятельности опосредуется то или иное социальное «лицо». Подобная метаязыковая концепция обусловливает создание языковой личности персонажа на основе принципа выдвижения, вследствие чего художник слова обращается к более характерным, согласно его метаязыковой оценке, словам, конструкциям, клише и т. д., превращая их в маркеры языковой личности персонажа. Тип маркера определяется его принадлежностью к уровню языка или к определенной форме межуровневого взаимодействия.

Представляется, что отбор (реже — создание) маркера для языковой личности персонажа зиждется на фиксированной установке (согласно Д. Н. Узнадзе), закрепляющей в речевом опыте художника слова взаимосвязь объективированного содержания и потребности в коммуникации. Как утверждал Д. Н. Узнадзе, «когда то или иное объективированное содержание окончательно формируется в виде определенной идеи, оно, в случае потребности в коммуникации, начинает воздействовать на субъекта и вызывает в нем определенную установку — специфическое, целостное отражение этой идеи, оформленное на фоне потребности в коммуникации, своеобразную модификацию личности (! — *К. С.*), модификацию, которая дает единый источник интеллектуального содержания этой идеи и ее звуко-моторного выражения» [Узнадзе, 2001, с. 398]. Однако языковая личность персонажа двойственна по своей природе: она создается писателем, но обладает собственным «рисунком» речевых действий. По этой причине, вкладывая в уста персонажа определенный маркер его языковой личности,

художник слова допускает «расслоение» установки. Установка «от автора» опирается на метаязыковые представления о речи того или иного социального типа, с одной стороны, и на собственный речевой опыт, в том числе связанный с литературно-эстетическими вкусами, с другой. Установка «от персонажа» отражает его вовлеченность в осуществление конкретных речевых действий, включая выражение модальных значений. «Расслоение» установки требует более сложной интерпретации маркера как эстетического языкового знака.

Лексико-синтаксический маркер является одним из типов межуровневых маркеров языковой личности персонажа. Он представляет собой наиболее частотное и концептуально значимое слово, характеризующее речевой «облик» персонажа, с учетом синтаксических условий его употребления. Возникает такой маркер в результате особого речетворческого процесса — лексико-синтаксического маркирования. Важно отметить, что лексико-синтаксическое маркирование относится к процессам, осуществляемым неоднократно и по-разному (гораздо реже — одинаково). Это означает, что художник слова стремится сделать лексико-синтаксическим маркером языковой личности персонажа вовсе не любое слово. Так, для включения в «орбиту» лексико-синтаксического маркирования больше подходят функциональные омонимы; слова, встречающиеся не только в свободно-синтаксических, но и во фразеологизированных построениях; стилистически нейтральные слова, соотносимые в то же время с разными социально-речевыми контекстами. Наоборот, при многократном воспроизведении одного и того же семантически тождественного слова в единственной синтаксической функции речь персонажа воспринимается как бедная и даже обессмысленная. Хотя, безусловно, подобное лексико-синтаксическое маркирование может быть уместным в сатире, где языковая личность персонажа привычно «развенчивает» его идеи или подчеркивает их отсутствие. В таких случаях установка «от автора» как бы поглощает установку «от персонажа».

Лексико-синтаксический маркер в речи персонажа выступает как намеренно воспроизводимый словесный элемент, отличающийся тождеством / различием синтаксической функции. При синтаксически различных употреблениях одна из разновидностей лексико-синтаксического маркера обычно становится доминантой. В сфере персонажного речевого взаимодействия лексико-синтаксический маркер может вступать в соприкосновение с повторами, в том числе с ироническими, или со «скрытыми» цитатами (как бы дискурсивными омонимами) из других функционально-речевых сфер. Воплощение языковой личности персонажа посредством

лексико-синтаксического маркера предполагает развертку в художественном произведении контекстов обыгрывания повторяемого слова, включая так называемые «гибридные конструкции» [Бахтин, 2012, с. 57]. Лексико-синтаксический маркер, на который сделал ставку художник слова при создании языковой личности персонажа, может оказаться предметом осознания в персонажной речевой кооперации и побудить кого-нибудь из персонажей, в том числе и обладателя этой речевой черты, к ее метаязыковому подчеркиванию или описанию.

Обращение к лексико-синтаксическому маркированию языковой личности персонажа посредством слова *факт* требует комментария. Это слово, восходящее к латинскому *factum*, было заимствовано из французского языка (ср. *fait*) [Виноградов, 1999, с. 710]. Иногда утверждается, что в начале 1830-х годов слово *факт* впервые стало употребляться Н. А. Полевым в журнале «Московский телеграф», хотя за несколько десятилетий до этого оно встречается у А. Н. Радищева [Сорокин, 1965, с. 60—62]. Против укоренения слова *факт* в русском языке выступали М. П. Погодин, И. И. Давыдов, Н. С. Лесков [Виноградов, 1999, с. 713]. Тем не менее слово *факт*, развивая бурную деривационную активность (ср.: *фактик, фактец, фактизм* и др.), наращивая сочетаемостный потенциал и участие в образовании функтивов (ср.: *тот факт, что*), попадая в состав фразеологизированных структур, постепенно закрепилось в русском языке. По-видимому, слово (и концепт) *факт* оказалось необходимым в идейной жизни русского образованного общества первых десятилетий XIX века.

Наблюдения над художественной речью XX века показывают, что совокупность функциональных особенностей слова *факт* обусловила создание на его основе лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа. Во-первых, слово *факт* предполагает широкий диапазон синтаксического употребления благодаря свойственной ему функциональной омонимии (имя существительное, вводное слово, частица) при инвариантных сигнификативных семах ‘действительное’, ‘истинное’ [ТСРЯ, с. 1044]. Во-вторых, слову *факт* присуще употребление в составе как свободно-синтаксических, так и фразеологизированных конструкций. В-третьих, обладая межстилевым характером, слово *факт* приобрело коннотацию приуроченности к определенным социально-речевым сферам (в частности, в качестве термина — к научному стилю, в функции вводного слова и частицы — к просторечию). В-четвертых, экспрессивно-модальные оттенки значения, возникающие в высказывании по преимуществу при несубстантивных употреблениях слова *факт*, способствуют привлечению к нему метаязыкового внимания.

3. Лексико-синтаксический маркер *факт* в пьесе М. Горького «Дачники» (языковая личность Басова)

В пьесе «Дачники», работа над которой шла в 1901—1904 годах, М. Горький изображает духовное оскудение интеллигенции, ее растерянность, неспособность к действию. Ключевая идея пьесы вложена в уста резонера: «Интеллигенция — это не мы! Мы что-то другое… Мы — дачники в нашей стране <…> мы ничего не делаем и отвратительно много говорим» (д. IV) [Г, с. 276]. По поводу адвоката Сергея Васильевича Басова — одного из главных персонажей в пьесе «Дачники» — В. И. Немирович-Данченко писал: «Он не оригинален <…> автор не нашел для этой фигуры ничего своего, самостоятельного» [Крюкова, 1970, с. 634]. Тем не менее при создании языковой личности Басова была применена такая индивидуализирующая черта, как лексико-синтаксический маркер *факт* в трех разновидностях. Отметим, что в речи Басова слово *факт* использовано десять раз.

Доминантой является употребление слова *факт* в предикативной конструкции *Это факт* (80 %), выступающей либо как самостоятельное предложение, либо как компонент бессоюзного сложного предложения. Ср.: *Он* (Влас. — *К. С.*) *мальчишка! Да! Это* ***факт****!* (д. IV) [Г, с. 286]; *Недостойные уважения женщины — лучше достойных, они лучше, это* ***факт****!* (д. III) [Там же, с. 256]. Речевой манере Басова свойственно эмфатическое подчеркивание предиката и ремы в конструкции *Это факт*, оформляемое разделяющим знаком «тире». Ср.: *Последнее время он* (Влас. — *К. С.*) *вообще ведет себя… нелепо как-то. Это —* ***факт*** (д. I) [Там же, с. 186]. Также слово *факт* употребляется в функции однословного присоединения, синкретизирующего свойства неполного двусоставного и нечленимого предложений. Ср.: *Вот ты говорила, это не то. То самое, самое оно!* ***Факт!*** (д. IV) [Там же, с. 267]. В речи Басова обыгрывается склонность к слову *факт*, когда под влиянием самоиронии он превращает свое любимое слово (маркер!) в имитацию утиных криков, содержащую звукоподражание и контактный повтор одинаковых звуковых сегментов. Ср.: Суслов. *Если человек философствует — он проигрывает…* Басов. ***Факт, факт*** *— как говорят утки…* (д. IV) [Там же, с. 265].

Очевидно, что слово *факт* в речи адвоката довольно частотно по той причине, что оно является термином правоведения и то и дело встречается в его профессиональном речевом общении. Этим термином обозначается «предусмотренное в законе обстоятельство, на основании которого возникает (изменяется, прекращается) конкретное правоотношение» [ЮЭС, с. 393]. Безусловно, ведя беседы с домочадцами и знакомыми в бытовой обстановке, Басов отвлекается от терминологического значения слова *факт* и вкладывает в него обобщенное значение ‘то, что действительно

произошло, происходит, существует' [ТСРЯ, с. 1044]. Адвокатская привычка не просто сообщать о чем-либо, но находить факты и констатировать их наличие обусловила превращение слова *факт* в лексико-синтаксический маркер языковой личности персонажа.

На фоне употреблений слова *факт* в речи других персонажей М. Горький показывает, что Басову присуще использовать этот лексико-синтаксический маркер в непобудительных речевых действиях (ср.: Варвара Михайловна. *Не забудь **об** этом **факте**, когда будешь пить красное вино у Суслова…* (д. I) [Г, с. 187]), вне цитат и аллюзий (ср.: Влас. *Принимая во внимание обилие сих кляуз и исходя **из** этого **факта**, честь имею заявить вам, патронесса* <…> (д. I) [Там же, с. 194]), в контексте более конкретных утверждений (ср.: Марья Львовна. *А вы постарайтесь возвести случайный **факт** вашего бытия на степень общественной необходимости* <…> (д. I) [Там же, с. 204]). Кроме того, только у Басова слово *факт* чаще всего употребляется в восклицательных, то есть эмоционально пристрастных, высказываниях.

Предикативная конструкция *Это факт* стала доминантной разновидностью лексико-синтаксического маркера под взаимным влиянием установок «от автора» и «от персонажа». Именно эта конструкция, только с эмфатической паузой («тире»), употреблялась М. Горьким во время работы над пьесой «Дачники». Так, в письме К. П. Пятницкому от 13—17 октября 1901 года он сообщал: «Вы знаете: я напишу цикл драм. *Это — факт*. Одну — быт интеллигенции» [Крюкова, 1970, с. 630]. Вероятно, установка на эту конструкцию, фиксированная в речевом опыте художника слова, оказалась востребованной при отборе лексико-синтаксического маркера для языковой личности персонажа. Установка самого Басова заключается в констатации наличия факта, для чего как раз наиболее приемлема предикативная конструкция *Это факт*. Как представляется, имеет значение и то, что предикативная конструкция с анафорическим пропозитивным местоимением в функции подлежащего обладает книжно-речевой окраской и, возможно, привычнее для терминологического употребления слова *факт*.

4. Лексико-синтаксический маркер *факт* в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» (языковая личность Давыдова)

В романе «Поднятая целина» М. А. Шолохов использует слово *факт* для индивидуализации языковой личности Семена Давыдова — коммуниста, бывшего матроса, слесаря Путиловского завода, двадцатипятитысячника, приехавшего в Гремячий Лог по партийной мобилизации. В речи Давыдова слово *факт* употреблено двести шестнадцать раз (не считая его производных — прилагательного *фактический* и наречия *фактически*, при-

мененных семь и двадцать два раза соответственно). Слово *факт* свойственно как устной (прямой) речи Давыдова, так и внутренней. Ср.: — <...> *и того, кто поддался на кулацкую удочку и порезал скот перед тем, как вступить в колхоз, мы не примем,* ***факт****!* (кн. 1, гл. XV) [Ш, с. 107]; *«Хромает он* (секретарь. — *К. С.*) *на правую ножку…* ***Факт****! — думал он* (Давыдов. — *К. С.*), *выходя из райкома. — Почитаю опять всю речь аграрникам. Неужели я ошибаюсь? <...>»* (кн. 1, гл. II) [Там же, с. 11]. Иногда в диалогических репликах Давыдова слово *факт* применяется неоднократно, причем как в одинаковых, так и в разных синтаксических условиях. Ср.: — <...> *Каждый говорит по порядку, остальные молчат,* ***факт****! <...> У нас в цеху, например, или в клубе собрание, и вот идет оно порядком,* ***факт****!* (кн. 1, гл. XXI) [Там же, с. 134]; — *Это не ответ,* ***факт****! Ты должен был его арестовать за оскорбление власти, но не бить! Это поступок, позорящий коммуниста!* ***Факт****!* (кн. 1, гл. XXV) [Там же, с. 166]. Для языковой личности Давыдова на основе слова *факт* М. А. Шолоховым был создан лексико-синтаксический маркер в шести разновидностях.

В качестве доминанты выступает употребление слова *факт* в функции вводно-модального компонента с семантикой уверенности (77 %), когда говорящий не только «убеждается в реальности сообщаемого» [ОФ, с. 387], но и стремится подчеркнуть это, настаивает на этом. Вводно-модальное слово *факт* занимает в речи Давыдова разные позиции — начала, середины и конца предложения-высказывания, хотя размещение его в конечной позиции заметно преобладает. Ср.: — ***Факт****, верно! Не надо было нам на мелочи разменяться* (кн. 1, гл. XIX) [Там же, с. 127]; — <...> *Если это не политически сделать, то тут,* ***факт****, получится… получится, что это — вроде сигнала: «Спасайся, кто может!», «Бежи из колхоза!»* (кн. 1, гл. XXVIII) [Там же, с. 191]; — <...> *Я должен их научить работать и научу,* ***факт****!* (кн. 1, гл. XXXVI) [Там же, с. 262]. Хотя обычно «с увеличением объема высказывания уменьшаются возможности расположения вводных слов в его абсолютном конце» [Бухарин, 1984, с. 104], в речи Давыдова вводно-модальное слово *факт* то и дело ставится в конце не только значительных по объему, но и синтаксически сложных предложений-высказываний. Ср.: — <...> *На том месте и почва порыхлее, и трава пониже, и признаки круглых окопов видны как на ладони,* ***факт****!* (кн. 2, гл. XV) [Ш, с. 472—473]. Модаляция, приводящая существительное *факт* к морфологической дефектности в позиции вводно-модального слова [Шигуров, 2017, с. 222] и к изоляции его «застывшей» формы от синтаксических связей, создает препятствие к его атрибутивному распространению. По этой причине Давыдов, реализуя атрибутивную интенцию к слову *факт*, прибе-

гает к иной разновидности лексико-синтаксического маркера — предикативной конструкции *Это факт*. Ср.: *Давыдов улыбался, а про себя думал: «<...> Это же просто* ***трогательный*** *факт!»* (кн. 2, гл. XIV) [Ш, с. 468].

В функции вводно-модального компонента слово *факт* чаще всего связано у Давыдова с чувственно-эмоциональным подчеркиванием небезразличности, заинтересованности, удовлетворенности, радости, а иногда — досады, разочарования, огорчения. В зависимости от силы эмоционального накала высказывание с вводно-модальным словом *факт* оформляется одним из двух конечных знаков препинания — восклицательным знаком либо точкой. При смене знака препинания в соседних предложениях-высказываниях с вводно-модальным словом *факт*, входящих в одну диалогическую реплику, писатель показывает изменение настроения Давыдова. Ср.: — *<...> А защищать партию от оскорблений можно было другим порядком,* ***факт****! Ты пойди, остынь несколько и подумай, а вечером придешь на ячейку и скажешь, что я был прав,* ***факт*** (кн. 1, гл. XXV) [Там же, с. 167]. Переходя от восклицательного высказывания к невосклицательному, Давыдов ослабляет силу эмоционального «нажима» на собеседника: вслед за резкой, почти осуждающей рекомендацией идет доброе, по-товарищески чуткое увещевание. Вообще же, в речи Давыдова вводно-модальное употребление слова *факт* в основном приурочено к восклицательным высказываниям. Однако отметим, что иногда экскламативная «упаковка» таких высказываний выглядит не вполне обоснованно. Например: — *Ты, отец, что-то преувеличиваешь опасность,* ***факт****! — неуверенно сказал Давыдов <...>* (кн. 2, гл. X) [Там же, с. 416] (ср. эмоциональную «несогласованность» восклицательного знака в речи персонажа и семантики наречия в авторской ремарке).

Перейдем далее к краткому обзору иных разновидностей лексико-синтаксического маркера *факт*, гораздо реже встречающихся в речи Давыдова (от 5,5 % до 2 %).

Слово *факт* употребляется в функции самостоятельного предложения, носящего присоединительный характер внутри одной диалогической реплики Давыдова или являющегося реакцией на реплику другого персонажа. Ср.: — *<...> Только я у тебя больше не живу.* ***Факт!*** (кн. 1, гл. XV) [Там же, с. 105]; — *<...> А хорошие ребята в колхозе есть, согласен? —* ***Факт!*** (кн. 2, гл. VIII) [Там же, с. 382]. Во втором случае, по замечанию В. В. Виноградова, слово *факт* «в фамильярной устной речи с особенной интонацией употребляется в значении междометного предложения: ‘да, действительно так, бесспорная истина’» [Виноградов, 1999, с. 710]. По-видимому, в речи Давыдова это не что иное, как экспрессивный аналог предложения *Да!*, указывающего на положительный ответ.

Для речи Давыдова характерны такие разговорные сложноподчиненные предложения с изъяснительной придаточной частью, в которых слово *факт* образует главную часть. Ср.: — <…> *Ведь правильно поставленное молочное хозяйство будет давать огромный доход.* ***Факт, что*** *на этом деле колхоз поправит свой бюджет* (кн. 1, гл. XXXIX) [Ш, с. 296—297]. В таких конструкциях незавершенная по смыслу главная часть, с одной стороны, подчиняет придаточную часть себе (формальный показатель — союз *что*), а с другой стороны, осуществляет модальную характеристику придаточной части, указывая на высокую степень достоверности ее диктумного содержания (ср. трансформ: *То, что на этом деле колхоз поправит свой бюджет, — факт*). Однако в речи Давыдова контактная рамка *факт, что* может стоять на месте вводного компонента или вообще нарушать синтаксическую «плавность» речи. Ср.: — <…> *Вот поеду, наломаю им* (работникам второй бригады. — *К. С.*) *хвосты, тогда они у меня,* ***факт, что*** *не будут по половине… пахать!* (кн. 1, гл. XXXV) [Там же, с. 265]; — *Спасибо тебе за товарищескую, как бы это сказать… ну,* ***факт, что*** *за дружескую заботу!* (кн. 2, гл. VIII) [Там же, с. 392]. Понятно, что посредством такого рода синтаксической «рыхлости» здесь показана взволнованность персонажа, эмоциональная затрудненность его речи.

Предикативная конструкция *Это факт*, особенно сопровождаемая в речи Давыдова акцентирующими частицами, тяготеет к позиции финально-замыкающего вводного компонента. Ср.: *— Девочка ты фартовая, слов нет. И нога под тобой красивая, да только вот… только не туда ты этими ногами ходишь, куда надо,* ***вот это факт****!* (кн. 1, гл. XXVI) [Там же, с. 179]; *«Я ее* (Лушку. — *К. С.*) *перевоспитаю! <…> Из нее будет толк,* ***уж это факт****! <…>», — так, явно переоценивая свои и Лушкины возможности, самонадеянно думал Давыдов* (кн. 2, гл. III) [Там же, с. 325]. В таких случаях допустима замена на вводное слово *факт*. При материально выраженной связке предикативная конструкция *Это факт* становится полноправной частью бессоюзного сложного предложения. Ср.: — <…> *Уговори, да без нагана, чтобы из колхоза не выходили,* ***это будет факт****!* (кн. 1, гл. XXVIII) [Там же, с. 196].

В речи Давыдова слово *факт* употребляется не только в функции предиката, но и в функции актантных компонентов предложения-высказывания, занимая позицию субъекта и (чаще!) объекта. Ср.*: — А* ***факты*** *— вот они тебе налицо <…>* (кн. 2, гл. XIII) [Там же, с. 449]; — *Чем я тебе докажу? —* ***Фактами*** (кн. 2, гл. XIII) [Там же, с. 448—449]; — <…> *И* ***от*** *этого* ***факта*** *ты никуда не денешься* (кн. 2, гл. XV) [Там же, с. 472]. В подобном употреблении слово *факт* берется как знак неполной номинализа-

ции, относящейся к предшествующему высказыванию [Арутюнова, 1999, с. 488] и включаемой говорящим в новые субъектно-предикатные или предикатно-объектные отношения. Ср. левый контекст к последнему примеру: — <...> *сено увезено, а столбы перенесены* (кн. 2, гл. XV) [Ш, с. 472], указывающий на то, что объектное употребление слова *факт* соотносится с неполной номинализацией *то, что сено увезено, а столбы перенесены*, чем обеспечивается смысловая целостность и динамика речи.

Наконец, слово *факт* встречается в речи Давыдова в составе фразеологизированных конструкций. Ср.: — *А где ты до этого был? — Там же, где и ты! —* ***В том-то и факт!*** (кн. 1, гл. XV) [Там же, с. 106]; — *Ну, это ты уж, председатель, загнул чересчур… — Ничего не загнул, а* ***факт остается фактом*** (кн. 2, гл. XIII) [Там же, с. 448]. Отметим, что в первом случае нацеленность Давыдова на слово *факт* привела к непредусмотренной вариантности с привычным в узусе выражением *В том-то и дело!*. Под такую же по своей сути вариантность у Давыдова попадает и собственно идиома. Ср.: — <...> ***Против факта не попрешь*** *и выше кое-чего не прыгнешь* (кн. 1, гл. XXVIII) [Там же, с. 194] и *переть (идти) против рожна* — общеязыковая идиома библейского происхождения.

В сфере речевой кооперации персонажей романа «Поднятая целина» слово *факт*, индивидуализирующее языковую личность Давыдова, попадает в фокус их метаязыкового внимания. Старик Обнизов прямо говорит о «*давыдовском словце* ***“факт”***» (кн. 2, гл. XXIII) [Там же, с. 564], Макар Нагульнов не раз подчеркивает в лице Давыдова источник обретения этого слова: — <...> *А что я выпил ноне, так это —* ***факт****, как Давыдов наш говорит* (кн. 1, гл. XXVIII) [Там же, с. 192]; — <...> *Уж это, как ты приговариваешь,* ***факт****!* (кн. 2, гл. XII) [Там же, с. 439]. Общение с гремяченцами приводит к проникновению в их речь привычного для Давыдова слова *факт* (равно как и в речь председателя — элементов верхнедонского диалекта, в том числе синтаксических [Прохорова, 1957, с. 70]). Чаще других слово *факт* употребляет в своей речи переимчивый дед Щукарь, воспринявший его как вводно-модальное слово — доминирующую в речи Давыдова разновидность лексико-синтаксического маркера *факт*. Ср.: — <...> *Да я с тобой разделаюсь так, что одни анфилады от тебя останутся,* ***факт****!* (кн. 2, гл. XVIII) [Ш, с. 508]; — <...> *Ежли хочешь знать, так ты ничуть даже не баба, а сундук с золотом,* ***факт*** (кн. 2, гл. XIX) [Там же, с. 510]. Если у деда Щукаря употребление слова *факт* приводит к созданию «гибридной конструкции» (по М. М. Бахтину), то, например, кузнец Шалый, взявшийся открыть Давыдову глаза на недостатки в его руководстве колхозом, повторяя в контексте фразеологизированной конструкции

сказанное председателем слово *факт* (в речи Давыдова — вводно-модальный компонент), пронизывает его едкой иронией. Ср.: — <...> *Нет, ты просто спятил с ума,* ***факт****!* — <...> *Погоди, придет время, откопает Лукич свою пушку да как шарахнет по твоей квартире прямой наводкой, тогда будет тебе* ***факт****!* (кн. 2, гл. XVII) [Там же, с. 497].

При употреблении слова *факт* персонажами, лишь ненадолго приезжавшими в Гремячий Лог по служебным обязанностям, возникает резкий контраст с тем, как применяет это слово Давыдов. Так, Самохин, проверявший нарушения Макаром Нагульновым линии партии во время коллективизации, использует слово *факт* как термин правоведения, чего почти нет у Давыдова. Ср.: — <...> *Гаев имел эту батрачку на основании договора с батрачкомом, расплату произвел сполна, я проверил этот* ***факт*** (кн. 1, гл. XXXII) [Там же, с. 228]. В речи представителя органов государственной безопасности Бойко-Глухова употребляется функтив *тот факт, что*, создающий так называемую вмещающую конструкцию [Шмелева, 2008, с. 58—59]. Ср.: — *О том, что Тимофей Дамасков по каким-то причинам откололся от группы Половцева <...>, свидетельствует и* ***тот факт, что*** *он не передал единомышленникам Половцева станковый пулемет* <...> (кн. 2, гл. XX) [Там же, с. 527]. Подобное употребление слова *факт*, свойственное книжной речи и ее ораторским «изводам», отсутствует в речевом багаже Давыдова. Очевидно, что М. А. Шолохов подчеркивает разговорную (даже, возможно, разговорно-просторечную) принадлежность лексико-синтаксического маркера *факт*, опосредующего в персонажной речевой кооперации языковую личность Давыдова.

Установка «от персонажа», обусловившая доминантный характер такой разновидности лексико-синтаксического маркера *факт*, как вводно-модальный компонент, заключается в экспрессивном подчеркивании персуазивности, состоящем в намеренном употреблении вводного слова *факт* в качестве показателя достоверности высказывания. Как отмечала В. А. Белошапкова, обычно достоверность «выражается имплицитно: самим фактом отсутствия показателей недостоверности», при намеренном же вводе в речь показателей достоверности (в частности, слова *факт*) «их функция — экспрессивная: они служат знаком того, что говорящий по каким-то причинам (например, предполагая, что у слушающего могут быть сомнения в достоверности того, о чем ему сообщается) настаивает на своей оценке информации» [Белошапкова, 1999, с. 773]. Давыдов не просто создает колхоз, он меняет жизнь людей, их представления о труде и о многом другом, спорит с ними, доказывая правоту своего дела и своих убеждений, поэтому он всякий раз стремится продемонстрировать

в своей речи уверенность в сказанном и достоверность утверждаемого. Перенасыщенность речи Давыдова словом *факт* в функции персуазивного вводно-модального компонента не превращает его, однако, в «слово-паразит», «не несущее <…> смысловой нагрузки и засоряющее речь» [КРР, с. 628—629], так как установка делает его употребление прагматически целесообразным. Привычка к слову *факт* (ср. иные показатели достоверности: *безусловно, конечно, разумеется* и т. д.) у Давыдова связана с социально-речевым генезисом его языковой личности: «тенденция к частому употреблению категорически утверждающих слов» типа *факт* идет от периода Гражданской войны и военного коммунизма [Селищев, 2003, с. 132].

Как представляется, установка «от автора» состоит в «завуалированной» полемичности по отношению к слову *факт*, отражающей эстетическое неприятие М. А. Шолоховым такого направления в литературной жизни 1920-х годов, как литература факта (ср. одноименный сборник, изданный в 1929 году). В рамках этого направления (О. Брик, В. Шкловский и др.) «объявили о кончине традиционного романа, о конце сюжета в пользу факта», «приучали людей ценить факты, документы, а не <…> художественную выдумку по поводу этих документов», стремились «освещать факт, а человека <…> оставлять в тени», выступали против обобщения в литературе [Заламбани, 2006, с. 15, 28, 56, 164]. Эти идеи не могли найти поддержку у М. А. Шолохова, убежденно придерживавшегося традиции русских писателей-классиков. Вспоминая о занятиях в студии прозаиков, которые посещал в Москве еще в начале 1920-х годов, М. А. Шолохов писал: «<…> мне “лекции” О. Брика, на коих я присутствовал три или четыре раза, дали столько же, сколько дает чтение поваренной книги, скажем, архитектору» [Федь, 1998, с. 37]. Н. В. Корниенко связывает заявление В. Шкловского в сборнике «Литература факта» о том, что «Панаева со своими воспоминаниями читается лучше, чем романы Шолохова», с полемическим ответом писателя — в первой книге «Поднятой целины», где он «включает в вопрос Разметнова к читающему Давыдову (“Рóманы читаешь! Либо песенник какой”) два самых тиражных издания рубежа 1920—1930-х годов (“Тихий Дон” и песенник “Красное Знамя”)» [Корниенко, 2003, с. 28—29]. Другой полемической реакцией в романе «Поднятая целина», несомненно, является слово *факт*, ставшее лексико-синтаксическим маркером языковой личности Давыдова — переустроителя жизни, принятого и поддержанного народом. В установке от «автора» наряду с остранением (кстати, термин В. Шкловского) присутствует литературно-эстетическое оправдание слова *факт*, создание при его содействии художественного образа.

По-видимому, вовсе не случайно после М. А. Шолохова в русской литературе слово *факт* обобщается как средство речевой индивидуализации персонажа, похожего своей биографией на Давыдова. Ср., например, речь имеющегося в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015) эпизодического персонажа Денисова — бывшего моряка-балтийца и ленинградского рабочего, ставшего двадцатипятитысячником: — <...> *Пережиток, конечно. Но удобно —* ***факт****!* [Я, с. 99]; — <...> *За январь-то уже полстада — тю!* ***Факт*** [Там же, с. 101]. Показательно, что слово *факт* используется современным писателем не только как аллюзия и интертекстуальный знак, но и как лексико-синтаксический маркер, причем в тех же разновидностях, которые преобладают в речи шолоховского персонажа.

5. Заключение

Итак, прагматически ориентированный анализ функционирования слова *факт* как лексико-синтаксического маркера языковой личности персонажа в пьесе М. Горького «Дачники» и в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» позволяет сделать следующие выводы:

1. Языковая личность персонажа создается на основе метаязыковой концепции художественного образа, приводящей писателя к вполне определенному опосредованию персонажа того или иного социального типа через речь. Метаязыковая концепция художественного образа вводит в создание языковой личности персонажа принцип выдвижения. Вследствие этого языковая личность персонажа обычно идентифицируется и характеризуется посредством одно- и межуровневых маркеров.

2. Лексико-синтаксический маркер языковой личности персонажа — это межуровневый маркер, являющийся наиболее частотным и концептуально значимым словом в речи персонажа, отличающимся тождеством / различием синтаксического употребления. При синтаксической дифференциации в качестве доминанты выступает та разновидность лексико-синтаксического маркера, к которой чаще всего обращается в своей речи персонаж (≈ 80 %).

3. Применение любого маркера языковой личности персонажа, в том числе лексико-синтаксического, осуществляется на основе фиксированной установки (по Д. Н. Узнадзе). Для художественной речи вполне типично взаимодействие установки «от автора» и установки «от персонажа», превращающее обусловленный ими маркер языковой личности персонажа в эстетический языковой знак. Примечательно, что обнаружение установки «от автора» требует обычно не только начитанности, но и историко-литературных знаний.

4. Речевая индивидуализация посредством слова *факт* таких разных персонажей, как адвокат Басов («Дачники» М. Горького) и двадцатипятитысячник Давыдов («Поднятая целина» М. А. Шолохова), обеспечивается, во-первых, благодаря его включению в разные доминантные разновидности лексико-синтаксического маркера *факт*, во-вторых, благодаря его соотнесенности с разными установками как «от персонажа», так и «от автора». Кроме того, речевой индивидуализации Басова и Давыдова посредством слова *факт* способствует разное участие сформированного на его основе лексико-синтаксического маркера в персонажной речевой кооперации.

5. Несмотря на то, что лексико-синтаксический маркер *факт* ориентирован у Басова на книжную речь, а у Давыдова — на разговорную, всем его разновидностям свойственна эмоционально-экспрессивная акцентированность. По этой причине высказывания с лексико-синтаксическим маркером *факт* у обоих персонажей чаще всего являются восклицательными.

Источники и принятые сокращения

1. Г — *Горький М.* Дачники / М. Горький // Горький М. Полное собрание сочинений : художественные произведения в 25-ти томах : том VII : пьесы, драматические наброски : 1897—1906. — Москва : Наука, 1970. — С. 183—294.

2. КРР — *Культура* русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. — Москва : Флинта ; Наука, 2003. — 840 с.

3. ОФ — *Остроумова О. А.* Словарь вводных слов, словосочетаний и предложений / О. А. Остроумова, О. Д. Фрамполь. — Москва : СГУ, 2009. — 502 с.

4. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1175 с.

5. Ш — *Шолохов М. А.* Поднятая целина / М. А. Шолохов. — Москва : Эксмо, 2015. — 640 с.

6. ЮЭС — *Юридический* энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1984. — 415 с.

7. Я — *Яхина Г. Ш.* Зулейха открывает глаза / Г. Ш. Яхина. — Москва : АСТ, 2020. — 508 с.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека : 2-е изд. / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки славянской культуры, 1999. — 896 с.

2. *Бахтин М. М.* Слово в романе / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах : том 3 : теория романа (1930—1961 гг.). — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — С. 9—179.

3. *Белошапкова В. А.* Обязательные субъективные значения в содержании предложения / В. А. Белошапкова // Современный русский язык : учебник для филологических специальностей высших учебных заведений : 3-е изд. — Москва : Азбуковник, 1999. С. 771—774.

4. *Бухарин В. И.* Вводные слова в аспекте актуального членения / В. И. Бухарин // Вопросы языкознания. — Москва : Наука, 1984. — № 1. — С. 101—105.

5. *Виноградов В. В.* История слов : 2-е изд. / В. В. Виноградов. — Москва : ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 1999. — 1138 с.

6. *Заламбани М.* Литература факта : от авангарда к соцреализму / М. Заламбани. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2006. — 224 с.

7. *Иванцова Е. В.* Лингвоперсонология : основы теории языковой личности / Е. В. Иванцова. — Томск : ТГУ, 2010. — 160 с.

8. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность : 2-е изд. / Ю. Н. Караулов. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 264 с.

9. *Корниенко Н. В.* «Сказано русским языком…» Андрей Платонов и Михаил Шолохов : встречи в русской литературе / Н. В. Корниенко. — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — 536 с.

10. *Крюкова А. М.* Дачники (Комментарии) / А. М. Крюкова // Горький М. Полное собрание сочинений : художественные произведения в 25-ти томах : том VII : пьесы, драматические наброски : 1897—1906. — Москва : Наука, 1970. — С. 628—645.

11. *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка : когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. — Москва : Знак, 2012. — 208 с.

12. *Прохорова В. Н.* Диалектизмы в языке художественной литературы / В. Н. Прохорова. — Москва : Учпедгиз, 1957. — 80 с.

13. *Селищев А. М.* Труды по русскому языку : том 1 : язык и общество / А. М. Селищев. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 632 с.

14. *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка : 30—90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965. — 565 с.

15. *Узнадзе Д. Н.* Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 416 с.

16. *Федь Н. М.* Парадокс гения (Жизнь и сочинения Шолохова) / Н. М. Федь. — Москва : Современный писатель, 1998. — 408 с.

17. *Шаталова О. В.* Синтаксическая характеристика языковой личности / О. В. Шаталова. — Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2012. — 200 с.

18. *Шигуров В. В.* Гибриды типа «правда», «факт» на шкале модаляции существительных / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // European research : сборник статей XI Международной научно-практической конференции. — Пенза : Наука и просвещение, 2017. — С. 220—224.

19. *Шмелева Т. В.* Вмещающая конструкция / Т. В. Шмелева // Вестник Московского университета : серия 9 : филология. — Москва : Издательство Московского университета, 2008. — № 4. — С. 58—67.

‘Fact’ as a Lexico-Syntactic Marker of the Character’s Linguistic Personality

© Kirill Ya. Seagal (2021), orcid.org/0000-0001-9400-4587, Doctor of Philology, chief research scientist, Head of the Department of Experimental Speech Research, Federal State

Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kjseagal@yandex.ru.

The role of the attitude in the formation of the lexical-syntactic marker of the character's linguistic personality is considered. An attempt is made to show how, due to the attitude, the same word (namely, the word 'fact') in different syntactic uses serves to create a lexical-syntactic marker used by word artists in order to identify and characterize different characters as linguistic personalities. The relevance of the study is to demonstrate that considering the pragmatic level of a linguistic personality makes it possible to differentiate different characters in whose speech the same lexical-syntactic marker prevails. The novelty of the research lies in the explanation of how the lexical-syntactic marking of the linguistic personality of different characters is carried out on the basis of the same verbal element. Based on the play by M. Gorky "Summer Residents" (Basov's linguistic personality) and M. A. Sholokhov's novel "Virgin Soil Upturned" (Davydov's linguistic personality), it is shown that the speech individualization of different characters through the word 'fact' is due to the inclusion of this word in different dominant varieties of lexicon the syntactic marker is a 'fact', correlation with different attitudes both "from the author" and "from the character", unequal participation in character speech cooperation.

Key words: linguistic personality; the character; pragmatics; installation; lexical-syntactic marker; dominant.

Material resources

G — Gor'kiy, M. (1970). Dachniki [Summer residents]. *Gor'kiy M. Polnoe sobranie sochineniy: khudozhestvennye proizvedeniya v 25-ti tomakh: tom VII: pyesy, dramaticheskie nabroski: 1897—1906* [Gorky M. Complete works: works of art in 25 volumes: volume VII: plays, dramatic sketches: 1897—1906]. Moskva: Nauka. 183—294. (In Russ.).

KRR — Ivanova, L. Yu., Skovorodnikova, A. P., Shiryaeva, E. N. (eds.). (2003). *Kultura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference book]. Moskva: Flinta; Nauka,. 840 p. (In Russ.).

OF — Ostroumova, O. A., Frampol, O. D. (2009). *Slovar' vvodnykh slov, slovosochetaniy i predlozheniy* [Dictionary of introductory words, phrases and sentences]. Moskva: SGU. 502 p. (In Russ.).

Sh — Sholokhov, M. A. (2015). *Podnyataya tselina* [The virgin soil raised]. Moskva: Eksmo. 640 p. (In Russ.).

TSRYa — Shvedova, N. Yu. (red.). (2007). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moskva: Azbukovnik. 1175 p. (In Russ.).

Ya — Yakhina, G. Sh. (2020). *Zuleykha otkryvaet glaza* [Zuleikha opens her eyes]. Moskva: AST. 508 p. (In Russ.).

YuES — Sukharev, A. Ya. (red.). (1984). *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Legal encyclopedic dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 415 p. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka: 2-e izd.* [Human language and world: 2nd ed.]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 896 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2012). Slovo v romane [Word in a novel]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy v 7 tomakh: tom 3: teoriya romana (1930—1961 gg.).* [Bakhtin M. M. Collected works in 7 volumes: volume 3: theory of the novel (1930—1961)]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 9—179. (In Russ.).

Beloshapkova, V. A. (1999). Obyazatelnyye subyektivnyye znacheniya v soderzhanii predlozheniya [Mandatory subjective meanings in the content of the proposal]. *Sovremennyy russkiy yazyk: uchebnik dlya filologicheskikh spetsialnostey vysshikh uchebnykh zavedeniy: 3-e izd.* [Modern Russian: a textbook for philological specialties of higher educational institutions: 3rd ed.] Moskva: Azbukovnik. 771—774. (In Russ.).

Bukharin, V. I. (1984). Vvodnyye slova v aspekte aktualnogo chleneniya [Introductory words in the aspect of actual division]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. Moskva: Nauka. 1: 101—105. (In Russ.).

Fed', N. M. (1998). *Paradoks geniya (Zhizn' i sochineniya Sholokhova)* [The paradox of genius (Life and works of Sholokhov)]. Moskva: Sovremennyy pisatel'. 408 p. (In Russ.).

Ivantsova, E. V. (2010). *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguopersonology: the foundations of the theory of linguistic personality]. Tomsk: TGU. 160 p. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (2002). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost': 2-e izd.* [Russian language and language personality: 2nd ed.]. Moskva: Editorial URSS. 264 p. (In Russ.).

Kornienko, N. V. (2003). «*Skazano russkim yazykom…» Andrey Platonov i Mikhail Sholokhov: vstrechi v russkoy literature* [«It is said in the Russian language...» Andrey Platonov and Mikhail Sholokhov: meetings in Russian literature]. Moskva: IMLI RAN. 536 p. (In Russ.).

Kryukova, A. M. (1970). Dachniki (Kommentarii) [Summer residents (Comments)]. *Gor'kiy M. Polnoe sobranie sochineniy: khudozhestvennye proizvedeniya v 25-ti tomakh: tom VII: pyesy, dramaticheskie nabroski: 1897—1906* [Gorky M. Complete works: works of art in 25 volumes: volume VII: plays, dramatic sketches: 1897—1906]. Moskva: Nauka. 628—645. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2012). *V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya*. [In search of the essence of language: cognitive research]. Moskva: Znak. 208 p. (In Russ.).

Prokhorova, V. N. (1957). *Dialektizmy v yazyke khudozhestvennoy literatury* [Dialectisms in the language of fiction]. Moskva: Uchpedgiz. 80 p. (In Russ.).

Selishchev, A. M. (2003). *Trudy po russkomu yazyku: tom 1: yazyk i obshchestvo* [Works on the Russian language: volume 1: language and society]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 632 p. (In Russ.).

Shatalova, O. V. (2012). *Sintaksicheskaya kharakteristika yazykovoy lichnosti* [Syntactic characteristics of the language personality]. Sankt-Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina. 200 p. (In Russ.).

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A., (2017). Gibridy tipa «pravda», «fakt» na shkale modalyatsii sushchestvitelnykh [Hybrids of the type «truth», «fact» on the scale of modulation of nouns]. *European research: sbornik statey XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [European research: collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference]. Penza: Nauka i prosveshchenie. 220—224. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (2008). Vmeshchayushchaya konstruktsiya [The enclosing structure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta: seriya 9: filologiya.* [Bulletin of Moscow University: series 9: philology]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 4: 58—67. (In Russ.).

Sorokin, Yu. S. (1965). *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30—90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language: 30—90s of the XIX century]. Moskva; Leningrad: Nauka. 565 p. (In Russ.).

Uznadze, D. N. (2001). *Psikhologiya ustanovki* [Psychology of installation]. Sankt-Peterburg: Piter. 416 p. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1999). *Istoriya slov: 2-e izd*. [History of words: 2nd ed.]. Moskva: IRYa im. V. V. Vinogradova RAN. 1138 p. (In Russ.).

Zalambani, M. (2006). *Literatura fakta: ot avangarda k sotsrealizmu* [Literature of fact: from the avant-garde to socialist realism]. Sankt-Peterburg: Akademicheskiy proekt. 224 p. (In Russ.).

Халикова Н. В. Образ предмета исследования в дискуссиях о русском языке советского периода (к вопросу об образности как лингвостилистической категории научного текста) / Н. В. Халикова, О. В. Никитин // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 147—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-147-161.

Khalikova, N. V., Nikitin, O. V. (2021). Image of Subject of Research in Discussions on the Russian of Soviet Period (Imagery as a Linguistic and Stylistic Category of a Scientific Text). *Nauchnyi dialog, 2:* 147-161. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-147-161. (In Russ.).

УДК 811.161.1’373.612.2
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-147-161

Образ предмета исследования в дискуссиях о русском языке советского периода (к вопросу об образности как лингвостилистической категории научного текста)

© **Халикова Наталья Владимировна (2021),** orcid.org/0000-0003-4415-8179, доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (Мытищи, Россия), nathalik@mail.ru.

© **Никитин Олег Викторович (2021),** orcid.org/0000-0003-2815-6691, Scopus AuthorID 57209316536, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия) olnikitin@yandex.ru.

Образность рассматривается как скрытая лингвостилистическая категория научного текста, экспликация которой зависит от особенностей индивидуальной речевой культуры и времени осмысления проблемы. Показана связь научного мышления и образности текста. Определено, что образность научного текста в отличие от художественного не связана с репродуктивным регистром речи, формируется двумя лингвостилистическими категориями: образом субъекта познания и, по выражению Ю.В. Рождественского, «образом научного предмета». Отмечается, что научная фразеология формируется теми же способами, что и поэтическая, но функционально отличается от нее. Методом описательного анализа выявлены ассоциативные и метафорические поля ключевых для лингвистики терминов. Установлено, что научное мышление опирается на образы языка-движения, языка-пространства и языка-социального явления. Авторы полагают, что обращение к смежным дисциплинам (лингвоперсонологии и истории филологии) позволяет разработать фрагменты общей на определенном историческом этапе научной картины мира, а в период смены научных парадигм увидеть характер их изменений. Принципиально важна в статье идея о воспроизводимости образа не как «украшения» речи, но средства «образной когезии» (И. Р. Гальперин), способа хранения и передачи информации. Делается вывод о том, что образная парадигматика влияет на формирование языковой личности ученого-филолога.

Ключевые слова: научный текст; когнитивная метафора; язык лингвистики; история языкознания; семантика; научная фразеология.

1. Введение

Одним из аспектов современной лингвоперсонологии является рефлексия над языком и стилем отечественной филологии, история которой представляет собой несомненную ценность книжной культуры. По В. В. Виноградову, в идеальном образе исследователя, который он видел в А. А. Шахматове, сочетаются «созерцатель, художник и неутомимый борец» и «два лика — Буслаевский и Фортунатовский» [Виноградов, 1922, с. 12]. Л. В. Щерба считал, что «в старой России было три замечательных лингвиста: А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов и И. А. Бодуэн де Куртенэ» [Щерба, 1963, с. 89]. Современный интерес к «филологии духа» [Никитин, 2018] стал своеобразной реакцией на конъюнктуру в науке в предшествующие десятилетия, когда ученый непременно входил то в «передовой отряд советских лингвистов» (в период риторики 30-60-х годов XX века), то в «круг представителей научной школы» или направления (конец XX — начала XXI столетий). Поиск не обезличенных, но интеллектуально и духовно высоких вершин и идеалов в науке — примета нашего времени.

Предметом изучения статьи является образная парадигматика филологического стиля, в частности его виноградовского дискурса, в переходную историческую эпоху — после господства марризма и «культа личности» (с начала 50-х до конца «оттепели» в 60-х годах XX века), характеризовавшуюся современниками как период большой творческой активности. В это время в журналах «Вопросы языкознания», «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», «Филологические науки» публикуются работы, посвященные основным направлениям лингвистики, по материалам которых активно проводятся дискуссии, большую часть из них инициирует В. В. Виноградов. Прежде всего это были проблемы возникновения русского языка, содержания стилистики и языка художественной литературы как научных дисциплин, фразеологии, синтаксиса, формального метода в лингвистике, структурализма. Помимо широко известных работ академика Виноградова, обсуждались статьи Р. И. Аванесова «К вопросам образования русского национального языка» (1953), В. Г. Адмони, Р. А. Будагова «О предмете языкознания» (1972), О. С. Ахмановой «Глоссемантика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания» (1953), Вяч. Вс. Иванова «Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики» (1968), Ю. С. Сорокина «К вопросу об основных понятиях стилистики» (1954), Б. А. Серебренникова «О путях развития языкознания» (1973) и многие другие.

1950—1960-е годы — это время споров о глобальном понятии системы языка (лексической, грамматической, стилистической), когда исследователи могли уже свободно возвращаться к плодотворным идеям Московского лингвистического кружка 20-х годов. Тенденции новой, более свободной от догматов марксизма-ленинизма науки и стали импульсом к созданию иного облика предмета исследования, к формированию других концепций в сфере лингвостилистики.

2. Об образе субъекта познания в научном тексте

Термин *субъект познания* мотивирован определением научного текста, под которым понимается «не только отдельный стиль, <…> но в первую очередь особым образом организованное изложение, главную роль в котором играет его автор — субъект знания и познания» [Очерки, 1996, с. 10]. Одним из его признаков в русском лингвистическом дискурсе является творческая активность по отношению к воспринимаемой объективной действительности. В силу этого возникает интересная исследовательская проблема стилистической преемственности и новаторства в филологическом дискурсе XIX—XXI веков. Существует связь между мировоззрением ученого, его жизненными приоритетами и системой имплицированных оценок и образов внутри текста, с помощью которых субъект познания идентифицируется как «русский», «советский» или «европейский ученый». Традиционная образность филологических текстов начала XX века позволяла формировать широкий круг оценочных коннотаций и речевой облик экспериментаторов языка.

Научный стиль ученых интересен тем, что, помимо ключевых терминов (*словосочетание, фонема, фразеологическое сращение, ярус языка*), содержит устойчивые фоновые понятия, которые редко бывают поводом для рефлексии и используются в силу словесной традиции (*речевой строй, круг словоизменительных форм*, *церковнославянская стихия языка, ступени развития*). Выделим еще и обширную метафорическую периферию (*речевая струя, отголоски значений, здание языка)*. Окказионализмы долгие десятилетия сохраняют авторство: *«упаковочный материал»* (Л. В. Щерба), *«лингвистическая пыль»* (случайная метафора Ф. де Соссюра о глагольной «пыли» становится самостоятельным опорным понятием в грамматическом учении о слове В. В. Виноградова [Виноградов, 1986, с. 255; 373]).

3. Об образе научного предмета

Имплицированный метафорический план текста не только отражает индивидуальный или обобщенный стиль мышления, но и формирует так

называемый «образ предмета науки» [Рождественский, 1996, с. 220], который Ю. В. Рождественский называет семантико-стилевой основой текста — естественно-научной или гуманитарной картинами мира. Путем их сопоставления выделяют следующие качества образа гуманитарной науки: абстрактную пространственно-временную локализацию гуманитарных объектов; их динамику, движение; социальную значимость вещей — «признак исключительно гуманитарной сферы исследования» [Рождественский, 1996, с. 222]. Это совпадает с нашими данными семантического анализа состава фразеологических и образно-стилистических единиц, которые распределяются по трем основным семантическим категориям: пространства, движения, социальной оценки. Лексема *процесс* является наиболее частотной в семантическом поле термина *язык*. Он виделся авторам как *жизнь, рост, природные явления, потоки и течения, стихии, сплавы, спайки, строительство*, непрерывное направленное *движение*. Частные явления стилистики и грамматики переносились на пространственные представления: *почву, сцену, картину, круги, ярусы, уровни, сферы, линии, точки, поля, области с* их *границами* и *пределами*. Государственная и социальная жизнь отражалось в метафорах *революции, созидания, строительства, борьбы, завоеваний, судьбы*. Так, в лингвистических спорах 30-х годов В. В. Виноградов призывал *«<…> **вернуться** от схематизма стилистических рассуждений, обезличенных и **придушенных какой-то голой армией терминов, к «живой воде»*** (выделено нами. — *О. Н., Н. Х.*) *языка литературно-художественных произведений*» [Виноградов, 1930, с. 28].

Концепты общественного сознания советского периода проецируются на активность «героев» научного текста — единиц и категорий языка и речи («Грамматическая борьба за признание категории вида» — название параграфа в монографии В. В. Виноградова «Русский язык: грамматическое учение о слове» 1947 года). Образная парадигматика включает: а) базовые когнитивные метафоры ключевых понятий (*язык — картина: рисуется, очерчен, контуры теории*), б) фразеологию (*выступать на сцену, войти в колею*), в) клише (*на широком фоне, клубок проблем*), г) образ (*величественное здание грамматики*).

В настоящее время когнитивные метафоры базового понятия «язык» активно описываются в диссертациях и статьях обычно следующим образом: язык есть *Организм, Объект, Механизм, Конструкт, Дело, Поле, Замкнутое целое (Круг), Вместилище, Чертеж, Картина, Пространство, Процесс, Ткань* и ещё десятки других образов [Плисецкая, 1999]. Метафорика и формирующаяся в ее пределах научная фразеология показывают, что в русском лингвистическом дискурсе два столетия существует и развивается собствен-

ная образная стилистическая система (по аналогии с поэтической идиоматикой и словарями образов в художественной литературе). Научная фразеология также имеет свои особенности в каждый период развития науки.

Личностное отношение ведущего ученого и даже целой научной школы к реальной действительности можно проецировать на отвлечённые идеи — термины и явления языка. Анализ когнитивных метафор и фразеологии позволяет выявить образные парадигмы, которые способны объединить обыденную, научную, философскую картины мира. Ощущение величины, глобальности было свойственно лингвистическому взгляду первой половины XX века: *Мы действительно стоим перед громадной лингвистической проблемой первоочередной важности* [Щерба, 1945, с. 174]. В спорах ученых сложилась развитая система образных единиц идиостиля, с одной стороны, традициями уходящая, в научную стилистику девятнадцатого века, а с другой стороны, принимающая оценки и клише мышления советской эпохи. Особенно ярким примером служит идиостиль В. В. Виноградова [Халикова, 2018]. В его трудах отчетливо видна тенденция к сохранению богатого потенциала русской лингвистической образности научного стиля, как это было принято в сообществе его учителей. Речь классической грамматики и стилистики, поэтики и истории языка, таких ученых-современников, как Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. М. Пешковский и др., интересна тем, что представляла собой высокие образцы переходного этапа между филологической традицией конца XIX — начала XX веков и новой культурой будущего узкоспециального письма конца XX — XXI веков. Качества художественной речи переносятся большими учеными и на их разностороннее научное творчество. Описание грамматического явления часто сочетается с общелитературной фразеологией с яркой образностью: *Непродуктивные типы воспринимаются как* ***выброшенные за борт*** *живой грамматической системы, но еще цепляющиеся за нее* [Виноградов, 1986, с. 369].

Так, ***слово*** (его ***значение***) сообщает *общие краски жизни, переливает красками, сгущает краски, бледнеет,* отражает *гамму смысловых оттенков,* от него *падает отблеск,* образует *яркий и сложный узор*. Представление о семантике слова и предложения как о «живой краске речи» было свойственно всем русским ученым и встречается во множестве работ.

4. Особенности образной парадигматики на разных этапах развития науки

Метаязыковая рефлексия особенно ярко видна при смене научных парадигм, методологии, зарождении дисциплин. Образность и фразеологич-

ность письма была характерна прежде всего для работ, посвященных «белым пятнам» — плохо изученным наукой проблемам и новаторским гипотезам. Непосредственно для русского языка такими темами были: история языка, структурный метод в лингвистике, стилистика языка (в том числе его фразеология), синтаксическая система. В наше время трудно представить величину той задачи, о которой писал В. В. Виноградов в середине 1940-х: «Объём и задачи грамматики не очерчены еще с достаточной ясностью» [Виноградов, 1986, с. 13]. В послевоенный период русистика старалась выработать целостное представление о грамматике, тексте, о частях речи, о стилистике. До этого, в послереволюционный период, — четко определить основные категории поэтики, языка писателя (с одной стороны, формалисты ОПОЯЗа, с другой — В. В. Виноградов, с третьей — марксистские теоретики вроде В. М. Фриче). По этой причине приходилось использовать семантический потенциал ассоциативности. Время поиска работающей парадигмы, закона, отчетливых границ описываемых категорий заставляет опираться на еще зыбкое знание, интуицию с ее ассоциативным потенциалом. Из воспоминаний Л. Я. Гинзбург: «Ожегов рассказывал мне, как Виноградов говорил в университете о том, что, когда наука еще не существует, она склонна открывать множество законов.

— Это совершенно естественное явление. Вот когда недавно начала создаваться научная поэтика, то находили законы на основании одного произведения. Так и бегали звонить друг другу по телефону: Я открыл закон!» [Гинзбург, 2002].

В период научных прозрений и «начал» в речи крупных ученых нередко встречаются своеобразные «стихотворения в прозе» о языковых явлениях, насыщенные стилистическими средствами. *Интонационные средства отличаются подвижным, свободным характером. Они наслаиваются сложными прихотливыми узорами на звуковые средства, не срастаясь с ними в определенные типы связи, а, напротив, расходясь с ними на каждом шагу; они, так сказать, блуждают по грамматической поверхности языка* [Пешковский, 1928, с. 475]. В результате в такой научной прозе как одно из необходимых ее качеств возникает явление «образной когезии» [Гальперин, 2019, с. 81], то есть передачи сложной мысли через сцепку общепринятых метафор, что позволяло синтезировать неотчетливые разрозненные впечатления в целостное смысловое единство для обмена большим объемом информации в процессе научного творчества. Говорящий связывает явления действительности не логически, а образами, которыми эти предметы-явления устойчиво изображаются. Так, «водная» метафора позволяла виноградовской школе осмысливать процессы формирования

композиционно-речевых структур в языке художественной литературы и формо- и словообразования в грамматике: *При изучении конкретной истории отдельных слов и выражений обнаруживаются те разнообразные* ***ручьи и потоки****, которые с разных сторон —* ***из глубин*** *народной жизни и УНТ, из быта и культуры разных социальных слоев общества, из разных областей профессионального труда —* ***несут*** *новые формы выражения и выразительности, новые мысли и предметы, новые слова и значения в* ***море*** *литературного языка* [Виноградов, 1974, с. 200]. Сравните с типичным фрагментом из другой работы со схожей семантикой образа: <…> *и некоторые продуктивные категории имен существительных <…> оказываются свежими грамматическими* ***резервуарами, из которых льётся широкий поток*** *форм в класс наречий. <…> А* ***навстречу этому течению снова движется живая струя*** *лексических неологизмов и заимствований в форме наречий,* ***несущихся в*** *литературную речь из разных социальных диалектов* [Виноградов, 1986, с. 318—319].

Образные парадигмы группируются вокруг основных научных концептов, связанных оппозитивно (*Язык* и *Речь*, *Слово* и *Предложение*, *Язык* и *Стиль, Грамматика* и *Текст*). Однако с развитием дисциплины и отчетливым, глубинным пониманием описываемого явления, когда эмпирическое заменяется уже стадией абстрагирования, метафорический элемент мышления исчезает. Так произошло с понятием *система / строй языка*. Метафора полностью стирается, переходя в область научной фразеологии и клиширования. В этом отношении интересно проследить, какие именно когнитивные метафоры, связанные с образом языка и выработанные в трудах классиков филологии, претерпели процесс затухания при усилении частотности употребления стертой семантики и превращения в клише. Так, если в XIX веке был возможен «бунт глаголов», которые «пользуются самою широкою свободой», «подвергаются произволу и насилию» [Некрасов, 1865, с. 25, 16], то к началу 1970-х в большинстве работ по грамматике, фразеологии отчетливо мыслится уже «языковой механизм, управляющий специфическими законами лингвомеханики» [Серебренников, 1973, с. 514]. Устойчивые клише типа *морфологический механизм, механизм спряжения, ключ к морфологии* теряют налет какой бы то ни было индивидуальности и имеют стертую метафоричность.

5. Смена образных парадигм под влиянием социальных клише (от личности — к социальной общности)

Во время дискуссий 50—60-х годов XX века (в журналах «Вопросы языкознания», «Вопросы литературы») все указанные явления существовали

в причудливом переплетении. Однако отход от описания значения отдельных единиц в область парадигматики и целостных систем грамматики, тенденция к превращению личности в часть научного сообщества, в участника «передового отряда советских лингвистов» на «передовом фронте борьбы за / против», приоритет естественно-материалистической (технической, физической и математической) картины мира в 1950—1960-е годы оживляют метафору структуралистов *язык (система) — механизм, объект, инструмент*. Таким образом, первая из трех названных нами в п. 3 семантическая доминанта «язык — движение» меняет семантику почти фольклорного образа *пути* / *дороги* на механистическое движение — образ *механизма*.

Вторая доминанта «язык — пространство» заметно трансформирует метафорику естественного пространства (*почва, дерево, поле, река, зерно, картина, краски, клубок*) на геометрическую (*объем, грань, линия, точка, граница, круг, предел, вертикаль* (парадигмы)*, горизонтальное* (синтагматика)*, квадрат, треугольник*). Показательно, что в это время вспыхивают дискуссии о «дегуманизации» науки и упреки в «антиисторичности» как попытка осмыслить смену «живого» и «мертвого». «Лингвисты, которым язык представляется элементарной знаковой системой, подобной светофору, объявляют непримиримую борьбу понятию оттенка в лексике, как и в языке вообще. <…> Именно оттенки формируют “душу” синонимов» [Будагов, 1972, с. 408].

Весьма показательно отношение к образной парадигме *язык / языкознание — здание / строительство*, на которое отреагировала фразеология научного стиля. Из девятнадцатого века к двадцатому протянулась и постоянно обыгрывалась эта яркая метафора: в *системе науки о языке, основанной на исторической лингвистике, остались нерешенными <…> основные вопросы описательного анализа системы языка:* ***рядом с новыми корпусами*** *историко-сравнительного языкознания,* ***воздвигнутыми*** *в XIX в.,* ***продолжали и продолжают стоять здания*** *филологической (и рациональной) грамматики,* ***отстроенные в основном до нашей эры, в древней Александрии***. ***Архитектурный ансамбль выглядит весьма своеобразно. Попытки подновить эти старые здания подпорками*** *из логических понятий, в дальнейшем же понятиями индивидуальной психологии, существенных изменений в положение дела не внесли»* [Чикобава, 1966, с. 57].

Лексико-семантическое поле этой парадигмы было основано на противопоставлении «строить» — «разрушать» и первоначально включало большое количество слов-образов с живой метафорой *постройка, строение, воздвигаться, ступени, здание, лазейка, хрупкое, мощное, стройное, красивое, величественное, на развалинах, отделения (помещения), искрив-*

ление, ломать, рушить, мельчайшие детали отделки, складочное место, кирпичи, архитектор, размер, материалы, строительный материал, фундамент. Эта метафорика, перекликающаяся с «языковым строительством» XX века, стиралась, теряла в количестве элементов, застывала компонентами фразеологических единиц, постепенно переходя в публицистическое клише. В конце концов в функции образа стилистическая единица остается только в памятных речах, адресах. Например, в рассуждении В. В. Виноградова о двух типах лингвистов: *Для одних суть исследования в* ***построении отдельных лингвистических зданий*** *или воспроизведении картин, отражающие частные проявления разнообразного языкового строительства. Общие проблемы языковедения таким лингвистам служат лишь* ***лесами при постройке их здания****, или правилами перспективы* [Виноградов, 1951, с. 31]. К концу 1970-х этот образ исчезает из дискуссий в связи с тем, что общие вопросы грамматики и лексики в целом были решены — «построены», и в научном стиле остались реликтовые фраземы и идиоматизмы только со стертой образностью: *положить фундамент, в основе построений, класть в основу построения, пройти все ступени, краеугольный камень*. В работах В. В. Виноградова эта метафора остается в виде фонового индивидуально-авторского термина «словосочетание — лишь строительный материал для предложений» [Виноградов, 1954, с. 498].

6. Развитие научной фразеологии

Ядро научной фразеологии формируется в данный период преимущественно геометрической метафорой. В других случаях фразеологизм выступает как средство социальной оценки («свой» — «чужой»). Слова-образы *круг, линия, граница, область, уровень, ярус, грань* полностью стерли переносный смысл, превратились в клишированные конструкции и фоновые термины, такие как *класть резкую грань, стирать грани, включить в круг, на одной линии, замкнуть круг, семантический объем.* Фразеология с механистическим и социологическим взглядом на язык как отчужденный от личности объект исследования *(вещество, химическое соединение, механизм, инструмент, орудие, арсенал, склад, инвентарь*) создает новую примету научного стиля: *арсенал форм, вести наступление, вступить в борьбу, встречать противодействие, включить в строй, армия слов, языковая техника, «запасные» формы, «грамматическое горнило», сплав форм, инвентарь стилистических средств*). Классическая метафорика языка-*организма, древа, растения, зерна, потока, реки, сцены, картины* почти полностью стирается в фоновой терминологии с этими компонентами: *выступить на сцену, сливаться (с чем — о значении), всплыть на по-*

верхность, рациональное зерно, в потоке речи, течение действия, в русле (чего).

7. Заключение

Дискуссионный вопрос о том, может ли наука позволить себе использовать экспрессию образности, решается по-разному. Так, немецкий философ и филолог Х. Вайнрих назвал три «запрета» для научного дискурса: «Ученый не говорит “я”»; «Ученый не рассказывает»; «Ученый не использует метафор» [Weinrich, 2001, S. 232—235]. Положительную точку зрения высказывают многие ученые [Флоренский, 2000; Никитина, 2014]. Наблюдения над речью ведущих отечественных лингвистов и литературоведов XX века позволяют сделать вывод о том, что имплицитная образность русского филологического дискурса, насыщенного стереотипными метафорическими сочетаниями и фоновыми терминами, является устойчивым ярким признаком национальной интеллектуальной культуры. Образ гуманитарной науки в трудах ученых XX века стремится к особого рода двуплановости текста. Второй план реализуется через устойчивые когнитивные метафоры базовых научных концептов, которые варьируются и неявно отражают тип мышления, личности ученого, его кругозор, мировоззрение, систему оценок, дух эпохи. В научном мышлении имплицитный образ выполняет функцию интеллектуальной гипотезы. П. А. Флоренский высказывал интересный принцип инвариантности материального мира: предмет всегда один, но его образов-описаний — множество. Они могут быть воплощены «и в абстрактные символы математики, и в конкретные образы механики» [Флоренский, 2000, с. 112]. Ему, стоявшему «у водоразделов мысли», пришла идея создавать особый тип словаря науки — «Symbolarium» (1923) [Флоренский, 1996], который отражал бы зрительные геометрические образы в качестве общенаучных понятий.

В русской научно-философской мысли был выработан определенный филологический стиль с устойчивой олицетворяющей («жизнь языка») и опредмечивающей («механизмы языка») метафорикой для базовых концептуальных понятий. Семантика активного движения в различных ипостасях является первой, основной доминантой образного представления о языке в русской науке. Метафора природной стихии, индивидуального «пути» и «роста» в советский период заметно коннотируется социальными оценками. Вторая семантическая доминанта пространства традиционно включает визуальные формы и параметры внешнего облика природы: *дали, близи, высоты* и *глубины*, которые отчетливо вытесняются геометрической метафорикой. *Язык — социальное* становится третьей ипоста-

сью ассоциативного образа предмета языкознания на втором плане текста. Проанализированные нами дискуссии показали, что проблема образности как лингвостилистической категории научного текста находилась на подъеме интеллектуальных усилий наших современников, сделавших во многом прорыв в науке как раз в послевоенное время, а затем укрепивших эти позиции в конце XX столетия. Значит, лингвистическая метафорика, образность «строгого» текста постепенно стали неотъемлемой частью формирующейся новой стилистики филологической науки и вошли в ее предмет как персонифицированные категории языка исследователя.

Литература

1. *Будагов Р. А*. О предмете языкознания / Р. А. Будагов // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — 1972. — Т. 31, №. 5. — С. 401—412.

2. *Виноградов В. В*. Алексей Александрович Шахматов / В. В. Виноградов. — Петербург : Колос, 1922. — 80 с.

3. *Виноградов В. В*. Вопросы изучения словосочетаний / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1954. — № 3. — С. 3—24.

4. *Виноградов В. В*. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1974. — 312 с.

5. *Виноградов В. В*. О художественной прозе / В. В. Виноградов. — Москва ; Ленинград : Наука, 1930. — 186 с.

6. *Виноградов В. В*. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы / В. В. Виноградов // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944) : сборник статей. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1951. — С. 31—62.

7. *Виноградов В. В*. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — 3-е изд. — Москва : Высшая школа, 1986. — 639 с.

8. *Винокур Г. О*. Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации) / Г. О. Винокур // Русская речь. Новая серия. — Ленинград : Academia, 1928. — Вып. 3. — С. 75—93.

9. *Гальперин И. Р*. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : ЛЕНАНД, 2019. — 144 с.

10. *Гинзбург Л. Я*. Записные книжки. Эссе [Электронный ресурс] / Л. Я. Гинзбург // LibCat.ru. — Режим доступа : https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/220710-lidiya-ginzburg-zapisnye-knizhki-vospominaniya-esse.html (дата обращения 13.09.2020).

11. *Некрасов Н. П*. О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов. — Санкт-Петербург : В тип. и литогр. Паульсона и К°, 1865. — 314 с.

12. *Никитин О. В*. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (к 200-летию со дня рождения) / О. В. Никитин // Русский язык в школе. — 2018. — Т. 79, № 5. — С. 79—86. — DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86.

13. *Никитин О. В.* Штрихи к лингвистическому портрету А. М. Пешковского в контексте научной полемики его времени О. В. Никитин // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2019. — Т. 64, № 1. — С. 1—28. — DOI: 10.1556/060.2019.64111.

14. *Никитина С. Е.* Семантический анализ языка науки : на материале лингвистики / С. Е. Никитина. — Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2014. — 141 с.

15. *Очерки* истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX веков / ред. М. Н. Кожина. — Т. 2, Ч. 1. — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1994. — 390 с.

16. *Пешковский А. М.* Интонация и грамматика / А. М. Пешковский // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. — 1928. — Т. 1, Кн. 2. — С. 458—476.

17. *Плисецкая А. Д.* Эволюция концепта «язык» в лингвистической науке XX века : дис. … канд. филолог. наук / А. Д. Плисецкая. — Москва, 1999. — 309 с.

18. *Рождественский Ю. В.* Образ предмета науки / Ю. В. Рождественский // Общая филология. — Москва : Новое тысячелетие, 1996. — С. 216—224.

19. *Серебренников Б. А.* О путях развития языкознания / Б. А. Серебренников // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1973. — Т. 32, № 6. — С. 513—518.

20. *Флоренский П. А.* Symbolarium (словарь символов). Вып. 1. Точка / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. Т. 2. — Москва : Мысль, 1996. — С. 564—590.

21. *Флоренский П. А.* Образ и слово / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. Т. 3. — Москва : Мысль, 2000. — 621 с.

22. *Халикова Н. В.* Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В. В. Виноградова / Н. В. Халикова // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 61—66. — DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66.

23. *Чикобава А.* К вопросу о путях развития современной лингвистики / А. Чикобава // Вопросы языкознания. — 1966. — № 4. — С. 45—61.

24. *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — 1945. — Т. 4, № 5. — С. 173—186.

25. *Щерба Л. В.* Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке / Л. В. Щерба // Вопросы языкознания. — 1963. — № 5. — С. 89—93.

26. *Weinrich H.* Formen der Wissenschaftssprache / H. Weinrich // Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1956—2001. — Tübingen : Narr, 2001. — S. 221—252.

Image of Subject of Research in Discussions on the Russian of Soviet Period (Imagery as a Linguistic and Stylistic Category of a Scientific Text)

© Natalia V. Khalikova (2021), orcid.org/0000-0003-4415-8179, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian, Moscow Region State University (Mytishchi, Russia), nathalik@mail.ru.

© Oleg V. Nikitin (2021), orcid.org/0000-0003-2815-6691, Scopus AuthorID 57209316536, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (Petrozavodsk, Russia) olnikitin@yandex.ru.

Imagery is viewed as a hidden linguistic-stylistic category of a scientific text, the explication of which depends on the characteristics of the individual speech culture and the time of understanding the problem. The connection between scientific thinking and the figurativeness

of the text is shown. It was determined that the imagery of a scientific text, in contrast to an artistic one, is not associated with the reproductive register of speech, it is formed by two linguistic and stylistic categories: the image of the subject of knowledge and, according to Yu. V. Rozhdestvensky, "the image of a scientific subject". It is noted that scientific phraseology is formed in the same ways as poetic, but functionally different from it. The method of descriptive analysis revealed the associative and metaphorical fields of the key terms for linguistics. It has been established that scientific thinking is based on images of language-movement, language-space and language-social phenomenon. The authors believe that an appeal to related disciplines (linguistic personalology and the history of philology) makes it possible to develop fragments of a common scientific picture of the world at a certain historical stage, and to see the nature of their changes during the period of scientific paradigms change. The idea of the reproducibility of an image not as a "decoration" of speech, but a means of "figurative cohesion" (I. R. Galperin), a way of storing and transmitting information is fundamentally important in the article. The conclusion that the figurative paradigmatics influences the formation of the linguistic personality of the scientist-philologist is made.

Key words: scientific text; cognitive metaphor; language of linguistics; history of linguistics; semantics; scientific phraseology.

References

Budagov, R. A. (1972). O predmete yazykoznaniya [About the subject of linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language], *31 (5):* 401—412. (In Russ.).

Chikobava, A. (1966). K voprosu o putyakh razvitiya sovremennoy lingvistiki [The ways of development of modern linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic issues], *4:* 45—61. (In Russ.).

Florenskiy, P. A. (1996). Symbolarium (slovar' simvolov). Tochka [Symbolarium (dictionary of symbols). Dot]. In: *Sochineniya* [Essays]. Moskva: Mysl. 4/2: 564—590. (In Russ.).

Florenskiy, P. A. (2000). Obraz i slovo [Image and word]. In: *Sochineniya* [Essays]. Moskva: Mysl. 621 p. (In Russ.).

Galperin, I. R. (2019). *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moskva: LENAND. 144 p. (In Russ.).

Ginzburg, L. Ya. (2002). Zapisnye knizhki. Esse [Notebooks. Essay] In: *LibCat.ru*. Available at: https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/220710-lidiya-ginzburg-zapisnye-knizhki-vospominaniya-esse.html (accessed 13.09.2020). (In Russ.).

Khalikova, N. V. (2018). Obrazno-metaforicheskoe prostranstvo termina v yazyke nauchnykh tekstov V. V. Vinogradova [Imagery and metaphorical space of the term in the language of scientific texts by V. V. Vinogradov]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], *79 (9):* 61—66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66. (In Russ.).

Kozhina, M. N. (1994). *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII—XX vekov* [Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the XVIII—XX centuries]. Perm: Izd-vo Permskogo un-ta. 2/1. 390 p. (In Russ.).

Nekrasov, N. P. (1865). *O znachenii form russkogo glagola* [The meaning of the forms of the Russian verb]. Sankt-Peterburg: V tip. i litogr. Paulsona i K°. 314 p. (In Russ.).

Nikitin, O. V. (2018). «Filologiya dukha». Fedor Ivanovich Buslaev kak yazykovaya lichnost' (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya) ["Philology of spirit". Fedor Ivanovich Buslaev as linguistic persona (for 200th anniversary of the birth)]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], *79 (5):* 79—86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86. (In Russ.).

Nikitin, O. V. (2019). Shtrikhi k lingvisticheskomu portretu A. M. Peshkovskogo v kontekste nauchnoy polemiki ego vremeni [Notes to the linguistic portrait of A. M. Peshkovsky in the context of scientific debates of his time]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 64 (1):* 131—158. DOI: 10.1556/060.2019.64111. (In Russ.).

Nikitina, S. E. (2014). *Semanticheskiy analiz yazyka nauki: na materiale lingvistiki* [Semantic analysis of the language of science: on the material of linguistics]. Moskva: URSS: LIBROKOM. 141 p. (In Russ.).

Peshkovskiy, A. M. (1928). Intonatsiya i grammatika [Intonation and grammar]. *Izvestiya po russkomu yazyku i slovesnosti Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Russian language and literature of the USSR Academy of Sciences], *1 (2):* 458—476. (In Russ.).

Plisetskaya, A. D. (1999). *Evolyutsiya kontsepta «yazyk» v lingvisticheskoy nauke XX veka: PhD Diss.* [Evolution of the concept "language" in linguistic science of the twentieth century. PhD Diss.]. Moskva. 309 p. (In Russ.).

Rozhdestvenskiy, Yu. V. (1996). Obraz predmeta nauki [Image of the subject of science]. In: *Obshchaya filologiya* [General philology]. Moskva: Novoe tysyacheletie. 216—224. (In Russ.).

Serebrennikov, B. A. (1973) O putyakh razvitiya yazykoznaniya [On the ways of development of linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], *32 (6):* 513—518. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1945). Ocherednyye problemy yazykovedeniya [The next problems of linguistics]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language]. *4 (5):* 173—186. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1963). F. F. Fortunatov v istorii nauki o yazyke [F. F. Fortunatov in the history of the science of language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], *5:* 89—93. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1922). *Aleksey Aleksandrovich Shakhmatov.* Peterburg: Kolos. 80 p. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1930). *O khudozhestvennoy proze* [About fiction]. Moskva; Leningrad: Nauka. 186 p. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1951). Obshchelingvisticheskie i grammaticheskie vzglyady akademika L. V. Shcherby [General linguistic and grammatical views of Academician L. V. Shcherba]. In: *Pamyati akademika Lva Vladimirovicha Shcherby (1880—1944): sbornik statey* [In memory of academician Lev Vladimirovich Shcherba (1880—1944): collection of articles]. Leningrad: Izd-vo LGU. 31—62. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1954). Voprosy izucheniya slovosochetaniy [Questions of the study of phrases]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic issues], *3:* 3—24. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1974). *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and lexicography]. Moskva: Nauka. 312 p. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1986). *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language: (Grammatical teaching about the word)]. (3nd ed.). Moskva: Vysshaya shkola. 639 p. (In Russ.).

Vinokur, G. O. (1928). Glagol ili imya? (Opyt stilisticheskoy interpretatsii) [Verb or name? (Experience in stylistic interpretation)]. In: *Russkaya rech. Novaya seriya* [Russian speech. New episode]. 3: 75—93. (In Russ.).

Weinrich, H. (2001). Formen der Wissenschaftssprache In: *Sprache, das heißt Sprachen. Mit einem vollständigen Schriftenverzeichnis des Autors 1956—2001*. Tübingen: Narr. 221—252.

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика
Literary Studies. Journalism. Folklore

Александр Георгиевич Коваленко, д-р филол. наук (Москва)
Андрей Борисович Танасейчук, д-р филол. наук (Саранск)
Анна Александровна Илунина, канд. филол. наук (Воронеж)
Наталия Эдуардовна Сейбель, д-р филол. наук (Челябинск)
Наталья Владимировна Володина, д-р филол. наук (Череповец)
Наталья Павловна Жилина, д-р филол. наук (Калининград)
Наталья Сергеевна Фролова, канд. филол. наук (Москва)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск)
Эльрашид Али Мохаммед Адам, аспирант, ассистент (Москва)
Юлия Николаевна Сытина, канд. филол. наук (Москва)

Володина Н. В. Предисловие как жанр автокомментария в творчестве И. С. Тургенева / Н. В. Володина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 163—174. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-163-174.

Volodina, N. V. (2021). Introduction as a Genre of Auto-Commentary in Works of I. S. Turgenev. *Nauchnyi dialog, 2:* 163-174. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-163-174. (In Russ.).

УДК 821.161.1Тургенев.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-163-174

Предисловие как жанр автокомментария в творчестве И. С. Тургенева

© **Володина Наталья Владимировна (2021),** orcid.org/0000-0001-9928-3765, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Череповецкий государственный университет» (Череповец, Россия), natalivolodina@mail.ru.

Рассматривается явление авторской рефлексии по поводу своих произведений — на материале предисловий И. С. Тургенева. Отсутствие специальных работ на эту тему позволяет говорить о новизне исследования. Его актуальность связана с постановкой вопроса о специфике и роли авторского понимания смысла собственных произведений и его соотнесенности с восприятием читателя. В статье представлены результаты сопоставительного анализа всех предисловий Тургенева. Определены их основные признаки, рассмотрена история этого жанра в творчестве писателя. Показано отношение Тургенева к мнению читателя и критики. Доказано, что предисловия Тургенева «не оправдывают» своих теоретических ожиданий, ибо писатель сознательно отказывается от комментирования в них интенциональности и смысла своих произведений. Делается вывод о том, что это позволяет писателю высказать теоретически важную идею о «невмешательстве» писателя в созданный им текст. Особое внимание уделяется «Предисловию к романам», которое является своего рода метатекстом, объединяющим все шесть произведений этого жанра, что позволяет Тургеневу определить основное направление и принципы своего творчества. Показано, что эти вопросы рассматриваются писателем в контексте общеэстетической проблематики: о специфике художественного познания, свободе творчества, сознательном и бессознательном в искусстве, взаимоотношениях художника и критика / читателя и др.

Ключевые слова: И. С. Тургенев; аутентичное предисловие; задержанное предисловие; автокомментарий; интенция; адресат предисловия.

1. Введение

Проблема смысла литературных явлений, возникшая еще в античной эстетике, остается одним из наиболее важных и сложных теоретико-литературных вопросов. Одним из направлений в ее исследовании может стать изучение собственно авторского истолкования своих произведений, творчества в целом, представленного разного типа текстами: авторскими

предисловиями и послесловиями, статьями и эго-документами (письма, дневники, воспоминания), а также внутритекстовыми комментариями, когда они становятся частью художественной реальности, подчиняясь ее законам. Рассмотрение этого типа текстов предполагает обращение к вопросам теоретико-методологического характера: о содержании понятия «авторский смысл», его соотношении с замыслом произведения, коммуникативной функции автокомментариев писателя и др.

Характер авторского истолкования своего произведения зависит прежде всего от жанра, в рамках которого этот комментарий осуществляется. При этом авторская индивидуальность всегда придает устойчивым жанровым признакам уникальное содержание. Одним из жанров автокомментария является предисловие. Среди конститутивных признаков предисловия называют изложение в нем авторских намерений или замысла и обращение к читателю (как скрытое, так и явное), ибо авторский комментарий необходим писателю либо для подготовки читателя к знакомству с произведением, либо (если оно уже было опубликовано) для разъяснения возникших вопросов. В предисловии неизбежно возникает и момент саморефлексии, ибо художник оказывается здесь в некотором смысле в роли «внешнего наблюдателя» своего творчества.

И. С. Тургенев, обращаясь к данному жанру, как правило, ставит под сомнение необходимость соответствия его именно этим задачам. Неслучайно исследователи говорят даже об отсутствии у Тургенева предисловий. Так, Льюис Бэгби в своей работе, посвященной предисловиям Ф. М. Достоевского, пишет: «И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой не использовали их ни в каком виде» [Бэгби, 2020, с. 40]. О. Г. Лазареску в своем фундаментальном исследовании авторских предисловий в русской литературе XIX—XX веков отмечает, что Тургенев использовал традиционную форму предисловий, «которая предоставляла художнику пространство для декларирования его идей, для критического осмысления прямого авторского слова, неизбежно провоцирующего тенденциозность писателя» [Лазареску, 2008, с. 285]. Специфическое отношение Тургенева к авторскому предисловию, переосмысление его традиционных функций заслуживает тем большего научного внимания, ибо позволяет обращаться к вопросам авторского понимания завершенного текста, а также возможностям и «обязанностям» критики и читателя в его истолковании.

2. Типологические особенности предисловий Тургенева

При рассмотрении теоретических аспектов предисловий Тургенева для автора статьи методологически важной является книга Ж. Жанетта, на-

звание которой было переведено на русский язык как «Паратексты» (в подлиннике — «Seuils»), изданная в 1977 году в Париже, а затем переведенная на английский и немецкий языки. Ученый исследует предисловие в ряду других видов паратекстов как своего рода «пороговых» конструкций (заглавие, эпиграф, пр.), позволяющих читателю «войти» в текст. Самой важной функцией авторского предисловия Женетт считает «заявления о намерениях» [Genette, 2001, с. 214], (перевод здесь и далее автора статьи) или сообщение об авторском замысле, что формирует своего рода программу его чтения. Женетт создает типологию предисловий в зависимости от характера «достоверности» лица автора (реальный, вымышленный и др.), времени появления предисловия, его функциональных характеристик, адресата и др. Названные им признаки предисловия, предложенную им классификацию Женетт считает универсальными. Эту типологию действительно можно соотнести и с предисловиями И. С. Тургенева, выявляя и систематизируя их характерные особенности. При этом важно, что ряд суждений, высказанных писателем в его предисловиях, предвосхищает отдельные идеи современного французского теоретика литературы.

Все предисловия Тургенева являются, если воспользоваться терминологией Ж. Женетта, не только «авторскими», принадлежащими создателю текста [Genette, 2001, с. 161], но и «аутентичными» [Genette, 2001, с. 179], автор которых реальное, а не вымышленное лицо.

Предисловия Тургенева не являются частью художественного текста, в отличие, например, от предисловия М. Ю. Лермонтова к роману «Герой нашего времени» или предисловий Ф. М. Достоевского к целому ряду его произведений.

Все предисловия Тургенева были написаны после первой, журнальной публикации его произведений, иногда с большим временным интервалом. Женетт называет это «поздним» предисловием [Genette, 2001, с. 173]. Тургенев пишет предисловия либо в случае издания совокупности текстов («Предисловие к рассказам и повестям» — 1856, «Предисловие к романам» — 1880), либо при отдельном издании произведения: романа «Отцы и дети» (1862, осталось неопубликованным) и романа «Дым» («Предисловие к отдельному изданию “Дыма”», 1867).

Появление предисловий всегда было вызвано у Тургенева реакцией современников на его произведения, ибо, как и любой писатель, рассчитывал на понимание и сочувствие читателя.

Эти общие признаки предисловий Тургенева дают представление об их внешней, «формальной» организации. Если же говорить об их содержании, то оно не отвечает характерной, с точки зрения Жанетта, авторской

установке. По его мнению, писатели, как правило, стремятся «навязать читателю свое представление о тексте, определяемое через *точку зрения автора*, которая и представляется наиболее достоверным ключом к интерпретации текста. В этом отношении предисловие является одним из инструментов авторского контроля» [Genette, 2001, с. 215]. Однако Тургенев сознательно отказывается от подобных объяснений и авторского диктата.

3. История публикации предисловий Тургенева

Первое из написанных Тургеневым предисловий — «Предисловие к изданию “Повестей и рассказов”» (в 3 томах, 1856). Произведения, включенные в этот сборник, по отдельности уже были опубликованы, а теперь оказались объединены в рамках одной книги. Она состояла из четырнадцати произведений, в том числе романа «Рудин», жанр которого при появлении его в журнале, а также в этом издании был определен как повесть. Публикация сборника воспринималась писателем как определенный итог его литературной деятельности. Очевидно, именно это обстоятельство побудило Тургенева предпослать изданию предисловие. Однако, впервые обратившись к такой форме автокомментария, Тургенев сразу высказывает сомнение в его продуктивности. «Предисловие к изданию “Повестей и рассказов”» начинается фразой, опровергающей авторское намерение: «Трудное дело в наше время писать предисловия. Излагать в них свои воззрения на искусство — неуместно; просить снисхождения читателя — бесполезно: читатель не верит в авторскую скромность» [Тургенев, 1980, с. 329]. По сути, мы имеем дело с «антипредисловием», однако оно имеет по-своему программный характер. Во-первых, Тургенев определяет здесь возможную тему предисловия; во-вторых, говорит о роли читателя, хотя и оценивает ее скептически. Информативность этого предисловия заключается в коротком пояснении, касающемся состава сборника.

Роман «Отцы и дети», опубликованный в «Русском вестнике» (1859), не имел предисловия; однако отдельное его издание, появившееся два года спустя (1862), Тургенев намеревался начать именно с предисловия. Историю создания этого предисловия проследил Т. С. Гриц; ему же принадлежит публикация этого неизданного текста в «Литературном наследстве» [Гриц, 1964]. Тургенев написал предисловие к роману, прежде всего, под впечатлением тех многочисленных и по большей части неодобрительных отзывов критики, которые появились после журнальной публикации. С этого объяснения и начинается предисловие: «“Отцы и дети” возбудили в публике столько противоречащих толков, что, издавая отдельно этот роман, я возымел было намерение предпослать ему нечто вроде предисловия,

в котором я бы сам попытался объяснить читателю, какую собственно поставил я себе задачу» [Гриц, 1964, с. 290]. Однако вслед за этим Тургенев, словно комментируя ход своих рассуждений, сообщает: «Но, размыслив, я отказался от своего намерения» [Гриц, 1964, с. 290]. Содержание предисловия к роману «Отцы и дети» фактически и сводится к авторскому объяснению того, почему его не следует публиковать. Назначение такого предисловия могло бы состоять, исходя из пояснения Тургенева, в том, чтобы прокомментировать авторское намерение. Однако в этом случае неизбежно возникает проблема релевантности авторской интенции ее воплощению. Современная наука рассматривает эту проблему, говоря о «взаимоотношениях текста и его автора, об ответственности автора за смысл и значение текста» [Компаньон, 2001, с. 55].

Следует сказать, что критики, в том числе современники Тургенева, нередко оценивали его произведения, сопоставляя их замысел с воплощением, по сути, не располагая какими-то данными, свидетельствующими об авторском замысле. Само понятие «замысел» при этом фактически заменяло понятие «интенции», намерения писателя. Так, например, А. В. Дружинин в статье об издании «Повестей и рассказов» Тургенева говорит о том, что в повести «Андрей Колосов» «*замысел разнится с постройкою*, что тип, зародившийся в голове даровитого рассказчика, в рассказе утратил все свое значение» [Дружинин, 1988, с. 300]. Однако Тургенев не считает возможным объяснять в предисловии не только замысел или задачи, которые перед ним стояли, но и смысл уже завершенного произведения, объясняя это следующим образом: «Если само дело не говорит за себя, все возможные объяснения автора ничего не помогут» [Гриц, 1964, с. 290].

В этой идее Тургенев сближается с историками и теоретиками литературы XX века, современными исследователями, которые обращаются к вопросам телеологии, интенциональности литературы и т. п. Сошлюсь в качестве примеров на суждения М. М. Бахтина и современного ученого С. Н. Зенкина. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», написанной в начале или середине 1920-х годов, говорит о том, что авторские пояснения не дают истинного знания о его произведении: «Художнику нечего сказать о процессе своего творчества — он весь в созданном продукте» [Бахтин, 1979, с. 9]. С. Н. Зенкин замечает, что «авторские комментарии к тексту всегда не вполне адекватны самому тексту…» [Зенкин, 2018, с. 96].

Тургенев, завершая предисловие к «Отцам и детям», с уверенностью говорит только об одном обстоятельстве, связанном с его творческим процессом: «Ограничусь двумя словами: я сам знаю, и мои друзья в этом уверены, что мои убежденья ни на волос не изменились с тех пор, как я всту-

пил на литературное поприще…» [Гриц, 1964, с. 290]. Более развернутое воплощение эта идея получит позднее в «Предисловии к романам».

Поводом для написания предисловия к роману «Дым» (1868), как и в случае с «Отцами и детьми», тоже стали недоброжелательные, а часто резко отрицательные отзывы критики. Как уточняет Тургенев, оно появилось «ввиду многоразличных нареканий, которым подверглась повесть “Дым”» [Тургенев, 1868а, б/указ. стр.] после ее публикации в журнале. Предисловие к «Дыму» было напечатано в первом и втором отдельных изданиях романа в 1868 году. В самом начале предисловия к первому изданию Тургенев замечает, что «некоторые приятели автора советовали ему снабдить отдельное ее издание предисловием», где можно было бы «разъяснить возникшие недоразумения» [Тургенев, 1868а, б/указ. стр.]. Однако именно этого писатель и не делает, сообщая, что он сознательно избегает ответов на вопросы и претензии критики и читателей: «…по зрелом обсуждении дела, — пишет о себе Тургенев в третьем лице, — автор не почел нужным последовать данному совету. Подобные объяснения всегда сбиваются на оправдания — а оправдываться ему не в чем, так как он виноватым себя не почитает» **[**Тургенев, 1868а, б/указ. стр.**]**. Из предисловия можно понять характер критики, раздавшейся в адрес романа, ибо Тургенев уточняет: «Отвечать на обвинения в отступничестве, в клевете, в недобросовестном незнании России и тому подобное автор, конечно, не станет» [Тургенев, 1868а, б/указ. стр.]. Более частные упреки, которые он приводит, были связаны с образом Потугина. Писатель и в этом случае не считает нужным объяснять свою позицию, по сути, возвращаясь к тому же аргументу и к той идее, которая была высказана им в неизданном предисловии к роману «Отцы и дети»: «Притом никакие доводы не убедят тех из его читателей, которые не захотят или не сумеют признать мысль, положенную в основание характеру Потугина — лица, по-видимому, более всех других оскорбившего патриотическое чувство публики; пускай же это лицо само *говорит за себя* (курсив Тургенева. — *Н. В.*). Автор ограничился тем, что придал ему несколько новых черт, еще определительнее высказывающих его значение, сущность и смысл» [Тургенев, 1868а, б/указ. стр.]. Последнее замечание свидетельствует о том, что правка, которую Тургенев сделал по сравнению с журнальным вариантом, была сделана, скорее, вопреки отзывам критики об образе Потугина, чем с учетом их замечаний.

Предисловие ко второму изданию «Дыма» практически повторяло первое, о чем говорит сам автор, однако в конце появляется небольшое замечание. «Он (Тургенев о себе как об авторе. — *Н. В.*) радуется тому, что его книгу читают; он надеется, что она принесет пользу, несмотря на неиз-

бежные недостатки [Тургенев, 1868б, б/указ. стр.]. Совершенно очевидно, что если к отзывам критики Тургенев относится скептически, то мнением читателя, несомненно, дорожит. Если проследить дальнейшую судьбу этого предисловия, то выясняется, что в первом собрании сочинений Тургенева (1869) оно уже было снято, скорее всего, по воле автора, ибо это было прижизненное издание. Оно отсутствовало и в последующих изданиях вплоть до появления «Полного собрания сочинений» Тургенева 1883 года, появившегося после смерти писателя. Здесь и в дальнейшем предисловие печаталось отдельно от текста романа [Тургенев, 1981, с. 408]. Мы встречаемся в этом случае с ситуацией, описанной Ж. Жанеттом: «Предисловие, подготовленное для некоторого конкретного издания, может исчезнуть окончательно *или нет* в каком-либо более позднем издании, если автор решит, что оно выполнило свою работу» [Genette, 2001, с. 176].

По сути, единственное тургеневское предисловие, соответствующее своему жанровому назначению, — «Предисловие к романам» (1880). Под этим названием оно включено в Полное собрание сочинений и писем Тургенева [Тургенев, 1982, с. 390—396] как самостоятельный текст. При первой своей публикации [Тургенев, 1880, с. V—XV] это название звучало как «Предисловие», предшествующее его шести романам, которые были напечатаны в третьем, четвертом и пятом томах. Очевидно, такое композиционное решение было необходимо Тургеневу, чтобы читатели увидели единство, общие характерные особенности его романов. Эта идея станет одной из ведущих в предисловии к ним. Большой временной промежуток, отделявший это издание от времени появления каждого из написанных ранее произведений, а также объединение их по жанровому признаку позволили писателю увидеть свои романы в историко-литературной перспективе, взглянуть на них как бы «со стороны», уже не только в качестве автора, но и особого рода «читателя».

Главный побудительный мотив Тургенева при написании этого предисловия становится понятен в самом начале текста. Тургенев обращается к читателям, пытаясь оградить их от влияния критики: «Мне хотелось дать тем из моих читателей, которые возьмут на себя труд прочесть эти шесть романов сподряд, возможность наглядно убедиться, насколько справедливы критики, упрекавшие меня в изменении однажды принятого направления, в отступничестве и т. п.» [Тургенев, 1982, с. 390].

На протяжении всего предисловия Тургенев несколько раз ссылается на конкретные, преимущественно негативные суждения критиков по поводу его романов; приводит суждения, на которые в свое время не реагировал, но теперь, по прошествии нескольких лет, счел нужным их проком-

ментировать. В связи с романом «Накануне», образом Инсарова, как отмечает писатель, критики говорили о «деланности и безжизненности этого лица» [Тургенев, 1982, с. 394]; «взгляд критики» на роман «Отцы и дети» «всё еще не установился» [Тургенев, 1982, с. 394]; «Дым» они обвиняли в «недостатке патриотизма» [Тургенев, 1982, с. 394]; «Новь» «встретили дружным осуждением» [Тургенев, 1982, с. 394]. Главный упрек Тургенева критике заключается в том, что «она несвободна» [Тургенев, 1982, с. 395]; и потому «тот писатель, кто слушается *ее одной*, подвергается опасности испортить свое дарование» [Тургенев, 1982, с. 395]. Тургенев не объясняет, в чем, собственно, состоит несвобода критики, но речь идет, скорее всего, о ее тенденциозности, зависимости от политики журнала, направления общественной мысли, с которым она связана. Принципиальная позиция Тургенева заключается в том, что критик (как и читатель) не может навязывать художнику свое видение действительности: «Всякий читатель имеет право судить, насколько он (писатель. — *Н. В.*) в этом успел и где ошибся; но кто имеет право указывать ему, какие именно впечатления годятся в литературу и какие — нет?» [Тургенев, 1982, с. 395—396].

В «Предисловии к романам» Тургенев, как и в предыдущих предисловиях, не разъясняет смысл своих произведений, не дает оценки личности и поступков конкретного героя и так далее, однако теперь он говорит о том, как он понимал свою творческую задачу, направление своего творчества, которому он был верен во всех своих романах: «Автор “Рудина”, написанного в 1855-м году, и автор “Нови”, написанной в 1876-м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time”*, и ту быстро изменявшуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений» [Тургенев, 1982, с. 390]. О единстве творчества Тургенева пишут и современные исследователи. Так, Г. А. Тиме, говоря о художественной деятельности Тургенева 1870—80-х годов, отмечает: «Писатель остался поразительно верен вопросам, волновавшим его еще в юности…» [Тиме, 2011, с. 156]. Сам писатель в своем автокомментарии называет и конкретные проявления этого художественного единства: объективность взгляда на предмет изображения и внимание к определенному типу героя — человеку, олицетворяющему собой русскую интеллигенцию конкретного исторического периода. Как пишет В. М. Маркович, тургеневский герой — «эпохальный человек в самом высоком смысле этого слова. Через него реализуются высшие возможности эпохи…» [Маркович, 2008, с. 175].

«Предисловие к романам» — это не только диалог и полемика Тургенева с читателем и критикой. Оно обращено и к самому себе, являясь формой творческого самосознания писателя. Определив в начале «Предисловия» главное направление своей художественной деятельности, Тургенев в дальнейшем осмысливает ее в контексте общих законов художественного творчества. «Всякий писатель, не лишенный таланта (это, конечно, первое условие), — пишет Тургенев, — всякий писатель, говорю, старается прежде всего верно и живо воспроизводить впечатления, вынесенные им из собственной и чужой жизни» [Тургенев, 1982, с. 395]. И на протяжении всего «Предисловия» он говорит о значении для него таких впечатлений, в частности, прототипов его литературных персонажей. Возражая общепринятому представлению о том, что «у публициста и поэта задачи разные» [Тургенев, 1982, с. 396], Тургенев высказывает важную идею общетеоретического характера: «Нет! Они могут быть совершенно одинаковы у обоих; только публицист смотрит на них глазами публициста, а поэт — глазами поэта. В деле искусства вопрос: как — важнее вопроса: что?» [Тургенев, 1982, с. 396]. Среди главных законов искусства Тургенев называет также свободу творческого самовыражения писателя. «Поверьте, — пишет он: — талант настоящий никогда не служит посторонним целям и в самом себе находит удовлетворение; окружающая его жизнь дает ему содержание — он является ее *сосредоточенным отражением*» [Тургенев, 1982, с. 396].

Это суждение лишь внешне напоминает декларацию «чистого искусства». Последнее словосочетание Тургенев выделяет курсивом, обращая на него особенное внимание читателя. Субъект и объект здесь поменялись местами. Прилагательное *сосредоточенный*, вопреки своей общепринятой функции, оказалось направлено не на характеристику внешнего для художника объекта, а на него самого.

4. Заключение

И. С. Тургенев написал целый ряд предисловий к произведениям отечественных и европейских писателей, переведенных на русский язык, а также к переводам (иногда его собственным) на французский язык произведений русских писателей: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, М. Дюкана, А. Бадена и др. Эти предисловия всегда дают высокую оценку творчеству художника, разъясняя его главные достоинства. В предисловии к собственным произведениям Тургенев по понятным причинам не мог этого делать.

Как показал анализ предисловий Тургенева, писатель переосмысливает в них традиционные задачи авторского комментария, не объясняя (за исключением «Предисловия к романам») замысла произведения, своих худо-

жественных задач и намерений. Ни в одном из предисловий он не говорит о смысле созданных им текстов, авторском понимании героев, событий и пр.

Этот отказ мотивируется, во-первых, убежденностью Тургенева в том, что автор не должен «вмешиваться» в созданный им текст и, во-вторых, его признанием за читателем права делать собственные выводы. Вместе с тем Тургенев говорит об ответственности читателя и критика перед автором.

Выяснилось, что предисловия Тургенева, являясь своего рода «минус-приемом», позволили писателю высказать идеи общетеоретического характера, связанные с проблемами соотношения замысла и воплощения, авторского и читательского смысла, «правил» взаимоотношения читателя / критика и художника, а в «Предисловии к романам» он сформулировал свое творческое кредо и понимание общих задач искусства.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / гл. ред. С. Г. Бочаров. — Москва : Искусство, 1979. — 422 с.

2. *Бэгби Л.* Первые слова : о предисловиях Ф. М. Достоевского / Л. Бэгби. — Санкт-Петербург : Academic Studies Press, БиблиоРоссика, 2020. — 272 с. — ISBN: 978-1-6043579-4-1.

3. *Дружинин А. В.* «Повести и рассказы» И. Тургенева / А. В. Дружинин // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное / гл. ред. А. Л. Осповата, В. А. Туниманова. — Москва : Современник, 1988. — 542 с.

4. *Гриц Т. С.* Неизданное предисловие к отдельному изданию «Отцов и детей» / Т. С. Гриц // Литературное наследство : том 73 : из Парижского архива И. С. Тургенева : кн. 1: неизвестные произведения И. С. Тургенева / ред. А. Н. Дубовиков, И. С. Зильберштейн. — Москва : Наука, 1964. — 579 с.

5. *Зенкин С. Н.* Теория литературы / С. Н. Зенкин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 359 с.

6. *Компаньон А.* Демон теории : литература и здравый смысл / А. Компаньон. — Москва : изд-во имени Сабашниковых, 2001. — 336 с.

7. *Лазареску О. Г.* Литературное предисловие : вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы 18—19 веков) : диссертация… доктора филол. наук / О. Г. Лазареску. — Москва : Русская литература, 2008. — 421 с.

8. *Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева / В. М. Маркович // Маркович В. М. Избранные работы / отв. ред. М. Д. Андрианова. — Санкт-Петербург : Ломоносов, 2008. — 318 с. — ISBN: 978-5-91678-001-7

9. *Тиме Г. А.* Россия и Германия : философский дискурс в русской литературе XIX—XX веков / Г. А. Тиме. — Санкт-Петербург : Нестор — История, 2011. — 456 с.

10. *Тургенев И. С.* Дым / И. С. Тургенев ; издание первое. — Москва : Издание братьев Салаевых, 1868а. — 222 с.

11. *Тургенев И. С.* Дым / И. С. Тургенев ; издание второе. — Москва : Издание братьев Салаевых, 1868б. — 222 с.

12. *Тургенев И. С.* Предисловие к изданию повестей и рассказов / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. : т. 5. / гл. ред. М. П. Алексеев. — Москва : Наука, 1980. — 542 с.

13. *Тургенев И. С.* Предисловие к роману «Дым» / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. : т. 7 / гл. ред. М. П. Алексеев. — Москва : Наука, 1981. — 558 с.

14. *Тургенев И. С.* Предисловие к романам / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. : т. 9 / гл. ред. М. П. Алексеев. — Москва : Наука, 1982. — 573 с.

15. *Тургенев И. С.* Предисловие / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Сочинения : в 10 т : т. 3. — Москва : Наука, 1880. — 326 с.

16. *Genette G.* Paratexte / *G. Genette.* — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 427 p.

Introduction as a Genre of Auto-Commentary in Works of I. S. Turgenev

© Natalia V. Volodina (2021), orcid.org/0000-0001-9928-3765, Doctor of Philology, Professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia), natalivolodina@mail.ru.

The phenomenon of the author's reflection on his works is considered on the basis of the introductions by I. S. Turgenev. The absence of special works on this topic allows us to speak about the novelty of the study. Its relevance is associated with raising the question of the specifics and role of the author's understanding of the meaning of his own works and its correlation with the perception of the reader. The results of a comparative analysis of all of Turgenev's introductions are presented in the article. The attitude of Turgenev to the opinion of the reader and criticism is shown. It is proved that Turgenev's introductions "do not justify" their theoretical expectations, because the writer deliberately refuses to comment on the intentionality and meaning of his works in them. It is concluded that this allows the writer to express a theoretically important idea about the "non-interference" of the writer in the text he created. Particular attention is paid to the "Introduction to the Novels", which is a kind of metatext uniting all six works of this genre, which allows Turgenev to determine the main direction and principles of his work. It is shown that these issues are considered by the writer in the context of general aesthetic problems: the specifics of artistic cognition, freedom of creativity, the conscious and unconscious in art, the relationship between the artist and the critic / reader, etc.

Key words: I. S. Turgenev; authentic introduction; delayed introduction; auto comment; intention; addressee of the preface.

Material resources

Bahtin, M. M. (1979) Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. In: Bocharov S. G. (ed.) *Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity]. Moskva: Iskusstvo. 422 p. (In Russ.).

Begbi, L. (2020) *Pervye slova: o predisloviyakh F. M. Dostoevskogo* [First words: about the forewords of F. M. Dostoevsky]. Sankt-Peterburg: Academic Studies Press, BiblioRossika. 272 p. ISBN: 978-1-6043579-4-1. (In Russ.).

Druzhinin, A. V. (1988) «Povesti i rasskazy» I. Turgeneva [«Stories and stories» I. Turgenev]. In: Ospovata A. L., Tunimanova V. A. (ed.) *Druzhinin A. V. Prekrasnoe i vechnoe* [Druzhinin A. V. Beautiful and eternal]. Moskva: Sovremennik. 542 p. (In Russ.).

Genette, G. (2001) *Paratexte*. Cambridge: Cambridge University Press. 427 p.

Grits, T. S. (1964) Neizdannoe predislovie k otdel'nomu izdaniyu «Ottsov i detey» [Unpublished preface to a separate edition of «Fathers and Children»]. In: A. N. Dubovikov, I. S. Zil'bershteyn (ed.) *Literaturnoe nasledstvo: tom 73: iz Parizhskogo arkhiva I. S. Turgeneva: kn. 1: neizvestnye proizvedeniya I. S. Turgeneva* [Literary heritage: volume 73: from the Paris archive of I. S. Turgenev: book 1: unknown works of I. S. Turgenev]. Moskva: Nauka. 579 p. (In Russ.).

Kompanyon, A. (2021) *Demon teorii: literatura i zdravyy smysl* [Demon theory: literature and common sense]. Moskva: izd-vo imeni Sabashnikovykh. 336 p. (In Russ.).

Lazaresku, O. G. (2008) *Literaturnoe predislovie: voprosy istorii i poetiki (na materiale russkoy literatury 18—19 vekov)*. Doct. Diss. [Literary preface: questions of history and poetics (based on the material of Russian literature of the 18-19th centuries). Doct. Diss.]. Moskva: Russkaya literature. 421 p. (In Russ.).

Markovich, V. M. (2008) Chelovek v romanakh I. S. Turgeneva [Man in the novels of I. S. Turgenev]. In: Andrianova M. D. (ed.) *Markovich V. M. Izbrannye raboty* [Markovich V. M. Selected works]. Sankt-Peterburg: Lomonosov. 318 p. ISBN: 978-5-91678-001-7. (In Russ.).

Time, G. A. (2011) *Rossiya i Germaniya: filosofskiy diskurs v russkoy literature XIX—XX vekov* [Russia and Germany: philosophical discourse in Russian literature of the XIX—XX centuries]. Sankt-Peterburg: Nestor — Istoriya. 456 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1868a) *Dym:* izdanie 1 [Smoke: Edition 1]. Moskva: Izdanie bratyev Salaevykh. 222 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1868b) *Dym:* izdanie 2 [Smoke: Edition 2]. Moskva: Izdanie bratyev Salaevykh. 222 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1880) Predislovie [Preface]. *Turgenev I. S. Sochineniya: v 10 t.: t. 3* [Turgenev I. S. full composition of writings and letters: in 30 vol.: vol. 3]. Moskva: Nauka. 326 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1980) Predislovie k izdaniyu povestey i rasskazov [Preface to the publication of stories and stories]. In: Alekseev M. P. (ed.) *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.: t. 5* [Turgenev I. S. full composition of writings and letters: in 30 vol.: vol. 5]. Moskva: Nauka. 542 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1981) Predislovie k romanu «Dym» [Preface to the novel «Smoke»]. In: Alekseev M. P. (ed.) *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.: t. 7* [Turgenev I. S. full composition of writings and letters: in 30 vol.: vol. 7]. Moskva: Nauka. 558 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1982) Predislovie k romanam [Preface to novels]. In: Alekseev M. P. (ed.) *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.: t.* 9 [Turgenev I. S. full composition of writings and letters: in 30 vol.: vol. 9]. Moskva: Nauka. 573 p. (In Russ.).

Zenkin, S. N. (2018*) Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 359 p. (In Russ.).

Жилина Н. П. Христианский дискурс в трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир» / Н. П. Жилина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 175—188. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-175-188.

Zhilina, N. P. (2021). Christian Discourse in the Tragedy Comedy by Feofan Prokopovich "Vladimir". *Nauchnyi dialog, 2:* 175-188. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-175-188. (In Russ.).

УДК 821.161.1Прокопович.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-175-188

Христианский дискурс в трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир»

© Жилина Наталья Павловна (2021), orcid.org/0000-0003-2114-0451, доктор филологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (Калининград, Россия), nzhilina@rambler.ru.

Исследуется центральное художественное произведение выдающегося русского мыслителя начала XVIII века, философа, богослова и литератора, сподвижника Петра I. Религиозный дискурс до настоящего времени не подвергался системному анализу — в этом состоит новизна данного исследования. Актуальность определяется необходимостью осмысления христианских мотивов и реминисценций, а также евангельского текста в составе пьесы. Привлекаются к рассмотрению различные сюжетные ситуации, давая автору возможность показать, что в сопоставлении двух мировоззрений выявляется противоположность их аксиологических систем. Устанавливается, что оппозиция «христианство / язычество», составляющая основу художественного конфликта, коррелирует в пьесе с оппозициями «жизнь / смерть», «истина / ложь», «духовное / материальное», «небесное / земное», «спасение / гибель». Доказано, что важное место отведено в пьесе христианской антропологии, о чем свидетельствует изложение библейской истории об изгнании первых людей из рая, а также изображение тяжелой душевной борьбы, которую переживает главный герой при решении вопроса о смене веры. Системный анализ приводит автора к выводу, что в пьесе использован композиционный принцип, применявшийся в древнем изобразительном искусстве и получивший в работах о. Павла Флоренского название «обратной перспективы».

Ключевые слова: Феофан Прокопович; трагедокомедия; князь Владимир; христианство; язычество; христианская антропология; принцип обратной перспективы.

1. Введение

Творческое наследие выдающегося русского мыслителя Феофана Прокоповича (1681—1736) составляют многочисленные труды, относящиеся к самым разнообразным областям знания: философии, истории, праву, богословию, теории поэзии и красноречия, педагогике и даже математике. Неудивительно поэтому, что интерес исследователей к его личности и сочинениям, проявившийся уже во второй половине XVIII века, был связан прежде

всего с научными работами и лишь во вторую очередь с художественными произведениями. Появление критических замечаний об одном из наиболее прославленных творений писателя — трагедокомедии «Владимир» — исследователи относят только к первой трети XIX века [Гнедич, 1959], а первая статья, положившая основу научного изучения пьесы, опубликована лишь в 1879 году [Тихонравов, 1879]. На протяжении XIX века это произведение не подвергалось глубокому изучению, а в советский период главное внимание уделялось идейной позиции и художественным принципам писателя — Феофана Прокоповича [Благой, 1955; Гудзий, 1941; Гуковский, 1939], а также вопросам поэтической системы, жанра и художественного метода [Автухович, 1981; Буранок, 1984]. После некоторого перерыва, связанного с общественными переменами в 1990-е и 2000-е годы, значительным вкладом в исследование художественного творчества Феофана Прокоповича стала защищенная в 2013 году докторская диссертация О. М. Буранка [Буранок, 2013б], в которой был дан глубокий и многосторонний анализ пьесы «Владимир». В этом же году вышел в свет сборник научных трудов «Проблемы изучения русской литературы XVIII века», большая часть которого была отведена работам о творчестве Феофана Прокоповича, а одна из статей посвящалась трагедокомедии «Владимир» [Прокофьева, 2013].

Несмотря на тот научный интерес, который проявлялся к одному из центральных произведений Феофана Прокоповича, изучение его в христианском аспекте почти не производилось, ученые отмечали лишь отдельные цитаты, мотивы и образы, не усматривая за ними определенной системы. Это неудивительно, поскольку не только в XX, но и в XIX веке религиозная семантика, заложенная в художественных текстах, привлекала внимание ученых менее других. В отношении же пьесы «Владимир» в советском литературоведении утвердилась мысль, что для самого автора важнее всего было провести устойчивую параллель между ее главным героем и Петром I, а «обращение к истории Киевской Руси дало драматургу большие возможности для утверждения пропагандистских идей и создания политических аллюзий» [Буранок, 2013а, с. 30]. Между тем не только центральный конфликт пьесы и система персонажей, но и вся ее художественная организация свидетельствует о том, что религиозная семантика является в ней основной и главной.

2. Выбор веры: трансформация исторического сюжета

Открывает действие пьесы не совсем обычный персонаж — явившаяся из Ада Тень князя Ярополка Святославича, убитого в свое время по приказу Владимира в борьбе за престол. Страдая от вопиющей несправедливости, он обращается к богам, призывая покарать «*братоубийцу*» и «*разбойника*». Не

дает ему покоя также весть о том, что Владимир намерен принять «*христов закон*», а с прежними богами «*дерзнет бран творити*» [Прокопович, 1961, с. 154]. Сжигаемый чувством неутоленной мести, в поисках высшей правды Ярополк обращается к Спасителю: «*Христе, аще ты еси цар и господь всея / твары, гдѣ суд истинний?*» [Там же]. Не надеясь, однако, на помощь Христа, несчастный снова взывает к языческим богам, в гневе упрекая самого Перуна, не помешавшего когда-то совершению братоубийства. Поскольку «пришелец с того света одновременно укоряет двух взаимоисключающих друг друга зиждителей» [Прокофьева, 2013, с. 39], совершенно очевидно, что Ярополк не видит принципиальной разницы между высшими силами из различных религий, и Христос в его сознании — лишь один из сонма богов, не имеющий никаких особенных отличий от других.

Идея Крещения Руси, укрепляющаяся в сознании князя Владимира, о чем с возмущением сообщает Ярополк, становится центральным событием, вокруг которого организуется все действие пьесы. В отличие от исторических источников, в которых подробно описывается сюжетная ситуация выбора из нескольких вероисповеданий, в пьесе Феофана Прокоповича такие монотеистические религии, как иудаизм и мусульманство, вообще не упоминаются, а из всех христианских конфессий представлено только православие. Великий князь в трагедокомедии должен сделать однозначный выбор: продолжать исповедовать традиционную веру предков и по-прежнему поклоняться языческим кумирам или принять новую религию, о которой он имеет лишь смутные представления.

Желание сменить религию, как становится понятно из признаний самого Владимира, связано с его внутренним интуитивным тяготением к христианству, провозвестником которого стал греческий философ. Владимир вспоминает, что речам грека в его сердце отзывался подтверждающий их истинность тайный голос, от которого душу охватил огонь и пронзил страх. Соприкосновение с христианскими идеями рождает в сердце князя неиспытанные прежде чувства, в то же время происходит отторжение от прежних идолов: теперь они князю «*мертвы … мнятся*» «*и мерзки их жертвы*» [Прокопович, 1961, с. 172], что свидетельствует об утрате их сакральности в его сознании. Так возникают неразрывно связанные между собой сюжетные оппозиции «истина / ложь» и «жизнь / смерть», в которых отчетливо просматривается реминисценция на евангельское изречение Спасителя «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6).

3. Две картины мира

«Основа русского средневекового искусства — контраст — играет чрезвычайно важную роль в пьесе Феофана Прокоповича» [Буранок и др, 2013,

с. 29], что заметно прежде всего в системе персонажей: все действующие лица разделяются на противников новой веры и ее сторонников, однако и тем, и другим, как становится понятно в ходе событий, по существу ничего о ней неизвестно. Языческим жрецам неожиданная перемена грозит потерей всевозможных житейских выгод — это и является главной причиной их сопротивления, но Владимир и его сыновья Борис и Глеб (в нарушение хронологии введенные автором в сюжет) открыто признаются, что им неведомы важнейшие принципы и установки новой религии. Так получает обоснование необходимость встречи с греческим философом, который должен изложить суть христианского учения и раскрыть основы веры. Явившемуся в это время жрецу Жериволу князь предлагает вступить в своеобразное состязание с греком, дабы определить, на чьей стороне будет победа. Этот прием позволяет построить рассказ Философа в форме диалога-спора, горячей полемики двух идейных оппонентов (естественно, что непосредственными участниками этого действа должны были стать зрители).

В вопросах и репликах Жеривола, дополняющих высказывания бесов и Ярополка, раскрываются основы языческого мировоззрения — в соответствии с ним боги являются почти точной копией людей: их существование непременно связано с каким-либо телесным воплощением, они подвержены болезням, а от голода могут и умереть — этим обусловлена необходимость в жертвах, порою даже человеческих. Выясняется, что языческое божество имеет физическую природу, всегда материально [Тихомиров, 2007, с. 93], конечно (смертно) и связано с человеком договорными, то есть равноправными партнерскими отношениями. Имея возможность определять человеческую судьбу, верховное существо, в свою очередь, находится в зависимости от человека, который может воздействовать на условия его существования и само бытие.

Из рассказа Философа постепенно становится понятно, что христианская картина мира имеет противоположный характер. Первое, что вызывает удивление Жеривола, это существование единого Бога вместо многобожия. Сам Владимир находит этому простое объяснение, проводя земное сравнение: ни у кого ведь не вызывает сомнений способность великого князя единолично управлять всем своим многочисленным народом. Кроме этого, языческому сознанию кажется непонятным, как можно верить в то, что невидимо. Философ поясняет, что истинная «*Вѣра ест вѣровати во вещ таинственну*» [Прокопович, 1961, с. 181], применяя сравнение Бога с солнцем, на которое никто не может взглянуть без ущерба для себя, и приводя в пример человеческую душу, невидимую и не материальную. В дальнейшем повествовании христианский Бог предстает особым суще-

ством — бестелесным духом, не имеющим никакого сходства с человеком: он не употребляет еды и питья для поддержания своей жизнедеятельности, не имеет человеческих страстей, не подвержен болезням и смерти и совершенно не зависим от своего создания. Это существо метафизическое, бестелесное, бесконечное и бессмертное. Будучи творцом всей Вселенной, то есть имея над всем сущим неограниченную власть, Отец Небесный исполнен любви и милосердия к своему созданию и не желает ему зла. Далее следует подробное изложение библейской истории: сотворение Адама, нарушение божественной заповеди и связанное с этим изменение человеческой натуры, рождество Богочеловека, воплотившегося для спасения мира, догмат о Боге Троице. Отдельно звучит вопрос о жертвах, которые человек должен приносить Богу. Язычники поражены, услышав ответ, представляющий собой неточную цитату из псалма 50: «*Дух сокрушенний — богу жертва ест любима*» [Прокопович, 1961, с. 180].

Проявляя неподдельный интерес, Владимир задает вопрос: «*Како убо вѣмы, / яко бог ест, понеже нам ест невидимий?*» («Как мы можем знать, что бог есть, если он нам невидим?») [Прокопович, 1961, с. 182]. И получает ответ: все величие и совершенство мира есть этому свидетельство. Отвечая на другой вопрос князя — о потустороннем мире и бессмертии души — Философ не только ссылается на авторитет Платона, чье мнение «*вси прияша*» [Там же, с. 183], но и разъясняет понятие высшего нравственного закона, согласно которому на земле далеко не всегда люди получают по своим заслугам, но воздастся всем по справедливости в час Страшного Суда. В сердце человека — добавляет философ — существует верный свидетель всем его поступкам — это совесть. «*Бог, правди хранитель, / ин вѣк нам уготова, в нем же и отмстител / Злим будет, а праведним воздаст мзду сторичну; / сим радост безконечну, оным же казнь вѣчну*» [Там же, с. 184].

В сопоставлении двух мировоззрений выявляется противоположность их аксиологических систем. Устанавливается главный христианский принцип — жизнь по любви, а также главная цель жизни — спасение души, возможное лишь для того, кто искренне и сердечно примет закон Христа. Становится совершенно очевидно, что оппозиция «христианство / язычество», составляющая основу художественного конфликта, коррелирует в пьесе с оппозициями «жизнь / смерть», «духовное / материальное», «небесное / земное», «спасение / гибель». Эта противоположность довольно четко отражается в системе персонажей: разделенные на две группы, они воплощают, с одной стороны — ад, с другой — небесные силы. Кроме языческих жрецов и волхвов, главному герою противостоят различные служители Сатаны, всевозможными способами склоняющие его на свою сторону.

4. Внутренний мир главного героя в аспекте христианской антропологии

Из исторических источников хорошо известно, что ко времени описываемых событий князь Владимир Святославич (приобретший славу воинскими подвигами не только в своем отечестве, но и далеко за его пределами) совершил уже множество прегрешений, за которые, тем не менее, по языческим законам не подвергался суду. Его тяготение к христианской вере может быть объяснимо только одним: действием совести, которая по религиозным представлениям есть божественный нравственный закон в душе человека. Прерывая рассказ Философа о Страшном Суде, Владимир признается, что всегда чувствовал действие этого закона в своей душе, хотя и не мог понять его происхождения: «*… егда бо что злое / Аще и втай сотворих, совѣсть мя мучаше / Размишлях, что боюся: все житие наше / Здѣ кончается, мнѣ же кто здѣ может бити / судия? Но так внутрней скорби утолити / Не могох*» [Прокопович, 1961, с. 184].

Интересно, что бес хулы дает свою интерпретацию неожиданному влечению князя к новой религии: по его словам, прежде «*славный мужеством*» «*державный Владимир*» Христу был «*непотребен*», поскольку Сын человеческий, распятый между двумя злодеями и, следовательно, сам злодей, «*тако со собою / И полки злодѣйския вести зѣло любит*» [Прокопович, 1961, с. 168]. По мнению этого посланца ада, после братоубийства Владимир стал одним из тех «*злодеев*», ради кого Христос и пришел в мир, к кому и обращается со своими заповедями. В доказательство бес хулы приводит цитату из Евангелия: «*Кому се нѣсть известно? Сам он гласно трубит / В своем евангелии. „Не прийдох призвати / праведников, — глаголет, — но грѣшних взискати”*» [Прокопович, 1961, с. 168]. Такое объяснение эксплицирует одно из главных понятий христианской философии — понятие греха. Согласно библейской антропологии, человек был создан Богом по Своему образу и подобию, духовно чистым и безгрешным, поврежденность же человеческого естества наступила лишь в результате нарушения Божьего повеления первыми людьми, поддавшимися соблазну стать «как боги» и проявившими невероятное своеволие (Быт. 3:1—6). Это событие, получившее в богословии название первородного греха, определяет постоянную склонность ко греху человеческой натуры, этим объясняется и известный богословский тезис о том, что людей безгрешных не существует, безгрешным является один только Бог. Спасение же любого человека, даже полностью погрязшего в грехах, зависит от его стремления к искреннему раскаянию — именно поэтому одним из главных призывов Христа к людям является призыв к покаянию (Мф. 4:17). Доказа-

тельством же возможности спасения даже самого закоренелого грешника является судьба одного из разбойников, распятого вместе с Богочеловеком, в последние минуты своей жизни раскаявшегося и спасенного Иисусом: «И сказал ему Иисус: “Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю”» (Лк. 23:32—43). Понятно, что любому воцерковленному зрителю / читателю пьесы Прокоповича (а других в России этого исторического периода невозможно предполагать) были очевидны явное лукавство и прямая ложь в объяснениях беса. В данном случае евангельская истина воплощалась апофатическим способом — от противного.

Необходимо отметить, что образ центрального героя в трагедокомедии обладает неоднозначностью и глубиной: в характеристиках его идейных противников он предстает (в полном соответствии с историческими источниками) властолюбивым и гордым, проявляющим непомерное женолюбие, тщеславным братоубийцей. Именно поэтому представители темных сил уверены в том, что смогут удержать Владимира в покорности языческим богам. Хорошо зная, что великий князь «*страст имѣет зѣлну и велику / Ко похоти тѣлесной и ко мирской власти*» [Прокопович, 1961, с. 165], враги рода человеческого не сомневаются в своей победе над его душой. Строя свои злокозненные планы, бес мира (гордыни) предполагает внушить самолюбивому властителю мысль: прилично ли великому князю «*свою распятому и нищему вию / Христу приклонить?*» [Прокопович, 1961, с. 167]. Возникающие здесь оппозиции «богатство / нищета» и «гордость / смирение» воспроизводят важнейшие понятия в аксиологических системах христианства и язычества, которые составляют их идейную основу. Бес плоти, усилиями которого Владимир давно уже «*бѣсится любовию*» [Прокопович, 1961, с. 169], не сомневается в том, что князь не сможет удержаться от предстоящих искушений: Прелесть (введенная в сюжет как аллегорический персонаж) должна воздействовать на него своими соблазнами и отвратить от ненужных мыслей.

Предпринимая всесторонние атаки на Владимира, служители ада не учитывают психологической сложности человеческой души, представляющей собой, согласно христианской антропологии, синтез светлого и темного начал, что хорошо видно на примере главного героя. Следует заметить, что изображению личности человека с христианских позиций отведено в пьесе важное место. Прежде всего, нельзя не обратить внимания на фрагмент библейской истории об изгнании первых людей из рая: их безусловная вина и ответственность за это не ставятся под сомнение. Подчеркивается первоначальное благородство Адама, получившего от Творца в отличие от иных животных, «*лице ... возвышенно*» и особую цель: «*ко*

лучшей инной / Жизни да свой пут творит» [Прокопович, 1961, с. 184]. Однако первый человек, говорится далее, «*своея не разумѣв чести*» и поддавшись на лесть, утратил чистоту своего сердца, впустив в него страсти, отчего «*вся нужди и скорбы / истекоша, болѣзны, распри, браны, борбы, / Глади и губителства; сама смерть тогожде / корене*» [Прокопович, 1961, с. 185]. Человеческий разум помутился, и потомки Адама, забыв о небе, сосредоточили все свои помыслы на земле, воздавая честь идолам. Тем не менее *совесть*, вместе с образом Божиим вложенная в душу человека Творцом, не утрачивается полностью, проявляя себя в самые неожиданные моменты. Эта двойственность человеческой натуры хорошо видна в образе князя Владимира: обремененный массой грехов, он испытывает муки совести и тянется сердцем к Христу, интуитивно чувствуя истину.

Борьба двух начал в душе князя наиболее ярко проявляет себя, когда он в одиночестве размышляет над вопросом о смене веры. Перед тем как принять трудное решение, Владимир держит совет с сыновьями. Убедившись в их поддержке, казалось бы, он должен сделать свой окончательный выбор, однако именно в это время его начинают мучить глубокие сомнения. Так внешний конфликт с противниками новой религии в пьесе осложняется внутренним: в тяжелой душевной борьбе Владимиру приходится преодолеть множество соблазнов и искушений. Прежде всего, в уме князя возникают самолюбивые мысли: приняв греческую веру, не утратит ли он своей славы? («*Не повергу ли греческим под нозѣ / царем вѣнца моего?*» [Прокопович, 1961, с. 189]). Ведь всем известен принцип, — рассуждает он, — согласно которому побежденный должен принять закон победителя, а в данном случае русский князь, не раз «усмирявший» греческих властителей, окажется у них в подчинении. Кроме того, Владимир понимает, что при смене религии не только он сам, но и его предки предстанут перед всем миром как несмышленые ученики, обратившиеся к грекам за вразумлением. Смущает великого князя и воображаемое восприятие его «*многоумних*» приближенных: не назовут ли его безумным и потомком безумных, не скажут ли, что из страха перед военной силой греков он согласился принять их веру? [Там же]. Восприятие языческим сознанием христианской идеи как безумной хорошо известно с древних времен — об этом писал еще ап. Павел в своем Послании к Коринфянам: «и иудеи требуют чудес, и эллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого — для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (Кор. 1:22—23). Действительно, аскетизм первых христиан, их решимость отвергнуть ценности «мира сего»: готовность к отказу от плотских наслаждений, стремление к нравственному совершенствованию, отрицание закона мести, бесконечное прощение и

любовь ко всем, включая врагов, — все это не могло не восприниматься с позиции эллинов (провозгласивших верховенство Разума) как полное безумие. В мучительных раздумьях князя явственно видны проявления самолюбия и тщеславия, на что и рассчитывал бес гордыни в надежде отвратить его от новой религии. Тем более неожиданной выглядит решительная перемена, произошедшая с Владимиром: он вдруг обретает иной взгляд на мир, перестает бояться человеческого суда и, назвав «дымом» и хулу, и славу людскую, задается мудрым вопросом: «*Кое / Зло ест хулиму быти от рода лукава? / Дим ест един — людская и хула и слава*» [Прокопович, 1961, с. 190]. Такое изменение мыслей Владимира эксплицирует смену его духовного вектора: от земного — к небесному, от практичного языческого «разума» — к метафизическому христианскому «безумию».

5. Крещение князя Владимира как обретение истины и путь к величию России

Кульминационный момент пьесы — крещение великого князя — остается внесценическим и воссоздается в рассказе военачальника по имени Храбрий, присутствовавшего при этом событии и повествующего о нем другому полководцу — Мечиславу, вместе с которым он только что по приказу Владимира сокрушил идолов и изгнал жрецов. В своей речи Храбрий старается передать сложившееся у него незабываемое яркое впечатление, обрисовать в точности детали украшения храма и особенности таинства Крещения. Эта сцена сменяется приходом вестника, доставившего Мечиславу грамоту, которую прислал «*Владимир, в святом крещении нареченний Василий, князь Киевский и всѣх Российских стран повелитель*» [Прокопович, 1961, с. 201], где тот сообщает, что «*оставлше кумиры бездушния, восприях истиннія вѣры Истинний закон Христов*» [Там же, с. 202], и повествует о своем духовном перерождении. Таким образом, зритель получает представление как о конкретной, материальной, так и о духовной стороне великого таинства.

Особая роль предназначена в пьесе апостолу Андрею Первозванному: появившись «*со ангелы*», он напоминает, что этот великий день был предвозвещен в далеком прошлом: «*Се уже день возсия, — о радости много! — / день прийде, извѣщенний мнѣ прежде от бога!*» [Там же, с. 203]. Стоит напомнить, что, по преданию, святой Андрей в свое время посетил территорию будущей Руси, благословил пустынный днепровский берег, водрузив на нём крест, и предсказал возникновение Киева: «… и сказал бывшим с ним ученикам: „Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей”. И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и

сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх» [Повесть временных лет, 1978, с. 27].

В трагедокомедии Феофана Прокоповича именно образ апостола Андрея, который был призван к служению самим Спасителем, становится связующим звеном между событием, перевернувшим сознание всего человечества и знаменовавшим начало новой эры, — и Крещением великого князя Владимира: эта параллель укрепляла идею безусловной преемственности России и ее важнейшего места среди православных государств. В финале пьесы апостол Андрей Первозванный предсказывает те события, которые еще предстоит пережить, и рисует картину будущей славы России, когда «*вражия Махомета грады*» [Прокопович, 1961, с. 205] трясутся в страхе перед русским оружием.

В художественной структуре пьесы хорошо заметна пространственно-временная «незакрепленность», соединение в одном событийном моменте различных пластов. Так, в составе действующих лиц наряду с персонажами-людьми можно увидеть мистические существа, обитающие и в надземной (ангелы), и в подземной (бесы, Тень Ярополка) областях, а также героев, принадлежащих далекому прошлому (св. Андрей Первозванный) и будущему (князья Борис и Глеб). Такое спациально-темпоральное совмещение дает основания предполагать, что в произведении использован композиционный принцип, применявшийся в древнем изобразительном искусстве (в том числе в иконописи) и получивший в работах о. Павла Флоренского название «обратной перспективы» [Флоренский, 1999]. В то время как прямая линейная перспектива, утвердившаяся в эпоху Возрождения, использовалась художниками лишь для создания иллюзии правдоподобия, применение обратной перспективы ставило целью проникновение в суть объекта, определение его в целостности и, в конечном счете, выход к метафизическому познанию мира. При такой структурной организации произведения мир предстает не расчлененным на части, а единым во всей своей полноте, образуя духовно целостное символическое пространство, которое ориентировано на зрителя и предполагает его духовную связь с миром символических образов. В таком случае и зритель оказывается не сторонним наблюдателем, а прямым и непосредственным участником этой всеобщей мистерии. С философской точки зрения, «подобно двум типам живописи существуют и сосуществуют два взгляда на мир, два опыта жизни, два отношения к реальности — внешнее и внутреннее, линейно-перспективное и определенное обратной перспективой [Ростова, 2010, с. 115]. Первый случай, предполагающий земное измерение, эгоцентризм, материалистический характер причинно-следственных связей и их использование для

достижения личных целей, в художественном мире Феофана Прокоповича соотносится с языческим мировосприятием, второй обнаруживает стремление проникнуть в недоступную человеческому взору истину вещей, тяготеет к сверхличной метафизичности, вводит Вечность как измерение и соотносится с христианством.

6. Выводы

В трагедокомедии «Владимир» Феофан Прокопович начинает новую традицию, впервые используя материал отечественной истории в качестве сюжетной основы художественного произведения и привлекая в ходе работы летописные источники [Стенник, 1982, с. 39], что способствовало более точному изображению событий в драме.

Отступление от исторического источника в сюжетной ситуации выбора веры и ограничение лишь одной монотеистической религией — христианством, причем в варианте греческой веры, то есть Православия, дает возможность писателю актуализировать оппозицию «истина / ложь», коррелирующую с оппозицией «христианство / язычество». Таким образом, сюжет поиска и выбора веры, воплощенный в исторических источниках, в пьесе Прокоповича трансформируется в сюжет определения истины.

Личность князя Владимира Святославича, всегда привлекавшая особое внимание летописцев и историков, литературное воплощение получила впервые в пьесе Феофана Прокоповича. Ранее образ этого русского правителя существовал лишь в фольклорных текстах, где «князь Владимир стольно-киевский» [Былины, 1984, с. 27], весьма далекий от исторического «прототипа», фигурировал в ряде былинных сюжетов. Рассматривая внутренний мир главного героя сквозь призму христианской антропологии, писатель достигает удивительной глубины и точности в его изображении, подготавливая психологические открытия русских писателей 19 века.

Пристальное внимание к христианской философии, аксиологии и антропологии, а также к религиозным догматам (в частности, данное в пьесе детальное объяснение Символа веры) дает возможность Прокоповичу не только выполнить просветительские задачи и реализовать собственные аксиологические установки, но и провозгласить Православие как истину.

Литература

1. *Автухович Т. Е.* Литературное творчество Феофана Прокоповича : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / Т. Е. Автухович. — Ленинград, 1981. — 27 с.

2. *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века / Д. Д. Благой. — Москва : Учпедгиз, 1955. — 422 с.

3. *Буранок О. М.* Пьеса Феофана Прокоповича «Владимир» и жанр трагедокомедии в русской драматургии первой половины XVIII века : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / О. М. Буранок . — Москва, 1984. — 16 с.

4. *Буранок О. М.* Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович / О. М. Буранок. — Москва : Флинта, 2013а. — 336 с.

5. *Буранок О. М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века : автореферат диссертации кандидата филологических наук / О. М. Буранок. — Самара, 2013б. — 55 с.

6. *Буранок О. М.* Трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владимир» и традиции ранней русской драматургии / О. М. Буранок, С. Л. Фоттелер // Проблемы изучения русской литературы XVIII века : межвузовский сборник научных трудов. — Санкт-Петербург; Самара : Ас Гард, 2013. — Выпуск 16. Феофан Прокопович и русская литература: от предклассицизма до предромантизма. — С. 24—31.

7. *Былины* // Русская народная поэзия : эпическая поэзия : сборник. — Ленинград : Художественная литература, 1984. — С. 14—105.

8. *Гнедич Н. И.* Письмо к графу Н. П. Румянцеву о неизданной трагедокомедии Феофана Прокоповича / Н. И. Гнедич // Библиографические записки. — 1959. — Т. 2. — Стлб. 626.

9. *Гудзий Н. К.* Феофан Прокопович / Н. К. Гудзий // История русской литературы : в 10 томах. — Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. — Том. 3, Часть 1. — С. 157—175.

10. *Гуковский Г. А*. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. — Москва : Учпедгиз, 1939. — 528 с.

11. *Повесть* временных лет // Памятники литературы Древней Руси / пер. Д. С. Лихачева. — Москва : Художественная литература, 1978. — Выпуск 1. XI — начало XII века. — С. 23—277.

12. *Прокопович Ф.* Владимир / Ф. Прокопович // Сочинения / под ред. И. П. Еремина. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 147—206.

13. *Прокофьева Е. А.* Архетип-индульгенция в трагедокомедии Феофана Прокоповича «Владимир» / Е. А. Прокофьева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века : межвузовский сборник научных трудов. — Санкт-Петербург. — Самара : Ас Гард, 2013. — Выпуск 16. Феофан Прокопович и русская литература: от предклассицизма до предромантизма. — С. 32—45.

14. *Ростова Н. Н.* Человек обратной перспективы: опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради / Н. Н. Ростова. — Москва : МГИУ, 2010. — 140 с.

15. *Стенник Ю. В.* Драматургия русского классицизма. Трагедия / Ю. В. Стенник // История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. — Ленинград : Наука, 1982. — С. 58—108.

16. *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров. — Москва : ФондИВ, 2007. — 808 с.

17. *Тихонравов Н. С.* Трагикомедия Феофана Прокоповича «Владимир» / Н. С. Тихонравов // Журнал министерства народного просвещения. — 1879. — № 5, Ч. 203. — С. 52—96.

18. *Флоренский П. А.* Обратная перспектива / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 томах. — Москва : Мысль, 1999. — Том 3. — С. 46—98.

Christian Discourse in the Tragedy Comedy by Feofan Prokopovich "Vladimir"

© **Natalia P. Zhilina** (**2021**), orcid.org/0000-0003-2114-0451, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), nzhilina@rambler.ru.

The central work of art by the outstanding Russian thinker of the early 18th century, philosopher, theologian and writer, associate of Peter I is examined in the article. The novelty of the study is that until now, religious discourse has not been subjected to systemic analysis. The relevance of the study is determined by the need to comprehend Christian motives and reminiscences, as well as the Gospel text as part of the play. Various plot situations are brought into consideration, giving the author the opportunity to show that in the comparison of two worldviews the opposite of their axiological systems is revealed. It is established that the opposition "Christianity / paganism", which forms the basis of the artistic conflict, correlates in the play with the oppositions "life / death", "truth / falsehood", "spiritual / material", "heavenly / earthly", "salvation / death". It has been proven that an important place is given to the play of Christian anthropology, as evidenced by the presentation of the biblical story of the expulsion of the first people from paradise, as well as the depiction of a difficult spiritual struggle that the protagonist experiences when deciding on a change of faith. A systematic analysis leads the author to the conclusion that the play uses the compositional principle that was used in the ancient fine arts and received in the works of Fr. Pavel Florensky called "reverse perspective".

Key words: Feofan Prokopovich; tragedy comedy; Prince Vladimir; Christianity; paganism; Christian anthropology; the principle of reverse perspective.

References

Avtukhovich, T. E. (1981). *Literaturnoye tvorchestvo Feofana Prokopovicha*: author's abstract of PhD. Diss. [Literary creativity of Feofan Prokopovich: author's abstract of PhD. Diss]. Leningrad. 27 p. (In Russ.)

Blagoy, D. D. (1955). *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [History of Russian literature of the 18th century]. Moskva: Uchpedgiz. 422 p. (In Russ.)

Buranok, O. M. (1984). *Pyesa Feofana Prokopovicha «Vladimir» i zhanr tragedokomedii v russkoy dramaturgii pervoy poloviny XVIII veka*: author's abstract of PhD. Diss [The play of Feofan Prokopovich "Vladimir" and the genre of tragedy comedy in Russian drama of the first half of the 18th century: author's abstract of PhD. Diss]. Moskva. 16 p. (In Russ.)

Buranok, O. M. (2013). *Tvorchestvo Feofana Prokopovicha i russko-zarubezhnyye literaturnyye svyazi pervoy poloviny XVIII veka*: author's abstract of PhD. Diss [Creativity of Feofan Prokopovich and Russian-foreign literary ties of the first half of the 18th century: author's abstract of PhD. Diss]. Samara. 55 p. (In Russ.)

Buranok, O. M. (2013a). *Russkaya literatura XVIII veka: Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich* [Russian literature of the 18th century: Peter's era. Feofan Prokopovich]. Moskva: Flinta. 336 p. (In Russ.)

Buranok, O. M., Fotteler, S. L. (2013). Tragedokomediya Feofana Prokopovicha «Vladimir» i traditsii ranney russkoy dramaturgii [Theophan Prokopovich's tragedy "Vladimir" and the traditions of early Russian drama]. In: *Problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov, 16. Feofan Pro-*

kopovich i russkaya literatura: ot predklassitsizma do predromantizma [Problems of studying Russian literature of the 18th century: interuniversity collection of scientific papers, 16. Feofan Prokopovich and Russian literature: from pre-classicism to pre-romanticism]. Sankt-Peterburg; Samara: As Gard. 24—31. (In Russ.)

Byliny [Epics] (1984). In: *Russkaya narodnaya poeziya: epicheskaya poeziya: sbornik* [Russian folk poetry: epic poetry: collection]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 14—105. (In Russ.)

Florenskiy, P. A. (1999). Obratnaya perspektiva [Reverse perspective]. In: *Sochineniya* [Works], 4/3. Moskva: Mysl. 46—98. (In Russ.)

Gnedich, N. I. (1959). Pismo k grafu N. P. Rumyantsevu o neizdannoy tragedokomedii Feofana Prokopovicha [Letter to Count N. P. Rumyantsev about the unpublished tragedycomedy by Feofan Prokopovich]. *Bibliograficheskiye zapiski* [Bibliographic notes], *2*: 626. (In Russ.)

Gudziy, N. K. (1941). Feofan Prokopovich [Feofan Prokopovich]. In: *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature], *3/1*. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 157—175. (In Russ.)

Gukovskiy, G. A. (1939). *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian literature of the 18th century]. Moskva: Uchpedgiz. 528 p. (In Russ.)

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. (1978). In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi, 1. XI — nachalo XII veka* [Literary Monuments of Ancient Rus, 1. XI — early XII century]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 23—277. (In Russ.)

Prokofyeva, E. A. (2013). Arkhetip-indulgentsiya v tragedokomedii Feofana Prokopovicha «Vladimir» [Archetype-indulgence in the tragedy of Feofan Prokopovich "Vladimir"]. In: *Problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov, 16. Feofan Prokopovich i russkaya literatura: ot predklassitsizma do predromantizma* [Problems of studying Russian literature of the 18th century: interuniversity collection of scientific papers, 16. Feofan Prokopovich and Russian literature: from pre-classicism to pre-romanticism]. Sankt-Peterburg. Samara: As Gard. 32—45. (In Russ.)

Prokopovich, F. (1961). Vladimir [Vladimir]. In: Eremin, I. P. (ed.). *Sochineniya* [Works]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 147—206. (In Russ.)

Rostova, N. N. (2010). *Chelovek obratnoy perspektivy: opyt filosofskogo osmysleniya fenomena yurodstva Khrista radi* [Man of reverse perspective: the experience of philosophical understanding of the phenomenon of foolishness for Christ's sake]. Moskva: MGIU. 140 p. (In Russ.)

Stennik, Yu. V. (1982). Dramaturgiya russkogo klassitsizma. Tragediya [Dramaturgy of Russian classicism. Tragedy]. In: *Istoriya russkoy dramaturgii: XVII — pervaya polovina XIX veka* [History of Russian drama: XVII — first half of the XIX century]. Leningrad: Nauka. 58—108. (In Russ.)

Tikhomirov, L. A. (2007). *Religiozno-filosofskiye osnovy istorii* [Religious and philosophical foundations of history]. Moskva: FondIV. 808 p. (In Russ.)

Tikhonravov, N. S. (1879). Tragikomediya Feofana Prokopovicha «Vladimir» [Tragicomedy of Feofan Prokopovich "Vladimir"]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], *5/203*: 52—96. (In Russ.)

Илунина А. А. Рецепция творчества Дж. Остен в современной британской литературе (на материале романа Джо Бейкер «Лонгборн») / А. А. Илунина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 189—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-189-201.

Ilunina, A. A. (2021). Reception of J. Austen's creativity in Contemporary British Literature (Novel by Joe Baker "Longbourne"). *Nauchnyi dialog, 2:* 189-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-189-201. (In Russ.).

УДК 821.111Baker.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-189-201

Рецепция творчества Дж. Остен в современной британской литературе (на материале романа Джо Бейкер «Лонгборн»)

© **Илунина Анна Александровна (2021),** orcid.org/0000-0002-3871-7555, Researcher ID ABG-6711-2020, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова» (Воронеж, Россия), ailunina@yandex.ru.

Анализируется опыт рецепции творчества Дж. Остен (1775—1817) в современной британской литературе. Целью работы было выявить основные направления и идейно-художественные функции деконструкции претекста — романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение» (1813) — в романе Джо Бейкер (род. в 1973) «Лонгборн» (2013). Выявлено, что социальная, антиколониальная, антиимпериалистическая, антивоенная, феминистическая составляющие являются наиболее значимыми при деконструкции претекста. Основными модусами переосмысления романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение» для Бейкер становятся актуальные в современной общественной и культурной ситуации ревизии прошлого и оценки настоящего Британии, проблемы социальных противоречий, империализма, колониализма и его последствий, прав женщин и меньшинств. Были сделаны выводы, что в своих художественных исканиях Бейкер, хотя и использует в качестве претекста роман эпохи Регентства, приближается к неовикторианскому роману. Обосновано, что целесообразно уточнить определение «неовикторианского романа младшего поколения» (термин Ю. С. Скороходько), обозначив в качестве возможных сюжетообразующих претекстов произведения, написанные в довикторианскую эпоху, в частности в эпоху Регентства, или выделить новую жанровую разновидность британского историографического метаромана (Л. Хатчен) — неодовикторианский роман (Neo-Pre-Victorian novel).

Ключевые слова: современный британский роман; интертекстуальность; постколониализм; феминизм; неовикторианский роман; Джейн Остен; Джо Бейкер.

1. Введение

Джейн Остен (1775—1817) занимает особое место в литературе Великобритании. Ее творчество было достаточно популярно при ее жизни

(хотя творила она и под псевдонимом), однако в последующие десятилетия XIX века было подзабыто. Триумфальное возвращение ее книг состоялось во второй половине XX века, если быть совсем точными, в его конце. Одной из причин исследователи считают появление в 1990-х удачных экранизаций самых известных произведений Дж. Остен (сериал BBC 1995 года «Гордость и предубеждение» и полнометражный фильм 1996 года «Разум и чувства» режиссера Э. Ли) [Alhborn, 2017]. С другой стороны, эти и многочисленные последующие экранизации романов Остен явно легли на уже подготовленную почву. Можно спорить о причинах, но сегодня Дж. Остен занимает важное место среди писателей прошлого, чьи произведения продолжают читать и перечитывать, и не только в рамках школьной программы, над чьими страницами продолжают ломать копья литературоведы и вздыхать обычные читательницы, более того, Дж. Остен продолжает оказывать значительное влияние на текущий литературный процесс, особенно на массовую литературу, вызывая к жизни не только отдельные произведения, но и, по мысли исследователей, целые жанры, например, женскую беллетристику о судьбе одинокой образованной девушки в большом городе в поисках счастья и карьеры («chick lit») (см. [Ремаева, 2006, с. 168]).

Одним из способов рецепции творчества Дж. Остен в литературе, особенно массовой, становится создание разного рода ремейков, приквелов, сиквелов ее произведений [Романенко, 2017; Кононова, 2012; Вишнякова и др., 2014]. Авторы экспериментируют с эпохами, жанрами, точками зрения. Используя систему персонажей и повторяя сюжетные ходы, почерпнутые из произведений Дж. Остен, современные беллетристы переносят героев романов Остен в современную действительность («Дневник Бриджет Джонс» (1996) Х. Филдинг / «Bridget Jones's Diary» H. Fielding; «Выпускной и предрассудки» Е. Олберг / «Prom and Prejudice» (2011) E. Eulberg), «дописывают» ее романы как детективы («Смерть приходит в Пемберли» (2011) Ф. Д. Джеймс / «Death comes to Pemberley» P. D. James; «Гордость и предвидение» (2007) К. Бебрис / «Pride and Prescience», «Подозрение и чувствительность» (2011) C. Bebris / «Suspense and Sensibility» C. Bebris), «разбавляют» картины английского захолустья начала XIX века нашествиями фантастических зомби («Гордость и предубеждение и зомби» (2009) С. Грем-Смит / «Pride and Prejudges and Zombies» S. Graham-Smith), дают альтернативный взгляд на истории глазами мужских персонажей («Дневник Мистера Дарси» (2007) А. Грендж / «Дневник мистера Дарси» A. Grange; «Дневник Полковника Брендона» (2008) А. Грендж / «Colonel Brandon's Diary» A. Grange) и др.

Художественная ценность значительной части этих произведений невелика и сопоставима с литературой фанфикшен [Samutina, 2017], однако

на волне общей популярности творчества Остен и экранизаций ее романов они находят своего читателя.

Одним из приятных, на наш взгляд, исключений является роман британской писательницы Джо Бейкер / Jo Baker (род. В 1973) «Лонгборн» / «Longbourn» (2013).

Джо Бейкер является автором уже шести романов, однако именно «Лонгборн» имел наибольший успех, стал бестселлером, был переведен на двадцать один иностранный язык, включен в список IBW Book Awards 2014 года, выделен The New York Times в числе 100 заметных книг 2013 года Причиной тому не только обаяние творчества Остен, отблеск которого лег на произведение Бейкер, но и художественные достоинства самого романа современной писательницы.

Произведение названо так в честь поместья Лонгборн, в котором живет семейство Беннетов и проходит значительная часть действия романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение» (1813). Однако повествование современного романа сосредотачивается преимущественно не на жизни семьи Элизабет, а на судьбах их слуг, проживающих в том же особняке. Домоправительница и кухарка миссис Хилл, дворецкий мистер Хилл, две горничные, двадцатилетняя Сара и двенадцатилетняя Полли, и лакей Джеймс — именно они становятся главными героями книги Бейкер. Из всех вышеперечисленных, только миссис Хилл и одна из служанок фигурировали в романе Остен под этими именами, да и вообще слуги в романе Остен упоминались лишь мельком. В романе Бейкер именно они, доселе бывшие за кулисами истории, оказываются на авансцене: автор подробно описывает их тяжелый каждодневный труд в особняке, не брезгуя самыми бытовыми и даже натуралистичными подробностями вроде опорожнения ночной вазы господ по утрам или утомительной еженедельной стирки белья. События романа «Гордость и предубеждение» проходят подспудно, где-то вдалеке от основного действия: герои Бейкер практически не обсуждают дела господ, если только они, в редких случаях, не влияют на их собственную судьбу.

Одной из причин написания романа, помимо, естественно, любви к творчеству Дж. Остен, писательница назвала то, что ее предки были в услужении: «Для меня — долгие годы поклонницы творчества Остен — всегда одно оставалось непонятным: я знала, что мои предки были слугами. Я любила ее романы, но я не совсем себя с ними ассоциировала — и мне хотелось глубже это исследовать» (здесь и далее перевод мой. — *И. А.*) [Austen Unvarnished, 2013]

Быть может, несколько самонадеянно, Бейкер заявляет, что ее роман написан в русле традиции, заявленной в «Широком Саргассовом море»

Джин Рис или «Розенкранц и Гильденштерн мертвы» Тома Стоппарда: «Я нашла в существующем тексте то, что не давало мне покоя, что казалось не до конца исследованным — и я стала это исследовать» [Ibid].

Исследования творчества писательницы на данном этапе представлены в основном рецензиями на ее произведения. Роман «Лонгборн» также упоминается в статье К. Фаулер в контексте постколониального переосмысления творчества Остен [Fowler, 2017, с. 375—376]. В своей статье мы ставим целью выявить основные направления и идейно-художественные функции деконструкции претекста — романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение» — в романе Бейкер «Лонгборн». Для достижения цели исследования нами используются культурно-исторический, сопоставительный, интертекстуальный методы литературоведческого анализа.

2. Деконструкции претекста в романе Дж. Бейкер «Лонгборн» на уровне сюжета и системы персонажей

Проанализируем систему персонажей романа «Лонгборн» в сравнении с претекстом. Читатель, познакомившийся с сестрами Джейн и Элизабет Беннет только через посредство романа Бейкер, вероятно, сочтет их тем же, чем посчитала их в свое время, прочитав роман Остен, Ш. Бронте, написав в частной переписке с Джорджем Генри Льюисом: «Я не была знакома с «Гордостью и предубеждением» до выхода Вашей рецензии, но после нее немедленно достала этот роман и внимательно прочла. И что же я там обнаружила? Точное, как в даггеротипе, изображение банального лица <...>; ни хотя бы одной яркой, дышащей физиономии. <...> Я бы не хотела жить с этими леди и джентльменами в их элегантных, но закрытых на все замки имениях» [Brontë, 2020]. Старшие сестры Беннет, в отличие от романа Остен, в «Лонгборне» написаны как бы пунктиром. Читатель смотрит на них глазами горничной Сары, с которой их разделяют и безусловные сословные «предубеждения», и склонность обеих дочерей мистера Беннета соблюдать личностные границы. Впрочем, и Элизабет у Остен признавала, что Джейн так скромна, что окружающим понять, что у нее в самом деле на уме: «*Она и вправду сознавала, что чувство Джейн, каким бы оно не было глубоким на самом деле, внешне было мало заметно и что свойственные сестре самообладание и уравновешенность не часто совмещаются с душевной тонкостью*» [Остен, 2018, с. 320]. Добры ли Элизабет и Джейн в «Лонгборне»? Наверно, иногда подарят бедной служанке свое ношеное платье, но, в то же время, даже не задумаются над тем, послать или нет ее в дождь за ставшими вдруг так необходимыми новыми бантами для бальных туфель. Как известно, Остен в своих романах «ограничивалась» изображением одной социальной

среды — привилегированного общества английской провинции. «Однако в этом срезе общества писательница отобразила многие социальные и нравственные пороки своего времени; Ч. Диккенс, У. Теккерей, сестры Бронте и Э. Гаскелл — в дальнейшем расширят круг изображаемой ими социальной действительности, выведут на страницах своих произведений самые разные слои английского общества, затронут более серьезные социально-экономические и политические проблемы, которые не стали предметом изображения в романах их предшественницы Дж. Остен» [Повзун, 2006, с. 32]. Учитывая подчеркнутую заостренность социальной проблематики в «Лонгборне», Остен в романе Бейкер явно «встречается» и с Ч. Диккенсом (в книге сразу две такие типичные для его романов сиротки), и с Ш. Бронте (Сара слегка напоминает Джен Эйр в точности своих критических наблюдений и остроте осознании той дистанции, которая разделяет ее и господ), и с «Отверженными» В. Гюго. Кажется, то, в чем марксистские критики иногда винили Остен — в социальной, как они считали, «глухоте» и ограниченности взгляда, близко и Бейкер. Создается впечатление, что при создании персонажей автор руководствуется, в значительной степени, классовым подходом. По прочтении оказывается, что все герои низшего сословия — герои книги Бейкер — удивительно приличные, хоть и не без некоторых недостатков, люди, а подлецы в романе встречаются лишь в среде привилегированного сословия, и таковыми они часто становятся именно в силу вседозволенности, данной им их общественным положением.

Образы мистера Коллинза и миссис Беннет, сатирически заостренные в «Гордости и предубеждении», обрисованы в романе Бейкер с большей симпатией и пониманием. Молодой (а, действительно, по роману Остен Коллинзу двадцать пять лет) священник, который стремится исполнить свой долг в соответствии с христианскими ценностями, не оставив родственниц без средств к существованию, и при этом достаточно искренний и не такой уж, как показывает сцена исповеди Сары, сноб и формалист, как привык считать читатель; женщина, измученная многочисленными беременностями и родами, равнодушием и колкостями непрестанно упражняющегося в остроумии супруга, желающая только лучшего будущего для своих девочек, — такими они раскрываются в «Лонгборн». Глупость миссис Беннет и напыщенность и низкопоклонство мистера Коллинза из «Гордости и предубеждения» в романе Бейкер смягчаются. Примета времени, возможно, печальная: отсутствие у героев аристократических манер — уже не так печалит писательницу XXI века, как писательницу века XIX.

Образ мистера Беннет, напротив, обрисован, на наш взгляд, более темными красками, чем в романе Остен. Бейкер развивает пунктирно наме-

ченную Остен тему его конформизма, душевной лености, повлекших за собой в романе «Лонгборн» печальные последствия для его возлюбленной, жены, внебрачного сына и всех дочерей, рожденных в браке.

Редкий современный писатель в романе о прошлом может избежать обращения к ранее табуированным темам, Бейкер — не исключение. Так, миссис Беннет спасается от нервного истощения при помощи опиумной настойки. Историческим фактом является, что употребление опиатов в викторианскую и предвикторианскую эпоху было распространено среди женщин-домохозяек среднего и высшего сословия. Врачи прописывали им опиумную настойку при любых признаках физического и психического недомогания. Тема гомосексуализма и его табуированности в предвикторианскую эпоху также проходит пунктирной линией в романе.

Автор иронично переворачивает характеры, детали и элементы сюжета претекста. Например, прогулки Элизабет по полям Хемпшира в любую погоду восхищали читателя Остен, демонстрировали свободолюбивую натуру героини, ее пренебрежение условностями. В романе Бейкер мы смотрим на ее эскапады глазами прачки Сары, которая вынуждена часами отмывать от грязи подол юбки госпожи и чистить испачканную обувь. Замужество трех из пяти сестер Беннет радует и их самих, и их родителей, однако для горничных Сары и Полли оно несет опасность увольнения, поскольку в Лонгборне больше не нужно такое количество прислуги. В названиях глав использованы цитаты из романа «Гордость и предубеждение», которые нередко вступают в иронический диалог с текстом современной писательницы. Сдержанная, мудрая и тонкая ирония, окрашивающая в особые тона самые рядовые события, — как известно, излюбленный творческий прием Остен. Именно она, на наш взгляд, стала одной из причин популярности книг Остен в XX веке. Ирония Бейкер, безусловно, не конгениальная юмору знаменитой писательницы прошлого, — более горькая, более социально заостренная.

Как уже отмечалось, Дж. Бейкер не столько «пересказывает» события «Гордости и предубеждения», сколько «зеркалит» их в судьбах героев своего романа. Герои романа Дж. Остен имеют своих двойников среди мира прислуги романа «Лонгборн» Дж. Бейкер (Сара — Элизабет Беннет, Джеймс Смит — мистер Фицуильям Дарси, Птолемей Бингли — мистер Джордж Уикхем, Полли — Лидия Бенннет, миссис Хилл — миссис Беннет, мистер Хилл — мистер Бенннет).

Современная писательница также заимствует ряд сюжетных ходов и мотивов романа Дж. Остен. В частности, в романе Бейкер присутствует мотивы гордости (гордыни) и предубеждения. При встрече героини, гор-

ничной Сары, с Джеймсом Смитом, которого приняли в поместье Лонгборн на место лакея и конюха мистер и миссис Беннеты, девушка сразу же испытывает к нему интерес: уж слишком он выделяется на фоне ее привычного окружения. Однако, как ей кажется, Джеймс слишком горд и надменен по отношению к ней и остальным слугам. Ей кажется (отчасти не без основания, ведь, как и в романе Остен, их предубеждения взаимны), что Смит считает ее малообразованной и недалекой. Бейкер также заимствует мотив драматического непонимания героев: Сара, как и Элизабет в отношении Дарси, не может понять тех причин, которыми руководствуется Джеймс, покидая ее. Роман написан от третьего лица, но, используя прием несобственно-прямой речи (в свое время ставший одним из проявлений стилистического новаторства Остен [Палий, 2011, с. 136]), писательница доносит до читателя мысли и чувства героини и героя. Однако со временем, как и в романе Остен, предубеждения рассеиваются, и после ряда испытаний возлюбленные соединяются.

3. Постколониальная, антиимпериалистическая антивоенная составляющая в деконструкции претекста в романе Дж. Бейкер «Лонгборн»

В своем эссе «Джейн Остен и империя» в книге 1993 года «Культура и империализм» Э. В. Саид на материале романа «Менсфилд-парк» ставит вопрос об отношении писательницы к ситуации в Вест-Индии, обвиняя ее «в молчании о жестокости рабства и равнодушии к сопротивлению рабов против угнетения» [Fowler, 2017, с. 364], «о том, насколько важную роль играли деньги, полученные от работорговли, в обеспечении шикарного образа жизни» [Said, 1993, с. 78] метрополии. Действительно, «начиная с 1670 до начала 20 века одна шестая домов Британии была куплена на деньги, заработанные на колониальной торговле» [Fowler, 2017, с. 365]. Думаю, не ошибемся, если скажем, что тенденция подходить к творчеству и жизненным установкам писателей прошлого с позиций века нынешнего — дело неблагодарное. Остен, при всем своем таланте, была, вероятнее всего, продуктом своего времени, своего класса и сословия. Как широко известно, часть личной переписки Остен была уничтожена ее сестрой Кассандрой по неизвестным для нас причинам, что достаточно затрудняет вынесение окончательного вердикта по многим вопросам, касающимся ее мировоззрения. Ее биографии, написанные братом и племянником, тоже, очевидно, передают лишь некоторые из граней ее натуры. Возможно, проявления жестокости по отношению к лицам другой расы ей и осуждались, но, опять же, если она была их свидетелем, да и большой вопрос, до каких границ простиралось

тогдашнее определение «жестокости —нежестокости» по отношению к лицам небелой расы и слугам. Вероятнее всего, вопрос о том, близка ли была Дж. Остен идея освобождения рабов (на это, по мнению некоторых исследователей, намекает использование в романе «Менсфилд-парк» «говорящих» имен Менсфилда — известного аболициониста и Норриса — жестокого рабовладельца [Fowler, 2017, с. 366]) или сам статус-кво, в котором существовали белые господа и черные рабы, ей, если не одобрялся, то принимался, как должное, так и останется открытым.

В романе Бейкер тема рабства и роли Британии в трафике невольников является одной из ведущих. Богатство семейства Бингли в романе «Лонгборн», так же, как и в претексте, построено на импорте сахара из Вест-Индии. В современном произведении звучит мысль о преступности такого промысла. Герой книги Джеймс Смит говорит: «*В Африке можно <...> купить рабов. Ты посадишь их в трюм и поплывешь в Вест-Индию, а там продашь и купишь сахар, а уж сахар доставишь домой, в Англию. Трехсторонняя торговля — так это называется. Осмелюсь предположить: Бингли, по всей вероятности, родом из Ливерпуля или Ланкастера, раз уж говорят, что они с севера.*

— Я не знала, что сахар достался им такой ценой, — заявила Полли, пододвигая свой стул поближе к столу.

— Какой ценой?

— Что его меняли на людей.

— Да. — Джеймс протер вилку и слегка пожал плечами. — Так и есть» [Бейкер, 2017, с. 192].

Джеймс так вспоминает свое пребывание в колониях: «*Воздух в порту Инглиш-Харбор был густым, теплым, наполненным запахом цветов и тления. Рабы не поднимались на палубу кораблей с тех пор, как был принят новый закон, но ими продолжали торговать, они продолжали работать: выращивали сахарный тростник, рубили его, очищали сахар и доставляли на рынок. Рабы <...> выполняли самую тяжелую работу*» [Там же, с. 102]. Один из героев романа и претендентов на сердце Сары — чернокожий лакей Птолемей, привезенный в Англию из Вест-Индии и, по рабовладельческой традиции, носящий фамилию своего хозяина, Бингли, — нарисован с большой симпатией.

Хотя Остен жила и творила в период Наполеоновских войн, когда только что прогремели Великая Французская революция и Американская Война за Независимость, в своих романах, в том числе в «Гордости и предубеждении», она, как известно, избегала упоминания тем, связанных с войнами и вооруженными «конфликтами за колониальное доминирование» [Runjiang Xu et al., 2009, с. 187], а также не касалась проблем внутренней политики,

в частности, «движения огораживания, которое вынуждало крестьян покинуть их земли» [Ibid]. В своем романе Бейкер вводит сюжетную линию участия Джеймса в так называемой «Войне на полуострове» / Peninsula War (1807—1814), части Наполеоновских войн, вооруженном конфликте Испании и Португалии, в поддержку которой выступала Великобритания. В «Лонгборне» много достаточно проникновенных эпизодов, пронизанных антивоенным пафосом, характерным для литературы XX—XXI веков.

Бейкер стремится острее представить в своем произведении и внутренние проблемы Британии описываемого периода. Так, родители Сары в романе «Лонгборн» потеряли землю в результате обезземеливания: «*Перед ними раскинулось обширное, огороженное ивовым плетнем, кладбище, на котором паслись овцы. — Раньше здесь была общинная земля, — заговорила Сара. — Здесь и дома были. <…> Здесь я родилась*» [Бейкер, 2017, с. 107].

4. Феминистическая составляющая в деконструкции претекста в романе Дж. Бейкер «Лонгборн»

Образ Элизабет многими исследователями считается революционным с феминистической точки зрения для своей эпохи и класса (см. [Макрушина, 2011, с. 113—115]). Героиня Остен, наделенная живым умом и аналитическим складом мышления, несмотря на социальные ограничения, стремится в рамках семейных отношений отстоять свое право на свободный, но при этом разумный выбор. По справедливому мнению М. Дж. Тулана, «то, как Остен изображает Элизабет, отличается от того, как это делали писатели того времени, позволяя женщинам чувствительность, глубину чувства и душевную чуткость, но редко закрепляя за ними право на силу или независимость» (Цит. по: [Chang, 2014, с. 77]). Однако Дж. П. Браун в работе «Романы Джейн Остен: социальные изменения и литературная форма» (1979) определяет феминизм Остен как «домашний, а не героический, который не стремится выйти за рамки домашнего очага» (Цит. по [Макрушина, 2011, с. 115]). Героиня «Лонгборна» Сара решительна, она борется за счастье, предпочитая действие ожиданию окончательного решения от мужчины, соответствуя тем самым, скорее, уже современным феминистическим представлениям о динамике межгендерных отношений. В романе на примере семей Беннетов и Дарси затрагивается и вопрос о правах женщин в семье, что характерно для феминистской повестки второй половины XX века.

5. Заключение

Мы полагаем, что социальная, антиколониальная, антиимпериалистическая, антивоенная, феминистическая составляющие являются наи-

более значимыми при деконструкции претекста в романе «Лонгборн». Основными модусами переосмысления романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение» для Бейкер становятся актуальные в современной общественной и культурной ситуации ревизии прошлого и оценки настоящего Британии, проблемы социальных противоречий, империализма, колониализма и его последствий, прав женщин и меньшинств. Бейкер использует в качестве претекста роман эпохи Регентства, однако ее художественные искания сближаются с «неовикторианским» романом (термин Д. Шиллер) — «историческим романом, соединяющим в себе постмодернистскую историографичность с традиционным культурно-историческим подходом, и обращающимся в прошлое для того, чтобы проследить, как это прошлое видоизменяется под воздействием современных событий» [Shiller, 1997, с. 40]. С «неовикторианским романом младшего поколения» (термин Ю. С. Скороходько) [Скороходько, 2015, с. 60] «Лонгборн» Бейкер роднят такие черты, как интертекстуальность, интерес к маргинальным точкам зрения и явлениям, отход от элитарности в массовой литературе. На наш взгляд, в романе Бейкер социальная тематика более заострена, чем в целом в неовикторианском романе. Мы полагаем, что целесообразно уточнить определение «неовикторианского романа младшего поколения», обозначив в качестве возможных сюжетообразующих претекстов произведения, написанные в довикторианскую эпоху, в частности в эпоху Регентства, или выделить новую жанровую разновидность британского историографического метаромана (Л. Хатчен) — неодовикторианский роман (Neo-Pre-Victorian novel). Помимо этого, перспективы исследования состоят как в дальнейшем осмыслении творчества Дж. Бейкер, так и в изучении творчества других британских писателей, связанного с рецепцией произведений Остен в литературе рубежа XX—XXI веков.

Источники и принятые сокращения

1. *Бейкер Дж.* Лонгборн [Электронный ресурс] / Дж. Бейкер; [пер. с англ. Е. Мигуновой]. — Москва : Синдбад, 2017. — 488 с. — Режим доступа: http://booksonline.com.ua/view.php?book=180917.html (дата обращения: 23.12.2020).

2. *Остен Дж.* Гордость и предубеждение / Дж. Остен; [пер. с англ. И. С. Маршака]. — Санкт-Петербург : Речь, 2018. — 544 с.

3. *Austen* Unvarnished: Q&A With Jo Baker, Author of "Longbourn". — 2013. —10 October [Electronic resource] // NPR. — Access mode: https://www.npr.org/2013/10/10/229282533/austen-unvarnished-q-a-with-jo-baker-author-of-longbourn.html (accessed: 23.12.2020).

4. *Brontë Ch.* Letters [Electronic resource] / Ch. Brontë. — Access mode: http://www.pemberley.com/janeinfo/janeart.html#austart1.LiddelIR.html (accessed: 23.12.2020).

Литература

1. *Вишнякова Н. А.* Роман «Гордость и предубеждение» Джейн Остен в контексте современной массовой литературы / Н. А. Вишнякова, М. С. Вишнякова // Мировая классика и молодежная культура. — 2014. — № 2. — С. 143—147.

2. *Кононова А. С.* Восприятие и переработка творчества Джейн Остен во второй половине XX — начале XXI века (экранизации, мешапы, фанфики) / А. С. Кононова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. — 2012. — № 10. — С. 25—29.

3. *Макрушина К. А.* Джейн Остен: феминизм и постколониальные исследования / К. А. Макрушина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2011. — № 1 (87). — С. 112—119.

4. *Палий А. А.* Несобственно-прямая речь в романах Джейн Остен как одно из проявлений ее стилистического новаторства / А. А. Палий // Омский научный вестник. — 2011. — № 5. — С. 136—138.

5. *Повзун Е. В.* Черты романтизма и реализма в романе Джейн Остен «Гордость и предубеждение» (1813) / Е. В. Повзун // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серия 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. — 2006. — № 1. — С. 29—33.

6. *Ремаева Ю. Г.* Новая женская проза Британии на рубеже XX и XIX столентий / Ю. Г. Ремаева // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. — 2006. — № 1. — С. 167—170.

7. *Романенко К. Р.* Ностальгия и самоирония: литературный культ Джейн Остен через фигуру ее фаната / К. Р. Романенко // Логос. — 2017. — Том. 27, № 6 (121). — С. 153—172.

8. *Скороходько Ю. С.* Неовикторианский роман как форма интертекстуального диалога с викторианством в английской литератур / Ю. С. Скороходько // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. — 2015. — № 2 (10). — С. 59—68.

9. *Alhborn S.* Jane Austen Enduring Popularity [Electronic resource] / S. Alhborn // Omnia. University of Pennsilvania. — 2017. — 17 September. — Access mode : http://omnia.sas.upenn.edu/story/jane-austens-enduring-popularity.html (accessed: 23.12.2020).

10. *Fowler C.* Revisiting Mansfield Park: The Critical and Literary Legacies of Edward W. Said Essay “Jane Austen and Empire” in Culture and Imperialism (1993) / C. Fowler // The Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry. — 2017. — № 4 (3). — P. 362—381. — DOI: 10.1017/pli.2017.26.

11. *Hui-Chun Chang*. The Impact of the Feminist Heroine: Elizabeth in Pride and Prejudice / Hui-Chun Chang // International Journal of Applied Linguistics & English Literature. — 2014. — Vol. 3, No. 3. — P. 76—82. — DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.3n.3p.76.

12. *Runjiang Xu*. Jane Austen and Imperialism: A Rereading of Pride and Prejudice / Runjiang Xu, Yucheng Li // English Language Teaching. — 2009. — Vol. 2, № 4. — P. 184—187. — DOI: 10.5539/elt.v2n4p184.

13. *Said E.* Jane Austen and Empire / E. Said // Culture and Imperialism. — London : Vintage, 1993. — P. 107—111.

14. *Samutina N*. Emotional Landscapes of reading: Fan Fiction in the Contex of Contemporary Reading Practices / N. Samutina // International Journal of Cultural Studies. — 2017. — Vol. 20, № 3. — P. 253—269.

15. *Shiller D.* The redemptive past in the neo-Victorian novel / D. Shiller // Studies in the novel. — 1997. — Vol. 29, № 4. — P. 538—560.

Reception of J. Austen's creativity in Contemporary British Literature (Novel by Joe Baker "Longbourne")

© **Anna A. Ilunina (2021),** orcid.org/0000-0002-3871-7555, Researcher ID ABG-6711-2020, PhD in Philology, Associate Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov" (Voronezh, Russia), ailunina@yandex.ru.

The experience of reception of creativity of J. Austen (1775—1817) in modern British literature is analyzed. The aim of the work was to identify the main directions and ideological and artistic functions of the deconstruction of pretext — the novel by J. Austen "Pride and Prejudice" (1813) — in the novel by Joe Baker (born in 1973) "Longbourne" (2013). It was revealed that the social, anti-colonial, anti-imperialist, anti-war, feminist components are the most significant in the deconstruction of pretext. For Baker, the main modes of rethinking the novel by J. Austen "Pride and Prejudice" become relevant in the modern social and cultural situation of revising the past and assessing the present in Britain, the problems of social contradictions, imperialism, colonialism and its consequences, the rights of women and minorities. It was concluded that in his artistic quest, Baker, although using the novel of the Regency era as a pretext, is moving closer to the neo-Victorian novel. It has been substantiated that it is advisable to clarify the definition of the "neo-Victorian novel of the younger generation" (the term by Y. S. Skorokhodko), designating works written in the pre-Victorian era, in particular, in the era of the Regency, as possible plot-forming pretexts, or to single out a new genre variety of British historiographic metanovel (L. Hutchen) — a Neo-Pre-Victorian novel.

Key words: contemporary British novel; intertextuality; postcolonialism; feminism; neo-Victorian novel; Jane Austen; Joe Baker.

Material resources

Austen Unvarnished: Q&A With Jo Baker, Author of "Longbourn". (2013). In: *NPR*. Available at: https://www.npr.org/2013/10/10/229282533/austen-unvarnished-q-a-with-jo-baker-author-of-longbourn.html (accessed: 23.12.2020).

Beyker, Dzh. (2017). *Longborn* [Longbourn]. Moskva: Sindbad. 488 p. Available at:stupa: http://booksonline.com.ua/view.php?book=180917.html (accessed: 23.12.2020). (In Russ.).

Brontë, Ch. *Letters*. Available at: http://www.pemberley.com/janeinfo/janeart.html#austart1. LiddelIR.html (accessed: 23.12.2020).

Osten, Dzh. (2018). *Gordost' i predubezhdeniye* [Pride and Prejudice]. Sankt-Peterburg: Rech'. 544 p. (In Russ.).

References

Alhborn, S. (2017). Jane Austen Enduring Popularity. In: *Omnia. University of Pennsilvania, 17 September.* Available at: http://omnia.sas.upenn.edu/story/jane-austens-enduring-popularity.html (accessed: 23.12.2020).

Fowler, C. (2017). Revisiting Mansfield Park: The Critical and Literary Legacies of Edward W. Said Essay "Jane Austen and Empire" in Culture and Imperialism (1993). *The Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry, 4(3):* 362—381. DOI: 10.1017/pli.2017.26.

Hui-Chun Chang. (2014). The Impact of the Feminist Heroine: Elizabeth in Pride and Prejudice. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature, 3/3:* 76—82. DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.3n.3p.76.

Kononova, A. S. (2012). Vospriyatiye i pererabotka tvorchestva Dzheyn Osten vo vtoroy polovine XX — nachale XXI veka (ekranizatsii, meshapy, fanfiki) [Perception and processing of Jane Austen's creativity in the second half of the XX — early XXI century (film adaptations, mashups, fanfiction)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities], *10:* 25—29. (In Russ.).

Makrushina, K. A. (2011). Dzheyn Osten: feminizm i postkolonialnyye issledovaniya [Jane Austen: feminism and postcolonial studies]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural State University. Series 2. Humanities], *1 (87):* 112—119. (In Russ.).

Paliy, A. A. (2011). Nesobstvenno-pryamaya rech' v romanakh Dzheyn Osten kak odno iz proyavleniy ee stilisticheskogo novatorstva [Inappropriately direct speech in the novels of Jane Austen as one of the manifestations of her stylistic innovation]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], *5:* 136—138. (In Russ.).

Povzun, E. V. (2006.). Cherty romantizma i realizma v romane Dzheyn Osten «Gordost' i predubezhdenie» (1813) [Traits of romanticism and realism in the novel by Jane Austen "Pride and Prejudice" (1813)]. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaŭnaga universiteta. Seriya 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika* [Spring Belarusian dzyarzhaunaga universiteta. Series 4. Philology. Journalism. Pedagogy], *1*: 29—33. (In Russ.).

Remaeva, Yu. G. (2006). Novaya zhenskaya proza Britanii na rubezhe XX i XIX stolentiy [New women's prose of Britain at the turn of the XX and XIX centuries]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya* [Bulletin of NI Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Philology], *1*: 167—170. (In Russ.).

Romanenko, K. R. (2017). Nostalgiya i samoironiya: literaturnyy kult Dzheyn Osten cherez figuru ee fanata [Nostalgia and self-irony: the literary cult of Jane Austen through the figure of her fan]. *Logos* [Logos]*, 27/6 (121):* 153—172. (In Russ.).

Runjiang Xu., Yucheng Li. (2009). Jane Austen and Imperialism: A Rereading of Pride and Prejudice. *English Language Teaching, 2/4:* 184—187. DOI: 10.5539/elt.v2n4p184.

Said, E. (1993). Jane Austen and Empire. In: *Culture and Imperialism*. London: Vintage. 107—111.

Samutina, N. (2017). Emotional Landscapes of reading: Fan Fiction in the Contex of Contemporary Reading Practices. *International Journal of Cultural Studies, 20/3*. 253—269.

Shiller, D. (1997). The redemptive past in the neo-Victorian novel. *Studies in the novel, 29/4*. 538—560.

Skorokhodko, Yu. S. (2015). Neoviktorianskiy roman kak forma intertekstualnogo dialoga s viktorianstvom v angliyskoy literature [Neo-Victorian novel as a form of intertextual dialogue with Victorianism in English literature]. *Mirovaya literatura na perekrestye kultur i tsivilizatsiy* [World literature at the crossroads of cultures and civilizations], *2 (10):* 59—68. (In Russ.).

Vishnyakova, N. A., Vishnyakova, V. S. (2014). Roman «Gordost' i predubezhdeniye» Dzheyn Osten v kontekste sovremennoy massovoy literatury [The novel "Pride and Prejudice" by Jane Austen in the context of modern mass literature]. *Mirovaya klassika i molodezhnaya kultura* [World classics and youth culture], *2:* 143—147. (In Russ.).

Мохаммед Адам Э. А. Семантический комплекс путешествия в творчестве А. Г. Битова / Э. А. Мохаммед Адам, А. Г. Коваленко // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 202—217. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-202-217.

Mohammed Adam, E. A., Kovalenko, A. G. (2021). Semantic Complex of Travel in Work of A. G. Bitov. *Nauchnyi dialog, 2:* 202-217. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-202-217. (In Russ.).

УДК 821.161.1Битов.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-202-217

Семантический комплекс путешествия в творчестве А. Г. Битова

© **Мохаммед Адам Эльрашид Али (2021),** orcid.org/0000-0003-2058-2901, аспирант, ассистент кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия), mody.adams@mail.ru.

© **Коваленко Александр Георгиевич (2021),** orcid.org/0000-0002-6747-285X, Web of Science ResearcherID Y-2821-2018, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (Москва, Россия), ak-taurus@mail.ru.

Анализируется семантический комплекс путешествия в творчестве Андрея Битова. Доказано, что диапазон травелогов у писателя весьма широк, они коррелируют друг с другом. Авторы утверждают, что в широком смысле литературные путешествия А. Битова складываются в обширный каталог путешествий, в котором представлены всевозможные виды воплощения художественного пространства и времени. Помимо этого, творчество писателя рассматривается как воплощение вектора движения в «пространстве свободы», как пространство «тоски по культуре». Особое внимание уделяется циклу повестей о советских республиках, где были найдены важные для писателя инструменты создания образа Империи — рефлексирующий и вопрошающий автор (сократический диалог). Также поднимается вопрос о позиции вненаходимсти (М. Бахтин) и остранения (В. Шкловский). Новизна исследования видится в том, что повести о путешествиях стали в то же самое время и остраненным повествованием о России. Сделан вывод о том, что семантический комплекс путешествия в творчестве А. Битова соединяет географическое (физическое) и духовное (метафизическое) пространства, то есть внешний объективный мир и внутреннее духовно-интеллектуальное пространство.

Ключевые слова: жанр путешествия; травелог; А. Битов; Армения; Грузия.

1. Введение

Личность и творчество Андрея Битова занимают особое место в русской литературе XX века, и эта особенность становится все более очевидной по мере того, как в сознании читателей укладывается мысль о безвозвратном

уходе писателя из жизни 3 декабря 2018 года. Все более отчетливой становится и другая мысль — творчество А. Битова нуждается в последовательном научном осмыслении в контексте русской литературы. Признаки жанра путешествия в прозе писателя наблюдаются уже в его ранних повестях («Путешествие к другу детства», «Путешествие в Среднюю Азию», «Уроки Армении» и «Грузинский альбом»), и об этом в работах об А. Битове говорится достаточно много [Гурьянова, 2009; Эпштейн, 1978; Якунина, 2009 и мн. др.]. Однако говорить просто о приоритете этого жанра недостаточно. Взятое в полном объеме и широком смысловом контексте практически все творчество А. Битова демонстрирует тяготение к единому семантическому комплексу, которое «путешествием» можно назвать условно. Это не просто путешествие в физическом смысле слова как преодоление пространства, а, скорее, *метафизическое путешествие*, когда физическое пространство и время представляют собой лишь частный, конкретный случай.

Большинство исследователей делают акцент на «инородности» творчества А. Битова, которой отмечено его творчество с самого начала, с 60-х годов прошлого столетия. Н. Иванова пишет об особенности творчества А. Битова так: «сам себе — романист <…> рассказчик, географ-историк-эссеист» [Иванова, 1988, с. 167], ломающий саму возможность «зачислять писателей в “обоймы” и рассуждать “поколениями”» [Там же, с. 167]. И, добавим, А. Битов «сам себе» путешественник, литературный критик и философ. Спустя несколько лет А. Генис, как бы продолжая высказанную мысль, пишет о том, что А. Битов смог перешагнуть некий рубеж, отделив постсоветскую литературу от советской, как будто этого рубежа не было [Генис, 1999]. Гораздо реже творчество Битова рассматривалось как громадный «гипертекст», с одной стороны, охватывающий огромные географические пространства, а с другой — уводящий в метафизические глубины сознания.

2. Путешествие по Империи (географическое)

Книга очерков А. Битова «Уроки Армении» вышла в свет в 1969 году. История ее появления связана с различными парадоксальными стечениями обстоятельств. В своих воспоминаниях писатель постоянно упоминает Японию как предмет своих юных мечтаний о дальних странствиях. Мечта не сбылась, «невыездному» и неблагонадежному молодому автору Союз писателей не мог разрешить визит в капиталистическую страну. Впрочем, А. Битов не был здесь одинок, оттепель закончилась, молодые «шестидесятники» стали испытывать на себе особую отеческую «опеку» со стороны властей. В опалу попали В. Аксенов, А. Вознесенский, В. Войнович,

Е. Евтушенко и многие другие молодые либералы. Началось время «закручивания гаек».

Вместо Японии «случилась» Армения. Молодой ленинградский прозаик, выпускник Высших сценарных курсов в Москве получил в 1967 году задание отправиться в редакцию центральной газеты Армении и написать там очерк о новой архитектуре столицы солнечной республики. Но и здесь произошли «накладки». Задание не было выполнено ни в жанровом, ни в тематическом отношении, однако, несмотря на это, результат превзошел ожидания. Текст вышел далеко за границы обычного газетного очерка: вместо столицы предметом изображения стала вся Армения, вместо рассказа о новом социалистическом строительстве получился эмоциональный рассказ об этой многострадальной земле, ее богатейшей истории, людях, культуре и языке. День сегодняшний увел повествование в далекое прошлое. Но и об уникальной архитектуре Армении, овеянной веками времени, писатель тоже рассказал немало.

А. Битов не был первооткрывателем Армении. В начале XX века В. Брюсов познакомил русского читателя с богатством поэзии этой замечательной страны, переведя на русский язык стихи ее великих поэтов. Двадцатым января 1916 года датировано одно из его самых точных и проникновенных стихотворений «К Армении». В. Брюсов создает портрет красивой страны с богатой и славной историей, с ее благородными мужами и красивыми женщинами, с ее мудростью и военной доблестью. В самом начале 1930-х годов написан знаменитый в истории русской литературы очерк О. Мандельштама «Путешествие в Армению». Интертекстуальные взаимоотношения А. Битова и О. Мандельштама в контексте рассматриваемых произведений об Армении очевидны.

Повесть «Уроки Армении» писалась больше года, хотя Андрей Битов пробыл в Армении всего лишь десять дней. «Я прожил в этой книге много дольше, чем в Армении. Каждый день прибавлял мне так много, что описывать его приходилось месяц» [Битов, 2013, с. 147]. Книга в итоге оказалась неожиданно большой, и по этому поводу А. Битов с юмором писал о том, какое здоровье у него было, чтобы написать эту повесть так быстро.

Писатель нередко отмечал, что уже в начале творения важно видеть будущую книгу целиком, в ее нераздельном и «свернутом» виде, а вдохновение поможет «развернуть» ее во всей стройности и конкретности. Так, импульсом для развертывания текста во времени стала метафора «урока». Композиционно текст состоит из отдельных «уроков», которые складываются в системную «учебную программу»: «Урок языка», «Урок истории», «Урок географии», «Уроки веры», особняком стоят главы «Кавказский пленник»,

«Страсти градостроителя», «У старца». Циклическая завершенность «программы» подчеркнута завершающим рассказом «После уроков».

Понятие урока осмысливается широко — и прежде всего в культурно-историческом контексте: то, что увидел писатель в маленькой стране, становится примером для всего мира. И. Золотусский определил повести А. Битова как «урок для современной прозы» [Золотусский, 1975, с. 24]. Книга не соответствовала стереотипам восприятия советского читателя, она была слишком «свободна», «умна» и одновременно «раскованна».

Благодаря устойчивому для творческого сознания писателя семантическому комплексу путешествия, «Уроки Армении» удачно вписались в создающийся «метацикл». Промежуточным итогом этого движения станет издание книги «Путешествие из России», куда, кроме «Уроков Армении», вошли и другие повести: «Колесо», «Наш человек в Хиве», а также повесть «Одна страна (Путешествие Бориса Мурашова)».

Чрезвычайно интересен подтекст произведения «Уроки Армении». Позднее А. Битов обмолвился, что «книга была написана не об Армении, а о России, «о другой, чем Россия, стране» [Битов, 2013, с. 501]. Высказывание чрезвычайно любопытное и вызывающее многочисленные вопросы. Эта фраза, очевидно, содержит в себе парадокс, подразумевающий очень многое. Чтобы понять битовское выражение, нужно вспомнить высказывание М. М. Бахтина о «трансгредиентности», или «вненаходимости», писательского мышления, связанной с потребностью природы художественного мышления посмотреть на мир из-за пределов своего времени, с «точки зрения вечности». Тогда становится понятной динамика и смысл течения времени. С бахтинским тезисом о трансгредиентности соотносится и понятие «остранение», введенное В. Шкловским, толкуемое еще шире — «взгляд со стороны», притом не только в пространственном измерении, как у Бахтина, но и в любом ином — в интеллектуальном, нравственном, стилистическом, языковом, жанровом и т. д.

Все сказанное имеет прямое отношение к Битову, его высказыванию и, шире, к его творческому методу. Более того, А. Битов вдвойне «внеположен» и «остранен». Первый шаг — вненаходимость иной (армянской) культуры. Второй шаг — «обратный», вненаходимость русской культуры в контексте армянской. Но есть и третий шаг — вненаходимость русской культуры должной, идеальной, по отношению к русской культуре существующей, ущербной.

Семантический комплекс путешествия имеет здесь свой онтологический, познавательный смысл. А. Битов утверждает, что познание России возможно только сквозь пространство и время другой страны, другой куль-

туры и истории: «Всем известно — путешествие расширяет кругозор. Это верно. Но заключается это расширение в том, что шире видишь родину» [Цит. по: Плоткин, 2017].

История публикации «Уроков Армении» завершается маленьким триумфом. Битов стал известен и узнаваем для русского читателя, с одной стороны, как автор новаторского текста, открыватель давно известной, но «неизведанной» страны. С другой стороны, он стал невольным героем Армении: «Подвиг писателя не осознается им самим, — писала Е. Шуваева-Петросян. — Стихийный порыв привел к тому, что Битова, как и его предшественников — Брюсова, Мандельштама, — почитают в Армении, как святого» [Шуваева-Петросян, 2018].

Важным и даже новаторским параметром в семантическом комплексе путешествия стал заново осмысленный принцип «остранения»: путешествие вовне, в другую страну, стало поводом и возможностью для глубокого понимания своей страны и места личности в ней. Автор создает «двойной вектор» остранения — от «своей территории» к «чужой» и, наоборот, от «чужой территории» к «своей». Двойной, «челночный» взгляд — способ «стереоскопического видения» пространства.

Семантический комплекс путешествия предполагает последовательное осуществление принципа преодоления пространства как закона его освоения — физического, географического и духовного, онтологического. У А. Битова он найдет наиболее глубокое воплощение в повестях «Уроки Армении», «Грузинский Альбом». «Наш человек в Хиве». Тематически он представляет собой описание поездок в республики СССР. Однако поездки стали не только способом получения впечатлений от экзотических территорий. Повести стали движением от «физики» к «метафизике» — способом духовного постижения личности, страны, народа, нации, культуры, истории и шире — познания себя и смысла существования.

А. Битов уже углубился в «Империю», не осознавая пока еще общего замысла, не догадываясь, что в 1960 году первая фраза ее уже написана: «Хорошо бы начать книгу, которую можно писать всю жизнь…» [Битов, 2013, с. 504]. Вся последующая творческая жизнь писателя оказалась подчиненной единому замыслу — созданию единого, хотя и дискретного — текста, запечатлевшего единое пространство и время.

3. Путешествие вглубь души

А. Битов, как подчеркивал В. Ерофеев, «является первым писателем или одним из первых в современной русской прозе, кто заговорил о слабости человека, о его душевных пределах, об эмоциональном “оледенении”»

[Цит. по: Шевченко]. А. Битов — автор темы одиночества и отчуждения современного человека, темы, неразрывно связанной с художественным осмыслением проблем человеческого бытия, тех пределов, в которых пребывает и реализует себя «Я» каждого.

В ранних произведениях А. Битова герой, как пишет Т. А. Сотникова, «не может идентифицировать себя с действительностью, но по причинам не идеологическим, а экзистенциальным. Этим он отличается от литературных героев большинства авторов-шестидесятников» [БРЭ, с. 94]. В повести «Бездельник» автор вышел на неожиданный образ молодого человека — «бездельника». Его волнует лишь то, что имело прямое отношение к нему лично, внешний мир дан бездельнику опосредованно. Для него важны не люди или события, а его собственные психологические реакции на окружающий его мир.

Тот факт, что герой раннего творчества А. Битова имеет «дифференциальные отличия», был отмечен некоторыми литературоведами, не только российскими, но и зарубежными. Так, Л. Шевченко, ссылаясь на работу Терезы Дудек-Листван, отмечает, что в появившихся в эти же и последующие годы работах американских славистов Э. Чансес, К. Шоу и др. «была выявлена экзистенциальная составная битовского психологизма, а в качестве основной декларирована тенденция отчуждения битовского героя от действительности как таковой» [Шевченко, с. 4].

Свобода и непроизвольность повествования проявляется, в частности, в возможности комбинировать написанное с дополнительными комментариями. Комментарий становится тогда чуть ли не самостоятельной составляющей изложения сюжета, приобретая сюжетную автономность. Диапазон размышлений простирается от лирической эмоциональности до критического неприятия и иронической усмешки, интонационный регистр также чрезвычайно широк — от серьезного осмысления событий до «наивных» вопросов, требующих или подчас не требующих ответов. Его всегда волнуют сущностные первоосновы бытия, встреча человека с феноменом жизни в самом широком смысле слова — от океанских глубин и небесных сфер до тайны души одной отдельно взятой личности.

В поисках идентичности героя Битов обращается к приему совмещения (синтеза) документального и художественного начал. Это «сопряжение» двух модусов повествования особенно наглядно проявляется в книгах «Записки из-за угла» и «Жизнь в ветреную погоду». В них нашло выражение стремление к созданию метапрозы, книги «самоопределения человека пишущего». Первая из названных книг написана от первого лица в виде дневника автора, другая — рассказ о тех же событиях от лица героя.

Как справедливо замечает исследовательница И. А. Якунина, происходит «смещение границы текстуальных миров» [Якунина, 2009, с. 9].

Благодаря тому, что писатель ставит рядом два текста, «документальный» и «художественный», возникает эффект стереоскопичности восприятия. Об одном и том же сказано по-разному. В результате возникает ощущение двойственности сознания героя, нарушающей «автоматизм» существования. Выход из тупика возможен при полном осмыслении личностью разницы между двумя онтологическими категориями: «я-для-себя» и «другой для меня» (М. Бахтин).

В своем раннем творчестве А. Битов следует лучшим традициям русской классической литературы. Передавая свои чувства, автор раскрывает глубины своего восприятия окружающего мира, а его внутренняя жизнь становится объектом психологического анализа. А. Битову свойственно желание говорить о себе, о своих особенностях как писателя, человека, что наиболее ярко проявилось позже в «Пушкинском доме». Проблема художественного выражения авторского сознания становится одной из центральных в «Книге путешествий». Личность автора-повествователя максимально акцентируется в «Уроках Армении» и «Грузинском альбоме».

Интерес А. Битова к Армении и Грузии обусловлен биографической компонентой. И совсем не случайно, полушутя-полусерьезно, А. Битов определял жанр этих книг как *автогеографию:* «…а вот эту книгу еще чувствую себя обязанным написать — автогеографию. Не автобиографию, а именно автогеографию» [Битов, 2020]. В этом определении есть не только каламбур, но схвачена важная связь судьбы человека и пространства, в котором эта судьба раскрывается. В этом определении обнажается еще одна сторона семантического комплекса путешествия — личностная: человек есть путешественник по пространству своей судьбы.

Самоопределение начинается с имени и фамилии, поэтому А. Битову интересны происхождение и семантика его фамилии, а также история рода. Долгие поиски приводят его к узнаванию своих корней. Парадоксальным образом обнаруживается, что тяготение к Кавказу было не случайным, так как его «отец был черкесом в пятом поколении» [Там же], следовательно, появление повестей о Грузии и Армении было предопределено судьбой, то есть история этих книг несет в себе след судьбы, имеет биогеографические причины, пусть и едва видимые.

В путешествиях отражена смена мировоззренческих приоритетов и ценностей писателя, эволюция его взглядов на человека и мир. Один из главных вопросов битовского творчества таков: в чём предназначение человека, в реальной жизни или творчестве? Можно ли достичь гармонии между жизнью

и творчеством, способностью любить и способностью творить, способностью верить и способностью мыслить? В каком-то смысле всё творчество А. Битова ориентировано на решение этой проблемы: жить полной жизнью и при этом творить, заниматься творчеством не в ущерб собственной жизни? Приводя в пример классиков XIX века, А. Битов пишет: «…они это написали между прочим, в самой своей жизни, внутри нее, а не между жизнью. Жизнь у них еще не делилась на жизнь и работу» [Битов, 2009, с. 80].

Систему персонажей, а часто и прозу А. Битова в целом, характеризует внимание к границам и отсутствие этих границ между текстовым и внетекстовым, реальным и вымышленным, автором и героями.

А. Битов затрагивает и раскрывает в своем творчестве экзистенциальную проблему: будучи внутри чего-то, мы не можем увидеть, внутри чего находимся. Можно увидеть себя в зеркале, но зеркало искажает отражение, как и текст искажает жизнь. Обратную сторону вещей можно увидеть, покинув предел человеческого. Жизнь, по А. Битову, — это вечный поиск утраченного, и только утратив что-либо, человек может понять, что именно это было. В течение жизни он безнадёжно ищет утраченную симметрию [Битов, 2008], и текст в этом плане дополняет жизнь через отражение в нём несимметричного предмета. Достичь симметрии можно, только совместив жизнь с преобразующим жизнь текстом.

Размышления о творчестве и роли художника присутствуют в рассказе «Автобус», повести «Жизнь в ветреную погоду», в «Уроках Армении» и в «Грузинском альбоме». Тема творческого человека в рассказах и путешествиях А. Битова теснейшим образом связана с самоопределением писателя. Герой Битова очень часто оказывается творческим человеком, либо, наряду с выдуманным персонажем, в повесть или роман вводится образ остроумного рассказчика, успевающего не только описывать злоключения своего героя, но и выступать в качестве литературного критика, анализируя творимый текст. Главный герой А. Битова является рефлексирующим созерцателем.

Соотношение собственного «я», автора в своих произведениях и себя как интервьюируемого Битов определяет так: «Когда я говорю “я” — это автор. Не надо путать автора с “я”. Автор — это не я, а я — это не автор. В этой книге ничего не придумано, кроме автора… Пишу не я, который с Вами разговаривает. Да и я, который с Вами разговаривает, это не я — это уже полуписьменное состояние» (из интервью). В этом автопризнании отчетливо выражено понимание позиции «трансгредиентности» (М. Бахтин) автора к своему герою, а также писателя по отношению к категории «автор». «Автобиографическим» текст А. Битова лишь кажется, на самом деле в нем выявляются диалогические отношения автора и героя.

4. Путешествие вглубь прошлого и настоящего

Творческий путь писателя — это его эволюция. Эволюцию А. Битова можно определить как движение от препарирования мироощущения отдельного индивида к проблеме понимания сложных межличностных отношений в обществе. Углубление психологизма в повествовании в «Книге путешествий» выражается и в том, что оно ведётся в двух временных аспектах — настоящем и прошедшем. Это связано с тем, что меняется позиция повествователя: она то синхронна с изображаемым, то ретроспективна.

В «Пушкинском доме» образ молодого героя, находящегося в поисках себя в жизни, сближает прозу А. Битова с исповедальными тенденциями «оттепели». Образ «негероического» героя, духовно слабого и запутавшегося в потоке жизни, не находящего выхода, но не утерявшего представление о некоем возвышенном идеале, сближает это произведение с литературой эпохи застоя. Героя А. Битова не устраивает симулятивная реальность, он стремится освободиться от ложных, мнимых или навязанных извне представлений, достичь гармонии и подлинности, выраженных в образе Пушкина и его творениях, являющихся своеобразным ориентиром как для лирического героя, так и для автора.

В «Оглашенных» повествование ведется от первого лица. В попытке понять себя повествователь вводит две позиции: его личность делится на «я» и «он». Это можно назвать постмодернистским игровым приемом, суть которого заключается в том, что повествователь, находясь, как и герои, в человеческой, несовершенной системе координат, больше не является воплощением того «феномена», который можно было бы противопоставить слабому и заблуждающемуся герою.

Битов сосредоточился на внутреннем мире ничем не примечательного интеллигента из толпы (ни «бездельник», ни Одоевцев, ни Монахов никакими выдающимися качествами не обладали), но обнаружил в таком типе человека неограниченный духовный потенциал. Его герои склонны к бесконечному процессу самопознания и пространным рассуждениям по поводу самых обыденных переживаний: недовольство скучной работой; подозрение в супружеской неверности; несчастная любовь; бессмысленность ежедневных занятий.

Один и тот же узнаваемый герой позволяет автору связывать произведения, разные по времени написания, в циклы («Молодой Одоевцев, герой романа», «Улетающий Монахов») или в книги для демонстрации изменений, которые происходят или не происходят с персонажем. Так, например, Алексей Монахов показан на разных этапах взросления (отрочество — молодость — зрелость), причем в каждой новой части романа-пунктира он

становится все более циничен и черств. В противоположность ему главный герой «Колеса», «Уроков Армении», «Путешествия к другу детства», «Грузинского альбома» остается все тем же рефлексирующим путешественником, живо интересующимся чужими судьбами и страдающим от собственного несовершенства.

Особый случай представляет собой роман «Пушкинский дом», который в литературоведении привычно фигурирует как образец постмодернистского романа, текст которого имеет ярко выраженный интертекстуальный характер, а сюжет наполнен диалогическими перекличками. Однако, рассмотренный в контексте заявленной темы — семантического комплекса путешествия, — роман предстает в ином обличье — как пример метафизического движения сквозь русскую литературу (культуру).

Тема литературы органически вплетается в повествование о мировой культуре, и для писателя географическое пространство содержит в себе «маркеры» культуры, те «точки» на карте, которые становятся средоточием важнейших событий национальной жизни. Среди прочих — это места, связанные с жизнью и смертью великих поэтов. В этом отношении повесть «Грузинский альбом» продолжает тему культуры, или образа культуры, намеченную и раскрытую в написанном ранее романе «Пушкинский дом». «Роман-музей» — так охарактеризовали литературоведы жанровую специфику романа, добавим — «роман-музей русского культурного развития». В «Грузинском альбоме» А. Битов продолжает решать вопрос о «путешествии» русской культуры сквозь пространство русской истории, об отражении истории русской литературы в различных артефактах. Так, в главе «Могила поэта», продолжающей традиционную для А. Битова тему Пушкина, автор ставит вопрос: «Где правильнее похоронить поэта: где он родился? Где он писал? Где он погиб?» [Битов, 2013, с. 462]. География литературы теснейшим образом сопрягается с ее пространством, физическим и духовным.

В «Грузинском альбоме», возможно, под влиянием темы «Кавказ и русская литература», особенно очевидным становится «литературоцентризм» А. Битова. Для разговора о литературе он выбирает необычные способы и формы. Так, А. Битов создает своеобразный экзаменационный опросник, где в игровой форме рисует портрет писателя по наиболее известным, «прецедентным точкам» его биографии. Складывается ощущение, что находишься на экзамене по литературе. «…Родился на Украине. Жил в Петербурге и Италии. Не был женат. Путешествовал по Иерусалиму. Получил письмо от Белинского. Просил не хоронить. Перехоронен» [Битов, 2013, с. 462]. Дальше, сразу после этих строк, создается портрет другого персонажа (писателя) русской литературы: «…Родился в Таганроге. По образованию врач. Жил

в Москве, в Мелихово, в Ялте. Путешествовал на Сахалин. Умер в Германии. Похоронен на Новодевичьем…» [Там же, с. 462]. Имена писателей не указаны, специально оставлены многоточия в начале предложений. То, что речь идет о Н. В. Гоголе и А. П. Чехове, понятно всем, кто знаком с русской и мировой классикой. Подобный «экзамен» — яркий пример игровой коммуникации автора и читателя, устное испытание, где читатель выступает в роли «школьника-студента», а автор — в качестве учителя. А. Битов и на самом деле учитель, но не только в литературе, он учитель жизни.

«Траектория» преодоления пространства включает, по А. Битову, два главных символических образа, два «знака» в линии человеческой жизни — Дом и Дорогу. Так, размышляя о Л. Н. Толстом, писатель отмечает: «Но где же тогда дом, …когда же поэт в нем жил? Он в нем или родился, или умер. Приезжал в гости. Один Лев Толстой… да и тот, в конце концов, не выдержал и умер в дороге... Нет никакого дома — одна дорога. Путь. И… начало пути, место рождения…» [Битов, 2013, с. 463].

Единство сиюминутного и вечного — постоянное мироощущение А. Битова. И в этом своем отношении к жизни Битов ощущает родство с русскими классиками, привнося тем самым в классические формулы новую жизнь. В качестве примера можно привести глубокую связь А. Битова с А. П. Чеховым, с которым он нередко ведет незримый диалог. Герой-рассказчик откровенно говорит нам о своем чувстве уважения и симпатии к А. П. Чехову: «… я симпатизирую Антону Павловичу во всю меру своего знания и понимания...» [Битов, 2013, с. 458]. А. Битова роднит с А. П. Чеховым ощущение исторической памяти, уходящей в глубину веков.

В путешествиях битовский человек, — пишет М. Эпштейн, — как бы заново открывает для себя мир детства, странный, впервые возникший, чистый от опыта. Чужая страна учит познавать отличия, «единичности» как в пространстве, так и во времени. Для лирического героя А. Битова города и реки, слова и понятия оказываются разными, не только такими, с которыми он свыкся у себя на родине. Каждый миг в незнакомом месте начинаешь ощущать как неповторимый. «“Сейчас — я — здесь” — время, личность и пространство сомкнуты единожды и нерасторжимо» [Эпштейн, 1978, с. 276].

Немаловажным представляется вопрос о «поколенческой идентичности» писателя. Творчество А. Битова нельзя отнести ни к одному из течений и направлений в современной русской литературе, разве что включить его в традицию создания «петербургского текста» благодаря «Пушкинскому дому». Трудно «привязать» его к поколенческим поискам «шестидесятников» или «сорокалетних». Литературовед Наталья Борисовна Иванова следующим образом характеризовала «самодостаточность» писателя: «Сам

по себе. Наособицу. В стороне. И — *сам себе*: поколение. Сам себе — направление» [Иванова, 1988, с. 167]. Она также отмечает в нём трезвость ученого и страсть дилетанта: «Дилетантизм Битова так же принципиален, как и постоянная работа его сознания. Скорее даже не дилетантизм, а тяга ко всему еще неизведанному, неопробованному, не открытому — для себя лично. Не столько дилетант — простодушный неофит. Но: дилетант (или неофит), способный к ускоренному обучению и благодарному восприятию» [Там же, с. 168].

Исследование (и создание) семантического комплекса путешествия у Битова сопровождается творческими (теоретическими) находками. Так, Битов вольно или невольно оказался новатором в воплощении идей «остранения» В. Шкловского и «вненаходимости» М. Бахтина. Новаторский прием был реализован практически во всех текстах Битова. В романе «Пушкинский дом» автор обращается к бахтинской идее вненаходимости, усматривая «двойной вектор»: культура есть освоение прошлого с позиций настоящего, и наоборот — настоящего с позиции прошлого. Именно этой полноты двойного постижения так и не смог освоить главный герой романа, но хорошо понял его дед, наследник другого пласта пространства русской культуры — золотого и серебряного века.

5. Заключение

В заключении можно сказать, что благодаря повестям утверждается и жанр путешествия, травелога, призванного не только осваивать новые пределы в географическом смысле, но и раздвигать горизонты духовного пространства, вовлекающего в себя пространство культуры, внутренний мир человека-творца, разширяющего свои временные исторические границы. Путешествие становится фактором создания такого пространства и одновременно формой постижения вглубь его природы.

Особое значение на последнем отрезке линии творческой судьбы писателя приобретает фактор Литературы. Для Битова она является не только суммой произведений великих авторов. Литература становится самой историей и фактором существования человека в истории. Литература — это образ жизни и само Знание о себе и о мире. Это один из видов постижения мира. В композиционном смысле литература является связующим звеном в архитектурном целом битовского образа мира. В центре Пространства русской культуры стоит Пушкин, олицетворяющий нравственный и эстетический идеал, служащий ориентиром духовности и человечности, эталоном эстетическим и даже объектом религиозного почитания. Пушкин — родоначальник Петербургского текста, в который свой вклад внес и

Битов как общей своей приверженностью к теме, так и «самым петербургским» своим романом «Пушкинский дом».

Творчество писателя становится единым художественным целым за счет жанрового синтеза. Постепенно нарастает осознание того факта, что все произведения писателя соединяются в единый текст, эстетически целостный, но одновременно открытый и не имеющий четких границ. Этот текст создается всю жизнь и никогда не завершается. Так возникает «гиперциклическое», или даже «гипертекстуальное», единство — Империя в четырех измерениях, здесь в циклической гармонии соседствуют тексты разных жанров — от художественной прозы до публицистики и литературной эссеистики. Все вместе они образуют своеобразный метатекст семантического комплекса путешествия. Приверженность Битова к цикличности и к традиции проявляется и в том, что он внес свой вклад в оформление культурного петербургского текста как части национальной культурой памяти.

Формирование образа мира у Битова немыслимо без участия героя — человека творчества, не мыслящего своей жизни без возможности свободного самовыражения. Писатель создает образ повествователя-путешественника, для которого его друзья-творцы являются отражением своего собственного мировоззрения, альтер-эго художника. Возникает своеобразный коллективный портрет нового свободного человека, с самим автором в центре изображения, нового человека — творца нового пространства культуры. Так осуществляется процесс поиска авторской идентичности в контексте поиска идентичного героя. По А. Битову, творчество в самом широком смысле раскрывается как воплощение свободы, а нравственно-этическим и эстетическим идеалом выступает личность и творчество А. С. Пушкина. В структуре семантического комплекса путешествия вычленяются географическое пространство, пространство культуры как воплощения времени и пространство внутреннего мира человека. Эти параметры создают перекрестную систему координат.

Источники и принятые сокращения

1. *Битов А. Г.* Путешествие из России / А. Г. Битов. — Москва : Астрель, 2013. — 505 с.

2. *Битов А. Г.* Битва / А. Г. Битов. — Москва : Arsis Books, 2009. — 120 с.

3. *Битов А. Г.* Преподаватель Симметрии / А. Г. Битов. — Москва : Фортуна Эл, 2008. — 408 с.

4. *Битов А. Г.* Я принадлежу к самому темному поколению [Электронный ресурс] / А. Г. Битов // Wlna.info. — Режим доступа : https://wlna.info/ukraine/34682-pisatel-andrey-bitov-ya-prinadlezhu-k-samomu-temnomu-pokoleniyu.html (дата обращения 20.09.2020).

5. БРЭ — *(Большая российская энциклопедия).* Русские писатели 20 века : биограф. словарь / гл. ред. П. А. Николаев. — Москва : Большая Рос. энцикл. : Рандеву-АМ, 2000. — 808 с.

Литература

1. *Генис А. А.* Пейзаж зазеркалья : Андрей Битов / А. А. Генис. — В книге : Генис А. А. Иван Петрович умер : статьи и расследования / А. А. Генис. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — С. 39—43. — ISBN 5-86793-077-7.

2. *Гурьянова М. А.* Жанровые процессы в прозе А. Г. Битова: 1960—1970-е годы : диссертация … кандидата филологических наук / М. А. Гурьянова. — Екатеринбург, 2009. — 202 с.

3. *Золотусский И.* Познание настоящего / И. Золотусский // Вопросы литературы. — 1975. — № 10. — С. 3—37.

4. *Иванова Н. Б.* Точка зрения : о прозе последних лет / Н. Б. Иванова. — Москва : Советский писатель, 1988. — 424 с. — ISBN: 5-265-00459-9.

5. *Плоткин Л.* Размышления в пути [Электронный ресурс] / Л. Плоткин // Международный культурный портал Эксперимент. — 2017. — Режим доступа : https://md-eksperiment.org/post/20170613-razmyshleniya-v-puti (дата обращения 09.10.2020).

6. *Шевченко Л. И.* Фундаментально — о Битове : рецензия на монографию Т. Дудек-Листван «Андрей Битов — человек, труд, мысль» / Л. И. Шевченко. — С. 1—7. — Режим доступа : http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/31021/30-Shevchenko.pdf?sequence=1.

7. *Шуваева-Петросян Е.* Андрей Битов и Армения : рождение путешественника и жанра путешествия [Электронный ресурс] / Е. Шуваева-Петросян // Армянский музей Москвы и культуры наций. — 2018. — 4 декабря. — Режим доступа : https://www.arm-museum.ru/news-blog/abitov (дата обращения 30.11.2020).

8. *Эпштейн М. Н.* Время самопознания (рец. на изд.: Андрей Битов, Семь путешествий, Л., 1976; его же, Дни человека. Повести, М., 1976) / М. Н. Эпштейн // Дружба народов. — 1978. — № 8. — С. 276—280.

9. *Якунина И. А.* Повествовательная идентичность в прозе Битова 1960-х — 1970-х гг. : автореферат диссертации … кандидата педагогических наук / И. А. Якунина. — Магнитогорск, 2009. — 19 с.

Semantic Complex of Travel in Work of A. G. Bitov

© **Elrashid Ali Mohammed Adam (2021),** orcid.org/0000-0003-2058-2901, Postgraduate student, assistant, Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia), mody.adams@mail.ru.
© **Alexander G. Kovalenko (2021),** orcid.org/0000-0002-6747-285X, ResearcherID Y-2821-2018, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia), ak-taurus@mail.ru.

The semantic complex of travel in the work of Andrey Bitov is analyzed. It has been proven that the range of the writer's travelers is very wide; they correlate with each other. The authors state that, in a broad sense, A. Bitov's literary travels add up to an extensive travel catalogue, which presents all kinds of embodiment of artistic space and time. In addition, the writer's work is viewed as the embodiment of the vector of movement in the "space

of freedom", as the space of "longing for culture." Particular attention is paid to a cycle of stories about the Soviet republics, where important tools for the writer to create the image of the Empire — the reflective and questioning author (Socratic dialogue) were found. The question about the popsition of exclusion (M. Bakhtin) and defamiliarisation (V. Shklovsky) is raised. The novelty of the study is seen in the fact that travel stories have become at the same time a defamiliarized narrative about Russia. The conclusion is made that the semantic complex of travel in the work of A. Bitov connects the geographical (physical) and spiritual (metaphysical) spaces, that is, the external objective world and the internal spiritual and intellectual space.

Key words: travel genre; travelogue; A. Bitov; Armenia; Georgia.

Material resources

Bitov, A. G. (2008). *Prepodavatel Simmetrii* [Symmetry teacher]. Moskva: Fortuna El. 408 p. (In Russ.).

Bitov, A. G. (2009). *Bitva* [Battle]. Moskva: Arsis Books. 120 p. (In Russ.).

Bitov, A. G. (2012). Ya prinadlezhu k samomu temnomu pokoleniyu [I belong to the darkest generation]. In: *Wlna.info*. Available at: https://wlna.info/ukraine/34682-pisatel-andrey-bitov-ya-prinadlezhu-k-samomu-temnomu-pokoleniyu.html (accessed 20.09.2020). (In Russ.).

Bitov, A. G. (2013). *Puteshestvie iz Rossii* [Travel from Russia]. Moskva: Astrel. 505 p. (In Russ.).

BRE — *Russkie pisateli 20 veka: biograf. slovar'* [Russian writers of the 20th century: biographer. dictionary]. (2000). Moskva: Bolshaya Ros. entsikl.: Randevu-AM. 808 p. (In Russ.).

References

Epshteyn, M. N. (1978). Vremya samopoznaniya (rets. na izd.: Andrey Bitov, 7 puteshestviy, L., 1976; ego zhe, Dni cheloveka. Povesti, M., 1976) [The time of self-knowledge (rev. On the edition: Andrey Bitov, Seven travels, L., 1976; his own, Days of a Man. Tale, M., 1976)]. *Druzhba narodov* [Friendship of Peoples], *8:* 276—278.

Genis, A. A. (1999). Peyzazh zazerkaliya: Andrey Bitov [The landscape through the looking glass: Andrey Bitov]. In: Genis, A. A. *Ivan Petrovich umer: statyi i rassledovaniya* [Ivan Petrovich died: articles and investigations]. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie. 39—43. ISBN 5-86793-077-7. (In Russ.).

Guryanova, M. A. (2009). *Zhanrovyye protsessy v proze A. G. Bitova: 1960—1970-e gody: PhD Diss.* [Genre processes in A. G. Bytov's prose: 1960—1970s: PhD Diss.]. Ekaterinburg. 202 p. (In Russ.).

Ivanova, N. B. (1988). *Tochka zreniya: o proze poslednikh let* [Point of view: on the prose of recent years]. Moskva: Sovetskiy pisatel. 424 p. ISBN: 5-265-00459-9. (In Russ.).

Plotkin, L. (2017). Razmyshleniya v puti [Meditations on the way]. In: *Mezhdunarodnyy kulturnyy portal Eksperiment* [International Cultural Portal Experiment]. Available at: https://md-eksperiment.org/post/20170613-razmyshleniya-v-puti (accessed 09.10.2020). (In Russ.).

Shevchenko, L. I. *Fundamentalno — o Bitove: retsenziya na monografiyu T. Dudek-List-van «Andrey Bitov — chelovek, trud, mysl»* [Fundamentally — about Bi-

tov: a review of the monograph of T. Dudek-Listwan “Andrey Bitov — man, work, thought”]. 1—7. Available at: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/31021/30-Shevchenko.pdf?sequence=1. (In Russ.).

Shuvaeva-Petrosyan, E. (2018). Andrey Bitov i Armeniya: rozhdenie puteshestvennika i zhanra puteshestviya [Andrey Bitov and Armenia: births of a traveler and travel genre]. In: *Armyanskiy muzey Moskvy I kultury natsiy* [Armenian Museum of Moscow and the Culture of Nations]. 4 dekabrya. Available at: https://www.armmuseum.ru/news-blog/abitov (accessed 30.11.2020). (In Russ.).

Yakunina, I. A. (2009). *Povestvovatelnaya identichnost’ v proze Bitova 1960-kh — 1970-kh gg.: author’s abstract of PhD Diss.* [Narrative Identity in Bytov’s Prose of the 1960s — 1970s. Author’s abstract of PhD Diss.]. Magnitogorsk. 19 p. (In Russ.).

Zolotusskiy, I. (1975). Poznanie nastoyashchego [Knowledge of the present]. *Voprosy literatury* [Literature issues], *10:* 3—37. (In Russ.).

Сейбель Н. Э. Ритуальные функции волос Сунь У-куна в романе У Чэн-Эня «Путешествие на Запад» / Н. Э. Сейбель // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 218—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-218-230.

Seibel, N. E. (2021). Ritual Functions of Sun Wukong's Hair in Wu Cheng-en's novel "Journey to the West". *Nauchnyi dialog, 2:* 218-230. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-218-230. (In Russ.).

УДК 821.581
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-218-230

Ритуальные функции волос Сунь У-куна в романе У Чэн-Эня «Путешествие на Запад»

© Сейбель Наталия Эдуардовна (2021), orcid.org/0000-0002-6840-8286, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (Челябинск, Россия), seibel_ne@mail.ru.

Представлены результаты мотивного анализа романа У Чэн-Эня «Путешествие на Запад». Изучаются мифологические смыслы отдельных предметно-вещественных образов. Рассматривается набор описанных в романе ритуальных действий, связанных с волосами: вырывание шерсти, чтение заклинания, оборот вокруг себя. В качестве исходной принимается идея разнообразия ритуальных функций волос, наделенных во многих мифологических системах мистическими свойствами, они включаются в танатальный, карнавальный и другие контексты. Доказано, что все связанные с волосами ритуалы в романе соединяют архетипические смыслы избранничества, инициации, карнавального шутовства и духовного становления. Предлагается типология ритуальных функций волос и связанных с ними чудес. Первый из выделенных типов метаморфоз осуществляется через манипуляции, которые Сунь У-Кун осваивает в обучении у мудрецов: это создание копии предмета или существа, при помощи которых герой избегает опасности. Второй объект типологии — подарок бодхисатвой Гуаньинь, требующий от героя определенной внутренней работы — выбора, торга, создания нового объекта без готового образца. Выявляется мотив божественного руководства процессом становления героя.

Ключевые слова: архетип; превращение; ритуал; китайский роман; У Чэн-Энь; ритуальные действия с волосами.

1. Роман У Чэн-Эня как ритуальный текст о становлении души

Один из важнейших текстов китайской литературы — роман У Чэн-Эня «Путешествие на Запад» (Xīyóujì — 西游记, 1590) — адресует читателя к двум историческим контекстам: во-первых, в Танскую эпоху монах Сюань-цзан отправился в семнадцатилетнее паломничество (629—645) на Запад, в Индию, за священными текстами, призванными устранить разночтения в китайских буддистских книгах и утвердить веру и истину, во-

вторых, в эпоху расцвета Минской династии создан роман, акцентирующий злободневные проблемы нового времени — идею мирного равновесия трех религий, а также воли императора как первопричины и главного двигателя сюжета. Написанный байхуа, обильно снабженный юмором, вставными историями и сказками, с героями, воплощающими лучшие образцы свободы и верности, роман не только стал инвариантом жанра фантастического путешествия, но и оказался в числе книг, формирующих культурный код Китая.

Активно смешивая демонов разных культов, заставляя героев обращаться то к даосским, то к буддийским божествам, автор, однако, не только утверждает связь религий, но и показывает специфику религиозной концепции мира и человека в каждой из них. Серьезная религиозная полемика собранных по приказу императора мудрецов разворачивается в завязке романа, когда, посвятив читателя в судьбы и нравы главных действующих лиц, автор сообщает о причине и побудительных мотивах начала путешествия. В диспут вступают конфуцианцы: «Добродетель заключается в служении своему государству и своим родственникам» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 223] — и буддисты: «Учение Будды <…> сеет добро и борется со злом, тем самым способствуя укреплению государства» [Там же, т. 1, с. 223]. Затем споры возобновляются на разных поворотах пути, в особенности при посещении путниками даосских монастырей, где часто сопоставляются даосские представления о мире как данности: «Истину <…> познал без особого труда, и он может теперь быть вечным, как небо», и буддистские — о труде, пути и испытании: «Нам, чтобы воспитать в себе духовные силы, укрепить энергию и научиться обуздывать свои страсти, нужно потратить уйму сил и времени» [Там же, т. 2, с. 6].

Примирительное решение («нет ничего выше, чем три религии. Эти религии нельзя ни уничтожить, ни забыть» [Там же, т. 1 с. 223]) выносит прошедший по загробному миру император, перенесенный в «качественно иное моральное состояние» [Никольская, 1984, с. 118], видевший в своем сне действие Высшего закона и Высшей справедливости. Заслуга обретения Китаем священных текстов в романе прямо связывается с прославлением «Великого Пути императорского правления» [Малявин, 2008, с. 404], что особенно важно, поскольку «в своей внутренней политике <…> (представители династии Мин. — *Н. С.*) всячески подчеркивали свою роль восприемников и хранителей почти двухтысячелетней политической мудрости китайской империи» [Там же, с. 21].

Вмешательство бодхисатвы Гуаньинь, обещающей: «Это учение может избавить от всяких невзгод и предотвратить всевозможные бедствия» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 238], — окончательно решает вопрос в пользу

путешествия за учением. Таким образом, путь, в который отправляются герои, изначально есть путь просветления и избранничества.

В дорогу монаху и его спутникам даны три подарка бодхисатвы: чудесная ряса, волшебный обруч и волоски, спасающие от опасностей. Сдерживающая сила обруча и вырывание волос с целью превращения, защиты, введения в заблуждение соперника и так далее становятся далее — на протяжении всего пути — едва ли не самыми частотными мотивами. Их рассмотрение — не просто возможность показать смысл отдельных действий, предметов и веществ в романе У Чэн-Эня, но путь к пониманию глубинных смыслов «Путешествия на Запад». Шерсть Сунь У-Куна и манипуляции с ней отражают древнейшие представления о частях тела как самостоятельных элементах в общей картине мира, волосы героев и обрезание их — ритуалы, имеющие религиозный смысл.

Цель данной статьи — рассмотреть ритуальные функции волос Сунь У-куна и других персонажей романа, а также проследить, как частный мифопоэтический мотив превращения волос в другие вещества, существа и предметы связан в романе с идеями становления и испытания личности.

Литература, исследующая «Путешествие на Запад» У Чэн-Эня, достаточно обширна. Не имея задачи сделать в рамках статьи системный целостный обзор источников, сошлемся на некоторые труды. Так, в большой статье «Религиозные интерпретации романа У Чэн-Эня “Путешествие на запад”» Э. А. Саракаевой автор обращается к существующим прочтениям романа, «ни одно из которых, включая самые экзотические, не может быть проигнорировано», соглашаясь в целом, что роман У Чэн-Эня — «это история о душе, которая ищет истину и спасение» [Sarakaeva, 2019, p. 225]. Другой пример — исследование А. Г. Сторожук, дающее богатую почву для разговора о культурной и литературной традиции, с которой связан образ Сунь У-куна. Рассматривая различные концепции «обезьяньей символики», автор, однако, делает обоснованный вывод о том, что «появление многочисленных и сюжетно богатых историй о необыкновенных обезьянах приходится в Китае на время пышного расцвета буддизма» [Сторожук, 2015, с. 212].

Для данного исследования особое значение имеют труды С. В. Никольской, связанные с мотивной системой романа [Никольская, 1984] и его композицией [Никольская, 1979]. Она рассматривает мотив перерождения и познания сущего, мотив пути как испытания человека и мотив столкновения разума (Сунь У-кун) и чувства (Чжу Ба-цзе) в качестве формирующих идеологию романа У Чэн-Эня. Учитываются труды А. П. Рогачева — переводчика и, безусловно, авторитетного исследователя текста, для которого важны демократическая идея, фольклорные традиции и образы народных героев,

в частности Сунь У-куна [Рогачев, 1959, с. 12]. Немаловажной также является книга В. И. Семанова, изучавшего более позднюю литературу, но активно обращавшегося к роману У Чэн-Эня как одному из первоистоков [Семанов, 1970] не просто жанровой традиции, но и отдельных образов и мотивов.

2. Место образа волос в структуре романа

Основу исследования, представленного в данной статье, составляет мифопоэтический анализ с опорой на труды Е. М. Мелетинского и В. Я. Проппа, а также мотивный анализ, учитывающий теоретические концепции И. В. Силантьева и Б. В. Томашевского.

Опираясь на «богатейший устный и письменный материал» [Воскресенский, 2006, с. 100], У Чэн-Энь создает фантастический роман странствия, где персонажи «попадают <…> в необычайные края и страны, многие названия которых взяты из китайской мифологии, отраженной в “Шань хай цзине”» [Воскресенский, 2006, с. 100]. Внимательный читатель, опираясь на географические наименования и описания, данные в романе, вполне может составить карту странствия пяти героев (Сюань-цзана, Сунь У-Куна, Чжу Ба-цзе, Ша-сэна и белого коня-дракона). Они проходят 81 испытание и обретают священные тексты, дарующие просветление и процветание.

Композиционно роман распадается на две больших части, в первой из которых события связаны причинно-следственной связью, во второй — сюжет строится по принципу «нанизывания» эпизодов [Хализев, 2004, с. 238] в хронологической последовательности.

Уточняя существующие в исследовательской литературе трактовки композиции, исходящие из того, что роман состоит из описания рождения и проделок Сунь У-куна (1—7 глава), решения о начале путешествия (8—12 главы) и собственно пути (13—100 главы) [Hu Shih, 1970, p. 1—5], отнесем к вступительной части также главы 13—22, в которых происходит собирание спутников. В главе 14 к Сюань-цзану присоединяется Сунь У-кун, в главе 15 —белый конь — дракон реки, в главах 18—19 — Чжу Бацзе и, наконец, Ша-сэн в главах 21—22. Становится понятно, что все предшествовавшие события, начиная с круговорота эпох, описанного в первой главе и до заключения грешников в чужие тела в ожидании прихода странствующего монаха, связаны. Они не случайны, а представляют собой развертывание «единого действия, <…> которое правомерно назвать концентрическим или центростремительным» [Хализев, 2004, с. 242]. Каждому из заявленных во вступительной части персонажей уготована важная роль в круговращении времен, смене хаоса и космоса: «Пятьсот лет тому назад я обманул небо и учинил там дебош. За это Будда заточил меня

в ящик <…> С тех пор я дни и ночи с нетерпением жду вашего прихода в надежде, что вы освободите меня. Я буду охранять вас во время вашего пути и стану вашим верным учеником» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 261]. Герои подготовлены к выполнению своего предназначения чередой событий и перерождений, ошибок и прощений, а само путешествие за священными текстами вписано в цепь времен.

Странствия и приключения последующих глав (23—100), напротив, соединены кумулятивно: они составляют «хроникальный и многолинейный сюжет, рисуют событийные *панорамы*» [Хализев, 2004, с. 242].

Сочетание кумулятивного и циклического принципов организует хронику, активно включающую в себя как специфические, так и «повторяющиеся» сюжетные элементы. Примером одного из частотных для китайской литературы сюжетов является исправление записанных в книгах жизни цифр (в данном случае — 13 год правления Тай-цзуна исправлен на 33), он есть и в «Троецарствии» Ло Гуаньчжуна, и в «Записках в поисках духов» Гань Бао.

Уже в силу кумулятивности и хроникальности в романе множество «бродячих» сюжетов, типологически сходных и обнаруживающихся в различных древних культурах: «мотив — спасение младенца от избиения “царем” <…> характерный для биографий пророков и спасителей» [Мелетинский, 1994, с. 31] (Сюань-цзан и Эдип), странствия по загробному миру (Тай-цзун в царстве теней и Орфей, Одиссей и др.), награды от богов за благочестие, любовь и преданность (Лю Цзюань и Ли Цуй-лянь — Филимон и Бавкида).

3. Серьезное и смешное в ритуале отречения

Один из архаических мотивов, общих для различных культур, — мотив вырывания и остригания волос как знака разрыва с прошлым, начала новой жизни. «Практику срезания волос можно назвать международным явлением вплоть до наших дней <…> Прядь волос срезают при крещении, при посвящении в духовный сан, при пострижении в монахи. Во всех этих случаях мы имеем вступление в новое объединение <…> своего рода “посвящение”, и связь его с инициацией несомненна» [Пропп, 1998, с. 380]. В романе У Чэн-Эня прямое описание обряда «постига» дается только при обращении тех героев, кто воплощает покой, волю и порядок. Например, присоединившийся к путникам Ша-сэн, остающийся на протяжении всего пути воплощением равновесия, умиротворения и в конце достигающий Нирваны, проходит такое посвящение, когда признает Сюань-цзана учителем и вождем: «Разве я осмелюсь не покориться вам… — Ну в таком случае, Сунь У-кун, возьми священный нож и остриги ему волосы, приказал Сюань-цзан <…> пожаловал ему монашеское имя Ша-сэн» [У Чэн-

Энь, 1959, т. 1, с. 398]. Герои, сохраняющие бунтарский дух, воплощающие могущественные, но неуправляемые силы, такие как Сунь У-кун и Ба-цзе, начинают странствие с принципиально иных ритуалов. В частности, Ба-цзе, уходя от мира, как и персонажи «Речных заводей» [Ши Най-аня, сжигает свое жилье: «Неси огонь, — приказал Сунь У-кун, — и спали свое жилье, тогда я отведу тебя к своему учителю» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 348].

Волосы — воплощение памяти, прошлых заблуждений и грехов, отвергнутой суетности, кроме того, они — жертва. Схожи ритуальные функции волос и крови (в том, и в другом случае часть приносится в жертву вместо целого), которую Сунь У-кун получает, например, «прикусив язык» [У Чэн-Энь, 1959, т. 2, с. 356]. Отказ от волос сопровождается смирением, обретением скромности, даже некоторой беспомощности как знака святости. Сюань-цзан — яркий тому пример: танский монах смущается почестей, сторонится конфликтов, верит в добрый нрав всех персонажей, кроме собственных спутников. В контексте поиска буддистских священных книг волосок наделяется символическим смыслом. Он воплощает единство мира и всеобщность истины. Он — мера малого, способного вместить и изменить великое, знак связности всех элементов мира, значимости всего сущего: «Если б можно было растянуть <буддийское> учение словно ткань, то она обволокла бы всю вселенную, но если сжать его, то оно уместится в тончайшем волоске» [У Чэн-Энь, 1959, т. 4, с. 512]. Прошедший постриг приблизился к пониманию этой связности.

Смысл «срезанные волосы — это отринутое прошлое» актуализируется не только в буддийских обрядах, но и в некоторых озорных проделках Сунь У-куна. В частности, когда Сюань-цзан с учениками попадает в страну, где правитель поклялся убивать буддийских монахов, Сунь У-кун делает так, чтобы все жители, включая придворных, проснулись однажды остриженными. Обнаружив, что ничем не отличается от ненавистных буддистов, император прощает обиды и раскаивается в прежних преследованиях. Он забывает прошлую ненависть, и в стране наступает благоденствие и процветание.

Не менее узнаваемым является и другой ритуал — вырывания волос в знак горя, отчаяния, оплакивания. Так, изгнанный Сунь У-кун, прежде чем проститься с Учителем, «выдернул из головы три волоска, подул на них волшебным дыханием…

Перед учителем в слезах
Он положил поклон,
Беречь учителя в пути
Ша-сэна просит он.

И на лужайке истоптал
В отчаянье траву,
На землю глядя, средь лиан,
Он преклонил главу» [У Чэн-Энь, 1959, т. 2, с. 34].

По сути, вырывание волос при прощании — одна из модификаций пострига, она содержит те же смыслы преодоления границы прошлого и будущего, перехода в иное состояние и иное бытие, танатальной жертвы.

4. Карнавальная маска героя-плута

Другой ритуальный контекст, в связи с которым акцентируется волосатость героев, — смеховой, карнавальный, комический. Ученики танского монаха «вносят некоторую дисгармонию в серьезный характер идеи <…> забавными похождениями» [Воскресенский, 2006, с. 101], могут быть восприняты как вариант гротескного карнавально-народного образа «низвергнутого на землю небожителя (ди сянь)» [Малявин, 2008, с. 382] и соединяют святость с игрой. Их «волосатые физиономии» [У Чэн-Энь, 1959, т. 3, с. 190] вызывают у окружающих страх, смех и недоумение. Каждый из них маркирован не только происхождением и способностями к превращениям, но и внешними характеристиками («безобразнейший Чжу Ба-цзе, высоченный Ша-сэн с черным лицом и Сунь У-кун с волосатой мордой и низким лбом» [У Чэн-Энь, 1959, т. 3, с. 333]). «Соединение культурного героя и божественного шута» [Мелетинский, 1994, с. 40] проявляется в целом наборе гротесковых характеристик этих персонажей, начиная с их зооморфизма и заканчивая неуважением к святыням. В архетипе «дурак — шут — плут» каждый из героев занимает промежуточное положение: Сунь У-кун чаще оказывается в положении плута, но иногда его проделки приближают его к шутовской ипостаси того же образа, Ба-цзе движется от «дурости» к шутовству. Шерсть Сунь У-куна и Ба-цзе — аналог шутовского колпака, выделяющего носителя из толпы и дающего ему особые права. Оба в разных ситуациях выступают то как инициаторы проделок, то как жертвы. Часто они используют вырывание и превращение волос ради шутки, насмешки, комической победы в состязании: «Чжу Ба-цзе решил подшутить над Сунь У-куном. Догадавшись о его намерениях, Сунь У-кун выдернул у себя волосок и, превратив его в свое подобие, оставил на спине Чжу Ба-цзе. Сам же он превратился в свиную вошь и крепко впился Чжу Ба-цзе в ухо. А Чжу Ба-цзе в это время нарочно споткнулся и упал, чтобы Сунь У-кун перелетел через его голову. Но тут двойник Сунь У-куна взлетел вверх и бесследно исчез» [У Чэн-Энь, 1959, т. 2, с. 407].

Озорство учеников танского монаха — их естественная природа, неизменная на протяжении всего пути. Насмешка — иногда даже жестокая — поведение, отражающее их гротескно-шутовской характер. В романе есть прямое описание «бесовского карнавала» (победу празднует дух пещеры Золотой Шишак): обильность возлияний, замысловатые танцы и обмен головами между духами. Однако маски, надетые злом, легко сорваны. Разоблачение обманщика, принявшего чужой облик, — один из важнейших мотивов китайской литературы, изобилующей зловредными оборотнями. В противоположность им шкуры органично соединяющих дурость и святость учеников Трипитаки неизменны. На протяжении всего пути они остаются верны себе, и все их превращения, переодевания и изменения заканчиваются возвратом в прежнюю ипостась. Прямота и верность своей природе, бывает, даже ставят Сунь У-куна в затруднительное положение, поскольку, несмотря на 72 превращения, которыми он владеет, «при смехе его лицо принимало первоначальный облик» [У Чэн-Энь, 1959, т. 4, с. 6].

5. Типология чудес в романе: вещетворение и вещеповторение

Бытование образа волос в романе не исчерпывается ритуальными функциями.

Сунь У-кун прибегает к двум видам превращений: первый — манипуляции со своей собственной шерстью, которым он научился у мудрецов, второй — использование трёх волшебных волосков — подарка бодхисатвы Гуаньинь. Его шерсть противопоставлена созданному на глазах читателя подарку: «Бодисатва оторвала от ивовой веточки три листочка и, положив их на затылок Сунь У-куна, крикнула: “Изменитесь!” Листочки мгновенно превратились в волшебные волоски, обладающие способностью спасать от смерти» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 286].

Вещетворение в мифологическом контексте есть работа по преображению мира, перерождению простого в сложное, полезного в божественное: «Творение вещей — хронологически последняя волна космогенеза и антропогенеза, актуально развертывающийся этап творения» [Топоров, 1995, с. 8]. Сунь У-кун из своей шерсти всегда делает копию: уменьшенную, увеличенную, умноженную. Он повторяет уже существующие предметы. Поэтому в описаниях созданных им вещей указаны только размеры и количество: он может из малого сделать большое, из одного — много и так далее. Он может превратить найденное оружие в неисчислимый арсенал, сделать по образцу волшебной тыквы-горлянки из червонного золота такую же, но в три раза больше. Созданное им не описывается с точки зрения материала, формы, цвета — оно вторично. Редкие случаи, когда Сунь У-кун меняет цвет

или иероглиф в надписи, как с золотой табличкой беса-лазутчика, специально комментируются. Высшее из его достижений — воспроизведение своей собственной копии или принятие облика духов и волшебников, которых ему нужно обмануть. Его создания хрупки и уязвимы: «Дело дрянь! — воскликнул он. — Сам-то я еще выдержу, а вот волоски мои пропадут» [У Чэн-Энь, 1959, т. 1, с. 166]. Во владении способностью повторения и превращения волос в вещества и предметы он не уникальный и не единственный. В состязании по медитации, например, один из даосов страны Чэчиго играет нечестно, используя тот же трюк: «Однако, видя, что никто не побеждает, решил прийти на помощь своему приятелю. Он выдернул у себя из затылка волосок, произнес заклинание <…> Волосок попал прямо на голову Танскому монаху и тут же превратился в клопа» [Там же, т. 2, с. 354].

Описания в романе удостаиваются либо предметы небесного происхождения, либо — творения искусства, происхождение которых также связывается с явлением или покровительством божества, как портрет бодхисатвы с плетёной корзинкой. Восхищенные и полные поэзии картины волшебных предметов, доспехов, ритуальных одежд появляются и в стихотворных частях, и в прозаических эпизодах. Их характеристика амбивалентна: они священны, но практически употребимы, они великие, но для небожителей — малые. Так, речной дух — чудовище, поймавшее Учителя, для бодхисатвы — всего лишь золотая рыба, которую можно зачерпнуть в пруду, а пять волшебных талисманов, с помощью которых духи чуть не изловили Сунь У-куна, это — бытовые предметы, украденные у бессмертных. Сделанное Великим Мудрецом, таким образом, всегда практично — сделанное богами или художниками одновременно практично и прекрасно.

Амбивалентность волшебного дара последовательно показывается в эпизодах с тремя волосками, подаренными Сунь У-куну бодхисатвой Гуаньинь. Сначала персонаж получает их в подарок, затем прибегает к ним как к залогу, предмету обмена и торга, наконец, использует их, чтобы выбраться из западни. Три эпизода, связанных с подарком бодхисатвы, образуют в романе развивающийся мотив и равномерно распределены: в начале, середине и конце текста. Во всех трех случаях подарок акцентирует для читателя хитрость героя, становится индикатором и даже провокатором для проявления смекалки. Изначально (гл. 15) волоски компенсируют Великому Мудрецу действие золотого обруча: обруч — обуздание и наказание (он сдавливает голову и причиняет боль), волоски — надежда и обещание защиты, обруч сдерживает неудержимую энергию плута и фантазера Сунь У-куна, волоски дают уверенность в благополучном исходе его проделок. В середине (гл. 42) романа бодхисатва сама активно требует

применить её подарок, однако изворотливый герой, ловко торгуясь, получает вазу с волшебным эликсиром и побеждает Духа Красного Ребенка, сохранив три волоска до худших времен. И в третьем эпизоде, оказавшись запертым в сокровищнице, хранящей женское и мужское начала природы, герой вспоминает: «Целы ли у меня те три спасительных волоска, которые я получил в подарок от бодхисатвы Гуаньинь на горе Свернувшаяся змея?» (гл. 75). Обратившись к ним, он получает разрозненные части, из которых собирает дрель и выбирается наружу — чудо не дарует ему спасения напрямую, но помогает применить разумение и выпутаться самому.

Очевидно, что превращения собственных волос Великого Мудреца и подаренные бодхисаттвой волоски работают по-разному. Первые — немедленно разрешают проблему за счет увеличения силы, вооруженности, подмены необходимого сопернику предмета или свидетеля. Вторые — требуют взвешенной оценки ситуации, своевременности обращения к ним и собственной смекалки и сноровки. Подарок не простая помощь, он выполняет воспитательные задачи. Созданный божеством дар прекрасен и одновременно поучителен — каждый раз, обращаясь к нему, герой находится уже на другой ступени духовного развития, а потому и воспринимает его иначе: от обреченности к шутке и к спасению. Важность подарка и того, как им распорядился Сунь У-кун, подчеркнута композиционным равновесием (главы: 15—42—75). В начале мы видим бунтарскую натуру великого мудреца, и только с главы 15 он сопровождает Сюань-цзана в качестве его ученика, последние 15 глав описывают приключения, в которых он не просто спасает Учителя или пытается избавиться от бед, но обращает к добру и вере жителей описываемых стран. Становление, которое проходит герой, заключено между этими частями.

6. Заключение

Таким образом, анализ показывает, что все связанные с волосами ритуалы в романе либо отражают архетипические смыслы избранничества, инициации, карнавального шутовства, либо связаны с принципиальным для текста смыслом пути как духовного становления и обретения истины. Чаще всего Сунь У-Кун прибегает к манипуляциям со своей собственной шерстью, которым научился у мудрецов, и создаёт копии предмета или существа, при помощи которых избегает опасности. Чудесные волоски, подаренные бодхисаттвой Гуаньинь, вспоминаются в романе только трижды, но каждый раз, обращаясь к ним, герой проявляет себя иначе и получает спасение и избавление благодаря не только чуду, но и собственной сноровке. Обращение к ним требует от героя определенной внутренней работы — выбора, торга, создания чего-то нового без готового образца.

Литература

1. *Воскресенский Д. Н.* Повествовательная проза на языке байхуа / Д. Н. Воскресенский // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 томах. — Москва : Восточная литература, 2006. — Т. 3. — С. 93—110. — ISBN 975-5-02-036348-9.

2. *Малявин В. В.* Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин / В. В. Малявин. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 451 с. — ISBN 978-5-235-03064-0.

3. *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — Москва : РГГУ, 1994. — 146 с. — ISBN 5-7281-0067-8.

4. *Никольская С. В.* Буддийские мотивы в романе У Чэнъэня «Путешествие на Запад» (XVI) / С. В. Никольская // Философские вопросы буддизма. — Новосибирск : Наука, 1984. — С. 114—123.

5. *Никольская С. В.* К вопросу о композиции романа Чэнъэня «Путешествие на запад» / С. В. Никольская // Проблемы восточной филологии. — Москва : Издательство Московского университета, 1979. — С. 139—146.

6. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 512 с. — ISBN 5-87604-065-7.

7. *Рогачев А. П.* У Чэн-Энь и его роман «Путешествие на Запад» / А. П. Рогачев // У Чэн-Энь. Путешествие на Запад : в 4 томах / У Чэн-Энь ; пер. В. Колоколова. — Москва : Художественная литература, 1959. — Т. 1. — С. 3—15.

8. *Семанов В. И.* Эволюция китайского романа (конец XVIII — начало XX в.) / В. И. Семанов. — Москва : Наука, 1970. — 343 с.

9. *Сторожук А. Г.* Образ обезьяны в литературе и культуре традиционного Китая / А. Г. Сторожук // Россия — Китай : история и культура : сборник статей и докладов участников VIII научно-практической конференции. — Казань : [б. и.], 2015. — С. 210—215.

10. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического : избранное / В. Н Топоров. — Москва : Прогресс — Культура. — 1995. — 624 с.

11. *У Чэн-Энь*. Путешествие на Запад : в 4 томах / У Чэн-Энь ; пер. В. Колоколова. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — Т. 1—4.

12. *Хализев В. Е.* Теория литературы. — Москва : Высшая школа, 2004. — 405 с. — ISBN 5-06-005217-6.

13. *Hu Shih*. Introduction / Hu Shih. — In: Wu Ch'eng-en. Monkey / Wu Ch'eng-en ; translated by Arthur Waley. — New York : Grove Press, 1970. — P. 1—5.

14. *Sarakaeva E. A.* Religous interretations of Wu Chengen's novel «Journey to the West» // Journal of Frontier Studies. — 2019. — No 3. — P. 195—230. — DOI:10.24411/2500-0225-2019-10025.

Ritual Functions of Sun Wukong's Hair in Wu Cheng-en's novel "Journey to the West"

© Natalia E. Seibel (2021), orcid.org/0000-0002-6840-8286, Doctor of Philology, Professor, Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education "South Ural State Humanitarian Pedagogical University" (Chelyabinsk, Russia), seibel_ne@mail.ru.

The results of the motivational analysis of Wu Cheng-en's novel "A Journey to the West" are presented, the mythological meanings of individual object-material images are studied, a set of ritual actions related to hair is considered: pulling out wool, casting a spell, turning around. The idea of a variety of ritual functions of hair, endowed with mystical properties in many mythological systems, is taken as a starting point; they are included in thanatal, carnival and other contexts. It has been proven that all rituals related to hair in the novel combine the archetypal meanings of being chosen, initiation, carnival buffoonery and spiritual formation. A typology of ritual functions of hair and associated miracles is proposed. The first of the selected types of metamorphosis is carried out through manipulations that Sun Wukong masters in training with the sages: this is the creation of a copy of an object or creature with the help of which the hero avoids danger. The second object of the typology is a gift from the Bodhisattva Guanyin, which requires a certain inner work from the hero — choice, bargaining, creating a new object without a ready-made sample. The question is raised about the divine leadership of the process of becoming a hero.

Key words: archetype; transformation; ritual; Chinese novel; Wu Cheng-en; ritual actions with hair.

References

Hu Shih (1970). Introduction. In: Wu Ch'eng-en. *Monkey*. New York: Grove Press. 1—5.

Khalizev V. E. (2004). *Teoriya literatury* [Literature theory]. Moskva: Vysshaya shkola: 405 p. ISBN 5-06-005217-6. (In Russ.).

Malyavin, V. V. (2008). *Povsednevnaya zhizn' Kitaya v epokhu Min* [Daily life in China during the Ming era]. Moskva: Molodaya gvardiya: 451 p. ISBN 978-5-235-03064-0. (In Russ.).

Meletinskiy, E. M. (1994). *O literaturnykh arkhetipakh* [On literary archetypes]. Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. Moskva: 146 p. ISBN 5-7281-0067-8. (In Russ.).

Nikolskaya, S. V. (1979). K voprosu o kompozitsii romana U Chenenya «Puteshestvie na zapad» [On the question of the composition of Wu Chengen's novel "Journey to the West"]. In: *Problemy vostochnoy filologii* [Problems of Eastern Philology]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 139—146. (In Russ.).

Nikolskaya, S. V. (1984). Buddiyskie motivy v romane U Chenenya «Puteshestvie na Zapad» (XVI) [Buddhist motives in Wu Chengen's novel "Journey to the West" (XVI)]. *Filosofskie voprosy buddizma* [Philosophical Issues of Buddhism]. Novosibirsk: Nauka. 114—123. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1998). *Istoricheskie korni Volshebnoy Skazki* [Historical roots of the Fairy Tale]. Moskva: Labirint. 512 p. ISBN 5-87604-065-7. (In Russ.).

Rogachev, A. P. (1959). Wu Cheng'en i ego roman «Puteshestvie na Zapad» [Wu Cheng'en and his novel "Journey to the West"]. In: Wu Cheng'en. (1959). *Puteshestvie na Zapad* [Journey to the West]: in 4 vols. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. *1*: 3—15. (In Russ.).

Sarakaeva, E. A. (2019). Religous interretations of Wu Chengen's novel "Journey to the West". *Journal of Frontier Studies*, *3*: 195—230. DOI:10.24411/2500-0225-2019-10025.

Semanov, V. I. (1970). *Evolyutsiya kitayskogo romana (konets XVIII — nachalo XX v.)* [Evolution of the Chinese novel (Late 18th — early 20th century). Moskva: Nauka: 343 p. (In Russ.).

Storozhuk, A. G. (2015). Obraz obezyany v literature i kulture traditsionnogo Kitaya [Image of a monkey in the literature and culture of traditional China]. In: *Rossiya — Kitay: istoriya i kultura* [Russia — China: history and culture]. Kazan. 210—215. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Selected works]. Moskva: Progress — Kultura. 624 p. (In Russ.).

Voskresenskiy, D. N. (2006). Povestvovatelnaya proza na yazyke baykhua [Baihua narrative prose]. In: *Dukhovnaya kultura Kitaya : entsiklopediya* [Spiritual culture of China: an encyclopedia]: in 5 volumes. Moskva: Vostochnaya literatura. *3*: 93—110. ISBN 975-5-02-036348-9. (In Russ.).

Wu Cheng'en. (1959). *Puteshestvie na Zapad* [Journey to the West]: in 4 vols. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. *1—4*. (In Russ.).

Сытина Ю. Н. О неожиданных гранях образов чиновников у Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского / Ю. Н. Сытина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 231—243. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-231-243.

Sytina, Yu. N. (2021). Unexpected Facets of Images of Officials by N. V. Gogol and V. F. Odoevsky. *Nauchnyi dialog, 2:* 231-243. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-231-243. (In Russ.).

УДК 821.161.1Гоголь.07+821.161.1Одоевский.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-231-243

О неожиданных гранях образов чиновников у Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского[1]

© Сытина Юлия Николаевна (2021), orcid.org/0000-0001-6334-4722, ResearcherID F-1769-2019, кандидат филологических наук, доцент, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (Москва, Россия), yulyasytina@yandex.ru.

Рассматриваются вопросы о многогранности образов чиновников в русской литературе 1830—1840-х годов. Представлены результаты сопоставительного анализа творчества Н. В. Гоголя и В. Ф. Одоевского. Особое внимание уделяется Поприщину из «Записок сумасшедшего» и приказному Севастьянычу из «Сказки о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем». Автор заостряет внимание на том, что герои выходят за рамки поведенческой модели, как будто бы приписываемой им их социальной ролью. Показано, что поэзия не исчезает из их существования, чиновники оказываются способны к творчеству и созданию собственных произведений. Доказывается несводимость образов чиновников только к иллюстрации социальной действительности, подчеркивается стремление к их индивидуализации, прорисовке богатого внутреннего мира. Новизна исследования видится в том, что раскрываются неожиданные грани образов чиновников у Гоголя и Одоевского в их взаимосвязи. Показана общность мировоззрений писателей, а также сходство их поэтики, проявляющееся, в частности, в том, что в художественном мире произведений о чиновниках важное место занимает фантастика.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь; В. Ф. Одоевский; образ чиновника; творчество; фантастика; интерпретации; литературные переклички.

1. К вопросу о многогранности образа чиновника в литературе николаевской эпохи

Образы чиновников, созданные Н. В. Гоголем, продолжают будоражить воображение читателей и исследователей, побуждая выдвигать все новые их интерпретации, выявлять неожиданные грани, как связанные с социальной (на первый взгляд, важнейшей) подоплекой образов, так и нет [Бочаров, 1985; Виноградов, 2018; Иваницкий, 2010; Кривонос, 2015;

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00064).

Манн, 1996; Маркович, 1989; Матонин и др., 2018]. Чиновникам из художественного мира В. Ф. Одоевского везет куда меньше, хотя и они удостаиваются внимания время от времени [Сакулин, 1913, с. 28—29, 153—168; Турьян, 1997; Сытина, 2019, с. 182—216], также оказываясь по-своему незаурядными. Чем же так необычны чиновники Гоголя и Одоевского, до того — Пушкина, а после — Достоевского (о сложности образов у двух последних писателей см.: [Есаулов, 2012; Есаулов и др., 2020])?

Размышляя над «чиновничьей» темой в литературе 1840-х годов, С. Г. Бочаров приводит слова С. П. Шевырева: литература «признала человечество в чиновнике — и с тем вместе решила, что весь русский народ должен пройти через это горнило очеловечивания...». Бочаров полностью солидаризируется с этим высказыванием и продолжает его так: «<…> чиновничья тема оказалась горнилом опыта литературы о человеке куда более широкого и всеобщего. Петербургский чиновник николаевской эпохи явился исторической формой критического испытания человеческой природы, как таковой. На короткое время чиновничья колея сделалась магистральным путем русской художественной антропологии, на вершинах прошедшим от Пушкина через Гоголя к Достоевскому» [Бочаров, 1985, с. 140]. Важным в этой линии будет и имя Одоевского, внесшего свой вклад в разработку целого ряда образов, тем и мотивов, появляющихся и у других русских писателей [Назиров, 2017; Сытина, 2021].

2. Поэтические грезы приказного Севастьяныча из «Сказки о мертвом теле…» Одоевского: «неумолкаемые гусли, да и только!»

Комментируя «Записки сумасшедшего» в собраниях сочинений, исследователи неизменно упоминают имя Одоевского [Бочаров и др., 2009, с. 477, 502, 547—548, 554—555, 634—636 и др.], в частности, его замысел «Дома Сумасшедших» [Комарович, 1938, с. 701], актуализируя тем самым связь образа Поприщина с романтической традицией, в том числе при изображении склонных к помешательству поэтических натур. Однако в гипотетический «Дом Сумасшедших» Одоевского можно было бы поместить не только его «гениальных безумцев», но и ничем на первый взгляд не примечательных чиновников. Некоторые из них при ближайшем рассмотрении оказываются не столь уж «прозаичны» и сами претендуют на «родство» с традицией живописания художников (в широком романтическом смысле). Например, герой драматического отрывка «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия» — падший дух, облекшийся в бренную оболочку тела чиновника средней руки (см. подробнее о многогранности этого образа: [Сытина, 2021]); безымянный статский советник из «Бригадира», воз-

буждавший поначалу «зависть» рассказчика полным своим равнодушием ко всему окружающему, как окажется после его смерти, заключал в себе живую душу, теперь мучительно осознающую свою вину за загубленную жизнь и зарытые в землю таланты; расчетливый и лицемерный Василий Кузьмич из «Живого мертвеца» еще при жизни оказался способным на вещие сны с пробуждением совести вследствие чтения «фантастической сказки» [Одоевский, 2007, с. 442].

Богатым — или чудаковатым — воображением обладает большинство героев Одоевского, который вообще был склонен полагать ту или иную степень сумасшествия свойством каждого человека. В. Г. Белинский так писал В. П. Боткину об этом убеждении князя: «Добрый Одоевский раз не шутя уверял меня, что нет черты, отделяющей сумасшествие от нормального состояния ума, и что ни в одном человеке нельзя быть уверенным, что он не сумасшедший» [Белинский, 1956, с. 332]. Примером тому может служить и один из первых чиновников в творчестве Одоевского — приказный Севастьяныч из «Сказки о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем» (1833), вошедшей в состав «Пестрых сказок», которые писались как раз в период тесной дружбы Одоевского с Гоголем. По замечанию В. М. Марковича, «“Пестрые сказки” часто сближали с петербургскими повестями» [Маркович, 1989, с. 16], прежде всего по характеру фантастики, построенной на «внезапных взаимопереходах реально-бытового и сверхъестественного» [Там же]. «Записки сумасшедшего» Гоголя и «сказка» Одоевского схожи по своему жанру: в обоих случаях перед нами небольшие прозаические произведения, фантастические события которых могут быть объяснены рационально (или *почти* объяснены — к этому вопросу мы еще вернемся) расстройством психики героя. Поприщин сходит с ума, а Севастьяныч выпивает штоф «домашней желудочной настойки» [Одоевский, 2007, с. 589]. Причем Одоевский эпиграфом к сказке отсылает читателей к гоголевской фантастике — к «Вечерам на хуторе»: «Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех» [Там же, с. 588]. Но читатели-то помнят, что месяц, украденный инфернальным поклонником Солохи, и впрямь «танцевал на небе», так что напрасно не верили обыватели волостному писарю. В сказке Одоевского созерцателем и участником фантастических событий будет тоже своего рода «волостной писарь» — «губернский регистратор» [Там же, с. 592] приказный Севастьяныч. Надо заметить, и чин ему Одоевский выдумает «фантастический». Севастьяныч занимает должность хотя и не столь привлекательную, но близкую той,

о которой в начале «Записок» не без зависти размышляет Поприщин — место губернского чиновника, который носит «гадкой» «франчишка» [Гоголь, 2009, с. 205], но зато имеет свой домик.

Севастьяныч, в отличие от Поприщина, совершенно доволен своей жизнью. Однако и он перерастает роль приказного, погружаясь в сладкие поэтические грезы. Этот «губернский регистратор» изначально не просто переписчик, но составитель различных бумаг, в том числе, возможно, и объявления, данного в начале «сказки», в котором весьма причудливо говорится, что найдено мертвое тело и «объявляется: не окажется ли оному телу бывших родственников или владельца оного тела; таковые благоволили бы уведомить от себя в село Морковкино-Наташино тож, где и следствие об оном, неизвестно кому принадлежащем теле производится; а если таковых не найдется, то и о том благоволили б уведомить в оное же село Морковкино» [Одоевский, 2007, с. 589].

Странность объявления ни у кого не вызывает недоумения, однако вполне соответствующей ему просьбе «владельца» мертвого тела Цвеерлея-Джона-Луи («иностранного недоросля из дворян Савелия Жалуева» [Там же, с. 594—595] — в передаче Севастьяныча) никто, кроме приказного, не поверит. Появление призрачного «владельца» тела подготовляется грезами и самолюбивыми мечтами Севастьяныча, которые питает и употребляемый им штоф. Оказывается, что приказный — потомственный хранитель ключей от законов в Реженском уезде, которые толкуются согласно доставшейся Севастьянычу по наследству от батюшки «старой замасленной тетрадке» [Там же, с. 589] — этой, как называет ее автор, Сивиллиной книге, особенность которой состоит в изменчивости некоторых начертанных «незначащих частиц, как-то: *не, а* (курсив автора. — *Ю. С.*), и проч.» [Там же, с. 590]. Как и покойный батюшка, Севастьяныч подходит к написанному в тетрадке «творчески». Размышляя о своих талантах, которые свидетельствуют и о поэтической стороне его натуры (хоть поэтической и на «приказческо»-народный лад), герой чем далее, тем более погружается в сладкие грезы: «Тут пришло Севастьянычу в голову, что он не только что в приказе, но хват на все руки: как заслушиваются его, когда он под вечерок, в веселый час, примется рассказывать о Бове Королевиче, о похождениях Ваньки Каина, о путешествии купца Коробейникова в Иерусалим, — неумолкаемые гусли, да и только!» [Там же, с. 592]. Резко прерывает эти сладостные грезы (или же служит своего рода их продолжением?) появление «владельца» мертвого тела. Во время этой загадочной встречи Севастьяныч и создаст своего рода шедевр, который затем будет пользоваться успехом многочисленных читателей: «…мертвецова просьба стала

ходить по рукам; везде ее списывали, дополняли, украшали, читали, и долго реженские старушки крестились от ужаса, ее слушая» [Там же, с. 598]. Так сквозь «духовную нищету жизни» [Сакулин, 1913, с. 26], людскую пошлость и ограниченность проступает живущее в человеке «иррациональное, “инстинктуальное” начало»: «Душа творит легенды жизни. Это так свойственно натуре человека и так необходимо ему» [Там же, с. 29].

3. «Я не стану переписывать гадких бумаг ваших!»: бунт Поприщина против поприща

Еще более многочисленных, хотя уже за рамками текста, читателей обретает и «творение» Поприщина — его «Записки сумасшедшего». В начале повествования герой Гоголя предстает перед нами как переписчик, очинитель перьев, которого никто ни во что не ставит, даже, как оказывается, собачонки. «Записки» отражают бунт Поприщина против низведения его *личности* до *поприща* — до «титулярного советника». Такое «овнешнение» [Бахтин, 2002, с. 68], расчеловечивание сопровождается развивающейся — как знать, не в качестве ли «защитной реакции»? — манией величия. Она сочетается с бунтом против рутины — против переписывания: «я не стану переписывать гадких бумаг ваших» [Гоголь, 2009, с. 217]. Герой изначально жаждет вырваться из повседневности — характерно первое же предложение «Записок»: «Сегоднишнего дня случилось необыкновенное приключение» [Там же, с. 205]. До того приключений не было — не было и записок. Почему приключение случилось только теперь? Не случилось ли оно «по воле» самого Поприщина, решившего придумать его, да так потом в него уверовавшего, как порою верят в свои выдумки дети (недаром в конце герой превратится в ребенка — бедного мальчика, взывающего к защите своей матушки)?

Вопрос о том, можно ли фантастику «Записок сумасшедшего» свести исключительно к умопомешательству героя, вызывал и вызывает споры. Интересные размышления pro et contra предлагает Ю. В. Манн, в конце концов не исключающий «возможность двойного прочтения» [Манн, 1996, с. 63] повести — как «фантастической», так и «реалистической». К правильности исключительно первого варианта прочтения склоняется, например, В. Ш. Кривонос, полагая, что переписка собачек — это неотъемлемая часть «гротескной реальности» повести [Кривонос, 2015, с. 46]. А. И. Иваницкий, напротив, убежденно пишет о безумии Поприщина, всецело рассматривая переписку собачек как плод расстроенного воображения героя [Иваницкий, 2010].

В последнем случае — если быть до конца педантичными — мы можем или предположить, что «великий канцлер» вкупе с делегацией и про-

чим — такая же выдумка больного воображения Поприщина, как и переписка собачек (мысль о том, что его могли упечь в сумасшедший дом, появляется у героя еще до действительного события, хотя относится к прежней его жизни — как титулярного советника: «Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. <…> Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом» [Гоголь, 2009, с. 217]), иначе (о чем резонно замечают противники «реалистического» прочтения) как же он мог бы продолжать писать в сумасшедшем доме? Другая возможность — признать, что повесть Гоголя «фантастична» в той мере, в какой будет фантастична «Кроткая» Достоевского, — условностью своей формы, но не более того.

Во всяком случае, или подавленный обыденностью герой сам придумывает себе приключение, не в силах больше выносить серость жизни и переписку «проклятых бумаг», или некие тайные силы (милосердные или напротив?) решают вторгнуться в его существование.

Изначально Поприщин много размышляет о *поприщах*, и хотя весьма небрежно пишет про собственное («Я не понимаю выгод служить в Департаменте» [Гоголь, 2009, с. 205]), но почти сразу становится понятно, что выбора-то у него нет. Как, скорее всего, нет и другой шинели, кроме запачканной и «старого фасона», и не появится, сколько ни размышляй он о моде. У Поприщина еще нет непосредственно «слова с оглядкой» [Бахтин, 2002, с. 219] в том выраженном виде, в каком оно появится в письмах Макара Девушкина. Но ведь герой Достоевского был неизмеримо богаче гоголевского — у него был адресат, Поприщин же замкнут только на самом себе. Не отсюда ли и подспудно ощущаемая недоговоренность его слова? Герой жаждет выйти за рамки своего скучного одинокого существования, и таким выходом становится для него писание, сотворение своего собственного мира. Вопрос о слоге занимает Поприщина неизменно — он с удовольствием замечает, что курские помещики хорошо пишут, утверждает, что грамотно может писать только дворянин, размышляет о слоге собачьих писем, о «стишках», приписываемых им Пушкину, о театральных куплетах и о задачах цензуры... С вопросов о слоге он перейдет к геополитическим проблемам, и тогда уже мир преобразится для него в некий текст, который он по собственному своему усмотрению попытается «переписать».

В раздумьях о статьях из «Северной пчелы» и о делах политических угадываются одиночество и беспомощность героя, но и нежелание их признавать, стремление отгородиться, утвердиться с помощью собственного мнения — пусть, кроме бумаги, его пока и некому выслушать. Герой будто бы старается раздуться, дабы скрыть внутреннюю свою пустоту — скрыть ее

от самого себя. Поприщину, при внешней заурядности, присуще внутреннее стремление к уникальности: например, герой с некоторым удивлением, но и самодовольством признается, что он с «недавнего времени» стал «слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал» [Гоголь, 2009, с. 207]; оказываясь возле дома Зверкова, населенного множеством кухарок, поляков, «чиновников, как собак» (подавляющим множеством, подобным бездушной «машине», против которой взбунтуется потом подпольный парадоксалист Достоевского), герой тут же отшатывается от этого «легиона», цепляясь за пусть и эфемерную, но все же единичность: «Там есть у меня *один* (курсив наш. — *Ю. С.*) приятель, который хорошо играет на трубе» [Гоголь, 2009, с. 207]. «Играет на трубе» — то есть не выполняет лишь функцию в огромном механизме, но предается «вольному искусству».

Не принятый среди людей, или же добровольно от них отгородившийся (если говорить о чиновной братии, равной герою по социальному статусу), Поприщин выдумывает для себя общество собак, там он — действующее лицо, похититель; они его *замечают, в* отличие от большинства двуногих. Но, увы, и в «собачьем» мире Поприщин не может до конца обмануть себя и «даже в воображении не в силах забыть о том, кто и каков он на самом деле, и заглушить свой правдивый внутренний голос» [Иваницкий, 2010, с. 178].

Есть разные точки зрения на то, что сводит с ума бедного героя: рождающееся вследствие глубокой подавленности своей «приниженностью» «стремление стать “анти-собой”, чтобы унизить себя нынешнего» [Лотман, 1988, с. 304]; «глубоко раздвоенная самооценка» [Иваницкий, 2010, с. 176]; любовь к генеральской дочери [Маркович, 1989, с. 76]. Но так ли важна здесь конкретная причина? Множество факторов влияет на то, что «от долговременного борения расшаталось здание души его» [Одоевский, 2007, с. 177], как скажет уже Одоевский о герое «Импровизатора», также помешавшегося, но уже при явном содействии сверхъестественных сил.

В «Записках» мы наблюдаем за постепенной смертью Поприщина как человека *поприща.* Преодолеть свой социальный статус, условно говоря, «маленького человека» и стать Гишпанским королем герою не дано. Но вот бросить очинку перьев и переписывание, став сочинителем, у него получилось. Вырываясь из рутины переписывания чужих бездушных бумаг и канцелярской мерки жизни, в конце концов, через страдание, ощущая, как «больно бьется проклятая палка», Поприщин воскресает как личность, оказывается способным вначале к состраданию (его безумие отдает и «мировой скорбью» за судьбу луны и человеческих носов) к высокой трагической поэзии, прорывается в финале сквозь замкнутые улицы столицы на простор полей, моря, в быстрый вихорь скачки — как чуть позже вырвется

из повседневности Русь-тройка в финале «Мертвых душ». И если в «Записках сумасшедшего» читатель будет сброшен на землю последней фразой Поприщина, то в «Мертвых душах» птица-тройка сумеет пасхально преобразиться [Есаулов, 2020] и растворится в небесной выси.

4. Важнейшая грань образа: чиновник как художник

Хотя не любивший чиновников (ни в литературе, ни в жизни) Тургенев и полагал несколько сварливо, что «все на свете чиновники друг на друга похожи» [Тургенев, 1982, с. 382], у Гоголя и Одоевского (а затем и у Достоевского) оказывается совсем иначе. В их чиновниках мерцает образ художника, утратившего до поры связь с вдохновением, задавленного или замороженного прозой жизни. Но на подсознательном уровне он помнит о прошлой свободе и радости творчества и не может смириться с тесными рамками рационально-официозного бытия, не может принять «односторонней и хмурой официальной серьезности» [Бахтин, 2002, с. 180]. Однако бунт, порождаемый этим несоответствием, оказывается губительным, ведет к смерти или к безумию. В «Сказке о мертвом теле…» Одоевского нет столь зловещих контрастов, но они появятся, например, в образе экономиста из «Русских ночей» — и в «написанных» им новеллах («Бригадир», «Бал», «Мститель», «Насмешка мертвеца», «Последнее самоубийство», «Цецилия»). Все его творчество служит иллюстрацией слов Фауста из «Русских ночей»: «как ни вертись, от души не отвертишься» [Одоевский, 2007, с. 59]. Возможность пробуждения закосневшей души (пусть и, по-видимому, временного) — сюжет «Живого мертвеца» Одоевского, где вновь появляется «мертвое тело», но его «владелец» расстается с ним уже не добровольно и не ради удобства (как в «Сказке о мертвом теле…»), но после внезапной смерти. «Умерев», он получает возможность свободно путешествовать по свету, и всюду в глаза и в уши (а за неимением рук и век он их закрыть не может!) ему бросаются брань и проклятья по его адресу, или картины бедствий человеческих, причиною которых — его былые темные дела или пороки. Только на своей могилке сможет Василий Кузьмич находить пусть временное и эфемерное, но все же облегчение, хотя и там должен созерцать, как червяк ползет по лицу его мертвого тела. Но фантастический полет этот пока не закончится Судом над героем (которого он сам возжаждет под конец) — он оборвется вместе со сном, а затем — наяву — последуют проклятия уже самого Василия Кузьмича в адрес «сказочников», которые «всю подноготную из земли вырывают»: «Вот уж запретил бы им писать! Ну, на что это похоже! читаешь и невольно задумываешься — а там всякая дребедень и пойдет в голову; право бы, запретить им писать, так-таки просто вовсе бы запретить…» [Одоевский, 2007, с. 442].

Эти инвективы героя по адресу, в числе прочих, собственного его автора, хорошо известны благодаря Достоевскому, поскольку именно их он возьмет в качестве эпиграфа к первому своему роману. Уже его герой — Макар Девушкин — также займется чтением, но не Одоевского, а Гоголя, и тоже взбунтуется — но уже совсем по иному поводу — против литературной «сказки», которую воспримет как личное оскорбление, а то и как приговор. Но и у самого Гоголя уже появляется бунт против подобного воззрения на человека — в образе Поприщина, которому удастся-таки, пусть и ценой сумасшествия, прорваться сквозь гнетущую и подавляющую серость «хмурой официальной серьезности» и мертвенности души при живом теле на простор звенящей в тумане струны.

5. Заключение

Как было замечено уже современниками, герой-чиновник в русской литературе 1840-х годов далеко выходит за рамки своей социальной ниши, разрастаясь чуть ли не до «всечеловека». Этот «выход» начался уже в 1830-е годы, в частности, в произведениях Одоевского, чиновники которого состоят в пусть дальнем, но кровном родстве с его же «гениальными безумцами». Родственны они оказываются и чиновникам Гоголя, которые также выступают отнюдь не простой иллюстрацией социальной действительности России времен Николая I — времени, когда чиновный аппарат стал играть особую роль в государстве. За внешней механистичностью и пошлостью жизни писатели стремятся разглядеть богатство внутреннего мира конкретного человека, представить его не только, да и не столько как некий обобщенный социальный *тип*, сколько как *личность,* неповторимость и внутренняя свобода которой проявляется в стремлении к творчеству.

Герои-чиновники произведений Одоевского сознательно не стремятся вырваться из повседневности «хмурой официальной серьезности», вполне приспосабливаясь к ней. Зачастую они даже, напротив, как экономист в «Русских ночах» или Аристов из «Живого мертвеца», пытаются умертвить в себе поэтическое начало. Но писатель был убежден, что в каждом человеке живет некое «инстинктуальное» чувство, не дающее душе полностью отрешиться от поэзии бытия. Поэтому и герои его — вольно или невольно — ощущают в себе потребность в творчестве, и даже необразованный, закосневший в весьма неблаговидной роли провинциального чиновника-взяточника приказный Севастьяныч оказывается способным и к поэтическим грезам, и к созданию фантастического «сочинения».

В «Записках сумасшедшего» Гоголя герой ведет себя принципиально иначе: перед читателем разворачивается бунт титулярного советника про-

тив приписываемой ему его социальной ролью поведенческой модели. Важнейшими составляющими этого бунта выступают нежелание более переписывать чужие «гадкие бумаги» и стремление стать сочинителем, творцом новой «реальности» своей собственной жизни, которое и воплощается в написании «Записок».

Неожиданные — поэтические — грани образов чиновников у Гоголя и Одоевского показывают и общность взглядов писателей на мир, и сходство их поэтики, проявляющееся, в частности, в том, что в художественном мире произведений о чиновниках важное место занимает фантастика. Причем читатель должен или признать «реальность» всех фантастических событий, или же прийти к выводу о гениальности, заложенной в душах даже таких мелких (и в чем-то мелочных) чиновников, как Поприщин и Севастьяныч. Гениальности, граничащей или даже прямо связанной с безумием. Это, в свою очередь, также роднит чиновников с художниками — героями романтических произведений.

Источники

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. Т. 3 / Н. В. Гоголь. — Москва : Наука, 2009 — 1016 с.

2. Одоевский В. Ф. Русские ночи: Роман. Повести. Рассказы. Сказки / В. Ф. Одоевский. — Москва : Эксмо, 2007. — 640 с.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — В книге : Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 томах / М. М. Бахтин.— Москва : Языки славянской культуры, 2002. — Т. 6. — С. 6—300.

2. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений и писем : в 13 томах / В. Г. Белинский. — Москва : Изд. АН СССР, 1956. — Т. 12. — 596 с.

3. *Бочаров С. Г.* О художественных мирах / С. Г. Бочаров. — Москва : Советская Россия, 1985. — 296 с.

4. *Бочаров С. Г.* Комментарии / С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина // Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений и писем : в 23 томах. — Москва : Наука, 2009. — Т. 3. — С. 461— 984.

5. *Виноградов И. А.* «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя / И. А. Виноградов // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16, № 4. — С. 29—114. — DOI: 10.15393/j9.art.2018.5521.

6. *Есаулов И. А. Родное* и *вселенское* в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: Парафрастический контекст понимания / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18, № 1. — С. 175—210. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.7322.

7. *Есаулов И. А.* О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — № 10. — С. 25—30. — DOI: 10.15393/j9.art.2012.336.

8. *Есаулов И. А.* «Маленький человек» Достоевского в историко-литературной перспективе: между «вещью» и личностью / И. А. Есаулов, Ю. Н. Сытина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2020. — Т. 21, № 3. — С. 419—428.

9. *Иваницкий А. И.* Символика собаки в «Записках сумасшедшего» и ее литературные источники / А. И. Иваницкий // Н. В. Гоголь и русская литература. Девятые Гоголевские чтения : материалы докладов Международной научной конференции. — Москва : Фестпартнер, 2010. — С. 173—179.

10. *Комарович В. Л.* Комментарии / В. Л. Комарович // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 3. — Москва : Изд-во АН СССР, 1937—1952. — С. 635—723.

11. *Кривонос В. Ш.* Гротескная реальность и нарративный гротеск в «Записках сумасшедшего» Гоголя / В. Ш. Кривонос // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2015. — Т. 74, № 5. — С. 45—50.

12. *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. — Москва : Просвещение, 1988. — 352 с.

13. *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. В. Манн. — Москва : Coda, 1996. — 474 с.

14. *Маркович В. М.* Петербургские повести Н. В. Гоголя / В. М. Маркович. — Ленинград : Художественная литература, 1989. — 208 с.

15. *Матонин В. Н.* Предчувствие антропологической катастрофы в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя / В. Н. Матонин, Н. Н. Бедина, Е. Н. Егорова // Знание. Понимание. Умение. — 2018. — № 1. — С. 208—215. — DOI: 10.17805/zpu.2018.1.17.

16. *Назиров Р. Г.* О месте В. Ф. Одоевского в русской литературе / Р. Г. Назиров // Назировский архив. — 2017. — № 4 (18). — С. 12—54.

17. *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель : т. 1. Ч. 2 / П. Н. Сакулин. — Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. — 479 с.

18. *Сытина Ю. Н.* В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского / Ю. Н. Сытина // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19, № 1. — С. 173—193. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862.

19. *Сытина Ю. Н.* Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов / Ю. Н. Сытина. — Москва : Индрик, 2019. — 392 с.

20. *Тургенев И. С.* Полн. собр. писем : в 18 т. Т. 1 / И. С. Тургенев. — Москва : Наука, 1982. — 608 с.

21. *Турьян М. А.* Об эпиграфе к «Бедным людям» : модификации рефлектирующего / «разорванного» сознания / М. А. Турьян // Достоевский. Материалы и исследования. — Ленинград : Наука, 1997. — Т. 14. — С. 88—95.

Unexpected Facets of Images of Officials by N. V. Gogol and V. F. Odoevsky[1]

© Yuliya N. Sytina (2021), orcid.org/0000-0001-6334-4722, ResearcherID F-1769-2019, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow Region State University (Moscow, Russia), yulyasytina@yandex.ru.

1 The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 20-78-00064).

The issues on the multifaceted images of officials in the Russian literature of the 1830-1840s are considered. The results of a comparative analysis of the works of N. V. Gogol and V. F. Odoevsky are presented. Particular attention is paid to Poprishchin from the "Diary of a Madman" and the order Sevastyanich from "The Tale of a Dead Body Who Belongs to No One". The author draws attention to the fact that the heroes go beyond the behavioral model, as if attributed to them by their social role. It is shown that poetry does not disappear from their existence; officials are capable of creativity and creation of their own works. The irreducibility of the images of officials is proved only to illustrate social reality, the striving for their individualization, drawing a rich inner world is emphasized. The novelty of the research is seen in the fact that unexpected facets of the images of officials in Gogol and Odoevsky are revealed in their relationship. The commonality of the writers' worldviews and the similarity of their poetics are shown, which is manifested, in particular, in the fact that science fiction occupies an important place in the artistic world of works about officials.

Key words: N. V. Gogol; V. F. Odoevsky; the image of an official; creation; fantasy; interpretation; literary roll calls.

Material resources

Gogol, N. V. (2009). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moskva: Nauka. 23/3. 1016 p. (In Russ.).

Odoevskiy, V. F. (2007). *Russkie nochi: Roman. Povesti. Rasskazy. Skazki* [Russian Nights: A Novel. Stories. Stories. Fairy tales]. Moskva: Eksmo. 640 p. (In Russ.).

References

Bakhtin, M. M. (2002) Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 7/6: 6—300. (In Russ.).

Belinskiy, V. G. (1956). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moskva: Izd. AN SSSR. 596 p. (In Russ.).

Bocharov, S. G. (1985). *O khudozhestvennykh mirakh* [About art worlds]. Moskva: Sov. Rossiya. 296 p. (In Russ.).

Bocharov, S. G., Deryugina, L. V. (2009). Kommentarii [Comments]. In: *N. V. Gogol. Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Moskva: Nauka. 23/3: 461— 984. (In Russ.).

Esaulov, I. A. (2012) O cokrovennom smysle «Stantsionnogo smotritelya» A. S. Pushkina [On the sacred meaning of "Station master" by Alexander Pushkin]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics], *10:* 25—30. DOI: 10.15393/j9.art.2012.336. (In Russ.).

Esaulov, I. A. (2020). Rodnoe i vselenskoe v «Mertvykh dushakh» N. V. Gogolya: Parafrasticheskiy kontekst ponimaniya [The native and the universal in the "Dead souls" by N. V. Gogol: a paraphrastic context of understanding]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], *18 (1):* 175—210. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7322. (In Russ.).

Esaulov, I. A., Sytina, Yu. N. (2020). «Malenkiy chelovek» Dostoevskogo v istoriko-literaturnoy perspektive: mezhdu «veshchyu» i lichnostyyu [Dostoevsky's "Little Man" in a Historical and Literary Perspective: Between a "Thing" and a Personality]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], *21 (3):* 419—428. (In Russ.).

Ivanitskiy, A. I. (2010). Simvolika sobaki v “Zapiskakh sumasshedshego” i eyo literaturnyye istochniki [Symbols of the dog in the “Notes of a Madman” and its literary sources]. In: *N. V. Gogol i russkaya literatura* [N. V. Gogol and Russian literature]. Moskva: Festpartner. 173—179. (In Russ.).

Komarovich, V. L. (1937—1952). Kommentarii [Comments]. In: *Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy* [N. V. Gogol. Full composition of writings]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. *14/3*: 635—723. (In Russ.).

Krivonos, V. Sh. (2015). Grotesknaya realnost’ i narrativnyy grotesk v «Zapiskakh sumasshedshego» Gogolya [The grotesque reality and narrative grotesque in Gogol’s «Diary of a madman»]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian academy of sciences. Studies in literature and language], *74 (5):* 45—50. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1988). *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol* [At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moskva: Prosveshchenie. 352 p. (In Russ.).

Mann, Yu. V. (1996). *Poetika Gogolya. Variatsii k teme* [Poetics of Gogol. Variations to the theme]. Moskva: Coda. 474 p. (In Russ.).

Markovich, V. M. (1989). *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [St. Petersburg Tales of N. V. Gogol]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 208 p. (In Russ.).

Matonin, V. N., Bedina, N. N., Egorova, E. N. (2018). Predchuvstvie antropologicheskoy katastrofy v «Zapiskakh sumasshedshego» N. V. Gogolya [The apprehension of an anthropological catastrophe in “Diary of a madman” by N. V. Gogol]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], *1:* 208—215. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.17. (In Russ.).

Nazirov, R. G. (2017). O meste V. F. Odoevskogo v russkoy literature [On the place of V. F. Odoevsky in Russian literature]. *Nazirovskiy arkhiv* [Nazirovsky archive], *4 (18):* 12—54. (In Russ.).

Sakulin, P. N. (1913). *Iz istorii russkogo idealizma. Kn. V. F. Odoevskiy. Myslitel. — Pisatel* [From the history of Russian idealism. Prince V. F. Odoevsky. Thinker. — Writer]. Moskva: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh. *1 (2)*: 479 p. (In Russ.).

Sytina, Yu. N. (2019). *Sochineniya knyazya V. F. Odoevskogo v periodike 1830-kh godov* [Works of Prince V. F. Odoevsky in the periodicals of the 1830s]. Moskva: Indrik. 392 p. (In Russ.).

Sytina, Yu. N. (2021). V poiskakh «polozhitelno prekrasnogo» geroya: knyaz’ Myshkin F. M. Dostoevskogo i Segeliel V. F. Odoevskogo [Works of Prince V. F. Odoevsky in the periodicals of the 1830s]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], *19 (1)*: 173—193. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1982). *Polnoe sobranie pisem* [Complete collection of letters]. Moskva: Nauka. 18/1. 608 p. (In Russ.).

Turyan, M. A. (1997). Ob epigrafe k «Bednym lyudyam»: Modifikatsii reflektiruyushchego / «razorvannogo» soznaniya [About the epigraph to “Poor people”: Modifications of the reflective / “torn” consciousness]. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. Leningrad: Nauka. 14: 88—95. (In Russ.).

Vinogradov, I. A. (2018). «Ogorchennyye lyudi» v tvorchestve N. V. Gogolya [“Afflicted people” in the works of N. V. Gogol]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], *16 (4):* 29—114. DOI: 10.15393/j9.art.2018.5521. (In Russ.).

Танасейчук А. Б. Проблема периодизации и некоторые аспекты позднего творчества Ф. Брета Гарта / А. Б. Танасейчук, О. Ю. Осьмухина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 244—258. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-244-258.

Tanaseichuk, A. B., Osmukhina, O. Yu. (2021). Problem of Periodization and Some Aspects of the Late Work of F. Bret Hart. *Nauchnyi dialog, 2:* 244-258. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-244-258. (In Russ.).

УДК 821.111(73)Harte.06
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-244-258

Проблема периодизации и некоторые аспекты позднего творчества Ф. Брета Гарта

© **Танасейчук Андрей Борисович (2021),** orcid.org/0000-0002-6508-6031, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Саранск, Россия), atandet@yandex.ru

© **Осьмухина Ольга Юрьевна (2021),** orcid.org/0000-0002-1456-4793, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Саранск, Россия), osmukhina@inbox.ru.

Статья посвящена обсуждению проблемы периодизации и исследованию особенностей позднего этапа творчества выдающегося американского прозаика Френсиса Брета Гарта (1836—1902). Актуальность статьи обусловлена необходимостью построения целостной и непротиворечивой истории развития американской словесности рубежа XIX—XX вв., важной частью которой является прозаическое наследие писателя. Авторами осмыслены западные (Дж. Стюарт, Г. Шарнхорст, А. Ниссен и др.) и отечественные (А. В. Ващенко, Л. П. Гроссман, П. Е. Щеголев, А. И. Старцев, В. А. Либман, Е. Ю. Рогонова, А. Б. Танасейчук) исследования, посвященные биографии и различным аспектам творчества прозаика. Научная новизна работы состоит в том, что впервые в американистике восполнена лакуна в рецепции творчества Ф. Брета Гарта (отсутствие четких критериев периодизации). Опровергается установившаяся в американском литературоведении традиция пренебрежительного отношения к европейскому периоду его творчества. В частности, доказывается, что в повестях и романах 1880—1890-х годов Брет Гарт смело выходит за пределы привычных тем и образов: традиционная для его ранней прозы «калифорнийская тема» приобретает новое измерение — в аспекте осмысления национальной и гендерной психологии («Маруджа»); любовная и мелодраматическая коллизии сочетаются с обращением к фантастике («Тайна гасиенды»).

Ключевые слова: Брет Гарт; литература США; периодизация творчества; рассказ; роман; Калифорния.

1. Творчество Ф. Брета Гарта в русскоязычном литературном пространстве

В русскоязычном литературном пространстве имя Ф. Брета Гарта стоит в ряду таких корифеев литературы США рубежа XIX—XX веков, как Марк Твен, О. Генри и Джек Лондон. В нашей стране — в дореволюционное и в советское время — его произведения публиковали едва ли реже, нежели упомянутых авторов, и они пользовались большой популярностью. С завидной регулярностью издавали не только отдельные сборники, но и многотомные собрания сочинений [Либман, 1977, с. 77—88]. Его рассказы и повести читали, обсуждали, инсценировали и даже экранизировали. Писатель привлекает внимание русскоязычного читателя и в наши дни: сборники его «калифорнийских рассказов» переиздаются регулярно, последнее по времени собрание сочинений Гарта (в шести томах) было, как известно, издано в 2009 году [Брет Гарт, 2009].

Творческое наследие американского писателя вызывает интерес и у отечественного научного сообщества. Первые попытки его осмысления предпринимались задолго до революции [Либман, 1977, с. 89—90]. В 1920—30-е годы художественный мир писателя довольно активно изучали Л. П. Гроссман, П. Е. Щеголев, А. И. Старцев. В послевоенные годы интерес этот только усилился. Творчество писателя продолжал изучать А. Старцев [Старцев, 1981, с. 91—135], опубликовали свои исследования М. Н. Боброва [Боброва, 1971], Ю. А. Лидский [Лидский, 1961]. Последний в 1961 году даже издал небольшую книгу о нем [Лидский, 1961]. Своеобразным апогеем признания Гарта в нашей стране стало издание шеститомного собрания сочинений писателя в 1966 году [Брет Гарт, 1966], снабженное подробными комментариями, указателем источников и обстоятельной монографической статьей-предисловием А. И. Старцева «Брет Гарт и калифорнийские золотоискатели» [Старцев, 1966, с. 3—48]. Внимание отечественного научного сообщества не ослабевает и позднее. На рубеже 1970—1980-х защищены две кандидатские диссертации — В. Г. Прозоровым [Прозоров, 1977] и Н. Г. Бяковой [Бякова, 1980]. В 1990-е появилась работа Е. А. Павленко о национальном своеобразии рассказов Гарта [Павленко, 1994], в начале XXI века — диссертация Л. А. Ивановой о его литературных пародиях [Иванова, 2001]. В 2003 году в ИМЛИ РАН вышел четвертый том капитального труда «История литературы США». В книге творчеству Гарта посвящен специальный раздел, в котором раскрыта особая роль писателя в становлении метода в литературе страны [Ващенко, 2003]. В 2008 году была опубликована монография, в которой большой раздел отведен раннему творчеству писателя, его роли в культурной самоидентификации Дальнего Запада США XIX столетия [Танасейчук,

2008, с. 155—184]. Изучение творческого наследия писателя отечественной американистикой продолжается и в наши дни [Рогонова, 2011, Фуникова, 2015].

2. Рецепция творчества Ф. Брета Гарта на Западе: ключевые тенденции

В восприятии американцев в истории национальной словесности у писателя несколько иное место. Для них Ф. Брет Гарт был и остается, прежде всего (и исключительно), региональным писателем — певцом «златокипящей Калифорнии», запечатлевшим «людей 49-го года» (себя они гордо именовали «аргонавтами» — по аналогии с мифологическими персонажами; кстати, эту метафору в оборот ввел как раз Брет Гарт) — участников и действующих лиц знаменитой «золотой лихорадки», преобразившей американский Дальний Запад. Как справедливо замечает А. Ващенко, «скромная трактовка его [Гарта. — *А. Т., О. О.*] вклада в литературу — результат поверхностного и упрощенного взгляда, инерция, вошедшая в традицию» [Ващенко, 2003, с. 315]. Эта «традиция» проявляется и поныне: Гарта в США издают мало и нерегулярно, самое полное англоязычное собрание сочинений писателя в двадцати томах вышло в Бостоне на рубеже XIX—XX веков (1896—1914) и никогда позднее не переиздавалось. Большинство биографий писателя также относятся к этому периоду. Почти за столетие, минувшее с той поры, в США вышли только три книги, посвященные Гарту: «популярная» биография «профессионального биографа» Дж. Стюарта «Брет Гарт: аргонавт и изгнанник» [Stewart, 1959], исследование Г. Шарнхорста «Брет Гарт: Открывая американский литературный Запад» [Scharnhorst, 2000] и монография норвежского ученного Акселя Ниссена «Брет Гарт: принц и нищий» [Nissen, 2000]. Знакомство с ними подтверждают тезис, сформулированный А. Ващенко: традиция недооценки творческого наследия писателя, его восприятие исключительно как регионального автора продолжают жить и поныне.

3. Проблема периодизации творчества Ф. Брета Гарта и особенности «брет-гартовской» поэтики

В то же время, как это ни парадоксально, и советские, и западные ученые, при диаметрально противоположной оценке значения Гарта для американской и мировой литературы, сходятся во мнении: наиболее важным и художественно значимым является его раннее творческое наследие.

Впрочем, никто из исследователей не может очертить и внятно обосновать рубеж, отделяющий «раннего» Гарта от «позднего». На сегодняшний

день не вполне понятным остается вопрос о том, что считать критерием: расставание с Калифорнией (1871), отъезд писателя из США (1878) или короткий (1878—1880) «германский период». Впрочем, все единодушны, указывая, что британский период (с лета 1880 года до конца дней) — это уже поздний этап творчества.

Проблема здесь, на наш взгляд, заключается в следующем: у Гарта-прозаика, по сути, не было периода ученичества. Юношеский опыт стихотворца [Stewart, 1959, p. 17—18] и эпизодические поэтические публикации в *Golden Era* (г. Сан-Франциско) в 1850-е едва ли стоит воспринимать серьезно [Nissen, 2000, p. 45—55]. Это были первые «пробы пера». Писатель ворвался в американскую литературу в 1860-е годы, когда опубликовал свои первые «старательские» рассказы: «Нестоящий человек», «Счастье Ревущего Стана», «Изгнанники Покер-Флета» и др. Слава его была молниеносна и оглушительна: уже в конце 1860-х его книги широко издавались в Англии, рассказы читали и горячо обсуждали. Затем его «калифорнийские» истории шагнули дальше — на пространства континентальной Европы и в Россию (кстати, одним из первых на русский язык его рассказы, находясь в ссылке, перевел Н. Г. Чернышевский [Старцев, 1966, с. 3—4]).

В сочинениях Гарта читателей по обе стороны океана привлекали две особенности. Во-первых, конечно, сама Калифорния как место развития сюжетных коллизий: легендарная дальняя страна, где вчера еще нищие старатели превращаются в миллионеров. Земля, пронизанная свободой, — там не действует закон, нет судов, произвола полиции и чиновников, а люди руководствуются простой и понятной человеческой справедливостью. Удивительная окраина мира, где ничего не значат происхождение, образование, связи, состоятельные родители и счет в банке — все эти неискоренимые «родимые пятна» цивилизации. Здесь человек «делает себя сам» — самым прямым и непосредственным образом. Успех его зависит от удачи и, конечно, — и прежде всего — от личных качеств. Последнее выводит на вторую составляющую успеха Гарта: его героев, которые являются центром художественного мира писателя.

Калифорнийцы, действующие лица его историй, — особые люди. На первый взгляд, обычные. Внешность у них вполне заурядная. Под стать и речь — грубая, примитивная, нередко даже неграмотная. Да и занятия, в основном, малопочтенные. Это не только старатели — среди них попадаются, действительно, «приличные» (разумеется, в прошлом!) люди. Истории его насыщены бандитами-налётчиками, кучерами дилижансов, конюхами, шерифами, шулерами-картежниками, ворами и проститутками — в общем, авантюристами всех мастей. Зачем Гарту понадобились *такие*

герои? Только ли затем, чтобы показать, насколько удивительна и живописна жизнь на Дальнем Западе и как разительно она отличается от жизни на востоке США? Не только. Автор ставил перед собой несколько иную, на наш взгляд, задачу — показать особый мир, в котором живут люди особого свойства: они сильнее, чище, искреннее, благороднее обывателей. Они способны на подвиг и самопожертвование, честны и благородны. *Такие* живописные персонажи, несомненно, были нужны для контраста. В глазах Америки и остального мира золотоискатели съехались, чтобы нажиться любыми, в том числе противоправными, способами. Но оказывается, «аргонавты» способны подняться над меркантилизмом (совершенно понятным и естественным для американцев) и бескорыстно жертвовать собой. Поэтому пьяный, разгульный, погрязший в грехах Ревущий Стан с трогательной нежностью воспитывает сироту-младенца («Счастье Ревущего Стана»), а «гулящая» Миггле бескорыстно ухаживает за парализованным старателем, некогда тратившим на нее большие деньги («Миггле»). Содержательница борделя мамаша Шипман и профессиональный игрок Окхерст совершенно сознательно идут на смерть, чтобы дать шанс выжить двум молодым женщинам («Изгнанники Покер-Флета»), а, казалось бы, никчемный, необразованный, презираемый всеми безымянный «Компаньон Теннеси» из одноименного рассказа способен на беззаветную дружбу. Всё это неизменно сдобрено юмором — мягким, ненавязчивым, порою грубоватым, но всегда добрым и человечным. Это придает особое очарование прозе писателя, формирует специфическую — «брет-гартовскую» интонацию, стиль, ритм повествования, ракурс видения и т. п. — всё то, что для профессиональных литературоведов образует понятие «поэтика».

В 1871 году писатель навсегда покидает Дальний Запад и перебирается на восток США, где поначалу встречает теплый прием. «Калифорнийская» тематика безраздельно господствует в сочинениях писателя. Не изменяет он и жанру — сочиняет только рассказы. Но уже через два года ситуация меняется — журнал «Атлантик манфли», с которым у Гарта был контракт на публикацию новых произведений, от его продления отказывается. Можно утверждать: Гарт не стал писать хуже. Опубликованные тогда же истории «Случай из жизни Джона Окхерста» и «Как Санта Клаус пришел в Симпсон-Бар» — одни из лучших в творческом наследии автора — этот факт подтверждают. Новых творческих контрактов заключить не удалось. В произошедшем писатель винил «бостонских браминов», которых раздражал «безыскусный рассказ» как литературная форма [Nissen, 2000, p. 120—122]. В историях М. Твена, Ф. Б. Гарта и других калифорнийцев те видели некую угрозу национальной словесности. Но причина была, ви-

димо, в другом: восточной публике «приелись» калифорнийские истории, она от них устала [Scharnhorst, 2000, p. 86—103].

Литературный труд был единственным источником существования для прозаика (добавим: и его семьи, в которой, кроме жены, было четверо детей). Попытка зарабатывать чтением публичных лекций провалилась [Stewart, 1959, p. 163—164]. Брет Гарт попытался обратиться к драматургии — сначала самостоятельно («Двое из Сэнди Бара»), а затем в соавторстве с М. Твеном («А Син»), но и здесь потерпел фиаско. Не увенчалась успехом и затея с романом («Габриэль Конрой», 1875). Хотя, казалось, он рассчитал все верно: сначала роман будет опубликован сериалом в журнале, а затем выйдет массовым тиражом в дешевом издании — *dime novels* переживали тогда свой «золотой век» (о становлении и динамике этого явления мы подробно писали в книге о Майн Риде [Танасейчук, 2012, с. 305—316]).

Приближался столетний юбилей американской революции, и Гарт сочинил повесть, посвященную достославным событиям. Она называлась «Тэнкфул Блоссом». Объясняя необычное заглавие, писатель апеллировал к семейному преданию: якобы женщина с таким необычным именем существовала в действительности (принадлежала к числу его предков) и участвовала в Войне за Независимость [Scharnhorst, 2000, p. 4]. Повесть имела успех не только у читателей, но и у коллег по цеху [Stewart, 1959, p. 118—119], от чего писатель уже успел отвыкнуть. Справедливости ради отметим: художественные достоинства повести невелики, ситуации и персонажи схематичны и мелодраматичны, но «сделана» она профессионально.

Внимания исследователей творчества писателя повесть не привлекает: как правило, они ограничиваются констатацией факта публикации. Между тем, «Тэнкфул Блоссом», безусловно, этапное произведение. По сути, это первый сюжет писателя, не связанный с калифорнийской темой. Если вспомнить о «Габриэле Конрое», который стал первым опытом Гарта в области большой прозаической формы, о пьесах («Двое из Сэнди Бара» и «А Син»), то можно смело утверждать, что середина 1870-х — переломный этап в творческом развитии автора, знаменовавший существенное расширение его художественной палитры. Он обозначил рубеж, отделяющий «раннего» Гарта от «позднего».

Конечно, можно возразить: указанные трансформации обусловлены причинами далеко не творческого плана, но исключительно внелитературными факторами, — прежде всего, необходимостью заработка. Но здесь, скорее, мы имеем дело с явлением, где результат важнее причин.

Отъезд в 1878 году из США (навсегда), жизнь в Европе — сначала в Германии (с 1878 по 1880), а затем (с 1880 и до конца дней) в Англии — не

могли не разнообразить художественный мир писателя. Разумеется, и вне родины основной массив его творческих усилий составляли «калифорнийские сюжеты». Убедиться в этом нетрудно, если вспомнить замечательную повесть «Кресси» (1889), рассказы 1880-х — 1890-х годов: «Миллионер из Скороспелки», «Дедлоуское наследство», «Почмейстерша из Лорел-Рэна», «Трое бродяг из Тринидада», «Шериф Сискайо» — одни из лучших калифорнийских историй. Но Гарт активно разрабатывает и сюжеты, с Калифорнией не связанные. Прежде всего, это Гражданская война Севера и Юга, которой посвящена заключительная повесть трилогии «Степной найденыш» (1891—1895) — «Кларенс», повесть о послевоенном американском Юге «Салли Даус». Германские впечатления легли в основу нескольких рассказов, и среди них полный горькой иронии и тревоги «Наш Карл». А. Старцев писал: «Предполагается, что Брет Гарт написал этот рассказ, еще будучи консулом в Германии, но не опубликовал его, опасаясь нападок немецкой печати. Дух военщины и пруссачества в Германии 70-х годов был несносен Гарту» [Старцев, 1966, с. 448]. Не будем дискутировать с исследователем по поводу даты создания упомянутого текста, отметим лишь, что на протяжении жизни писатель постоянно обращался к эпизодам и событиям из собственного (и не только) прошлого. Так что не исключено: сюжет мог «всплыть» и позднее, в 1890-е, когда и был опубликован рассказ. Это для Гарта типично, примеров подобного рода великое множество.

Брет Гарт — наблюдательный художник, к тому же наделенный тонким чувством юмора и иронией. Эти грани дарования он демонстрировал, разрабатывая «калифорнийскую жилу», сочиняя «романы в самом кратком изложении», проявились они и в европейский период. Речь идет о цикле юмористических рассказов, посвященных американцам за границей. Эту тему до Гарта разрабатывал М. Твен в «Простаках за границей», а после него — очень глубоко и всесторонне (и даже трагично) — Генри Джеймс. Некоторые из них знакомы русскоязычному читателю. Например, «Сара Уокер» и «Наследник Мак-Гулишей», — они регулярно переиздаются. Но основной массив юмористических историй этого цикла россиянам недоступен. В отношении этих сюжетов можно утверждать: они были живой и непосредственной реакцией писателя на поведение и манеры своих соотечественников и, чаще всего, отправлялись в печать немедленно после создания.

Еще одна примечательная особенность — это довольно продолжительный спад творческой активности в конце 1870-х — начале 1880-х годов. В этот период Гарт пишет и публикует мало. Этот факт отмечают многие исследователи [Nissen, 2000, p. 165—193]. Были ли тому причиной дипломатические обязанности или что-то иное (лекционные турне по Англии

в начале 1880-х [Stewart, 1959, p. 214—216]), но факт остается фактом: в 1878—1885 годах вышли только три сборника рассказов, часть из которых была написана раньше.

В 1885 году Ф. Брет Гарт оставляет дипломатическую должность. Происходит это не по инициативе писателя. Отставку ему дала новая, — сменившая республиканскую, — демократическая администрация Белого дома. Справедливости ради, необходимо отметить: американский консул в Глазго уделял не слишком много времени дипломатической службе, нередко манкируя служебными обязанностями, о чем Госдеп не преминул его проинформировать, извещая об отставке [Nissen, 2000, p. 192].

4. Художественное своеобразие творчества Ф. Брета Гарта 1885—1890-х годов

1885 год стал важным этапом в творческой судьбе писателя. Формальное извещение о смещении с должности он получил в августе [Stewart, 1959, p. 244], но, судя по всему, уже по результатам выборов (ноябрь 1884) догадался, что дни его дипломатической службы сочтены. Таким образом, Гарт лишался источника существования, а жить он привык «на широкую ногу». Пришлось переквалифицироваться в профессионального литератора.

У писателя давно были налажены прочные связи с британскими журналами. Но если в предыдущие годы публикации в них носили больше эпизодический характер, то начиная с 1885 года Гарт печатается в них регулярно и много. Британские литературные журналы тех лет стали подлинной «золотой жилой» для писателя. Прежде всего потому, что они могли платить высокие гонорары. Поэтому именно на журнальные, а не книжные публикации (хотя его книги, главным образом сборники рассказов, постоянно выходили) в конце 1880-х — начале 1900-х Гарт и делает ставку. Он публиковал свои произведения в ведущих в то время английских периодических изданиях: *Illustrated London News*, *Macmillan's Magazine*, *English Illustrated Magazine*, *The Strand*, *Pall Mall Magazine*, *The Sun*, *Cassell's Magazine*. Кстати, устойчивый интерес англичан к сочинениям Гарта помог ему вернуться в Америку: его произведения активно перепечатывала в 1890-е годы и американская периодика, например, *New England Magazine*, респектабельный *Harper's Magazine* и его «собственный» *Overland Monthly*.

А. И. Старцев отмечал: «В свой европейский период Брет Гарт написал бóльшую часть своих произведений. Рассказы и повести, созданные им в последние двадцать лет жизни, превосходят численно в несколько раз то, что он создал за все американские годы» [Старцев, 1966, с. 43]. В то же время едва ли можно согласиться с другим его суждением: «Расска-

зы и повести позднего Гарта в подавляющем большинстве своем связаны с золотоискательской Калифорнией и, таким образом, как бы продолжают основную линию его творчества» [Там же]. На самом деле не совсем так. Действительно, «калифорнийская тема» доминировала, но экскурсы именно в *золотоискательскую Калифорнию* были эпизодичны (как, пожалуй, лучшие отметим повести «В снегах на Орлином Дворе», «В горном ущелье», рассказы «Шериф Сискайо», «Миллионер из Скороспелки» и, конечно, цикл историй о полковнике Старботтле). «Калифорнийская тема» расширилась, стала более разнообразной, обрела новые измерения и краски. Прежде всего, расширился жанровый диапазон.

Основным британским (и не только британским) журнальным жанром тех лет был «сериал», то есть роман или повесть, печатавшиеся с продолжениями. Разумеется, Гарт — хотел он того или нет — вынужден был соответствовать данному формату. Упомянутые выше «В снегах на Орлином Дворе» и «В горном ущелье» — из их числа, как и романы «Маруджа», «Крестовый поход “Эксельсиора”», повести «Тайна гасиенды», «Кресси», трилогия «Степной найденыш». Не все из этих текстов можно отнести к числу лучших произведений писателя, но то, что их появление свидетельствовало о развитии писателя, — несомненно. В повестях и романах 1880—1890-х годов Брет Гарт смело выходит за пределы привычных тем и образов. Та же «калифорнийская тема» приобретает новое преломление. Например, Гарт обращается к истории испанской и мексиканской Калифорнии, к особенностям быта, традиций, культурных ритуалов, характеров мексиканских обитателей края. Весьма интересен в этом смысле роман «Маруджа» (1885). К сожалению, он незнаком широкому русскоязычному читателю и лишь недавно был опубликован в полном виде (увы, небольшим — «коллекционным» тиражом) [Брет Гарт, 2019, с. 11—174], но явно достоин иной участи: художественный мир писателя предстает в новом, неожиданном и непривычном ракурсе. Наиболее интересной представляется попытка автора дать представление об особенностях национальной и гендерной психологии, реализованная на страницах романа яркими образами главных персонажей. Несомненного внимания достойна и фантастическая повесть «Тайна гасиенды», опубликованная в 1893 году в журнале *Pall Mall Magazine*. На русском языке она также опубликована совсем недавно в упомянутом выше издании [Брет Гарт, 2019, с. 175—216]. По сути, это первое обращение писателя к фантастике. Разумеется, сюжет не свободен от штампов, характерных для поздневикторианской эпохи, включая любовную линию и мелодраматическую интонацию. В то же время Гарту удалось создать убедительную «сверхъестественную» коллизию, обнаружив явный талант фантаста.

Особого внимания среди поздних произведений заслуживает роман «Крестовый поход “Эксельсиора”». Опубликованный выпусками в *Illustrated London News* (с января по май 1887 года), на русском языке он издавался несколько раз до революции. Но, как правило, в сокращении (сокращалось от четверти до одной трети текста). Только недавно роман вышел в полном виде [Брет Гарт, 2020, с. 7—262]. «Крестовый поход “Эксельсиора”» — этапный текст для писателя. Хотя бы потому, что это одно из самых объемных его произведений. В этом смысле «Эксельсиор» опережает другие «большие тексты» Гарта: повести «Тэнкфул Блоссом», «Сюзи» и «Кларенс», трилогию «Степной найдёныш». Лишь «Гэбриел Конрой» больше, чем «Эксельсиор», но — по сути — это сборник короткой прозы.

Роман Гарт сочинял, конечно, как роман приключенческий. Согласно законам жанра, сюжет развивается стремительно: американский барк «Эксельсиор», следующий из Кальяо в Сан-Франциско, заходит в гавань Тодос-Сантос, пассажиры сходят на берег на прогулку. Корабль «угоняет» авантюрист-революционер Перкинс (предварительно выгрузив багаж пассажиров); экипаж, сагитированный Перкинсом, к нему присоединяется. Пассажиры, а среди них и главные герои — молодой человек (разумеется, с собственной тайной) и девушка (между ними, как и полагается, вспыхивает любовь) — оказываются в невольном заточении. Впрочем, заточение это — условное. Им предоставлена полная свобода действий. Вот только вернуться на родину, в Америку, они не могут: в Тодос-Сантос корабли не заходят, почти сотню лет он совершенно отрезан от цивилизации. Соответственно, местные обитатели не только не знают о том, что существуют Соединенные Штаты (про «мятеж» Вашингтона они слышали), но и не подозревают, что Мексика — независимая республика. В Тодос-Сантосе царит восемнадцатый век с характерным для него сословным укладом, способами хозяйства и господством католической церкви. Сюжет насыщен испано-калифорнийскими реалиями самого разного свойства: культурными, этнографическими, социально-политическими, религиозными. Но автор далек от намерения посмеяться над «отсталыми» аборигенами. Более того, этот изолированный, застывший мир воспринимается писателем как мир идеальный — утопический, счастливый, противопоставленный лишенной духовности и искренности прагматичной Америке. Едва ли случайно и название городка, где оказались американцы. С испанского *Тодос-Сантос* переводится «Все Святые». Автор явно испытывает глубокую симпатию к этому «осколку прошлого». Примечательны и герои. Если главные персонажи — Харлстон и Элеонора — довольно схематичны, то второстепенные, напротив, убедительны и полны жизни. Едва ли есть

смысл говорить о каждом, но, по крайней мере, о троих упомянуть следует. Хотя бы потому, что им принадлежит важная роль в развитии сюжета, а двое имеют прямых прототипов. Это падре Эстебан, Сеньор Перкинс и мисс Монтгомери. Трудно сказать, имелся ли у первого из них — *падре* — прообраз, но свои симпатии к католицизму в этом персонаже автор выразил красноречиво. Самый колоритный, конечно, *Сеньор* Перкинс. Его прообразом стал знаменитый Уильям Уокер (1824—1860) — авантюрист, «флибустьер», президент Никарагуа и других захваченных им территорий. Судя по всему, молодой Брет Гарт встречался с ним и явно восхищался этим человеком. Отметим: Гарт довольно точно передал и внешний облик, и личные качества — поразительную смелость и благородство, преданность идеям и отвращение к наживе, даже гипнотические способности, якобы присущие Уокеру. Его Перкинс — как и прототип — сентиментален и предан одной женщине, любит поэзию и отважно встречает собственную смерть. Писатель, правда, перемешал факты: в реальности мексиканская эпопея (провозглашение республики Сонора) предшествовала экспедициям в Центральную Америку, а не наоборот, и расстреляли «флибустьера» не в Тодос-Сантосе в 1854 году (где и когда развивается действие), а позднее — в 1860-м, в Гондурасе. Возлюбленной Уокера была немая красавица из Нью-Орлеана по имени Элен Мартин — у Гарта это «мисс Монтгомери». Ее прототип — Ада Айзекс Менкен (1835—1868), певица, актриса, поэтесса и куртизанка. Она с огромным успехом выступала в 1850-е в Сан-Франциско, затем перебралась на восток США, а оттуда, в начале 1860-х, — развивая триумф, в Европу, в Лондон и Париж. Актрисой она была посредственной (как и поэтом), но поражала современников смелостью нарядов (выступая неглиже и даже топлесс — под прозрачной тканью) и поведения. Четырежды была замужем, имела и не скрывала любовников. Среди последних — А. Дюма-отец, Ч. А. Суинберн, другие знаменитости. Дружила с Кристиной Россетти, У. Уитменом и Ч. Диккенсом. Гарт наблюдал за ее выступлениями, читал ее опусы. И, конечно, ни поведения, ни образа жизни актрисы не одобрял. Скорее всего, именно ее фигура повлияла на атмосферу романа, придав ему фарсовый характер.

5. Заключение

В западном литературоведении давно закрепилась традиция пренебрежительного отношения к литературному наследию Брета Гарта европейского периода как к явлению, пронизанному духом коммерции и художественно несостоятельному [Nissen, 2000, p. 194—220]. Менее категоричны, но в целом солидарны с этой позицией отечественные исследователи:

«Знаменательной чертой творчества Гарта 60-х — 70-х гг. было постепенное расширение калифорнийской тематики до тематики общеамериканской, с характерным нарастанием критико-реалистических элементов и обострением социальных мотивов. Эта черта отсутствует или почти отсутствует в калифорнийских циклах его европейского периода. Они принадлежат не столько современности, сколько истории» [Старцев, 1966, с. 43]. С данным суждением можно согласиться, но это не означает, что следует придать забвению «позднего» Ф. Брета Гарта. Как художник и мыслитель он продолжал развиваться и в 1880—1890-е годы, о чем свидетельствуют и заметное расширение «калифорнийской темы» за счет обращения к быту и нравам Калифорнии, условно говоря, испанской и мексиканской («Маруджа»), и разнообразие типажей второстепенных персонажей («Крестовый поход “Эксельсиора”»), и введение «сверхъестественного» элемента в мелодраматическую коллизию («Тайна гасиенды»).

Источники

1. *Брет Гарт Ф.* Дядюшка из Калифорнии / Ф. Брет Гарт. — Саранск : Артефактъ, 2020. — 352 с.

2. *Брет Гарт Ф.* Собрание сочинений : в 6 т. / Ф. Брет Гарт. — Москва : Правда, 1966.

3. *Брет Гарт Ф.* Собрание сочинений : в 6 т. / Ф. Брет Гарт. — Москва : Терра-Книжный клуб, 2009.

4. *Брет Гарт Ф.* Тайна гасиенды / Ф. Брет Гарт. — Саранск : Артефактъ, 2019. — 352 с.

Литература

1. *Боброва М. Н.* Фрэнсис Брет Гарт / М. Н. Боброва // История американской литературы : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Н. И. Самохвалова. — Москва : Просвещение, 1971. — С. 175—181.

2. *Бякова Н. Г.* Американская новелла последней трети XIX века: к вопросу о жанровом своеобразии : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Г. Бякова. — Пермь, 1980. — 27 с.

3. *Ващенко А. В.* Брет Гарт / А. В. Ващенко // История литературы США. Т. 4 : Литература последней трети XIX в. 1865—1900 (становление реализма). — Москва : ИМЛИ РАН, 2003. — С. 312—349.

4. *Гликман И.* Фрэнсис Брет Гарт / И. Гликман // Ф. Брет Гарт. Избранные произведения. — Москва : ГИХЛ, 1960. — С. 3—24.

5. *Зверев А. М.* На золотых берегах Калифорнии / А. М. Зверев // Брет Гарт. Находка в Сверкающей Звезде. — Москва : Правда 1991. — С. 456—462.

6. *Иванова Л. А.* «Романы в сжатом изложении» Ф. Брет Гарта и развитие американской литературной пародии второй половины XIX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Л. А. Иванова. — Великий Новгород, 2001 — 23 с.

7. *Либман В. А.* Американская литература в русских переводах и критике: библиография 1775—1975 / В. А. Либман. — Москва : Наука, 1977. — 452 с.

8. *Лидский Ю. Я.* Писатель-реалист Брет Гарт / Ю. Я. Лидский. — Киев : Издательство АН СССР, 1961. — 72 с.

9. *Павленко Е. А.* Национальное своеобразие новеллистики Брет Гарта (Проблема «местного колорита» в американской литературе 1830—1870-х годов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Е. А. Павленко. — Санкт-Петербург, 1994. — 19 с.

10. *Прозоров В. Г.* Традиции фронтира в литературе США XIX века и творчество Ф. Брет Гарта : автореферат диссертации … кандидата филологических наук / В. Г. Прозоров. — Москва, 1977. — 26 с.

11. *Рогонова Е. Ю.* Историко-временной аспект в областнической поэзии Фрэнсиса Брета Гарта и Хоакина Миллера / Е. Ю. Рогонова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2011. — № 23 (1). — С. 224—229.

12. *Старцев А. И.* Брет Гарт и калифорнийские золотоискатели / А. И. Старцев // Брет Гарт Ф. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. — Москва : Правда, 1966. — С. 3—48.

13. *Старцев А. И.* Брет Гарт и калифорнийские золотоискатели / А. И. Старцев // От Уитмена до Хемингуэя. — Москва : Советский писатель, 1981. — С. 91—135.

14. *Танасейчук А. Б.* Американский регионализм и формирование культурного пространства Дальнего Запада США / А. Б. Танасейчук. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. — 263 с.

15. *Фуникова С. В.* Основные способы и средства реализации системы персонажей в новеллах Ф. Брет Гарта / С. В. Фуникова, М. А. Дрога // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. — 2015. — № 6 (203). — С. 82—89.

16. *Nissen A.* Bret Harte: Prince and Pauper / A. Nissen. — Jackson : Univ. of Mississippi Press, 2000. — 326 p.

17. *Scharnhorst G.* Bret Harte: Opening the American Literary West / G. Scharnhorst. — Norman : Univ. of Oklahoma Press, 2000. — 256 p.

18. *Stewart G. R.* Bret Harte: Argonaut and Exile / G. R. Stewart. — Port Washington (N. Y.) : Kennikat Press, 1959. — 385 p.

Problem of Periodization and Some Aspects of the Late Work of F. Bret Hart

© Andrey B. Tanaseichuk (2021), orcid.org/0000-0002-6508-6031, Doctor of Culturology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Ogarev Mordovia State University" (Saransk, Russia), atandet@yandex.ru.

© Olga Yu. Osmukhina (2021), orcid.org/0000-0002-1456-4793, SPIN-code 5849-8128, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Ogarev Mordovia State University" (Saransk, Russia), osmukhina@inbox.ru.

The article is devoted to the discussion of the problem of periodization and the study of the features of the late stage of the work of the outstanding American prose writer Francis Bret Hart (1836—1902). The relevance of the article is due to the need to build a coherent and consistent history of the development of American literature at the turn of the 19th and 20th centuries, an important part of which is the writer's prose heritage. The authors comprehend Western (J. Stewart, G. Scharnhorst, A. Nissen and others) and domestic (A. V. Vaschenko, L. P. Grossman, P. E. Schegolev, A. I. Startsev, V. A. Libman, E. Yu. Rogonova, A. B. Tanaseichuk) studies on biography and various aspects of the prose writer. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time in American studies a gap in the reception of F. Bret Hart's work was filled (the absence of clear criteria for periodization); the tradition of a disdainful attitude to the European period of his work, established in American literary criticism, is refuted, in particular, it is proved that in the stories and novels of the 1880s and 1890s Bret Hart boldly goes beyond the usual themes and images: the "Californian theme", traditional for his early prose, takes on a new dimension — in the aspect of understanding national and gender psychology ("Maruga"); amorous and melodramatic collisions are combined with an appeal to science fiction ("The Secret of the Hacienda").

Key words: Bret Hart; US literature; periodization of creativity; story; novel; California.

Material resources

Bret Harte F. (1966). *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected Works]. Moskva: Pravda. (In Russ.).

Bret Harte F. (2009). *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected Works]. Moskva: Terra-Knizhnyy klub. (In Russ.).

Bret Harte F. (2019). *Tayna gasiendy* [The mystery of the hacienda]. Saransk: Artefakt. 352 p. (In Russ.).

Bret Harte F. (2020). *Dyadyushka iz Kalifornii* [Uncle from California]. Saransk: Artefakt. 352 p. (In Russ.).

References

Bobrova, M. N. (1971). Frensis Bret Harte. In: *Istoriya amerikanskoy literatury* [History of American Literature]. Moskva: Prosveshchenie. 2/1: 175—181. (In Russ.).

Byakova, N. G. (1980). *Amerikanskaya novella posledney treti XIX veka: k voprosu o zhanrovom svoeobrazii: author's abstract of PhD Diss.* [American short story of the last third of the twentieth century: on the issue of genre originality: author's abstract of PhD Diss.]. Perm. 27 p. (In Russ.).

Funikova, S. V., Droga, M. A. (2015). Osnovnyye sposoby i sredstva realizatsii sistemy personazhey v novellakh F. Bret Harte [The main ways and means of implementing the character system in the novels by F. Bret Harte]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific bulletin. Ser. Humanitarian sciences], *6 (203):* 82—89. (In Russ.).

Glikman, I. (1960). Frensis Bret Harte. In: *F. Bret Hart. Izbrannye proizvedeniya* [F. Bret Harte. Selected works]. Moskva: GIKhL. 3—24. (In Russ.).

Ivanova, L. A. (2001). *"Romany v szhatom izlozhenii" F. Bret Harta i razvitie amerikanskoy literaturnoy parodii vtoroy poloviny XIX veka: author's abstract of PhD Diss.* ["Novels in a Condensed Form" by F. Bret Harte and the Development of American Literary Parody of the Second Half of the 20th Century: author's abstract of PhD Diss.]. Velikiy Novgorod. 23 p. (In Russ.).

Libman, V. A. (1977). *Amerikanskaya literatura v russkikh perevodakh i kritike: bibliografiya 1775—1975* [American Literature in Russian Translations and Criticism: Bibliography 1775—1975]. Moskva: Nauka. 452 p. (In Russ.).

Lidskiy, Yu. Ya. (1961). *Pisatel-realist Bret Harte* [Realist writer Bret Harte]. Kiev: Izdatelstvo AN SSSR. 72 p. (In Russ.).

Nissen, A. (2000). *Bret Harte: Prince and Pauper*. Jackson: Univ. of Mississippi Press. 326 p.

Pavlenko, E. A. (1994). *Natsionalnoe svoeobrazie novellistiki Bret Garta (Problema "mestnogo kolorita" v amerikanskoy literature 1830—1870-kh godov): author's abstract of PhD Diss.* [National Uniqueness of Bret Hart's Short Story (The Problem of "Local Color" in American Literature of the 1830—1870): author's abstract of PhD Diss.]. Sankt-Peterburg. 19 p. (In Russ.).

Prozorov, V. G. (1977). *Traditsii frontira v literature SShA XIX veka i tvorchestvo F. Bret Garta: author's abstract of PhD Diss.* [The traditions of the frontier in the literature of the United States of the XXth century and the work of F. Bret Harte: author's abstract of PhD Diss.]. Moskva. 26 p. (In Russ.).

Rogonova, E. Yu. (2011). Istoriko-vremennoy aspekt v oblastnicheskoy poezii Frensisa Breta Garta i Khoakina Millera [Historical and temporal aspect in local color poetry by Francis Bret Harte and Joaquin Miller]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Izvestia of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky], *23 (1):* 224—229. (In Russ.).

Scharnhorst, G. (2000). *Bret Harte: Opening the American Literary West.* Norman: Univ. of Oklahoma Press. 256 p.

Startsev, A. I. (1966). Bret Gart i kaliforniyskie zolotoiskateli [Bret Harte and the California gold prospectors]. In: Bret Gart F. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moskva: Pravda. 6/1: 3—48. (In Russ.).

Startsev, A. I. (1981). Bret Gart i kaliforniyskie zolotoiskateli [Bret Harte and the California gold prospectors]. In: *Ot Uitmena do Khemingueya* [From Whitman to Hemingway]. Moskva: Sovetskiy pisatel. 91—135. (In Russ.).

Stewart, G. R. (1959). *Bret Harte: Argonaut and Exile.* Port Washington (N. Y.): Kennikat Press. 385 p.

Tanaseychuk, A. B. (2008). *Amerikanskiy regionalizm i formirovanie kulturnogo prostranstva Dalnego Zapada SShA* [American regionalism and the shaping of the cultural space of the US Far West]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-t. 263 p. (In Russ.).

Vashchenko, A. V. (2003). Bret Gart [Bret Harte]. In: *Istoriya literatury SShA. Literatura posledney treti XIX v. 1865—1900 (stanovlenie realizma)* [Literary history of the USA. Literature of the last third of the twentieth century. 1865—1900 (rise of realism)]. Moskva: IMLI RAN. 4: 312—349. (In Russ.).

Zverev, A. M. (1991). Na zolotykh beregakh Kalifornii [On the golden shores of California]. In: *Bret Gart. Nakhodka v Sverkayushchey Zvezde* [Bret Harte. Finding a Blazing Star]. Moskva: Pravda. 456—462. (In Russ.).

Фролова Н. С. Англоязычная поэзия Кении на рубеже веков : опыт прошлого и художественная трансформация / Н. С. Фролова // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 259—275. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-259-275.

Frolova, N. S. (2021). Anglophone Poetry in Kenya at the Turn of the Century: Past Experience and Artistic Transformation. *Nauchnyi dialog, 2:* 259-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-259-275. (In Russ.).

УДК 821.111(676.2)+82-1
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-259-275

Англоязычная поэзия Кении на рубеже веков: опыт прошлого и художественная трансформация

© Фролова Наталья Сергеевна (2021), orcid.org/0000-0003-3155-413X, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) (Москва, Россия), samaki@mail.ru.

Рассматриваются основные тенденции развития англоязычной поэзии Кении рубежа XX—XXI веков. Основным материалом служат сборники стихов кенийских поэтов, впервые изданные в начале 2000-х годов. Особое внимание уделяется идейно-художественной трансформации в творчестве молодого поколения кенийских поэтов ключевых направлений развития кенийской англоязычной поэзии, сложившихся в первой половине XX века. Новизна исследования заключается в выводе о преемственности англоязычными кенийскими поэтами рубежа веков опыта поэтов старшего поколения, что выражается в освоении двух ключевых направлений развития кенийской англоязычной поэзии: социально-политического и философски-лирического. При этом в творчестве нового поколения кенийских авторов отмечаются принципиальная смена художественного метода и стилевая трансформация: в отличие от своих предшественников молодые кенийские поэты все больше тяготеют к использованию рифмы, выраженной иносказательности и образности, а также берут на вооружение ранее не опробованные приемы, например, использование элементов молодежной субкультуры. Привлечен новый материал, многие имена впервые вводятся в обиход отечественной и мировой африканистики.

Ключевые слова: англоязычная поэзия Кении; литература XXI века; поэзия протеста; обличительная поэзия; философская лирика; Ида Макоха-Нагайо; Нельсон Алусала; Эрик Мванги; Каролин Ндериту; Капкирвок Джейсон.

1. Два направления развития кенийской англоязычной поэзии XX века

Кенийская поэзия на английском языке начинает развиваться во второй половине XX века. В период 60—70-х годов складываются основные направления кенийской англоязычной поэзии, обозначаются наиболее крупные авторы, ставшие впоследствии классиками кенийской литературы, среди которых особенно выделяются поэтесса Мисере Гитхэ Муго (род. 1944) и лирик Джаред Ангира (род. 1947). Творчество этих авторов

ярко характеризует два ключевых направления, сложившиеся в кенийской англофонной поэзии второй половины XX века: социально-политическое и философски-лирическое. Социально-политическая тематика, продиктованная серьезными политико-историческими преобразованиями, — одна из главных в творчестве кенийских поэтов 60—70-х годов XX века. Эта поэзия, как и проза, возникает и развивается как результат осмысления антиколониальной борьбы и подведения ее неутешительных итогов в виде клубка социальных, экономических и др. проблем, с которыми столкнулась Кения (как и другие африканские страны) в постколониальный период. Это поэзия, яростно обличающая язвы современного кенийского общества. В духе такой обличительной, протестной поэзии пишет упомянутая выше Мисере Муго в своем первом сборнике стихов «Дочь моего народа, пой!» [Mugo, 1969], кенийская поэтесса британского происхождения Марджори Олудхе Макгой [Macgoye, 1977]. Данному типу кенийской англоязычной поэзии противопоставляется философски-лирическая поэзия, представители которой — Дж. Ангира [Angira, 1970; Angira, 1972; Angira, 1973; Angira, 1979], Маури Ямбо [Yambo, 1976] и др. — отказываются от прямого обличения в пользу размышления, раздумья, рефлексии на тему антиколониального противостояния, противоречивой истории Кении и африканского континента в целом. Эта типологическая дихотомия сохраняется в творчестве кенийских англоязычных поэтов 80-х: агрессивный пессимизм поэзии Макуми Мвагиру [Mwagiru, 1980] разительно отличается от философских рефлексий Таиты Товита [Toweett, 1980].

В кенийской поэзии 60—80-х годов XX века нетрудно выделить ряд общих тем, к которым так или иначе обращается большинство поэтов этого периода — в первую очередь кенийских авторов волнуют исторические, социальные и политические вопросы, они вспоминают о временах колониализма, превратившего многих соотечественников в изгоев, отвергнутых Африкой и не принятых Европой, о поруганных идеалах и невыполненных обещаниях независимости, обернувшейся для кучки выскочек-политиканов несметными богатствами, для большинства же — нищетой и несправедливостью. Вечные проблемы также находят место в творчестве кенийских поэтов того времени: они пишут о несовершенстве человеческого мира, спорят с Богом, верят в торжество позитивного начала — созидательной сущности человека (высшим проявлением которой становится поэзия), любви, гармонии, царящей в африканской природе. В 90-е годы XX века в кенийскую англоязычную поэзию приходит новое поколение авторов, чье творчество знаменует не только невероятный подъем в кенийской литературе, связанный с последующим печатным бумом в Кении, но

и смену художественного сознания, продиктованную новой социальной и политической повесткой, принципиально новыми историческими предпосылками и культурными сдвигами, которые происходят в восточноафриканском социуме с середины 90-х и продолжаются в начале XXI века.

2. Оптимизм с примесью горечи: основные настроения кенийских поэтов 2000-х

В 2000 году в найробийском издательстве «East African Educational Publishers» выходит антология «Эхо в долине» [Luvai et al., 2000] из серии «Африканские поэты». Большую часть сборника составляют стихи молодых кенийских поэтов. Несмотря на возраст (большинству из них на момент публикации нет тридцати), их произведения отличает высокое художественное качество. Настроение стихов во многом определено самим возрастом авторов — молодежь, как правило, с оптимизмом смотрит в будущее, не забывая при этом принимать во внимание недостатки современного общества и непростое во всех отношениях прошлое своей страны. Так, надеждой проникнуты стихи поэтессы Иды Макоха-Накхайо (род. 1973). В стихотворении «Стабильный рост» (*Steady growth*) поэтесса в аллегорической форме говорит о друзьях, которые, подобно цветам, «озарили ее жизнь»:

они никогда не завянут
эти цветы, что растила я
ведь я долго их поливала
обрезала сухие листья
они никогда не завянут
ведь я долго искала
и нашла правду
они никогда не завянут
теперь я уверена в этом
ведь эти цветы — вы —
Друзья — вы жизнь озарили мою
вы никогда не уйдете
ведь то, что познала я
будет вечно цвести
(здесь и далее перевод мой. — *Н. Ф.*)
[Luvai et al., 2000, p. 48].

Поэтесса дорожит дружбой, друзья для нее — прихотливые цветы, которым нужен хороший уход, иными словами, дружба нуждается в проявле-

нии истинного чувства, как растение в поливке. Слово *Friends* (Друзья) — единственное, написанное с большое буквы; даже местоимение *I* (я) Ида вопреки правилам английской орфографии пишет с маленькой. Повтором фразы *they never would wither* (они никогда не завянут) автор акцентирует внимание читателя на основной мысли стихотворения — вере в неувядаемость дружбы как одного из самых прекрасных и дорогих чувств на земле. В стихотворении «Леопард» (*The leopard*) внимание поэтессы переносится в иную плоскость — Ида описывает восхищение, природный человеческий ужас и преклонение перед сильным и «умелым охотником», красивым и загадочным животным:

Я замираю перед взглядом твоим
он пронзает меня
разрывает на части
опаляет огнем.
Твой мех прекрасен,
черные пятна сверкают
на изумительной
шубе горчичной.

Умелый охотник
застыл для прыжка,
Царь — величественный и ловкий,
ты завораживаешь.

Чудо ли это,
что против воли моей
ты подчиняешь меня
я в твоей власти [Luvai et al., 2000, p. 43].

Леопард восхищает поэтессу своей красотой и одновременно пугает завораживающей силой «умелого охотника», «царя» саванны, дикой животной природой, сосредоточенной в застывшем прыжке, в магнетизме звериного взгляда.

В стихотворении «Переход вброд» (*Wading*) поэтесса затрагивает тему сложного и неоднородного жизненного пути, который выпадает на долю человека, «жизненной реки», которую он переходит вброд. Порой человек оказывается неподготовленным к жизни («Приходит время, и ты отправляешься в путь / иногда нет времени на сборы»), он идет, повинуясь «зову

природы», не уверенный, «что ждет его впереди», «но готовый к жертвам». Несмотря на неприятности, которые сулит нам непредсказуемая жизнь, тем не менее, мы всегда надеемся на встречу друг с другом «в лабиринте жизни»: «Мы вброд переходим эти реки / никогда не уверены, что вернемся / Но надеемся встретиться где-то / в лабиринте жизни в поиске выхода…» [Luvai et al., 2000, p. 127]. Оптимистический характер стихотворения ощущается не только в надежде на встречу людей в «лабиринте жизни», но и в финальном «поиске выхода» из лабиринта: поэтесса верит, что человек не бездумно бредет в одиночестве, натыкаясь на стены лабиринта, а постоянно ищет выход из сложных, запутанных ситуаций. Оптимизм и желание писать о простых вещах, одновременно радуясь им, — явление крайне редкое в стихах кенийских поэтов XX века, поэтому стихи Иды Макоха-Накхайо, представительницы нового поколения кенийских поэтов, представляются важным признаком смены художественного сознания кенийского писателя, хоть, возможно, такая поэзия и звучит пока несколько наивно. Тем не менее, немногочисленное пока творчество Макохи-Нагхайо свидетельствует о преемственности философски-лирических умонастроений поэтов XX века.

Говоря об оптимистических нотках, которые все чаще появляются в поэзии кенийской молодежи 2000-х, невозможно не вспомнить творчество Каролин Ндериту (род. 1976). Представительница шоу-бизнеса, актриса, модель, ведущая на радио и телевидении, Ндериту сегодня выступает с мастер-классами по публичному выступлению и сама нередко декламирует со сцены свои произведения. Одним своим видом книга стихов Ндериту «Играй на своем барабане» [Nderitu, 2002], яркое, красочное издание, выдает автора как открытого и позитивного публичного человека.

Стихи Каролин Ндериту просты, ясны, лишены какой-либо двусмысленности, можно сказать, незатейливы: она вдохновенно говорит о радости жизни, о дарующей счастье и душевное спокойствие природе, о дружбе и любви.

Почему встает солнце
Почему мы встаем поутру
Откуда дыхание в нашей груди
Почему мы здесь
Надежда
Ради надежды живем
Не ради зеленой травы,
Что лежит под ногами
Не ради облака, что спокойно

Плывет над нами
Не ради теплого света солнца
И прохладой дышащего бриза
А ради надежды
Ради надежды живем
Не ради растущих манго,
Но семени ради, что брошено в землю
И даст урожай
Не ради колодца, дающего влагу
Но глянь-ка облака собираются
Будет дождь
И наполнятся реки
Реки радости
Реки мира
Жизни
Надежды
Ради надежды живем
Почему малыш хочет встать
Почему вздыхает вдова
Почему строитель
Ставит камень на камень
Рыбак отчего
Забрасывает сеть свою в озера гладь
Надежда
Ради надежды живем
Не ради вчерашнего дня
Не ради сегодня
Не ради бурлящего завтра
Надежда
Ради надежды живем
Пусть она
Нас не оставит!
«Ради надежды», (*For hope*) [Nderitu, 2002, p. 29—30].

Подобные настроения все чаще мелькают в творчестве молодых кенийских авторов рубежа веков и являются отражением положительных перемен в современном кенийском обществе. Тем не менее, они все же теряются на общем поэтическом фоне, кроме того, характерны преимущественно для женского крыла кенийской англоязычной поэзии.

В стихах Нельсона Алусалы (род. 1973) из упомянутой выше антологии оптимизм соседствует с горечью разочарований, которую ощущает поэт, вспоминая прошлое своей страны и оценивая ее настоящее. Герой стихотворения «Кровоточащие сердца» (*Bleeding hearts*) обращается к неизвестному собеседнику, называя того братом, горя желанием поделиться с ним своим ощущением скованности и рабского страха перед сильным и кровожадным врагом, в котором угадывается европейская цивилизация и неоколониализм:

Приди, брат, приди.
Тьма окутала нас,
Враг тихо напал… [Luvai et al., 2000, p. 212].

Герой просит собеседника «изгнать чужеземца», но внезапно осознает, что тот уже успел поддаться влиянию «врага», став его марионеткой:

О! Знаю, знаю теперь,
Ты не придешь.
Ты его слепая марионетка,
Кукла ты! [Ibid.].

Однако вскоре этот возглас сменяется другим, в котором звучит надежда героя на счастливый исход борьбы с «чужеземным врагом», поэтому так отрывисто и резко звучат последние слова стихотворения, похожие на предсмертный хрип:

Горящая пыль
Губит меня.
Но я надеюсь,
Надеюсь,
На-де-юсь! [Ibid.].

В начале нового тысячелетия молодые кенийские поэты активно пишут на тему взаимодействия европейцев и африканцев в колониальном и постколониальном пространстве, при этом заметно, как тема колониального правления переосмысляется в их творчестве.

Негативным последствиям пребывания европейцев на территории Африки посвящено стихотворение Очиенга Орвенджо (род. 1974) «Миротворцы» (*The Peacekeepers*), в котором автор осуждает лицемерную поли-

тику Запада в Африке. В самом начале стихотворения говорится, что африканцы сами способствовали приходу белых, исполнивших для чернокожих роль «няньки», окружившей Африку «предродовой заботой» — своеобразная аллегория колониального патронажа; однако, утверждает поэт, «послеродовой уход был невыносим»:

С грохотом сапог,
С уродливыми гигантскими ружьями,
С набитыми смертью ранцами,
С огромными танками,
С противогазами,
С острыми мечами
Они пришли,
Но сказали, что пришли с миром.
Однако мир
Надолго покинул нас! [Luvai et al., 2000, p. 224—225].

Экспрессивность в описании достигается нагнетанием образов, которое наиболее точно передает весь ужас войны, особенно в контрасте с издевательски лицемерным понятием «миротворцы» (напомним, что именно так называется стихотворение):

Битвы плач разразился.
Пушки ударили громче.
Всюду витает дух смерти [Ibid.].

В финале стихотворения автор, выступая от имени своих соотечественников, говорит о принципиальной невозможности белых сохранить на африканском континенте мир таким, каким представляется он африканцам: «мы надеялись на мир / мир чернокожего / слишком неуловим, чтобы белый хранил его». В стихотворении «Их цивилизация» (*Their civilization*) Орвенджо уже переходит на критику собственно европейской цивилизации, вскрывая лицемерную, на его взгляд, сущность европейского общества:

У них нецивилизованная цивилизация,
Они соблюдают приличия —
Молча едят за столом поодиночке.
Они любят в церкви,

Ненавидят в суде.
Их семьи — Частная жизнь —
У них мало родни.
Эгоизм их любовь, для них
Полигамия — дикость, измена — в порядке вещей
[Luvai et al., 2000, p. 211].

Позиция автора, убежденного в лицемерии и ханжестве белых, передается при помощи созданной им контрастной дихотомии («Они любят в церкви / Ненавидят в суде» или «Полигамия — дикость, измена — в порядке вещей»), оксюморона («нецивилизованная цивилизация»); аллитерации (повторение звука s в *theirs is uncivilized civilization, meals singly silently taken* придает высказываниям угрожающий оттенок).

Стихи Орвенджо и Алусалы — типичный пример обличительной поэзии, их творчество с легкостью обнаруживает преемственность с наиболее яркими ее образцами 60—70-х годов XX века. В этом ключе продолжают творить многие кенийские авторы, главным поэтическим кредо которых становится протест и борьба с несправедливостью.

Однако не все кенийские поэты нового поколения занимают позицию критиков и обличителей, даже когда речь заходит о социально-политических мотивах. Многие стихи англоязычных поэтов Кении рубежа веков представляют собой гимн человеку, способному найти в себе силы сопротивляться злу, стойко переносить жизненные невзгоды, вопреки любым трудностям добиться успеха и обрести счастье. Именно такой позиции придерживается Бернард Очанда-Оскар. Для героя его стихотворения «Заря» созидающей силой является любовь юноши хуту и девушки тутси — этих символов одного из самых кровавых межэтнических конфликтов современной Африки. Герой обращается к своей возлюбленной со словами:

Не плачь, Мари Мокеле, ведь рождается новая жизнь
Утри слезы ради нового дня
О, приди в объятья мои, мы ведь вместе страдали
Нас разделяли границы, барьеры
Но вот мы повстречались среди терний и дрожи.
Давай же прогоним страданья и боль
Простимся с этнической рознью, садизмом
Ведь, Мокеле, мы встретились посреди этой печали
[Ochanda-Oscar, 2001, p. 18].

Герой вспоминает, сколько лишений принесло ему жестокое противостояние двух соседних народов: «И там, Мокеле, там, в Гоме / умерли мои сестра, брат и мама». На фоне всех этих несчастий встреча двух влюбленных, принадлежащих к враждующим народам, воспринимается героем не только как способность «ухватиться за ниточку жизни» («Я, как и ты, хватаюсь за ниточку жизни»), но и как обретение утраченной надежды на мир, символом которой станет новая семья «хутутси»:

Да, мы выжили чудом —
Наши души ожили, мы обрели надежду
<…>
Я — хуту, ты — тутси, мы оба страдали
Поженимся — станем хутутси
Не плачь, не плачь, Мари
И хотя война все еще пожирает наши семьи
Мы встретились среди разрушений
Помни, мы обещали друг другу
Стать новой семьей
На заре новой жизни [Ochada-Oscar, 2001, p. 19].

Стихотворение Очанды-Оскара — яркий пример того, как меняется со временем ландшафт тем, волнующих молодых кенийских поэтов. Это уже не далекое восстание Мау-Мау (1952—1957) или война во Вьетнаме, о которых пишет Мисере Муго в далеких 60-х, а кровавый конфликт, разразившийся в недавнем прошлом, последствия которого ощущаются по сей день.

В 2000-е годы в кенийской англоязычной поэзии появляется множество новых имен, издается масса книг, в том числе сборники стихов. Кения переживает настоящий «печатный бум», что способствует притоку в кенийскую литературу «свежей крови». Стивен Партингтон, Эрик Мванги, Капкирвок Джэйсон, Эдвин Агеса — вот лишь некоторые имена представителей кенийской поэзии начала 2000-х годов. Каждую работу отличает индивидуальный, личностный подход автора к поэтическому творчеству. И вновь читатель сталкивается со знакомой парадигмой: философская рефлексия, с одной стороны, и обличительный пафос, с другой. Ярким примером такой дихотомии может служить обличительная поэзия Эрика Мванги и лирика Капкирвока Джейсона.

3. Новые формы обличительной поэзии: творчество Эрика Мванги

Книга Мванги «Собирая урожай золота» [Mwangi, 2003], оформленная яркими кричащими иллюстрациями, объединяет стихи разной тематики,

но в целом читатель не может не почувствовать весь обличительный пафос его поэзии, который выражается в том числе на формальном уровне, как, например, в стихотворении «Вечно ненавидимый» (*Forever hated*):

Blunted and hurt	Ослабленный и раненый,
Hunted and overworked	Загнанный и измотанный,
Cursed from birth	С рождения проклятый
I must end my lust	Мне нужно утолить свою жажду,
Or else I'll rust…	Иначе я стану ржавым…
	[Mwangi, 2003, p. 22].

Рубленые фразы, акцент на отдельных словах, обилие аллитераций — эти стихи словно физически хотят пробиться в сознание читателя. Лексика, описывающая негативные состояния или действия (раненый, загнанный, измотанный, проклятый — в оригинале: *hurt, hunted, overworked, cursed*), способствует созданию гнетущей атмосферы.

Поэзия Мванги — это пример проникновения молодежной субкультуры в кенийскую англоязычную поэзию: его стихи сродни речитативу рэп-поэзии с четко обозначенными рифмами, размером с характерной цезурой и ярко выраженными ударными гласными:

Silk suits and a Mercedes Benz	Шелковые костю́мы, / дорогая маши́на
The world's greed has no end	Мирская жа́дность / не знает верши́ны
Substitute blood money for solútions	Кровавые де́ньги / взамен реше́ний
Results in needless pollútion	Приводят к нену́жности / осквернéний
	«Марионетки» (Puppets)
	[Mwangi, 2003, p. 16].

Тема разрушения, гниения, тлена смерти — доминирующая черта творчества Мванги. Так, в вышеприведенном стихотворении читаем дальше:

Нечего больше рассчитывать на политиков,
Ведущих экономику к погибели
Все равно, что добровольно ко дну пойти
Порнография объявлена свободой слова,
Мир постоянными войнами скован
Религия, что должна служить пониманию,
Стала профессией, а не призванием
Ищут популярности,
Миллиардами откупаясь

Марионетки заполнили библиотеки
Законы творятся мошенниками
В полиции одни пьяницы блаженствуют
Суд — бомба замедленного действия
Мы ступаем точно по краю лезвия
Как по вулканам или в центре торнадо
Бандиты не ослабят никогда
Удавку цен на шее мира
Кто-то более властный остановить это в силах
[Mwangi, 2003, p. 16].

Слова *dying, blood, rape, thug* (смерть, кровь, насилие, убийца) кочуют у Мванги из стихотворения в стихотворение. Всеобщее моральное разложение, бесчеловечность, тотальное непонимание — вина, возлагаемая лирическим героем Мванги на общество; поэта страшит бездушие людей, он полон фрустрации и неверия:

Кружусь, не заботясь,
Где приземлиться
Я догадался
Никто не поймет,
Что я мог разбиться,
Что потеряю все, что имел!
<…>
Кому есть дело, что будет завтра?
Стоит ли мне объяснять,
Зачем я хочу жить, не умирать?
Для бездушного общества
Разве значит, кем я хочу стать?
Благие деяния не замечают,
Зачем напрягаться?
Зачем притворяться?
Может к дьяволу в слуги податься?
Как могу я испытывать гордость?
Мое будущее сплошное притворство
Сможет ли кто-то понять,
Что я на исходе?
«Никто не понимает» (*Nobody understands*)
[Mwangi, 2003, p. 31].

Ощущение фрустрации, потерянности и неверия в каждой строчке таких стихотворений, как «Сильнее меня» (*Beyond my control*), «Падшие герои» (*Fallen heroes*), «Чувство вины» (*Guilty Conscience*), «Без корней» (*Rootless*), «Пустота» (*Emptiness*), «Невыразимая агония» (*Indescribable agony*) — уже в самих названиях стихов Эрика Мванги чувствуется отчаяние лирического героя и протест против современного мироустройства. Стихи Мванги — это обличительная речь молодого человека, в которой он обвиняет общество, построенное на лжи, притворстве, крови; это обвинение, которое герой его поэзии выдвигает миру, где правят деньги, а жизнь человека потеряла ценность:

Образы смерти наполняют мою душу
Это не мой выбор
Это сильнее меня
Я закрываю глаза.
Отвергая мир, в котором живу
«Сильнее меня»
(*Beyond my control*) [Mwangi, 2003, p. 28].

Эрик Мванги — достойный продолжатель традиций протестной поэзии второй половины XX века. Однако обличительная поэзия Мванги 2000-х годов с характерными чертами социальной и политической ангажированности претерпела значительные изменения на формальном уровне: для нее характерны присутствие рифмы, которой так пренебрегали поэты старшего поколения, и явные признаки молодежной субкультуры, прежде всего декламационной поэзии, наиболее ярко выраженной в рэп-культуре. Да и в целом поэзия Мванги во многом агрессивнее наиболее показательных образцов протестной поэзии XX века.

4. Элегическая поэзия Капкирвока Джейсона как пример философски-лирического направления кенийской поэзии новейшего времени

Помимо протестных настроений, сохранившихся, как видим, и в поэзии 2000-х, продолжает заявлять о себе и философски-лирическое направление.

Так, поэт, колумнист и общественный деятель Капкирвок Джейсон в своем сборнике стихов «Пульсация разума» [Jason, 2001] пускается в философские размышления о жизни и смерти, быстротечности времени, уходящей молодости, неисполненных мечтах, во многом напоминая классика кенийской англоязычной поэзии, семидесятника Джареда Ангиру. Приве-

дем примеры, позволяющие читателю почувствовать минорные настроения поэзии Капкирвока Джейсона:

Я камешек в бесконечном потоке жизни,
Принесенный бурлящим теченьем,
Чтобы прикорнуть в песках времени
Нежных, мягких, зыбучих
И смотреть, как жизнь проносится мимо.
Чему безмятежность научит меня?
«Галька, застрявшая в песках времени»
(*A pebble in the sands of time*) [Jason, 2001, p. 18].

Дни несутся
Заветная молодость гаснет
И я чувствую, как умираю день за днем
И все больше лелеемых воспоминаний
О том, что ушло.
«Молодость» (*Youth*) [Jason, 2001, p. 36].

Мы страдаем, мы надеемся, страдаем и надеемся вновь
Мы умираем, мы молимся, умираем и молим о переменах
Мы спим, мы грезим, спим и вновь предаемся мечтам
Мы умоляем, мы жаждем страстно, молим и ждем перемен.
«Страдаем…надеемся…мечтаем»
(We suffer…we hope…we dream) [Jason, 2001, p. 59].

Вселенской скорби и тоске, неизменно присутствующим в лирике Джейсона, непременно сопутствуют философические умонастроения лирического героя его стихов: человек страдает, он на грани смерти, но все же надеется, мечтает; а прибитый течением голыш, погруженный теперь в вязкий песок, обреченный на вечное спокойствие — так ли он счастлив в своем одиночестве и безмятежности? Тема желаемого одиночества, стремления человека спрятаться от всех невзгод и бурь мира в некое подобие убежища, побыть наедине с собой (лирический герой поэзии Джейсона видит это настоящим подарком для себя) — чрезвычайно актуальна для творчества Капкирвока Джейсона:

Одному, одному, просто одному
Помечтать о своем

Собраться с мыслями
Посеять зерна бесконечных обетов,
Чтобы снова собрать урожай обещаний,
Пока время отмеривает все больше насмешек
«Один» (*Alone*) [Jason, 2001, p. 35].

5. Заключение

Таким образом, мы видим, что кенийские англоязычные поэты рубежа XX—XXI веков во многом демонстрируют преемственность традиций, заложенных авторами старшего поколения. Так, практически без изменений сохраняется типологическая дихотомия кенийской англоязычной поэзии: социально-политическое и философски-лирическое направления как основные в творчестве кенийских поэтов. В стихах на социально-политическую тематику молодые кенийские поэты не только вспоминают о давних взаимоотношениях Европы и Африки, давая свою оценку историческим событиям (как Алусала или Орвенджа), но и говорят об общечеловеческих ценностях, не оставаясь в стороне от локальных конфликтов сегодняшних дней, вызванных межэтнической рознью, таких как столкновение тутси и хуту в Руанде в 1990-х, о котором в 2000-х пишет Очанда-Оскар. Стоит отметить, что социально-политической поэзии авторов нового поколения в равной степени чужда «лозунговость» и прямолинейность образов, характерные для политической поэзии 60—70-х годов XX века. Конкретизация заменяется большей образностью, метафоричностью. В целом важно отметить, что при сохранении двух ключевых тенденций кенийской англоязычной поэзии художественный стиль, манера изложения в творчестве авторов нового поколения существенно меняются, берутся на вооружение принципиально новые художественные средства, как в случае с поэзией Мванги.

Отдельно важно отметить, что в стихах авторов 2000-х все чаще появляется рифма (Бернард Очанда-Оскар, Эрик Мванги) — увлечения кенийских англоязычных поэтов старшего поколения модернистской поэзией Запада, в частности верлибром, сменяются в творчестве молодых авторов новым отношением к классическим законам стихосложения, для многих рифма становится важнейшим художественным средством.

Литература

1. *Фролова Н. С.* Столкновение Востока и Запада : восточноафриканский взгляд. Англоязычная лирика Джареда Ангиры и поэзия протеста Мисере Муго / Н. С. Фролова // Встреча Востока и Запада: взаимодействие литератур и традиций. — Москва : ИМЛИ РАН, 2020. — С. 75—90.

2. *Angira J.* Juices / J. Angira. — Nairobi, 1970. — 63 p.
3. *Angira J.* Silent voices / J. Angira. — Nairobi, 1972. — 88 p.
4. *Angira J.* Soft corals / J. Angira. — Nairobi, 1973. — 155 p.
5. *Angira J.* Cascades / J. Angira. — Nairobi, 1979. — 143 p.
6. *Jason K.* Heartbeats of the mind / K. Jason. — Nairobi, 2001. — 59 p.
7. *Luvai A*. Echoes across the valley / A. Luvai, K. Makokha (eds.). — Nairobi, 2000. — 258 p.
8. *Macgoye M. O.* Make it sing and other songs / M. O. Macgoye. — Nairobi, 1998. — 112 p.
9. *Mugo M.* Daughter of my people, sing! / M. Mugo. — Nairobi, 2016. — 87 p.
10. *Mugo M.* My mother's poem and other songs / M. Mugo. — Nairobi, 1994. — 85 p.
11. *Mwagiru M.* Screams from a strangled soul / M. Mwagiru. — Nairobi, 1980. — 85 p.
12. *Mwangi E.* Harvesting gold / E. Mwangi. — Nairobi, 2003. — 100 p.
13. *Nderitu C.* Play your drum / C. Nderitu. — Nairobi, 2003. — 64 p.
14. *Ochanda-Oscar B.* Aurora Kigali / B. Ochanda-Oscar // Mwangaza: The Journal of Literature Students Association. — 2001. — Volume 2, Number 1. — P. 18—19.
15. *Toweett T.* Epitaph to colonialism and other poems / T. Toweett. — Nairobi, 1980. — 87 p.
16. *Yambo M.* Man without blood / M. Yambo. — Nairobi, 1977. — 76 p.

Anglophone Poetry in Kenya at the Turn of the Century: Past Experience and Artistic Transformation

© Natalia S. Frolova (2021), orcid.org/0000-0003-3155-413X, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAS) (Moscow, Russia), samaki@mail.ru.

The main trends in the development of the English-language poetry of Kenya at the turn of the XX—XXI centuries are considered. The main material is a collection of poems by Kenyan poets, first published in the early 2000s. Particular attention is paid to the ideological and artistic transformation in the work of the young generation of Kenyan poets of the key directions in the development of Kenyan English-language poetry, which developed in the first half of the XX century. The novelty of the research lies in the conclusion about the continuity of the experience of the older generation poets by the English-speaking Kenyan poets, which is expressed in the development of two key directions of the development of Kenyan English-language poetry: socio-political and philosophical-lyric. At the same time, a fundamental change in the artistic method and style transformation is noted in the work of the new generation of Kenyan authors: unlike their predecessors, young Kenyan poets are increasingly gravitating towards the use of rhyme, expressed allegory and imagery, and also adopting previously untested techniques, for example, the use of elements of youth subculture. New material has been brought in, many names are first introduced into the everyday life of domestic and world African studies.

Key words: English poetry of Kenya; literature of the XXI century; poetry of protest; accusatory poetry; philosophical lyrics; Ida Makokha-Nagayo; Nelson Alusala; Eric Mwangi; Caroline Nderitu; Trap Jason.

References

Angira, J. (1970). *Juices.* Nairobi. 63 p.
Angira, J. (1972). *Silent voices*. Nairobi. 88 p.
Angira, J. (1973). *Soft corals*. Nairobi. 155 p.
Angira, J. (1979). *Cascades*. Nairobi. 143 p.
Frolova, N. S. (2020). Stolknoveniye Vostoka i Zapada: vostochnoafrikanskiy vzglyad. Angloyazychnaya lirika Dzhareda Angiry i poeziya protesta Misere Mugo [The Clash of East and West: An East African View. Jared Angira's English lyrics and Misere Mugo's protest poetry]. In: *Vstrecha Vostoka i Zapada: Vzaimodeystviye literatur i traditsiy* [Meeting of East and West: Interaction of literature and tradition]. Moskva: IMLI RAN. 75—90. (In Russ.).
Jason, K. (2001). *Heartbeats of the mind*. Nairobi. 59 p.
Luvai, A., Makokha, K. (eds.). (2000). *Echoes across the valley*. Nairobi. 258 p.
Macgoye, M. O. (1998). Make it sing and other songs. Nairobi. 112 p.
Mugo, M. (1994). *My mother's poem and other songs*. Nairobi. 85 p.
Mugo, M. (2016). *Daughter of my people, sing!* Nairobi. 87 p.
Mwagiru, M. (1980). *Screams from a strangled soul*. Nairobi. 85 p.
Mwangi, E. (2003). *Harvesting gold.* Nairobi. 100 p.
Nderitu, C. (2003). *Play your drum*. Nairobi. 64 p.
Ochanda-Oscar, B. (2001). Aurora Kigali. *Mwangaza: The Journal of Literature Students Association, 2/1:* 18—19.
Toweett, T. (1980). *Epitaph to colonialism and other poems*. Nairobi. 87 p.
Yambo, M. (1977*). Man without blood.* Nairobi. 76 p.

Исторические науки
Historical sciences

Александра Владимировна Спичак, канд. истор. наук (Нижневартовск)
Андрей Владиславович Виноградов, канд. истор. наук (Тюмень)
Анна Васильевна Хазина, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Базар Догсонович Цыбенов, канд. истор. наук (Улан-Удэ)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Владислав Витальевич Шведов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Инна Николаевна Мамкина, д-р истор. наук (Чита)
Ирина Васильевна Клюева, канд. филос. наук (Саранск)
Константин Николаевич Тихомиров, канд. истор. наук (Новосибирск)
Лидия Владимировна Софронова, д-р истор. наук (Нижний Новгород)
Майя Ивановна Львова, канд. экон. наук (Екатеринбург)
Марина Николаевна Тихомирова, канд. истор. наук (Новосибирск)
Милена Нуриевна Османова, канд. истор. наук (Махачкала)
Наталья Юрьевна Гусевская, канд. пед. наук (Чита)
Ольга Васильевна Яблонская, канд. истор. наук (Арзамас)
Сергей Анатольевич Иконников, д-р истор. наук (Воронеж)
Федор Владимирович Николаи, д-р филос. наук (Нижний Новгород)

Виноградов А. В. Борьба с промышленным загрязнением в Российской империи: законодательный контекст (1800—1917) / А. В. Виноградов // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 277—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-277-291.

Vinogradov, A. V. (2021). Combating Industrial Pollution in the Russian Empire: Legal Context (1800—1917). *Nauchnyi dialog, 2:* 277-291. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-277-291. (In Russ.).

УДК 94:632.15(47)“1800/1917”
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-277-291

Борьба с промышленным загрязнением в Российской империи: законодательный контекст (1800—1917)[1]

© Виноградов Андрей Владиславович (2021), orcid.org/0000-0003-2646-9723, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра «Человек, природа, технологии», федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), AndreiVinogradov@gmail.com.

Статья посвящена рассмотрению российского дореволюционного законодательства, регламентировавшего контроль над промышленным загрязнением окружающей среды. Проанализировано раннее российское санитарное законодательство и особенности его развития в XIX — начале XX вв. Особое внимание уделено позициям различных социальных групп по вопросам государственного и общественного контроля над санитарным состоянием промышленных предприятий. Показано, что первые нормы, запрещавшие загрязнение воды и воздуха, появились уже в начале XIX века. Автор отмечает, что, хотя они не содержали четких критериев и мер к устранению загрязнения, это было свойственно многим европейским странам исследуемого периода. Как показывает круг изученных источников и литературы, активная работа по выработке комплексных мер против промышленного загрязнения началась в 1890-х годах и продолжалась вплоть до революции: она не принесла практических результатов в юридической плоскости, но способствовала значительному углублению научных представлений об окружающей среде. Автор приходит к выводу, что, несмотря на революционные события 1917 года, дореволюционный опыт в борьбе с загрязнением окружающей среды оказал значительное влияние на развитие советской экологической политики.

Ключевые слова: экологическая история; промышленное загрязнение; Российская империя; XIX век; законодательство.

1. Введение

Загрязнение окружающей среды представляет собой одну из самых тревожных экологических проблем современности. Согласно докладу Комиссии Ланцет, оно уносит ежегодно девять миллионов жизней —

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00134).

в три раза больше, чем малярия, туберкулез и СПИД, вместе взятые [The Lancet …, 2019]. По официальным данным, каждый восьмой россиянин живет в городе с высоким уровнем загрязнения воздуха [Государственный доклад ..., 2018], и, хотя в последние годы этот показатель несколько улучшился, загрязнение могло стать причиной до 17 % преждевременных смертей в постсоветской России [Reshetin et al., 2004]. Случаи загрязнения окружающей среды промышленными отходами в Норильске, Карабаше, на Камчатке и озере Байкал вызывают заметную общественную реакцию, становясь все более важной частью современной политической повестки.

Часто загрязнение воды и воздуха промышленными отходами воспринимается как сравнительно новая проблема, унаследованная от советской эпохи, хотя оно стало частью российской национальной повестки еще в XIX столетии. В эпоху ранней индустриализации общество получило невиданные ранее возможности к превращению материи и впервые столкнулось с материалами, влияние которых на окружающую среду и здоровье человека еще оставалось неизученным. Формирование общепринятых представлений о промышленном загрязнении и методах борьбы с ним, которые впоследствии утверждались национальным законодательством, было долгим и сложным процессом, который требовал участия граждан, промышленников, чиновников и экспертов.

Борьба с загрязнением окружающей среды — одна из наиболее ранних тем в экологической истории. Эволюцию представлений о том, какая концентрация веществ в воздухе и водоемах считается допустимой, исследовал Питер Торсхейм на примере Великобритании [Thorsheim, 2018]. Вклад французских ученых и лабораторий в разработку первых норм предельно допустимой концентрации и «зеленых» технологий рассматривался в книгах Женевьевы Массард-Гильбо, Франсуа Жаррижа и Томаса Ле Ру [Jarrige et al., 2020; Bernhardt, et al., 2002]. Упомянутые исследователи проанализировали особенности становления национального экологического законодательства европейских стран по отношению к загрязнению в контексте развития науки, гражданского общества и государственных институтов. Однако российский опыт по-прежнему остается маловостребованным с этой точки зрения. Если советский этап в истории экологической политики получил некоторое освещение в исторической науке [Пиджаков, 1994; Шмыглева, 2003], то дореволюционный период крайне редко привлекал к себе внимание исследователей. Отдельные статьи, содержащие подробный разбор российского санитарного законодательства в XIX веке, появились в 1940—50-е годы [Несмеянова, 1953; Черкинский, 1949], после чего надолго выпали из исследовательского поля исторической науки. Современные экологические

историки рассматривали законодательство против промышленного загрязнения, как правило, в более широком контексте, не делая его предметом специальных исследований [Афанасьев, 2017; Mazanik, 2018].

В этой связи ряд вопросов в отечественной историографии по очерченной проблематике остается открытым. Какую роль играло российское законодательство в борьбе с промышленным загрязнением окружающей среды? Могло ли оно стать решением экологических проблем промышленного роста в Российской империи или было лишь инструментом, которым следовало воспользоваться соответствующим институтам? Насколько совершенным оно было по сравнению с законодательством европейских стран? Чтобы ответить на эти вопросы, мы проанализируем раннее российское санитарное законодательство в первой половине XIX века, обозначим особенности его трансформации в период активного промышленного роста и, наконец, уделим внимание попыткам его комплексного реформирования, которые были прерваны в результате событий 1917 года.

2. Законодательство по охране воды и воздуха от загрязнения в первой половине XIX столетия

Законодательство играло двоякую роль в разрешении конфликтов, связанных с промышленным загрязнением. С одной стороны, попытки законодателей установить единые правила для регулирования санитарного состояния заводов и фабрик по всей империи [О наблюдении чистоты ..., 1830, с. 613] оставались безуспешными из-за отсутствия четких инструкций и системы их практической реализации. На протяжении всего «долгого XIX столетия» строгость применения санитарных норм зависела от местных условий и варьировалась от их полного игнорирования до чрезмерного преследования промышленников. С другой стороны, эволюция санитарного законодательства отражала эволюцию взаимоотношений между государством, обществом и промышленностью, которые были важны в контексте борьбы с загрязнением в авторитарном государстве.

В начале XIX века заводы и фабрики стали достаточно многочисленными, чтобы серьезно загрязнять озера, реки и воздух в крупных российских городах, но лишь единицы были достаточно крупными, чтобы стать предметом государственной заботы. Если для местных властей промышленность могла служить источником дохода, то высшие ведомства видели в ней скорее угрозу привычному социальному и экономическому укладу, которая становилась более заметной благодаря санитарным издержкам. Неслучайно, что первое общероссийское постановление, касавшееся соблюдения санитарных норм при строительстве заводов, стремилось решить проблему, убрав ее

причину «с глаз долой». Оно состоялось в 1803 году: после своей поездки по городам Российской империи Александр I объявил именной указ астраханскому губернатору Дмитрию Васильевичу Тенишеву, предписывающий ему и всем остальным гражданским губернаторам Российской империи, если им станет что-либо известно о «вредных» заводах и фабриках, сообщать о них в Министерство внутренних дел, а впредь не дозволять строительство подобных предприятий [О наблюдении ..., 1830, с. 815].

Благодаря указу 1803 года, Министерство внутренних дел (МВД) стало высшей инстанцией по решению вопросов, связанных с промышленным загрязнением, каковой и оставалось вплоть до революции. Однако, переведя борьбу с вредными заводами и фабриками на «ручное управление», указ оставлял неясными полномочия местных властей по отношению к ним. Губернаторам предписывалось только докладывать о существующих проблемах, а не решать их. Кроме того, указ не давал никаких инструкций по отношению к тем вредным заводам, которые уже были построены на законных основаниях.

Стараясь систематизировать работу в этом направлении, в 1818 году глава Министерства полиции (которое через год вошло в состав МВД) граф Вязьмитинов разослал гражданским губернаторам циркуляр, где просил их заполнить ведомость об имеющихся в городах заводах и фабриках, «смрад и нечистоту производящих». Списки получились настолько внушительными, что свести их и определить надлежащие меры МВД смогло только в 1826 году. По мнению министерства, существование подобных заводов в городской черте было недопустимым, и их нужно было переносить на новые места. «Дабы не расстроить хозяев тех заведений переносом всех их вдруг», МВД предлагало губернаторам определить подходящие места для заводов и фабрик за пределами городов ниже по течению рек, и отдавать такие земельные наделы фабрикантам безвозмездно. На решение этого вопроса давался десятилетний срок [О переведении ..., 1830, с. 494].

Однако даже такого продолжительного времени было недостаточно, чтобы решить проблему размещения промышленности во всей империи. Вместо постепенного и безболезненного решения вопроса МВД получило лишь очередной поток писем от губернаторов с просьбами разъяснить, что следует делать, если у городов нет в распоряжении мест, которые соответствовали бы всем необходимым требованиям и могли бы быть отданы промышленникам безвозмездно. Такие места должны были располагаться не слишком близко к городу (поскольку города в тот период быстро росли), но и не слишком далеко, чтобы не терять доступа к транспортным путям. Не допуская возможность строительства заводов и фабрик выше городов по

течению рек, закон при этом не устанавливал допустимого расстояния, что значительно осложняло решение вопроса. Ярким примером тому являются долгие разбирательства с владельцами промышленных заведений в Митаве (современный город Елгава в Латвии), в результате которых МВД признало единственным возможным вариантом оставить их на прежних местах на неопределенное время [РГИА, ф. 1287, оп. 36, д. 1058].

3. Регулирование промышленного загрязнения в период кодификации российского законодательства и годы Великих реформ

Так и не будучи подкрепленным подробными инструкциями, запрет на строительство вредных предприятий в городах вошел в российское законодательство в самом неопределенном виде. Вплоть до 1917 года он сохранялся в 408 статье Устава строительного, которая гласила: «Фабрик и заводов, вредных чистоте воздуха, в городах и выше городов по течению рек и протоков строить не дозволяется. Если же где таковые уже существуют, то об оных делается представление министру внутренних дел, с особенным описанием качества их и цены. Для перенесения такого рода заведений губернские начальства обязаны отводить места и раздавать безденежно желающим в собственность с тем, чтобы, кроме сих мест, нигде более таковых заведений не было устраиваемо» [Устав строительный ..., 1881, с. 124—125].

Однако действие этой нормы ограничивалось уже в следующей 409 статье, которая позволяла оставлять предприятия на прежних местах по распоряжению МВД. Она давала потерпевшим судебные неудачи промышленникам возможность апеллировать к министру внутренних дел, который, в свою очередь, обычно оставлял решение вопросов санитарного характера Медицинскому департаменту МВД. Как правило, вести разбирательства на уровне МВД и Правительствующего Сената, высшей судебной инстанции, могли себе позволить только состоятельные владельцы крупных производств, которые пользовались поддержкой губернатора, а остальные нередко становились «жертвами» 408 статьи Устава строительного.

Благодаря активной работе по кодификации российского законодательства, проводившейся во времена Николая I, в 1845 году увидело свет Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Оно ввело уголовную ответственность, в числе прочего, за нарушение чистоты воздуха и воды и преступления против общественного благоустройства. Согласно статье 1053 Уложения, если кто-либо построил вредную фабрику в черте города или выше него по течению реки, такая фабрика уничтожалась за счет виновника, который вдобавок должен был выплатить штраф в размере

от пятидесяти до ста рублей. Если предприятие при этом было построено без надлежащего разрешения, то, по статье 1363, нарушителю следовало заплатить еще один штраф и компенсировать вред, причиненный местному населению [Уложение о наказаниях ..., 1845, с. 430, 556]. Как видно из этих двух норм, законы Российской империи могли быть достаточно суровы к промышленникам, чьи предприятия причиняли ущерб окружающей среде и здоровью населения: еще в первой половине XIX столетия такие деяния перешли в разряд уголовно наказуемых. Но именно суровость закона отчасти повлияла на то, что Уложение о наказаниях редко находило практическое применение в конфликтах, связанных с загрязнением. С годами значение промышленности возрастало, промышленные предприятия приносили ощутимую прибыль государству и давали средства к существованию все большему числу рабочих, но Уложение не давало им возможности принять меры к сокращению наносимого вреда, то есть предлагало выбор только из двух полярных решений: завод мог быть либо признан вредным и закрыт, либо считаться безвредным и остаться на месте. Промежуточные сценарии стали возможными лишь на закате царской России.

Когда реформы Александра II преобразовали судебную систему и местное самоуправление, в российском санитарном законодательстве тоже произошли значительные изменения. Изданный в 1864 году Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, наделял мировые и городские суды правом наказывать заводовладельцев за отведение нечистот в городскую канализацию или водоемы (ст. 52) и за порчу воды «в местах, где ее берут для внутреннего употребления» (ст. 111) [Судебные уставы ..., 1867, с. 33—48]. В ведение вновь образованных городских управ, согласно Городовому положению 1870 года, вошло разрешение строительства промышленных заведений в городах, но только таких, которые могли быть допущены повсеместно в силу своей безвредности [Городовое положение …, 1870]. Список опасных заводов и фабрик, открытие которых выходило за пределы полномочий городского самоуправления, составлялся Министерством внутренних дел по согласованию с Министерством финансов. Право одобрять или отклонять ходатайства о строительстве предприятий из этого списка принадлежало губернским правлениям, но, согласно циркуляру МВД, они не могли игнорировать при этом позицию городских дум, которые должны были давать заключение по каждому частному случаю [Устав строительный ..., 1881, с. 309]. Как видно, система взаимодействия между МВД, региональными властями и самоуправлением по вопросам загрязнения окружающей среды была довольно запутанной и непрозрачной. Неясность полномочий городских дум, управ и земств часто провоцировала и усугубляла конфликты

в этой области, хотя сам факт их создания, безусловно, имел положительное значение, предоставляя гражданам возможность взаимодействия с государством и промышленниками в легальном поле.

Таким образом, сложившееся к концу XIX века санитарное законодательство в отношении промышленного загрязнения и практика его применения не устраивала ни промышленников, ни их оппонентов. Как резюмировал в 1915 году В. А. Дроздов, все решения Правительствующего Сената в этой области сводились к двум вариантам: фабрикам либо предписывалось прекратить выбросы дыма и сточных вод, либо обеспечить их очистку [Дроздов, 1915, с. 5]. В первом случае решение Сената фактически означало закрытие предприятия, что не всегда было единственным выходом; во втором — открывало возможность избежать наказания недобросовестным промышленникам (за отсутствием необходимого надзора) и не оказывало никакой поддержки тем из них, кто действительно желал улучшить ситуацию, но не мог этого сделать за отсутствием необходимого знания. В этой связи к концу XIX века необходимость конкретизации и унификации санитарного законодательства осознавалась по обе стороны «баррикад».

4. Попытки разработки общенационального законодательства против промышленного загрязнения

На всем протяжении XIX и начала XX столетия российское правительство не покидала идея разработки единого закона, который регулировал бы размещение и санитарное состояние промышленных предприятий в российских городах. Эта идея была отражена в Уставе строительном (непосредственное участие МВД в решении спорных вопросов было представлено в нем лишь как временная мера) и блокировала многие усилия городских и губернских властей по сокращению загрязнения, которые рассматривались как фальстарт и нарушение административной субординации. Эта участь постигла, в частности, инициативы Петроковского губернатора К. К. Миллера по снижению загрязнения рек в городе Лодзь: его предписания были отменены впредь до появления единых требований к фабрикам во всей Российской империи.

Тем не менее активность в этом вопросе проявляли лишь отдельные ведомства, прежде всего Министерство внутренних дел и Министерство финансов. Так, в 1894 году МВД приступило к выработке новых правил относительно промышленных отбросов и предохранения питьевой воды от порчи. Находившийся в его составе Медицинский совет начал разрабатывать рекомендации по очистке сточных вод, включая очистку их электричеством, угольными фильтрами, полями орошения и поглощающими

колодцами [Оглоблин, 1913, с. 411]. Однако вскоре инициативу перехватило Министерство финансов во главе с С. Ю. Витте, после чего задачей комиссии стало устранение стеснений при открытии промышленных предприятий. Главным среди этих «стеснений» было отсутствие определения того, «что именно может быть потребовано от предпринимателя, как для обеспечения жизни и здоровья занятых им рабочих, так и в видах ограждения общественной безопасности и общественного здравия, а равно непричинения значительных неудобств местному населению» [Труды комиссии ..., 1895, с. VI]. Однако, проработав в течение нескольких лет и издав несколько томов материалов по исследуемому вопросу, комиссия Витте так и не представила в Государственный Совет нового законопроекта.

Очередная попытка стандартизировать подходы к очистке промышленных сточных вод в Российской империи была предпринята в первом десятилетии XX века по инициативе группы костромских промышленников. Жалуясь на неопределенные и чрезмерные требования к промышленным предприятиям, они просили профильные ведомства разработать единые для всех заводов и фабрик нормы предельно допустимой концентрации веществ для жидких отходов производства. Этим вопросом занялся Медицинский совет МВД, который под научным руководством заведующего Гигиенической лабораторией Юрьевского университета Г. В. Хлопина выпустил в 1908 году циркуляр о нормах спуска сточных вод в водоемы. Согласно ему, сточные воды при впадении их в общественный водоем должны были иметь температуру не выше 30 градусов Цельсия, не иметь выраженного запаха или окраски и быть пригодными для жизни животных и растений [Оглоблин, 1913, с. 412].

Однако такой подход встретил противодействие со стороны влиятельных московских промышленников. Их контраргументация основывалась на работах мюнхенского гигиениста Макса фон Петтенкофера и теории самоочищения рек, согласно которой даже самые токсичные отходы могли быть нейтрализованы большими объемами речной воды без заметного вреда для здоровья человека. В противовес универсалистскому подходу Медицинского совета МВД и гигиениста Г. В. Хлопина, промышленные ассоциации предлагали локалистский подход, требующий учета местных условий в каждом конкретном случае загрязнения окружающей среды. Чтобы реализовать его, Московский биржевой комитет предложил Министерству торговли и промышленности создать в Московском промышленном районе особый комитет, который объединял бы промышленников, чиновников и экспертов в их стремлении обеспечить эффективную реализацию санитарных требований к промышленным предприятиям [РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 250, л. 31]. В ре-

зультате в 1912 году император Николай II подписал указ о создании «Временного комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов», который начал активную работу по изучению рек и наиболее опасных в санитарном отношении производств региона.

Создание «Временного комитета» в качестве альтернативы деятельности МВД фактически обозначило межведомственный конфликт между двумя министерствами. Невзирая на активную работу комитета, МВД продолжило законотворческую деятельность в рамках разработки проекта закона «О санитарной охране воздуха, воды и почвы» [РГИА, ф. 32, оп. 1, д. 250]. Судьба законопроекта зависела от Государственной Думы, которая в нескольких чтениях отклоняла его из-за недостаточной проработанности практических мер по устранению загрязнения. Очередное ее заседание по обсуждению закона было запланировано на март 1917 года, но не смогло состояться по причине известных политических событий, и работа над законопроектом была прекращена. В отличие от МВД и его предложений, созданный по инициативе московских промышленников «Временный комитет» смог пережить революцию и продолжил свою деятельность в 1920-е годы в качестве Центрального комитета по охране водоемов при Высшем совете народного хозяйства.

5. Заключение

Итак, еще в начале XIX столетия российское правительство заявило о своем намерении разработать единые санитарные требования для фабрик и заводов империи. Необходимость таких требований признавалась и чиновниками, и промышленниками, и жителями городов. На рубеже столетий несколько комиссий при различных ведомствах трудились над созданием новых правил и законопроектов, но ни одна из них так и не смогла довести начатое дело до конца. В чем заключается причина их низкой эффективности? И позволяет ли это утверждать, что Россия значительно отставала от других индустриально развитых стран в отношении контроля над загрязнением?

Необходимо отметить, что загрязнение воды и воздуха было законодательно запрещено в России уже в первой половине XIX века, несмотря на сравнительно низкие темпы развития промышленности по сравнению со странами Западной Европы. Нормы, направленные против загрязнения окружающей среды, были распылены по разным уставам и не отличались конкретностью, но это было свойственно многим странам в эпоху промышленного переворота. Как и их российские коллеги, английские и

французские промышленники часто жаловались на расплывчатость санитарных требований и, следовательно, тяжесть их исполнения.

Кроме того, отсутствие законодательных актов, направленных против загрязнения, вовсе не было следствием лояльной политики российского государства по отношению к промышленникам, как утверждали многие современники. Хотя в Российской империи не получилось создать отдельных законов об охране воздуха и воды, в ней не существовало аналогов и французскому декрету 15 октября 1810 года, который считается отправной точкой существования французского законодательства по охране окружающей среды от промышленного загрязнения, тогда как фактически он был направлен на защиту промышленников от претензий со стороны горожан [Massard-Guilbaud et al., 2017, p. 7]. Законодательство о промышленности занимало в российской юридической системе такое же маргинальное положение, как и сама промышленность в общественно-политической жизни Российской империи.

Только на рубеже XIX и XX веков, в связи с изменениями в мировой экономике, внутренней и внешней политике, Министерство внутренних дел, Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности начали предпринимать серьезные попытки к урегулированию проблемы промышленного загрязнения в России. При этом они использовали разные методы: если МВД рассматривало загрязнение с бюрократической точки зрения, то министерства-представители финансовых и промышленных кругов преследовали преимущественно коммерческие интересы. Соответствующим образом разделилось и экспертное сообщество, которое предлагало основания и универсалистскому подходу МВД, и локалистским устремлениям Министерства торговли и промышленности.

Работа обоих ведомств над созданием санитарных правил была прервана революционными событиями 1917 года, однако созданный в 1912 году «Временный комитет» смог продолжить свою работу в раннесоветский период благодаря активности ученых-экспертов. Невзирая на глубокие политические потрясения, проделанная в дореволюционный период работа по изучению промышленного загрязнения и поиску методов к его устранению имела большое значение для становления экологической политики в советский период.

Источники и принятые сокращения

1. *Городовое положение* 1870 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://diletant.media/articles/38496989 (дата обращения 23.09.2020).

2. *Дроздов В. А.* Сточные воды мануфактурной промышленности и их очистка / В. А. Дроздов. — Петроград : Строитель, 1915. — 93 с.

3. *О наблюдении* начальникам городских полиций за чистотою и опрятностью в городах // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — С. 815.

4. *О наблюдении чистоты* в Москве и о наказании за выбрасывание сору и всякого помету на улицы и переулки : Указ № 1684 от 9 апреля 1699 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. 3 (1689—1699). — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — С. 613.

5. *О переведении* из городов заведений, смрад и нечистоту производящих : Указ № 366 от 24 мая 1826 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. 1 (12 декабря 1825—1827). — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — С. 494.

6. *Оглоблин В. Н.* Законы, нормы и разные постановления относительно сточных промышленных вод заграницей и в России / В. Н. Оглоблин // Известия Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. — 1913. — № 17 (8). — С. 407—422.

7. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 32 (Совет съездов представителей промышленности и торговли). Оп. 1. Д. 250 (Законопроект, журналы заведений Особого совещания, объяснительные и докладные записки о мерах санитарной охраны воздуха, воды и почвы).

8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел). Оп. 36. Д. 1058 (О сохранении в городе Митаве загрязняющих город заведений до отвода для них удобных мест вне города).

9. *Судебные уставы* 20 ноября 1864 года : с изложением рассуждений, на коих они основаны / изданы Государственной канцелярией. — 2-е изд., доп. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867.

10. *Труды комиссии,* Высочайше учрежденной для составления проекта Положения об устройстве и содержании промышленных заведений и складов и о производстве на них работ. — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1895. — 215 с.

11. *Уложение о наказаниях* уголовных и исправительных. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. — 898 с.

12. *Устав строительный* измененный по продолжениям 1876 и 1879 гг. с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений. — 3-е изд. — Санкт-Петербург : И. П. Анисимов, 1881. — 428 с.

Литература

1. *Афанасьев Г. Ю.* Экология столичных городов (по материалам периодической печати второй половины XIX — начала XX в.) / Г. Ю. Афанасьев // Экологическая история России : локальные измерения и перспективы интегральных исследований : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. — Череповец : Череповецкий государственный университет, 2017. — С. 49—52.

2. *Государственный доклад :* О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году. Качество атмосферного воздуха городских населенных

пунктов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://gosdoklad-ecology.ru/2018/atmosfernyy-vozdukh/kachestvo-atmosfernogo-vozdukha (дата обращения 11.09.2020).

3. *Несмеянова М. С.* Из истории развития проблемы охраны водоемов от загрязнения промышленными сточными водами в России / М. С. Несмеянова // Вопросы гигиены и методики гигиенических исследований. — Ленинград : Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт, 1953. — С. 263—278.

4. *Пиджаков А. Ю.* Советская экологическая политика 1970-х-начала 1990-х годов / А. Ю. Пиджаков. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1994. — 164 с.

5. *Черкинский С. Н.* Промышленные сточные воды в проблеме санитарной охраны водоемов / С. Н. Черкинский // Санитарная охрана водоемов от загрязнения промышленными сточными водами (экспериментальные исследования). — Москва : Медгиз, 1949. — С. 5—51.

6. *Шмыглева А. В.* Исторические аспекты формирования экологической политики в России (XX век) / А. В. Шмыглева // Эко-Бюллетень Инэка. — 2003. — № 2 (85). — С. 17—24.

7. *Bernhardt C.* Le démon moderne: la pollution dans les sociétés urbaines et industrielle d'Europe / C. Bernhardt, G. Massard-Guilbaud. — Clermont-Ferrand : Presses Univ. Blaise Pascal, 2002. — 478 p.

8. *Jarrige F.* The Contamination of the Earth: A History of Pollutions in the Industrial Age / F. Jarrige, T. Le Roux. — Cambridge : MIT Press, 2020. — 481 p.

9. *Massard-Guilbaud G.* A Brief Introduction to the History of Pollution: From Local to Global / G. Massard-Guilbaud, C.-F. Mathis // Microbial Ecotoxicology. — Cham : Springer, 2017. — P. 3—15.

10. *Mazanik A.* Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880—1917 / A. Mazanik // Water History. — 2018. — № 10 (2—3). — P. 207—222.

11. *Reshetin V. P.* Public-health impact of outdoor air pollution in Russia / V. P. Reshetin, V. I. Kazazyan // Environmental Modeling and Assessment. — 2004. — Vol. 9, № 1. — P. 43—50.

12. *The Lancet* Commission on Pollution and Health [Electronic resource] // The Lancet. — 2017. — Access mode : https://www.thelancet.com/commissions/pollution-and-health (accessed 21.11.2020).

13. *Thorsheim P.* Inventing Pollution: Coal, Smoke, and Culture in Britain since 1800 / P. Thorsheim. — Athens : Ohio University Press, 2018. — 470 p.

Combating Industrial Pollution in the Russian Empire: Legal Context (1800—1917)[1]

© Andrei V. Vinogradov (2021), orcid.org/0000-0003-2646-9723, PhD in History, Senior Researcher, Center "Human, Nature, Technologies", University of Tyumen (Tyumen, Russia), AndreiVinogradov@gmail.com.

1 The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-78-00134).

The article is devoted to the consideration of the Russian pre-revolutionary legislation regulating the control over industrial pollution of the environment. The early Russian sanitary legislation and features of its development in the XIX — early XX centuries are analyzed. Particular attention is paid to the positions of various social groups on the issues of state and public control over the sanitary state of industrial enterprises. It is shown that the first norms prohibiting water and air pollution appeared already at the beginning of the 19th century. The author notes that although they did not contain clear criteria and measures for eliminating pollution, this was typical of many European countries during the study period. As the range of studied sources and literature shows, active work on the development of comprehensive measures against industrial pollution began in the 1890s and continued until the revolution: it did not bring practical results in the legal field, but contributed to a significant deepening of scientific understanding of the environment. The author concludes that, despite the revolutionary events of 1917, the pre-revolutionary experience in combating environmental pollution had a significant impact on the development of Soviet environmental policy.

Key words: ecological history; industrial pollution; the Russian Empire; XIX century; legislation.

Material resources

Gorodovoe polozhenie 1870 goda [City status 1870]. Available at: https://diletant.media/articles/38496989 (accessed 23.09.2020). (In Russ.).

Drozdov, V. A. (1915). *Stochnyye vody manufakturnoy promyshlennosti i ikh ochistka* [Wastewater from the manufacturing industry and its treatment]. Petrograd: Stroitel. 93 p. (In Russ.).

O nablyudenii nachalnikam gorodskikh politsiy za chistotoyu i opryatnostyyu v gorodakh [On the supervision of the chiefs of city police for cleanliness and tidiness in cities]. 1830. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Sobranie pervoe* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. First collection]. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 815. (In Russ.).

O nablyudenii chistoty v Moskve i o nakazanii za vybrasyvanie soru i vsyakogo pometu na ulitsy i pereulki: Ukaz № 1684 ot 9 aprelya 1699 g. [On the observation of cleanliness in Moscow and on the punishment for throwing litter and all kinds of droppings on the streets and lanes. Decree № 1684 of April 9, 1699.]. 1830. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Sobranie pervoe* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. First collection]. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 3: 613. (In Russ.).

O perevedenii iz gorodov zavedeniy, smrad i nechistotu proizvodyashchikh: Ukaz № 366 ot 24 maya 1826 g. [On the transfer of institutions from cities that produce stench and uncleanness: Decree 366 of May 24, 1826]. 1830. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Sobranie pervoe (12 dekabrya 1825—1827)* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Second collection (12 December 1825—1827)]. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 1: 494. (In Russ.).

Ogloblin, V. N. (1913). Zakony, normy i raznye postanovleniya otnositelno stochnykh promyshlennykh vod zagranitsey i v Rossii [Laws, norms and various regulations regarding industrial waste water abroad and in Russia]. In: *Izvestiya Obshchest-*

va dlya sodeystviya uluchsheniyu i razvitiyu manufakturnoy promyshlennosti [News of the Society for the Promotion and Development of the Manufacturing Industry]. 17 (8): 407—422. (In Russ.).

RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archives]. (In Russ.).

Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda: s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany / izdany Gosudarstvennoy kantselyariey [Judicial charters November 20, 1864. Outlining the reasoning on which they are based / publications by the state chanceller]. 1867. (2nd ed.). Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. (In Russ.).

Trudy komissii, Vysochayshe uchrezhdennoy dlya sostavleniya proekta Polozheniya ob ustroystve i soderzhanii promyshlennykh zavedeniy i skladov i o proizvodstve na nikh rabot [Notes of the Commission, Imperially established to draw up a draft regulation on the structure and maintenance of industrial establishments and warehouses and on the performance of work on them]. 1895. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. Kirshbauma. 215 p. (In Russ.).

Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitelnykh [Regulation on penal and correctional punishments]. 1845. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 898 p. (In Russ.).

Ustav stroitelnyy izmenennyy po prodolzheniyam 1876 i 1879 gg. s razyyasneniyami po resheniyam Ugolovnogo kassatsionnogo departamenta Pravitelstvuyushchego Senata i prilozheniem tsirkulyarov Ministerstva vnutrennikh del i pozdneyshikh uzakoneniy [Building Charter amended in the continuation of 1876 and 1879 with explanations on the decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate and the attachment of circulars of the Ministry of Internal Affairs and later legalizations]. 1881. (3rd ed.). Sankt-Peterburg: I. P. Anisimov. 428 p. (In Russ.).

References

Afanasiev, G. Yu. (2017). Ekologiya stolichnykh gorodov (po materialam periodicheskoy pechati vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.) [Ecology of capital cities (based on materials from periodicals of the second half of the 19th — early 20th centuries)]. In: *Ekologicheskaya istoriya Rossii: lokalnyye izmereniya i perspektivy integralnykh issledovaniy: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii* [Ecological history of Russia: local dimensions and perspectives of integral research: materials of the Allrussian (with international participation) scientific conference]. Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet. 49—52. (In Russ.).

Bernhardt, C., Massard-Guilbaud, G. (2002). *Le démon moderne: la pollution dans les sociétés urbaines et industrielle d'Europe*. Clermont-Ferrand: Presses Univ. Blaise Pascal. 478 p.

Cherkinskiy, S. N. (1949). Promyshlennye stochnye vody v probleme sanitarnoy okhrany vodoemov [Industrial wastewater in the problem of sanitary protection of water bodies]. In: *Sanitarnaya okhrana vodoemov ot zagryazneniya promyshlennymi stochnymi vodami (eksperimentalnye issledovaniya)* [Sanitary protection of water bodies from industrial wastewater pollution (experimental research)]. Moskva: Medgiz. 5—51. (In Russ.).

Gosudarstvennyy doklad: O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchey sredy Rossiyskoy Federatsii v 2018 godu. Kachestvo atmosfernogo vozdukha gorodskikh naselennykh punktov [State report: On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2018. Ambient air quality in urban settlements]. Available at: http://gosdoklad-ecology.ru/2018/atmosfernyy-vozdukh/kachestvo-atmosfernogo-vozdukha (accessed 11.09.2020). (In Russ.).

Jarrige, F., Le Roux, T. (2020). *The Contamination of the Earth: A History of Pollutions in the Industrial Age.* Cambridge: MIT Press. 481 p.

Massard-Guilbaud, G., Mathis, C.-F. (2017). A Brief Introduction to the History of Pollution: From Local to Global. In: *Microbial Ecotoxicology*. Cham: Springer. 3—15.

Mazanik, A. (2018). Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880—1917. *Water History, 10 (2—3):* 207—222.

Nesmeyanova, M. S. (1953). Iz istorii razvitiya problemy okhrany vodoemov ot zagryazneniya promyshlennymi stochnymi vodami v Rossii [From the history of the development of the problem of protecting water bodies from industrial wastewater pollution in Russia]. In: *Voprosy gigieny i metodiki gigienicheskikh issledovaniy* [Hygiene issues and hygiene research methods]. Leningrad: Leningradskiy sanitarno-gigienicheskiy meditsinskiy institut. 263—278. (In Russ.).

Pidzhakov, A. Yu. (1994). *Sovetskaya ekologicheskaya politika 1970-kh-nachala 1990-kh godov* [Soviet environmental policy of the 1970s — early 1990s]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov. 164 p. (In Russ.).

Reshetin, V. P., Kazazyan, V. I. (2004). Public-health impact of outdoor air pollution in Russia. *Environmental Modeling and Assessment, 9 (1):* 43—50.

Shmygleva, A. V. (2003). Istoricheskie aspekty formirovaniya ekologicheskoy politiki v Rossii (XX vek) [Historical aspects of the formation of environmental policy in Russia (XX century)]. *Eco-Bulletin Ineka, 2 (85):* 17—24. (In Russ.).

The Lancet Commission on Pollution and Health. 2017. In: *The Lancet*. Available at: https://www.thelancet.com/commissions/pollution-and-health (accessed 21.11.2020).

Thorsheim, P. (2018). *Inventing Pollution: Coal, Smoke, and Culture in Britain since 1800*. Athens: Ohio University Press. 470 p.

Иконников С. А. «Береженого Бог бережет» : приходское духовенство Воронежской епархии в борьбе с холерной эпидемией 1892—1893 годов / С. А. Иконников // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 292—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-292-307.

Ikonnikov, S. A. (2021). Parish Clergy of Voronezh Diocese in Fight Against the Cholera Epidemic of 1892—1893. *Nauchnyi dialog, 2:* 292-307. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-292-307. (In Russ.).

УДК 271.2(470.324)“1892/1893”
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-292-307

«Береженого Бог бережет»: приходское духовенство Воронежской епархии в борьбе с холерной эпидемией 1892—1893 годов

© **Иконников Сергей Анатольевич (2021),** orcid.org/0000-0002-3094-9271, Researcher ID L-7474-2016, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I» (Воронеж, Россия), ikonnikovsergey88@mail.ru.

Статья посвящена изучению роли священно- и церковнослужителей Воронежской епархии в борьбе с распространением холерной эпидемии 1892—1893 годов. Новизна исследования состоит в том, что вклад клириков Российской Православной Церкви в противодействие распространению заразных заболеваний практически не изучен. Отмечается, что в Российской империи православные клирики не только являлись служителями алтаря, но и выполняли целый ряд общественно значимых функций. На основе широкого круга исторических источников анализируется отношение населения Воронежской губернии к холерной болезни. Рассматриваются просветительская деятельность клириков, участие духовных лиц в организации помощи прихожанам. Подчеркивается, что клирики были тесно связаны с крестьянским населением империи, ежедневно соприкасаясь с ним в ходе богослужения. Проведенное исследование показало, что государство стремилось использовать опыт и знания священно- и церковнослужителей, рассматривая их как социальную опору самодержавного строя. Автор приходит к выводу о том, что приходские священно- и церковнослужители сыграли важную роль в борьбе с заразным заболеванием, не только участвуя в просветительской деятельности и духовно поддерживая население, но и оказывая нуждающимся первоначальную медицинскую помощь.

Ключевые слова: история России; здравоохранение; Православная Церковь; пореформенная Россия; епархии Центрального Черноземья; приходское духовенство; просветительское служение; холерные эпидемии.

1. Введение

В XIX веке населению Воронежской губернии, как и Российской империи в целом, неоднократно приходилось сталкиваться с очень тяжелыми

испытаниями. Неурожайные годы, моровые поветрия, крупные пожары и другие природные и социальные катаклизмы повторялись с регулярной периодичностью. По отзывам современников, одним из наиболее тяжелых бедствий являлась холерная болезнь. Способов ее эффективного лечения не существовало, а смертность была достаточно высокой. В течение XIX столетия холера поражала Воронежскую губернию 13 раз [Меерков, 1911, с. 115]. К числу наиболее масштабных эпидемий относилась вспышка заболевания 1892—1893 годов, унесшая жизни более 13 500 человек (из 32 000 зараженных) [Очерки …, 1905, с. 57].

Эпидемия была вызвана целым рядом факторов, в том числе последствиями голода. Засуха и неурожай 1891 года особенно сильно ударили по населению: «Тяжел был для жителей села минувший год; неутешительны виды на урожай и в настоящем году: рожь и яровые горят под влиянием полной засухи; с самого начала весны на нивы крестьян не упало ни одного обильного дождя», — описывал ситуацию современник-житель села Конь-Колодезь Задонского уезда [Никитин, 1892, с. 576].

Крестьяне переживали неурожайные годы очень непросто: питались черным хлебом с примесью суррогатов, лебеды, просяной шелухи. Семьи неделями ели вареную капусту, распаренные в кипятке подсолнуховые головки. Многие приходили в совершенное отчаяние. Голод заставил некоторых жителей покинуть Воронежскую губернию в поисках заработка. Большинство рабочих и крестьян отправлялись, как правило, в южные регионы, на Кавказ, где в то время уже начала распространяться холера. Затем, возвращаясь к началу полевых работ обратно в губернию, жители приносили болезнь с собой.

Коронная администрация и местные власти стремились предотвратить распространение эпидемии, привлекая все возможные средства. Участие в борьбе с холерой приняло и приходское духовенство.

Тема содействия священно- и церковнослужителей Воронежской епархии борьбе с холерной эпидемий еще ни разу не становилась предметом отдельного исследования. Между тем некоторые аспекты изучаемой проблемы получили определенное освещение в работах отечественных и зарубежных ученых: В. А. Зверева [Зверев и др., 2010], С. А. Иконникова [Иконников, 2019], К. А. Тартаковской [Тартаковская, 2014], О. Н. Устьянцевой [Устьянцева, 2002], Грегори Фриза [Freeze, 1983], Симона Диксона [Dixon, 1993], Дэниела Скарборо [Scarborough, 2012]. Отдельного внимания заслуживают публикации воронежского историка А. А. Маликовой [Маликова, 2019а; Маликова, 2019б], посвященные истории развития медицинской службы в губернии и борьбе с заразными заболеваниями конца XIX — начала XX веков.

2. Отношение населения Воронежской губернии к холерной эпидемии

Холерная эпидемия вызвала серьезную тревогу властей. Предпринимались самые решительные меры для противодействия распространению болезни. Вице-губернатор Дмитрий Михайлович Позняк, временно исполнявший должность губернатора, в циркуляре от 6 июля 1892 года предписал земским начальникам и уездным исправникам обратить пристальное внимание на всех лиц, приезжавших в Воронеж из поволжских и кавказских губерний, в которых в то время уже распространилась эпидемия холеры. Начальники полиции должны были организовать контроль на железнодорожных станциях. В случае обнаружения у прибывающих признаков заболевания следовало немедленно их изолировать и извещать врачей о каждом обнаруженном случае. Рядом с железнодорожными станциями открывались специальные фельдшерские пункты и снабжались всем необходимым для оказания помощи больным. Согласно распоряжению Позняка, местные власти должны были разъяснить жителям необходимость соблюдения санитарных требований врачей, а также «предосторожностей в образе жизни, употреблении пищи и питья» [Циркуляр …, 1892, с. 574—575].

Однако крестьянское население губернии, в подавляющем своем большинстве безграмотное, не слишком спешило исполнять необходимые санитарные правила. Среди жителей ходили слухи о том, что эпидемия не настоящая и ее не следовало опасаться. Появилась масса предрассудков относительно болезни и способов борьбы с ней. Священник села Латного Землянского уезда Петр Федоров описал определенные весьма характерные представления своих прихожан о мерах по сохранению здоровья [Федоров …, 1903, с. 31—34]. Крестьяне использовали следующие «народные» способы борьбы с болезнями: при первом громе следовало умываться из ведра, такая вода, с их точки зрения, отгоняла недуги. По словам иерея Федорова, при первом весеннем дожде «многие с особенной радостью» выбегали из домов ороситься дождем, чтобы весь год быть здоровыми. К помощи врачей крестьяне обращались крайне редко, предпочитая идти за советом к местным знахарям. В случае тяжелых заболеваний люди в первую очередь шли к «бабкам», которые лечили их заговорами и «целебной» водой [Там же].

Следует заметить, что вода, по достаточно распространенному среди жителей Воронежской губернии поверью, являлась универсальным лечебным средством. Если человек болел, то его вели на реку, где он должен был искупаться. В это время знахарь произносил фразу: «С гуся вода, с тебя худоба». Так называемая «непочатая вода», взятая из нового колодца и еще не употребляемая в пищу, использовалась для лечения бессонницы, тоски. «Полу-

ночная вода», которая бралась в полночь из иордани за несколько дней до Крещения, применялась в качестве лекарства при простудных заболеваниях и холере. С помощью «вещей воды» (таковой называли воду в Троицын день) можно было, по мнению крестьян, выяснить причину заболевания. К примеру, в воду бросали угли и по их положению определяли, из-за чего человека постигла болезнь. Если угли тонули, то это был признак глазной болезни. В этом случае больному следовало умыться троицкой водой [Там же].

Воронежский санитарный врач А. Н. Меерков в докладе за 1910 год сетовал на низкий уровень просвещения населения. Несмотря на то, что к тому моменту минуло уже почти полвека с момента организации земской медицины, а человечество уже создавало самолеты, осваивая небо, крестьяне продолжали доверять самым нелепым рассказам о том, что доктора не лечили, а травили жителей во время холеры, что существовали такие люди, которые могли превращаться то в собаку, то в кота, а то в мышь или крысу, и что самый действенный способ борьбы с холерой заключался в опахивании села плугом, в который обязательно должны были быть впряжены в одних местах вдовы, в других — девицы [Меерков, 1911, с. 128].

В докладе Воронежской губернской земской управы на очередной сессии 1897 года «О деятельности санитарного отделения и о борьбе с эпидемиями» отмечалось: «Одною из главных причин распространения в населении повальных заразных заболеваний является непонимание народом сущности этих заболеваний. Поэтому распространение в народе образования является одною из существенных мер борьбы с эпидемиями» [РГИА, ф. 1287, оп. 15, д. 2072, л. 23 об.].

3. Просвещение и духовная поддержка населения

Естественно, что в условиях крайне низкого уровня просвещения, распространения поверий и предрассудков, отсутствия элементарных медицинских знаний с крестьянами следовало вести разъяснительную работу, призывая их соблюдать предписанные санитарными врачами и местным правительством меры по борьбе с эпидемией. Обязанность заниматься просвещением крестьян возлагалась в том числе на приходских священно- и церковнослужителей.

Это неудивительно, ведь духовенство было одним из наиболее образованных сословий и ежедневно напрямую взаимодействовало с простым крестьянским населением, которое и составляло основу православной паствы.

Подавляющее большинство сельских обывателей не владели даже азами грамоты. По данным за 1897 год, среди крестьян Воронежской губернии читать умели лишь 24 % мужчин и 4 % женщин. Совершенно иная

картина наблюдалась в духовном сословии, где грамотными были 83 % мужчин и 71 % женщин [Первая …, 1904, с. 35—36].

По данным за 1911 год, в Воронежской епархии свыше 90 % штатных священников окончили курс семинарий [РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 55, л. 5 об. — 8]. Из приведенных цифр видно, что духовенство по степени образованности значительно превосходило свою паству.

Именно поэтому правительство призывало приходских клириков обратить на просвещение народа особое внимание. Святейший Синод в определении № 1677 от 9 июля 1892 года отмечал, что «некоторые из простонародья, или по недостатку правильного разумения, или по внушениям людей неблагомыслящих» не верили в то, что холерная болезнь действительно существовала и была заразительной и поэтому не соблюдали санитарные предписания. В этой связи на священно- и церковнослужителей возлагалось обязанность при всяком удобном случае вести с сомневающимися разъяснительную работу и убеждать в том, что холера точно есть и быстро распространяется среди населения. Клирики также должны были призывать народ послушно и со смирением соблюдать предписываемые властью санитарные меры, «ибо, если кто, поступив в противность сим предосторожностям, внесет заразу в местность, где он живет, таковой даст Богу ответ и за то, что внес в среду своих ближних губительную болезнь, и как нарушитель апостольского постановления о повиновении властям» [От 9 июля сего года …, 1892, с. 356].

Приходские пастыри следовали синодальному определению и при каждой возможности напоминали крестьянам о важности соблюдения санитарных правил. Так, 8 июля 1892 года в самом начале эпидемии епископ Воронежский Анастасий (Добрадин) перед молебном об отвращении губительного поветрия обратился к пастве с призывом отнестись к эпидемии со всей серьезностью. Архипастырь сравнил ситуацию в губернии с поведением жителей во время непогоды. Когда поднимается туча и начинается гроза, то люди принимают меры предосторожности. Те, кто находится на улице, спешат зайти в дом, если двери и окна в доме открыты, то их закрывают. Жителей Воронежской губернии епископ Анастасий призывал сделать приблизительно то же самое: «И к нам, братие, приближается гроза — губительная болезнь <…> поражает неосторожных, нарушает спокойствие многих наших соотчичей и возбуждает, не будем скрывать, тревожные опасения в наших сердцах» [Слово …, 1892, с. 520].

Архиерей открыто констатировал, что среди паствы имелись те, кто не хотел верить в эпидемию и вовремя обращаться за помощью к дипломированным врачам. Такие лица по своему невежеству несли угрозу для населения, и их, с точки зрения епископа Анастасия, следовало опасаться: «Бере-

гитесь таких людей, не слушайтесь их ни под каким видом <…> Слышно, что подобные люди, пользуясь настоящим временем неблагополучия, уже сеют семена зла среди простого народа, перетолковывая мудрые меры правительства, искажая слова и действия ближайших его исполнителей, распаляя воображение, разжигая народные страсти» [Там же, с. 521].

Подобные мысли вслед за архипастырем выражали и приходские клирики. Так, например, протоиерей А. Хреновский в слове, произнесенном после молебна на площади города Боброва Воронежской губернии 15 июля 1892 года, призывал население со всей серьезностью отнестись к предписываемым санитарными врачами и местной властью требованиям. Эпидемию, по словам священнослужителя, следовало рассматривать как знак того, что Бог прогневался на людей, «ибо что другое значит и минувший голод и грозящая нам смертию болезнь, как не наказание Божие, посланное нам свыше за грехи наша» [Речь …, 1892, с. 610].

В тот же день в городе Боброве был совершен крестный ход, в значительной мере приободривший население, среди которого стала наблюдаться паника, связанная с распространением слухов о неизлечимости холеры [Крестный ход …, 1892, с. 609].

Проповеди священнослужителей и совершаемые ими общественные и частные богослужения воздействовали на социальное настроение населения самым позитивным образом. Это отмечало не только священноначалие, но и врачи, и земская общественность.

Насколько важным было просветительское служение духовенства и его пастырская деятельность, можно увидеть из следующего примера. По данным земской управы, жители села Нижний Студенец Задонского уезда, наслушавшись «разных вздорных толков», начали испытывать крайнее недоверие к врачам. В селе с населением более 5000 человек поселился страх и чувство безысходности перед заразным заболеванием. Жители стали массово готовиться к смерти. Местные власти били тревогу, не зная, как поддержать население. Однако, согласно рапорту волостного правления, благодаря проповедям священнослужителей и общественным богослужениям ситуацию удалось переломить. После того, как приходские клирики организовали в селе крестный ход с Задонской иконой Божией Матери, «народ стал совсем другой, всюду замечается веселое настроение духа» [Очерки …, 1905, ч. 2, с. 182].

4. Участие духовенства в лечении холерных больных

Приходские клирики не ограничивались только произнесением проповедей и призывами к прихожанам соблюдать меры предосторожности.

Среди служителей Церкви были и те, кто принимал активное участие в непосредственном лечении больных.

Это неудивительно, ведь священники, которых приглашали для молитвенного напутствия прихожан, как правило, раньше врачей сталкивались с зараженными. К тому же численность медицинского персонала была крайне недостаточной. К 1892 году в уездах Воронежской губернии, по данным губернской управы, постоянный медицинский персонал состоял из 52 врачей и 234 фельдшеров [Там же, ч. 1, с. 184]. Численность населения Воронежской губернии, по данным первой всеобщей переписи, составляла 2 530 699 человек [Первая …, 1901, с. 162—163].

Естественно, медицинская служба, располагавшая небольшим числом работников, не имела возможности оказать помощь всем нуждавшимся. Приходские причты в этой связи могли быть очень полезны.

К 1892 году в Воронежской епархии насчитывалось 2795 клириков: 1125 священников, 427 дьяконов, 1243 псаломщика [Всеподданнейший …, 1895, приложения, с. 14—15]. Власти стремились использовать возможности духовенства, в том числе в борьбе с эпидемией, получая через него, к примеру, необходимые сведения о состоянии общественного здоровья, численности больных и т. д. Именно на приходских клириков синодальным определением от 11 марта — 14 апреля 1893 года возлагалась обязанность делать ежемесячные выборки сведений из метрических книг о количестве умерших от заразных болезней с последующим предоставлением сведений в Министерство внутренних дел [О продлении …, 1893, с. 124].

Будучи хорошо образованными, священнослужители вполне могли оказать первую медицинскую помощь прихожанам. В «Воронежских епархиальных ведомостях» неоднократно публиковались советы по формированию домашних аптечек, которыми клирики пользовались при посещении верующих. «Священнику в селе часто приходится быть в роли врача, то в своем семействе, то среди прихожан. Поэтому простые и наиболее практические указания для него будут далеко не излишними», — отмечало епархиальное руководство [Домашняя …, 1887, с. 910]. Среди прочего духовным лицам рекомендовалось иметь у себя в аптечке анисовое масло, применявшееся для лечения кашля, валерьянку, глазные примочки Буяльского, Гофманские капли (употреблялись при обмороках), гуммозный пластырь, противохолерные капли доктора Боткина и другие лекарства.

В ходе эпидемии 1892—1893 годов некоторые духовные лица действительно оказывали больным первую медицинскую помощь.

Примером эффективной борьбы с холерной эпидемий, организованной приходскими клириками, может послужить деятельность священника

хутора Штаньков Богучарского уезда Иоанна Пеленкина. Холера распространилась по хутору довольно быстро. Из 500 жителей заболело 70. При этом не было зафиксировано ни одного смертельного случая благодаря мерам, предпринятым пастырем. Зараженных иерей вылечил самостоятельно, применяя рекомендованные санитарными врачами медикаменты и организуя тщательный уход за больными. «По два и по три часа к ряду оставался он у постели больного, при самой бедной и тяжелой обстановке, сам давал лекарства, сам растирал больных, согревал их теплым чаем с лимонной кислотою, не уходил от больного до тех пор, пока не успокаивался за исход болезни», — так о самоотверженном служении иерея Пеленкина писали современники [Федотов, 1892, с. 1009]. Примечательно, что за свой труд клирик не брал с крестьян совершенно никакой платы.

Информация о священнике хутора Штаньков, безвозмездно оказывавшем помощь нуждающимся, быстро распространилась по соседним селам. Жители деревни Абросимовой, несмотря на то что их населенный пункт находился в 24 верстах от места служения отца Иоанна, пригласили к нему нарочного с подводой, обращаясь с убедительной просьбой приехать к ним и правильно организовать уход за их больными, что и было сделано [Там же].

Активное участие в борьбе с холерой также приняло духовенство Задонского уезда. Благочинный села Скорняково, понимая, что среди населения распространялся страх и паника, по своей инициативе предписал подведомственному духовенству при погребении прекратить в холерное время «заунывный церковный зон» по умершим, «дабы народ не впал в уныние и страх», и, кроме того, всячески убеждать прихожан не верить «нелепым толкам проходимцев и слушаться во всем господ докторов». Благочинный ходатайствовал о выдаче каждому приходскому священнику противохолерных капель, так как он на своем опыте убедился, что в предыдущие холерные эпидемии 1866, 1870 и 1871 годов помощь, своевременно оказанная священнослужителями, спасла не один десяток жизней. В эпидемию 1892—1893 годов клирики также оказывали помощь больным, к которым вовремя не смогли прибыть врачи [Очерки …, 1905, ч. 2, с. 172].

5. Случаи несоблюдения санитарных мер самими клириками

Следует заметить, что не все духовные лица призывали крестьян к соблюдению санитарных требований. Некоторые клирики, наоборот, совершенно не разделяли правительственную политику по борьбе с эпидемией. Порой это приводило к печальным последствиям. Например, в селе Рудинке Воронежского уезда священник учил своих прихожан тому, что холера являлась Божьим наказанием, против которого человеческая помощь была

бессильной. Из этого служитель алтаря делал вывод о том, что противодействовать распространению заразы не следовало. Наученные им местные жители до последнего скрывали факты заражения. О появлении в селе холеры врач узнал совершенно случайно, когда эпидемия уже закончилась [Там же, ч. 1, с. 156].

Священник села Сагуны Острогожского уезда открыто не признавал холеру, называя распространявшуюся в селе болезнь «внутренней сибиркой». Требы над умершими клирик совершал показательно без соблюдения ограничительных правил, отпевая заразных больных так же, как обычных, в присутствии значительного числа прихожан. Становой пристав священнику вполне сочувствовал и разрешал ему проводить похороны при большом скоплении народа. Пристав заявлял, что он лично и многие другие жители сомневаются в существовании болезни, полагая, что врачи выдумали ее специально. Следствием того, что священник и полицейский заняли столь непродуманную позицию, стало быстрое распространение холеры в селе. Местные власти умышленно скрывали больных от докторов. Один сотский не позволил врачу продезинфицировать свой дом. «Около больных и умерших от холеры собирались толпы народа, которые “выли на всю улицы”», — жаловался в отчете врач А. Н. Меерков [Там же, с. 158].

Епархиальная власть прекрасно понимала, что неграмотность и равнодушная позиция приходского священника, имевшего в силу своего особого социального статуса значительное влияние на прихожан, могли привести к самым печальным последствиям. На страницах местной церковной печати стали появляться публикации, осуждающие не признававших эпидемию клириков.

Так, со словами назидания и обличения к своим собратьям открыто обратился известный воронежский священник Николай Сильченков, призывая уделить особое внимание духовной поддержке жителей губернии, соблюдая при этом необходимые меры предосторожности. По его мнению, служители Церкви, невзирая на угрозу, которую несла заразная болезнь, прежде всего должны были думать не о себе, а о своих прихожанах, так как каждому пастырю следовало «исполнять свои обязанности до готовности положить жизнь свою при исполнении их» [Сильченков, 1893, с. 540].

Между тем, священникам в период холерной эпидемии приходилось беспрерывно общаться с больными, напутствуя в день в среднем по 15—20 человек, и ежедневно находиться в разъездах по территории протяженностью от 30 до 40 верст. Духовные лица вполне могли заразиться от больных, а затем заразить остальных. Именно поэтому требовалось соблюдать все положенные меры предосторожности, ибо, как говорилось в распространя-

емой среди населения брошюрке по борьбе с холерной болезнью, «береженого Бог бережет» [Береженого …, 1892, с. 538]. Указы Святейшего Синода от 24 декабря 1840 года и 14 ноября 1830 года запрещали вносить в церковь умерших от холеры и других заразных болезней, а отпевание разрешалось совершать только на месте погребения [Сильченков, 1893, с. 540—548].

Указанные ограничения, безусловно, очень тяжело воспринимались населением. Помимо того, что люди умирали от заразной болезни, так еще и в последний путь их провожали вне церкви. Особенно трудно в психологическом отношении приходилось родственникам почивших. Для того чтобы настроение населения не подвергалось такому давлению, правительство указом от 27 июля 1892 года № 6704 разрешило отпевать холерных больных в церквах, но только с соблюдением мер предосторожности: одежду на покойниках следовало пропитывать дезинфицирующими средствами, а гроб обязательно должен был быть заколочен [Там же].

Однако на деле некоторые прихожане и клирики не хотели соблюдать меры предосторожности и продолжали служить погребение прежним чином. Иерей Сильченков напоминал нерадивым мирянам и членам причтов, что закон необходимо было строго соблюдать: «Коль скоро требуемые предосторожности не соблюдены, не следует допускать внесения покойника в церковь, и отпевание над ним должно совершить, по требованию закона, на месте погребения» [Там же, с. 547].

В приходской практике клирики, отрицавшие опасность холеры и халатно относившиеся к предписаниям священноначалия, затягивали процесс отпевания, позволяя родственникам усопших по долгу прощаться с ними. Очевидно, это было вызвано настойчивыми просьбами прихожан, от позиции которых зависела плата за совершение требы.

Иерей Сильченков подчеркивал важность скорейшего погребения холерных больных, невзирая ни на какие просьбы прихожан. С одной стороны, это требовалось делать по санитарным соображениям: умершего от холеры следовало как можно быстрее изолировать от здоровых людей. С другой, при обезвоживании, характерном признаке холеры, тело покойника могло двигаться из-за сильного сокращения мышц (иногда покойники даже приподнимались в гробах, наводя ужас на присутствовавших). Подобное обстоятельство вызывало массу нелепых слухов, в том числе о том, что врачи специально распространяли информацию о холере, а на самом деле хоронили живых людей, желая сократить тем самым численность крестьянского населения и решить проблему малоземелья. Именно поэтому приходским клирикам во время холеры следовало проявлять благоразумие и соблюдать все предписанные правительством санитарные меры [Там же, с. 548].

5. Заключение

Холерная эпидемия 1892—1893 годов стала тяжелым испытанием для жителей Воронежской губернии. Отсутствие эффективных способов лечения болезни, низкий уровень грамотности населения, недостаточная численность медицинского персонала приводили к печальным последствиям. В среднем умирал почти каждый второй зараженный. Как правило, в начале эпидемии среди жителей наблюдалось равнодушное отношение к заболеванию, затем оно сменялось настоящей паникой. Отчеты врачебных съездов, рапорты земских управ и другие исторические источники показывают, что роль приходского духовенства в противодействии холерной болезни и вызванным ею последствиям была весьма существенной. В Воронежской губернии удалось избежать масштабных холерных бунтов — прямых выступлений крестьян против местных властей. Во многом это было заслугой местного духовенства. Приходские пастыри внушали надежду больным в ситуациях, когда ждать помощи было просто не от кого. Просветительская деятельность, развенчание нелепых слухов и мифов о холере, оказание первой медицинской помощи больным, сбор статистических данных о заразившихся — все это составляло предмет особого внимания причтов. Как показало проведенное исследование, не все клирики одинаково ревностно выполняли свой долг, иногда прямо игнорируя распоряжения властей, но в целом духовенство оказалось на высоте своего служения.

Источники и принятые сокращения

1. *«Береженого* Бог бережет». Наставления для сельских жителей, как уберечься от заболевания холерою // Воронежские епархиальные ведомости. — 1892. — № 14. — С. 538—541.

2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 годы. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1895. — 157 с.

3. *Домашняя* аптечка приходского священника // Воронежские епархиальные ведомости. — 1887. — № 22. — С. 910—915.

4. *Крестный* ход в городе Боброве // Воронежские епархиальные ведомости. — 1892. — № 16. — С. 609.

5. *Меерков А. Н.* Краткий очерк холерной эпидемии 1910 года / А. М. Меерков // Труды экстренного совещания гл. врачей, председателей земских управ, представителей города Воронежа и Общества Юго-восточн. железн. дорог по вопросам борьбы с холерой 11—16 ноября 1910 года. — Воронеж : Типо-Лит. Т-ва «Печатник», 1911. — Отд. III. — С. 114—161.

6. *Никитин В.* Светлые дни тяжелого года (из жизни голодающих крестьян села Конь-Колодезя) / В. Никитин // Воронежские епархиальные ведомости. — 1892. — № 15. — С. 576—579.

7. *О продлении* возложенной на церковные причты обязанности ежемесячной регистрации умерших от заразных болезней // Церковные ведомости. — 1893. — № 16. — С. 124.

8. *От 9 июля* сего года за № 1677, о принятии со стороны духовных властей мер к предупреждению вредных последствий от неисполнения предписываемых начальством предосторожностей против холеры // Воронежские епархиальные ведомости. — 1892. — № 16. — С. 355—359.

9. *Очерки* эпидемии холеры 1892—1893 гг. в Воронежской губернии; 2. Мероприятия в будущем : Труды IX Совещания земских, городских деятелей и врачей общественных учреждений губернии, 15—18 марта 1905 г. / Санитарное отделение Воронежской губернской земской управы. — Воронеж : Воронежское губернское земство, 1905. — 307 с.

10. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. : вып. 9: Воронежская губерния, тетр. 1. / ред. Н. А. Тройницкий. — Санкт-Петербург : Тип. Товарищества Художественной Печати, 1901. — 168 с.

11. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 440. Д. 55; Ф. 1287. Оп. 15. Д. 2072.

12. *Речь,* сказанная протоиереем Хреновским 15-го числа июля после молебна на городской площади в городе Боброве // Воронежские епархиальные ведомости. — 1892. — № 16. — С. 610—611.

13. *Сильченков Н.,* свящ. Практические заметки о напутствовании заболевших холерою и погребении умерших от этой болезни / Н. Сильченков, свящ. // Воронежские епархиальные ведомости. — 1893. — № 17. — С. 540—548.

14. *Слово*, сказанное преосвященнейшим Анастасием, епископом Воронежским и Задонским, в Воронежском кафедральном соборе 8 июля после литургии, пред молебствием об отвращении губительной болезни (холеры) // Воронежские епархиальные ведомости. — 1892. — № 14. — С. 510—524.

15. *Федоров П.,* свящ. Религиозные обычаи, поверья и суеверия жителей слободы Ендовища Землянского уезда и выделившихся из нее приходов с. Латного и Шумейки / П. Федоров, свящ. — Воронеж : Типолитография В. И. Исаева, 1903. — 37 с.

16. *Федотов А.,* свящ. Пример пастырской деятельности / А. Федотов, свящ. // Воронежские епархиальные ведомости. — 1892. — № 22. — С. 1008—1009.

17. *Циркуляр* г-на управляющего Воронежской губернией // Воронежские епархиальные ведомости. — 1892. — № 16. — С. 574—575.

Литература

1. *Зверев В. А.* «К священнику обращаются все». Деятельность сельского православного духовенства во время эпидемии начала 1890-х гг. (по материалам Томской губернии / В. А. Зверев, Е. В. Караева // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 1. — С. 41—45.

2. *Иконников С. А.* Пастыри Церкви. Служение и материальное обеспечение приходского духовенства центрально-черноземных губерний России (вторая половина XIX — начало XX века) / С. А. Иконников. — Воронеж : Научная книга, 2019. — 690 с.

3. *Маликова А. А.* Из истории санитарно-гигиенического направления в медицине и роль М. Я. Капустина в его развитии (на материалах Воронежской губернии 1880—1896 гг.) / А. А. Маликова // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. — 2019а. — № 77. — С. 116—121.

4. *Маликова А. А.* Формирование и деятельность амбулаторнополиклинической службы Воронежской губернии (1882—1899 гг.) / А. А. Маликова // Общество и власть: история и современность : материалы 13 Региональной научной конференции. — Воронеж, 2019б. — С. 120—125.

5. *Тартаковская К. А.* «Томские епархиальные ведомости» об организации санитарного просвещения в Томской губернии в XIX — начале XX в. / К. А. Тартаковская // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 386. — С. 146—148.

6. *Устьянцева О. Н.* Роль православного духовенства в борьбе с эпидемией холеры на территории Томской епархии в 1892 году / О. Н. Устьянцева // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : II Всероссийские научные чтения памяти Г. Г. Халиулина. — Кемерово, 2002. — С. 110—113.

7. *Dixon S. M.* Church, state and society in late Imperial Russia : the Diocese of St. Petersburg, 1880—1914 : Ph.D. Diss. / S. M. Dixon. — London, 1993. — 485 p.

8. *Freeze G. L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform / G. L. Freeze. — Princeton : Princeton University Press, 1983. — 539 p.

9. *Scarborough D. L.* The White Priest at work. Orthodox Pastoral Activism in the public sphere in Late Imperial Russia : Ph.D. Diss. / D. L. Scarborough. — Washington, 2012. — 321 p.

Parish Clergy of Voronezh Diocese in Fight Against the Cholera Epidemic of 1892—1893

© Sergey A. Ikonnikov (2021), orcid.org/0000-0002-3094-9271, Researcher ID L-7474-2016, Doctor of History, Associate Professor, Department of Humanities, Civil and Criminal Law, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russia), ikonnikovsergey88@mail.ru.

The article is devoted to the study of the role of clergy and clergymen of the Voronezh diocese in the fight against the spread of the cholera epidemic of 1892-1893. The novelty of the study lies in the fact that the contribution of the clergy of the Orthodox Russian Church to countering the spread of infectious diseases has practically not been studied. It is noted that in the Russian Empire, Orthodox clerics were not only ministers of the altar, but also performed a number of socially significant functions. Based on a wide range of historical sources, the author analyzes the attitude of the population of the Voronezh province to cholera disease. The educational activity of clerics, the participation of clergy in organizing aid to parishioners are considered. It is emphasized that the clergy were closely associated with the peasant population of the empire, daily contact with them during the divine service. The study showed that the state tried to use the experience and knowledge of the clergy and clergymen, considering them as the social support of the autocratic system. The author concludes that the parish clergy and clergymen played an important role in the fight against infectious disease, not only participating in educational activities and spiritually supporting the population, but also providing those in need with initial medical assistance.

Key words: history of Russia; healthcare; Orthodox Church; post-reform Russia; dioceses of the Central Black Earth Region; parish clergy; educational ministry; cholera epidemics.

Material resources

«Berezhenogo Bog berezhet». Nastavleniya dlya selskikh zhiteley, kak uberech'sya ot zabolevaniya kholeroyu ["God saves man, who save himself". Guidance for villagers on how to protect themselves from cholera]. (1892). *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *14:* 538—541. (In Russ.).

Domashnyaya aptechka prikhodskogo svyashchennika [Parish priest's first aid kit]. (1887). *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *22:* 910—915. (In Russ.).

Fedorov, P., (Priest.). (1903). *Religioznyye obychai, poverya i sueveriya zhiteley slobody Endovishcha Zemlyanskogo uezda i vydelivshikhsya iz nee prikhodov s. Latnogo i Shumeyki* [Religious Customs, Beliefs and Superstitions of Residents of Andovishche settlement of the Zemlyansky District and the parishes that separated from it p. Latnoye and Shumeyka]. Voronezh: Tipolitografiya V. I. Isaeva. 37 p. (In Russ.).

Fedotov, A., (Priest.). (1892). Primer pastyrskoy deyatelnosti [An example of pastoral work]. *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], 22: 1008—1009. (In Russ.).

Krestnyy khod v gorode Bobrove [Religious procession in the city of Bobrov]. (1892). *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *16:* 609. (In Russ.).

Meerkov, A. N. (1911). Kratkiy ocherk kholernoy epidemii 1910 goda [A brief outline of 1910 cholera epidemic]. In: *Trudy ekstrennogo soveshchaniya gl. vrachey, predsedateley zemskikh uprav, predstaviteley goroda Voronezha i Obshchestva Yugo-vostochn. zhelezn. dorog po voprosam bor'by s kholeroy 11—16 noyabrya 1910 goda* [Proceedings of the emergency meeting of ch. doctors, chairmen of zemstvo councils, representatives of city of Voronezh and the Society of Southeast. iron. roads on the fight against cholera 11—16 November 1910]. Voronezh: Pechatnik. *III*: 114—161. (In Russ.).

Nikitin, V. (1892). Svetlye dni tyazhelogo goda (iz zhizni golodayushchikh krestyan sela Kon'-Kolodezya) [Bright days of a difficult year (from the life of starving peasants in the village of Kon-Kolodezya)]. *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *15:* 576—579. (In Russ.).

O prodlenii vozlozhennoy na tserkovnye prichty obyazannosti ezhemesyachnoy registratsii umershikh ot zaraznykh bolezney [On the extension of the obligation of the church clergy to register monthly deaths from infectious diseases]. (1893). *Tserkovnye vedomosti* [Church statements], *16:* 124. (In Russ.).

Ot 9 iyulya sego goda za № 1677, o prinyatii so storony dukhovnykh vlastey mer k preduprezhdeniyu vrednykh posledstviy ot neispolneniya predpisyvaemykh nachalstvom predostorozhnostey protiv kholery [Dated July 9 of this year, No. 1677, on the adoption by the spiritual authorities of measures to prevent harmful consequences from non-compliance with the precautions against cholera prescribed by the authorities]. (1892). *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *16:* 355—359. (In Russ.).

Ocherki epidemii kholery 1892—1893 gg. v Voronezhskoy gubernii; 2. Meropriyatiya v budushchem: Trudy IX Soveshchaniya zemskikh, gorodskikh deyateley i vrachey

obshchestvennykh uchrezhdeniy gubernii, 15—18 marta 1905 g. [Essays on the cholera epidemic of 1892—1893 in Voronezh province; 2. Activities in the future: Proceedings of IX Meeting of zemstvo, city leaders and doctors of public institutions of the province, March 15—18, 1905]. (1905). Voronezh: Voronezhskoe gubernskoe zem-stvo. 307 p. (In Russ.).

Troynitskiy, N. A. (ed.). (1901). *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.: Voronezhskaya guberniya* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897: Voronezh province]. Sankt-Peterburg: Tip. Tovarishchestva Khudozhestvennoy Pechati. 1: 168 p. (In Russ.).

Rech, skazannaya protoiereem Khrenovskim 15-go chisla iyulya posle molebna na gorodskoy ploshchadi v gorode Bobrove [Speech delivered by Archpriest Khrenovsky on the 15th of July after a prayer service on the city square in the city of Bobrov]. (1892). *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *16:* 610—611. (In Russ.).

RGIA — Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. (In Russ.).

Silchenkov N., svyashch. (1893). Prakticheskie zametki o naputstvovanii zabolevshikh kholeroyu i pogrebenii umershikh ot etoy bolezni [Practical Notes on Advice for Cholera Sufferers and Burial of Those Who Died from Cholera]. *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *17:* 540—548. (In Russ.).

Slovo, skazannoe preosvyashchenneyshim Anastasiem, episkopom Voronezhskim i Zadonskim, v Voronezhskom kafedralnom sobore 8 iulya posle liturgii, pred molebstviem ob otvrashchenii gubitelnoy bolezni (kholery) [A word spoken by His Eminence Anastassy, Bishop of Voronezh and Zadonsk, at the Voronezh Cathedral on July 8 after the liturgy, before the prayer for the aversion of the destructive disease (cholera)]. *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *14:* 510—524. (In Russ.).

Tsirkulyar g-na upravlyayushchego Voronezhskoy guberniey [Circular of Mr. Governor of the Voronezh Province]. (1892). *Voronezhskie eparkhialnye vedomosti* [Voronezh Diocesan Gazette], *16:* 574—575. (In Russ.).

Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K. Pobedonostseva po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1892 i 1893 gody [All-subject report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K. Pobedonostsev on the Department of Orthodox Confession for 1892 and 1893]. (1895). Sankt-Peterburg: Sinodalnaya tipografiya. 157 p. (In Russ.).

References

Dixon, S. M. (1993). *Church, state and society in late Imperial Russia: the Diocese of St. Petersburg, 1880—1914: Ph.D. Diss*. London. 485 p.

Freeze, G. L. (1983). *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform.* Princeton: Princeton University Press. 539 p.

Ikonnikov, S. A. (2019). *Pastyri Tserkvi. Sluzhenie i materialnoe obespechenie prikhodskogo dukhovenstva tsentralno-chernozemnykh guberniy Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Shepherds of Church. Service and material support of parish clergy of central black earth provinces of Russia (second half of the 19th — early 20th centuries)]. Voronezh: Nauchnaya kniga. 690 p. (In Russ.).

Malikova, A. A. (2019b). Formirovanie i deyatelnost' ambulatorno-poliklinicheskoy sluzhby Voronezhskoy gubernii (1882—1899 gg.) [Formation and activity of outpatient polyclinic service of Voronezh province (1882—1899)]. In: *Obshchestvo i vlast': istoriya i sovremennost': materialy 13-y Regionalnoy nauchnoy konferentsii* [Society and Power: Past and Present: Proceedings of the 13th Regional Scientific Conference]. Voronezh. 120—125. (In Russ.).

Malikova, A. A. (2019a). Iz istorii sanitarno-gigienicheskogo napravleniya v meditsine i rol' M. Ya. Kapustina v ego razvitii (na materialakh Voronezhskoy gubernii 1880—1896 gg.) [History of sanitary-hygiene direction in medicine and the role of M. A. Kapustin in development of theis direction]. *Nauchno-meditsinskiy vestnik Tsentralnogo Chernozemyya* [Scientific-medical bulletin of the Central black earth], *77:* 116—121. (In Russ.).

Scarborough, D. L. (2012). *The White Priest at work. Orthodox Pastoral Activism in the public sphere in Late Imperial Russia: Ph.D. Diss*. Washington. 321 p.

Tartakovskaya, K. A. (2014). «Tomskie eparkhialnye vedomosti» ob organizatsii sanitarnogo prosveshcheniya v Tomskoy gubernii v XIX — nachale XX v. ["Tomsk Diocesan Gazette" on the organization of health education in Tomsk province in XX — early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitet* [Tomsk State University Bulletin], *386:* 146—148. (In Russ.).

Ustyantseva, O. N. (2002). Rol' pravoslavnogo dukhovenstva v bor'be s epidemiey kholery na territorii Tomskoy eparkhii v 1892 godu [Role of Orthodox clergy in fight against the cholera epidemic on the territory of Tomsk diocese in 1892]. In: *Intellektualnyy i industrialnyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and Industrial Potential of Russian Regions]. Kemerovo. 110—113. (In Russ.).

Zverev, V. A., Karaeva, E. V. (2010). «K svyashchenniku obrashchayutsya vse». Deyatelnost' selskogo pravoslavnogo dukhovenstva vo vremya epidemii nachala 1890-kh gg. (po materialam Tomskoy gubernii ["Everyone turns to the priest". Activities of the rural Orthodox clergy during the epidemic in early 1890s (Tomsk province)]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], *1:* 41—45. (In Russ.).

Клюева И. В. Борис Владимирович Залесский (1887—1966): неизвестные страницы биографии ученого / И. В. Клюева // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 308—325. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-308-325.

Klyueva, I. V. (2021). Boris Vladimirovich Zalessky (1887—1966) : Unknown Pages of the Biography of the Scientist. *Nauchnyi dialog, 2:* 308-325. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-308-325. (In Russ.).

УДК 94:323.311“191/196”+929 Залесский
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-308-325

Борис Владимирович Залесский (1887—1966): неизвестные страницы биографии ученого

© **Клюева Ирина Васильевна (2021),** orcid.org/0000-0002-0392-3228, WoS ResearcherID AAG-9748-2019, кандидат философских наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Саранск, Россия), klyueva_irina@mail.ru.

Выявляются новые и уточняются уже известные биографические данные о российском ученом-геологе, специалисте в области петрографии Б. В. Залесском. Восстанавливаются звенья истории рода Залесских (Залеских), принадлежавшего к потомственному дворянству Казанской губернии, имевшего поместья на территории Вятской, Казанской и Костромской губерний. Приводятся верифицированные сведения о ближайших родственниках Б. В. Залесского: его прадеде — почетном смотрителе Яранского уездного училища П. А. Залесском; деде — члене городской управы Казани, товарище городского головы и исполняющем обязанности городского головы Н. П. Залесском; отце — прокуроре Вятского, затем Казанского окружного суда, впоследствии товарище обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената В. Н. Залесском (ошибочно представленном в работах ряда исследователей как «Зальский») и др. Дается характеристика личности, научной деятельности и круга общения Б. В. Залесского. Рассматриваются его отношения с известными деятелями отечественной науки и культуры — М. М. Бахтиным, семьей Флоренских. Собрана и обобщена разрозненная информация, содержащаяся в различных источниках — неопубликованных (архивных) и опубликованных (научные статьи и монографии, мемуары и эпистолярные источники, документальная проза, справочно-энциклопедическая литература и интернет-издания).

Ключевые слова: Б. В. Залесский; российское дворянство; история российской науки; российская интеллигенция.

1. Введение

Борис Владимирович Залесский (1887—1966) — известное имя в истории российской науки. Специалист в области петрографии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, он внес значительный вклад в развитие тех научных отраслей, которые непосредственно связаны

с практикой и значимы для развития народного хозяйства и повышения обороноспособности страны. Специальных исследований о Залесском практически нет. Единственная посвященная непосредственно ему публикация — официальный некролог в журнале «Известия АН СССР. Серия геологическая» (№ 11 за 1966 год), подписанный его коллегами Г. Д. Афанасьевым, Б. П. Беликовым, В. П. Петровым, Е. К. Устиевым [Афанасьев и др., 2006]. Залесского упоминает в своих мемуарах один из авторов некролога — доктор геолого-минералогических наук В. П. Петров [Петров, 2005, с. 118—122].

В последнее время краткое упоминание отдельных представителей дворянского рода Залесских (Залеских) можно встретить в ряде работ по истории Вятской [Цеглеев, 2014] и Казанской [Амиров, 2001, с. 15; Казанский …, 2010, с. 91] губерний. Наиболее подробно говорится о некоторых представителях этого рода в статье В. В. Астафьева и Л. А. Сыченковой [Астафьев и др., 2006].

Имя Б. В. Залесского фигурирует в ряде исследований, посвященных известным деятелям отечественной науки и культуры, с которыми он был тесно связан на протяжении многих лет: семье Флоренских [Оноприенко, 2000, с. 80, 85—87, 132] и выдающемуся мыслителю Михаилу Михайловичу Бахтину (1895—1975). Он кратко упоминается в первой биографии Бахтина, написанной К. Кларк и М. Холквистом [Clark et al., 1984, p. 101—103, 266, 330], затем в книге С. С. и Л. С. Конкиных [Конкин и др., 1993, с. 103—105, 211, 213, 227, 256]. Более подробно рассказывает о Залесском бахтиновед Н. А. Паньков, который первым ознакомился с личным делом ученого из архива Российской академии наук, впервые опубликовал ряд материалов из его личной переписки, а также фрагменты дневника его второй жены — пианистки Марии Константиновны Юшковой (1883—1953) [Паньков, 2003; Паньков, 2006; Паньков, 2009]. Однако многие факты биографии Залесского (прежде всего история дворянского рода, к которому он принадлежал) остались «за скобками» как его официального дела, так и других известных на сегодняшний день документов. На наш взгляд, Б. В. Залесский интересен сегодня не только как ученый, но и как замечательный представитель русской интеллигенции и российского дворянства, в разных исторических ситуациях верой и правдой служивший своему Отечеству.

2. Дворянский род Залесских

Н. А. Паньков пишет, что в листке по учету кадров Залесский отметил свое дворянское происхождение [Паньков, 2009, с. 410—420]. Мы выяснили, что он происходил из семьи потомственных дворян Казанской губернии.

Как утверждал В. П. Петров, изначально фамилия ученого писалась через одно “с” — «Залеcский», и «Б<орис> В<ладимирович> очень этим гордился. Он говорил: — Это польские Залесские пишутся через два “с”, мы же чисто русские люди, всегда жили в районе Казани и там получили свою фамилию, мы всегда пишемся через одно “с”» [Петров, 2005, с. 119]. Согласно Петрову, вторая «с» в фамилии появилась после Великой Отечественной войны: так при очередном обмене документов ее написала паспортистка [Там же].

В дворянскую родословную книгу Казанской губернии было внесено три рода Залесских, причем основатели всех этих родов происходили из польского шляхетства. Как мы выяснили, род, к которому принадлежал Борис Владимирович, также имел польские корни: его основоположник Павел Алексеевич Залесский происходил из древнего польского дворянства [КД, 2001, с. 232]. Некоторые подробности биографии Павла Алексеевича изложены в статье В. В. Астафьева и Л. А. Сыченковой, которые, однако, неверно расшифровывают его отчество: «Александрович» [Астафьев и др., 2006, с. 246—247]; эта же ошибка повторяется затем на портале «Марийская история в лицах», где представлена его биография [Залесский …, 2011]). Ранние этапы жизни Павла Алексеевича связаны с Вятской губернией: с 1805 года он служил унтер-офицером в гарнизонном батальоне, в 1809 году, уволившись по болезни, был определен в Яранский уездный суд, затем — в Яранский земский суд. В конце 1809 года ему был присвоен чин губернского секретаря; в декабре 1813 года он ушел в отставку.

В 1817 году в Яранске (входившем в Казанский учебный округ) было открыто первое учебное заведение — уездное училище. Самую крупную сумму на это начинание — 1000 рублей — дал Залесский, который с этого времени до 1831 года был почетным смотрителем училища. Он постоянно жертвовал средства на училище (вероятно, за эти заслуги в 1819 году получил чин титулярного советника). В 1826 году Залесский построил для училища новое здание [Чирков, 2001] (предполагаем, что именно за это в 1826 году он стал кавалером ордена Св. Анны 3-й степени). В. В. Астафьев и Л. А. Сыченкова утверждают, что при очередной записи в дворянской родословной книге поручителем благородного происхождения Залесского выступил ректор Казанского университета Н. И. Лобачевский [Астафьев и др., 2006, с. 247].

Павел Алексеевич имел (вместе с братом) свыше 250 душ крепостных крестьян (в Яранском уезде, в Чебоксарском уезде Казанской губернии, в Макарьевском уезде Костромской губернии), большой каменный дом в Яранске [КД, 2001, с. 233]. Он был женат дважды. Астафьев и Сыченкова, ссылаясь на словарь «Казанское дворянство», утверждают, что у него было

девять «официально за ним зарегистрированных» детей: пять сыновей и четыре дочери [Астафьев и др., 2006, с. 247]. Однако, согласно указанному ими источнику, он имел от первого брака дочь Александру (р. 1816) и сыновей Виктора (р. 1822), Алексея (р. 1823), Николая (р. 1824); от второго брака (с дочерью коллежского секретаря Вильгеминой Рейнфельд) — дочерей Юлию (р. 1831), Матрену (р. 1832), Прасковью (р. 1833) [КД, 2001, с. 232—233]. Названные авторы высказывают предположение, что у Залесского была также дочь Анна, подчеркивая, что прямых доказательств этого у них нет [Астафьев и др., 2006, с. 246]. Мы нашли доказательство в Памятной книжке Вятской губернии на 1911 год, где говорится о коллежской асессорше Марье Ивановне Залеской, владевшей несколькими населенными пунктами в Яранском уезде: Высокополье, Ахманово, Черный Ключ и Гаврилово (общая численность крепостных — около 330 душ) [ПКВГ, 1911, с. 52—53]. В 1852 году, после ее смерти, наследство было разделено между Анной и Екатериной Павловнами, Виктором, Николаем и Алексеем Павловичами Залескими, а также их сестрами Александрой Павловной Маньковской и Юлией Павловной Плетневой [Там же, с. 52—53]. Виктор и Алексей умерли, «имение Алексея досталось брату Николаю, который жил в Казани, а прочие в г. Яранске» [Там же, с. 57].

Эти записи выявляют новые факты. Во-первых, Анна (впоследствии вышедшая замуж за представителя обрусевшего старинного польского дворянского рода М. М. Марута-Сукало-Краснопольского) действительно являлась законной дочерью Павла Алексеевича. Как пишут Астафьев и Сыченкова, в наследство от него она получила с. Коломенское Яранского уезда (47 душ) [Астафьев и др., 2006, с. 246]. Во-вторых, у Павла Алексеевича была еще одна дочь — Екатерина (следовательно, у него действительно было девять детей: но три сына и шесть дочерей). В-третьих, его дочь Александра — это коллежская советница Маньковская, которая была замужем за старшим сыном коллежского асессора И. К. Маньковского (1767—1814) — коллежским советником А. И. Маньковским (1800 — ?), служившим в синодальной типографии в Москве (его родители жили в своем имении в с. Якимень-Маматово Лаишевского уезда Казанской губернии) [КД, 2001, с. 356]. В-четвертых, в записях указана фамилия (по мужу) старшей дочери Залесского от второго брака Юлии — Плетнева. Она была замужем за В. А. Плетневым (1828 — после 1888), представителем рода, также внесенного в дворянскую родословную книгу Казанской губернии [Там же, с. 437].

Вместе с тем цитированный документ вызывает новые вопросы. Почему среди наследников нет дочерей Павла Алексеевича Матрены и Прасковьи? Значит ли это, что их к 1852 году не было в живых? Кем является кол-

лежская асессорша Марья Ивановна Залесская, после смерти которой дети Павла Алексеевича от обоих браков получили наследство? Можем предположить, что это его мать или вдова его брата. В документах по Яранскому уезду от 1812 года упоминается коллежская асессорша Матрена Зале**сс**кая [Цеглеев, 2014] — возможно, это одно и то же лицо?

Дед Бориса Владимировича — статский советник Николай Павлович Залесский — один из сыновей Павла Алексеевича от первого брака — был известным человеком в Казани. Длительное время он являлся членом городской управы, избирался товарищем городского головы и исполняющим обязанности городского головы (при губернаторе С. В. Дьяченко).

Николай Павлович был женат также дважды. Его первая жена умерла в 1851 году при рождении (или вскоре после рождения) сына Владимира. 21 июня 1854 года был заключен его брак с дочерью статского советника Екатериной Платоновной Киселевской, при этом сообщалось: «за ним в г. Казани каменный двухэтажный дом и деревянный флигель, при с. Базякове Спас<кого> у<езда,>935 дес<ятин>земли» [КД, 2001, с. 233]. Во втором браке Николая Павловича родилось четверо детей: Николай (1856—?) («за ним при д. Екатериновке Лаишевского уезда 324 дес<ятин> земли»), Михаил (1859—?), Сергей (1863—?) Александр (1869—?) [Там же, с. 233].

Родословная Киселевских также интересна. Дед Екатерины Платоновны — надворный советник Г. И. Киселевский (1776—1841) — был последним киевским войтом (1826—1834); ее отец — статский советник П. Г. Киселевский (1799 — после 1888) — в молодости переселился из Киева в Казань, был чиновником при губернаторе, служил в комиссариате. Родным братом Екатерины Платоновны был выдающийся русский актер И. П. Киселевский (1839—1898); родной племянницей — оперная дива А. П. Соколова (Киселевская, 1876—1958), выступавшая вместе с Л. В. Собиновым и Ф. И. Шаляпиным; внучатой племянницей — оперная певица Н. И. Иванова (Соколова, 1906—1964), первая жена выдающегося русского певца С. Я. Лемешева.

Отец Бориса Владимировича — Владимир Николаевич Залесский — был юристом. Информация о нем есть в работах казанских историков, однако в них содержится существенная ошибка: исследователи неверно расшифровали его фамилию, приняв букву русского дореволюционного алфавита «ять» за мягкий знак. В результате фамилия «Залѣский» превратилась в «Зал**ь**ский» [Амиров, 2001**,** с. 15; Казанский … 2010, с. 91]. Именно как «Зальский» Владимир Николаевич Залесский (Залеский) представлен на официальном сайте Прокуратуры Республики Татарстан [Становление …] и на сайте «Генеалогическая база знаний» [Зальский …]. В книге «Казанский

окружной суд: 140 лет», а также на сайте Прокуратуры Татарстана опубликован его формулярный список, составленный в 1906 году. Здесь говорится, что «Зальский» — православный, дворянин; перечислены его награды — ордена и медаль; отмечено, что он женат, имеет пятерых детей, у него «нет имений»; указан размер его годового дохода (4000 руб.) [Там же].

Здесь также приводятся сведения об этапах служебной карьеры «Зальского»: в 1872 году окончил юридический факультет Казанского университета и поступил на службу в Казанский окружной суд; в начале 1874 года по домашним обстоятельствам уволился со службы, в конце того же года получил чин коллежского секретаря и был определен в ведомство Министерства юстиции; с 1878 года работал в канцелярии Министерства, вскоре став здесь столоначальником, в 1879 году произведен в титулярные советники; в 1881 году назначен товарищем прокурора Казанской судебной палаты; в 1882 году получил чин коллежского асессора, в 1886 году — надворного советника [Там же]. В 1890—1897 годах Залесский был прокурором Вятского окружного суда (информация об этом представлена на официальном сайте Прокуратуры Кировской области, где его фамилия указана правильно [История …]); в 1891 году стал коллежским советником, в 1894 году — статским советником, с 1894 года одновременно с основной должностью исполнял обязанности товарища прокурора Казанской судебной палаты [Становление …].

В 1897—1899 годах Владимир Николаевич является прокурором Казанского окружного суда, затем — товарищем прокурора Казанской судебной палаты. В адресной и справочной книге «Вся Казань» указан его адрес: ул. Лядская (ныне Горького), дом Крупеникова [Вся Казань …, 1899, с. 353]. В 1902 году Залесский произведен в чин действительного статского советника [Волков, 2006]. В адресной книге Казани за 1906 год указано, что он является товарищем прокурора Судебной палаты и одновременно секретарем Окружного суда; здесь же дан его новый адрес: ул. Покровская (ныне Карла Маркса), дом Чиркова [Адресная …, 1906, с. 123].

В 1906 году Залесский был переведен в Петербург, получив должность товарища обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената [Становление …]. В адресной и справочной книге «Весь Петербург» его фамилия впервые появляется в 1907 году, указан чин — «статский советник» и адрес — ул. Жуковского, д. 7 [Весь Петербург …, 1907, с. 259] — то есть доходный дом В. П. Брискорна. В 1908 году его адрес — ул. Жуковского, д. 26 [Весь Петербург …, 1908, с. 277]. В 1909 году Залесский получил орден Св. Станислава 1-й степени. С этого года он и его жена Варвара Михайловна числятся среди жильцов доходного дома в Петербурге, находящегося на углу Невского проспекта (№ 158) и Перекупного

переулка (№ 2) [Весь Петербург …, 1909, с. 289]. В книге «Весь Петербург» за 1914 год дается также номер телефона Залеского и указывается, что, помимо основной должности, он занимает место члена Консультации при Министерстве юстиции [Весь Петербург …, 1914, с. 241].

Борис был самым младшим ребенком в семье. У него была сестра Екатерина (р. 1885) и братья Николай (р. 1879), Георгий (р. 1881), Владимир (р. 1886) [КД, 2001, с. 233]. Как мы выяснили, все его братья окончили Казанский университет и стали юристами.

3. Основные этапы научной деятельности Б. В. Залесского

Борис Залесский в 1904 году окончил Казанское реальное училище и поступил на металлургическое отделение Петербургского политехнического института. Его родители в это время были еще в Казани; возможно, в Петербурге уже жил его старший брат Николай. Паньков пишет: «Залесский не получил известности среди гуманитарной интеллигенции <...> Правда, и у Залесского тоже был <...> свой “звездный час”, когда он промелькнул на горизонте гуманитарных наук, дерзнув выступить в 1946 году на защите филологической диссертации Бахтина <...> и сумев постоять за друга, подвергшегося явно несправедливым нападкам» [Паньков, 2009, с. 418—419]. В связи с этим представляют интерес слова Петрова о Залесском: «Поступление в Политехнический институт было для него <...> вынужденным, и он это довольно сильно переживал. По всему своему складу Б<орис> В<ладимирович> был гуманитарием и имел большую склонность к юриспруденции. Но он окончил реальное училище. Поэтому, не зная латыни и греческого <...> не имел права поступления в университет» [Петров, 2005, с. 118]. Таким образом, «на горизонте гуманитарных наук» Залесский «промелькнул» не случайно — он имел к ним врожденную склонность. Остается загадкой, почему Борис Владимирович, в отличие от своих братьев, учился не в гимназии. (Известно, что он получил музыкальное образование, хорошо играл на фортепиано).

Залесский окончил институт в 1914 году. Предполагаем, что его затянувшееся обучение объясняется причинами личного характера: первая женитьба, рождение двух дочерей и т. д. В автобиографии (1954 год) он пишет, что получил звание «инженера-металлурга, специализировавшегося по петрографии» [Паньков, 2009, с. 429]. В книге «Весь Петроград» за 1915 год он назван инженером-металлургом; здесь указан его адрес: «Перекупной переулок, д. 2» [Весь Петроград …, 1915, с. 239] — то есть он живет в квартире своих родителей. Отца к этому времени в живых уже нет; Варвара Михайловна значится как «вдова действительного статского советника» (ее фамилия написана с одним «с», фамилия сына — с двумя) [Там же].

В годы обучения Залесского в Политехническом институте там еще не было геологической специализации, курсы геологии и петрографии были небольшими по объему часов, однако их читал выдающийся ученый Ф. Ю. Левинсон-Лессинг (1861—1939): «Его блестящие лекции и прекрасные человеческие качества всегда привлекали молодых людей к этим специальностям. Поэтому ряд студентов, металлургов и химиков, еще до появления в Политехническом институте геохимической специализации, готовившей геологов, стали геологами», — пишет Петров [Петров, 2005, с. 118]. Среди этих студентов был и Залесский. Согласно короткой статье о Залесском, появившейся недавно в Википедии, он окончил «Политехнический институт в Петрограде, металлургический факультет» [Википедия …]. Подчеркнем, что Борис Владимирович окончил металлургическое отделение (не факультет) Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого, свидетельство об окончании которого было выдано ему 27 мая (9 июня) 1914 года (то есть до переименования города).

Левинсон-Лессинг считал, что петрографические исследования должны иметь непосредственный выход на практику, в частности, они должны быть направлены на изучение возможностей использование камня в качестве строительного материала. Во время Первой мировой войны, в 1915 году, при Санкт-Петербургской академии наук была создана КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил (под председательством В. И. Вернадского), в рамках которой Левинсон-Лессинг организовал группу строительных материалов, включив в нее своего ученика Залесского (для изучения физических свойств строительных материалов). В 1916 году Борис Владимирович совмещает научную работу в Политехническом институте с практической деятельностью в оборонной промышленности: заведует механической и химической лабораторией Обуховского завода, выполнявшего военные заказы.

Отрицательно относясь к большевикам и советской власти, русский дворянин Залесский в послереволюционные годы продолжал увлеченно и добросовестно трудиться на благо своей страны в том же научном коллективе (который стал называться «Совет по изучению производительных сил» — СОПС). В 1920 году он был направлен в Иркутск — в отделение Геологического комитета. Вернувшись, продолжил работу в Политехническом, затем в Металлургическом и Химико-технологическом институтах Петрограда / Ленинграда.

В 1930 году Залесский был назначен научным руководителем группы строительного камня Ленинградского отделения Института прикладной минералогии и металлургии, затем Государственного института соору-

жений (ГИС), одновременно работая в только что выделившемся из Геологического и Минералогического музея им. Петра I Петрографическом институте (ПЕТРИНе), где он организовал лабораторию по изучению физико-механических свойств горных пород. В середине 1930-х годов было принято решение о переводе в Москву всех ленинградских научно-исследовательских институтов, входивших в систему Академии наук. Залесский переехал в столицу, продолжив работу по своему профилю в Институте геологических наук (ИГН), созданном в результате объединения нескольких институтов, в том числе ПЕТРИНа. Он получил прекрасную квартиру по адресу: Сретенский бульвар, 6/1.

С 1924 года ученый принимал участие (в основном — в качестве руководителя) в научных экспедициях, работавших в разных частях страны, занимаясь поисками материалов для строек, имевших важное государственное значение. В конце 1930-х годов он искал гранит для известного утопического проекта Дворца Советов в Москве. Писатель-натуралист А. П. Оленич-Гнененко рассказал о своей встрече с ним в Кавказском заповеднике — в лагере Холодном, на месте слияния рек Холодной и Уруштен: вечером 27 сентября 1937 года, когда в горах «носились снежные смерчи», к месту ночевки писателя на лошади подъехала небольшая группа геологов под руководством Залесского: «Был он невысокого роста, в круглых роговых очках и по одежде походил на альпиниста <...> Ему поручено найти светлый гранит для облицовки Дворца Советов» [Оленич-Гнененко, 1954, с. 30—31].

Во время Великой Отечественной войны Залесский вновь был привлечен к важной работе в сфере обороны страны, за что впоследствии был награжден орденом Ленина и медалями [Паньков, 2009, с. 422]. С 1956 года ученый продолжал заведовать своей лабораторией в выделившемся из ИГН Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ). В 1935 году ему была присуждена ученая степень кандидата геологии (но диплом был подписан только в январе 1946 года). В 1964 году был обнародован его доклад на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук. Степень была присуждена ему в декабре 1965 года, однако вскоре — 7 июля 1966 года он скончался.

4. Семья Залесских в годы репрессий: судьба В. В. Залесского (1886—1937)

На сегодняшний день о судьбе родственников Залесского известно немного. Некоторые данные о его дочерях (от первого брака) и внуке — Евгении Львовиче Миллере (1935—2005), а также сведения (не во всем

достоверные) об обеих его женах приводит Н. А. Паньков [Паньков, 2009, с. 418—473].

Трагически сложилась жизнь одного из его братьев, самого близкого ему по возрасту (четвертого ребенка в семье) — Владимира. Он был женат на Екатерине Фридерике Карловне Райнеке и имел двоих детей: Владимира (1908—?) и Нину (1911—?). На сайте «Жертвы политического террора в СССР» (проект международного общества «Мемориал») есть информация о Владимире Владимировиче Залесском, родившемся в 1886 году в Казани, имеющем высшее образование и работавшем юрист-консультантом КарГРЭСстроя в поселке Самарканд Карагандинской области, который был арестован местным УНКВД 19 февраля 1937 года и приговорен Карагандинским областным судом 14 июня того же года к пяти годам исправительно-трудовых лагерей [Списки …]. Данные этого человека полностью совпадают с данными брата Бориса Залесского. Судя по тому, что в начале 1937 года он жил и работал в поселке Самарканд (Самаркандский) Карагандинской области, можно сделать вывод, что он уже арестовывался ранее и находился там в ссылке.

Здесь же представлена информация еще об одном человеке под именем Владимир Владимирович Залесский — родившемся в 1888 году в Казани, имевшем начальное образование, проживавшем в с. Бидаик Карагандинской области. Он был арестован 13 ноября 1937 года, осужден особой тройкой УНКВД 8 декабря 1937 года и приговорен к высшей мере наказания [Списки …]. Колхоз села Бадаик был одной из точек Карлага, следовательно, до ноября 1937 года Залесский уже был осужден и отбывал наказание в лагере. Вряд ли в Карагандинской области в одно и то же время находилось два человека с не слишком распространенной фамилией и одинаковым именем, родившихся в Казани. Год рождения во втором случае мог быть указан ошибочно (тем более что расхождение в датах невелико); уровень образования в лагере уже не имел значения. Вполне вероятно, что это один и тот же человек — брат Бориса Залесского).

5. Дружба Б. В. Залесского с семьей Флоренских

В 1937 году под угрозой ареста находился и сам Борис Владимирович Залесский. Он был дружен с братом о. Павла Флоренского — геологом, археологом, этнографом, внештатным сотрудником Петрографического института Александром Александровичем Флоренским (1888—1937 или 1938) и его приемным сыном — научным сотрудником этого института, кандидатом геолого-минералогических наук Евгением Константиновичем Устиевым (1909—1970). (Устиев к тому же брал уроки фортепиано у жены

Залесского Юшковой.) В 1937 году Устиев и Флоренский были арестованы по обвинению в «контрреволюционном заговоре». В ходе следствия среди других членов их «контрреволюционной группы» неоднократно упоминалось и имя Залесского, однако ему удалось избежать ареста. Флоренский умер в лагере; Устиев с 1940 года работал геологом на Колыме, в 1955 году ему была присуждена ученая степень доктора геолого-минералогических наук. Залесский (в числе нескольких других ученых) подписал письмо в Прокуратуру Москвы с просьбой о реабилитации Устиева. В 1956 году на допросе в Прокуратуре он и еще двое его коллег показали, что в 1937 году антисоветских высказываний от Флоренского и Устиева они не слышали и о существовании антисоветской организации показаний не давали [Оноприенко, 2000, с. 87]. В результате Флоренский и Устиев были реабилитированы (Флоренский — посмертно), Устиев смог вернуться в Москву. Залесский тесно сотрудничал с Устиевым, а также с сыном о. Павла Флоренского — геохимиком Кириллом Павловичем Флоренским, опубликовав в соавторстве с ним ряд научных статей. Совместно с К. П. Флоренским и В. Я Степановым Залесский участвовал в работе по сохранению памятников архитектуры Владимиро-Суздальской Руси.

6. Знакомство и дружба Б. В. Залесского с М. М. Бахтиным

Для К. Кларк и М. Холквиста [Clark et al., 1984, p. 101], как и для С. С. и Л. С. Конкиных [Конкин и др., 1993, с. 103], очевидно, что Бахтин впервые встретился с Залесским после своего возвращения из Витебска в город на Неве — то есть не ранее 1924 года. Паньков впервые выдвигает новую версию, утверждая, что это произошло в Петрограде в середине 1910-х годов [Паньков, 2006, с. 45], до отъезда Бахтина в Невель [Паньков, 2009, с. 430] — то есть до 1918 года. Исследователь делает такое заключение на основании известных высказываний Бахтина в беседах с В. Д. Дувакиным о событиях 1917 года и о некоем своем друге (в нем без труда узнается Залесский), который придерживался «одних взглядов» с ним на эти события: «Я не приветствовал Февральскую революцию <...> Мы считали, что все эти интеллигенты совершенно неспособны управлять государством <...> И поэтому неизбежно возьмут верх самые крайние, самые левые элементы, большевики <...> Мы были настроены очень пессимистически» [Бахтин, 2001, с. 132, 134]. Однако вполне возможно, что Бахтин и Залесский обсуждали эти события позже. Об этом свидетельствуют строки из письма великой пианистки Марии Вениаминовны Юдиной Залесскому (август, 1932 год), в котором она говорит, что познакомилась с Бахтиным раньше, чем он. (Знакомство Юдиной с Бахтиным произошло в 1919 году). Паньков

считает утверждение Юдиной «ошибочным» [Паньков, 2009, с. 430]; нам трудно с этим согласиться: вряд ли Юдина могла забыть об этом.

Кроме того, рассказывая Дувакину о событиях 1917 года, Бахтин говорит, что его друг жил в это время в Лесном (районе Петрограда, где находился Технологический институт). Однако в дневнике Юшковой записано, что они с мужем получили жилплощадь в Лесном в 1920 году и переехали туда от Варвары Михайловны, то есть от матери Залесского [Там же, 2009, с. 454] (ее имя, записанное в сокращенном виде — «В. Мих.» — Паньков расшифровать не смог [Там же, с. 468]). Таким образом, говорить с уверенностью, что Бахтин познакомился с Залесским до своего отъезда из Петрограда (до 1918 года), по нашему мнению, нельзя — по крайней мере, до выявления непосредственных документальных подтверждений этого факта.

Как могли познакомиться Бахтин и Залесский? Наиболее вероятный путь к этому знакомству — через Юдину, которая училась в Петербургской / Петроградской консерватории с 1912 года. Юшкова по нашим данным, начала учиться в консерватории еще в 1902 году и в дальнейшем была тесно связана с нею. Юдина и Юшкова дружили, имели общий круг общения среди музыкантов. После революции обе учились в консерватории в классе профессора Л. В. Николаева. Юдина часто бывала в доме Залесских, переписывалась с Борисом Владимировичем; она играла на рояле на его гражданской панихиде в ИГЕМ и организовала его отпевание в церкви.

Все трое друзей были глубоко религиозными людьми (Юдина приняла православие в 1919 году, Бахтин и Залесский с детства были воспитаны в православных традициях и православной вере). Все трое были связаны с протоиереем Ф. К. Андреевым (1887—1929) — учеником и другом о. Павла Флоренского, одним из главных идеологов иосифлянского движения в Ленинграде. Паньков пишет, что Залесский был прихожанином иосифлянского храма Святой Троицы в Лесном [Там же, 2009, с. 424]. В доме о. Федора Андреева Юдина в 1927 году познакомилась с о. Павлом Флоренским и его семьей, эта встреча имела для нее огромное значение; с его родными, прежде всего дочерью — Ольгой Павловной Трубачевой, она общалась до конца своих дней.

В Ленинграде Залесский участвовал в работе невельского философского кружка, собиравшегося в квартире Юдиной. Из дневника Юшковой известно, что Залесские были знакомы и общались со многими представителями интеллектуального сообщества, который называют «кругом Бахтина»: с супругами Вагиновыми, Каганами, И. И. Канаевым, Л. В. Пумпянским, В. З. Ругевичем [Там же, 2009, с. 455—465]. (Отметим, что В. З. Ругевич (1894—1937) учился в Политехническом институте в то время, когда

Залесский там работал). Будучи материально обеспеченным человеком (как в Ленинграде, так и в Москве он имел высокую зарплату и комфортабельное жилье), Залесский постоянно оказывал и Бахтину, и Юдиной материальную поддержку. Юдина брала у него взаймы крупные суммы (прежде всего — для помощи другим людям), так и не вернув ему эти долги. Помимо оказания финансовой помощи, Залесский снабжал Бахтина книгами, искал возможности для его трудоустройства, после вынужденного отъезда мыслителя из Саранска (где ему в 1937 году грозил арест и, скорее всего, смерть) вместе с Юдиной помог ему поселиться и прописаться в Савелове (Кимрах), часто навещал его там. Несомненно, что именно он по просьбе Бахтина устроил на работу его сестру Наталью (1909—1942), взяв ее под свою опеку. Мы выяснили, что не позже 1931 года она стала сотрудницей СОПС и, в частности, была членом Юго-осетинской экспедиции геолого-петрографического отряда, руководителем которой был Залесский. В дальнейшем Наталья Бахтина (Перфильева) работала в одном институте с Залесским — сначала в Ленинграде, затем в Москве. Как было сказано выше, в ноябре 1946 года Залесский выступил в поддержку Бахтина на весьма непростой защите его диссертации в Институте мировой литературы им. А. М. Горького. В 1953 году он приезжал к Бахтину в Саранск. В 1960-х годах в его квартире Бахтин с женой неоднократно останавливались, бывая в Москве.

7. Заключение

Итак, при исследовании биографии Б. В. Залесского на основе документальных источников мы установили, что он принадлежал к роду потомственных дворян Казанской губернии (фамилия которых как до 1917 года, так и позже в различных документах могла писаться и с одним, и с двумя «с»). Нам удалось восстановить важнейшие звенья истории этой семьи, выстроить цепочку родства ее представителей — от отца к сыну. Нами доказано, что Б. В. Залесский является правнуком общественного деятеля П. А. Залесского, внесшего заметный вклад в развитие системы образования Вятской губернии (Казанского учебного округа), внуком известного в свое время в Казани общественного деятеля Н. П. Залесского, сыном видного юриста В. Н. Залесского (фигурирующего в работах казанских историков и в ряде современных официальных документов под искаженным именем). Рассматривая историю дружбы Б. В. Залесского с М. М. Бахтиным и М. В. Юдиной, мы приходим к выводу, что ее основой была укорененность в православной вере, общность мировоззренческих позиций и интеллектуальных интересов: как выяснилось в ходе нашего ис-

следования, Б. В. Залесский, ставший выдающимся геологом, был прирожденным гуманитарием и всегда испытывал склонность к гуманитаристике.

Источники и принятые сокращения

1. *Адресная* книга г. Казани на 1906 г. — Казань : Издательство Б. Ю. Носакина, 1906. — 175 с.

2. *Весь Петербург* на 1907 год: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. — [Санкт-Петербург] : издание А. С. Суворина, [1907]. — 936 с., 2144 стб.

3. *Весь Петербург* на 1908 год: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. — [Санкт-Петербург] : издание А. С. Суворина, [1908]. — 988 с., 2074 стб.

4. *Весь Петербург* на 1909 год: адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. — [Санкт-Петербург] : издание А. С. Суворина, [1909]. — 1026 с., 2205 стб.

5. *Весь Петербург* на 1914 год: адресная и справочная книга г. Санкт.-Петербурга. — [Санкт-Петербург] : издание А. С. Суворина — «Новое время», [1914]. — 906 с., 1999 стб.

6. *Весь Петроград* на 1915 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. — [Петроград] : издание А. С. Суворина — «Новое время», [1915]. — 884 с., 1918 стб.

7. Википедия — *Залесский,* Борис Владимирович [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Залесский,_Борис_Владимирович (дата обращения: 21.11.2020).

8. *Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи [Электронный ресурс] : краткий словарь. — Москва : Русский фонд содействия образованию, 2016. — 800 с. — Режим доступа: https://www.rulit.me/books/vysshee-chinovnichestvo-rossijskoj-imperii-kratkij-slovar-read-480941-1.html#section_1 (дата обращения: 23.11.2020).

9. *Вся Казань* : адресная и справочная книга с приложением плана города / под ред. Н. Г. Шебуева. — Казань : Лито-Тип. И. Н. Харитонова, 1899. — 600 с.

10. *Залесский* Павел Александрович [Электронный ресурс] // Марийская история в лицах. — Режим доступа: http://marihistory.ru/2011-01-01-20-07-54/12472-zalesskij-pavel-aleksandrovich.html (дата обращения: 23.11.2020).

11. *Зальский* Владимир Николаевич [Электронный ресурс] // Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника. — Режим доступа: https://baza.vgdru.com/1/75495/.M (дата обращения: 22.11.2020).

12. *История* прокуратуры [Электронный ресурс] // Прокуратура Кировской области. — Режим доступа: http://www.prokuratura-kirov.ru/history/ (дата обращения: 22.11.2020).

13. КД — *Казанское* дворянство 1785—1917 гг.: генеалогический словарь / сост. Г. А. Двоеносова. — Казань : Гасыр, 2001. — 640 с.

14. ПКВГ — *Памятная* книжка Вятской губернии. Календарь на 1911 год. — Вятка : Издание губернского статистического комитета, 1911. — 214 с.

15. *Списки* жертв [Электронный ресурс] // Жертвы политического террора в СССР. — Режим доступа: http://lists.memo.ru/d13/f123.htm (дата обращения: 22.11.2020).

16. *Становление* органов прокуратуры в Казанской губернии [Электронный ресурс] // Прокуратура Республики Татарстан: официальный сайт. — Режим доступа: https://prokrt.ru/about/history/stanovlenie-organov-prokuratury-v-kazanskoy-gubernii/ (дата обращения: 22.11.2020).

Литература

1. *Амиров К. Ф.* Прокуратура Татарстана на службе Отечеству и Закону / К. Ф. Амиров. — Казань : Мастер Лайн, 2001. — 255 с.

2. *Астафьев В. В.* Казанские страницы в судьбе Маруто-Сукало-Краснопольских / В. В. Астафьев, Л. А. Сыченкова // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2006. — № 1/2. — С. 242—251.

3. *Бахтин М. М.* М. М. Бахтин : беседы с В. Д. Дувакиным / М. М. Бахтин. — Москва : Согласие, 2002. — 398 с.

4. *Борис* Владимирович Залесский (1887—1966) / Г. Д. Афанасьев, Б. П. Беликов, В. П. Петров, Е. К. Устиев. // Известия АН СССР. Серия геологическая. — 1966. — № 11. — С. 151—153.

5. *Казанский* окружной суд: 140 лет / под ред. Г. М. Баранова. — Казань : Познание, 2010. — 208 с.

6. *Конкин С. С.* Михаил Бахтин: страницы жизни и творчества / С. С. Конкин, Л. С. Конкина. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1993 — 397 с.

7. *Оленич-Гнененко* А. Избранное / А. Оленич-Гнененко. — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1954. — 474 с.

8. *Оноприенко В. И.* Флоренские / В. И. Оноприенко. — Москва : Наука, 2000. — 349 с.

9. *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина / Н. А. Паньков. — Москва : Издательство Московского университета, 2009. — 720 с.

10. *Паньков Н. А.* М. М. Бахтин в материалах личного архива Б. В. Залесского / Н. А. Паньков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2003. — № 1–2. — С. 129—141.

11. *Паньков Н. А.* Новые материалы к биографии М. М. Бахтина / Н. А. Паньков // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2006. — Т. 65, № 1. — С. 45—56.

12. *Петров В. П.* Воспоминания о камне и о людях, связанных с наукой о камне / В. П. Петров. — Москва : ГЕОС, 2005. — 128 с.

13. *Цеглеев Э. А.* Крепостные крестьяне Вятской губернии в народном ополчении 1812 г. [Электронный ресурс] / Э. А. Цеглеев // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 11. — Режим доступа: http://human.snauka.ru/2014/11/8493 (дата обращения: 22.11.2020).

14. *Чирков С.* Состояние образования в городе Яранске в 1817—1917 годах / С. Чирков // Наш край : литературно-краеведческий сборник. — Яранск, 2001. — № 5. — Режим доступа: http://olnd.ru/05/07_obraz.html (дата обращения: 22.11.2020).

15. *Clark K.* Mikhail Bakhtin / K. Clark, M. Holquist. — Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. — 398 p.

Boris Vladimirovich Zalessky (1887—1966): Unknown Pages of the Biography of the Scientist

© Irina V. Klyueva (2021), orcid.org/0000-0002-0392-3228, WoS ResearcherID AAG-9748-2019, PhD in Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University” (Saransk, Russia), klyueva_irina@mail.ru.

New biographical data about the Russian scientist-geologist, specialist in the field of petrography B. V. Zalessky are identified and specified. The links in the history of the Zalessky (Zalesky) family, which belonged to the hereditary nobility of the Kazan province, who had estates in the Vyatka, Kazan and Kostroma provinces, are being restored. Verified information about the closest relatives of B. V. Zalessky is provided: his great-grandfather — the honorary caretaker of the Yaransky district school P. A. Zalessky; grandfather — a member of the city council of Kazan, comrade of the mayor and acting mayor N. P. Zalessky; father — the prosecutor of the Vyatka, then the Kazan district court, later the assistant to the chief prosecutor of the Criminal Cassation Department of the Government Senate V. N. Zalessky (erroneously presented in the works of a number of researchers as "Zalsky"), etc. The characteristic of the personality, scientific activity and social circle of B. V. Zalessky is given. His relations with famous figures of Russian science and culture — M. M. Bakhtin, the Florensky family are considered. Scattered information contained in various sources — unpublished (archival) and published (scientific articles and monographs, memoirs and epistolary sources, documentary prose, reference and encyclopedic literature and Internet publications) is collected and generalized.

Key words: B. V. Zalessky; Russian nobility; history of Russian science; Russian intelligentsia.

Material resources

Adresnaya kniga g. Kazani na 1906 g. [Address book of Kazan for 1906]. (1906). Kazan': Izdatelstvo B. Yu. Nosakina. 175 p. (In Russ.).

Istoriya prokuratury [History of the Prosecutor's Office]. In: *Prokuratura Kirovskoy oblasti* [Prosecutor's Office of the Kirov region]. Available at: http://www.prokuratura-kirov.ru/history/ (accessed 22.11.2020).

KD — Dvoenosova, G. A. (ed). (2001). *Kazanskoye dvoryanstvo 1785—1917 gg.: genealogicheskiy slovar'* [Kazan nobility of 1785-1917: genealogical dictionary]. Kazan': Gasyr. 640 p. (In Russ.).

PKVG — *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii. Kalendar' na 1911 god* [Commemorative book of the Vyatka province. Calendar for 1911]. (1911). Vyatka: Izdaniye gubernskogo statisticheskogo komiteta. 214 p. (In Russ.).

Shebueva, N. G. (ed.). (1899). *Vsya Kazan': adresnaya i spravochnaya kniga s prilozheniem plana goroda* [All Kazan: address and reference book with the application of the city plan]. Kazan': Lito-Tip. I. N. Kharitonova. 600 p. (In Russ.).

Spiski zhertv [Lists of victims]. In: *Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR* [Victims of political terror in the USSR]. Available at: http://lists.memo.ru/d13/f123.htm (accessed 22.11.2020).

Stanovleniye organov prokuratury v Kazanskoy gubernii [Formation of the prosecutor's office in the Kazan province]. In: *Prokuratura Respubliki Tatarstan: ofitsialnyy sayt* [Prosecutor's Office of the Republic of Tatarstan: official site]. Available at: https://prokrt.ru/about/history/stanovlenie-organov-prokuratury-v-kazanskoy-gubernii/ (accessed 22.11.2020). (In Russ.).

Ves' Peterburg na 1907 god: adresnaya i spravochnaya kniga g. Sankt-Peterburga [All Petersburg for 1907: address and reference book of St. Petersburg]. (1907). Sankt-Peterburg: izdaniye A. S. Suvorina. 936 p., 2144 stb. (In Russ.).

Ves' Peterburg na 1908 god: adresnaya i spravochnaya kniga g. Sankt-Peterburga [All Petersburg for 1908: address and reference book of St. Petersburg]. (1908). Sankt-Peterburg: izdaniye A. S. Suvorina. 988 p., 2074 stb. (In Russ.).

Ves' Peterburg na 1909 god: adresnaya i spravochnaya kniga g. Sankt-Peterburga [All Petersburg for 1909: address and reference book of St. Petersburg]. (1909). Sankt-Peterburg: izdaniye A. S. Suvorina. 1026 p., 2205 stb. (In Russ.).

*Ves' Peterburg na 1914 god: adresnaya i spravochnaya kniga g. Sankt.-Peter*burga [All Petersburg for 1914: address and reference book of St. Petersburg]. (1914). Sankt-Peterburg: izdaniye A. S. Suvorina — «Novoye vremya». 906 p., 1999 stb. (In Russ.).

Ves' Petrograd na 1915 god: adresnaya i spravochnaya kniga g. Petrograda [All Petrograd in 1915: address and reference book of Petrograd]. (1915). Petrograd]: izdaniye A. S. Suvorina — «Novoye vremya». 884 p., 1918 stb. (In Russ.).

Vikipediya — Zalesskiy, Boris Vladimirovich [Zalessky, Boris Vladimirovich]. In: *Vikipediya: svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia: free encyclopedia]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zalesskiy,_Boris_Vladimirovich (accessed 21.11.2020). (In Russ.).

Volkov S. V. (2016*). Vysshee chinovnichestvo Rossiyskoy imperii: kratkiy slovar'* [Higher bureaucracy of the Russian Empire: a short dictionary]. Moskva: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu. 800 p. Available at: https://www.rulit.me/books/vysshee-chinovnichestvo-rossijskoj-imperii-kratkij-slovar-read-480941-1.html#section_1 (accessed 23.11.2020). (In Russ.).

Zalesskiy Pavel Aleksandrovich [Zalessky Pavel Alexandrovich]. In: *Mariyskaya istoriya v litsakh* [Mari history in persons]. Available at: http://marihistory.ru/2011-01-01-20-07-54/12472-zalesskij-pavel-aleksandrovich.html (accessed 23.11.2020). (In Russ.).

Zal'skiy Vladimir Nikolaevich [Zalsky Vladimir Nikolaevich]. In: *Genealogicheskaya baza znaniy: persony, familii, khronika* [Genealogical knowledge base: persons, surnames, chronicle]. Available at: https://baza.vgdru.com/1/75495/.M (accessed 22.11.2020). (In Russ.).

References

Afanasyev, G. D., Belikov, B. P., Petrov, V. P., Ustiev, E. K. (1966). Boris Vladimirovich Zalesskiy (1887—1966) [Boris Vladimirovich Zalessky (1887—1966)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geologicheskaya* [News of the USSR Academy of Sciences. Geological series], *11:* 151—153. (In Russ.).

Amirov, K. F. (2001). *Prokuratura Tatarstana na sluzhbe Otechestvu i Zakonu* [Prosecutor's Office of Tatarstan in the service of the Fatherland and the Law]. Kazan': Master Layn. 255 p. (In Russ.).

Astafyev, V. V., Sychenkova, L. A. (2006). Kazanskiye stranitsy v sudbe Maruto-Sukalo-Krasnopolskikh [Kazan pages in the fate of the Maruto-Sukalo-Krasnopolskys]. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov* [Gasirlar avazy = Echo of centuries], *1/2*: 242—251. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2002). *M. M. Bakhtin: besedy s V. D. Duvakinym* [M. M. Bakhtin: conversations with V. D. Duvakin]. Moskva: Soglasiye. 398 p. (In Russ.).

Baranova, G. M. (ed.). (2010). *Kazanskiy okruzhnoy sud: 140 let* [Kazan District Court: 140 years old]. Kazan': Poznaniye. 208 p. (In Russ.).

Chirkov S. (2001). Sostoyaniye obrazovaniya v gorode Yaranske v 1817—1917 godakh [The state of education in the city of Yaransk in 1817—1917]. In: *Nash kray: liter-*

aturno-kraevedcheskiy sbornik [Our region: a literary collection of local lore], *5*. Yaransk. Available at: http://olnd.ru/05/07_obraz.html (accessed 22.11.2020). (In Russ.).

Clark, K., Holquist, M. (1984). *Mikhail Bakhtin*. — Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press. 398 p.

Konkin, S. S., Konkina, L. S. (1993). *Mikhail Bakhtin: stranitsy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Bakhtin: pages of life and creativity]. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatelstvo. 397 p. (In Russ.).

Olenich-Gnenenko, A. (1954*). Izbrannoye* [Selected]. Rostov-na-Donu: Knizhnoye izdatelstvo. 474 p. (In Russ.).

Onoprienko, V. I. (2000). *Florenskiye* [Florenskiye]. Moskva: Nauka. 349 p. (In Russ.).

Pankov, N. A. (2003). M. M. Bakhtin v materialakh lichnogo arkhiva B. V. Zalesskogo [Bakhtin in the materials of the personal archive of B. V. Zalessky]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope], *1–2:* 129—141. (In Russ.).

Pankov, N. A. (2006). Novyye materialy k biografii M. M. Bakhtina [New materials for the biography of M. M. Bakhtin]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Izvestiya RAN. Literature and Language Series], *65/1:* 45—56. (In Russ.).

Pankov, N. A. (2009). *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M. M. Bakhtina* [Questions of biography and scientific creativity of M. M. Bakhtin]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 720 p. (In Russ.).

Petrov, V. P. (2005). *Vospominaniya o kamne i o lyudyakh, svyazannykh s naukoy o kamne* [Memories of stone and people associated with the science of stone]. Moskva: GEOS. 128 p. (In Russ.).

Tsegleev, E. A. (2014). Krepostnyye krestyane Vyatskoy gubernii v narodnom opolchenii 1812 g. [Serfs of the Vyatka province in the people's militia in 1812]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya* [Humanitarian research], *11*. Available at: http://human.snauka.ru/2014/11/8493 (accessed 22.11.2020). (In Russ.).

Мамкина И. Н. Российская государственная политика по освоению Дальнего Востока в начале XX века / И. Н. Мамкина, Н. Ю. Гусевская // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 326—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-326-343.

Mamkina, I. N., Gusevskaya, N. Yu. (2021). Russian State Policy for the Development of the Far East at the Beginning of the Twentieth Century. *Nauchnyi dialog, 2:* 326-343. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-326-343. (In Russ.).

УДК 94:332.14(571.6)“190”
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-326-343

Российская государственная политика по освоению Дальнего Востока в начале XX века

© Мамкина Инна Николаевна (2021), orcid.org/0000-0002-5583-3072, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет» (Чита, Россия), inna-mamkina@yandex.ru.

© Гусевская Наталья Юрьевна (2021), orcid.org/0000-0003-0888-136X, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой международного права и международных связей, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет» (Чита, Россия), gusnat1@rambler.ru.

Рассматриваются предложения властей по вопросам освоения Дальнего Востока в начале XX века. Актуальность исследования прошлого опыта освоения этого региона обусловлена возросшим вниманием властей к внедрению широкомасштабных программ по усилению восточных рубежей государства. Авторы отмечают возросший научный интерес к исследованию истории освоения Дальнего Востока в начале XX века. Анализ правительственных действий в Приамурье в указанный период позволил авторам определить их взаимосвязь с внешнеполитическим положением империи на Дальнем Востоке. Определено, что формирование Комитета по заселению Дальнего Востока было направлено на консолидацию действий центральных и губернских органов власти. Авторы отмечают, что на стадии предварительного согласования направлений деятельности Комитета у членов правительства отсутствовало целостное представление о стратегии развития региона. Сопоставительный анализ выявил, что предложения центральных и региональных властей не имели принципиальных различий. Отмечен прагматизм предложений местных губернаторов. Авторы приходят к выводу, что создание Комитета по заселению Дальнего Востока и организация Амурской экспедиции были предприняты под влиянием внешней угрозы и направлены на усиление военно-промышленного потенциала региона. Авторы отмечают, что административно-хозяйственное освоение края для центральных властей не являлось приоритетным.

Ключевые слова: Дальний Восток; Приамурье; внешняя политика; освоение; Амурская экспедиция; правительство; губернатор; комитет; программа.

1. Введение

Российский Дальний Восток — неотъемлемая часть евразийского пространства, представляющая собой своеобразный мост между Европой и набирающим силу Азиатско-Тихоокеанским регионом. Колоссальные ресурсы обусловливают инвестиционную привлекательность, однако современное социально-экономическое положение региона находится в критическом состоянии, вызванном экономической деградацией Дальнего Востока и его инфраструктурной оторванностью. В 2000 году президент В. В. Путин заявил об угрозе существованию региона как неотрывной части России. С 2007 года властями предпринимаются попытки реализации модернизационных программ «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2013 года»; «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года». Однако, несмотря на богатый исторический опыт по освоению Дальнего Востока, ускоренное развитие региона запустить не удалось.

Истории Дальнего Востока и проблемам его освоения посвящен широкий круг публикаций. Фундаментальными трудами по проблемам освоения Дальнего Востока считаются работы В. В. Алексеева, С. Г. Федоровой, А. В. Ремнева и др. [Азиатская Россия …, 2004; Ремнев, 2004; Рыбаковский, 1990; Федорова, 1971] По справедливому замечанию Л. И. Галлямовой, большинство исследователей рассматривают освоение Дальнего Востока в контексте истории Сибири, не учитывая своеобразия региона [Галлямова, 2012, с. 29—39]. Современные научные исследования в большей степени затрагивают проблемы, связанные непосредственно с Дальним Востоком, выделяют его специфику [Галлямова, 2013, с. 9—17; Дубинина, 2019, с. 75—89; Попов, 2019, с. 65—73].

Академик РАН М. Л. Титаренко в своей работе «Геополитическое значение Дальнего Востока» критически оценивает позиции России в АТР, отсутствие долгосрочной стратегии развития восточных регионов и настаивает на принципиальном изменении отношения к Дальнему Востоку [Титаренко, 2008].

Анализируя восточную политику Москвы, С. Г. Лузянин, напротив, отмечает, что впервые в своей истории она мотивирована не внешними или внутренними угрозами, а экономическими мотивами и направлена на расширение своего экономического присутствия в АТР [Лузянин, 2007].

В своем исследовании О. А. Николайчук делает вывод, что близость Китая и отдаленность от центра России заставляют искать действенные меры по преодолению проблем обустройства Дальнего Востока. Она под-

черкивает важность китайского фактора для экономического, геополитического и регионального развития, а главной угрозой позициям России она видит не «желтую опасность», а социально-экономический упадок Востока России [Николайчук, 2019].

С ее выводами согласен И. А. Макаров, добавляя, что основным барьером на пути развития огромного региона является неэффективная патерналистская политика федерального центра, основанная на восприятии региона с позиции угроз, а не возможностей [Поворот на Восток …, 2016].

Ряд работ посвящен разработке и предложению новых путей развития Дальнего Востока, обеспечивающих экономический и демографический рост региона [Сценарии …, 2012].

Несмотря на многообразие современных исследований по дальневосточной тематике, очевиден тот факт, что из поля рассмотрения выпадают анализ и учет прошлого опыта освоения Дальнего Востока, ошибок и успехов регионального развития. В этом плане особый интерес представляют труды известного омского историка А. В. Ремнева, посвященные рассмотрению программ освоения восточной окраины имперского периода. В контексте изучения организации управления на Востоке он исследовал работу хабаровских съездов «сведущих людей» [Ремнев, 2005]. Рассматривая программу развития Приамурья, разработанную во время работы первого и второго съездов под руководством генерал-губернатора А. Н. Корфа, он пришел к выводу, что игнорирование региональных интересов осуществлялось в «угоду удовлетворения внешнеполитических амбиций царизма на Дальнем Востоке» [Ремнев, 2005, с. 9]. Так, А. В. Ремнев стал одним из первых российских историков определившим приоритет великодержавных целей над внутренним развитием огромного края.

Результатам деятельности известной Амурской экспедиции 1910 года посвящена обзорная статья дальневосточных историков А. Н. Демьяненко и Л. А. Дятловой. Авторы обращают внимание на общий замысел Амурской экспедиции, а также представляют краткий обзор опубликованных ею Трудов [Демьяненко и др., 2010, с. 7—28]. На основе Трудов Амурской экспедиции написана статья Е. Л. Ли по проблеме китайской миграции на территорию Приамурского генерал-губернаторства [Ли, 2010, с. 29—40]. Отметим, что Труды Амурской экспедиции являются богатейшим источником по изучению истории освоения Дальнего Востока. По сути, большинство авторов, исследующих историю региона, используют в качестве источников опубликованные Труды Амурской экспедиции.

Вместе с тем необходимо отметить, что исследования, посвящённые непосредственно Амурской экспедиции, ее участникам, структурной ор-

ганизации, финансированию, представлены фрагментарно. Существует определенный пробел и в изучении вопросов организации и деятельности Комитета по заселению Дальнего Востока, инициировавшего организацию экспедиции. Безусловно, представляют научный интерес предложения и программы центральной и региональной власти по освоению Дальнего Востока. Также нельзя не отметить актуализацию темы в связи с усилившимся интересом федеральных властей к проблемам развития региона.

Цель данного исследования — выявление мотивов и целей российской государственной политики в отношении Дальнего Востока, рассмотрение механизмов реализации его освоения в начале XX века.

2. Внешнеполитические факторы освоения Дальнего Востока

С середины XIX века военно-стратегические мотивы освоения Дальнего Востока являлись основными и были обусловлены активизацией деятельности англичан на Амуре, когда перед Петербургом обозначилась реальная угроза потери контроля над восточными территориями. В период Крымской войны Дальневосточное побережье являлось одним из театров военных действий. Реакцией России стали масштабные работы по укреплению границ (основаны Благовещенск и Хабаровск), Симодский договор с Японией, по которому Россия получала контроль над Северными Курилами, Айгуньский и Пекинский договор с Китаем, закрепившие за Российской империей огромную слабозаселенную территорию и статус тихоокеанской державы [Ларин, 2013, с. 29].

Дальнейшая активизация Восточной политики России была связана с итогами японско-китайской войны 1894—1895 годов. Россия получила возможность участвовать в разделе Китая. Началось активное строительство железных дорог на территории Маньчжурии, взяты в аренду порты Дальний и Порт-Артур. Но поражение в русско-японской войне заставило поменять стратегию, вместо территориальной экспансии была сделана ставка на заселение Дальнего Востока русским населением с целью обеспечения безопасности восточных границ.

Следует отметить, что до середины 1880-х годов территории Дальнего Востока находились в административном подчинении генерал-губернатора Восточной Сибири. Безусловно, огромный край остро нуждался в эффективном механизме управления. Предложения Н. Н. Муравьева-Амурского по учреждению Приамурского генерал-губернаторства центральной властью оставались без ответа. Дискуссия региональной и центральной властей по вопросу освоения края и его интеграции в общеимперское пространство не находила конструктивного завершения. По сути, камнем преткновения

всех споров оставался вопрос о статусе Дальнего Востока в составе Российской империи. Местные власти, видя бездействие центра, ставили вопрос достаточно жестко: «…Нужен нам этот край или не нужен?» [РГИА, ф. 1286, оп. 60, д. 117, л. 62]. Незаинтересованность столичной бюрократии в приложении усилий по решению проблем региона была очевидна.

Ухудшение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке, активность Англии и США в Китае, превращение Японии в доминирующую силу в Северо-Восточной Азии заставили правительство предпринимать активные шаги по освоению края. В 1884 году было учреждено Приамурское генерал-губернаторство в составе Забайкальской, Амурской, Приморской областей и Владивостокского военного губернаторства. Перед первым генерал-губернатором Приамурья А. Н. Корфом стояла сложная задача по организации административного управления и хозяйственного освоения края. Вместе с тем усилия А. Н. Корфа не принесли желаемого результата. Проект комплексной программы по развитию Приамурского генерал-губернаторства, разработанный на хабаровских съездах «сведущих людей», не получил поддержки правительства [Ремнев, 2005]. А. В. Ремнев справедливо отмечал, что причинами отклонения программы стало противодействие министерств, защищавших ведомственную независимость, и традиционное отсутствие средств в казне [Ремнев, 2005].

Таким образом, в конце XIX века движущими факторами освоения Дальнего Востока выступали великодержавные амбиции Российской империи, угроза отторжения восточных территорий и обеспечение их сохранности. Обострение международной ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе ставило перед российскими властями задачи по укреплению дальневосточных рубежей. Однако, несмотря на понимание высшей властью необходимости усиления Дальнего Востока, его освоение и интеграция в общеимперское пространство сталкивались с неспособностью российского чиновничества разработать и реализовать комплексную программу освоения, преодолеть мелко ведомственные интересы, рассматривать благо государство как конечный результат своей деятельности. Предпринятые административное оформление присоединенных территорий и усилия региональных властей по развитию края должных результатов не принесли и развитие региона не запустили.

3. Формирование Комитета по заселению Дальнего Востока

Портсмутский мирный договор 1905 года, секретные протоколы с Японией о разграничении сфер влияния в Маньчжурии 1907 года, 1910 года, подписание в 1907 году соглашения с Англией, поставившего на паузу

«Большую игру», в очередной раз стали факторами привлечения пристального внимания правительства на восток империи.

П. А. Столыпин в пояснительной записке членам правительства отмечал: «Угрожающее положение <…> занятое Японией после минувшей войны <…> указывает, что настало время принять энергические меры к всемерному укреплению за нами Приамурского края, дабы иметь возможность отстоять его, в случае надобности, как от вооруженного нападения, так и от мирного заселения иностранцев» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 1, л.6-6 об.]. По мнению председателя правительства, задача выходила за рамки деятельности одного ведомства и требовала объединения управления «как в центре, так и на местах» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 1, л. 6 об.]. Примечательно, что в своем обращении Столыпин обратил внимание на ключевую проблему в решении дальневосточного вопроса — отсутствие консолидации органов управления на всех уровнях власти. Он отмечал необходимость «сплотить и двинуть правительственные силы к быстрому созданию прочного оплота русского государства в дальневосточных областях» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 1, л. 21].

27 октября 1909 года «для объединения и общего направления мер по колонизации Приамурского края» образован Комитет по заселению Дальнего Востока [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 1, л. 21]. Столыпин лично определил его состав. Возглавил Комитет председатель Совета Министров П. А. Столыпин, его заместитель — главноуправляющий землеустройством и земледелием Б. Е. Иваницкий, секретарь Г. В. Глинка. Комитет формировался из представителей министерств и их заместителей. В большинстве случаев министерства представляли министры. Например, МИД представлял министр А. П. Извольский, его заместителем выступал С. Д. Сазонов (будущий министр МИД), министерство финансов — В. Н. Коковцев, народного просвещения — А. Н. Шварц [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 1, л. 21]. По сути, состав комитета по заселению Дальнего Востока дублировал состав правительства. Всего в состав Комитета входило 28 человек, включая председателя, представителей министерств и всех заместителей. За генерал-губернаторами, военными и гражданскими губернаторами закреплялось право присутствовать на заседаниях Комитета во время их нахождения в Санкт-Петербурге.

Комитет по заселению Дальнего Востока по своим функциональным началам напоминал Комитет по строительству Сибирской железной дороги, но без законодательных полномочий. В функции Комитета входило общее руководство освоением Дальнего Востока; содействие экономическому развитию региона, транспортной системы, согласование сметной и нормативной документации, а также объединение всей переселенческой

деятельности всех местных учреждений Дальнего Востока. Для реализации поставленных задач, дополнительно планировалось организовать экспедицию для изучения местности и ее ресурсов и учредить должность уполномоченного для руководства экспедицией и наблюдения за ходом заселения восточной окраины империи. Ключевое направление деятельности Комитета обеспечивало организационные начала строительства Амурской железной дороги. В рамках железнодорожного строительства на особую экспедицию возлагались задачи по определению участков для сооружения станций и перспективных пунктов вне железной дороги и разработка предложений о мерах дальнейшего развития в районе Амурской железной дороги. Таким образом, спустя полвека правительство сконцентрировало свои усилия на укреплении и развитии восточных рубежей.

Петербург предпринимал активные экономические, военно-оборонительные и социально-демографические меры, в комплексе которых можно выделить четыре основных направления: развитие транспортной системы, призванной решить проблему оторванности региона от центра; заселение края русскими; укрепление приграничной с Китаем полосы, контроль над китайскими подданными, находящимися на приграничных территориях.

4. Разработка правительственной программы по освоению Дальнего Востока. Позиции центральных и региональных властей

Личная позиция П. А. Столыпина относительно организации деятельности правительства по намеченным направлениям была изложена в служебной записке. Председатель правительства считал необходимым развитие транспортной системы, в том числе и ускоренное строительство Амурской железной дороги. По мнению П. А. Столыпина, колонизационный фонд необходимо было сформировать из земель, отданных во временное пользование Приамурским генерал-губернатором С. М. Духовским казакам Амурского и Уссурийского войска, и излишков земель Забайкальского казачьего войска. Особо беспокоил премьер-министра вопрос «желтой рабочей силы», которую он предлагал заменить на русских рабочих из центральной России. Одновременно им предполагалось организовать скорейшее использование «расположенных вблизи с китайской границей земель» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 1, л. 21]. Для изучения ресурсов края П. А. Столыпин предложил организовать экспедицию.

В целом предложения П. А. Столыпина не содержали конкретного механизма реализации. На фоне общих проблем отчетливо видно стремление премьер-министра ускорить освоение Дальнего Востока и его заселение русскими. Предложение по организации особой экспедиции в большей

мере демонстрирует отсутствие у правительства четкого представления о регионе, который находился в составе империи почти половину столетия.

Предложения министра финансов В. Н. Коковцева сводились к открытию в районе строительства Амурской железной дороги казначейств для упрощения расчетов администрации дороги по поставкам и открытию казенных винных лавок для борьбы с контрабандой маньчжурского спирта. Меры, предложенные Коковцевым, не отличались широтой и в большей степени отражали ведомственные интересы, чем государственные, что, по сути, и являлось основной проблемой в развитии региона.

Государственный контролер П. А. Харитонов предложил создать опытные сельскохозяйственные станции и показательные хозяйства для выяснения сельскохозяйственных условий края. Чиновник считал возможным формирование земельного фонда за счет земель Кабинета Ее Императорского Величества, расположенных в районе строительства Амурской железной дороги. Идею Столыпина по организации особой экспедиции П. А. Харитонов поддержал, предложив определить программу ее деятельности, изучить водные пути Приамурья для дальнейшего развития речного сообщения.

Предложения, поступившие от Главного управления землеустройства и землепользования, носили более конструктивный характер. Управление выступало за введение частной собственности на землю, пересмотр правил продажи казенных земель Сибири и Дальнего Востока. В Управлении видели перспективу в развитии лесозаготовок и мукомольном производстве. Предлагалось снизить тарифы для «облегчения доставки в Приамурье продуктов сельского хозяйства и скота из смежных районов Сибири» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 1, л. 39]. Предложение о тарифах, в принципе, не утратило актуальности и по сей день. В Управлении также считали необходимым учредить специальные региональные органы для содействия развитию школьного дела и организации церковных приходов.

Предложения Министерства иностранных дел напрямую с освоением Дальнего Востока не были связаны и касались российских интересов в Маньчжурии. Из служебной записки следовало, что деятельность китайских властей по вытеснению русских из Маньчжурии носит «систематический характер», поэтому, учитывая усиление роли США в маньчжурском вопросе, МИД предлагал вынести на обсуждение вопрос о русском присутствии на севере Китая.

Ведомство православного вероисповедания внесло на рассмотрение комплексную программу, обосновывающую необходимость открытия самостоятельной епархии на Камчатке, учреждение на Дальнем Востоке системы духовных учреждений с увеличенным содержанием священнос-

лужителей. Отметим, что предложения церкви поддержали местные губернаторы, видевшие необходимость в распространении русской культуры и духовности среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока. По существу, церковь и народная школа стали апробированными ключевыми институтами, используемыми властями для консолидации общества на национальных окраинах страны.

Министерство путей сообщения (МПС), несмотря на острую необходимость в развитии транспортной системы региона, предложений никаких не выдвинуло, за исключением замечания о необходимости согласования планов Комитета и МПС для дальнейшего использования полученных сведений в деятельности министерства по строительству Амурской железной дороги. При ознакомлении с перепиской создается впечатление, что министерство путей сообщения, сосредоточившись на строительстве железнодорожной магистрали, упускало из виду перспективное планирование иных транспортных артерий, так необходимых для освоения края. Проблема слабой привязанности региона к общероссийскому экономическому и транспортному пространству остается нерешенной по сей день.

Министерство народного просвещения (МНП) на фоне реализации с 1908 года программы по введению всеобщего образования и открытию начальных училищ особых предложений не внесло. В служебной записке из МНП уделено внимание необходимости согласования планов Комитета по основанию новых станций и поселков для последующего планирования и открытия сельских училищ.

Таким образом, очевидно, что на стадии предварительного согласования направлений деятельности Комитета по заселению Дальнего Востока у членов правительства отсутствовало системное и целостное представление освоения региона. Глава правительства П. А. Столыпин торопился освоить Дальний Восток, а министерства в своих предложениях не выходили за рамки ведомственной деятельности. Не имея реального представления о регионе, его особенностях, потребностях и, очевидно, заинтересованности в освоении края, министры вносили предложения, имевшие поверхностный характер и, безусловно, нуждавшиеся в согласовании и приведении в общую систему.

Представления местных властей о развитии Приамурского генерал-губернаторства остались фактически неизменными со времен Хабаровских съездов и были сформулированы еще бароном А. Н. Корфом. Генерал-губернатор указывал на необходимость изменения административного устройства, учреждение Камчатской области и расширения полномочий генерал-губернатора. Для повышения эффективности управления он счи-

тал необходимым учредить институт участковых крестьянских начальников. Для улучшения хозяйственного освоения края Корф предлагал изменить налоговую политику, разрешив генерал-губернаторам устанавливать налоги и сборы, что отчасти было разрешено позднее. Корф указывал на необходимость заселения края русским населением [Ремнев, 2005]. Отметим, что, несмотря на то, что предложения генерал-губернатора были представлены властям еще в 1880-х годах, они не получили реализации и оставались актуальными на протяжении трех десятилетий.

В 1909 году губернаторы Забайкальской, Якутской областей и о. Сахалин для более точного представления о нуждах региона представили отчеты и предложения по дальнейшему развитию вверенных областей. Полученные сведения были обобщены в отчете Иркутского генерал-губернатора и направлены императору с пометкой «секретно». Позднее по приказу П. А. Столыпина сведения передали на рассмотрение в Комитет.

Военный губернатор Забайкальской области отмечал острую потребность «спешно увеличивать численность русского населения» в крае [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 41]. Аргументация В. И. Маркова основывалась не столько на малочисленности русских в области, сколько на качественном составе населения. Губернатор отмечал слабую вовлеченность «инородцев к русской государственности, к русской культуре», «в случае возникновения военных осложнений инородцы, если и не проявят активной враждебности к русским, то едва ли можно ожидать от них особого сочувствия и содействия русскому делу» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 45]. Решение проблемы он видел во введении для инородцев всеобщей воинской повинности и распространении школьного образования. В. И. Макарова поддерживал Иркутский генерал-губернатор А. Н. Селиванов, считавший переселенческий процесс «задачей первейшей государственной необходимости» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 91]. При этом губернатор подчеркивал, что «особое внимание должно быть обращено на заселение прежде всего южных и юго-восточных уездов Забайкальской области, как ближайших районов, которые в случае военных осложнений подвергнутся нападению со стороны неприятеля» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 91—92].

Очевидно, что губернаторы по вопросу заселения Забайкальской области были единодушны и считали необходимым ускорение процесса. Вместе с тем забайкальский губернатор отмечал, что суровые климатические условия мало подходят для переселенцев южных и малороссийских губерний, «избалованных условиями черноземных равнин с мягким климатом»: «Они не очень скоро приспосабливаются к необычным для них условиям, а время не ждет» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 91].

Серьезную угрозу безопасности края Забайкальский губернатор видел в наличии каторги в непосредственной близости к пограничной с Китаем территории. Соседство «каторжной колонии» с китайскими владениями было небезопасным уже потому, что в случае военных действий в тылу и на флангах оставалось 3500 уголовных преступников, «которых в военное время невозможно будет эвакуировать» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 44 об]. К слову добавим, что в 1909 году в Забайкальской области числилось 16144 ссыльнопоселенца, из них 5137 находились в бегах [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 40]. По данным отчета, «в пределы генерал-губернаторства ежегодно поступает на поселение, по отбытии каторжных работ свыше 1000 человек, большинство коих водворяется в Забайкальскую область» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 82]. Губернатор предлагал упразднить каторгу, тем самым содействовать формированию правомерного общества, способного «служить прочною опорой русской государственности в случае новых осложнений на Дальнем Востоке» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 40]. Иркутский генерал-губернатор А. Н. Селиванов предлагал изолировать «революционный и преступный элемент» на острове Ольхон. В целом вопрос о каторге в Сибири неоднократно поднимался местными властями, считавшими необходимым ограничить количество криминального контингента. Тем не менее центральными властями эта проблема не обсуждалась.

Предложения Забайкальского военного губернатора касались не только вопросов переселения. В сельском хозяйстве он считал приоритетным развитие скотоводства и маслодельного производства. Отметим, что позиция В. И. Маркова противоречила мнению центральных властей, стремившихся развивать на Дальнем Востоке земледелие. Забайкальский губернатор считал необходимым «установить вполне рациональные правила для производства рыбной ловли и охоты на пушных зверей» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 43 об]. Он видел в отсутствии транспортной сети причину замедленного освоения природных ископаемых и лесозаготовок. Резюмируя, В. И. Марков справедливо отметил: «Забайкальская область представляет в настоящее время узел, связывающий наш Дальний Восток с остальной Россией. Необходимо, чтобы этот узел был завязан крепко» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 45]. Отметим, что в отчете, приведенная выше цитата выделена и на полях отмечено «Верно!» [Там же]. Поскольку изначально отчет был адресован Николаю II, то, вполне возможно, пометки отражали согласие императора по данному вопросу.

Губернатор Сахалина А. М. Валуев составил конкретную программу по развитию северной части острова. Безусловно, вопрос заселения российской части острова имел государственное значение. По данным отче-

та, на 1 января 1908 года население северной части Сахалина не превышало 5850 человек русского происхождения [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 7]. Вместе с тем, по данным губернатора, селение Маука в южной части острова после прихода японцев стало центром рыбных промыслов с населением в 20 000 жителей. Он отмечал, что «промыслы, прежде стоившие 25 руб., теперь дают доход 3000—4000 руб.» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 7]. За два года на территории поселения были построены здания правительственных учреждений, гимназия, трехэтажный театр, запланировано строительство почтовой дороги между селениями Корсаковским и Маукой и железной дороги между Корсаковским и Владимировкой.

Бесспорно, на фоне развития южной части Сахалина, северная русская земля нуждалась в поддержке государства, принятии программы развития. Валуев просил разрешить ссыльным старожилам пользоваться землей и наделить их правами «сельского состояния», наделить инородцев рыболовными и охотничьими угодьями, для организации управления коренными народами ввести должность инородческого чиновника. Губернатор видел перспективу в развитии частной горной промышленности, где допускал использование до 40 % китайских и корейских рабочих. Предлагал освободить на время от налогов, уменьшить пошлины. Валуев отмечал безучастное отношение населения к образованию и предлагал сделать его обязательным. Для решения кадровой проблемы видел необходимость в создании особых социальных условий службы для чиновников (повышенные пенсии, продолжительные отпуска). Губернатор отмечал, что из-за отсутствия системы образования «многие чиновники <…> оставляют семьи на материке» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 7]. По сравнению с успехами японской части Сахалина, предложения Валуева были направлены скорее на выживание русских на острове, чем на его развитие.

Иркутский генерал-губернатор А. Н. Селиванов, в свою очередь, поднял вопрос о безопасности российско-китайской границы, указывая на замену монгольских пограничных караулов китайскими. Замена повлекла усиление пограничного контроля и запрет на традиционное пользование забайкальскими казаками охотничьими и рыболовными угодьями на территории Монголии [Мамкина и др., 2020]. Также губернатор отметил, что китайская сторона претендует на правобережные острова по р. Аргуни, и подчеркнул опасность их утраты: «Если считать границей фарватер Аргуни, то все острова отойдут Китаю» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 83]. Он обращал внимание на необходимость установления четкой границы по течению Аргуни и в Урянхайском крае. Расширение сферы приграничного взаимодействия требовало учреждения специальной должности. Генерал-

губернатор ходатайствовал об учреждении должности дипломатического чиновника при Иркутском генерал-губернаторстве.

Залог развития региона А. Н. Селиванов видел в развитии транспортной системы, отсутствие которой затрудняло в полной мере использование ресурсов; введении частной собственности на землю и развитии частного железнодорожного строительства; понижении тарифов на железнодорожные перевозки. Он считал необходимым ввести правила использования рыбных, охотничьих, лесных угодий и контроля их выполнения. Генерал-губернатор видел возможность формирования земельного фонда путем изъятия излишков у бурятского населения. Он отмечал, что «инородческое, главным образом бурятское, население в настоящее время поставлено в более привилегированное положение, чем русские крестьяне» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 22, л. 93].

Мнение якутского военного губернатора И. И. Крафта по вопросам заселения области и развития транспортной системы не отличалось от изложенных выше предложений. Помимо прочего, Крафт добавлял, что побережья Охотского и Берингова морей слабоохраняемы: «При отсутствии у нас сильного флота все указанное побережье в случае каких-либо осложнений на Дальнем Востоке окажется совершенно беззащитным» [РГИА, ф. 394, оп. 1, д. 3, л. 125—130]. В свете сказанного губернатор считал необходимым создать военные базы на побережье и внутри страны, увеличить численность войск.

5. Заключение

Если сопоставить предложения центральных и региональных властей относительно развития территорий Дальнего Востока, то становится очевидной определенная схожесть этих позиций, которая заключается в установке на необходимость ускоренного заселения края русским населением и строительства транспортных систем. Однако местные власти видели перспективу в развитии производства, центральные — земледелия. Вопрос об изменении социального состава рассматривался центральными властями однобоко. Для них характерно позиционирование Дальнего Востока как территории, на которую перемещается либо обезземеленная, обнищавшая часть населения, либо преступники — в том и другом случае не совсем благонадежный элемент для отстаивания национальных интересов на далекой окраине. Введение частной собственности на землю в перспективе могло изменить социальный состав, но, к сожалению, вопрос остался неразрешенным, как и многие другие.

Предложения местных губернаторов были более прагматичными по сравнению с предложениями министров, но принципиальных отличий не

содержали. Складывается впечатление, что власти не до конца были уверены в необходимости полномасштабного хозяйственного освоения Дальнего Востока.

Таким образом, исследование показало, российская государственная политика в отношении Дальнего Востока в начале XX века определялась, во-первых, геополитическими интересами, стремлением укрепить свои позиции и влияние в Азии. Великодержавные амбиции, желание владеть огромной территорией, выступающей как плацдарм для возможной экспансии и своеобразный периметр безопасности, заставляли российскую политическую элиту характеризовать регион как стратегически важный. Во-вторых, Петербург проявлял активность в освоении Дальнего Востока из опасений утраты российских владений на Тихом океане. Угроза отторжения дальневосточных территорий вынуждала власть предпринимать активные действия по их закреплению, заселению и усилению обороноспособности. Соответственно, активность российских властей на Дальнем Востоке была циклична, непостоянна, напрямую зависела от имперских интересов. Основная ставка делалась на «демографическое укрепление» региона с акцентом на преобладание благонадежного славянского населения в целях обеспечения безопасности восточных границ. Были приняты определенные меры по развитию социальной инфраструктуры, сельского хозяйства, промышленности, интенсифицировано строительство Амурской железной дороги. Причинами отсутствия прорывного успеха в освоении и развитии дальневосточного региона стали неспособность бюрократии и властей выстроить эффективную и отлаженную работу, преодолеть межведомственные разногласия и интересы во благо общенародного дела. Кроме того, много сил и ресурсов оттягивали на себя экспансионистские проекты за пределами империи, Маньчжурия, строительство КВЖД. Сил, средств и времени на Дальний Восток царскому правительству не хватило. Обращение к истории освоения Дальнего Востока в начале XX века заставляет задуматься: не является ли нынешняя стратегия по развитию Дальнего Востока, по меткому замечанию В. Л. Ларина, новой модификацией прежней имперской политики? Насколько учтен опыт прежних попыток? В очередной раз в российской истории интерес в отношении Дальнего Востока совпал с внешними и внутренними факторами: ухудшением отношений с Западом, экономическим подъемом Китая, угрозами «хозяйственного и культурного освоения территории другими международно-правовыми субъектами» [Виноградов, 2011, с. 6], вновь во главу угла ставятся стратегическая значимость, ресурсы и громадное пространство Дальнего Востока. Хочется надеяться, что за высокими державными амбициями не забудутся интересы и благополучие

жителей восточных окраин России, которые и должны быть основными императивами ее государственной политики.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Ф. 394. Оп. 1. Д. 22. Л. 173; Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 229; Ф. 1284. Оп. 60. Д. 117. Л. 62.

Литература

1. *Азиатская* Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков И. В. Побережников. — Москва : Наука, 2004. — 599 с.

2. *Виноградов А. В.* Россия в АТР : новые цели и задачи / А. В. Виноградов // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества : сборник материалов. — Москва : РИСИ, 2011. — С. 6.

3. *Галлямова Л. И.* Дальний Восток в контексте государственной политики России на Тихом океане / Л. И. Галлямова // Россия и АТР. — 2012. — № 4. — С. 29—39.

4. *Галлямова Л. И.* Дальний Восток в общероссийском пространстве: исторический опыт освоения и особенности развития региона / Л. И. Галлямова // Вестник ДВО РАН. — 2013. — № 4. — С. 9—17.

5. *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы / М. С. Горбачев. — Москва : Новости, 1995. — Книга 1. — 596 с.

6. *Демьяненко А. Н.* Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов / А. Н. Демьяненко, Л. А. Дятлова // Ойкумена : регионоведческие исследования. — 2010. — № 3. — С. 7—28.

7. *Дубинина Н. И.* Н. И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900—1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья / Н. И. Дубинина // Россия и АТР. — 2019. — № 2. — С. 75—89. — DOI: 10/24411 /1026-8804-2019-10022.

8. *Ларин В. Л.* Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России / В. Л. Ларин. — Москва, 2013. — 29 с.

9. *Ли Е. Л.* «Желтая угроза» или «желтый вопрос» в трудах Амурской экспедиции 1910 г. / Е. Л. Ли // Ойкумена: регионоведческие исследования. — 2010. — № 3. — С. 29—40.

10. *Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004—2008 гг.) / С. Г. Лузянин. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 447 с.

11. *Мамкина И. Н.* Комитет по заселению Дальнего Востока, как механизм реализации имперских интересов России вначале XX в. / И. Н. Мамкина, Н. Ю. Гусевская // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы X международной научно-практической конференции (Благовещенск — Хэйхэ, 2-4 июня 2020 г.). — Благовещенск : БГПУ, 2020. — Выпуск 10. — С. 166—170.

12. *Николайчук О. А.* Дальний Восток России: от депрессивного региона к территории будущего : монография / О. А. Николайчук. — Москва : ИНФРА-М, 2019. — 179 с.

13. *Поворот* на Восток : Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И. А. Макаров. — Москва : Международные отношения, 2016. — 148 с.

14. *Попов Д. А.* Восточная стратегия России: мотивы и ретроспективные типы / Д. А. Попов // Власть и управление на Востоке России. — 2019. — № 2 (87). — С. 65—73. — DOI: 10.22394 /1818-4049-2019-87-2-65-73.

15. *Ремнев А. В.* Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е гг. [Электронный ресурс] // Хронос: сайт. — Режим доступа: http://www.hrono.info/statii/2005/dalnyi1880.html (дата обращения: 11.11.20).

16. *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков / А. В. Ремнев. — Омск : ОмГУ, 2004. — 548 с.

17. *Рыбаковский Л. Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Наука, 1990. — 167 с.

18. *Сценарии* развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года: аналитический доклад / редактор А. А. Кокошин. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. — 103 с.

19. *Титаренко М. Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии / М. Л. Титаренко. — Москва : Памятники исторической мысли, 2008. — 623 с.

20. *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII — 1867 г. / С. Г. Федорова. — Москва : Наука, 1971. — 269 с.

Russian State Policy for the Development of the Far East at the Beginning of the Twentieth Century

© Inna N. Mamkina (2021), orcid.org/0000-0002-5583-3072, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Transbaikal State University" (Chita, Russia), inna-mamkina@yandex.ru.

© Natalia Yu. Gusevskaya (2021), orcid.org/0000-0003-0888-136X, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of International Law and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Transbaikal State University" (Chita, Russia), gusnat1@rambler.ru.

The proposals of the authorities on the development of the Far East at the beginning of the 20th century are considered. The relevance of studying the past experience in the development of this region is due to the increased attention of the authorities to the introduction of large-scale programs to strengthen the eastern borders of the state. The authors note the increased scientific interest in the study of the history of the Far East development at the beginning of the 20th century. An analysis of government actions in the Amur region during this period allowed the authors to determine their relationship with the foreign policy position of the empire in the Far East. It was determined that the formation of the Committee for the Settlement of the Far East was aimed at consolidating the actions of the central and provincial authorities. The authors note that at the stage of preliminary coordination of the directions of the Committee's activities, the members of the government did not have a holistic idea of the regional development strategy. A comparative analysis revealed that the proposals of the central and regional authorities did not have any fundamental differences. The pragmatism

of the proposals of local governors was noted. The authors come to the conclusion that the creation of the Committee for the Settlement of the Far East and the organization of the Amur expedition were undertaken under the influence of an external threat and aimed at strengthening the military-industrial potential of the region. The authors note that the administrative and economic development of the region was not a priority for the central authorities.

Key words: Far East; Amur region; foreign policy; development; Amur expedition; government; governor; Committee; program.

Material resources

RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archives]. F. 394; F. 1284. (In Russ.).

References

Alekseev, V. V., Alekseeva, E. V., Zubkov, K. I., Poberezhnikov, I. V. (2004). *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike XVI—XX veka* [Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics of the XVI—XX centuries]. Moskva: Nauka. 599 p. (In Russ.).

Demyanenko, A. N., Dyatlova, L. A. (2010). Obshchiy zamysel Amurskoy ekspeditsii 1910 goda i kratkiy obzor ee Trudov [General idea of the Amur expedition in 1910 and a brief overview of her works]. *Oykumena: regionovedcheskiye issledovaniya* [Oikumena: regional studies], *3*: 7—28. (In Russ.).

Dubinina, N. I. (2019). N. I. Grodekov o voennykh sobytiyakh v Manchzhurii v 1900—1901 gg. i ikh posledstviyakh dlya osvoeniya Priamurya [N. I. Grodekov about the military events in Manchuria in 1900—1901 and their consequences for the development of the Amur region] *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region], *2*: 75—89. DOI: 10/24411 /1026-8804-2019-10022. (In Russ.).

Fedorova, S. G. (1971). *Russkoye naseleniye Alyaski i Kalifornii. Konets XVIII — 1867 g*. [Russian population of Alaska and California. End of XVIII — 1867]. Moskva: Nauka. 269 p. (In Russ.).

Gallyamova, L. I. (2012). Dalniy Vostok v kontekste gosudarstvennoy politiki Rossii na Tikhom okeane [The Far East in the context of the state policy of Russia in the Pacific Ocean]. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], *4:* 29—39. (In Russ.).

Gallyamova, L. I. (2013). Dalniy Vostok v obshcherossiyskom prostranstve: istoricheskiy opyt osvoeniya i osobennosti razvitiya regiona [Far East in the all-Russian space: historical experience of development and features of the development of the region]. *Vestnik DVO RAN* [Vestnik FEB RAS], *4:* 9—17. (In Russ.).

Gorbachev, M. S. (1995). *Zhizn' i reform* [Life and reforms], *1*. Moskva: Novosti. 596 p. (In Russ.).

Kokoshin, A. A. (ed.). (2012). *Stsenarii razvitiya Vostochnoy Sibiri i rossiyskogo Dalnego Vostoka v kontekste politicheskoy i ekonomicheskoy dinamiki Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona do 2030 goda: analiticheskiy doklad* [Scenarios for the development of Eastern Siberia and the Russian Far East in the context of political and economic dynamics of the Asia-Pacific region until 2030: analytical report]. Moskva: MGU im. M. V. Lomonosova. 103 p. (In Russ.).

Larin, V. L. (2013). Vneshnyaya ugroza kak dvizhushchaya sila osvoeniya i razvitiya Tikhookeanskoy Rossii [External threat as a driving force of the development and development of Pacific Russia]. Moskva. 29 p. (In Russ.).

Li, E. L. (2010). «Zheltaya ugroza» ili «zheltyy vopros» v trudakh Amurskoy ekspeditsii 1910 g. ["Yellow threat" or "yellow question" in the works of the Amur expedition in 1910]. *Oykumena: regionovedcheskiye issledovaniya* [Oikumena: regional studies], *3*: 29—40. (In Russ.).

Luzyanin, S. G. (2007). *Vostochnaya politika Vladimira Putina: vozvrashchenie Rossii na «Bolshoy Vostok» (2004—2008 gg.)* [Eastern policy of Vladimir Putin: return of Russia to the "Big East" (2004—2008)]. Moskva: AST: Vostok-Zapad. 447 p. (In Russ.).

Makarov, I. A. (ed.). (2016). *Povorot na Vostok: Razvitie Sibiri i Dalnego Vostoka v usloviyakh usileniya aziatskogo vektora vneshney politiki Rossii* [Turn to the East: Development of Siberia and the Far East in the context of strengthening the Asian vector of Russian foreign policy]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 148 p. (In Russ.).

Mamkina, I. N., Gusevskaya, N. Yu. (2020). Komitet po zaseleniyu Dalnego Vostoka kak mekhanizm realizatsii imperskikh interesov Rossii vnachale XX v. [The Committee for the Settlement of the Far East, as a mechanism for the implementation of the imperial interests of Russia in the early twentieth century]. In: *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy X mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk — Kheykhe, 2-4 iyunya 2020 g.).* [Russia and China: history and prospects of cooperation: materials of the X international scientific and practical conference (Blagoveshchensk — Heihe, June 2-4, 2020)]*, 10.* Blagoveshchensk: BGPU. 166—170. (In Russ.).

Nikolaychuk, O. A. (2019). *Dalniy Vostok Rossii: ot depressivnogo regiona k territorii budushchego: monografiya* [Far East of Russia: from a depressive region to the territory of the future: monograph]. Moskva: INFRA-M. 179 p. (In Russ.).

Popov, D. A. (2019). Vostochnaya strategiya Rossii: motivy i retrospektivnyye tipy [Eastern strategy of Russia: motives and retrospective types]. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and control in the East of Russia], *2 (87).* 65—73. DOI: 10.22394 /1818-4049-2019-87-2-65-73. (In Russ.).

Remnev, A. V. Problemy upravleniya Dalnim Vostokom Rossii v 1880-e gg. [Problems of management of Russian Far East in the 1880s]. In: *Khronos: sayt* [Chronos: website]. Available at: http://www.hrono.info/statii/2005/dalnyi1880.html (accessed: 11.11.20). (In Russ.).

Remnev, A. V. (2004). *Rossiya Dalnego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX vekov* [Russia of Far East. Imperial geography of power in XIX — early XX centuries]. Omsk: OmGU. 548 p. (In Russ.).

Rybakovskiy, L. L. (1990). *Naseleniye Dalnego Vostoka za 150 let* [Population of Far East for 150 years]. Moskva: Nauka. 167 p. (In Russ.).

Titarenko, M. L. (2008). *Geopoliticheskoye znachenie Dalnego Vostoka. Rossiya, Kitay i drugie strany Azii* [Geopolitical significance of Far East. Russia, China and other countries of Asia]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 623 p. (In Russ.).

Vinogradov, A. V. (2011). Rossiya v ATR: novyye tseli i zadachi [Russia in the APR: new goals and objectives]. In: *Rossiya v ATR: problemy bezopasnosti i sotrudnichestva: sbornik materialov* [Russia in the APR: problems of security and cooperation: collection of materials]. Moskva: RISI. 6. (In Russ.).

Мамяченков В. Н. Потребление продуктов питания семьями колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946—1950 годы) / В. Н. Мамяченков, М. И. Львова, В. В. Шведов // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 344—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-344-355.

Mamyachenkov, V. N., Lvova, M. I., Shvedov, V. V. (2021). Consumption of Food by the Families of Collective Farmers in the Molotov region in the First Post-War Five Years (1946—1950). *Nauchnyi dialog, 2:* 344-355. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-344-355. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO ВАК

УДК 94:330.567.222 (470.53)“1946/1950”
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-344-355

Потребление продуктов питания семьями колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946—1950 годы)

© Мамяченков Владимир Николаевич (2021), orcid.org/0000-0001-6070-8746, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), mamyachenkov@mail.ru.

© Львова Майя Ивановна (2021), orcid.org/0000-0002-8695-6737, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), minlvova@mail.ru.

© Шведов Владислав Витальевич (2021), orcid.org/0000-0003-2130-3273, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» (Екатеринбург, Россия), svedoff@mail.ru.

В статье осуществлен количественный и качественный анализ потребления продуктов питания в семьях колхозников Молотовской и Свердловской областей. Для написания статьи автор использовал материалы фондов двух архивов: Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО), часть из которых никогда не публиковалась. Источниковой базой для написания статьи послужили материалы бюджетных обследований населения, которые в нашей стране имеют давнюю историю. Утверждается, что потребность в качественном и правильно структурированном питании является одной из базовых потребностей человеческого существования. Констатируется, что уровень потребления населением Советского Союза продуктов питания в 1946—1950 годах детерминировался суровыми послевоенными условиями. Акцентируется внимание на том, что мощное снижение животноводческой составляющей колхозного подворья в совокупности со снижением доходов от работы в колхозе не могли не сказаться на уровне доходов и потребления колхозных семей, в том

числе на питании. Доказывается, что в исследованном периоде — первом послевоенном пятилетии — уровень питания колхозных семей следует оценить как неудовлетворительный.

Ключевые слова: колхозники; бюджетные обследования; Молотовская область; продукты питания.

1. Введение

В статье речь пойдет о потреблении продуктов питания колхозными семьями Молотовской области в труднейшие для Советского Союза первые послевоенные годы (1946—1950 годы). Область с таким названием существовала с 8 марта 1940-го по 2 октября 1957 года, а образована была несколько ранее — 3 октября 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР путём разделения Свердловской области на две территории [ГАПК].

При этом площадь вновь образованного региона составила 170,7 тыс. км^2, что почти равнялось площади «материнского» региона (упомянутой Свердловской области) — 194,8 тыс. км^2 [Энциклопедия …]. Население же области, по переписи 1939 года, составляло 2088 тыс. человек, из которых почти 800 тыс. (38 % всего населения и 62 — сельского) относились к исследуемой нами категории — колхозникам. Таким образом, накануне Второй Мировой войны колхозники представляли собой вторую по значимости категорию населения региона (после рабочих, составлявших около 40 %) [Мотревич, 2002, с. 126, 142 (расчеты авторов)].

Источниковой базой для написания статьи послужили материалы бюджетных обследований населения, которые в нашей стране имеют давнюю историю. Упомянутые материалы хранятся в фондах федеральных и региональных архивов и, к сожалению, до сих пор востребованы далеко не в той степени, которой они вполне заслуживают. Между тем можно утверждать, что по степени достоверности и детализации статистических данных материалы бюджетных обследований не имеют себе равных в том массиве источников, которые в настоящее время доступны ученым-обществоведам.

Именно наличие материалов бюджетных обследований придает любой научной работе необходимый элемент новизны. В качестве примера сошлемся на коллективный труд сотрудников Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ), посвященный денежным доходам и расходам колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии [Мамяченков и др., 2020]. Предлагаемая статья, как представляется ее авторам, станет достойным вкладом в работу по исследованию материальных условий жизни советских людей.

Завершая введение, следует также отметить, что на сегодня тематика бюджетных исследований в рамках Молотовской области упомянутого периода разработана еще довольно слабо. Из опубликованных на сегодня

работ мы бы выделили, прежде всего, работы двух пермских авторов — А. С. Кимерлинг [Кимерлинг, 2012] и О. Л. Лейбовича [Лейбович, 2004; 2008], в которых нашли отражение интересующие нас события первых послевоенных лет.

2. Потребление продуктов питания: рацион крайней бедности

Нетрудно догадаться, что уровень потребления населением Советского Союза продуктов питания в 1946—1950 годах детерминировался суровыми послевоенными условиями. Общее снижение сельскохозяйственного производства коснулось и личного подсобного хозяйства (ЛПХ) колхозников. Но это было не просто снижение — для аграрного сектора многих регионов РСФСР и всего СССР это была катастрофа. Можно утверждать, что, например, приусадебное животноводство колхозников Молотовской области в 1940-х годах было фактически разрушено навсегда.

В подтверждение этого вывода приведем следующие цифры: если на начало 1941 года в ЛПХ колхозников-пермяков насчитывалось 211 тыс. голов крупного рогатого скота (КРС), то на начало победного 1945-го оно составило только 177, а через пять лет после окончания войны (на начало 1951 года) стало еще меньше — 166 тыс. Поголовье же овец, коз и свиней снизилось просто катастрофически. Например, на начало 1941, 1945 и 1951 годов стадо овец и коз насчитывало соответственно 459, 278 и 198 тыс. голов. Аналогичные же цифры по поголовью свиней составили 75, 11 и 9 тыс. голов [Аграрное …, 2020, с. 74, 79, 82; Мотревич, 1993, с. 173].

Таким образом, представленное выше сокращение поголовья скота в ЛПХ пермских колхозников было гораздо более сильным, чем аналогичное падение в целом по стране и по Уралу. Так, в СССР за годы войны численность КРС, овец и коз, а также свиней в ЛПХ колхозников снизилось соответственно на 13, 24 и 61 % [Чернявский, 1964, с. 47] (расчеты авторов). В целом же по Уральскому региону аналогичные цифры составили 3,8, 34 и 56 % [Корнилов, 1995, с. 76].

Если учесть, что экономика Молотовской области в исследуемый нами период уже имела выраженный промышленный характер, то такая быстрая деградация ЛПХ населения и сельского хозяйства в целом окончательно превращала регион в продовольственно зависимую территорию. Дело в том, что в ЛПХ тех же колхозников при их несравнимо малых масштабах по сравнению с общественным сектором в 1950 году, например, в среднем по Нечерноземью РСФСР (к которому относилась и Молотовская область) было получено 38 % всей сельскохозяйственной продукции. Еще 13 % дали ЛПХ рабочих и служащих [Пихоя, 2007, с. 79].

Естественно, что столь мощное снижение животноводческой составляющей колхозного подворья (дававшей, кстати, колхозникам наиболее дорогие и калорийные продукты) в совокупности со снижением доходов от работы в колхозе не могло не сказаться на уровне доходов и потребления колхозных семей, в том числе — на уровне питания (табл. 1).

По цифрам, представленным в таблице 1, хорошо видно, что, например, в потреблении молокопродуктов в течение всего послевоенного пятилетия отсутствовал даже минимальный рост, а потребление хлебопродуктов стало расти только с 1948 года, мясопродуктов и яиц — с 1949. При этом потребление картофеля, овощей и бахчевых, фруктов и ягод даже снижалось. Стабильный же рост наблюдался только в потреблении сахара, кондитерских изделий и рыбы.

И, надо сказать, что подобная картина наблюдалась в абсолютном большинстве регионов Российской Федерации, причем роковую роль

Таблица 1

Потребление продуктов питания колхозниками Молотовской области в 1946—1950 годы, *кг/душу*

Наименование продуктов	**Годы**				
	1946	**1947**	**1948**	**1949**	**1950**
Мука ржаная и пшеничная	94	94	130	115	141
Хлеб ржаной и пшеничный	18	7,5	27	26	15*
Вермишель, лапша, макароны	–	–	–	0,04	0,03*
Картофель	409	385	301	353	259
Овощи и бахчевые (включая кормовые)	95	89	91	87	60
Фрукты и ягоды свежие	1,3	1,2	1,2	0,3	1,2*
Сахар и сахарный песок	0,14	0,3	1,7	2,1	1,0*
Кондитерские изделия	0,07	0,10	0,4	0,6	0,4*
Мясо и сало	11	11	11	15	10*
Колбаса	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01*
Рыба всякая (в том числе консервы)	0,65	0,7	2,3	2,5	1,4*
Молокопродукты	185	181	190	186	89*
Яйца, *шт.*	37	41	41	54	32*
Чай натуральный, *г*	1,3	6,9	0,7	2,6	1,5*
Соль	3,7	3,5	3,0	4,4	2,9*
Водка, *л*	0,4	0,3	0,2	0,4	0,3*
Прочие алкогольные напитки, *руб.*	4,2	9,6	1,3	1,8	0,84*

* Данные за первое полугодие.

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1830, л. 35, 120] (расчеты авторов).

в этом сыграла засуха и вызванный ею голод 1946 года. Катастрофический неурожай поразил территории Архангельской, Горьковской, Воронежской, Костромской, Новгородской, Ростовской, Ульяновской, Читинской и других областей, Сибирь, Северный Кавказ, Украину. Вышестоящие инстанции были завалены письмами с мест о бедственном положении сельского населения. В одном из таких писем демобилизованный в 1946 году красноармеец С. Д. Коряков из Кировской области (соседней с Молотовской) сообщал, что в его колхозе из 18 демобилизованных военнослужащих 16 ушли на побочные заработки, чтобы прокормить свои семьи [Пихоя, 2007, с. 69—71].

Интересным представляется тот факт, что в 1947 году у колхозников Молотовской области резко возросло потребление чая (более чем в 5 раз) и прочих алкогольных напитков (более чем вдвое). Этот «феномен», как нам представляется, можно объяснить кратковременным ажиотажным спросом буквально на все товары, возникшим в декабре 1947 года в связи с проведением конфискационной денежной реформы. Население страны, взбудораженное слухами о предстоящем обесценении денег, «вкладывало» их буквально во все, что представляло собой хоть какую-нибудь ценность. Неудивительно, что колхозники (с учетом весьма убогого ассортимента сельской торговли) вложили имеющиеся у них скромные денежные средства в покупку доступных и «нескоропортящихся» товаров — чая и алкоголя.

Однако все эти рассуждения из разряда «росло-снижалось-было стабильным», на наш взгляд, теряют всякий смысл после сравнения данных таблицы 1 с данными таблицы 2. В последней представлены нормы р а ц и о н а л ь н о г о, то есть н а у ч н о о б о с н о в а н н о г о питания человека, а кроме того, процесс изменения представления об этих нормах в нашей стране.

Конечно, подобных рациональных норм не было и не могло быть в исследуемом нами периоде, как не было и не могло быть публикаций, содержащих данные ежегодных бюджетных обследований — они хранились в статистических архивах под грифами «секретно» и «для служебного пользования». Иначе и не могло быть, так как фактическое потребление продовольствия населением Советского Союза, а особенно — колхозниками, не вписывалось ни в какие, даже самые заниженные, требования. Именно об этом и говорит сравнение двух вышеупомянутых таблиц.

Действительно, буквально почти по всем позициям необходимых для жизни человека продуктов мы видим катастрофическое недопотребление. Исключение составляли всего два вида продовольствия: хлебопродукты и (особенно) картофель, которые потреблялись в количествах, превышаю-

щих рекомендуемые нормы. Но и это, что интересно, тоже следует рассматривать как большой недостаток качества питания колхозников. Объясняется это просто: у колхозников не было другого выбора, так как относительно доступными (кроме воды) для них были всего лишь три вида продуктов питания: хлебопродукты, картофель и молоко. К перечисленному можно еще с оговорками добавить овощи и бахчевые (табл. 2).

Таблица 2

Изменение рациональных норм потребления продуктов питания населением СССР и России в 1960-х — 2016 годах, *кг / год / душу*

Наименование продуктов	**Годы и нормы потребления**		
	1960-е	**2010**	**2016**
Хлеб, крупа и макаронные изделия	120	95—105	96
Картофель	95	95—100	90
Овощи и бахчевые	164	120—140	140
Фрукты и ягоды свежие	110	90—100	100
Сахар	40—44	24—28	24
Мясо и мясопродукты	90—100	70—75	73
Рыба и рыбопродукты	16	18—22	22
Молоко и молочные продукты	481	320—340	325
Масло растительное и другие жиры	10	10—12	12
Яйца, *шт.*	365	260	260

Источники: [Приказ № 593н; Приказ № 614; Матюха, 1967, с. 129].

Но рациональные нормы потребления продуктов питания касались, так или иначе, всех граждан. Поэтому имеет смысл провести сравнение качества питания колхозных семей и семей других категорий граждан, проживающих как в сельской местности, так и в городах. Поэтому в таблице 3 мы представили структуру продуктов питания, потребляемых в исследуемом нами периоде колхозниками соседней с Молотовской областью — Свердловской.

Уже при беглом взгляде на вышеуказанную таблицу бросается в глаза ее сходство по ряду позиций с таблицей 1. Есть, конечно, и различия: например, пермские колхозники потребили за первое послевоенное пятилетие несколько меньше хлебопродуктов, картофеля, мясных и молочных продуктов. Известной компенсацией за это стало значительно большее количество потребленных овощей и бахчевых. В целом же, по нашему мнению, уровень питания свердловских колхозников следует оценить лишь как несколько более высокий, чем у пермских. Что, впрочем, и не-

удивительно: Свердловская область уже в те годы была наиболее развитым в промышленном отношении регионом Урала.

Наконец, сравним продовольственную потребительскую корзину колхозников Молотовской области с аналогичными корзинами семей городских рабочих и инженерно-технических работников (ИТР). Для этого удобно воспользоваться уже опубликованной работой одного из авторов данной статьи [Мамяченков, 2008]. В упомянутой статье автор подробно проанализировал уровень питания семей рабочих и ИТР Свердловской области в первые послевоенные годы, который (это можно утверждать с максимально высокой степенью вероятности) не слишком значительно отличался от аналогичного показателя Молотовской области.

Согласно данным, приведенным в статье, в 1950 году среднедушевое потребление продуктов питания в семьях ИТР и рабочих промышленных предприятий Свердловской области составляло соответственно: хлебопродуктов — 244 и 272, картофеля — 165 и 180, овощей и бахчевых — 26 и 21, сахара — 15 и 13, мясопродуктов — 25 и 18, рыбопродуктов — 9 и 9, молокопродуктов — 96 и 83 кг, яиц — 48 и 25 штук.

При сопоставлении приведенных цифр с данными таблицы 1 видны существенные различия в структуре потребления крестьян и горожан. Так, семьи ИТР и рабочих потребляли гораздо больше хлеба, сахара, мяса и рыбы, но значительно уступали в потреблении картофеля, овощей с бахче-

Таблица 3

Потребление основных продуктов питания колхозниками Свердловской области в 1946—1950 годах, *кг / душу*

Годы	**Наименование продуктов**								
	Хлеб и хлебопродукты	**Картофель**	**Овощи (с бахчевыми)**	**Фрукты и ягоды (свеж. и сушен.)**	**Сахар и сахарный песок**	**Мясо и мясопродукты**	**Рыба и рыбопродукты**	**Молоко и молокопродукты**	**Яйца,** *шт.*
1946	141	438	67	1,6	0,2	15	0,7	221	34
1947	119	470	64	1,7	0,2	14	1,1	221	29
1948	159	391	66	2,3	2,3	10	1,3	218	30
1949	183	399	62	0,5	2,9	15	1,5	195	38
1950	188	324	49	1,7	2,9	16	0,9	188	45

Источник: [ГАСО, ф. р1813, оп. 1, д. 518, л. 9—12; оп. 14, д. 47, л. 2—3, 9—10, д. 290. л. 7, 34—35, 38, д. 401, л. 1—2, 18—19, д. 657, л. 11—12, 23—24 (расчеты автора)].

выми и молочными продуктами. Говорить о каком-либо сбалансированном питании здесь не приходится и применительно к городским жителям, но в целом их питание следует признать все-таки более соответствующим научно обоснованным нормам потребления. Уровень же питания колхозников Молотовской области заслуживал только одного определения: «рацион крайней бедности».

3. Выводы

Потребность в качественном и сбалансированном питании является одной из базовых потребностей человеческого существования. Эта проблема и сегодня по-прежнему является актуальной не только для большинства стран нашей планеты, но и для целых ее континентов — например, для Африки.

Историческая наука беспристрастно свидетельствует: хроническое недоедание и отсутствие сбалансированного питания являлись неотъемлемыми чертами повседневной жизни значительной части населения и царской России, и Советского Союза на всем протяжении их существования. В особенности это касалось сельского населения — крестьян, которые в СССР в результате насильственно проведенной коллективизации получили в большинстве своем статус «колхозников».

Извращенное понимание и игнорирование властями потребностей крестьянских хозяйств неизбежно вели к стагнации уровня колхозной жизни, что проявлялось, в числе прочего, в неудовлетворительном уровне питания крестьянских семей. Относительное благополучие в этом вопросе было достигнуто, с определенными оговорками, только в 1970—1980-е годы прошлого века. Но в исследованном нами периоде — первом послевоенном пятилетии — уровень питания колхозных семей следует оценить как абсолютно неудовлетворительный.

Источники и принятые сокращения

1. *Аграрное* производство Пермского края в годы Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. : справочник / автор.-сост.: Ю. Б. Шувалова, Т. С. Волкова, О. В. Ярома, А. В. Хованская, В. И. Тетерин. — Пермь : Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова, 2020. — 218 с. — ISBN 978-5-600-02757-2.

2. ГАПК — *Государственный* архив Пермского края : административно-территориальное деление Пермского края в 1938—1980-е годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.archive.perm.ru/projects/articles-and-publications/1116145-administrative-divisions-of-perm-krai-in-1938-1980-years/ (дата обращения: 27.11.2020).

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Оп. 1. Д. 518. Л. 9—12; Оп. 14. Д. 47. Л. 2—3, 9—10. Д. 290. Л. 7, 34—35, 38. Д. 401. Л. 1—2, 18—19. Д. 657. Л. 11—12, 23—24.

4. *Мотревич В. П.* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года : Уральский регион : сборник материалов / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2002. — 372 с.

5. *Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.) / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Наука : Уральское отделение, 1993. — 306 с.

6. Приказ № 593н — *Об утверждении* «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания : приказ Минздравсоцразвития РФ от 02.08.2010 г. № 593н [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://zdrav-dep.admin-smolensk.ru/s_normpravdocs/minzdrav/2010/2010-08-02_593n.pdf (дата обращения: 27.11.2020).

7. Приказ № 614 — *Об утверждении* Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания : приказ Минздрава РФ от 19.08.2016 г. № 614 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://minzdrav.gov.ru/news/2016/08/26/3128-prikazom-minzdrava-rossii-utverzhdeny-rekomendatsii-po-ratsionalnym-normam-potrebleniya-pischevyh-produktov (дата обращения: 27.11.2020).

8. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление). Оп. 324. Д. 1830. Л. 35, 120.

9. *Энциклопедия* «Пермский край в Великой отечественной войне» : Молотовская область: общие сведения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.permgaspi.ru/enc/2020/04/23/молотовская-область/ (дата обращения: 27.11.2020).

Литература

1. *Кимерлинг А. С.* Особенности провинциальной советской коррупции в 1946—1953 годах на материале Молотовской области / А. С. Кимерлинг // Вестник Пермского университета. История. — 2012. — Выпуск 3 (20). — С. 101—108.

2. *Корнилов Г. Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / Г. Е. Корнилов. — Свердловск : УрГУ, 1990. — 226 с.

3. *Лейбович О. Л.* В городе М : очерки социальной повседневности советской провинции в 40—50-х годах / О. Л. Лейбович. — Москва : РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 295 с.

4. *Лейбович О. Л.* Проделки номенклатуры: денежная реформа 14 декабря 1947 г. и молотовские начальники / О. Л. Лейбович // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века : материалы Интернет-конференции «Номенклатура в истории советского общества» (ноябрь 2003 — март 2004 г.). — Пермь : Пермский государственный технический университет, 2004. — С. 180—198.

5. *Мамяченков В. Н.* Денежные доходы и расходы колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946—1950 годы) / В. Н. Мамяченков, Н. Ю. Власова, А. Л. Анисимов // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 423—435. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-423-435.

6. *Мамяченков В. Н.* Продовольственное обеспечение населения Свердловской области в условиях послевоенного кризиса (1946—1950) / В. Н. Мамяченков // Вестник ЧелГУ. История. — 2008. — Выпуск 23, № 5 (106). — С. 58—70.

7. *Матюха И. Я.* Статистика бюджетов населения / И. Я. Матюха. — Москва : Статистика, 1967. — 248 с.

8. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945—1985 / Р. Пихоя. — Москва : АСТ, 2007. — 720 с.

9. *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великой Отечественной войне / У. Г. Чернявская. — Москва : Наука, 1964. — 208 с.

Consumption of Food by the Families of Collective Farmers in the Molotov region in the First Post-War Five Years (1946—1950)

© Vladimir N. Mamyachenkov (2021), orcid.org/0000-0001-6070-8746, Doctor of History, Professor, Department of State and Municipal Administration, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), mamyachenkov@mail.ru.

© Mayya I. Lvova (2021), orcid.org/0000-0002-8695-6737, PhD in Economics, associate professor, Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), minlvova@mail.ru.

© Vladislav V. Shvedov (2021), orcid.org/0000-0003-2130-3273, PhD in History, associate professor, Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), svedoff@mail.ru.

A quantitative and qualitative analysis of food consumption in the families of collective farmers in the Molotov and Sverdlovsk regions is provided in the article. The author used materials from the funds of two archives: the Russian State Archive of Economics (RSAE) and the State Archives of the Sverdlovsk Region (SASR), some of which have never been published. The source base for writing this article was the materials of budget surveys of the population, which have a long history in our country. It is argued that the need for high-quality and properly structured nutrition is one of the basic needs of human existence. It is stated that the level of consumption of food products by the population of the Soviet Union in 1946—1950 was determined by the harsh post-war conditions. Attention is focused on the fact that a powerful decrease in the livestock component of the collective farm backyard, combined with a decrease in income from work on the collective farm, could not but affect the level of income and consumption of collective farm families, including nutrition. It is proved that in the studied period — the first post-war five years — the level of nutrition of collective farm families should be assessed as unsatisfactory.

Key words: collective farmers; budget surveys; Molotov region; food products.

Material resources

Entsiklopediya «Permskiy kray v Velikoy otechestvennoy voyne»: Molotovskaya oblast': obshchiye svedeniya [Encyclopedia "Perm Territory in the Great Patriotic War": Molotov region: general information]. — Available at: https://www.permgaspi.ru/enc/2020/04/23/molotovskaya-oblast'/ (accessed: 27.11.2020). (In Russ.).

GAPK — *Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya: administrativno-territorialnoye deleniye Permskogo kraya v 1938—1980-e gody* [State Archives of the Perm Territory: the administrative-territorial division of the Perm Territory in the 1938—1980s]. Available at: http://www.archive.perm.ru/projects/

articles-and-publications/1116145-administrative-divisions-of-perm-krai-in-1938-1980-years/ (accessed: 27.11.2020). (In Russ.).

GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. F. R1813 (Oblastnoye statisticheskoye upravleniye* [State Archives of the Sverdlovsk Region. F. R1813 (Regional Statistical Office)]. (In Russ.).

Motrevich, V. P. (1993). *Selskoye khozyaystvo Urala v pokazatelyakh statistiki (1941—1950 gg.)* [Agriculture of the Urals in statistics (1941—1950)]. Yekaterinburg: Nauka: Uralskoye otdeleniye. 306 p. (In Russ.).

Motrevich, V. P. (2002). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Uralskiy region: sbornik materialov* [All-Union population census of the USSR in 1939: Ural region: collection of materials]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. 372 p. (In Russ.).

Prikaz № 593n — *Prikaz Minzdravsotsrazvitiya RF ot 02.08.2010 g. № 593n «Ob utverzhdenii rekomendatsiy po ratsionalnym normam potrebleniya produktov, otvechayushchim sovremennym trebovaniyam zdorovogo pitaniya»* [Decree of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of 02.08.2010, No. 593n "On the approval of recommendations on rational food consumption standards that meet modern requirements for healthy nutrition"]. Available at: https://zdrav-dep.admin-smolensk.ru/s_normpravdocs/minzdrav/2010/2010-08-02_593n.pdf (accessed: 27.11.2020). (In Russ.).

Prikaz № 614 — *Prikaz Minzdrava RF ot 19.08.2016 g. № 614 «Ob utverzhdenii Rekomendatsiy po ratsionalnym normam potrebleniya pishchevykh produktov, otvechayushchikh sovremennym trebovaniyam zdorovogo pitaniya»* [Decree of the Ministry of Health of the Russian Federation of August 19, 2016 No. 614 "On the approval of Recommendations on rational norms of food consumption that meet modern requirements for healthy eating"]. Available at: https://minzdrav.gov.ru/news/2016/08/26/3128-prikazom-minzdrava-rossii-utverzhdeny-rekomendatsii-po-ratsionalnym-normam-potrebleniya-pischevyh-produktov (accessed: 27.11.2020). (In Russ.).

RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 1562 (Tsentralnoye statisticheskoye upravleniye)* [Russian State Archives of Economics. F. 1562 (Central Statistical Office)]. (In Russ.).

Shuvalova, Yu. B., Volkova, T. S., Yaroma, O. V., Khovanskaya, A. V., Teterin, V. I. (eds.). (2020). *Agrarnoye proizvodstvo Permskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941—1945 gg.: spravochnik* [Agrarian production of the Perm Territory during the Great Patriotic War: 1941—1945: reference book]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy agrarno-tekhnologicheskiy universitet imeni akademika D. N. Pryanishnikova. 218 p. ISBN 978-5-600-02757-2. (In Russ.).

References

Chernyavskiy, U. G. (1964). *Voyna i prodovolstviye: snabzheniye gorodskogo naseleniya v Velikoy Otechestvennoy voyne* [War and food: supply of the urban population in the Great Patriotic War]. Moskva: Nauka. 208 p. (In Russ.).

Kimerling, A. S. (2012). Osobennosti provintsialnoy sovetskoy korruptsii v 1946—1953 godakh na materiale Molotovskoy oblasti [Features of provincial Soviet corrup-

tion in 1946—1953 on the material of the Molotov region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. Story], *3 (20):* 101—108. (In Russ.).

Kornilov, G. E. (1990). *Uralskaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941—1945 gg.)* [Ural village during the Great Patriotic War (1941—1945)]. Sverdlovsk: UrGU. 226 p. (In Russ.).

Leybovich, O. L. (2004). Prodelki nomenklatury: denezhnaya reforma 14 dekabrya 1947 g. i molotovskiye nachalniki [Tricks of the Nomenclature: Monetary Reform December 14, 1947 and Molotov Chiefs]. In: *Nomenklatura i nomenklaturnaya organizatsiya vlasti v Rossii XX veka* [Nomenclature and nomenclature organization of power in Russia of the XX century]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet. 180—189. (In Russ.).

Leybovich, O. L. (2008). V *gorode M: ocherki sotsialnoy povsednevnosti sovetskoy provintsii v 40—50-kh godakh* [In the city of M: essays on the social everyday life of the Soviet province in the 40—50-ies]. Moskva: ROSSPEN; Fond pervogo Prezidenta Rossii B. N. Eltsina. 295 p. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N. (2008). Prodovolstvennoye obespecheniye naseleniya Sverdlovskoy oblasti v usloviyakh poslevoennogo krizisa (1946—1950) [Food supply of the population of the Sverdlovsk region in the conditions of the post-war crisis (1946—1950)]. *Vestnik ChelGU. Istoriya* [Bulletin of ChelSU. Story]*, 23/5 (106):* 58—70. (In Russ.).

Mamyachenkov, V. N., Vlasova, N. Yu., Anisimov, A. L. (2020). Financial Income and Expenses of Collective Farmers of the Molotov Region in the First Post-War Five Years (1946—1950). *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], *11:* 423—435. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-423-435. (In Russ.).

Matyukha, I. Ya. (1967). *Statistika byudzhetov naseleniya* [Statistics of the budgets of the population]. Moskva: Statistika. 248 p. (In Russ.).

Pikhoya, R. G. (2007). *Moskva. Kreml. Vlast'. Sorok let posle voyny, 1945—1985* [Moscow. Kremlin. Power. Forty years after the war, 1945—1985]. Moskva: AST. 720 p. (In Russ.).

Николаи Ф. В. Военно-историческая антропология: векторы теоретической полемики в российской и англоязычной историографии / Ф. В. Николаи, Л. В. Софронова, А. В. Хазина // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 356—370. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-356-370.

Nikolae, F. V., Sofronova, L. V., Khazina, A. V. (2021). Military-Historical Anthropology: Vectors of Theoretical Polemic in Russian and English Historiography. *Nauchnyi dialog, 2:* 356-370. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-356-370. (In Russ.).

УДК 930.2+572:355.01(091)
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-356-370

Военно-историческая антропология: векторы теоретической полемики в российской и англоязычной историографии

© **Николаи Федор Владимирович (2021),** orcid.org/0000-0002-8876-9441, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина»; профессор кафедры социально-гуманитарных наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Нижний Новгород, Россия), fvnik@list.ru.

© **Софронова Лидия Владимировна (2021),** orcid.org/0000-0002-7259-4333, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Россия), lidiasof@yandex.ru.

© **Хазина Анна Васильевна (2021),** orcid.org/0000-0001-5044-4900, кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижний Новгород, Россия), annh1@yandex.ru.

Предлагается классификация теоретических подходов в военно-исторической антропологии. Авторы отмечают, что в англоязычной историографии в целом преобладает социальный конструктивизм, а в отечественных исследованиях — экзистенциальный подход. Показано, что все большую роль в последнее время начинают играть социально-культурное направление и феноменология фронтового опыта. Сделан вывод о том, что теоретический анализ различий этих подходов позволяет не только обозначить их сильные и проблемные стороны, но и наметить перспективы взаимодействия между ними. Авторы отмечают, что наиболее перспективной сегодня представляется установка на соучастие представителей академического сообщества в совместных с комбатантами культурных практиках репрезентации фронтового опыта, позволяющая сделать диалог

между феноменологией фронтового опыта и социально-культурным подходом наиболее продуктивным. Доказывается, что в рамках такого диалога вопрос о соотношении нормативных социальных структур и локальных практик не должен редуцироваться к заранее известному ответу. Подчеркивается, что теоретическое напряжение между обозначенными подходами имеет смысл не нивелировать или радикально абсолютизировать, но прорабатывать — искать точки практического взаимодействия и модификации существующих стратегий осмысления прошлого.

Ключевые слова: военно-историческая антропология; практики коммеморации; социальный конструктивизм; феноменология фронтового опыта.

1. Введение

Традиционная военная история новейшего времени сегодня все чаще подвергается критике с двух сторон: во-первых, исследования «новых войн» проблематизируют ее европоцентристский характер, нивелирование колониальных конфликтов, а также акцент на боевые действия вместо более широкого анализа ситуаций на грани войны и мира — революционного насилия, миротворческих операций, действий оккупационных сил, введения чрезвычайного положения внутри страны и т. д. [Калдор, 2019] Во-вторых, военная антропология ставит под вопрос гипертрофированное внимание к деятельности полководцев и дипломатов, крупным военным операциям и решениям политиков в ущерб анализу тактик выживания рядовых солдат. Как справедливо отмечает А. В. Гладышев, методологическим приоритетом при такой смене оптики становится микроистория: «На смену обезличенной структуре приходит лик индивида» [Гладышев, 2017, с. 136]. Оба эти вектора критики активно развиваются с середины 1990-х годов как на Западе, так и в России, но пока их методологические приоритеты не прояснены в достаточной степени.

Целью данной статьи представляется общая разметка основных теоретических подходов в военно-исторической антропологии в российской и англоязычной историографии. На первый взгляд, эти различия представляются весьма радикальными: в западных исследованиях доминирует социальный конструктивизм, в рамках которого субъективность солдат и их отношение к войне рассматриваются как *эффект* работы военной машины. В отечественном историческом сознании преобладает скорее экзистенциальный подход, подчеркивающий важность солдатского «боевого духа». Теоретический анализ различий этих нарративов позволит обозначить сильные и проблемные стороны каждого из подходов, а также наметить перспективы взаимодействия между ними.

Сам термин *военно-историческая антропология* используется в отечественной историографии с начала 2000-х годов. Его активным популяризатором стала Е. С. Сенявская [Сенявская, 2016]. В 2000 году было

проведено несколько конференций по этой проблематике: «Военно-историческая антропология: предмет, задачи, перспективы развития» (ИРИ РАН, Москва), «“Homo belli” — “человек войны” в микроистории и истории повседневности» (Н. Новгород), «Человек и война. Война как явление культуры» (Челябинск). В 2002 году была создана Международная ассоциация военно-исторической антропологии и психологии, стал издаваться соответствующий ежегодник. Общим моментом, объединившим исследователей разных гуманитарных дисциплин в это новое направление, стал интерес к специфике фронтового опыта и форм его репрезентации в разные исторические периоды. В западной историографии эта проблематика также активно обсуждалась в 1990—2000-е годы. Однако здесь различия между позициями разных авторов оказались более существенными. Поэтому в целом можно выделить несколько теоретических подходов.

2. Социальный конструктивизм

В американской военной антропологии до последнего времени преобладало социально-конструктивистское, или критическое, направление, ставившее своей основной целью разоблачение милитаристской политики ведущих мировых держав, провоцирующей локальные конфликты. К. Латц, Д. Прайс и другие авторы исследуют интернализацию нормативных социальных установок и использования насилия в ходе военных действий [Lutz, 2002; Lutz, 2009; Price, 2011]. В частности, К. Латц анализирует практики повседневных взаимодействий между военнослужащими базы Форт Брэгг в Северной Каролине и сообществом соседнего города Файетвилля. По ее мнению, провести четкую границу между войной и миром, армией и гражданскими невозможно. Экономика, повседневность, культурная индустрия жителей Файетвилля оказываются пронизаны отголосками войны. Субъект-позиции и жизненные стратегии комбатантов также оказываются вписаны в общие схемы сигнификации, контролируемые государством.

Представители критического направления активно выступают против сотрудничества антропологов с военными подразделениями, например, в рамках созданной в 2007 году в Афганистане «Human Terrain System». Однако социальный конструктивизм во многом нивелирует специфику военного опыта, навязывает ему внешние модели объяснения. Например, приравнивание «чувства ответственности» к «вине и стыду» у Н. Шерман [Sherman, 2014] представляется совершенно некорректным. Поэтому в 2010-е годы такой линейный конструктивизм становится все менее популярным. Повседневные тактики поведения солдат и офицеров часто укло-

няются от навязываемых «сверху» нарративов или выборочно используют их в своих собственных целях. Задачей антропологии в этом контексте оказывается не просто переключение масштаба исследования с макро-социального анализа на микроисторию, но апелляция к гуманитарным ценностям и саморефлексия над собственной этической позицией исследователя. Такой подход позиционирует себя наследником философской антропологии эпохи Просвещения. Объектом его анализа выступают не просто нравы солдат, рассматриваемых антропологом подобно «туземцам» (или в духе этнометодологии Г. Гарфинкеля), но присущие человечеству в целом этические императивы, идеалы гуманности и рациональные суждения. С другой стороны, это направление явно наследует идеи марксистской критической теории, которая характеризует общество в терминологии культурной гегемонии и отчуждения классового сознания. Субъективные представления навязываются господствующими медиа, опыт (включая военный) определяется нормативной риторикой господствующего класса. Антрополог стремится вскрыть работу ложного сознания и добиться смены акторов / субъектов действия: вместо государственных институтов перенести акцент на отдельных людей. Внутреннее напряжение между этими двумя пониманиями критики и антропологии определяет перформативный пафос данного направления — стремление не просто объяснить мир, но изменить его — деконструировать доминирующий в медиа героический нарратив и добиться публичного осуждения инициаторов «новых войн».

2. Социально-культурное направление военной антропологии

Смягчить эту радикальную версию конструктивизма пытается преобладающее в Великобритании *социально-культурное* направление военно-исторической антропологии, которое опирается на идеи социальной истории, гендерных исследований, истории эмоций и культурной истории тела. Критикуя героический нарратив, который был необходим для повышения боевых качеств массовых армий в условиях Второй мировой и холодной войны, сторонники этого направления переносят акцент на исследования культурной памяти о Первой мировой войне и опыт «потерянного поколения» ее участников [Fussell, 1975; Уинтер, 2016]. Центральной проблемой при этом становится важность *двойной взаимосвязи* между непосредственным фронтовым опытом и стратегиями его культурной репрезентации. В частности, ведущий специалист по Первой мировой войне в англо-американской историографии Д. Уинтер доказывает, что язык выступает принципиально важной *рамкой памяти*: «Наши представления о войне — это всегда опосредованные знания и впечатления. Сама война — собственно убийства, то, что

У. Уитман называет “кровавым делом”, — находится за рамками нашего понимания. Чтобы разглядеть ее, нам нужны линзы, позволяющие отфильтровать часть ее ужасающего и слепящего света. <…> Каждый язык формирует собственный лексикон войны и содержит следы фронтового опыта. Другие линзы предлагают языки искусства — скульптуры, живописи, фотографии и кино. Все они предлагают опосредованные образы, которые вместе с вербальным языком формируют то, что Ян и Алейда Ассман называют “культурной памятью” о войне» [Winter, 2017, p. 1].

С данной точки зрения, задача современных исследований по военно-исторической антропологии связана с *проработкой прошлого* и предполагает выстраивание диалога между представителями разных поколений и социальных групп, включая сообщества комбатантов и художников, фотографов и архитекторов, писателей и родственников погибших. Такой социально-культурный подход представляется весьма продуктивным, но работает в основном с репрезентациями войны в воспоминаниях, литературе, искусстве. Его сильной стороной является компаративный анализ практик коммеморации в разных европейских странах (включая Россию). Однако акцент его сторонников на искусство и «высокую культуру» оттесняет на задний план повседневные практики выживания рядовых солдат. Кроме того, трагический нарратив в рамках этого подхода нивелирует стремление комбатантов к нормализации своего опыта и поиск позитивных рамок его артикуляции. В то же время социально-культурное направление позволяет гораздо более тонко работать с источниками личного происхождения, чем радикальный конструктивизм. Весьма показательны в этом плане работы известной британской исследовательницы Д. Бурк, в частности ее «Вторая мировая война: народная история». Эта книга интересна своим акцентом на свидетельства «обычных людей» (как военных, так и гражданских). Репрезентативность этой картины обеспечивается привлечением источников, характеризующих позиции представителей разных социальных классов, стран и поколений. Со сторонниками критического направления ее объединяет резкое неприятие брутальности «тотальной войны»: «Нанесение увечий и разрушение человеческого бытия лежит в центре военных конфликтов» [Bourke, 2001, p. 2]. Однако боль, страх и насилие интересуют Бурк не в плане критики милитаризма, — она рассматривает эти феномены как стратегии репрезентации опыта, вписываемые в существующие социальные рамки.

Функция антропологии здесь сводится к более тонкому и избегающему социального редуктивизма анализу современных медиа и дискурсивных формаций. Исследователи стремятся не «изменить мир» или деконструировать используемые элитами языки его описания, но найти альтернативные

средства самовыражения и низовые практики уклонения от господствующих норм. В России это направление представлено в работах Н. Даниловой, Г. И. Зверевой, Е. Рождественской и ряда других авторов. В частности, Н. Данилова в работе «Политика памяти о войне в Великобритании и России» рассматривает трансформацию практик коммеморации в указанных странах. Прежде всего, речь идет о важности памяти для самосознания нации как «воображаемого сообщества» (в терминологии Б. Андерсона), которое на протяжении XX века, впрочем, все больше оттесняется на задний план профессиональной / корпоративной военной риторикой. С этой точки зрения, современная политика памяти оказывается гибридом, вынужденно сочетающим разные элементы — национальные, корпоративные, семейные и индивидуальные. Как и сторонники социального конструктивизма, Н. Данилова подчеркивает, что практики коммеморации всегда отсылают не только к прошлому, но и к настоящему — современным конфликтам и изменениям военной сферы. Старые символы (маки в Великобритании или георгиевская лента в России) при этом приспосабливаются к новым контекстам, рамкам и медиа. Сила ритуалов и практик коммеморации состоит прежде всего в их повторении и способности вызывать эмоции. «Воспоминание возникает как непреодолимое эмоциональное побуждение и первостепенное моральное обязательство» [Danilova, 2016, p. X]. Эти эмоции могут использоваться в националистическом ключе и способствовать нормализации милитаризма, позволяя связать собственный опыт участия в войне или аффективной вовлеченности в конфликт и политические лозунги (обычно выдвигаемые элитами). В этом контексте особую роль приобретает не стремление элиминировать политическое измерение памяти, но его *проработка*, культурная саморефлексия и создание более мягких, не-милитаристских практик коммеморации: «Рассматривая память о войне с точки зрения гражданского общества, мы возвращаемся к важным вопросам об ответственности и этических обязательствах. Гражданское общество должно выработать самостоятельную стратегию памяти о погибших солдатах, конкурирующую с государственническим или милитаристским дискурсом памяти о войне. Практикуя этот политический выбор, гражданское общество может защитить себя от опасностей милитаризма. А такая опасность возникает, когда мировоззрение военных становится базовым для нации в целом» [Danilova, 2016, p. 14].

В схожем ключе политика памяти в Восточной Европе рассматривается в книге «Войны (в) коллективной памяти» под редакцией Е. Рождественской, В. Семеновой, И. Тартаковской и К. Косела. Коллективная память выступает здесь источником конструирования актуальных идентичностей

в публичном пространстве — в музеях, мемориалах, школьных учебниках, интернет-сетях и т. д. В центре внимания авторов книги оказывается напряжение между социально-политическими рамками памяти, которые апеллируют к *общему моральному* или идеологическому императиву, и локальными практиками коммеморации, подчеркивающими свой *особый* статус и потому придающими принципиальное значение разным техникам *эстетизации* прошлого. Это различие коллективного и индивидуального редакторы издания напрямую соединяют с соссюровским различием языка и речи: «Язык, как и коллективная память, — это коллективный продукт, не сводимый к активности его отдельных носителей. <…> В то же время "речь", как и индивидуальная память, отражает культурные и биографические особенности ее носителей, что проявляется в вариациях, отклонениях и специфичности воспоминаний разных участников одного и того же события» [Collective Memory, 2016, p. 6].

Политика памяти формируется из напряжения между социальными и локальными рамками, нормативным языком и частной речью. Показательными примерами в этом отношении выступают главы Е. Рождественской и И. Тартаковской «Пространство памяти в "афганистанском" музее» и «Ветераны Афганистана: резонанс памяти». Отталкиваясь от идеи П. Нора о трансформации в XIX—XX веках мест памяти, все меньше репрезентирующих нации и все больше — социальные группы, исследователи отмечают, что индивидуальные речевые практики комбатантов, подобно калейдоскопу, предполагают выстраивание набора высказываний в зависимости от коммуникативных ситуаций. Героический нарратив предназначен для официальных мероприятий и «воспитания подрастающего поколения»; трагический направлен на матерей и родственников погибших; «среди своих» оба этих тропа диверсифицируются в пользу «мужской работы» и дискурса профессионализма; «посторонним» полагается рассказывать об этнографической экзотике, которая косвенно снимает ответственность за войну с комбатантов. Общей целью всех этих четырех тропов представляется укрепление статуса социальной группы ветеранов. Субъективация в этом контексте предполагает гибкое переключение режимов высказываний: с матерями «не принято» говорить о политике, а среди своих использовать трагический нарратив. Под влиянием данных тропов даже категория опыта и соматизация превращаются в эстетический прием: «При организации внутреннего пространства "афганского" музея принципиальное значение несут вещи, которые соматизируют и локализируют, то есть воплощают военный опыт. Эти репрезентации находят свое выражение в образах индивидуального или коллективного тела. Личная вещь, групповая фото-

графия, диорама боя — телесные и вещественные проекции пережитого, которые действуют как соматический проводник, позволяя транслировать и опосредовать заключенные в них эмоций» [Tartakovskaya, 2016, p. 90].

Подобное недоверие к феноменологии опыта редуцирует жизненный мир комбатантов к линейному следованию социальным рамкам и подчиняет их речевые практики нормативности сложившегося политического дискурса. Однако несомненным достоинством такой установки оказывается проблематизация сложившихся в общественном сознании стереотипов, использующих национальные нарративы XIX века применительно к гетерогенным современным конфликтам [Николаи, 2019б]. В этом контексте функция антропологии в некотором смысле сводится к «прививке» междисциплинарных методов структуралистским социальным исследованиям, которые не схватывают специфику микроисторического уровня.

3. Феноменология фронтового опыта

Принципиально иначе проблематика военной антропологии рассматривается в работах И. В. Нарского, О. Нагорной и ряда других авторов [Нарский, 2005; Нагорная, 2008; Нагорная, 2011], работающих на стыке социально-культурной истории и *феноменологии фронтового опыта*. С этой (феноменологической) точки зрения война способствует инструментализации опыта. В отличие от позиции сторонников социального конструктивизма ключевая роль здесь отводится не социальной нормативности, но низовым практикам выживания и прагматике повседневности: комбатанты как «<…> представители принудительно созданной группы не просто пассивно принимали, но активно перерабатывали действительность через конструирование иерархических структур, поведенческих норм и образцов толкования. Изучение этих процессов даст возможность выявить механизмы приспособления индивида и сообщества к военному плену первой современной войны и конфликту с чужой культурной средой. Это приблизит к ответу на вопрос, в какой степени война становится для человека фактором эмансипации, обособляющим его от государственной машины и расширяющим пространство личного действия» [Нагорная, 2011, с. 198].

Принципиально важен для данного направления тезис о том, что военный опыт (наравне с промышленным производством и урбанизацией) стал неотъемлемой частью развития сообществ и технологий управления человеческими ресурсами в эпоху модерна. Кроме того, сильной чертой феноменологического подхода представляется внимание к конструированию образов Другого, которые формируются в процессе обоюдоострого разграничения «своего» и «чужого». Антропология здесь стремится учитывать не только

манипуляции фронтовым опытом «сверху» (со стороны армейской машины и государственной пропаганды), но и попытки повысить свой социальный статус перебирающимися из деревни в послевоенный город ветеранами «снизу». Однако не очень проясненным остается вопрос о соотношении феноменологии опыта и дискурсивного анализа форм его артикуляции. Ответить на него пытаются сторонники истории эмоций и исследований аффекта. В центре внимания Я. Плампера, С. Ушакина и ряда других авторов оказывается проблема сложной взаимосвязи дискурсивных форм, опыта и бессознательных (досимволических) установок [Oushakin, 2009; Николаи, 2019а]. «Инсценировка» или социальные нормы выражения эмоций здесь не всегда играют ключевую роль. Весьма показательной в этом плане представляется коллективная монография «Эмоции, политика и война» под редакцией Л. Эхэлл и Т. Грегори. Критикуя социальный конструктивизм за чрезмерную валоризацию теории рационального выбора в управлении обществом, ее авторы отмечают важность полуосознанных эмоций и бессознательных аффектов. Первые позволяют интернализовать социальные роли, воплотить их в индивидуальном теле. Э. Хоуэлл в главе «Работа войны: жизнестойкость, эмоциональный фитнес и экономия аффекта в армиях Запада» подробно рассматривает «эмоциональный менеджмент» психического здоровья и переход от стоицизма к эмоциональному самоконтролю, который сопровождал в 2000-е годы рождение «новых войн». Как отмечает автор, современные миротворческие операции требуют от рядовых солдат (пехотинцев) меньше стрелять и активнее взаимодействовать с местным населением: «Сегодня солдаты не могут сначала стрелять, а потом спрашивать, — они должны сначала задавать вопросы (чтобы определить, кто враг) и лишь потом открывать огонь. Это требует высокой эмоциональной стабильности. Все чаще психическое здоровье оказывается в центре военной стратегии» [Howell, 2015, p. 144]. Связанные с последствиями войны проблемы не отрицаются (как раньше), но преподносятся как «частные неэффективные действия конкретных лиц», с которыми необходимо бороться через превентивные меры, «семейный фитнес» и укрепление жизнестойкости. «Теперь сами солдаты должны отвечать за свою жизнестойкость, психологическую стабильность и эмоциональное состояние» [Howell, 2015, p. 141]. Семьи военных и «аффективный женский труд» (эмоциональная поддержка комбатантов) косвенно используются в этой системе, позволяя сэкономить государству от 12 до 17 млрд долларов. С этой точки зрения (продолжающей идеи М. Фуко), психология и психиатрия все активнее интегрируются в технологии неолиберального управления и даже военную стратегию, обеспечивая рост социального контроля.

С другой стороны, эмоции не всегда оказываются интегрированы в социальные отношения. Они во многом телесны по своему происхождению и основаны на трудно контролируемом аффекте. На первый взгляд, такой подход во многом близок социальному конструктивизму, подчеркивающему важность коллективных рамок памяти и признающему собственную политическую ангажированность. Однако здесь эти рамки не детерминируют поведение акторов тотально: подвижность границ не просто признается, но и приобретает ключевое значение. Показательным примером в этом отношении представляется работа Д. Уэллэнд «Сострадающие солдаты и чувство комфорта», в которой рассматриваются два вектора сострадания, присутствующие в рассказах военных. Первый, в основе которого лежит этический импульс, направлен на гражданское население страны, где идет война; второй — на своих сослуживцев. Оба этих типа сострадания оказываются востребованными в рамках «новых войн», в рамках которых уничтожение живой силы, техники и инфраструктуры противника осуществляется в основном авиацией (в том числе дронами), ракетами и артиллерией. А помощь пострадавшему населению (и эмоциональное сострадание) становится функцией пехоты. Таким образом, регуляция эмоций (комфорта и дискомфорта) оказывается составной частью изменения военной стратегии. Эта новая форма интерпелляции сталкивается, однако, с самыми разными тактиками выражения сострадания и отношения к военной машине в целом [MacLeish, 2013; Wool, 2015]. Антропология здесь предполагает не просто критический анализ или отстраненное наблюдение за комбатантами как за «туземцами», но соучастие в их практиках коммеморации и проблематизацию «экспертной» модели академического знания как беспристрастного суда над историей. В этом смысле она запускает переосмысление взаимодействия на стыке приватного и публичного, — там, где повседневные практики «дают сдачи» социальным рамкам и отвлеченному знанию.

4. Экзистенциальный подход

Наконец, исследования феноменологии фронтового опыта и военной повседневности тесно смыкаются с *экзистенциальным подходом*, активнее всего представленным в России. С точки зрения Е. С. Сенявской и ее сторонников, война рассматривается как «пограничная ситуация» и «предельный опыт», что позволяет находить точки пересечения между мировыми войнами и локальными конфликтами XX века в диахронической перспективе (и косвенно их легитимировать) [Сенявская, 1997; Сенявская, 2016]. Акцент при этом делается на фронтовой повседневности, позволяющей солдатам преодолевать экстраординарность «бытия к смерти». Од-

нако такой экзистенциализм сильно упрощает работу памяти ветеранов, отодвигая на второй план вопрос о политических рамках, социальных практиках коммеморации и стратегиях их индивидуального воплощения. Понятие опыта при этом излишне валоризируется и потому становится не очень операциональным: оттенки и различия в стратегиях его артикуляции нивелируются, влияние медиа и социальных клише недооценивается. Экзистенциальный подход, иногда встречающийся и в западной историографии (хотя и в более медикализированном виде), напрямую соединяет индивидуальную и коллективную психологию, действия отдельного солдата и войну в целом. «Боевой дух» становится главным залогом победы и коллективного выживания.

5 Заключение

Представленная классификация подходов достаточно условна. Большинство исследователей-практиков комбинируют разные методологические установки, поэтому относительная популярность того или иного направления в американской, британской или отечественной историографии не означает его тотального преобладания. Однако часто эклектическое соединение разных подходов, не учитывающее теоретические различия между ними, затрудняет компаративный анализ и корректные обобщения. Как было показано выше, функции военно-исторической антропологии в рамках перечисленных теоретических подходов принципиально отличаются. Экзистенциальное направление абсолютизирует фронтовой опыт комбатантов, тогда как социальный конструктивизм считает его формы репрезентации обусловленными прежде всего культурой. На этом фоне более продуктивными представляются установки феноменологического и социально-культурного подходов, которые подчеркивают важность повседневных практик коммеморации, что во многом снимает бинарное противопоставление личного опыта и культурной репрезентации. С этой точки зрения, вопрос о соотношении нормативных социальных структур и локальных практик не должен редуцироваться к заранее известному ответу. Поэтому теоретическое напряжение между обозначенными подходами имеет смысл не нивелировать или радикально абсолютизировать, но прорабатывать — искать точки практического взаимодействия и модификации существующих стратегий осмысления прошлого.

Литература

1. *Гладышев А. В.* Антропологический поворот в военной истории / А. В. Гладышев // Диалог со временем. — 2017. — № 59. — С. 136—150.

2. *Калдор М.* Культура новых войн / М. Калдор // Логос. — 2019. — № 3. —С. 1—21. — DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-1-19.

3. *Нагорная О. С.* «Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах офицеров…»: коммуникация эмоций за колючей проволокой / О. С. Нагорная // Диалог со временем. — 2011. — № 35. — С. 195—205.

4. *Нагорная О. С.* «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: военный плен Первой мировой войны как процесс обучения / О. С. Нагорная // Новое литературное обозрение. — 2008. — № 5. — С. 196—214.

5. *Нарский И. В.* Фронтовой опыт русских солдат 1914—1916 гг. / И. В. Нарский // Новая и новейшая история. — 2005. — № 1. — С. 194—204.

6. *Николаи Ф. В.* Дискурс безопасности и политическая анатомия страха в эпоху «новых войн» / Ф. В. Николаи // Логос. — 2019. — № 3. — С. 217—230. — DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-217-228.

7. *Николаи Ф. В.* Мнемозина и Марс: «новые войны» и старые рамки памяти / Ф. В. Николаи // Новое литературное обозрение. — 2019. — № 5. — С. 353—364.

8. *Сенявская Е. С.* Человек на войне: историко-психологические очерки / Е. С. Сенявская. — Москва : ИРИ РАН, 1997. — 232 с.

9. *Сенявская Е. С.* Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли / Е. С. Сенявская // Вестник Мининского университета. — 2016. — № 1—2. — С. 14.

10. *Уинтер Д.* Места памяти и тени войны / Д. Уинтер // Вестник Мининского университета. — 2016. — № 1—2. — С. 9.

11. *Bourke J.* The Second World War: People's History / J. Bourke. — New York : Oxford University Press, 2001. — 270 p.

12. *Collective* Memory in War / E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela (eds.). — London : Routledge, 2016. — 196 p.

13. *Danilova N.* The Politics of War Commemoration in the UK and Russia / N. Danilova. — New York : Palgrave Macmillan, 2016. — 256 p.

14. *Fussell P.* The Great War and Modern Memory / P. Fussell. — New York, London : Oxford University Press, 1975. — 384 p.

15. *Howell A.* Making War Work: Resilience, Emotional Fitness, and Affective Economies in Western Militaries / A. Howell // Emotions, Politics and War / Åhäll, T. Gregory (eds.). — New York : Routledge, 2015. — P. 141—153.

16. *Lutz C.* Anthropology in an Era of Permanent War / C. Lutz // Anthropologica. — 2009. — Vol. 51. — P. 367—379.

17. *Lutz C.* Homefront: A Military City and the American Twentieth Century / C. Lutz. — Boston : Beacon Press, 2002. — 326 p.

18. *MacLeish K.* Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community / K. MacLeish. — Princeton : Princeton University Press, 2013. — 273 p.

19. *Oushakin S. A.* The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia / S. A. Oushakin. — Ithaca : Cornell University Press, 2009. — 299 p.

20. *Price D.* Weaponizing Anthropology: Social Science in Service of the Militarized State/ D. Price. — New York : AK Press, 2011. — 208 p.

21. *Sherman N.* The War within: Moral Injury and Guilt / N. Sherman // Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare? / S. Scheipers (ed.). — New York : Palgrave Macmillan, 2014. — P. 268—285.

22. *Tartakovskaya I.* The Space of Memory in Afghanistan War Museum / I. Tartakovskaya, E. Rozhdestvenskaya / Collective Memory in War / E. Rozhdestvenskaya, V. Semenova, I. Tartakovskaya, K. Kosela (eds.). — London : Routledge, 2016. — P. 85—98.

23. *Winter J.* War beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present / J. Winter. — Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2017. — 234 p.

24. *Wool Z.* After War: The Weight of Life at Walter Reed / Z. Wool. — Durham : Duke University Press, 2015. — 264 p.

Military-Historical Anthropology: Vectors of Theoretical Polemic in Russian and English Historiography

© Fedor V. Nikolae (2021), orcid.org/0000-0002-8876-9441, Doctor of Philosophy, Professor, Department of General History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University"; Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Privolzhsky Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia), fvnik@list.ru.

© Lydia V. Sofronova (2021), orcid.org/0000-0002-7259-4333, Doctor of History, Professor, Department of General History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University" (Nizhny Novgorod, Russia), lidiasof@yandex.ru.

© Anna V. Khazina (2021), orcid.org/0000-0001-5044-4900, PhD in History, Head of the Department of General History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University" (Nizhny Novgorod, Russia), annh1@yandex.ru.

A classification of theoretical approaches in military-historical anthropology is proposed. The authors note that social constructivism prevails in English-language historiography as a whole, while in Russian studies an existential approach does. It is shown that the socio-cultural direction and the phenomenology of the front-line experience have recently begun to play an increasing role. It is concluded that a theoretical analysis of the differences between these approaches allows not only to identify their strengths and problematic sides, but also to outline the prospects for interaction between them. The authors note that the most promising today is the setting for the participation of representatives of the academic community in joint cultural practices of representing the front-line experience with combatants, which makes it possible to make the dialogue between the phenomenology of front-line experience and the socio-cultural approach the most productive. It is argued that within the framework of such a dialogue, the question of the relationship between normative social structures and local practices should not be reduced to a previously known answer. It is emphasized that it makes sense not to level out or radically absolutize the theoretical tension between the indicated approaches, but to work it out — to look for points of practical interaction and modification of existing strategies for comprehending the past.

Key words: military-historical anthropology; commemoration practices; social constructivism; phenomenology of front-line experience.

References

Bourke, J. (2001). *The Second World War: People's History*. New York: Oxford University Press. 270 p.

Danilova, N. (2016). *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*. New York: Palgrave Macmillan. 256 p.

Fussell, P. (1975). *The Great War and Modern Memory*. New York, London: Oxford University Press. 384 p.

Gladyshev, A. V. (2017). Antropologicheskiy povorot v voennoy istorii [Anthropological turn in military history]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], *59:* 136—150. (In Russ.).

Howell, A. (2015). Making War Work: Resilience, Emotional Fitness, and Affective Economies in Western Militaries. In: Åhäll, Gregory, T. (eds.). *Emotions, Politics and War*. New York: Routledge. 141—153.

Kaldor, M. (2019). Kultura novykh voyn [Culture of new wars]. *Logos* [Logos], *3*: 1—21. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-1-19. (In Russ.).

Lutz, C. (2002). *Homefront: A Military City and the American Twentieth Century*. Boston: Beacon Press. 326 p.

Lutz, C. (2009). Anthropology in an Era of Permanent War. *Anthropologica, 51:* 367—379.

MacLeish, K. (2013). *Making War at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community*. Princeton: Princeton University Press. 273 p.

Nagornaya, O. S. (2008). «Russkiy narod zakonchil v etoy voyne vse klassy i seminary»: voennyy plen Pervoy mirovoy voyny kak protsess obucheniya ["The Russian people finished all classes and seminars in this war": the war captivity of the First World War as a learning process]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New literary review], *5*: 196—214. (In Russ.).

Nagornaya, O. S. (2011). «Polkovnik bezzvuchno zarydal, slezy byli na glazakh ofitserov…»: kommunikatsiya emotsiy za kolyuchey provolokoy ["The Colonel silently sobbed, there were tears in the eyes of the officers...": communication of emotions behind barbed wire]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], *35*: 195—205. (In Russ.).

Narskiy, I. V. (2005). Frontovoy opyt russkikh soldat 1914—1916 gg. [Front-line experience of Russian soldiers in 1914—1916]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], *1:* 194—204. (In Russ.).

Nikolai, F. V. (2019). Diskurs bezopasnosti i politicheskaya anatomiya strakha v epokhu «novykh voyn» [Security discourse and the political anatomy of fear in the era of "new wars"]. *Logos* [Logos], *3:* 217—230. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-3-217-228 (In Russ.).

Nikolai, F. V. (2019). Mnemozina i Mars: «novyye voyny» i starye ramki pamyati [Mnemosyne and Mars: "new wars" and old frames of memory]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New literary review], *5:* 353—364. (In Russ.).

Oushakin, S. A. (2009). *The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia*. Ithaca: Cornell University Press. 299 p.

Price, D. (2011). *Weaponizing Anthropology: Social Science in Service of the Militarized State*. New York: AK Press. 208 p.

Rozhdestvenskaya, E., Semenova, V., Tartakovskaya, I., Kosela, K. (eds.) (2016). *Collective Memory in War.* London: Routledge. 196 p.

Senyavskaya, E. S. (1997). *Chelovek na voyne: storiko-psikhologicheskiye ocherki* [Man in the war. Historical and psychological essays]. Moskva: IRI RAN. 232 p. (In Russ.).

Senyavskaya, E. S. (2016). Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoy nauchnoy otrasli [Military anthropology: the experience of the formation and development of a new scientific industry]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], *1—2:* 14. (In Russ.).

Sherman, N. (2014). The War within: Moral Injury and Guilt. In: Scheipers, S. (ed.). *Heroism and the Changing Character of War: Toward Post-Heroic Warfare?* New York: Palgrave Macmillan. 268—285.

Tartakovskaya, I., Rozhdestvenskaya, E. (2016). The Space of Memory in Afghanistan War Museum. In: Rozhdestvenskaya, E., Semenova, V. Tartakovskaya, I., Kosela, K. (eds.). *Collective Memory in War*. London: Routledge. 85—98.

Uinter, D. (2016). Mesta pamyati i teni voyny [Places of memory and shadow of war]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], *1—2:* 9. (In Russ.).

Winter, J. (2017). *War beyond Words: Languages of Remembrance from the Great War to the Present*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 234 p.

Wool, Z. (2015). *After War: The Weight of Life at Walter Reed*. Durham: Duke University Press. 264 p.

Османова М. Н. Маргиналии рукописных Коранов нагорного Дагестана как исторический источник / М. Н. Османова // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 371—384. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-371-384.

Osmanova, M. N. (2021). Marginalities of the Handwritten Qurans of Highland Dagestan as a Historical Source. *Nauchnyi dialog, 2:* 371-384. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-371-384. (In Russ.).

УДК 908(470.67)+94:28-24
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-371-384

Маргиналии рукописных Коранов нагорного Дагестана как исторический источник[1]

© Османова Милена Нуриевна (2021), orcid.org/0000-0003-1120-9435, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Махачкала, Россия), osmanova-milena@rambler.ru.

Статья посвящена изучению содержания внетекстовых записей — маргиналий — на полях рукописных Коранов, зафиксированных дагестанскими учеными-востоковедами в разное время при работе с памятниками письменности в частных и мечетских книжных коллекциях нагорного Дагестана. Установлено, что большая часть обнаруженных маргиналий сделана на арабском языке, однако с начала XVIII века подобные записи достаточно часто велись и на местных языках с использованием арабской графики. Показано, что Коран в силу своих сакральных функций становился хранилищем важнейших документов различного характера. Сообщается, что внетекстовые записи чрезвычайно разнообразны по своему содержанию, они затрагивают многие стороны общественно-политической, духовной, хозяйственной и культурной жизни региона. Обобщается опыт изучения маргиналий на протяжении нескольких последних десятилетий. Автор статьи обращает внимание на новейшие находки Коранов, сделанные археографическими экспедициями в 2017—2019 годах в частных книжных коллекциях Шамильского района Республики Дагестан. Подчеркивается, что анализ их тематического состава и научное описание хранящихся в них рукописей дадут представление о некоторых аспектах общественной, культурной и религиозной жизни народов Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан; Коран; памятники письменности; маргиналии; ислам; мечеть; арабский язык; книжная коллекция; дагестанский насх.

1. Введение

Одной из особенностей арабоязычной рукописной традиции в Дагестане является наличие многочисленных маргиналий — ценных источников по истории и культуре региона.

1 Исследования проводились при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00024/20 «Археографические исследования в Дагестане (частные и мечетские рукописные коллекции)», руководитель — А. Р. Наврузов.

Большое число важных по содержанию маргиналий обнаружено именно на полях рукописных Коранов, датированных XV—XX веками. Как правило, записи делались на арабском языке, а приблизительно с XVIII века также и на языках народов Дагестана с использованием арабской графики.

Письменная традиция и культура мусульманских народов неразрывно связана с Кораном — священной книгой мусульман. По Корану учились грамоте, он был наиболее читаемой и переписываемой книгой в мире ислама [Халидов, 1985, С. 122]. Закономерно предположить, что наиболее древние арабоязычные тексты, которые копировались на начальном этапе проникновения ислама в Дагестан, — это тексты Корана. Число рукописных Коранов в Дагестане очень велико. Старые Кораны писались почерком, приближающимся к куфи [Шихсаидов, 2001, с. 37]. В таких рукописях чаще всего нет указаний на время и место переписки, однако палеографический анализ, датированные маргиналии позволяют отнести их к XIII—XV векам.

Известны Кораны, переписанные в 626/1228—1229 годах в селении Хили-Пенджик (Табасаранский район), в 815/1413 годах в Кумухе, в 889/1493 годах в селении Шири (Дахадаевский район), в 922/1516—1517 годах в селении Тпиг (Агульский район), а также красиво переписанные в 1150/1689 годах фрагменты в селении Дулдуг (Агульский район) переписчиком Мусой, сыном Умара из Кумуха [Шихалиев, 2008, с. 44].

В статье «Дагестанцы — переписчики арабских рукописей» выдающийся российский востоковед, профессор А. Р. Шихсаидов отмечал, что в более позднее время, а именно в XVIII—XIX веках, переписка Коранов была поставлена на поток — некоторые знатоки арабского языка были заняты этим богоугодным делом. «В селении Усиша сохранилась стелла на могиле местного катиба, умершего в 1200/1785—86 гг., оставившего после себя большое число рукописей. Надпись на камне гласит: “…Шейх писец (катиб) Абдаллах-хаджи. Он переписал девяносто девять Коранов и три раза совершил хадж”» [Шихсаидов, 2001, с. 39].

Кораны и «кораническая литература», в соответствии с арабоязычной письменной традицией, считаются «краеугольным камнем» каждой книжной коллекции. Мечетские и частные коллекции рукописей и старопечатных книг на арабском языке и местных языках с использованием арабской графики (аджам) [Ибрагимова, 2017, с. 139—142] в течение последних трех десятилетий планомерно изучались дагестанскими учеными-востоковедами, обязательно отмечающими в кодикологических описаниях наличие внетекстовых записей —маргиналий.

2. Общая характеристика маргиналий. Тематический характер маргиналий религиозных текстов. Особенности маргиналий рукописных Коранов Дагестана

Под маргиналиями понимаются тексты и отдельные записи, расположенные вне строк основного текста сочинения. Как правило, они находятся на полях и между строк рукописи, на внутренней стороне переплетов, а также на свободных листах (если таковые имелись) или листах-вставках. Содержание маргиналий могло быть связано с текстом рукописи или же нести иную информацию, не относящуюся к тексту.

По времени своего возникновения они нередко могут быть современны основному тексту либо появиться в более позднее время.

Как отмечают некоторые российские исследователи, единая терминология в отношении маргиналий в настоящее время до сих пор не выработана ни в читательской среде, ни среди исследователей. Читатели называют свои дополнения *приписками*, *подписками*, *пометами* и *пометками*, *обличениями*; исследователи говорят о *пометах*, *приписках*, *глоссах*, *инскрипциях*, *записях*, *надписях* и *маргиналиях* [Кудрявцев, 2005, с. 61]

Если говорить о христианских священных книгах, то греческие и латинские тексты Библии с древности были снабжены особыми вспомогательными средствами для самостоятельного и публичного чтения Священного Писания: глоссы, схолии и комментарии, катены, ономастиконы, которые были разработаны в разное время и в разных местах. Они передавались из поколения в поколение, и с течением времени их объем вырастал. В большинстве своем эти вспомогательные тексты имели вид маргиналий [Мецгер и др., 2013, с. 10].

Известная исследовательница полного русского свода библейских книг В. А. Ромодановская в своей работе, посвященной Геннадиевской Библии, впервые в российской историографии осуществила комплексный анализ маргинального комментария на всех известных списках рукописного памятника. Все маргиналии разделены ею на четыре группы: «лексикографические глоссы», «вариативные глоссы», «отсылочные глоссы» и «энциклопедические глоссы» [Ромодановская, 2001, с. 138—139].

По мнению исследователей, до XIV века в славянских богослужебных книгах не было маргинального комментария в том его виде, каким он был в западноевропейских рукописях. Однако в некоторых славянских рукописях XI—XIII веков этот комментарий присутствует, имея довольно ограниченную сферу употребления. Для Псалтыри и Евангелия комплекс маргиналий, как правило, представлял собой минимальный справочный аппарат к тексту, а именно указания номеров стихов, параллельных мест.

Разметка текста для богослужения также выполнялась в виде отдельных маргиналий [Кудрявцев, 2005, с. 63—64].

Если сравнивать славянскую и западноевропейскую христианскую библейскую традицию с коранической традицией мусульман, то надо сказать, что в последней маргинальные записи имели другие назначение и смысл. Применительно к Корану термин *маргиналии* рассматривается в ином ракурсе.

Комментарии к Корану — *тафсир* и правила его чтения — *таджвид* существовали в виде отдельных произведений и бытовали как самостоятельные рукописи, а не как маргиналии. Что касается вспомогательных знаков, то в тексте рукописных Коранов они имеются: как правило, изначально присутствуют обозначения совершения пауз при чтении текста (*румуз ал-аукаф*). Слово *ас-саджда* на полях Корана, а также специальный знак в самих его айатах указывает на необходимость совершения земного поклона[1] (то есть вспомогательные знаки существовали скорее как внутритекстовые обозначения).

В рукописных Коранах отсутствуют интерлинеарные маргиналии ввиду особого почитания сакрального смысла его текста мусульманами. Переписчики Корана копировали его текст с предельной точностью, опасаясь искажений из религиозных соображений. Внетекстовые записи делались владельцами, как правило, только на полях, внутренней стороне переплета, на листах-вставках.

Коран, будучи священной и основополагающей книгой в жизни мусульманской общины, часто становился для владельца своего рода хранилищем важнейших документов различного характера. В большинстве случаев маргиналии на полях Коранов носят строго определенный характер: рождение и смерть ближайших родственников; передача имущества в вакф [Ибрагимова, 2007, с. 94—107; Ибрагимова, 2013, с. 111—115], дарение земельных участков или доли урожая, указание использовать Коран исключительно для похоронных обрядов.

Однако значительное число рукописных Коранов снабжено многочисленными внетекстовыми записями иного характера, чрезвычайно разнообразными по своему содержанию, затрагивающими многие стороны общественно-политической, духовной, хозяйственной и культурной жизни региона: исторические события, семейные хроники; договоры между сельскими обществами; записи актов гражданского состояния; судебные реше-

1 В Коране есть 14 айатов, после чтения которых необходимо совершить «ас-саджда» — земной поклон. Они обозначены словом *ас-саджда* на полях Корана и специальным значком в самом айате.

ния; записи о даче денег взаймы; о разделе имущества; о внесении залога; сообщения о природных явлениях (сильный ветер, обильный снегопад), эпидемиях (чума, холера) и многое другое.

3. Изучение маргиналий рукописных Коранов Дагестана

Рукописные Кораны Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН; до 2018 года — Фонд восточных рукописей Дагестанского научного центра РАН, обозначался также РФ ИИАЭ ДНЦ РАН) неоднократно становились объектами научного исследования сотрудников отдела востоковедения — проф. А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова, Н. А. Тагировой, Д. Х. Гаджиевой, А. Р. Наврузова, Ш. Ш. Шихалиева, М. Г. Шехмагомедова и др. Так, в 2001 году в своей статье, опубликованной в сборнике «Ислам и исламская культура в Дагестане», Х. А. Омаров подробно рассматривает рукописные Кораны, хранящиеся в РФ ИИАЭ, дает их описание, а также анализирует некоторые внетекстовые записи [Омаров, 2001, с. 108—115]. Он сообщает, что в ФВР ИИАЭ ДНЦ РАН хранится 43 списка Корана, как полных, так и отдельных больших его фрагментов. Интересны заключения, сделанные Х. А. Омаровым относительно почерка старейших экземпляров Корана (куфи, полукуфи, насх), ранней коранической орфографии [Халидов, 1987, с. 289] дагестанских экземпляров, подстрочных переводов на персидский язык. В Коране, поступившем в ФВР из Кумуха, на внутренней стороне обложки имеются актовые записи о торговых сделках по земельным наделам (около 80 записей), датированные 1703—1868 годами. Х. А. Омаров одним из первых высказал мысль о том, что «Кораны служили одновременно кадийскими регистрационными книгами, надежно обеспечивающими непогрешимость и сохранность заключенных по шариату имущественных сделок» [Омаров, 2001, с. 110].

Так, на полях рукописного Корана (XV—XVI в.) из с. Тпиг Агульского района Республики Дагестан (РД) (дата переписки не указана, датировка произведена по внетекстовым записям) на 18 страницах записаны разные частные соглашения, судебные решения и вакфные сделки. Рукопись хорошо сохранилась, переплет кожаный, бумага — белая лощеная, почерк — насх, чернила — черная тушь. В начале рукописи — указание, что «настоящую книгу завещал Билал, его сын и его жена, жители чтения Тпиг, для чтения в Джума мечети».

Наибольший интерес представляет запись событий, датируемых серединой XVI века, рассказывающая о безуспешном иске газикумухского

правителя Улхай шамхала к жителям с. Тпиг по поводу взыскания хараджа с жителей с. Зулар [Шихсаидов, 2008, с. 400—401]. Запись (вернее, 2 записи по одному и тому же делу) подтверждена подписями свидетелей, клятвой и представляет собой полноценный юридический документ, фиксирующий взаимоотношения между государственным владением и отдельным сельским обществом. О дате записи сообщается: «Переписано в субботу, в месяце шабан девятьсот шестидесятого года хиджры Пророка (июль-август 1553 г.), переписчик — Ахмад ал-Кади». Таким образом, налицо использование Корана как хранилища записи политического события, зафиксировавшего освобождение Тпигского союза сельских обществ из-под власти крупного феодального владения XIV — середины XVI веков — Газикумухского Шамхальства. Запись оформлена по определенному трафарету, применяемому для фиксации взаимоотношений между государственным владением и союзом сельских обществ.

Огромный интерес представляет собой экземпляр Корана из коллекции Миграда Абдуллаева из с. Чара Лакского района РД. Эта крупноформатная рукопись (58,5 × 38,5 см, переплет кожаный с клапаном, бумага плотная восточная, кремового цвета, почерк — насх) Корана была переписана в 1733/34 г. (1146 г.х.) «для могущественного Карат-бека Дагестани из области Кумук (Кумух), правителя Ширвана, рукой слабейшего из рабов (божьих) и презреннейшего из них Исмаила, сына Молла Абдулхалила Ширванского, Шемахинского в 1146 году по хиджре Пророка…». Огромную ценность представляют именно внетекстовые записи — а именно вакфная запись «Это вакф о мечети в Кири» с подробнейшими указаниями на пахотные участки и их владельцев, а также размеров вакфа в XVIII веке (запись закончена в 1801 году). По мнению профессора А. Р. Шихсаидова, по своей давности, числу указанных дарителей вакфа, объектов обложения и точности их фиксации, по богатству терминологии этот документ не имеет себе равных среди подобного рода источников на территории Северного Кавказа [Шихсаидов, 2001, с. 246].

4. Некоторые крупнейшие коллекции рукописных Кораноов в Нагорном Дагестане и их изучение в рамках археографических экспедиций

Одной из крупнейших в Дагестане является коллекция Кораноов краеведческого музея с. Ахты Ахтынского района. Особенность этой коллекции — наличие большого числа Кораноов и их отдельных джузов. Имеются как рукописные экземпляры, так и печатные, в том числе литографированные. Почти все Кораны снабжены внетекстовыми записями различного характера:

1. Фрагмент Корана, переписанный в 1180/1777 г., передан в 1778 году в качестве вакфа в распоряжение Ахтынской пятничной мечети (о чем есть соответствующая запись).

2. Коран, полный экземпляр большого формата — 33,2 × 21 см. Бумага средней плотности, фабричная. Чернила черные, густые; названия сур Корана выделены красными чернилами. Название самой большой суры Корана — *ал-Бакара* («Корова») — дано на желтом, красном и зеленом фоне. Переплет — традиционный для Дагестана в XVIII веке: кожа (на картоне) темно-коричневого цвета с тиснением и клапаном. Коран переписан местным жителем Курбанали, сыном шейха Шахи Хусейна, сына шейха Халила в с. Сильдик в 1177/1763 г.

3. Коран. Полный экземпляр. Фабричная тонкая белая бумага. Черные густые чернила. Почерк дагестанский насх, красивые крупные буквы. Формат: 35,8 × 21 см. Переплет темно-коричневый с тиснением и клапаном. Переписчик — Ашурали, сын Мурадали, в с. Гдынк (ныне Ахтынский р-н РД), что в магале Ахты. Год переписки: 1257/1840.

4. Рукописи отдельных частей Корана — джузов. Они собраны (по несколько джузов) в отдельные папки, датированы в основном серединой XIX века, снабжены записями переписчиков, например: «Этот благородный джуз, называемый “Сурат ал-Кахф” (Сура “Пещера”. — *М. О.*), переписан рукой <…> Малла Хаджи, сына Асада Ахтынского, и передан в качестве вакфа в мечеть квартала Хамам <…> в 1286/1864» [Османова, 2016, с. 62].

Часть экземпляров переписана в середине XIX века: Малла Абдулмаджидом, сыном Шалбуза; Каримханом, сыном Ибрахима; Наврузом ал-Хили; Пирмухаммадом, сыном Малла-Мухаммада из Гельмеца, и другими; периодически присутствуют записи о передаче рукописей в Ахтынскую Джума-мечеть.

Часто эти Кораны передавались в распоряжение мечетей: «Наиб Малла Шариф Султанов передает эту книгу в вакф с условием не выносить из мечети, кроме как для чтения над покойным мусульманином».

Особенность Ахтынской коллекции Коранов — большое число вакфных записей на них. Они сохранились в колофонах полных экземпляров или же на отдельных листах — фрагментах: «Этот джуз переписал <…> Хаджи Йусуф, сын Ахмада и сын Хаджи <…> в 1168/1755». Переписчик также указал, что в том же году он передал джуз в качестве вакфа в Ахтынскую соборную мечеть; то же самое отмечал и Раджаб, сын Мусы ал-Хуруки, который переписал Коран «ради благодетеля Хашима-Эфенди из Ахты. 1161/1747». В вакф Кораны отдавали и женщины: «Этот джуз, называемый “Пещера”, отдает в вакф Ханум-ага ради дорогого сына Гамзата

пятничной мечети вполне законно с условием не продавать его, не дарить, не выносить <…> 1287/1870» [Археографическая ..., 2011, с. 125—136].

В XIX веке было переписано большое число Коранов, многие экземпляры создавались в медресе и мечетях в учебных целях. Наибольшее число Коранов, датируемых XIX — началом XX вв., сосредоточено, как правило, в примечетских коллекциях.

Уникальна коллекция мечети квартала Самилял селения Хунзах Хунзахского района РД [Каталог ..., 2012, с. 124]. Из 61 рукописи лишь одна является сочинением по мусульманской юриспруденции, а остальные 60 — это Кораны. Рукописи объединяет ряд черт: все они переписаны в Дагестане в XIX веке дагестанскими переписчиками (в основном жителями Хунзаха). Наряду с полными экземплярами Коранов встречаются и отдельные джузы (части). Все экземпляры крупного формата (34 × 22 см; 40 × 32 см; 44 × 34 см; 44 × 36 см) хорошо сохранились. В некоторых из них зафиксированы различные информативные записи, датированные XIX веком: это деятельность катибов-переписчиков, вакфные записи, договоры между сельскими обществами и др.

В числе новейших открытий археографических экспедиций отдела востоковедения ИИАЭ ДНЦ РАН (2017—2019) — частные коллекции рукописей Усман-хаджи Гитиномагомедова из с. Ругельда (более 200 рукописей, хронологически охватывающих конец XIII — XX вв.) и Каримуллы Гасанова из с. Сомода (около 200 рукописей и старопечатных книг, хронологические рамки — XVI—XX вв.) Шамильского района Республики Дагестан, отличающиеся большим тематическим разнообразием и представляющие большой интерес для науки.

Хозяин первой из перечисленных коллекций Усман-хаджи Гитиномагомедов — представитель семьи с глубокими религиозными традициями [Каталог ..., 2019, с. 8]. Его отец Гитиномагомед, сын Абдулкарима, был известным в Келебе богословом, получившим, несмотря на разгул воинствующего атеизма в 20-е годы XX века, традиционное мусульманское образование в соседнем Карахском обществе. Первым учителем Усмана-хаджи стал его отец, прививший своему сыну исламские ценности и давший ему азы мусульманского образования. В дальнейшем его учителями были богослов Магомед Рамазанов из селения Кудали и Хаджиясул Мухаммад из селения Гоцатль — известный богослов и суфийский деятель (у него Усман-Хаджи учился более 7 лет вплоть до смерти учителя). Более 15 лет Усман-хаджи Гитиномагомедов исполнял обязанности имама Шамильского района РД, был членом Совета алимов Дагестана, долгое время преподавал мусульманские дисциплины в ведущих исламских вузах региона.

Коллекция рукописей и старопечатных книг досталась Усману-хаджи от отца по наследству. В ней сохранилось более двухсот рукописей, хронологически охватывающих конец XIII — XX вв. (изначально коллекция насчитывала более 350 рукописей на арабском языке, однако в 1999 году в результате пожара часть этой ценной частной библиотеки сгорела).

Что касается второй коллекции, то у ее владельца Каримуллы Гасанова нет религиозного образования. Книги к К. Гасанову также перешли по наследству от отца, а ему — от деда, знаменитого ученого-богослова, известного как Хасан Старший. В настоящее время книги хранятся в доме сына Каримуллы Абдурахмана. Коллекция по меркам Дагестана довольно большая, в ней около двухсот сочинений, хронологически охватывающих XVI—XX века. Практически половина коллекции — это старопечатные книги, изданные в типографиях Египта, Стамбула, Бахчисарая и Темир-Хан-Шуры.

Обе коллекции включают в себя сочинения на арабском языке, а также на языках народов Дагестана, написанные на основе арабской графики — *аджам* [Маламагомедов, 2017, с. 142—148]. Тематика коллекций охватывает практически все области знаний: здесь представлены мусульманское право, правила чтения Корана (таджвид), комментарии к Корану (тафсир), суфизм, риторика, грамматика арабского языка, теология, хадисы, теория стихосложения (аруд), жизнеописание Пророка (сира), арифметика, медицина, ритуал и обряды, оккультные науки. Можно выделить наиболее значимые и интересные для исследования экземпляры.

Среди них — Рукописный Коран (полный экземпляр) из коллекции Усман-хаджи Гитиномагомедова (с. Ругельда), переписанный во 2 половине XIX века в Дагестане почерком *дагестанский насх*[1].

Многочисленные маргиналии на арабском и аварском языках свидетельствуют об особой важности этой священной для мусульман книги в жизни ее хозяев — здесь записывались даты рождения детей и их имена, а также важнейшие для семьи сделки, связанные с продажей и приобретением имущества: 1. Записи о рождении: Мухаммада сына Хирамагомеда 28-го раджаба 1298 г.х. / 25 июня 1881 г; Ибрахима сына Хирамагомеда в конце месяца раби ал-аввал 1295 г.х. / апреля 1878 г.; Абдаррахмана сына Али 28-го раби ал-ахир 1307 г.х. / 21 декабря 1899 г.

В еще одном полном экземпляре рукописного Корана середины XIX века из этой же книжной коллекции также имеются многочисленные исторические и актовые записи о рождении, покупке скота, передаче книг

1 Термин *дагестанский насх* был введен известным дагестанским ученым-востоковедом М.-С. Д. Саидовым для обозначения региональной разновидности почерка «насх».

в вакф для мечети. Здесь указана точная дата переписки: рукопись переписана в Дагестане в месяце мухаррам 1267 г.х. / ноябрь 1850 г. Переписчик — Мухаммад, сын Хизри, сын Мухаммада ас-Сагира (маленького, или младшего), сына Хизри, сына Уда. Листы Корана украшены цветными розетками, заглавия сур взяты в цветные рамки; некоторые огласовки и знаки таджвида выделены красными чернилами. Переплет кожаный [Османова, 2018, с. 93—94], коричневого цвета, с клапаном, с тиснением, украшен розетками с растительным орнаментом.

5. Заключение

Поиск, фиксация и расшифровка маргиналий являются важными аспектами археографических исследований при работе с письменными источниками. Наряду с палеографическим анализом наличие и изучение таких записей помогают не только датировать рукопись при отсутствии сведений о времени ее переписки, но и определить, как правило, ее территориальную принадлежность. Принимая во внимание основополагающую роль Корана в жизни мусульманской уммы, автор обращает внимание на то, что на полях Коранов, как правило, делались записи, представляющие исключительную важность и повествующие о главных событиях в жизни семьи или сельской общины.

Перевод внетекстовых записей с арабского и дагестанских языков и введение этих сведений в научный оборот дают возможность получить представление о многих аспектах материальной и духовной жизни дагестанцев, об общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни региона.

Литература

1. *Археографическая* работа в 2009 г. (Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-18060е «Археографические исследования в Дагестане (частные и мечетские рукописные коллекции)») / А. Р. Шихсаидов, Г. М.-Р. Оразаев, А. Р. Наврузов, З. Ш. Закарияев, М. Н. Османова, Ш. Ш. Шихалиев, З. А. Магомедова, Д. М. Маламагомедов // Вестник Института ИАЭ. — 2011. — № 1. — С. 125—136.

2. *Ибрагимова П. А.* Возникновение арабографической письменности в Дагестане / П. А. Ибрагимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017. — № 3 (116). — С. 139—142.

3. *Ибрагимова П. А.* Вакф в Дагестане / П. А. Ибрагимова // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. — 2007. — № 3. — С. 94—107.

4. *Ибрагимова П. А.* Вакфные записи на полях арабских рукописных книг / П. А. Ибрагимова // Вестник Дагестанского научного центра РАН. — 2013. — № 51. — С. 111—115.

5. *Каталог* арабских рукописей и старопечатных книг. Коллекция Усман-Хаджи из Келеба / А. Р. Наврузов А. Р. Шихсаидов, М. Г. Шехмагомедов, Д. М. Маламагомедов, И. И. Ханмурзаев, Ш. Ш. Шихалиев, М. Н. Османова, З. А. Магомедова. — Махачкала : Алеф, 2019. — 295 с.

6. *Кудрявцев С. А.* Маргиналии в кириллический книжности XVI—XVII вв. / С. А. Кудрявцев // Уральский сборник: История. Культура. Религия. — 2005. — Вып. 6. — С. 60—74.

7. *Маламагомедов Д. М.* История арабографической письменности на аварском языке : становление и развитие / Д. М. Маламагомедов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017. — № 10 (123). — С. 142—148.

8. *Мецгер Б. М.* Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала [Электронный ресурс] / Б. М. Мецгер, Б. Д. Эрман. — Москва : ББИ, 2013. — Режим доступа : https://www.litmir.me/br/?b=282108&p=10 (дата обращения 12.07.2020).

9. *Наврузов А. Р.* Археографическая работа в 2012 г. (Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект: 12-01-18008е «Археографические исследования в Дагестане (частные и мечетские рукописные коллекции)») / А. Р. Наврузов, А. Р. Шихсаидов // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. — 2012. — № 4. — С. 121—137.

10. *Омаров Х. А.* Списки Коранов, хранящихся в Фонде восточных рукописей ИИАЭ: обзор и описание / *Х. А. Омаров* // Ислам и исламская культура в Дагестане. Москва : Восточная литература, 2001. — С. 108—115.

11. *Османова М. Н.* Переплет дагестанских рукописей и старопечатных книг в XVII — начале XX века: особенности художественного оформления / М. Н. Османова // Acta Historica: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. — 2018. — № 2. — С. 92—96.

12. *Османова М. Н.* Рукописные и старопечатные Кораны в некоторых книжных коллекциях Дагестана / М. Н. Османова // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2016. — № 1. — С. 60—65.

13. *Ромодановская В. А.* Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.) / В. А. Ромодановская // Труды Отдела древнерусской литературы. — 2001. — Т. 52. — С. 138—167.

14. *Халидов А. Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А. Б. Халидов. — Москва : Наука, 1985 — 301 с.

15. *Халидов А. Б.* Рукописная книга в арабской культуре / А. Б. Халидов // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга I. — Москва : Наука, 1987. — С. 241—300.

16. *Шихалиев Ш. Ш.* Торжество святости и красоты: Кораны Дагестана / Ш. Ш. Шихалиев. — Москва — Н. Новгород : Медина, 2008. — 166 с.

17. *Шихсаидов А. Р.* Дагестанцы — переписчики арабских рукописей / А. Р. Шихсадов, Н. А. Тагирова, Д. Х. Гаджиева // Арабская рукописная книга в Дагестане. — Махачкала : Дагест. кн. изд-во, 2001. — С. 36—76.

18. *Шихсаидов А. Р.* Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана / А. Р. Шихсаидов. — Махачкала : Дагест. кн. изд-во, 2008. — 559 с.

19. *Шихсаидов А. Р.* Приложение / *А. Р. Шихсадов, Н. А. Тагирова, Д. Х. Гаджиева* // Арабская рукописная книга в Дагестане. — Махачкала : Дагест. кн. изд-во, 2001. — С. 238—252.

Marginalities of the Handwritten Qurans of Highland Dagestan as a Historical Source[1]

© **Milena N. Osmanova (2021),** orcid.org/0000-0003-1120-9435, PhD in History, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia), osmanova-milena@rambler.ru.

The article is devoted to the study of the content of extra-textual records — marginals — in the margins of handwritten Qurans, recorded by Dagestan oriental scholars at different times while working with written monuments in private and mosque book collections of highland Dagestan. It was established that most of the discovered marginals were made in Arabic, however, since the beginning of the 18th century, such records were often kept in local languages using Arabic script. It is shown that the Quran, due to its sacred functions, became a repository of the most important documents of various nature. It is reported that extra-textual recordings are extremely diverse in their content, they affect many aspects of the socio-political, spiritual, economic and cultural life of the region. The experience of studying marginals over the past several decades is summarized. The author of the article draws attention to the newest findings of the Qurans made by archaeographic expeditions in 2017—2019 in private book collections in the Shamil region of the Republic of Dagestan. It is emphasized that an analysis of their thematic composition and a scientific description of the manuscripts stored in them will give an idea of some aspects of the social, cultural and religious life of the peoples of Dagestan.

Key words: Dagestan; Qurans; monuments of writing; marginalia; Islam; mosque; Arabic language; book collection; Dagestan naskh.

References

Ibragimova, P. A. (2007). Vakf v Dagestane [Wakf in Dagestan]. In: *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* [East. Afro-Asian Societies: Past and Present], *3:* 94—107. (In Russ.).

Ibragimova, P. A. (2013). Vakfnyye zapisi na polyakh arabskikh rukopisnykh knig [Wakf records in the margins of Arabic handwritten books]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], *51:* 111—115. (In Russ.).

Ibragimova, P. A. (2017). Vozniknovenie arabograficheskoy pismennosti v Dagestane [Emergence of Arabic writing in Dagestan]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], *3 (116):* 139—142. (In Russ.).

Khalidov, A. B. (1985). *Arabskie rukopisi i arabskaya rukopisnaya traditsiya* [Arabic manuscripts and Arabic handwritten tradition]. Moskva: Nauka. 301 p. (In Russ.).

Khalidov, A. B. (1987). Rukopisnaya kniga v arabskoy kulture [Handwritten book in Arabic culture]. In: *Rukopisnaya kniga v kulture narodov Vostoka* [A handwritten book in the culture of the peoples of the East]. Moskva: Nauka. 1: 241—300. (In Russ.).

1 The research was carried out with the financial support of the RFBR grant No. 18-09-00024 / 20 "Archaeographic research in Dagestan (private and mosque manuscript collections)", supervisor — A. R. Navruzov.

Kudryavtsev, S. A. (2005). Marginalii v kirillicheskiy knizhnosti XVI—XVII vv. [Marginalities in the Cyrillic books of the XVI—XVII centuries]. In: *Uralskiy sbornik: Istoriya. Kultura. Religiya* [Ural collection: History. Culture. Religion]. *6*: 60—74. (In Russ.).

Malamagomedov, D. M. (2017). Istoriya arabograficheskoy pismennosti na avarskom yazyke: stanovlenie i razvitie [Establishment and development of writing in the avar language in the context of development of writing of Dagestan's people]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], *10 (123):* 142—148. (In Russ.).

Metsger, B. M., Erman, B. D. (2013). *Tekstologiya Novogo Zaveta. Rukopisnaya traditsiya, vozniknovenie iskazheniy i rekonstruktsiya originala* [Textology of New Testament. Handwritten tradition, occurrence of distortions and reconstruction of the original]. Moskva: BBI. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=282108&p=10 (accessed 12.07.2020). (In Russ.).

Navruzov, A. R., Shikhsaidov, A. R. (2012). Arkheograficheskaya rabota v 2012 g. (Issledovanie vypolneno pri finansovoy podderzhke RGNF, proekt: 12-01-18008e «Arkheograficheskie issledovaniya v Dagestane (chastnye i mechetskie rukopisnye kollektsii)») [Archaeographic work in 2012. The research was carried out with the financial support of the Russian Humanitarian Science Foundation, project: 12-01-18008e. Archaeographic research in Dagestan (private and mosque manuscript collections)]. *Vestnik Instituta IAE DNTs RAN* [Institute Bulletin IAE DNTs RAN], *4:* 121—137. (In Russ.).

Navruzov, A. R., Shikhsaidov, A. R., Shekhmagomedov, M. G., Malamagomedov, D. M., Khanmurzaev, I. I., Shikhaliev, Sh. Sh., Osmanova, M. N., Magomedova, Z. A. (2019). *Katalog arabskikh rukopisey i staropechatnykh knig. Kollektsiya Usman-Khadzhi iz Keleba* [Catalog of Arabic manuscripts and early printed books. Usman-Khadzhi collection from Kelev]. Makhachkala: Alef. 295 p. (In Russ.).

Omarov, Kh. A. (2001). Spiski Koranov, khranyashchikhsya v Fonde vostochnykh rukopisey IIAE: obzor i opisanie [Lists of the Qurans kept in the Fund of Oriental Manuscripts of the IIAE: an overview and description]. In: *Islam i islamskaya kultura v Dagestane* [Islam and Islamic culture in Dagestan]. Moskva: Vostochnaya literatura. 108—115. (In Russ.).

Osmanova, M. N. (2016). Rukopisnyye i staropechatnyye Korany v nekotorykh knizhnykh kollektsiyakh Dagestana [Manuscript and old-printed qurans in several book collections of Dagestan]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Izvestiya Vuzov. North Caucasian region. Series: Social Sciences], *1:* 60—65. (In Russ.).

Osmanova, M. N. (2018). Pereplet dagestanskikh rukopisey i staropechatnykh knig v XVII — nachale XX veka: osobennosti khudozhestvennogo oformleniya [Binding of Dagestan manuscripts and early printed books in XVII — early XX century: features of the decoration]. In: *Acta Historica: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvoznaniyu* [Acta Historica: works on history, archeology, ethnography and social studies]. 2: 92—96. (In Russ.).

Romodanovskaya, V. A. (2001). Ob istochnikakh i kharaktere entsiklopedicheskikh gloss Gennadievskoy biblii (1499 g.) [On the sources and nature of the encyclopedic glosses of the Gennady Bible (1499)]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatu-*

ry [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. 52: 138—167. (In Russ.).

Shikhaliev, Sh. Sh. (2008). *Torzhestvo svyatosti i krasoty: Korany Dagestana* [A celebration of holiness and beauty: the Qurans of Dagestan]. Moskva — N. Novgorod: Medina. 166 p. (In Russ.).

Shikhsaidov, A. R. (2008). *Ocherki istorii, istochnikovedeniya, arkheografii srednevekovogo Dagestana* [Essays on the history, source study, archeography of medieval Dagestan]. Makhachkala: Dagest. kn. izd-vo. 559 p. (In Russ.).

Shikhsaidov, A. R., Orazaev, G. M.-R., Navruzov, A. R., Zakariyaev, Z. Sh., Osmanova, M. N., Shikhaliev, Sh. Sh., Magomedova, Z. A., Malamagomedov, D. M. (2011). *Arkheograficheskaya rabota v 2009 g. (Issledovanie vypolneno pri finansovoy podderzhke RGNF, proekt № 09-01-18060e «Arkheograficheskie issledovaniya v Dagestane (chastnye i mechetskie rukopisnye kollektsii)»)* [Archaeographic work in 2009. The research was carried out with the financial support of the Russian Humanitarian Science Foundation, project: 09-01-18060e. Archaeographic research in Dagestan (private and mosque manuscript collections)]. *Vestnik Instituta IAE* [IAE Institute Bulletin], *1:* 125—136. (In Russ.).

Shikhsaidov, A. R., Tagirova, N. A., Gadzhieva, D. Kh. (2001). Dagestantsy — perepischiki arabskikh rukopisey [Dagestanis — scribes of Arabic manuscripts]. In: *Arabskaya rukopisnaya kniga v Dagestane* [Arabic handwritten book in Dagestan]. Makhachkala: Dagest. kn. izd-vo. 36—76. (In Russ.).

Shikhsaidov, A. R., Tagirova, N. A., Gadzhieva, D. Kh. (2001). Prilozhenie [Appendix]. In: *Arabskaya rukopisnaya kniga v Dagestane* [Arabic handwritten book in Dagestan]. Makhachkala: Dagest. kn. izd-vo. 238—252. (In Russ.).

Спичак А. В. Система попечительства о женщинах духовного звания в Тобольской епархии в 1820—1830-х годах / А. В. Спичак // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 385—402. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-385-402.

Spichak, A. V. (2021). System of Trusteeship for Women of Clerical Rank in Tobolsk Diocese in 1820—1830s. *Nauchnyi dialog, 2:* 385-402. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-385-402. (In Russ.).

УДК 94:[348.03:316.346.2-055.2](571.12)“182/183”
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-385-402

Система попечительства о женщинах духовного звания в Тобольской епархии в 1820—1830-х годах[1]

© **Спичак Александра Владимировна (2021),** orcid.org/0000-0003-2223-8039, ResearcherID Q-1528-2016, кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований социальных систем, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижневартовский государственный университет» (Нижневартовск, Россия), spichak-89@mail.ru.

Рассматривается вопрос об оказании финансовой помощи женщинам духовного звания в Тобольской епархии в 1820—1830-х годах. Представлены результаты сопоставительного анализа этапов и сроков делопроизводства по данному вопросу до и после открытия Тобольского попечительства о бедных духовного звания. Особое внимание уделяется рассмотрению просительных документов, которые составлялись в Тобольской духовной консистории со слов женщин духовного звания, обращавшихся за финансовой помощью к тобольскому архиепископу в указанный период. Новизна исследования видится в том, что рассматриваемый вопрос впервые изучается на основе документов Тобольской духовной консистории. Документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве в городе Тобольске, свидетельствуют о существовании определенного алгоритма записи просьбы, двух различных установленных порядков производства дел по вопросам призрения лиц женского пола из духовного звания до и после 1823 года. Выявлены критерии, по которым осуществлялся отбор просьб среди множества прошений для оказания помощи. Установлены критерии выбора между двумя видами жалованья — попечительским пособием и десятирублевым богадельным жалованьем. Названы также причины полного отказа в поддержке.

Ключевые слова: Тобольская епархия; Тобольская духовная консистория; Тобольское попечительство о бедных духовного звания; женщины духовного сословия; вдовы; сироты; попечительское жалованье; богадельное жалованье; делопроизводство.

1. Введение

На Руси еще в дохристианский период вдовам с малыми детьми и сиротам оказывали «тихую» помощь (милостыню): старикам и вдовам пре-

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (Конкурс — МК-2020) (проект № МК-514.2020.6).

доставлялась земля; считалось, что «благородно принимать в семью сироту» [Костанян, 2018].

После принятия христианства в 988 году с одной из основных его заповедей — о любви к ближнему — на Руси впервые заговорили о призрении бедных, что находило выражение в раздаче милостыни «сирым и убогим» [Бахарева, 2008, с. 50], однако запрещение ряда способов предоставления милостыни не решало проблемы нищенства и противоречило учению Русской Православной церкви. Екатерина II, утвердив «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи» в 1775 году, ввела понятие общественного призрения как «культурной формы благотворительности», но деятельность приказов общественного призрения, носившая сессионный и во многом декларативный, номинальный характер, фактически не отразилась на численности нищих в России [Вольф, 2016, с. 93]. Тобольский приказ общественного призрения открылся первым в Сибири в 1781 году [Социальное попечение ..., 2012, с. 14, 101—103]. Тяжелое финансовое положение внештатного духовенства, вдов и сирот церковнослужителей и мирян, а также неспособность государства брать на себя полную социальную ответственность за семьи, оставшиеся без средств к существованию, стали причинами создания епархиальных органов опеки [Митрофанов, 2016, с. 26]. Попечительства о бедных духовного звания в России были учреждены в каждой епархии в 1823 году. Результативность их работы определялась в первую очередь адресным характером и локальностью материальной поддержки [Шелепина, 2007]. Однако и до появления Тобольского епархиального попечительства о бедных духовного звания Тобольская духовная консистория помогала своим подопечным, оказавшимся в беде.

Что касается досоветского периода историографии рассматриваемой темы, то среди отечественных историков конца XIX — начала XX веков существовали различные подходы к изучению прошлого христианского призрения и помощи нищим. Анализу этих подходов посвящена работа Л. Л. Махно. При этом общей чертой исследований по теме является постоянное подчеркивание направляющей роли имперского православно-патерналистского государства [Махно, 2012].

В советский период история РПЦ по идеологическим причинам изредка становилась предметом изучения.

К теме благотворительности активно обращаются ученые постсоветского периода: социологи (история формирования социальной политики и социальной защиты населения [Костанян, 2018]), историки (участие органов внутренних дел в благотворительной деятельности до начала XIX века [Медведева, 2018]).

К настоящему времени исследовано «благотворительное» законодательство Российской Империи, определена степень правовой аргументации данного общественного явления [Вольф, 2016].

Ученых интересуют деятельность православных епархиальных и приходских попечительств и братств в Костромской губернии конца XIX — начала XX веков [Басов, 2010], церковно-приходских попечительств и монастырских братств в Саратовской и Пензенской губерниях в 1860 — 1880-х годах [Митрофанов, 2016], учреждение Благовещенского епархиального попечительства и развитие благотворительности в Амурской области [Брагина, Безбородова, 2008], материальное обеспечение вдов и сирот в епархиях Центрального Черноземья по материалам Государственного архива Орловской области, а также Воронежским, Тамбовским и Курским епархиальных ведомостей [Иконников, 2018].

Нам было важно проследить, как изменилось делопроизводство по обращениям за материальной помощью женщин духовного звания к епархиальному архиепископу с созданием Тобольского попечительства о бедных духовного звания, и поэтому хронологическими рамками были выбраны 1820—1830-е годы.

Территориальные рамки исследования характеризуются тем, что Тобольская епархия была самой обширной в Российской империи.

Предстоит определить критерии, по которым осуществлялся отбор просьб среди множества прошений для оказания помощи, критерии выбора между двумя видами жалованья — попечительского пособия и десятирублевого богадельного жалованья, а также причины полного отказа в поддержке. Необходимо раскрыть порядок делопроизводства по указанной теме, а также выяснить, насколько он изменился после открытия Тобольского попечительства о бедных духовного звания.

Источниками выступили неопубликованные материалы архива [ГБУ-ТО ГАТ]. Объектом изучения в названном архиве стали фонды И-68 «Тобольское Епархиальное попечительство о бедных духовного звания» и И-156 «Тобольская духовная консистория». Нами было обнаружено 7 дел по прошениям женщин духовного сословия о финансовой помощи за 1818—1837 годы.

2. Критерии отбора прошений для оказания финансовой помощи и ее виды

Выдаваемое жалованье было двух видов: богадельный оклад (10 рублей в год) и попечительское пособие, которое было однозначно больше, но

насколько именно, еще предстоит выяснить. Рассмотрим, в каких случаях выдавалось каждое из них.

Для того чтобы получить попечительское пособие (его еще называли попечительским жалованьем, жалованьем по сиротской вакансии), женщина должна была являться либо сиротой, и в таком случае даже молодой возраст не становился помехой для положительной резолюции, либо престарелой, даже не обязательно вдовой (после 60 лет), если муж уже оказывался не в состоянии обеспечивать семью. В обоих случаях предусматривалось отсутствие даже минимального шанса на получение какой-либо помощи от других родственников, а также ремесла, хозяйства и тому подобного. Встречаются дела, в которых вдовы с детьми, не имевшие родственников, были признаны подлежащими к назначению попечительского оклада, однако им было отказано по причине отсутствия средств.

Помимо попечительского пособия, в распоряжении Тобольского попечительства о бедных духовного звания был еще один вид финансовой помощи нуждающимся — десятирублевый богадельный оклад. Он был предназначен для женщин, у которых были родственники мужского пола, не желающие или не имеющие возможности их содержать. Фактически такую ситуацию можно было бы приравнять к отсутствию родственников, поскольку обычно реальная помощь не оказывалась, однако по документам родные имелись, а значит, формально к ним можно было обратиться в крайнем случае, у них можно было найти приют, хотя бы временный, как предлагалось попечительством. При этом уровень оказываемой помощи достаточно сложно было определить. Зафиксирован, например, «отказ братьев от дачи приличного платья»; к ней могли быть выдвинуты определенные требования: женщина должна была быть хорошего поведения. Найдено также дело, где, кроме нежелания родственников помогать женщине, отмечалось, что у последней было слабое здоровье.

Получить попечительское пособие не помогали пожилой возраст, хорошее поведение, слабое здоровье и даже все это вместе взятое, при почти полном отсутствии средств к существованию, если находился хотя бы один родственник, даже не желающий помогать женщине. В таком случае просительница получала десятирублевый богадельный оклад.

Впрочем, даже при желании попечительства и духовной консистории назначить один из двух возможных видов жалований, наиболее подходящий к ситуации, часто не имелось возможности помочь всем нуждающимся, и тогда решали отложить дело до появления средств. Именно поэтому приходилось использовать вышеуказанные критерии, для того чтобы

выявить среди массы просительниц тех, которым более остальных нужна была поддержка. Последнее слово оставалось за епархиальным архиереем.

Рассмотрим причины полного отказа просительницам в финансовой помощи. Первой причиной являлось наличие у женщины родственника мужского пола, имеющего возможность ее обеспечивать, по мнению консистории или попечительства: «Просила наградить меня жалованьем, получаемым сиротами из попечительства о бедных духовного звания, но по доставленному в оное попечительство из Курганского духовного правления о мне сведение <...> что зять может доставлять мне пропитание, отказано» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 497, л. 1]. Женщина повторно обращалась к архиепископу, когда этот родственник уже не мог ей помогать, а она сама уже не имела себя содержать: «С того времени по старости лет последние истощала в работе силы для соискания как пропитания, так и одеяния, и то самого скудного, не требуя от зятя ни того, ни другого» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 497, л. 1 об.]. Второй причиной было установление местным начальством «не совсем бедного» состояния. Слишком молодой возраст — 40 лет — становился третьей причиной отказа в пособии. Четвертая причина отрицательного решения по делу — возможность заниматься каким-либо ремеслом и, как следствие, самостоятельно добывать себе средства к существованию.

По последним двум причинам было отказано вдове священника Змеиногорского рудника Барнаульского ведомства Екатерине Неводчиковой, занимающейся «скатом восковых свечей в церквях», в 1829 году. Спустя пять лет попечительство изменило свое решение после повторного прошения и рапорта попечителя, в котором сообщалось, что здоровье просительницы стало «очень слабое <...> в голове, руках и ногах ломоту, <...> по болезни своей мало им (своим промыслом. — *А. С.*) занимается», не имела собственного дома и жила в воскресном приходе в доме своей матери, тоже вдовы, притом и мать, и зять «в пропитании ей не вспомоществуют». Данное дело особенно интересно для исследователя тем, что сохранило достаточно редко встречаемый документ — расписку женщины в получении богадельного 10-рублевого жалованья (рис. 1) [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 347, л. 1—8].

Если женщина имела хоть какую-то незначительную помощь и возможность прокормиться, то вместо попечительского жалованья ей назначали богадельный 10-рублевый оклад. Даже если родственник имел «великое семейство» и «потому, живя в бедном состоянии», не имел «способности более помогать», а духовное правление подтверждало хорошее поведение, слабое здоровье и отсутствие ближайших родственников просительницы,

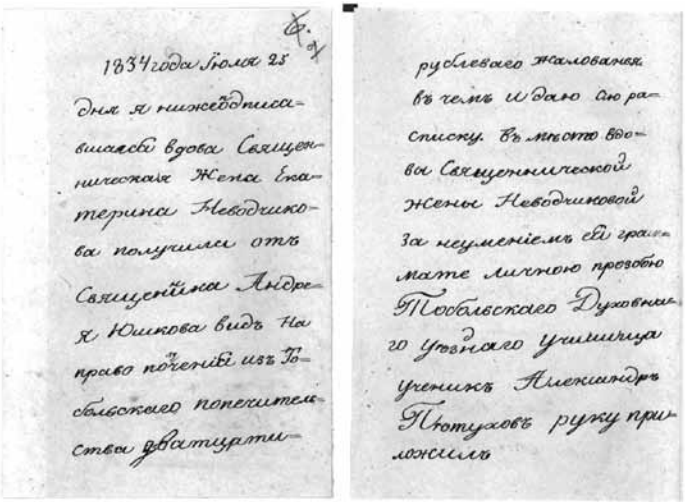

Рис. 1. Расписка в получении попечительского жалованья вдовы священника Змеиногорского рудника Барнаульского ведомства Екатерины Неводчиковой 25 июля 1834 г. [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 347, лл. 7—7 об.]

попечительство могло вынести отрицательное решение: «Хотя и не молоды и бедного состояния, но пропитываются братьями <...>, от попечительского жалованья отказать», как в 1833 году трем дочерям дьячка Покровской церкви с. Николаевское Ялуторовского ведомства Георгия Серебренникова Анне 46 лет, Александре 44 лет и Елизавете 33 лет, которые, «не вступая в брак по бедности своей», жили в домах своих братьев-церковнослужителей. Однако «из уважения хорошего поведения и отказа братьями от дачи приличного платья» попечительство решило «поместить их на богадельный оклад с произведением им оного с 1 января <...> 1834 года» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 390, л. 1—5].

В некоторых случаях, например, когда у женщины имелись родственники, хотя и не желающие, но условно имеющие возможность помочь ей (при этом ее положение отягощалось еще какими-то невзгодами), отказывали в назначении попечительского оклада, но предоставляли богадельный оклад, как, например, в следующем деле: «священническая дочь девица Евдокия Машанова <...> имеет двух родных братьев, у коих может иметь пребывание по временам, то от попечительского пособия ей отказать, а для поддержания ее состояния и из уважения к болезни ее назначить ей богаделенный 10-ти рублевый оклад». При этом архиепископ мог либо согла-

ситься с мнением попечительства, либо изменить решение по делу. Нами не было обнаружено дел, в которых бы владыка отменял назначенное жалованье, однако в рассмотренном выше деле на выписке из журнала попечительства преосвященный оставил следующую резолюцию: «По уважению хорошего поведения и болезненности означенной девице производить ей по тридцати рублей в год» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 391, л. 5].

Призрение носило выборочный характер, из-за нехватки ресурсов далеко не все просьбы были удовлетворены, но, как свидетельствуют архивные документы, после создания попечительства количество за год тех, кому была оказана помощь, за год возросло более чем в десять раз. Так, в «Реестре, учиненном в Тобольском попечительстве о сиротах бедных духовного звания, помещенных на богадельное десятирублевое жалованье, по которому следует выдать им оное за сей 1830—31 год» указано всего лишь 23 человека [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 258, л. 1—15], а уже через четыре года в выписке из журнала попечительства 11 июля 1834 года зафиксирован 212-й вид на получение жалованья за год [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 347, л. 5]. За один день могли выдать семь и более подобных видов, например, 17 апреля 1834 года были выписаны документы с номерами от 151 по 157 [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 390, л. 5 об.; ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 391, л. 5 об.].

Из двенадцати прошений за 1818—1837 годы попечительское пособие было одобрено в четырех случаях, однако в трех из них (в 1818 и 1837 годах) в попечительстве не нашлось средств, а в последнем после отказа попечительства архиерей принял в 1818 году решение в поддержку круглой сироты. Десятирублевый богадельный оклад был назначен троим женщинам в 1833—1834 годах, имевшим родственников, хотя и не желавших их содержать. Три просительницы получили отказ по различным причинам в 1820, 1823 и 1826 годах, итог еще двух дел не представляется возможным узнать из-за отсутствия документов по причине их плохой сохранности. Статистические данные и по другим епархиям (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская) показывают, что с течением времени капиталы епархиальных попечительств о бедных духовного звания увеличивались. Однако как в Тобольской, так и в других епархиях попечительства о бедных духовного звания не могли оказать должной материальной поддержки всем нуждавшимся [Иконников, 2017, с. 90—91]. Но если сравнить масштаб деятельности Тобольского и Якутского попечительств, то первое явно выигрывает на фоне второго, так как Якутское попечительство о бедных из духовного звания, открытое в 1854 году, за 1869 год выдало пособия только 55 вдовам и осиротевшим семьям духовенства [Юрганова, 2016, с. 107].

3. Делопроизводство по вопросам призрения лиц женского пола духовного звания до и после учреждения Тобольского попечительства о бедных духовного звания

Вдовы и сироты духовного звания (в документах вдов также называли сиротами), оказываясь в тяжелом финансовом положении, могли рассчитывать на помощь епархии. Для этого они подавали адресованные архиепископу «покорнейшие прошения» в Тобольскую духовную консисторию. Финансовую помощь оказывало с 1823 года Тобольское попечительство о бедных духовного звания — благотворительная организация православного духовенства, занимающаяся выдачей пособий бедным священникам и их семьям из средств, отчисленных от церковных доходов и пожертвований. Однако окончательное решение по каждому делу принимал преосвященный.

Делопроизводство по вопросам призрения лиц женского пола духовного звания до учреждения Тобольского попечительства о бедных духовного звания включало следующие этапы: 1) подача прошения вдовой в Тобольскую духовную консисторию, то есть запись канцеляристом с ее слов по определенному алгоритму; 2) проставление по верхнему полю прошения архиепископской резолюции, в большинстве случаев стандартной: «рассмотреть консистории»; 3) запись резолюции секретаря канцелярии консистории на свободном месте (слева от реквизита «адресант») резолюции о выяснении конкретных сведений; 4) если секретарь запрашивал необходимую информацию, то справку готовили до заседания консистории, что сокращало время на рассмотрение дела, 5) рассмотрение просьбы на заседании консистории, внесение сведений в настольный журнал, составление выписки из журнала.

Делопроизводство по вопросам призрения лиц женского пола духовного звания с 1823 года было осложнено добавлением дополнительных этапов и включало: 1) подачу прошения вдовой в Тобольскую духовную консисторию; 2) проставление по верхнему полю прошения архиепископской резолюции, в большинстве случаев стандартной: «рассмотреть попечительству», но встречаются и исключения; 3) передача прошения Тобольскому попечительству о бедных духовного звания; 4) рассмотрение просьбы на заседании попечительства, внесение сведений в настольный журнал, составление выписки из журнала и вынесение стандартного решения о запросе сведений о возрасте, наличии «имения» и поведении просительницы, а также при необходимости дополнительных данных; 5) отправку в духовное правление выписки с предписанием; 6) при необходимости передачу через духовное правление выписки исполнителю — священнику той церкви, в которой служил умерший; 7) сбор данных по документам

духовного правления либо церкви; в последнем случае — после доставления сведений посредством рапорта в духовное правление; 8) поступление в попечительство рапорта или сообщения духовного правления с результатами расследования; 9) решение попечительства, которое заносилось в его настольный журнал; составлялась и выписка из него; 10) при согласии попечительства на выдачу богадельного жалованья все документы по делу передавались владыке на утверждение; 11) ознакомление с вопросом и проставление резолюции преосвященным; 12) при положительном решении дела в книге получающих жалованье делалась запись с проставлением способа получения денег; 13) сотрудник попечительства, взяв выписку из журнала, лично или через духовное правление передавал просительнице документ, фиксирующий ее право на богадельное жалованье под названием «вид» и деньги, а она, в свою очередь, составляла расписку о получении суммы. При отрицательном решении по делу 10-м пунктом выписка из журнала, фиксирующая отказ и его причину, передавалась просительнице.

Прошения встречаются индивидуальные, их подавали вдовы и сироты на самих себя, и коллективные, когда мать просила поместить на попечительское жалованье себя и своих малолетних детей.

Структура прошения такова: 1) дата наступления сиротства, а если событие произошло достаточно давно, то количество прошедших лет, место жительства, а также «показание» того, с кем жила в этот период, причем если этот родственник был мужского пола, то указание его профессии (эту часть могли пропустить и перейти сразу к описанию предыстории); 2) сообщение о предыдущем прошении, если оно было, предыстория (что предшествовало настоящим событиям; данная часть присутствует не во всех документах); 3) в первом случае указание на наступление вдовства / сиротства, иногда с упоминанием воли Бога («по неисповедимым Всемогущего Бога судьбам»), обязательная ссылка на наличие детей: «и пропитывая малолетних двух детей моих» (рис. 2) [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 8, д. 1430, л. 1], во втором случае — ссылка на потерю кормильца, который обеспечивал женщину после наступления сиротства, например, когда брат, служащий дьяконом, «по воли правительства с 1832 г. переведен той же округи в Гилевское село, и имеет при себе кроме меня семейство, состоящее из 7-ми человек, из числа коего содержит двух сыновей на собственном иждивении, обучающихся в Тобольском духовном уездном училище, от чего как и мне не безызвестно претерпевает крайние недостатки, пропитывать меня вовсе отказался» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 391, л. 2], или когда ранее женщина «имела случай пользоваться содержанием родного сына» — дьячка, «но по случившемуся ныне с ним несчастью, как я, сирот-

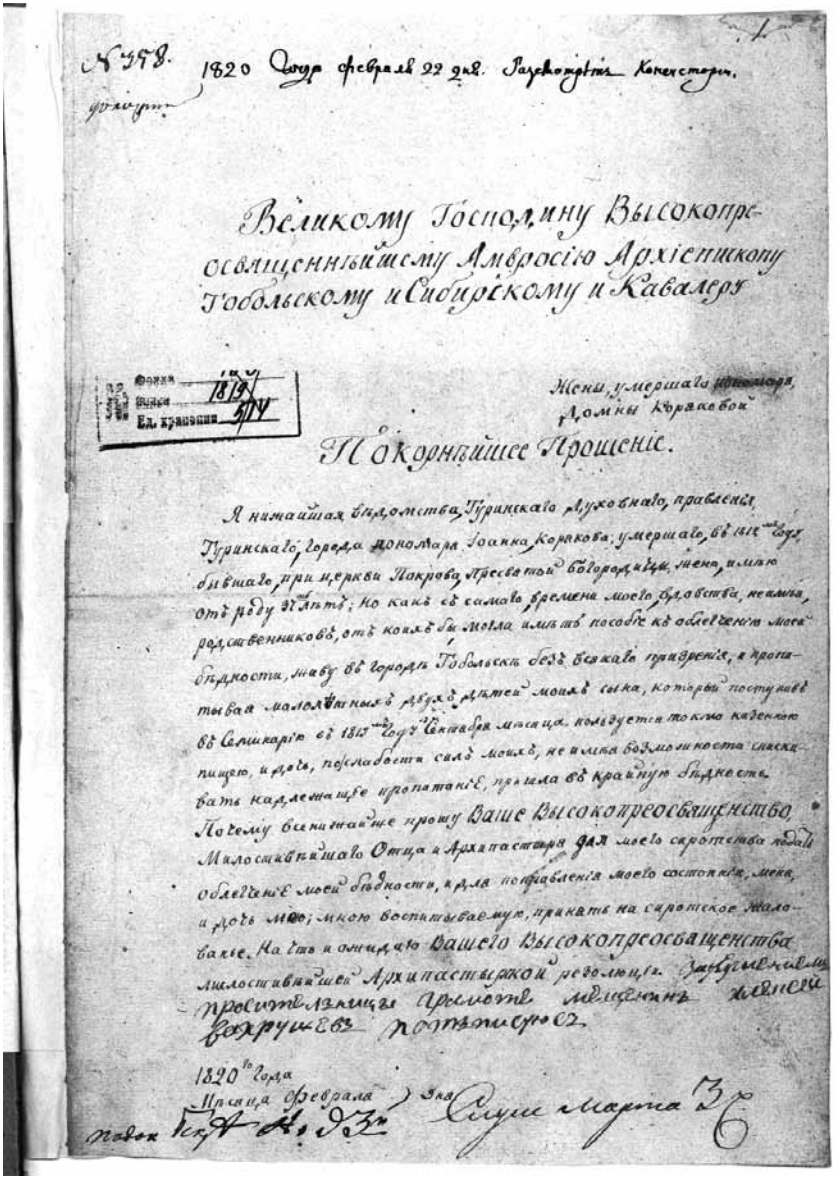
ствующая, так равно и помянутая родная сестра моя и дочери совершенного почти лишаемся содержания» [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 8, д. 1430, л. 3]; 4) вывод о безнадежном положении, сообщение об отсутствии других родственников, имеющих возможность и желающих содержать просительницу, а также об отсутствии других источников «пропитания», например: «нахожусь без совершенного призрения, и к пропитанию себя впредь не нахожу никаких способов; при том же и родственников со стороны родителей никакого не имею» [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 8, д. 686, л. 1], или: «не имею никаких средств к пропитанию себя, кроме покровительства Вашего Высокопреосвященства» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 391, л. 2 об.]; 5) сама просьба с обращением к архиепископу и выражение ожидания его резолюции. Как правило, документ составляли не сами «сироты», а канцеляристы с их слов, по определенному алгоритму.

В последней части прошения, обращаясь с просьбой к владыке, просительницы еще раз подчеркивали свое бедственное положение: «К пособию моему относительно пропитания моего поместить меня, нижайшую, на сиротское жалованье, каковое и прочие получают сироты» [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 8, д. 686, л. 1 об.].

В некоторых прошениях осиротевших дочерей после раздела с просьбой следует еще одна — о выдаче жалованья отца, которое он не успел получить при жизни, а также провизионных для его поминовения, после чего повторялось указание на ожидание резолюции. Так, священник Абалакского Знаменского монастыря, переведенный в иеромонахи, Василий Агафонов не успел получить жалованье за шесть месяцев службы, и эти деньги вместе с провизионными решено было отдать его дочери Марии [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 8, д. 686, л. 1 об.].

Документы подписывали за просительниц по безграмотности другие лица: родственники, бывшие коллеги мужа / отца, а при отсутствии их при подаче прошения — сотрудники консистории, при этом традиционно указывалось, что подпись проставляется по личной просьбе женщины, и отмечалась ее безграмотность, например: «К сему прошению вместо означенной просительницы священнической дочери Марьи Агафоновой по личной ее просьбе и за неумением грамоте руку приложил послушник Тимофей Никифоров» [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 8, д. 686, л. 1 об.]. Одно из прошений подписано тем же сотрудником консистории — титулярным советником, который составил документ, что является исключением [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 497, л. 2].

Со дня подачи прошения до проставления на нем резолюции архиепископа могло пройти от нескольких часов до трех недель; последнее является скорее исключением, чем правилом.

№ 358. 1820 году февраля 22 дня. Разсмотрѣно Консисторiею.

Великому Господину Высокопреосвященнѣйшему Амвросiю Архiепископу Тобольскому и Сибирскому и Кавалеру

Жены, умершаго пономаря, Домны Коряковой

Покорнѣйшее Прошенiе.

Я нижайшая вдовомѣтва Туринскаго Духовнаго, правленiя Туринскаго, города пономаря Iоанна Корякова; умершаго въ 1815 году бывшаго при церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, имею отъ роду 37 лѣтъ; но какъ съ самаго времени моего вдовства, немалыя родственниковъ, отъ коихъ бы могла имѣть пособiе къ облегченiю моея бѣдности, живу въ городѣ Тобольскѣ безъ всякаго призрѣнiя, и пропитывая малолѣтныхъ двухъ дѣтей моихъ сына, который поступивъ въ Семинарiю съ 1815 году Сентября мѣсяца, пользуется только казенною пищею, и дочь, послабости силъ моихъ, не имѣя возможности имѣть пропитанiе, приняла въ крайнюю бѣдность. Почему всенижайше прошу Ваше Высокопреосвященство, Милостивѣйшаго Отца и Архипастыря для моего сиротства подать облегченiе моей бѣдности, и для поправленiя моего состоянiя, меня, и дочь мою, мною воспитываемую, принять на сиротское жалованье. На что и ожидаю Вашего Высокопреосвященства Милостивѣйшей Архипастырской резолюцiи.

Прочитавшiй Архiепископъ милостивно повелѣлъ

1820 года Марта 3 дня

Февраля 22 дня

Рис. 2. Прошение вдовы пономаря Туринской городской Покровской церкви Домны Коряковой. Февраль 1820. [ГБУТО ГАТ, ф. И156, оп. 8, д. 1430, л. 1].

Сбор недостающих и проверка указанных в прошении данных осуществлялись посредством изучения духовных росписей, с появления попечительств — силами архивариуса консистории по консисторским экземплярам духовных росписей, а после 1823 года — с помощью священников по приходским экземплярам данных документов. Интересно, что ради установления достоверности сведений могли проверить духовные росписи не за один последний, а за три года, и указывали возраст, например: «за 1815, 34, 816 35, и за 1817-й 36 лет». В делах до 1823 года присутствуют справки, а после — отсутствуют, так как в консисторию передавали только выписку их журнала попечительства.

Помимо стандартных сведений о возрасте, наличии имущества и поведении просительницы, могли потребоваться дополнительные данные, в зависимости от показаний женщины. Например, если она сообщала, что ранее работала («по старости лет последние истощала в работе силы»), то запрашивали информацию о ее промысле [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 497, л. 2]. Часто требовали сведения, подтверждающие отсутствие других работающих родственников и наличие причин у содержащего женщину родственника для отказа ей в этом в дальнейшем. При этом в выписке из журнала попечительства обычно добавляли слово *якобы*, например: «есть ли еще родственники, помимо» указанного брата, «который якобы по довольно состоящему при нем семейству пропитывать ее не соглашается» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 391, л. 3]. Если в прошении содержалась жалоба на серьезную болезнь, мешающую самостоятельно себя обеспечивать, то требовалось подтверждение: «точно ли она одержима падучей болезнью» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 391, л. 3].

При рассмотрении коллективных прошений собирали данные и о детях, в частности, проверяли их возраст, на самом ли деле они являлись еще малолетними и находились при матери.

Если возникали сомнения, то попечительство спрашивало мнение духовного правления о необходимости помещения сироты на богадельное жалованье, так как правление могло владеть дополнительной информацией: «признает ли оное духовное правление за нужное поместить ее <…> на попечительское жалованье» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 497, л. 2]. Ответ духовного правления мог быть следующим: «Во исполнении предписания попечительства от <…> доносят, что <…> у зятя на пропитании <…> поведения хорошего, ближайших родственников кроме зятя и имений не имеет, так же по старости лет, а потому правление признает поместить на попечительское жалованье» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 497, л. 3—3 об.]. При этом положительное решение духовного правления не га-

рантировало благополучного исхода дела, попечительство могло отказать просительнице, ссылаясь на отсутствие средств: «Рассуждено: Как суммы в попечительстве нет, то до собрания таковой обстоятельство ей оставить без положений, а по собрании доложить особо; о чем для объявления просительнице Тороповой в Курганское духовное правление послать из сего журнала выписку» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 497, л. 4—4 об.].

Сообщения духовных правлений, хотя и были адресованы попечительству, но, как видно, поступали вначале в консисторию, где владыка проставлял резолюцию: «доложить с делом». Донесение могло быть следующим: «<…> родственников, кои могли бы содержать ее никаких не имеет, состояния бедного, дома собственного не имеет, скотоводства тоже <…> Справкой же в пастырской ведомости 1836-го года оказалось: означенная вдова священническая жена Бурова показана 40, дочери ее девицы Анна 17-ти, Александра 13 лет», и вывод: «пропитываться с детьми своими действительно не в силах». Поведение обычно оказывалось «хорошее», встречается и отметка «очень хорошее» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 391, л. 4].

Вторую выписку из журнала попечительства при его положительном заключении завершала фраза: «Но предварительно представить Его Высокопреосвященству на утверждение». Положительная резолюция архиепископа содержала традиционно дату и слово «утверждается». Необходимость выдачи вида и записи в книгу получающих жалованье также указывалась в данной выписке, а при положительном исходе дела производилась запись с указанием номера (номеров при коллективном прошении), например: «Исполнено от 17 апреля за № 150-м. Виды Серебренниковым за №№ 151, 152 и 153».

Дата, проставленная в заголовке на обложке рассмотренных **дел**, соответствовала дате резолюции на прошении. Примечательно, что в реквизите «дата документа» нередко отсутствовало число.

За финансовой помощью к архиепископу обращались не только вдовы и сироты, но и женщины, имеющие неработающего мужа, неспособного их содержать. Случалось, что ждать помощи приходилось больше года и даже после повторного прошения семье отказывали. Так, муж 72-летней Ирины Андреевны заштатный священник церкви в с. Гилевском 69-летний Никифор 7 марта 1836 года просил преосвященного «о помещении его по старости лет и слабому здоровью» вместе с женой на попечительское жалованье, однако получил отказ, так как «по домоводству и скотоводству они состояния не совсем бедного» и, кроме того, имели двух сыновей, старший из которых служил священником. Через год видимое благополучие семьи ухудшилось: старший сын умер, оставив жену и двух детей «при

крайней бедности», второй сын «отправившись в г. Иркутск в должность якобы земского заседателя, назад тому четыре года, не известил в живых ли находится», «совершенно мы лишились надежды получать вспомоществование от них», сам Никифор окончательно потерял здоровье и силы и стал «почти не имеющим движения», поэтому «малое скотоводство <…> не от неимения главного управителя над ними, почти все приходит в упадок». Ирине ничего другого не оставалось, как подать прошение владыке, на этот раз попечительство хотело бы помочь, но не имело средств: «Хотя и следовало бы принять на попечительское жалованье <…> суммы недостаточно, то прошение сие доложить тогда, когда в попечительстве накопится сумма» [ГБУТО ГАТ, ф. И68, оп. 1, д. 497, л. 9—10].

4. Заключение

С учреждением Тобольского попечительства о бедных духовного звания усложнилось делопроизводство по вопросам призрения вдов и сирот духовного звания возросло количество этапов этого делопроизводства. Увеличивался срок на сбор необходимых сведений (о возрасте, наличии имущества и поведении просительницы), так как в духовной консистории присутствовали сводные документы, и в большинстве случаев она могла обойтись без запрашивания данных у духовных правлений, а попечительство, наоборот, не имело возможности ознакомиться с основной информацией о женщине, и приходилось вступать в переписку с местными учреждениями, которая могла затянуться на достаточно долгий срок. Дела по вопросам призрения вдов и сирот духовного звания решались достаточно долго, нами не было обнаружено ни одного дела, срок которого был бы менее полутора месяцев, причем как до, так и после открытия Тобольского попечительства о бедных духовного звания.

Как свидетельствуют архивные документы, с появлением Тобольского попечительства о бедных духовного звания, хотя и намного увеличилось количество тех, кому удалось получить финансовую помощь, однако проблема сбора средств на благотворительные цели сохранялась ввиду того, что они поступали не от государства, а от приходов, не отличавшихся в Сибири обеспеченной паствой.

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГАТ — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И68. (Тобольское Епархиальное попечительство о бедных духовного звания). Оп. 1. Д. 258. Л. 1—15; Д. 347. Л. 1—6; Д. 390. Л. 1—6; Д. 391. Л. 1—6; Д. 497. Л. 1—11.

2. ГБУТО ГАТ — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И156 (Тобольская духовная консистория). Оп. 8. Д. 686. Л. 1—3; Д. 1430. Л. 1—4.

Литература

1. *Басов Н. Ф.* Деятельность православной церкви по призрению нуждающихся в Костромской губернии конца XIX — начала XX вв. / Н. Ф. Басов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гос. ун-та. Серия 4: Педагогика. Психология. — 2010. — Вып. 2 (17). — С. 96—104.

2. *Бахарева Л. И.* Традиции российской благотворительности: история и современность / Л. И. Бахарева // М. К. Тенишева и ее время : материалы международной научно-практической конференции. — Брянск, — 2008. — С. 50—52.

3. *Брагина Н. М.* Исторические аспекты развития благотворительности и добровольческой деятельности / Н. М. Брагина, С. А. Безбородова // Вестник Амурского гос. ун-та. — 2008. — Вып. 42. — С. 77—80.

4. *Всеволодов А. В.* Благочиннические съезды духовенства и деятельность попечительных советов о бедных духовного звания в Вологодской епархии в 60—70-е годы XIX в. / А. В. Всеволодов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 1. — С. 5—10.

5. *Вольф С. П.* Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности? / С. П. Вольф // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2016. — № 1 (17). — С. 92—100.

6. *Иконников С. А.* Материальное обеспечение заштатных клириков, вдов и сирот духовного звания во второй половине XIX — начале XX века (по материалам епархий Центрального Черноземья) / С. А. Иконников // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 23, № 177. — С. 151—158. — DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-177-151-158.

7. *Иконников С. А.* Роль попечительств о бедных духовного звания в материальном обеспечении православного приходского духовенства центрального Черноземья второй половины XIX — начала XX века / С. А. Иконников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12 (86), Ч. 2. — С. 89—91.

8. *Костанян Н. А.* Эволюционные подходы формирования социальной политики и социальной защиты населения / Н. А. Костанян // KANT. — 2018. — № 2 (27). — С. 293—301.

9. *Махно Л. Л.* Исследование церковного призрения и нищелюбия отечественными историками на рубеже XIX—XX вв. / Л. Л. Махно // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2012. — № 3. — С. 151—160.

10. *Медведева Е. А.* Деятельность органов внутренних дел российской империи в развитии благотворительности / Е. А. Медведева // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 3. — С. 19—25.

11. *Митрофанов А. В.* Деятельность церковно-приходских попечительств и монастырских братств в социальном пространстве Саратовской и Пензенской губерний в 1860—1880 гг. / А. В. Митрофанов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2016. — Т. 18, № 6. — С. 26—30.

12. *Социальное* попечение в Сибири (XIX — начало XX в.) в документах и материалах : учебное пособие / под ред. Т. А. Катцина; сост. Т. А. Катцин, О. М. Долидович, В. Г. Седельников. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2012. — 276 с.

13. *Шелепина Е. Н.* Благотворительная деятельность духовенства Пензенской епархии в 1860—1870-х годах / Е. Н. Шелепина // Труды Международного симпозиума Надежность и качество. — 2007. — Т. 1. — С. 102.

14. *Югранова И. И.* Повседневность духовного сословия Якутии в середине XIX — начале XX в. / И. И. Югранова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2016. — Т. 23, № 4. — С. 105—109.

System of Trusteeship for Women of Clerical Rank in Tobolsk Diocese in 1820—1830s[1]

© **Alexandra V. Spichak (2021),** orcid.org/0000-0003-2223-8039, ResearcherID Q-1528-2016, PhD in History, Researcher, Research Laboratory for Complex Research of Social Systems, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia), spichak-89@mail.ru.

The question of providing financial assistance to women of clerical rank in the Tobolsk diocese in the 1820—1830s is considered. The results of a comparative analysis of the stages and terms of office work on this issue before and after the opening of the Tobolsk guardianship of the poor are presented. Particular attention is paid to the examination of the petition documents that were compiled in the Tobolsk spiritual consistory from the words of women of clerical rank who applied for financial assistance to the Tobolsk archbishop during this period. The novelty of the research is seen in the fact that the issue under consideration is being studied for the first time on the basis of documents of the Tobolsk spiritual consistory. The documents stored in the State Archives in the city of Tobolsk testify to the existence of a certain algorithm for recording a request, two different established procedures for conducting cases on the charity of female clergymen before and after 1823. The criteria, by which the selection of requests was carried out among the many requests for assistance, were identified. Criteria have been established for choosing between two types of salary — a guardianship allowance and a ten-ruble poorhouse salary. The reasons for the complete denial of support are also named.

Key words: Tobolsk diocese; Tobolsk spiritual consistory; Tobolsk guardianship of the poor clergy; women of the clergy; widows; orphans; guardianship salary; almshouse salary; office work.

Material resources

GBUTO GAT — Gosudarstvennoye byudzhetnoe uchrezhdenie Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske. (Tobolskoe Eparkhialnoe popechitelstvo o bednykh dukhovnogo zvaniya) [State budgetary institution of Tyumen region State Archives in Tobolsk. (Tobolsk Diocesan Guardianship of the Poor Clergy)]. (In Russ.).

1 The article was prepared with the financial support of a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — PhD (Competition — MK-2020) (project No. MK-514.2020.6).

GBUTO GAT — Gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske. (Tobolskaya dukhovnaya konsistoriya) [State budgetary institution of the Tyumen region State Archives in Tobolsk. (Tobolsk spiritual consistory)]. (In Russ.).

References

Basov, N. F. (2010). Deyatelnost' pravoslavnoy tserkvi po prizreniyu nuzhdayushchikhsya v Kostromskoy gubernii kontsa XIX — nachala XX vv. [The activities of the Orthodox Church for the care of those in need in the Kostroma province of the late XIX — early XX centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gos. un-ta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon State. un-that. IV: Pedagogy. Psychology], *2 (17):* 96—104. (In Russ.).

Bakhareva, L. I. (2008). Traditsii rossiyskoy blagotvoritelnosti: istoriya i sovremennost' [Traditions of Russian charity: history and modernity]. In: *M. K. Tenisheva i ee vremya* [M. K. Tenisheva and her time]. Bryansk. 50—52. (In Russ.).

Bragina, N. M., Bezborodova, S. A. (2008). Istoricheskie aspekty razvitiya blagotvoritelnosti i dobrovolcheskoy deyatelnosti [Historical aspects of the development of charity and volunteerism]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Amur State university], *42:* 77—80. (In Russ.).

Ikonnikov, S. A. (2017). Rol' popechitelstv o bednykh dukhovnogo zvaniya v materialnom obespechenii pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva tsentralnogo Chernozemya vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka [The role of trusteeship for the poor clergy in the material support of the Orthodox parish clergy of the central Chernozem region in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], *12—1 (86):* 89—91. (In Russ.).

Ikonnikov, S. A. (2018). Materialnoe obespechenie zashtatnykh klirikov, vdov i sirot dukhovnogo zvaniya vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka (po materialam eparkhiy Tsentralnogo Chernozemya) [Material support of semi-regular clerics, widows and orphans of clerical rank in the second half of the XIX — early XX century (based on materials from the dioceses of the Central Black Earth Region)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], *23 (177):* 151—158. (In Russ.).

Kattsin, T. A. (ed.). (2012). *Sotsialnoe popechenie v Sibiri (XIX — nachalo XX v.) v dokumentakh i materialakh: uchebnoe posobie* [Social care in Siberia (XIX — early XX centuries) in documents and materials: textbook]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federalnyy universitet. 276 p. (In Russ.).

Kostanyan, N. A. (2018). Evolyutsionnye podkhody formirovaniya sotsialnoy politiki i sotsialnoy zashchity naseleniya [Evolutionary approaches to the formation of social policy and social protection of the population]. *KANT*, *2 (27):* 293—301. (In Russ.).

Makhno, L. L. (2012). Issledovanie tserkovnogo prizreniya i nishchelyubiya otechestvennymi istorikami na rubezhe XIX—XX vv. [The study of church charity and misery by

Russian historians at the turn of the 19th — 20th centuries]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences], *3:* 151—160. (In Russ.).

Medvedeva, E. A. (2018). Deyatelnost' organov vnutrennikh del rossiyskoy imperii v razvitii blagotvoritelnosti [Activity of law-enforcement bodies of the Russian empire in the development of charity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], *3:* 19—25. (In Russ.).

Mitrofanov, A. V. (2016). Deyatelnost' tserkovno-prikhodskikh popechitelstv i monastyrskikh bratstv v sotsialnom prostranstve Saratovskoy i Penzenskoy guberniy v 1860—1880 gg. [Activity of parish trusteeships and monastic fraternities in the social space of Saratov and Penza provinces in 1860—1880]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], *18 (6):* 26—30. (In Russ.).

Shelepina, E. N. (2007). Blagotvoritelnaya deyatelnost' dukhovenstva Penzenskoy eparkhii v 1860—1870-kh godakh [Charitable activities of the clergy of the Penza diocese in the 1860—1870s]. *Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma Nadezhnost' i kachestvo,* [Materials of the International Symposium Reliability and Quality], *1:* 102. (In Russ.).

Volf, S. P. (2016). Blagotvoritelnoe zakonodatelstvo v Rossiyskoy imperii: kamen' pretkneveniya ili prochnaya osnova dlya razvitiya blagotvoritelnosti? [Charitable legislation in the Russian empire: stumbling block or strong basis for charity development?]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies], *1 (17):* 92—100. (In Russ.).

Vsevolodov, A. V. (2014). Blagochinnicheskie syezdy dukhovenstva i deyatelnost' popechitelnykh sovetov o bednykh dukhovnogo zvaniya v Vologodskoy eparkhii v 60—70-e gody XIX v. [Deanery congresses of the clergy and the activities of boards of trustees for the poor clergy in the Vologda diocese in the 60—70s of the XIX century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], *1:* 5—10. (In Russ.).

Yugranova, I. I. (2016). Povsednevnost' dukhovnogo sosloviya Yakutii v seredine XIX — nachale XX v. [Everyday life of the spiritual class of Yakutia in the middle of the XIX — beginning of the XX century]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanitarian sciences in Siberia], *23 (4):* 105—109. (In Russ.).

Тихомирова М. Н. Рыболовство татар лесостепного Прииртышья в XIX — начале XXI вв. / М. Н. Тихомирова, К. Н. Тихомиров // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 403—421. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-403-421.

Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. (2021). Fishing of Tatars of the Irtysh Forest-Steppe Region in the 19th — Early 21st Centuries. *Nauchnyi dialog, 2:* 403-421. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-403-421. (In Russ.).

УДК 39:639.2.052(571.13)“18/20”
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-403-421

Рыболовство татар лесостепного Прииртышья в XIX — начале XXI вв.[1]

© Тихомирова Марина Николаевна (2021), orcid.org/0000-0001-8271-8451, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) (Новосибирск, Россия), marinat24@mail.ru.

© Тихомиров Константин Николаевич (2021), orcid.org/0000-0003-1159-1603, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) (Новосибирск, Россия), ktikhomirov@gmail.com.

Рассматриваются вопросы о состоянии рыболовства у западносибирских татар, проживающих на территории Омской области в лесостепной зоне на левобережье р. Иртыш. Представлены результаты сопоставительного анализа архивных и полевых этнографических материалов, собранных в Уленкульском и Яланкульском кустах поселений. Авторы останавливаются на характеристике традиционных водных угодий XIX — начала XXI веков, объектов рыболовства, орудий и способов лова. Доказано, что рыболовство татар этих поселений было вспомогательной отраслью хозяйства в прошлом и настоящем. Сообщается, что они рыбачили почти круглый год, в основном на озерах, где главным объектом лова был карась. Сделан вывод о том, что рыболовство было больше развито у жителей поселений в районе д. Яланкуль. Показано, что татары деревень в районе с. Уленкуль сейчас занимаются им меньше из-за усыхания водоемов, а также из-за изъятия озер из природопользования для передачи охотхозяйству и заповеднику. Новизна исследования видится в заполнении лакун в изучении этой темы. Авторы отмечают, что был собран материал о рыболовстве населения, которое раньше преимущественно состояло из сибирских бухарцев и было фактически ассимилировано татарами.

Ключевые слова: этнография; хозяйственные занятия; рыболовство; орудия и способы лова; жизнеобеспечение; западносибирские татары; бухарцы; Западная Сибирь; лесостепное Прииртышье; Омская область; Большереченский район; Уленкульский и Яланкульский кусты поселений.

1 Исследование выполнено по проекту НИР № 0329-2019-0005 «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность».

1. Введение

Лесостепное левобережье р. Иртыш в Большереченском районе Омской области длительное время оставалось не освоенным западносибирскими татарами. Их поселения здесь появились довольно поздно, во второй половине XVIII века. Заселение ими этих территорий было обусловлено ростом численности в окрестностях г. Тары выходцев из Средней Азии, которых в Сибири стали называть *бухарцами*.

Переселенцы из Средней Азии селились в населенных пунктах бухарцев на правом берегу Иртыша, но в это время здесь уже было недостаточно свободной земли для пастбищ, сенокосных угодий и пашни, поэтому они покупали земли на левобережье. Бухарцы и какое-то число местных татар основали поселения Уленкульского и Яланкульского кустов, о которых пойдет речь в нашем исследовании. В Российской империи бухарцы выделялись как отдельная этносословная группа [Корусенко, 2011, с. 20—27]. К началу XX века она, вероятно, сохраняла самоидентификацию, отличную от татар, и некоторые черты культурной самобытности.

С 1930-х годов национальная идентификация в Советском Союзе государственными органами стала производиться иначе, чем до революции, — по лингвистическому признаку; всякие другие особенности игнорировались. Все этнические группы и народности, говорящие на языках, близких к татарскому, записывались как татары, без каких-либо различий, поэтому в официальных документах это население стало определяться как татары. В то же время усилились процессы межэтнического сближения между двумя этическими группами. Правда, еще в довоенные годы, по словам Ф. Т. Валеева, многие жители левобережных поселений называли себя бухарцами [Валеев, 1980, с. 30—31]. В 1970-е годы старшее поколение именовало себя бухарскими татарами. В результате перечисленных процессов произошла ассимиляция татарами бухарцев. В настоящее время жители левобережной части помнят о своем бухарском происхождении, но называют себя татарами.

До революции жители поселений Яланкуль, Аубаткан и Уленкуль занимались товарным животноводством. Крупный рогатый скот сдавали на мясо и шкуры в г. Таре, а молоко — на маслозавод, который был в Яланкуле. Также они занимались извозом [Материалы …, 1911, с. 385; Шихова, 2018, с. 21]. В советский период в данных поселениях сохранялась направленность на животноводство и выращивание злаковых растений [Садыков, 2011, с. 332—339 и др.].

Информация, полученная авторами статьи в ходе сборов полевых этнографических материалов в 2018, 2020 годах, свидетельствует о том, что в постсоветский период из-за отсутствия сельскохозяйственных предпри-

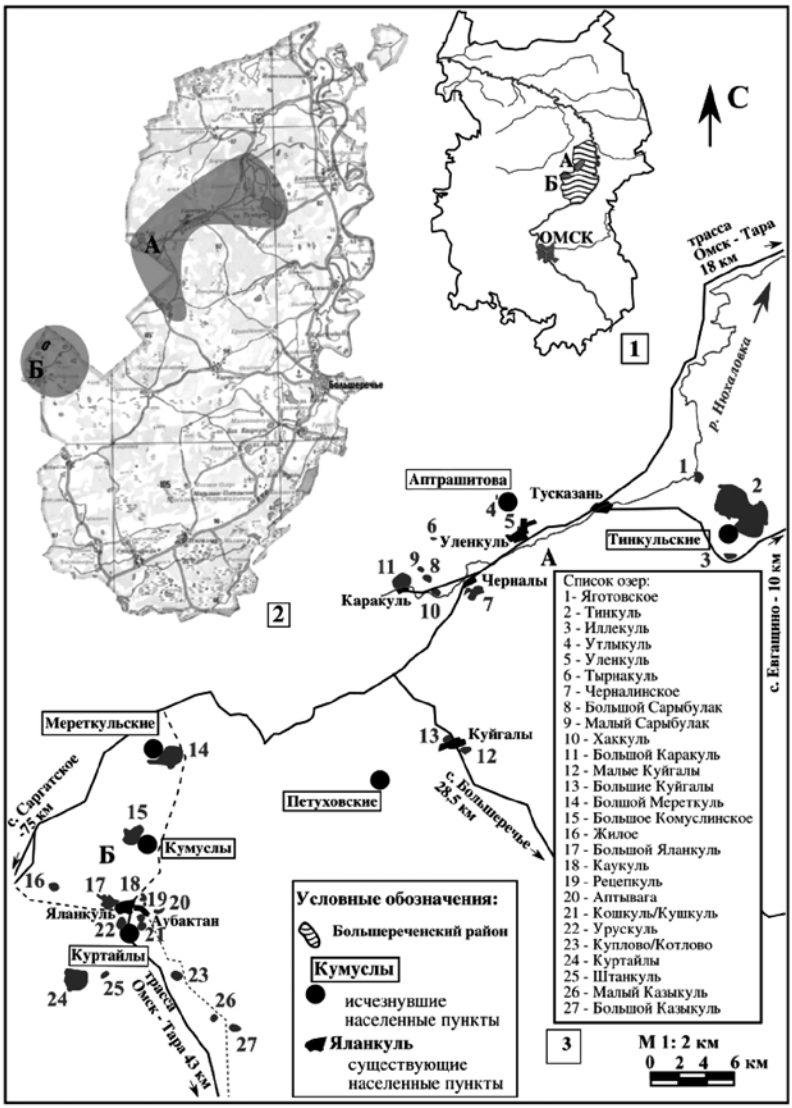

Рис. 1. Схемы расположения Уленкульского (А) и Яланкульского (Б) кустов поселений.

1 — по отношению к г. Омск; *2* — по отношению к р. п. Большеречье; *3* — план-схема расположения существующих и исчезнувших населенных пунктов, а также основных облавливаемых водоемов на территории Уленкульского (А) и Яланкульского (Б) кустов поселений.

ятий здесь наблюдался возврат к традиционным моделям жизнеобеспечения, основанным на ведении личных подсобных хозяйств и эксплуатации природных ресурсов [Полевые описи, Т-106, Т-107, Т-108, Т-110]. Занятие рыболовством для жителей Уленкульского и Яланкульского кустов было одним из источников жизнеобеспечения, но в опубликованных научных трудах приведено мало сведений о данном виде хозяйственной деятельности и его роли в жизни данного населения.

Среди этнографов существует мнение, что проживающие на левобережье р. Иртыш локальные группы западносибирских татар мало занимались рыболовством по сравнению с жителями правого берега. Этот стереотип сложился по нескольким причинам.

Уленкульский и Яланкульский кусты поселений находятся в северной лесостепи, где существуют специфические гидроклиматические условия. Эти территории оптимально увлажняются во влажный и средневлажные годы и недостаточно увлажнены в сухие годы. Здесь отсутствуют крупные реки, но есть много озер.

Поселения на правом берегу Иртыша находятся в иных природных зонах, — смешанные леса, переходящие в южную тайгу, и в других природных ландшафтах. Населенные пункты татар нередко находятся в долине Иртыша в окрестностях старичных (заливных) озер и небольших пойменных речек. Гидроклиматические условия здесь также другие в отличие от левого берега р. Иртыш, и территории оптимально увлажнены [Атлас, 1996, с. 14].

Неудивительно, что исследователями больше внимания уделялось изучению рыболовства татар правобережья Иртыша и его притока р. Тара, нежели состоянию этого вида хозяйственной деятельности у населения, которое проживало на противоположном берегу.

Еще одна причина сложившегося стереотипа о неразвитости рыболовства кроется в представлениях об этнической истории местного населения. Оно считалось не склонным к этому виду деятельности, потому что во всех населенных пунктах, за исключением д. Тусказань, преобладали потомки выходцев из Средней Азии, где засушливый климат, не способствующий занятию рыболовством.

Таким образом, неравномерность и неполнота в изучении вопроса привели к возникновению научных мифов об отсутствии традиций рыболовства у данного населения.

Традиционные формы рыболовства татар, проживающих на территории Омской области, рассматривались в ряде работ И. А. Селезневой и А. Г. Селезнева [Селезнев и др., 2001; Селезнев и др., 2006, с. 36—53 и др.]. Но исследования авторов основаны на материалах, преимущественно

собранных в деревнях, расположенных на правом берегу Иртыша (за исключением д. Большемурлы Большереченского района).

С точки зрения реалий начала XXI века рыболовство татар ряда поселений региона охарактеризовано в работе И. Я. Требтау, а также описано в статье М. Н. Тихомировой [Требтау, 2004, л. 64—71; Тихомирова, 2019, с. 746—747].

Целью настоящей работы является введение в научный оборот, анализ и систематизация новых данных по рыболовству татар, проживающих в Яланкульском и Уленкульском кустах поселений Большереченского района Омской области (рис. 1, *1—2*). Один из двух кустов, расположен в 50 км к северу от р. Иртыш в районе озер Большой Яланкуль, Урускуль, Кошкуль и др. Он состоит из деревень Яланкуль и Аубаткан. Второй куст, состоящий из с. Уленкуль, деревень Каракуль, Черналы и Тусказань, находится в 38 км от р. Иртыш. Он локализуется в бассейне р. Нюхаловка и в районе озер Большой Каракуль, Черналинское, Уленкуль и др. (рис. 1, *3*). Эти кусты находятся отдельно от основного массива населенных пунктов татар, расположенных в окрестностях г. Тары. Также их поселения остаются труднодоступными из-за плохой транспортной инфраструктуры, что сохраняет их относительную изоляцию и культурную специфику. В первую очередь перечисленные факты касаются Яланкульского куста, где сборы этнографических материалов проводились только в 1974—1975 годах [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 1—20, 73—3, 73—4 и др.].

2. Обзор рыболовных угодий и характеристика объектов лова

В начале XX века, по мнению чиновников Тобольского поземельно-устроительного отряда и переселенческой партии, здешнее население не занималось рыболовством из-за того, что немногочисленные речки и озера были бедны рыбой, так как водоемы здесь «глухие» и ихтиофауна в них не попадает [Материалы …, 1911, с. 387].

Однако изучение архивных документов XIX века выявляет несколько иную картину. Крупнейшие озера этих двух кустов упоминаются в документах 1765—1766 годов как географические объекты для обозначения границ земельных владений, выделенных на левом берегу р. Иртыш бухарцам и инородцам. Это озера Комуслы и Куртайлы, Каракуль и р. Нюхаловка [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 111, л. 4—9 об.]. Вероятно, переселяющиеся сюда бухарцы и инородцы начинают заниматься рыболовством на многочисленных озерах. В «Ведомости Тарского округа об инородческих землях» 1829 года указаны водоемы, на которых жители перечисленных поселений рыбачили: Петуховские — на оз. Петуховском, Мереткульские — на оз. Мереткуль, Ку-

мыслинские — на оз. Кумыслы, Аубатканские — на оз. Аубатканском и Куртаклинские / Курталинские — на оз. Урускуль. В районе будущего Уленкульского куста в 1829 году жители Тусказанских рыбачили на р. Нюхаловка, Уленкульские — на оз. Уленкульском, Черналинские — на оз. Черналинском (рис. 1, *3*) [ГИАОО, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 290 об. — 291].

На середину XIX века водные угодья бухарцев юрт Аубатканских, с заимками Кумыслы и Куйгалы представляли собой «*озера в окружности Большой Еланкуль, Кумыслы до 5 верст, Курталинское до 8 верст, Большой Меретлкуль до 4 верст. Глубиною оные озера от 2 до 4 аршин, в них водится рыба одни караси, а прочие нет. Озера имеют накопление воды в весеннее и осеннее время, и летом некоторые высыхают, и другие зимою вымерзают. В них рыбы не бывает*». Также делопроизводители называют рыболовство в числе видов промысла жителей перечисленных поселений [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1530, л. 49 об. — 50].

В 1850-х годах бухарцам юрт Тусказанских с заимками Уленкульской, Аптрашитовой и Каракульской принадлежали следующие водные объекты: *«Речка Нюхаловка шириною до 3 сажень, глубиною до 1 ½ аршин. А в зимнее время вода вымерзает, и рыба не бывает.*

Озера: Тагуба в окружности до 3 верст, Уленкуль в окружности до 2 верст, Какуль — до 2 верст, Сарабалык Большой окружностью до 3 верст, Малый — 1 верста. Глубину они имеют малую. В них водится рыба одни караси. Вода в зимнее время задыхается и бывает душною так, что и скот ее пить не может» [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 1530, л. 42—42 об.].

В 1875 году в рапорте Аялымского инородного управления отмечено, что население юрт Тусказанских ловили карасей при помощи сетей и котцов на озерах Малое и Большое Яготово. Рыбу использовали только для собственного употребления [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 580, л. 169—169 об.].

В 1877 году в топографо-статистическом описании окрестностей юрт Аубатканских были перечислены наиболее значимые озера на указанную дату: Тонкое, Большой и Малый Казыркуль, Киплово, Такмакуль, Юкупово. Во всех озерах водились хорошего качества караси. Они были пригодны для употребления в пищу [ГИАОО, ф. 183, оп. 1, д. 544, л. 123 об. —124].

В настоящее время рыболовные угодья деревень Яланкуль и Аубаткан остаются самыми большими. Здесь имеется около пятидесяти озер, в которых водится рыба [Шихова, 2018, с. 17—19]. Когда в этом кусте проживало много жителей, то они рыбачили на всех водоемах, где водилась рыба. Сейчас ситуация изменилась, так как численность населения сильно сократилась, нет нужды облавливать все угодья, в особенности удаленные [Полевые описи, Т-106, л. 21, 76]. В настоящее время мужчины ловят рыбу на озерах:

Куплоу (Котлово / Коплово / Котлау), Жилое, Урускуль, а также Куртайлы, Большой Яланкуль, Штанкуль и др. При выборе водоема учитывают его близость к поселению и наличие в нем золотого карася, так как он выше ценится по вкусовым качествам, чем серебряный. К примеру, он водится на оз. Куплоу (Котлово). На оз. Жилое можно поймать гольянов (Гольян обыкновенный — лат. Phoxinus phoxinus) [Полевые описи, Т-106, л. 20 об.—23].

В конце XX века татары Уленкульского куста облавливали следующие водоемы: озера Большой Каракуль, Большой Сарыбулак, Малый Сарыбулак, Хаккуль (д. Каракуль), оз. Уленкуль (с. Уленкуль), оз. Черналинское (д. Черналы), р. Нюхаловка, оз. Тинкуль (неоф. Название — Михайловское), Иллекуль (с. Уленкуль, д. Тусказань) [Полевые описи, Т-107, л. 4; Т-108, л. 22—22 об.].

В настоящее время водоемы Уленкульского куста значительно беднее рыбой, чем в 1990-е годы. По мнению рыбаков, причина скудных уловов связана с усыханием озер [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 144-6, к. 427 и др.].

Одним из негативных факторов, влияющих на рыболовство у татар Уленкульского куста, является то, что они теперь лишены свободного доступа практически ко всем значимым рыболовным угодьям, так как часть из них была изъята из общего пользования и передана охотхозяйству и заповеднику. Охотхозяйству «Тинкульскому» были выделены наиболее богатые рыбой озера Иллекуль, Тинкульское, Яготовское. На территории государственного природного зоологического заказника регионального значения «Надеждинский» находятся водоемы между д. Каракуль и с. Уленкуль — озера Большой Каракуль, Большой Сарыбулак, Тырнакуль, участок р. Нюхаловка. Рыбачить на территории охотхозяйства Тинкульского и заповедника «Надеждинский» можно только после оплаты, соблюдая ограничительные требования по орудиям лова, срокам и нормам вылова. Отметим, что часть рыбаков с. Уленкуль являются членами районного общества охотников и рыболов, так как это открывает доступ к лучшим угодьям.

Местные жители недовольны сложившейся ситуацией, так как вопрос о передаче озер решался без учета их мнения [Полевые описи, Т-107, л. 5 об.].

Из-за скудности озер рыбаки из с. Уленкуль ездят рыбачить на водоемы других поселений Большереченского района: в первую очередь в район деревень Яланкуль и Аубаткан, также на озера Казатово и Кошкуль, на реки Бызовка и Иртыш.

В прежние годы главным обитателем озер лесостепного Прииртышья был золотой карась (Карась обыкновенный, или круглый — лат. Carassius carassius), или, как его здесь называют, *сары балык* («желтый карась»). В на-

стоящее время в большинстве озер появился серебряный карась (Серебряный карась — лат. Carassius gibelio). Новая разновидность карасей не нравится местным жителям из-за костлявости, рыхлого, разваривающего в процессе готовки мяса. В последние несколько лет в водоемах поселились ротаны (Головешка-ротан — лат. Perccottus glenii), и они уничтожают рыбу (их икру и мальков) других пород. В реках Нюхаловка и Бызовка весной во времена разливов Иртыша ловится различная рыба: щуки (Щука речная — лат. Esox lucius), окуни (Речной окунь — лат. Perca fluviatilis*)*, чебаки (Чебак или Плотва Сибирская — лат. Rutilus rutilus lacustris*)*. На р. Иртыш ловят лещей (Лещ обыкновенный — лат. Abramis brama), подлещиков, подъязков (Язь — лат. Leuciscus idus*)*, ершей (Обыкновенный ёрш — лат. Gymnocephalus cernuus), чебаков [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 144-6, к. 428].

3. Орудия и способы лова

Рыболовством татары обоих кустов занимаются круглый год, за исключением кратковременных перерывов на глухозимье, нерестовый и посленерестовый период и др.

Сезон лова рыбы начинается ранней весной, в середине апреля, когда на озерах еще окончательно не сошел лед. Мужчины рыбачат на закраинах водоемов, образовавшихся в процессе таяния льда. Они используют ставные сети. Их можно устанавливать без жердей (*казаков*), привязывая к камышам. В это время вода на закраинах озера теплее, чем в остальной акватории, и поэтому карась устремляется на отмели в камыши для пропитания и подышать кислородом [Сабанеев, 1992, с. 100]. В это время здесь можно получить большие уловы, но мужчины не любят здесь рыбачить, так как сети забиваются тиной. Поэтому, как только акватория озер освобождается ото льда, они начинают промышлять на глубине, также используя ставные сети.

Еще в недавнем прошлом сети вязали сами из ниток разного размера (20-го, 40-го) деревянными иглами домашнего изготовления. Иглы были разной величины, в зависимости от размера ячеи сети; ее размер определяли шириной нескольких пальцев, например, ячея в 20 мм соответствовала двум пальцам. Использовали сети одностенные и многостенные (ряжевые). По сравнению с современными, сети, связанные в домашних условиях, были короткие — от 10—15 до 25—30 м [Полевые описи, Т-106, л. 24 и др.].

По материалам И. Я. Требтау, в 2000 году покупная сеть длиной 80 м в весенний период стоила 215 руб., а в июне — 120 руб. [Требтау, 2004, л. 64].

В настоящее время используют одностенные и трехстенные сети из лески, произведенные в Китае. Их длина достигает 100—300 м, но рыбакам удобней пользоваться сетями 25—30 м. Их конструкция повторяет тради-

ционную [Полевые описи, Т-106, л. 76—77 об.]. Она состоит из сетного полотна, подборов (верхнего и нижнего) из шнуров и оснастки из грузил и поплавков [Орудия …, 1972, с. 129]. Рыбаки делают поплавки из пенопласта или других плавучих материалов. Сейчас они нередко установлены на покупных сетях. Раньше поплавки изготавливали рыбаки из пластов бересты путем нагревания, из-за чего он скручивался вокруг верхнего подбора. В качестве грузил сейчас используют резиновые ленты, изготовленные из камер от колес, или кольца из проволоки. На карася используют сети с размером ячеи 30—32 мм. По словам информаторов, на крупную рыбу ставят 45 мм [Полевые описи, Т-106, л. 23 об.—24].

Наши информаторы из д. Яланкуль вспоминают, что в детстве, в 1960—1970-х годах, в июне-июле на озерах мужчины ловили рыбу ботаньем. Рядом с камышами ставились сети, потом рыбаки на лодке подплывали к этому месту и начинали с помощью специального орудия бить по воде. Она пугалась и выходила из камыша, попадаясь в снасть.

Этот способ рыбной ловли здесь назывался *бургылтак*. Термин произошел, возможно, от рус. *буркать* ‘ударять не сильно, буквально шлепать, по воде с целью получения невнятных звуков’.

Орудие, с помощью которого карасей загоняли в сети, внешне выглядело как усеченный конус, сделанный из листа жести. Усеченной вершиной он крепился к деревянному шесту, а раструбом ударяли по воде.

Этот способ ловли разных видов рыбы (карася, лини, щуки) был описан в последней четверти XIX века классиком русского рыболовного дела Л. П. Сабанеевым. Он пишет, что этот способ получил название от обозначения главного орудия — *ботало, ботва* [Сабанеев, 1992, с. 102, 114 и др.]. В Омской области в настоящее время его применяют татары Тевризского района [Полевые описи, Т-110, л. 20].

В конце XX века татары д. Яланкуль и Аубаткан летом также ходили с бреднем (*елым*, д. Яланкуль), но сейчас, как и ботанье, его практически не используют, так как численность населения невелика и дефицита в рыбе нет.

Еще мужчины использовали фитили (*вентели*). В настоящее время их тоже устанавливают. Могут в разных местах водоема поставить сети и фитили.

Конструктивно фитиль выглядит так же, как и других местах, — на обручи (*цәмпәр*) крепится сетное полотно. В разрезе снасть напоминает конус. На конце, с которого рыба заходит в так называемое «горло», устроен «язык» (воронкообразный мешочек, открытый на конце). Он препятствует выходу рыбы обратно. Чтобы рыба зашла в фитиль, у него предусмотрены один или два крыла из сетного полотна.

Отметим, что несколько фитилей из д. Комуслы (№ 1—75) и с. Уленкуль (№ 80—2), приобретенных в 1974—1975 годах, хранятся в этнографической коллекции МАЭ ОмГУ. Они состоят из 4—7-ми деревянных и металлических колец и покупных сетей [Хозяйство и средства передвижения ..., 1999, с. 96—98].

Для передвижения по открытой воде рыбаки использовали лодки. Самыми старыми по времени появления были деревянные, выдалбливаемые из ствола дерева (*бат кимә*, д. Каракуль). Материалы для таких лодок привозили из-за Иртыша [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 144-6, к. 424].

В конце XX века— начале 2000-х годов рыбаки из с. Уленкуль использовали надувные лодки, а также раскладные плоскодонные из жести (правда на них больше охотились). Были и лодки, сделанные из сосновых досок с металлическим дном [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 144-6, к. 428].

Сейчас используют надувные лодки, сделанные из материала ПВХ (поливинилхлорида). Они легкие, компактные, поэтому их удобно транспортировать до водоема и обратно домой. Рыбаки отмечают, что их масса не должна превышать 200 кг, чтобы не ставить на учет в Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России [Полевые описи, Т-107, л. 5].

Помимо сетей и сетных орудий лова, татары перечисленных поселений раньше использовали другие приспособления. Например, мордушки — ловушки, сплетенные из прутьев, по форме напоминающие сосуд. Рыба через узкое отверстие в нее попадала, а выйти не могла. Чтобы ее заманить, некоторые рыбаки клали приманку [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 1—21, к. 1280].

Раньше мордушками рыбачили подростки и старики [Полевые описи, Т-106, л. 83—83 об.]. Краевед Х. К. Садыков описал, как в д. Камуслы в годы Великой Отечественной войны с ее помощью ловили рыбу: «*Недалеко от моста среди камышей из воды торчала какая-то плетенка <…> Ею ловят рыбу, правда, попадается мелкая. Мордушки здесь ставит почти каждая семья и каждый день достает из нее попавшую рыбу <…> Сейчас из-за того, что многие мужчины ушли на фронт, соседские старики и подростки достают рыбу из мордушек… А крупную рыбу ловят сетями*» [Садыков, 2011, с. 35]. В настоящее время их практически не используют.

Татары Уленкульского сельского поселения в наши дни из орудий лова по открытой воде в основном используют удочку, что обусловлено запретами законодательства на использование других орудий лова и контролем рыбнадзора. Ею ловят в р. Нюхаловка и на озерах. В период подледного лова они в основном используют зимнюю удочку (она имеет малую длину и вес) [Полевые описи, Т-107, л. 4], что нехарактерно для традиционного рыболовства татар.

В деревнях Аубаткан и Яланкуль, где надзор государства за природными ресурсами слабее, никто не рыбачит удочками. Это считается пустой тратой времени [Полевые описи, Т-106, л. 80—81].

Подледный лов начинается в ноябре, когда лед выдерживает человека. Для установки разнообразных подледных приспособлений татары применяли ряд орудий. Лунки выдалбливают металлическим ломом или пешней. Раньше двуручной ручной пилой со снятой с одного конца ручкой выпиливалась прорубь (майна) для запуска сети под лед. Сейчас для этих целей используют бензопилу.

В настоящее время одним из самых распространенных способов является ловля сетями. Для их установки необходимо прорубить лунки. Их количество зависит от длины снасти и жерди (*казак*). С помощью жерди под лед от первой до последней лунки протягивают шнур, к которому будут привязывать сеть. Чтобы делать меньше лунок, связывают две палки, и получается «*двойной казак*». При протягивании жерди подо льдом от одной к другой лунке ее направляют, подтягивают двумя короткими палками, длиною ок. 30 см, и проволокой, в данном случае выполняющую функцию багра.

После того как шнур помещен под лед, к нему в последней проруби привязывают сеть и начинают тянуть его в обратную сторону, постепенно устанавливая снасть. Важно, чтобы между сетью и нижней кромкой льда оставалось пространство, иначе она вмерзнет. Для этого поперек проруби кладут короткую жердь, на которую вертикально крепится шест длиннее толщины льда. К его нижнему концу привязывают снасть.

Рыбаки, проживающие в д. Яланкуль, под лед в местах, где глубоко и водится много рыбы, также ставят фитили (*вентели*). Эти места замечались летом.

Снасть устанавливается либо одна, либо их ставят спаренными: два вентеря размещают устьями друг к другу, и между ними делают одно крыло. Для установки такой конструкции выпиливаются две проруби под фитили и между ними канал для крыла. Крыло делается из камыша, а не из сети или досок, так как рыба лучше заходит в ловушку. Камыш срубается лопатой на озере. Ставится остов крыла из жердей и досок, к которому крепится камыш с помощью проволоки. Длина крыла между вентерями составляет — от 1,20 до 1,50 м; если его сделать еще длиннее, то рыба может просто уплыть мимо устьев ловушек.

Приманку в эти снасти обычно не кладут, но иногда рыбаки используют для этого жженые кости [Полевые описи, Т-106, л. 81—82 об.].

Отметим, что применение сетей и фитилей в подледном лове известно во многих поселениях татар Омской области, например, в д. Качуково Зна-

менского района, д. Сеитово Тарского района, д. Черталы Муромцевского района [Селезнев и др., 2001, с. 57—58; Требтау, 2004, л. 65—66].

Около десяти лет назад некоторые рыбаки устанавливали на озерах котцы (*есе* / *шилья*) [Садыков, 2011, с. 280] и рыбачили с их помощью. Это ловушка, устроенная по принципу лабиринта. Попадая в него, рыба не может выйти обратно. Это одно из древнейших устройств, известных у разных народов Западной Сибири и за ее пределами, подробнее см.: [Селезнев и др., 2001, с. 43—44]. В конце XX — начале XXI века известны единичные случаи его использования у татар Омской области, например, в д. Атачка Тарского района, д. Большемурлы Большереченского района, д. Качуково Знаменского района [Селезнев и др., 2001, с. 56—57; Тихомирова, 2019, с. 747; Требтау, 2004, л. 66—67].

В начале 2000-х годов котцы собирали из дранки для обрешетки стен под штукатурку или реек, изготовленных в школьной мастерской на станке. Рейки были около 2 м высотой. Все части этой ловушки связывались кордой [Полевые описи, Т-106, л. 76 об.—77]. Раньше материалом для котцов был местный или привозимый откуда-то из-за р. Иртыш камыш (*цыбык, / цыбта*) [Полевые описи, Т-106, л. 84 об.].

Его крылья делались таким же способом, как у описанного фитиля. Чтобы прорубь медленнее замерзала, ее закрывали циновкой из камыша.

Способы установки подобных ловушек уже подробно описаны в литературе [Селезнев и др., 2001, с. 57].

Ближе к весне лед вокруг снасти посыпали золой, чтобы она быстрее вытаивала. Если владелец не желал или не успевал котец вытащить до момента, как лед растает, то уже по открытой воде на лодке его разыскивал и буксировал к берегу. Потом снасть привозил домой и сушил.

По воспоминаниям краеведа Х. К. Садыкова, в феврале и марте, когда наступал замор рыбы, жители Яланкульского куста ловили рыбу с помощью ловушек, устроенных во льду, создавая искусственное течение (тягу) и тем самым обогащая воду кислородом [Садыков, 2011, с. 280].

Рыбаки рубили две проруби (*колодцы*) диаметром от 35 до 40 см и соединяли желобом. Деревянной лопатой гоняли воду с одного колодца на другой, таким образом создавая искусственное течение и насыщая воду кислородом. При этом в одной лунке ставили сачок; в него откидывали попадавшуюся рыбу.

По воспоминаниям Х. К. Садыкова, зимняя рыбалка в период замора была событием для всей деревни. В ней участвовали не только взрослые, но и дети. Школьники после окончания занятий собирались по 3—4 чел.: *«каждый прихватывал мешочек, салазки, лопату и у кого что есть: кто*

брал сачок, кто топор, кто лом <…> Везло не всем. Кто–то сразу попадал на рыбное место, кто-то несколько раз менял...». Улов делили поровну. Автор отмечает, что этим способом предпочитали ловить на мелководных озерах [Садыков, 2011, с. 280—281].

Ловлей рыбы на тягу в 1980-ые годы и позже занимались также жители деревень Большемурлы, Черталы [Селезнев и др., 2001, с. 57; Тихомирова, 2019, с. 746—747].

В последние годы рыбаки Яланкульского и Уленкульского кустов почти не рыбачат на тягу. Сейчас они делают другую ловушку во льду. Эта ловушка делается следующим способом. Сначала пешней выдалбливается яма. Затем, когда остается несколько сантиметров до появления воды, чему признаком является мокрый лед, ее дно в одном месте пробивают резким ударом, под давлением струя воды вырывается наружу и ее заполняет. По словам информаторов, вместе с водой может быть вытолкнута рыба в яму, и тогда ее вычерпывают на лёд. Далее образовавшуюся лунку очищают с помощью сачка с металлической сеткой и начинают интенсивно обогащать воду кислородом, совершая вращательное движения данным орудием. Рыба плывет к богатой кислородом воде, и ее сачком вычерпывают из лунки.

Для ловли рыбы этим способом достаточно 3—4 чел. Прежде чем выдолбить данную ловушку, рыбаки осматривают озеро и определяют, в каких местах водоем промерз до дна, а где еще осталась вода, и скопилась рыба. Иногда мужчины заранее, еще осенью, специально выкапывают ямы, где рыба будет скапливаться в период загара (нехватки кислорода подо льдом), и над этими ямами устраивают прорубь [Полевые описи, Т-106, л. 84].

4. Роль рыболовства в жизнеобеспечении

В листах Первой Всероссийской переписи населения 1897 года у некоторых жителей Яланкульского куста занятие рыболовством было указано как «главное, то есть то, которое доставляет главные средства для существования» или «побочные / вспомогательные».

В юртах Аубатканских у 1 чел. оно было главным средством для существования и еще у 3 чел. — вспомогательным [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И–417, оп. 2, д. 2096, л. 51 об., 62 об., 73 об., 76 об.].

В выселке Еланкульском 2 чел. указаны как рыбопромышленники и у 1 чел. ловля рыбы приносила главный источник дохода, еще 1 чел. указал рыбопромышленность как вспомогательный источник для существования [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И–417, оп. 2, д. 2097, л. 11 об., 37 об., 51 об., 66 об.].

В выселке Комуслинском 6 чел. указали, что рыбная ловля является главным средством существования. Один житель сообщил, что он рыболов, и это занятие приносит главный источник дохода, еще 1 чел., записанный как рыболов, сообщил, что этот вид деятельности является для него второстепенным [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И–417, оп. 2, д. 2101, л. 4 об. — 6 об., 13 об. — 14 об., 18 об. — 19 об., 38 об.].

Улов рыбы также шел на питание. По этнографическим данным известно, что жители Уленкульского и Яланкульского кустов готовили традиционные для татар блюда: варили уху (*шурпа*), тушили или жарили в сковороде, выпекали пирог (*ритник*), солили и сушили рыбу. Сейчас изготавливают копченую рыбу в самодельных коптильнях.

Важной чертой в рыбной кухне татар перечисленных поселений было использование молока и сметаны в ухе или при тушении рыбы. Правда, эта черта — один из главных признаков рыбной кухни для всех татар Большереченского района. Также молочные продукты клали в рыбу в д. Чепляро-во Большереченского района и в д. Малая Кова Знаменского района Омской области [Тихомирова, 2006, с. 46].

Любопытна технология распластовки соленой рыбы для сушения, так как ее аналогии встречаются в группах западносибирских татар, главным занятием которых было также озерное рыболовство, например, в Тобольском районе Тюменской области. У выпотрошенной рыбы чешую, хвост и голову удаляют, хотя известны случаи, когда что-то из перечисленного оставляют. Чтобы тушку максимально раскрыть, наносят несколько надрезов: первый — у жаберной крышки, через который достают внутренности, еще один — у прихвостовой части, и самый длинный из них — вдоль всего позвоночника (в самой мясистой части). После этого тушка представляет собой пласт из двух частей, соединенных брюшком. Первая часть — это полоса мякоти и скелет (позвоночник, ребра) с тонкой прослойкой мяса, и вторая часть — из ребер и мякоти на спине. Затем на внутренней мясистой части спины наносят надрезы. Скелет у рыбы не вырезают [Полевые описи, Т-41, л. 10—10 об. и др.].

В советский период в деревнях Яланкуль и Аубаткан рыбу ловили еще на корм песцам. Их держали в отделении совхоза и в личных подсобных хозяйствах [Полевые описи, Т-106, л. 80].

Рыбаки Яланкульского куста улов рыбы возили на продажу в населенные пункты Колосовского района Омской области во Владимировку, Чапаево, Сафоново, а также в поселения Уленкульского куста.

В 1990-е — 2000-е годы у части жителей Уленкульского куста ловля рыбы также носила промысловый характер. Она была источником дохода

для неработающих на сельскохозяйственном производстве мужчин. Как рассказывал М. А. Шихов, 1971 года рождения, он жил за счет личного подсобного хозяйства, охоты и рыболовства. В 2000 году в с. Уленкуль он продавал излишки улова по следующим ценам: крупного карася по 8 руб., среднего размера — 7 руб., мелкого — 5 руб. [МАЭ ОмГУ, ф. I, д. 144-6, к. 427—428].

В настоящее время татары обоих кустов ловят рыбу для собственного питания. Из-за плохих дорог, низких цен на карасей продавать улов стало невыгодно.

5. Заключение

У татар Уленкульского и Яланкульского кустов Большереченского района Омской области рыболовство было вспомогательной отраслью хозяйства на протяжении всего обозримого прошлого. Татары рыбачили почти круглый год, преимущественно на «глухих» озерах. Главный объект лова был карась.

И в прошлом, и в настоящее время больше всего занимались ловлей рыбы жители Яланкульского куста. Этому способствовали наличие сети крупных озер (Большого Яланкульского, Большого Комуслинского, Большого Мереткульского) и существование до полусотни мелких водоемов. Архивные документы свидетельствуют о том, что занятие рыболовством приносило некоторым жителям доход. В настоящее время рыба ловится для личного потребления.

В конце XX — начале XXI веков татары Уленкульского куста рыболовством занимались мало, так как здесь происходило усыхание водоемов. В настоящее время развитию рыболовства препятствует то, что значительная часть традиционных угодий местных жителей изъята из свободного пользования и передана охотхозяйству и заповеднику.

В постсоветский период рыбаки с. Уленкуль получали небольшой доход от этого вида деятельности.

Во второй половине XX века изменяются орудия лова. Это связано с тем, что сети стало проще купить. Ставные сети и сетные ловушки становятся основными орудиями рыболовства. Сходит на нет использования котца, мордушек, а также ботанье. Зимой в период замора рыбы перестали использовать способ ловли путем создания течения (на тягу). Татары этот прием упростили.

Отметим, что в результате деятельности надзорных органов рыбаки с. Уленкуль стали больше использовать удочки, которые не являются традиционным орудием лова. Но в целом мы видим сохранение у татар этих поселений пассивных способов рыболовства.

Орудия и способы лова в целом совпадали с таковыми, используемыми в правобережных поселениях татар, в которых занимались озерным рыболовством. Различия могли быть в материалах, из которых изготавливали котец, мордушки, детали сетей и сетных ловушек. В других поселениях татар Большереченского, а также Муромцевского, Тарского, Колосовского районов неизвестно ботанье, но, возможно, этнографические данные неполны.

В рыбной пище у местного населения фиксируются общие специфические традиции (добавление молочных продуктов в уху или при тушении рыбы), известные в других поселениях татар Большереченского района и прочих населенных пунктах Омской области.

В результате исследования было установлено, что в сравнении с жителями, проживающими в прибрежных районах Иртыша, у жителей данного региона рыболовство играло меньшую роль в жизнеобеспечении.

Источники и принятые сокращения

1. *Атлас* Омской области. — Омск : Омская картографическая фабрика, 1996. — 56 с.

2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И–417. Тобольский губернский статистический комитет. Оп. 2. Д. 2096, 2097, 2101.

3. ГИАОО — *Бюджетное* учреждение Омской области Исторический архив Омской области. Ф. 3. Главное Управление Западной Сибири в Омске. Оп. 1. Д. 620; Ф. 183. Поземельно-устроительная партия, г. Тара. Оп. 1. Д. 111, 544, 580, 1530.

4. МАЭ ОмГУ — *Музей* археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Ф. I. Материалы полевых этнографических исследований. Д. 1—20, 1—21, 73—3, 73—4, 144—6.

5. Полевые описи — *Тихомирова М. Н.* Полевые описи / М. Н. Тихомирова. — Т-41, Т-106, Т-107, Т-108, Т-110.

6. *Садыков Х. К.* Малая моя родина — золотая колыбель: из истории бухарцев Тарского уезда : в 2 частях. Часть 1: Воспоминания, размышления о Яланкуле и земляках / Х. К. Садыков. — Омск : ОмГПУ, 2011. — 416 с.

7. *Требтау И. Я.* Основные хозяйственные занятия тарских татар в конце XX — начале XXI вв. : выпускная квалификационная работа / И. Я. Требтау. — Омск, 2004. — 126 с.

8. *Шихова М. Х.* Село Яланкуль и его жители — потомки Авасбакы–шейха. Шаджара / М. Х. Шихова. — Омск : Наука, 2018. — 122 с.

Литература

1. *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX веков: историко-этнографические очерки / Ф. Т. Валеев. — Казань : Татарское книжное издательство, 1980. — 232 с.

2. *Корусенко С. Н.* Сибирские бухарцы в начале XVIII века / С. Н. Корусенко. — Омск : Наука, 2011. — 248 с.

3. *Материалы* по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии: исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова. — Тобольск : Губернская типография, 1911. — 395 с. + табл.

4. *Орудия* промышленного рыболовства Сибири и Урала : справочник. —Новосибирск : Западно-сибирское книжное издательство, 1972. — 377 с.

5. *Сабанеев Л. П.* Рыбы России. Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб : в 2 томах. — Москва : Терра, 1992. — Том 2. — 575 с.

6. *Селезнев А. Г.* Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности) / А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, Е. А. Бельгибаев. — Омск : Наука, 2006. — 260 с.

7. *Селезнев А. Г.* Рыболовство коренного населения Тарско-Иртышского бассейна (по материалам поселений тарских татар) / А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева // Этнографическое обозрение. — 2001. — № 6. — С. 48—66.

8. *Тихомирова М. Н.* Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей / М. Н. Тихомирова. — Омск : Наука, 2006. — 232 с.

9. *Тихомирова М. Н.* Новые сведения о хозяйственных занятиях татар д. Большемурлы Большереченского района Омской области в конце XX — начале XXI века / М. Н. Тихомирова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2019. — С. 743—747. — DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.743-747.

Fishing of Tatars of the Irtysh Forest-Steppe Region in the 19th — Early 21st Centuries[1]

© Marina N. Tikhomirova (2021), orcid.org/0000-0001-8271-8451, SPIN 8659–7333, PhD in History, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS) (Novosibirsk, Russia), marinat24@mail.ru.
© Konstantin N. Tikhomirov (2021), orcid.org/0000-0003-1159-1603, SPIN 7623–0211, PhD in History, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS) (Novosibirsk, Russia), ktikhomirov@gmail.com.

The issues of fishing among the West Siberian Tatars living on the territory of the Omsk region in the forest-steppe zone on the left bank of the Irtysh River are considered. The authors dwell on the characteristics of the traditional aquatic areas of the XIX — early XXI century, fishing objects, tools and methods of fishing. It is proved that the fishing of the Tatars in these settlements was an auxiliary branch of the economy in the past and present. It was shown that they fished almost all year round, mainly on lakes, where the main object of fishing was crucian carp. It is concluded that fishing was more developed among residents of settlements

1 The study was carried out under the project R&D No. 0329-2019-0005 "Population of the southern taiga and forest-steppe zones of Western Siberia and Northern Kazakhstan: historical and cultural reconstruction and modernity."

in the area of the village of Yalankul. It is shown that the Tatars of the villages in the area of the Ulenkul village are now less engaged in it because of the drying up of water bodies, as well as because of the withdrawal of lakes from nature management for transfer to the hunting farm and the reserve. The novelty of the research is seen in filling the gaps in the study of this topic. The authors note that material was collected about the fishing of the population, which previously consisted mainly of Siberian Bukharians and was actually assimilated by the Tatars.

Key words: ethnography; business activities; fishing; fishing gear and methods; life support; West Siberian Tatars; Bukharians; Western Siberia; forest-steppe Priirtyshie; Omsk region; Bolsherechensky district; Ulenkulsky and Yalankulsky bushes of settlements.

Material resources

Atlas Omskoy oblasti [Atlas of the Omsk region] (1996). Omsk: Omsk. kartograf. fabrika. 56 p. (In Russ.).

GBUTO GA v g. Tobolske. — *Gosudarstvennoye byudzhetnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske. F. I-417. Tobolskiy gubernskiy statisticheskiy komitet. Op. 2. D. 2096, 2097, 2101* [State budgetary institution of the Tyumen region State Archives in Tobolsk. F. I-417. Tobolsk Provincial Statistical Committee. Op. 2. D. 2096, 2097, 2101]. (In Russ.).

GIAOO. — *Byudzhetnoye uchrezhdeniye Omskoy oblasti Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti. F. 3. Glavnoye Upravleniye Zapadnoy Sibiri v Omske*. Op. 1. D. 620; F. 183. *Pozemelno-ustroitelnaya partiya, g. Tara.* Op. 1. D. 111, 544, 580, 1530 [Budgetary institution of the Omsk region Historical archive of the Omsk region. F. 3. Main Department of Western Siberia in Omsk. Op. 1. D. 620; F. 183. Land-organizing party, Tara. Op. 1. D. 111, 544, 580, 1530.]. (In Russ.).

MAE OmGU. — *Muzey arkheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F. M. Dostoevskogo. F. I. Materialy polevykh etnograficheskikh issledovaniy.* D. 1—20, 1—21, 73—3, 73—4, 144—*6* [Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University. F. M. Dostoevsky. F. I. Materials of field ethnographic research. D. 1—20, 1—21, 73—3, 73—4, 144—6.]. (In Russ.).

Polevyye opisi — Tikhomirova, M. N. *Polevyye opisi* [Field inventories]. (In Russ.).

Sadykov, Kh. K. (2011). *Malaya moya rodina — zolotaya kolybel: iz istorii bukhartsev Tarskogo uezda, 2/1: Vospominaniya, razmyshleniya o Yalankule i zemlyakakh* [My little homeland is a golden cradle: from the history of the Bukharans of the Tara district: in 2/1: Memories, reflections on Yalankul and fellow countrymen]. Omsk: OmGPU. 416 p. (In Russ.).

Shikhova, M. Kh. (2018). *Selo Yalankul i ego zhiteli — potomki Avasbaky-sheykha. Shadzhara* [Yalankul village and its inhabitants — descendants of Avasbaki-sheikh. Shajara]. Omsk: Nauka. 122 p. (In Russ.).

Trebtau, I. Ya. (2004). *Osnovnyye khozyaystvennyye zanyatiya tarskikh tatar v kontse XX — nachale XXI vv.* [The main economic activities of the Tara Tatars in the late XX — early XXI centuries]. Omsk. 126 p. (In Russ.).

References

Korusenko, S. N. (2011). *Sibirskiye bukhartsy v nachale XVIII veka* [Siberian Bukharians at the beginning of the 18th century]. Omsk: Nauka. 248 p. (In Russ.).

Materialy po zemlevladeniyu i ekonomicheskomu bytu osedlykh inorodtsev Tobolskoy gubernii: issledovaniye chinovnika osobykh porucheniy pri Pereselencheskom upravlenii I. A. Andronikova [Materials on land tenure and economic life of the settled foreigners of the Tobolsk province: research of the official of special assignments under the Resettlement Administration I. A. Andronikov]. (1911). Tobolsk: Gubernskaya tipografiya. 395 p. (In Russ.).

Orudiya promyshlennogo rybolovstva Sibiri i Urala: spravochnik [Tools for industrial fishing in Siberia and the Urals: a reference book]. (1972). Novosibirsk: Zapadnosibirskoye knizhnoye izdatelstvo. 377 p. (In Russ.).

Sabaneev, L. P. (1992). *Ryby Rossii. Zhizn' i lovlya (uzhene) nashikh presnovodnykh ryb* [Fish of Russia. Life and fishing (snaking) of our freshwater fish], *2/2*. Moskva: Terra. 575 p. (In Russ.).

Seleznev, A. G., Selezneva, I. A. (2001). Rybolovstvo korennogo naseleniya Tarsko-Irtyshskogo basseyna (po materialam poseleniy tarskikh tatar) [Fishery of the indigenous population of the Tarsko-Irtysh basin (based on the materials of the Tara Tatars settlements)]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], *6:* 48—66. (In Russ.).

Seleznev, A. G., Selezneva, I. A., Belgibaev, E. A. (2006). *Mir taezhnykh kultur yuga Sibiri (traditsionnoye khozyaystvo i soputstvuyushchiye komponenty zhiznedeyatelnosti)* [The world of taiga cultures in the south of Siberia (traditional economy and accompanying components of life)]. Omsk: Nauka. 260 p. (In Russ.).

Tikhomirova, M. N. (2006). *Kultura pitaniya tatar Srednego Priirtyshya: problemy formirovaniya i etnokulturnykh svyazey* [Food culture of the Tatars of the Middle Irtysh region: problems of formation and ethnocultural relations]. Omsk: Nauka. 232 p. (In Russ.).

Tikhomirova, M. N. (2019). Novyye svedeniya o khozyaystvennykh zanyatiyakh tatar d. Bolshemurly Bolsherechenskogo rayona Omskoy oblasti v kontse XX — nachale XXI veka [New information about the economic activities of the Tatars in the village of Bolshemurly, Bolsherechensky district of the Omsk region in the late XX — early XXI century]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SB RAS. 743—747. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.743-747. (In Russ.).

Valeev, F. T. (1980*). Zapadnosibirskiye tatary vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vekov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [West Siberian Tatars in second half of the XIX — early XX centuries: historical and ethnographic essays]. Kazan: Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo. 232 p. (In Russ.).

Цыбенов Б. Д. Новый источник о взаимоотношениях Хулун-Буира и Внешней Монголии в 1912—1915 годах / Б. Д. Цыбенов // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 422—435. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435.

Tsybenov, B. D. (2021). A new Source on the Relationship between Hulun Buir and Outer Mongolia in 1912—1915. *Nauchnyi dialog, 2:* 422-435. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435. (In Russ.).

УДК 930(517.3)“1915”+94(517)“1912/1915”
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435

Новый источник о взаимоотношениях Хулун-Буира и Внешней Монголии в 1912—1915 годах[1]

© Цыбенов Базар Догсонович (2021), orcid.org/0000-0002-0404-7207, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Российская Федерация), bazar75@mail.ru.

Рассматривается малоизвестный источник — рукопись «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», хранящаяся в Государственном архиве Иркутской области. Автором статьи проведены следующие работы: описание рукописи, уточнение ее датировки, определение вероятной источниковой базы. Выполнен сравнительно-сопоставительный анализ исторических фактов, представленных в рукописи. Выяснено, что в двух первых предложениях анонимный автор обрисовал суть неопределенной ситуации, сложившейся с присоединением Хулун-Буира к Внешней Монголии в 1912 году. Охарактеризованы другие составляющие текста: малоизвестные сведения о поездке в Ургу баргутского ламы Лобсанчжамба и затем о посещении делегации Хулун-Буира; данные о встрече делегатов с российским консулом В. Ф. Люба и описание его реакции на факт присоединения Хулун-Буира к Внешней Монголии; наконец, сказано о разочаровании правителя Хулун-буира — Шенфу, осознавшего зависимость Хулун-Буира от зависимой, в свою очередь, Внешней Монголии и т. д. Анализ содержания последнего листа рукописи позволяет заключить, что часть хулунбуирского чиновничества, близкого к маньчжурам, выражала открытое недовольство сложившейся ситуацией. Автор статьи предполагает, что часть даурских чиновников, в отличие от баргутов, искренне уверовавших в создание единого Монгольского государства, склонялись к восстановлению маньчжурской династии и были недовольны неясным будущим Хулун-Буира.

Ключевые слова: источник; Хулун-Буир; Внешняя Монголия; Дамдинсурун; Шенфу; Хутухта; делегация.

1 Исследование выполнено в рамках государственного задания «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства».

1. Введение

Синьхайская революция 1911 года привела к крушению незыблемую прежде Цинскую империю и стала фактором усиления сепаратистских тенденций в отдельных национальных регионах, ранее подвластных империи. Так, в конце 1911 года Внешняя Монголия во главе с буддийским лидером Богдо-гэгэном VIII (другие имена: *Хутухта, Богдо-хан*) провозгласила свою независимость. Однако преемница Цинской империи — Китайская Республика — отказалась признавать ее суверенитет, наделив правами широкой автономии. С другой стороны, Российская империя и далее СССР стремились к усилению своего влияния в этом регионе. Из истории известно, что проблема независимости Внешней Монголии на несколько десятков лет стала камнем преткновения в политических взаимоотношениях Российской империи / СССР и Китайской Республики и была окончательно разрешена в пользу независимой Монгольской Народной Республики в октябре 1945 года, после окончания Второй мировой войны. В то время это был один из редких примеров разрешения ситуации образованием государства — реального актора международных отношений.

В большинстве случаев в результате распада полиэтничных империй / государств появляются недолговечные государственные образования, которые в силу разных причин вновь оказываются в составе обновленного, но по сути прежнего государства. Одним из таких государственных образований в свое время был Хулун-Буир (ныне городской округ Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия КНР), провозгласивший независимость в 1912 году. Дальнейшая история Хулун-Буира, включая его возвращение в состав Китайской Республики в 1920 году, достаточно хорошо известна. Тем не менее история обретения независимости, несмотря на исторически хорошо обозримый период и существование разноязычных источников, продолжает обрастать новыми, в первую очередь архивными, деталями.

Одним из интересных архивных источников по проблеме независимости вышеназванного региона является «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира». Этот документ хранится в Государственном архиве Иркутской области [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, 8 л.], представляет собой неполную рукопись, возможно, черновой вариант научной работы или отчета. Записи сделаны карандашом, на последнем (шестом) листе они местами утрачены вследствие порчи бумаги. Очевидно, что исходный текст был гораздо большего объема, нежели его сохранившаяся часть. Автор рукописи неизвестен. По всей видимости, им был представитель интеллигенции или чиновник, чьи обязанности или интересы включали изучение современной ситуации в Хулун-Буире. Дату напи-

сания рукописи можно предварительно определить, как 1915 год. Между тем в архиве дело ошибочно датировано 1872 годом. Можно предположить, что в силу различных обстоятельств маленькая по объему рукопись о Хулун-Буире могла оказаться в кипе архивных материалов за 1872 год. С другой стороны, указание на 1872 год, возможно, было связано с другими работами автора рукописи, датированными этим годом. Хотя, как нам сейчас кажется, могла иметь место техническая погрешность архивистов, которые датировали документ исходя из отчетливо прописанной даты — 1872 года — в начале 5-го листа работы.

Перейдем собственно к анализу текста рукописи. В верхней части первого листа имеется запись «газет Монголун сонин бичик». Здесь, очевидно, из-за порчи бумаги утрачен стоявший впереди словосочетания предлог «из». Таким образом, запись была следующей: «из газет Монголун сонин бичик». Из этого можно сделать вывод, что автор в написании своей работы использовал материалы указанной газеты, издававшейся русскими в начале XX века в Харбине [Пайчадзе, 1997, с. 51—56]. Известно, что она издавалась на старописьменном монгольском языке. А. В. Бурдуков писал в ноябре 1910 года В. Л. Котвичу, что многие монголы просили у него эту газету, очень интересовались ею. В результате в 1912 года Бурдуков привлек уже около 10 подписчиков на «Монголун сонин бичик» [Даревская, 1963, с. 206]. Газета, как мы видим, пользовалась успехом во Внешней Монголии. Вероятно, читали ее и во Внутренней Монголии, где, к слову сказать, старописьменный монгольский язык сохранился и по сей день. Возвращаясь к нашему источнику, с большой долей уверенности предположим, что анонимный автор в написании своей работы использовал некоторые номера вышеуказанной газеты.

2. Вопрос о статусе Хулун-Буира после восстания 1912 года: неопределенность ситуации и начало поляризации взглядов чиновничества

Рукопись начинается с предложения, в котором очевидно отражена вся суть последующего повествования: «В прошлом году, после того как Ургинское правительство, после состоявшегося уже официального присоединения Хулунбуира к владениям Хутухты, вдруг отказалось от своего намерения ввести эту область в состав независимой Монголии, правление в Хулунбуире стало не прочным и у правителей области начались разногласия по самому малейшему поводу» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Речь идет о событиях после 1912 года, когда население Хулун-Буира, свергнув китайские власти, решило присоединиться к богдо-гэгэновской Монголии. Известно,

что первоначально все шло хорошо, и есть данные о вхождении Хулун-Буира в состав Внешней Монголии, где он и находился до Кяхтинской конференции 1915 года [Atwood, 2002, p. 121]. В связи с этим интересна трактовка автора относительно объединения двух монгольских регионов, указывающая, с одной стороны, на официальное присоединение Хулун-Буира, а с другой — на отказ от включения региона в состав Внешней Монголии. По его мнению, такова была позиция монгольского правительства. Неопределенная ситуация с вхождением в состав Внешней Монголии не могла не вызвать разногласий среди чиновников Хулун-Буира. Как далее отмечает автор, расхождения во взглядах были довольно серьезные: «Одни стали явно на сторону прежнего своего покровителя Китая и начали восхищать его “мудрое” правление, от которого население Хулунбуира столько веков благоденствовало, другие по-прежнему оставались верными идее объединения Монголии и указывали на колебание Ургинского правительства, как на явление временное и вынужденное политическими комбинациями; последние стали призывать к солидарности и рисовали последствия, которые прочат(?) Хулунбуиру при разделении власти в управлении Ургой» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Конец предложения не совсем понятен нам, не удалось разобрать написанное автором. Тем не менее из данного предложения можно сделать вывод о наличии в среде хулун-буирского чиновничества двух полярных точек зрения на происходящие события. Таким образом, первый абзац рукописи посвящен актуальности темы исследования и может быть трактован как введение или вводная часть статьи.

После вводной части автор переходит к истории «хулунбуирского вопроса»: «…в начале 1912 года после нескольких стычек у города Лубинфу (около ст. Маньчжурия) хулунбуирские монголы объявили себя независимыми от Китая и во главе с бывшим угурдой Шенфу установили в области самостоятельное управление» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Вышеуказанные события достаточно хорошо рассмотрены в исторической науке [Базаров, 2002, с. 10—11; Тарасов, 2013, с. 51—52], можно отметить соответствие сведений архивного источника с другими официальными данными. Между тем можно утверждать, что в тексте нет сведений о факте захвата восставшими монголами в 1912 году административного центра региона — года Хайлар и изгнания китайских властей из города. Упор в работе сделан на столкновения у города Лубинфу, которые и явились решающими в деле обретения независимости. Не отмечена в рукописи помощь российских военных, которая имела большое, если не решающее значение в исходе вооруженного противостояния монголов и китайцев. По некоторым данным, во время перестрелки у Лубинфу был убит русский офицер 15-го

стрелкового полка Каплинский, выступивший с баргутами добровольцем. Оружие баргутам было роздано бурятским деятелем Ц.-Е. Цыдыповым в Маньчжурии ночью перед выступлением [АУФСБ по РБ, д. 7536, л. 153].

Интересные сведения даны о новом правителе Хулун-Буира — Шенфу, который назван «бывшим угурдой». Над словом «угурда» сделана ссылка в виде буквы «х» и внизу страницы указано, что «угурда — от маньчжурского «ухэрида» — полковник. Там же отмечено, что Шенфу около 1908 года был помощником китайского фудутуна (губернатора Хулунбуира)» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Это обстоятельство согласуется с воспоминаниями внука Шенфу — Соелжава, который указывал, что в 1908 году впервые управляющим Хулун-Буира (монг. «Хулунбуйрын захирагч») стал выходец из монголов — Шенфу. Сын простых скотоводов, научившийся писать, отмечая буквы на песке, он сумел дослужиться до высокой должности самостоятельно. Шенфу прошел путь от писаря канцелярии до амбаня Хулун-Буира и пользовался большим уважением в народе [Qosokava, 2015, c. 19—20].

3. Первые делегации Хулун-Буира во Внешнюю Монголию в 1912 году: состав, время пребывания и результаты переговоров с Богдо-гэгэном и генеральным консулом Российской империи в Урге В. Ф. Люба

К малоизвестным в отечественном монголоведении данным относится отмеченная в источнике поездка в Ургу из Хулун-Буира влиятельного ламы Лобсанчжамба — выходца из новых баргутов, которого анонимный автор называет первым посланцем для зондирования почвы насчет присоединения Хулун-Буира к Халхе. Отмечается, что Лобсанчжамба был встречен очень радушно и давал из Урги благоприятные сведения. Дата поездки неизвестна, но есть указание, что в конце января (очевидно, речь идет о 1912 годе) по указанию Хутухты он был награжден шелковым олбоком (квадратным ковриком для сиденья) [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1], считающимся весьма почетной наградой в среде буддийского духовенства. Можно предположить, что поездка Лобсанчжамбы в Ургу могла состояться в начале января 1912 года. Данные о награждении указанного ламы шелковым олбоком (монг. *торгон дэвсгэр*) от имени Богдо-хана сохранились в монгольских архивных документах. Там же отмечается, что Лобсанчжамба имел духовные звания гелуна и рабчжамбы, относился к сплошному белому знамени новых баргутов [Монголчуудын, 2014, с. 98]. В целом буддийское духовенство Хулун-Буира было за присоединение региона к Внешней Монголии. В частности, монастырь Өлзий Энхжүүлэгч, являвшийся центром буддизма в Новой

Барге, весной 1912 года изъявил желание следовать уставу и порядку, установленному Богдо-гэгэном [Мягмарсамбуу, 2017, с. 48].

Поездка ламы Лобсанчжамбы в целом увенчалась успехом, и, как далее отмечено в источнике, «монголы стали склоняться на сторону Халхи и весною того же года созвали было правителей хошунов с выборными от народа на совещание, в результате которого было составлено посольство в Ургу к Хутухте с просьбой о подданстве» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Здесь можно обнаружить некоторое несоответствие в хронологии, поскольку далее отмечено, что «посольство прибыло в Ургу 6 февраля 1912 года и в апреле было принято на аудиенции Хутухтой» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Факт прибытия делегации Хулун-Буира в Ургу 6 февраля 1912 года, надо думать, указан точно и сомнению не подлежит. Тогда, что же означает «совещание, созванное весной»? На наш взгляд, в работе приведен дословный перевод со старописьменного монгольского языка, где под весной подразумевалось наступление этого сезона и соответственно начало нового года согласно традиционному восточному (лунному) календарю. Каждый год он выпадает на разные дни января-марта. В нашем случае, можно предположить, что весна и новый год в 1912 году наступили до 6 февраля, возможно, в январе. Поэтому в работе говорится о весне по традиционному лунному календарю, хотя на деле события могли происходить зимой, в январе.

В состав делегации входили командир 3-го сумуна белого ново-монголо-бурятского знамени, сумуну-цзангин (есаул, капитан) Дамдинсурун, ставший во главе посольства; старшины Чжангца, Паданга, Яндабу (или Ямбалту), Бодигэрэл и писарь Гуйсаху [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Эти данные о составе делегации коррелируют с опубликованными документами из Монгольского национального архива. Так, в указе Богдо-хана от 11 февраля 1911 года отмечены следующие делегаты: «Дамдинсурэн, Цэгц, Бадаахин, Янтавуу, Бодьгэрэл, писарь Гайхасу» [Монголчуудын, 2014, с. 97]. Как мы видим, русские и монгольские написания личных имен делегатов имеют некоторые различия; но все же можно понять, что речь в них идет об одних и тех же лицах. Далее анонимный автор отмечает, что по поводу писем Дамдинсуруна Богдо-ханом выражено было одобрение и обнародован был указ о принятии в подданство хулунбуирских монголов. При этом правитель Хулунбуира Шенфу был возведен в княжеское достоинство 3-й степени бэйлэ; Дамдинсурун был пожалован титулом графа (гуна) с назначением советником министерства иностранных дел; Чжангца (или Чжанчжин) и другие старшины получили чины 5-й степени, а Гуйсаху — чин 4-й степени [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. В работе подчеркивается, что известие о принятии Хулун-Буира в состав Внешней

Монголии было принято населением Халхи и Хулун-Буира с восторгом, и сам правитель Шенфу, назначенный тем же указом Хутухты генерал-губернатором Хулун-Буира, стал готовиться к отъезду в Ургу для выражения признательности от себя и народа за оказание милости.

Тем временем, как повествуется в источнике, события в Урге приобрели несколько неожиданный для делегатов поворот. Дело в том, что посольство Дамдинсуруна встретило противодействие своим стремлениям со стороны генерального консула Российской империи в Урге В. Ф. Люба. В марте 1912 года делегаты от Хулун-Буира во главе с Яндабу явились к нему в поисках выражения сочувствия и поддержки в вопросе присоединения Хулун-Буира, но получили отрицательный ответ. Делегатам было заявлено, что российское правительство в этом вопросе какого-либо содействия или поддержки оказывать не намерено. Таким образом, последовавший в апреле указ Хутухты о присоединении Хулун-Буира вступил в противоречие с заявлением российского консула, который признать этот акт отказался [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3]. Позиция России в вопросе о Хулун-Буире для делегатов была не совсем понятной, учитывая ранее предоставленную ей военную помощь зимой 1912 года в деле взятия крепости Лубинфу. Очевидно, уже именно после встречи с генеральным консулом В. Ф. Люба у делегатов и впоследствии у чиновничества Хулун-Буира зародилось чувство некоторого разочарования и неопределенности. Дело, конечно, было не в генеральном консуле; В. Ф. Люба характеризуется некоторыми авторами как скромный и честный служака, милый и остроумный человек [Григорьев, 2010, с. 34], а в официальной позиции российского правительства, пытавшегося найти лучшее для России решение в сложившейся ситуации. Общеизвестно о ней стало в июне 1912 года, когда министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов высказался против присоединения Барги к Монголии [Мягмарсамбуу, 2017, с. 66].

Неопределенность вызвала разочарование Шенфу, который, по данным источника, прибыл в Ургу 7 июля 1912 года для выражения верноподданнических чувств и был осыпан милостями и получил инструкции монгольского правительства по управлению страной. По замечанию Шенфу, «положение Хулунбуира, зависимого от зависимой в свою очередь Халхи, один лишь пустой звук, т. к. от его просьбы о соответствующей помощи страной, как духовной, так и материальной, остались не зафиксированы ни каким жестом со стороны монгольского правительства» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3]. Шенфу в своих высказываниях был очень прозорлив. Как известно, российский дипломат И. Я. Коростовец осенью 1912 года наотрез отказался рассматривать вопрос о Хулун-Буире на российско-мон-

гольских переговорах [Батсайхан, 2009, с. 69]. С другой стороны, выражение «зависимая Халха» (или Внешняя Монголия), которое еще можно понять как «автономная Монголия», ныне может быть оспорено современными исследователями. Есть мнение, что монголы того времени трактовали переведенные с китайского источника слова «самоопределение» и «самостоятельность» как «независимость» [Тачибана, 2019, с. 124—125]. По данным Н. Хишигт, Внешняя Монголия провозгласила свою независимость до провозглашения Китайской Республики [Хишигт, 2011, с. 26]. Можно констатировать, что ситуация в целом была сложной и неоднозначной. Внешняя Монголия находилась в начале пути к обретению статуса признанного де-юре суверенного государства.

4. «…Прозванные баргутами за свою лихость, отвагу и крайнюю свирепость»: о вкладе баргутских военных формирований во главе с Дамдинсуруном в военных действиях между Внешней Монголией и Китаем в 1912—1915 годах

Непростая обстановка, сложившаяся вокруг статуса Внешней Монголии и Хулун-Буира, была осложнена военными действиями между Внешней Монголией и Китаем в 1912—1915 годах, известными в монгольской истории как «Таван замын байлдаан» (Сражения по пяти направлениям). Так, в источнике имеются следующие записи: «Между тем на юг, юго-восток и запад началась партизанская война Монголии с Китаем, с заметным успехом монголов. Дамдинсурун во главе немногочисленного отряда монгольских чинов … (? слово не понято нами. — *Б. Ц.*), будучи отправлен на запад, взял 8 августа того же года штурмом китайскую крепость Кобдо. На востоке, в княжестве Чжасакту вана Удая поднялось поголовное восстание; масса китайских поселенцев была разорена до основания, и китайцы изгнаны. И эти успехи монголов заставили правителей Хулунбуира верить в лучшее будущее и поддерживать свое самоуправление хотя бы собственными силами» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3—4]. Далее анонимный автор отмечает отправку докладов по управлению регионом в Ургу на утверждение; указы Богдо-хана, направленные Шенфу, в частности, распоряжение о представлении подробного перечня всех доходов, получаемых в Хулун-Буире [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 4]. Информация об указах Богдо-хана (о назначении чиновников; наказаниях за разбои и грабежи) от 14 и 15 августа 1914 года имеется и в монгольских архивных материалах [Монголчуудын, 2014, с. 107, 110—111]. Таким образом, можно говорить об отдельных официальных фактах начавшейся социально-экономической интеграции региона в состав Внешней Монголии.

Особое внимание в источнике уделено выдающимся способностям хулунбуирских монголов в военном деле: «Имея знаменную организацию, войска эти всегда находились под знаменами, вели обучение и были строго дисциплинированы. На них не раз опиралась маньчжурская династия, и там, где не имели успеха прочие правительственные войска, там блестяще выполняли свой долг «баргуты», прозванные в империи Китая так за свою лихость, отвагу и крайнюю свирепость (например, усмирение дунган в 1872 года) [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 4—5]. Заметим, что этноним *барга* (самоназвание баргутов) восходит к средневековой истории тюрко-монголов, поэтому к XIX веку он уже имел тысячелетнюю историю.

Развивая свой тезис о качестве баргутских войск, автор указывает, что монгольское правительство стало на них рассчитывать, как на опору в будущем. Так, в источнике отмечено: «В Хулунбуир было послано оружие и боевые припасы, для возбуждения рвения и интереса к делу посыпались всевозможные поощрения и награды рядовым старшинам знамен и их помощникам с титулами: цзорикту (смелый, решительный), багатур (богатырь, герой), идэрхик (сильный, могущественный) и т. д., вплоть до титула князей 2-й степени цзюньванов». Подробно также описаны титулы и должности Дамдинсуруна в период с 1912 по 1914 гг. [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 5]. Вышеотмеченные факты находят подтверждение в монгольских источниках. Так, известно, что более десяти баргутских воинов, прославившихся во время взятия Кобдо и в военных действиях с Китаем, были удостоены звания народных героев Монголии [Мягмарсамбуу, 2017, с. 60]. По другим данным, почетным званием от Богдо-гэгэна были награждены пять баргутских воинов [Ганжуурдалайн, 2016, с. 24]. Выделяя Дамдинсуруна, анонимный автор пишет, что в феврале 1913 года монгольские и российские дипломаты прочили ему должность военного министра. Особенно настаивал на этом приехавший в Ургу для заключения договора российский уполномоченный И. Я. Коростовец. По его мнению, Дамдинсурун хорошо знал военное дело и выделялся командирскими способностями на фоне других [Коростовец, 2004, с. 308]. Как известно, он был назначен первым советником военного министра и заместителем министра иностранных дел Внешней Монголии [Ванчикова и др., 2017, с. 182].

5. Причины противодействия даурских чиновников Хулун-Буира интеграции региона с Внешней Монголией

Работа обрывается на шестом листе, где сохранились лишь два предложения и далее можно разобрать отдельные словосочетания: «Тем не менее,

недоверие населения Хулунбуира к мощи Халхи стало расти и недовольство фиктивной зависимостью стало распространяться особенно среди более близкого по своему родству к маньчжурам элемента. После объявления независимости Хулунбуира помощником правителя Шенфу был избран наиболее влиятельный угурда из племени да… (край листа оборван, по всей видимости, написано — даур или дагур. — *Б. Ц.*) по фамилии Ань. Он составил…недовольных главным образом…ганских племен (или хошунов) и …1913 года прибыл в Харбин… примирение с Китаем… Ань стал просить…» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 6]. Очевидно, речь здесь идет о противоречиях между даурами и баргутами. Дауры долгое время считались тунгусо-маньчжурским народом, стоящим близко к маньчжурам. Шенфу и другие чиновники Хулун-Буира — выходцы из дауров имели привилегированное положение в период правления Цинской династии. Теперь, осознавая свое шаткое положение, они стали искать наиболее приемлемое в их ситуации решение.

Из источников известно, что большую роль в переменах политического курса Хулун-Буира в 1912—1915 годах и в последующие годы играли противоречия между даурами и баргутами. Так, в 1917 году российский вице-консул в Хайларе поддерживал старо-баргутское влияние в делах управления Хулун-Буира, чтобы создать противовес влиянию дауров; выяснял взгляды ново-баргутов на этот счет [АВПРИ, ф. 299, оп. 573, д. 3, лл. 29, 98]. Императорский посланник России в Китае выступал за признание фудутуном Хулун-Буира гун-амбаня Аня [АВПРИ, ф. 299, оп. 573, д. 3, л. 19], о котором шла речь выше, в анонимной рукописи. Как сообщал современник тех событий, вся власть в Хулун-Буире находилась в руках дауров [АУФСБ по РБ, д. 7536, л. 155]. Даурская знать приняла активное участие в подготовке вооруженного восстания. Ей не были чужды идеи всемонгольского национально-освободительного движения. Но в то же время другой веской причиной участия дауров в восстании 1912 года была замена института амбаней на администрацию фудутуней и даотаев в 1905—1909 годах, в результате которой региональные чиновники лишились своих должностей. Поэтому ликвидация новых китайских властей для них означала возврат к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановление в утраченных должностях [Цыбенов, 2017, с. 203]. Не последнюю роль в последующих политических колебаниях даурской верхушки сыграли и политические интриги, связанные с вероятным восстановлением авторитета и власти Цинской династии. Дауры, начиная со второй половины XVII века, состояли в тесных отношениях с маньчжурами; их называли *ичэ манжа* (вторые маньчжуры).

6. Заключение

Таким образом, описанный источник — рукопись «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», хранящаяся в Государственном архиве Иркутской области, — несмотря на неполный объем рукописи, все же представляет собой уникальный документ, в котором сохранились ценные сведения о посольстве Хулун-Буира в Ургу в 1912 году. Многие детали источника, как и его автор, остаются неизвестными. Тем не менее информация, представленная на 6-ти неполных листах, раскрывает перед нами интересную картину установления политических взаимосвязей между двумя монгольскими регионами, объявившими в 1911—1912 годах независимое положение от Китая. Ряд упоминаемых в источнике фактов (поездка ламы Лобсанчжамба в Ургу, встреча делегации Хулун-Буира с российским консулом В. Ф. Люба), на наш взгляд, впервые находят отражение в отечественном монголоведении.

Источники и принятые сокращения

АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Лл. 19,29, 98.

АУФСБ по РБ — *Архив* Управления Федеральной службы безопасности по Республике Бурятия. Д. 7536. Лл. 153, 155об.

ГАИО — *Государственный* архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 6.

Литература

1. *Базаров Б. В.* Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2002. — 67 с.

2. *Батсайхан О.* Русско-монгольское соглашение 1912 года / О. Батсайхан // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. — 2009. — № 3. — С. 60—69.

3. *Ванчикова Ц. П.* Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности / Ц. П. Ванчикова, С. Б. Миягашева // Гуманитарный вектор. —2017. — Т. 12, № 4. — С. 179—189. — DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189.

4. *Ганжуурдалайн Ц.* Страницы истории барга-монголов / Ц. Ганжуурдалайн // Регион в приграничном пространстве : материалы междунар. науч. конф. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2016. — С. 22—27.

5. *Григорьев Б. Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке / Б. Н. Григорьев. — Москва : Молодая гвардия, 2010. — 519 с.

6. *Даревская Е. М.* Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) / Е. М. Даревская // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник VI. — Москва : Издательство восточной литературы, 1963. — С. 187—217.

7. *Дуутан Ж. Гэрэлбадрах.* Монголчуудын нэгдсэн улс байгуулахын төлөөх тэмцэл (1911—1915). Т. I. / Гэрэлбадрах Ж. Дуутан. — Улаанбаатар : «Адмон» хэвлэлийн газар, 2014. — 376 с.

8. *Коростовец И. Я.* От Чингис-хана до Советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени) / И. Я. Коростовец. — Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. — 560 с.

9. *Мягмарсамбуу Г.* Бүс нутаг, Монголын түүхэн дэх Барга: улс төрийн түүх (1900—1960 он) / Г. Мягмарсамбуу. — Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2017. — 338 с.

10. *Пайчадзе С. А.* О русской книге в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Дальний Восток / С. А. Пайчадзе // Вестник Омского университета. — 1997. — Вып. 4. — С. 51—56.

11. *Тарасов А П.* Исторические судьбы Барги и Забайкалье / А. П. Тарасов // Азия и Африка сегодня. — 2013. — № 4. — С. 50—55.

12. *Тачибана М.* Правительство автономной Внешней Монголии в истории: оценки в прошлом и настоящем / М. Тачибана // Труды Института востоковедения Российской академии наук. Вып. 25 : Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. — 2019. — С. 121—142.

13. *Хишигт Н.* Восстановление независимости Монголии в 1911—1921 гг. / Н. Хишигт // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2011. — № 3. — С. 19—35.

14. *Цыбенов Б. Д.* К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911—1917) / Б. Д. Цыбенов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : БГУ, 2017. — С. 201—210.

15. *Atwood C. P.* Young Mongols and vigiliantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911—1931 / C. P. Atwood. — Brill, 2002. — 1168 p.

16. *Qosokava G.* Kelmegdegülelte-ber šorong-du 34 jil / G. Qosokava. — Diyan Ma keblel-ün kijaγartu kompani keblebe, 2015. — 378 p.

A new Source on the Relationship between Hulun Buir and Outer Mongolia in 1912—1915[1]

© Bazar D. Tsybenov (2021), orcid.org/0000-0002-0404-7207, PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher, Department of History and Culture of Central Asia, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation), bazar75@mail.ru.

A little-known source — the manuscript "Historical information on the fragility of the political situation of Hulunbuir", stored in the State Archives of the Irkutsk region is considered. Description of the manuscript, clarification of its dating, determination of the probable source base was performed by the author of the article. A comparative analysis of the historical facts presented in the manuscript was carried out. It was found that in the first two sentences the anonymous author outlined the essence of the uncertain situation that developed with the annexation of Hulun Buir to Outer Mongolia in 1912. Other components of the text are characterized: little-known information about the trip to Urga of the Bargut lama Lobsanchjamba and then about the visit of the delegation of Hulun-Buir; data on the meeting of the delegates with the Russian consul V. F. Lyuba and a description of his reaction to the fact of the annexation of Hulun-Buir to Outer Mongolia; finally, it is said about the disappointment of the ruler of Hulun-Buir — Shenfu, who realized the dependence of Hulun-Buir on the dependent, in turn, Outer Mongolia, etc.

1 Исследование выполнено в рамках государственного задания «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства».

An analysis of the contents of the last page of the manuscript allows us to conclude that part of the Hulunbuir officials, close to the Manchus, expressed open dissatisfaction with the situation. The author of the article suggests that some of the Daurian officials, unlike the Barguts, who sincerely believed in the creation of a unified Mongolian state, tended to restore the Manchu dynasty and were unhappy with the unclear future of Hulun Buir.

Key words: source; Hulun Buir; Outer Mongolia; Damdinsurun; Shenfu; Hutukhta; delegation.

Material resources

AVPRI — *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [Archive of the foreign policy of the Russian Empire]. (In Russ.).

AUFSB po RB — *Arkhiv Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti po Respublike Buryatiya* [Archive of the Office of the Federal Security Service for the Republic of Buryatia]. (In Russ.).

GAIO — *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [State Archives of Irkutsk Region]. (In Russ.).

References

Atwood, C. P. (2002). *Young Mongols and vigiliantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911—1931*. Brill. 1168 p.

Batsaykhan, O. (2009). Russko-mongolskoe soglashenie 1912 g. [Russian-Mongolian agreement of 1912]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva : istoriya i sovremennost'* [East. Afro-asian societies: history and modernity], *3:* 60—69. (In Russ.).

Bazarov, B. V. (2002). *Neizvestnoe iz istorii panmongolizma* [Unknown from the history of Panmongolism]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 67 p. (In Russ.).

Darevskaya, E. M. (1963). Aleksey Vasilievich Burdukov (O roli russkikh poselentsev v izuchenii Mongolii) [Alexey Vasilievich Burdukov (On the role of Russian settlers in study of Mongolia)]. In: *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya* [Essays on the history of Russian oriental studies]. Moskva: Izdatelstvo vostochnoy literatury. *6*: 187—217. (In Russ.).

Duutan, Zh. Gerelbadrakh. (2014). *The struggle of Mongolians for a united state (1911—1915)*. Ulaanbaatar: «Admon» khevleliyn gazar. 1. 376 p. (In Mongol.).

Ganzhuurdalayn, Ts. (2016). Stranitsy istorii barga-mongolov [Pages of history of the Barga Mongols]. In: *Region v prigranichnom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Region in the border space: international scientific conference]. Chita: Izd-vo ZabGU. 22—27. (In Russ.).

Grigoryev, B. N. (2010). *Povsednevnaya zhizn' tsarskikh diplomatov v XIX veke* [Everyday life of royal diplomats in the 19th century]. Moskva: Molodaya gvardiya. 519 p. (In Russ.).

Khishigt, N. (2011). Vosstanovlenie nezavisimosti Mongolii v 1911—1921 gg. [Restoration of Mongolian independence in 1911—1921]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the BSC SB RAS], *3:* 19—35. (In Russ.).

Korostovets, I. Ya. (2004). *Ot Chingis-khana do Sovetskoy respubliki (kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchetom noveyshego vremeni)* [From Genghis Khan to the Soviet Republic (a brief history of Mongolia with special regard to modern times)]. Ulan-Bator: Emgent. 560 p. (In Russ.).

Myagmarsambuu, G. (2017). Barga in the history of the region and Mongolia: political history (1900—1960 on). Ulaanbaatar: Soembo printing. 338 p. (In Mongol.).

Paychadze, S. A. (1997). O russkoy knige v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. Dalniy Vostok [About the Russian book in the Asia-Pacific region. Far East]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], *4:* 51—56. (In Russ.).

Qosokava, G. (2015). *Kelmegdegülelte-ber šorong-du 34 jil.* Diyan Ma keblel-ün kijaγartu kompani keblebe. 378 p. (In Old Mongolian).

Tachibana, M. (2019). Pravitelstvo avtonomnoy Vneshney Mongolii v istorii: otsenki v proshlom i nastoyashchem [The significance of Outer Mongolia's Autonomous Government in Mongolian history: past and present estimations]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk. Vyp. 25: Institut Bogdo-gegena v istorii Mongolii* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, issue 25: the BogdGegeen Institution in the History of Mongolia]. 121—142. (In Russ.).

Tarasov, A P. (2013). Istoricheskie sud'by Bargi i Zabaykalye [Historical fate of Barga and the Transbaikal]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], *4:* 50—55. (In Russ.).

Tsybenov, B. D. (2017). K izucheniyu istorii daurov Khulun-Buira (1911—1917) [History of daur people in Hulun-buir (1911—1917)]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: BGU. 201—210. (In Russ.).

Vanchikova, Ts. P., Miyagasheva,S. B. (2017). Letopis' O. Amarzhargala «O proiskhozhdenii i istoricheskom razvitii barga-buryat» kak istochnik interpretatsii etnicheskoy istorii traditsionnoy kultury barga-buryatskoy obshchnosti [Chronicle by O. Amarjargal "On the origin and historical development of the Barga-buryats" as a source of interpretation of ethnic history and traditional culture of the Barga-buryats]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector], *12 (4):* 179—189. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189. (In Russ.).

Яблонская О. В. Английские финансисты середины XIV века : особенности и результаты деятельности / О. В. Яблонская // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 436—452. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-436-452.

Yablonskaya, O. V. (2021). English Financiers of the Middle of the XIV Century: Features and Results of Activity. *Nauchnyi dialog, 2:* 436-452. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-436-452. (In Russ.).

УДК 94(410).03
DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-436-452

Английские финансисты середины XIV века: особенности и результаты деятельности

© **Яблонская Ольга Васильевна (2021),** orcid.org/0000-0002-5479-5561, кандидат исторических наук, доцент, Арзамасский филиал, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), Oyablonskii@yandex.ru.

В статье через призму анализа деятельности известных представителей торгово-финансового слоя Англии рассматриваются особенности экономического и политического развития страны второй трети XIV века. Представлены результаты исследования документальных, нарративных источников, а также современной научной литературы. Отмечается, что процесс накопления капитала английскими купцами ускорился в условиях Столетней войны. Указываются особенности развития торговли, кредита, таможенной службы. Анализируются отношения королевских финансистов с парламентом и широким торговым слоем. Рассматривается участие влиятельных купцов в финансировании военных кампаний, проводимых Эдуардом III в континентальной Европе. Особое внимание уделяется У. де ла Полю и Дж. Поутни, являвшимся лидерами купечества. Исследуются причины банкротства компаний откупщиков во второй половине 1340-х годов. Затрагиваются судебные процессы против У. де ла Поля, Дж. Поутни, У. Чиритона и Т. Суэнленда. Показано, что банкротства и аресты королевских ростовщиков были вызваны сложностью выполнения государственных задач. Сделан вывод, что экономические и политические успехи Англии были достигнуты во многом благодаря богатому купечеству.

Ключевые слова: У. де ла Поль; Англия; Эдуард III; Столетняя война; торговля, кредит.

1. Введение

XIV век был переломным столетием в английской истории. Это время формирования в недрах феодализма рыночного хозяйства. Достижения были очевидны: из отсталой, подчиненной иностранному капиталу, страна превращается в сильнейшее государство Европы. Историки, отмечая успехи британского купечества в XIV—XV веках, используют термин *challenge*. Начало этого процесса приходится на Эдвардианский период Столетней войны (1337—1360).

Блистательные победы Англии над европейской соперницей — Слейсе, Креси, Пуатье — дались большой ценой и осуществились благодаря хорошей организации. Ударной силой английской армии были йомены, имевшие на вооружении «большие луки», их натиск не выдерживали ни рыцарская конница французов, ни даже генуэзские арбалетчики. Но этих бойцов необходимо было подготовить, переправить на место сражений. Таким образом, Эдуарду III для осуществления задуманного нужны были не только талантливые стратеги, отважные полководцы; не меньше ему требовались помощники, которые могли бы обеспечить военные экспедиции оружием, кораблями, провиантом, деньгами.

Купцы умело использовали конъюнктуру военного времени для накопления собственного капитала, а также предложили эффективные средства в решении задач материального обеспечения армии и флота. Война выявила незаурядных организаторов, сведущих в ремесле, торговле, финансах, с деловыми связями европейского масштаба. А. Пиренн справедливо заметил, что тогда торговля способна была «дать громадный капитал тем, счастью которых еще содействовали энергия и ум» [Пиренн, 1941, p. 60]. Эдуард III окружил себя самыми талантливыми бизнесменами того периода. Но путь купцов на олимп успеха был труден, далеко не всем удалось на нем удержаться, многим королевским ростовщикам пришлось пережить монаршую опалу, конфискацию имущества, тюремное заключение.

2. «Любимый» и «преданный» купец короля Уильям де ла Поль

Томас Бертон, летописец XIV—XV веков, называет «первым купцом» Англии Уильяма де ла Поля [Burton, 1868, p. 48]. История Уильяма и его семьи — это одна из самых ярких историй успеха средневековой Британии. Торговец из северо-восточного портового города Кингстон на реке Халл (Гулль) стал бароном казначейства, советником короля, рыцарем, членом парламента. Его сын Майкл, приближенный Эдуарда Вудстока, затем Ричарда II, дослужился до должности канцлера королевства и титула графа Саффолка, а правнук, Джон де ла Поль, граф Линкольн, сын Елизаветы Йоркской, претендовал на монарший трон как ближайший совершеннолетний родственник Ричарда III по мужской линии.

Старший брат Уильяма дослужился до должности королевского виночерпия и назывался «любимым слугой монарха» [CCR I, p. 141]. Первоначальный капитал, образование, деловые связи братья де ла Поль получили от отчима — Джона Ротенхеринга, купца и судовладельца [Harvey, 1957, p. 3—5]. Северный порт играл важную роль в войнах английской короны с Шотландией. Братья де ла Поль занимались заготовками продовольствия

и провианта для армии, обеспечивали двор всем необходимым, предоставляли корабли, укрепляли родной город на случай вторжения противника, финансировали экспедицию, вели переговоры с фламандцами [CCR I, p. 180, 197; CCR III, p. 49—62, 115—122, 482—489]. На эту кампанию братья де ла Поли предоставили 7200 фунтов, причем большая часть кредитов была от младшего брата [Репина, 1979, с. 116].

Ричард, получив должность королевского виночерпия, уехал в Лондон, где продолжил успешно заниматься торговлей и ростовщичеством. Братья разделили между собой имущество и бизнес [Frost, 1827, p. 39—40]. Уильям остался в Халле, помогал молодому королю решать «шотландскую проблему» [CCR III, p. 33, 45, 52, 53, 80, 115, 118]. Его коммерческие дела не ограничивались местными рамками, он торговал на континенте [Fox Bourn, 1866, p. 59], снабжая Англию и королевский двор товарами, очевидно, не в убыток себе [CPR III, p. 566; CCR III, p. 49—62]. В 1335 году Эдуард III поставил его главным смотрителем бирж [CCR III, p. 529].

Особый расцвет деятельность Уильяма де ла Поля приобрела в Эдвардианской период Столетней войны. Средства для ее ведения можно было получить у парламента путем повышения налогов или в виде денежной и натуральной субсидии. Но обращение к палате общин неизбежно вело к политическим уступкам парламенту, к тому же в силу низкой платежеспособности англичан этот источник средств был весьма ограничен и мог привести к широкому недовольству населения. Поэтому Эдуард III предпочитал иметь дело с торговцами, с которыми в обмен на экономические привилегии можно было договориться о предоставлении кредита. Купцы могли взять на себя не только материальную организацию кампаний, но и дипломатическую работу. Война между Англией и Францией приобрела общеевропейский характер, каждая из участниц была заинтересована в привлечении на свою сторону союзников. Особенно важна была позиция фламандской знати, убедить которую можно было «денежным» аргументом. Так, в начале Столетней войны Эдуард III из 200 000 фунтов, которые он рассчитывал получить от купцов, 124 000 фунтов собирался выплатить восьми союзникам Фландрии [Fryde, 1988, p. 57, 91—93].

3. Королевский финансист Джон Поутни

Уильям де ла Поль был «любимым», но не единственным помощником английского короля. К началу Столетней войны в стране была уже группа состоятельных купцов, большинство из которых были из столицы. До «Черной смерти» рельефно выделяется среди сограждан глава Лондона 1330-х годов Джон Поутни, получивший в 1337 году рыцарское звание

[Beaven, 1908, p. 255—260]. К сожалению, ему не суждено было иметь потомков, каких имел У. де ла Поль. Единственный сын умер в 1367 году, не оставив наследников. Сам Джон стал, вероятно, жертвой чумы в 1349 году [Unwin, 1918, p. 179—205].

Но родился Джон не в Лондоне, а в местечке Поутни в Лестере [CW, p. 578—624]. Этот регион славился великолепным сортом длинной шерсти, охотно скупавшейся производителями тканей. Не исключено, что свой первоначальный капитал он заработал на продаже этого высокодоходного товара. В Лондоне он был принят в одну из самых могущественных корпораций — суконщиков, росту доходов которых способствовали принятые Эдуардом III законы, направленные на повышение качества производимых в Англии тканей и экспорт готовых изделий [Statutes, v. I, p. 280—281]. В государственных документах следы его деятельности начинают отражаться с 1310-х годов. Его деловым партнером, а затем и тестем, стал богатый перечник столицы Джон Бифард, мэр Лондона 1316 года [Beaven, 1908, p. 379—404]. Богатый суконщик, поддерживаемый влиятельным тестем, входит в городской нобилитет, его выбирают олдерменом, шерифом, в 1331—1337 — мэром [CW, 392—401; Beaven, 1908, p. 107—112; ML, p. 195—202].

Помимо торговли, Поутни обогащался на ростовщичестве. Уже в 1320-х годах Джон одалживает сотни фунтов, при Эдуарде III он становится одним из главных кредиторов и поставщиков короны, суммы займов увеличились в сотни раз [CCR I, p. 93, 96, 300, 472, 526, 562; CCR II, p. 225, 275, 338, 345; CCR III, p. 311, 321, 322, 413, 416, 432; CCR IV, p. 458, 488]. Как и У. де ла Поль, Поутни помогает молодому монарху в управлении страной, расследует нарушения в торговле, собирает таможенные пошлины в Саутгемптоне, улаживает конфликты с лондонцами. В апреле 1340 года король на проведение военной кампании просит у столичной общины 20 000 фунтов, однако горожане предоставили лишь 5000 марок, что вызвало ярость у «венценосного вымогателя». Отказывать королю было опасно, он мог лишить столицу вольностей, повод для этого можно было найти всегда. Для разрешения противоречий к королю отправили влиятельных горожан, включая Поутни. Делегация смогла смягчить гнев монарха предоставлением денежной помощи [ML, p. 208—211].

Торговля, ростовщичество, таможенный откуп, военные подряды, поставки двору позволили талантливым коммерсантам, таким как Уильям и Джон, сколотить огромные состояния, в залог королевских кредитов шло все, в том числе корона [Sargent, 1918, p. 256—311]. Англия была заложена купцам, заметила Э. Пауэр [Power, 1987, p. 64—65]. Предприимчивые дельцы, помогая Эдуарду, не упустили шанс пополнить семейные сокро-

вищницы за счет суверена. Так, Уильям приобрел королевские усадьбы Барствик в Холдернессе, Уитли и Гринли в Ноттингемшире, принадлежавшие королеве [Burton, 1868, p. 48; Harvey, 1957, p. 43—44]. На протяжении многих лет монарх, используя все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, будет возвращать эти земли любимой супруге [Fryde, 1962, p. 22]. Поутни владел дорогой недвижимостью в разных частях страны [CIPM, p. 166—169]. Его особняки — Пинсхерст плейс, Колд Харбра — в роскоши не уступали королевским дворцам. После смерти купца Колд Харбра являлась резиденцией сначала Эдуарда Вудстока, а затем его сына, будущего короля Ричарда II [Stow, 1908, p. 229—238].

4. Крах «шерстяного» синдиката 1337 года

К началу войны с Францией Эдуард III уже имел выбор среди финансистов — иностранные или собственные оборотистые купцы. Английские торговцы выгодно отличались от иноземцев заинтересованностью не только собственными прибылями, но и экономическим ростом родной страны. Кроме того, монарх, не любивший возвращать долги, нарушением прав банкиров с континента мог спровоцировать международный конфликт, а островные коммерсанты были абсолютно беззащитны перед собственным сувереном. Эдуард III действовал в соответствии с ситуацией, поочередно используя тех и других. Итальянские банкирские компании Барди и Перуцци в первый год войны одолжили 70 000 фунтов. За несколько лет долг достиг огромных размеров, король не спешил его выплачивать, в результате флорентинцы обанкротились: в 1343 году разорились Перуцци, в 1346 году — Барди [Russell, 1918, p. 93—135]. Английские богачи были заинтересованы в переходе доходного ростовщичества в их руки. Весьма символично, что лондонский особняк итальянских банкиров на Ломбард-стрит стал наследственным владением де ла Полей [CPR IV, p. 394; Stow, 1908, p. 200—205].

Способы ведения бизнеса местных коммерсантов первое время мало чем отличались от методов иностранных предшественников. Главный источник дохода они видели в продаже шерсти на континенте. В 1337 году, когда началась война, был организован «шерстяной синдикат», включавший 23 купца, согласившихся предоставить королю 200 000 фунтов за монопольное право на закупку и продажу 30 000 тюков шерсти [CCR IV, p. 141—150; Fryde, 1964, p. 5—6]. Шерсть предполагалось приобретать по цене 5 фунтов за тюк, а продавать за 8—9 фунтов. Руководителем организации был Уильям де ла Поль, а Дж. Поутни являлся одним из основных компаньонов. Саботаж производителей, не желавших продавать свою продукцию по низ-

кой цене, отсутствие необходимого количества денег в стране для закупок, контрабанда шерсти, воровство королевских чиновников, их некомпетентность, сильные дожди осени 1338 года, последовавшая суровая зима и сухое лето, приведшие к гибели большого поголовья овец [Prestwich, 2005, p. 269, 278], не позволили экспортерам собрать нужное количество товара и предоставить королю оговоренную сумму. Казалось бы, продолжение войны было невозможно. Спас монарха купец из Халла. В ноябре 1338 года У. де ля Поль предоставил более 33 000 фунтов, в течение следующего года он вместе с другими купцами кредитовал корону на сумму более 60 000 фунтов [Prestwich, 2005, p. 272]. За период с июня 1338 по октябрь 1339 года он одолжил двору 111 000 фунтов, причем значительную часть денег де ла Полю пришлось занимать у других ростовщиков [Fryde, 1962, p. 17]. Кредиты всех остальных купцов не сопоставимы с его кредитами, Поутни в 1338 году одолжил лишь 3000 фунтов. Кроме финансирования, халлский купец взял на себя заботы снабжения армии, убеждал фламандскую знать выступить против Франции, руководил экспортом шерсти, готовил кампанию в Аквитании, доставляя туда товары для «королевских нужд» и поддержания «верного народа» [CFR, p. 38, 42, 49, 67, 100, 120, 121; CPR III, p. 566; CPR IV, p. 408]. Монарх признавал, что война не закончилась провалом только благодаря «преданному» торговцу из Халла [Fox Bourn, 1866, p. 64—65]. Безусловно, помощь «горячо любимого» купца щедро вознаграждалась. Уильям стал бароном казначейства, он и его семья получили особые льготы [Burton, 1868, p. 394; Fox Bourn, 1866, p. 61]. Кредиты сторицей возвращались через таможенный откуп [CCR I, p. 180, 197; CCR III, p. 573——586, 603—609, 677—684; CPR IV, p. 408—409].

Но как бы ни старался У. де ла Поль, он не смог удовлетворить потребности монарха в полной мере. Осенью 1340 года Эдуард III, разъяренный из-за отсутствия денег на продолжение кампании на континенте, возвращается на остров и приказывает арестовать чиновников и торговцев, виновных, по его мнению, в происшедшем [Burton, 1868, p. 47—48]. Среди арестованных были У. де ла Поль и Дж. Поутни [CCR VI, p. 111; Harvey, 1957, p. 57].

5. Королевские кредиторы 1340-х годов

В 1340—1341 годах, пока У. де ла Поль, Дж. Поутни находились в тюрьме, монарх приближает к себе других купцов, в результате через пару лет список «воротил денежного мира» пополнился. Среди богачей выделялись лондонцы У. Чиритон, Т. Суэнленд, Г. Пэйкард, В. Уэндлинбург, Дж. Уэзенхэм, Т. Мелчборн из Линна.

Треть кредиторов 1340—1341 годов уже состояла в финансовых отношениях с Эдуардом в 1337—1338 годах. Ожидание грядущих баснословных выгод на королевских подрядах и ростовщичестве перевешивало страх разделить печальную судьбу прежних «любимых» купцов. У многих мотивом предоставления займов короне было стремление получить оплату прежних кредитов, больше всего неоплаченных долгов было по «дордрехтской шерсти». В 1337 году Эдуард III, остро нуждавшийся в средствах для выплаты 124 000 фунтов немецким союзникам, изъял в Дордрехте 11 500 мешков шерсти, собранной купцами, выплатив им незначительные суммы и выдав векселя на 65 000 фунтов, покрыть которые обещалось в будущем за счет вывозных пошлин [Репина, 1979, p. 117]. Крупные экспортеры, такие как У. де ла Поль, Дж. Поутни, передали долговые расписки вместе с лицензиями на освобождение от будущих таможенных пошлин своим агентам, остальным же оставалось смириться с банкротством или надеяться на благоприятное стечение обстоятельств и обещание короля. Кредиты 1340—1341 годов предоставлялись под тот же залог, что и предыдущие, — будущие таможенные отчисления. Но надежды ростовщиков вернуть «дордрехтские долги» и получить прибыль с новых кредитов для многих не оправдались. Показательна история йоркширских купцов. «Дордрехтский долг» короля пяти купцам, возглавлявших йоркскую таможню, составлял 2104 марки. Г. Голдбетер и его четверо компаньонов в июле 1340 года предложили увеличить вдвое сумму кредита с возвратом всего долга через продажу шерсти. Но к началу 1341 года они смогли получить только 200 марок из 4208. Товарищество предоставило новый кредит в 1500 фунтов под залог того же товара, но достаточного количества шерсти в 1341 году они так и не получили, процесс возврата кредита затянулся надолго [Tillott, 1961, p. 97—106].

Эдуард III и по моральным, и по прагматическим соображениям искал способы возместить потери купцам. Чтобы расплатиться с ростовщиками и дать им возможность пополнить оскудевшие финансы, в 1341 году заключаются контракты на реализацию 20 000 мешков шерсти, полученной от парламента. Учитывая печальный опыт узкого синдиката 1337 года, вызывавшего раздражение у всего населения, реализацию шерсти распределили между большим количеством торговцев. Подряды на продажу 8631 мешков взяли 23 английских купца, 7 из них заключили частные сделки, а 16 состояли в мелких товариществах. Остальная часть шерстяной субсидии была получена иностранными купцами, союзниками короля или же использовалась непосредственно для военных нужд [Unwin, 1918, p. 205—221]. Цены, по которым купцы реализовывали шерсть, были достаточно высокие, в два раза выше так называемых «ноттингемских цен», утверж-

денных в 1337 году. Но в эти суммы включалась субсидия королю и расходы на страхование от транзитных рисков, которые правительство брало на себя. Чтобы по высоким ценам продать 20 000 мешков «королевской» шерсти, требовалось ограничить вывоз остального сырья, поэтому квазимонополия 1341 года по-прежнему ограничивала возможности выгодного сбыта рядовым производителям товара и торговцам. Как и в 1337 году, в 1341 возникли сложности при заготовке шерсти, купцам с большим трудом удалось собрать большую часть гранта.

В 1341 году началась война за бретонское наследство между графами Блуа и Монфор, ставшая частью Столетней войны. Чтобы найти средства на новую кампанию, в июне 1342 года созывается большое купеческое собрание. Вызвано 142 торговца, включая «дордрехтских кредиторов» и участников синдиката 1337 года. Собрание завершилось заключением соглашения и пошло навстречу широкому кругу купцов: отменялась монополия на торговлю шерстью. Со своей стороны экспортеры согласились на выплату 40-шиллинговой пошлины и установление единого пункта сбора шерсти — Брюгге [CCR VI, p. 553].

Казалось бы, новое устройство покончило с узкой монополией, закупать шерсть могли все, в том числе иностранцы, но под контролем полутора сотен купцов и по ценам не ниже «ноттингемских». Установление брюггского стэпля было платой фламандским союзникам. Первых чиновников стэпля назначал король, но впоследствии он согласился на избрание их сообществом торговцев, с предоставлением им права наказывать нарушителей и получения доли конфискованного товара. Таким образом, главные экспортеры страны стали купцами-стэплерами, фактически была восстановлена монополия на шерстяную торговлю. Собрание купцов в апреле 1343 года снова согласилось на 40-шиллинговую субсидию королю с каждого мешка шерсти с погашением долга через таможню [Unwin, 1918, p. 205—221]. Но ограничение монополии не дало ожидаемых результатов. С увеличением количества экспортеров увеличились и масштабы контрабанды. Фискальные трудности не позволяли собрать нужные суммы королю, в течение пяти лет таможня передавалась с ошеломляющей быстротой от одного королевского ростовщика к другому.

В мае 1342 года был освобожден из тюрьмы «любимый купец», «простивший» монарху долги [CCR VI, p. 536, 656—657]. Дж. Поутни оказался на свободе раньше, уже в 1341—1342 годах Джон помогает королю расплачиваться по кредитам, полученным у лондонцев, Барди, Перуцци, закупает все необходимое для войны, экспортирует шерсть [CCR VI, p. 288, 294, 583, 684]. Сразу после тюремного заключения Уильям оказался на службе

у монарха, хотя официальное прощение было получено только через два года [Яблонская, 2020, p. 500]. В 1343 году Эдуард III одобрил новую торгово-финансовую схему купца из Халла. Синдикат 34 торговцев во главе с Уильямом за предоставленную им монополию на экспорт шерсти и получение таможенных пошлин согласился выплачивать казне ежегодно 10 000 марок в год и 1000 марок каждые 4 недели [CCR VII, p. 266]. Кроме того, участники синдиката дисконтировали «дордрехтские» векселя, скупая их по заниженной цене и получая по ним выплаты с таможен с существенной прибылью. Таким образом, расширенный круг экспортеров шерсти, который был образован в 1342 году, в июле 1343 года был снова заменен узким кругом трех десятков торговцев во главе с тем же У. де ла Полем. Однако через год большинство участников и этой компании разорились, кредитоспособными оказались только 13 членов организации, в том числе Уильям [Яблонская, 2020, p. 500].

Де ла Поль спустя несколько месяцев после организации нового синдиката отстранился от формального лидерства купечества. В 1344 году главой таможенных откупщиков стал Т. Мелчборн из Линна [CCR VII, p. 266—267, 287, 315]. Из-за нехватки финансов он вынужден был принять в товарищество иностранных банкиров. Но и это не спасло компанию, в результате король передал права на продажу шерсти и таможенный откуп компании финансистов во главе Дж. Уэзенхэмом [CCR VIII, p. 5, 8, 13, 14, 25, 28, 93]. Они также продержались недолго, в январе 1346 года таможенный откуп оказался в руках лондонского виноторговца Г. Пэйкарда. Ему удалось собрать за несколько месяцев в разных портах страны 24 000 фунтов [CCR VII, 648; Unwin, p. 205—221]. Г. Пэйкард был одним из немногих богачей, которому удалось пережить испытание чумой и выдержать регулярные «вежливые вымогательства» монарха. Он прославился тем, что в своем доме принимал четырех королей и Черного принца. В награду за службу Пэйкард получил рыцарское звание и пожизненную ренту в 50 фунтов. В 1357 году он стал мэром Лондона [Beaven, 1908, p. 33—44].

В апреле 1346 года на смену Пэйкарду пришла компания У. Чиритона и Т. Суэнленда. Они согласились предоставить королю 100 000 фунтов под залог таможенных отчислений в течение двух лет [CCR VIII, p. 72—74], но уже в феврале 1347 года вместо Суэнленда в товарищество с Чиритоном вошел Уэндлинбург [CCR VIII, p. 248]. Компания «Чиритон и Уэндлинбург» в первые же месяцы предоставила заем в 40 000 фунтов [CCR VIII, p. 248—249], погасила королевский долг банкирам Гаскони в 100 000 фунтов и 20 000 фунтов Перуцци [CCR VIII, p. 260, 345]. Летом 1347 У. Чиритон, Дж. Уэзенхэм дали еще 66 600 фунтов [CCR VIII, p. 290], затем они же

и Суэнленд взяли на откуп шерстяную пошлину за 250 000 фунтов [Power, 1987, p. 116]. Осенью 1348 года Чиритон, Суэнленд, Уэндлинбург предоставили 20 000 фунтов [CCR VIII, p. 557]. Суммы, которые предоставляли откупщики, сопоставимы с размерами доходов всего королевства. Для их возврата таможенных пошлин уже было недостаточно, поэтому кредиторы получили в счет уплаты долга право на три четверти дохода от чеканки золотых и серебряных монет [CCR VIII, p. 204—205, 465].

Что касается У. де ла Поля и Дж. Поутни, они в эти годы не предоставляли королю крупные суммы денег, но Эдуард III не забывал о них, приглашал на важные советы, касающиеся финансов [CCR VII, p. 637; Barnes, 137—177]. Отказавшись от рискованного руководства синдикатом откупщиков, они продолжали успешно вести свои коммерческие дела, приобретали новую собственность, выполняли поручения монарха и получали оплату прежних королевских кредитов [CCR VIII, p. 7, 36, 41, 66,73, 97, 115, 122, 218, 275, 354, 545, 573].

Частая смена состава участников таможенного откупа не говорит об их неспособности к ведению дел. В окружении Эдуарда III были лучшие финансисты, но «дух прибыли», или «дух капитализма» [Пиренн, 1941, p. 63], а также настойчивые требования короля заставляли их брать на себя обязательства, которые они не способны были выполнить. Через десять лет войны, на протяжении которых королевские купцы то обогащались, то разорялись, желающих сотрудничать с Эдуардом III становилось все меньше. В июле 1345 года, после расторжения контракта с Мелчборнами, Эдуард пытался собрать большое купеческое совещание для решения все тех же финансовых проблем, но многие отказались приехать. Весной-летом 1347 года попытки короля собрать состоятельных подданных на общее собрание и отдельные аудиенции также закончились массовым саботажем и арестом 99 торговцев, отказавших монарху в «помощи» [Barnes, 1918, p. 137—177].

В августе 1347 года после 11-ти месячной осады пал Кале. Кале — это ближайший к Англии континентальный порт у пролива Ла Манш, поэтому было решено создать здесь главную складочную базу английских товаров. Организацию столь серьезного дела монарх поручил Дж. Поутни, У. де ла Полю, Р. Норману. Город должен был стать частью Англии, с этой целью Эдуард III издает прокламацию, в которой предлагает торговцам переселиться в Кале, с предоставлением им там земли, жилья, свобод, гарантирующих безопасное проживание и ведение дел. Почти две сотни человек согласились на поселение в континентальном порту. Среди них были У. Чиритон, Т. Суэнленд, Г. Пэйкард, В. Уэндлинбург, Томас и Уильям Мелчборны и другие богачи Англии [Greaves, 1918, p. 312—348].

«Черная смерть», перекинувшаяся в 1348 году в Англию, истощила финансовые возможности многих купцов. Эдуард III пытался предотвратить банкротство товарищества У. Чиритона [CCR VIII, p. 470, 606]. В марте 1349 года была собрана группа из 32 торговцев, взявших на себя поручительство за «Чиритон и К°», но год спустя компания разорилась. У. Чиритона и Т. Суэнленда, как и многих других королевских ростовщиков, ожидал арест. Периодически их выпускали из тюрьмы, но лишь для того, чтобы они могли судиться с собственными должниками, а выигранные по искам деньги отдавать короне на покрытие нанесенных ими убытков [Fryde, 1962, p. 27].

В 1353 году, когда был организован второй судебный процесс против У. де ла Поля [RP, p. 246], У. Чиритон и Т. Суэнленд вину за невыполнение обязательств по таможенному откупу пытались переложить на халлского купца, по их подсчетам, его долг короне составлял к апрелю 1349 года 20 478 фунтов. Уильям пытался отрицать партнерство с Чиритоном и Суэнлендом, но напрасно, нашлись подтверждающие документы и свидетели [Fryde, 1962, p. 27]. Предъявил иск и младший брат Томаса Мелчборна — Уильям, обвинив де ла Поля в обмане при продаже векселей на сумму 2309 фунтов. По желанию Эдуарда III рассмотрение этих исков отложили на следующий год [Ibidem]. В июле 1354 года Уильяма арестовали. Очевидно, венценосному должнику эти обвинения нужны были только для того, чтобы принудить де ла Поля вернуть назад королевское имущество. Как только халлский ростовщик согласился простить долг и уступить права на земли, монарх даровал ему свое прощение [Ibid, p. 26-27; Harvey, 1957, p. 53]. За сговорчивость суверен увеличил сумму пожизненных ежегодных выплат «любимому купцу» и его сыну Майклу с таможни Халла — с 260 до 400 марок [CCR XII, p. 246]. Чиритон же и Суэнленд продолжили отбывать свой срок. В 1363 году «любимому купцу» пришлось опять предстать перед судьями за нарушения правил экспорта шерсти. Как и раньше, Уильям был помилован за плату —100 марок. Умер Уильям в своем поместье Лоугейт в 1366 году [Яблонская, 2020, p. 501].

6. Заключение

Ко времени наследования трона Англии юным Эдуардом III местные купцы уже имели опыт ведения торговли и финансов и сумели сколотить капиталы. Процесс накопления денежных масс ускорился в условиях Столетней войны. Проблему финансового и материального обеспечения кампаний удобнее было решать с небольшим кругом состоятельных бизнесменов, имеющих деньги, связи и предпринимательский талант. Купцы

в эпоху средневековья — это люди особого характера, энергичные, рискованные, с рациональной активностью среди массы инертного населения, осуждающего стяжателей. Прагматичному Эдуарду III нужны были такие помощники в решении хозяйственных задач, снабжении армии, флота, они вошли в своего рода главный финансовый штаб соверена.

Купцы могли не только мобилизовать материальные средства, но и стали важным инструментом королевской власти в отношении парламента. Благодаря контролю над таможней и финансовой мощи олигархи туманного Альбиона препятствовали усилиям палаты общин установить парламентский контроль над косвенным налогообложением.

Королевских откупщиков ненавидели и производители шерсти — от крестьян до духовных и светских лордов, и рядовые купцы, так как все они лишились возможности по высоким ценам сбывать доходные товары. Во второй половине XIV века парламент будет уже открыто выступать против монарших ростовщиков [Яблонская, 2019, p. 475——477]. Сами того не желая, богатые купцы ненавистью к себе консолидировали широкие слои населения Англии, свободы которых отстаивала палата общин, способствуя тем самым превращению страны в подлинную парламентскую монархию, с правом подданных протестовать против злоупотреблений власти и проведения политики в интересах всего общества.

Безусловно, самым ярким и могущественным купцом во второй трети XIV века был Уильям де ла Поль из Халла. «Горячо любимый купец», как часто называл его король, помог успешно начать Столетнюю войну и одержать ряд побед. Значительная часть богатых англичан проживала в столице. До «Черной смерти» Эдуард III регулярно обращался за поддержкой в финансах и управлении к лондонскому суконщику Джону Поутни. Джон с Уильямом неоднократно оказывались партнерами в торговых делах и в выполнении королевских поручений.

В период с 1344 по 1349 годы прибыльный, но рискованный таможенный откуп возглавляли У. Чиритон, Т. Суэнленд, Г. Пэйкард, В. Уэндлинбург, Дж. Уэзенхэм, Т. Мелчборн. Кредиты, которые они предоставляли Эдуарду III, равнялись доходам всего государства.

Большинство приближенных к Эдуарду III финансистов пережили конфискации, банкротства, лишение свободы. Купцы брали на себя обязательства, которые было крайне трудно выполнить, и большинство из них разорилось на королевских подрядах. Не получив нужных денег, монарх, забывая о прежних заслугах, сурово наказывал своих помощников, абсолютно беззащитных перед всесильным сувереном. Испытание тюрьмой выпало на долю самых крупных ростовщиков — У. де ла Поль, Дж. Поутни, У. Чиритон,

Т. Суэнленд. Купцы конца XIV-XV веков уже боялись заключать крупные сделки с короной, опасаясь обвинений в махинациях и конфискаций.

Источники и принятые сокращения

1. *Burton Th*. Chronica Monasterii de Melsa, a Fundatione Usque ad Annum 1396 / A. Bond (ed.). — London : Longman & Co., 1868. — Vol. III. — 434 p.

2. CCR I — *Calendar* of Close Rolls of Edward III / H. C. Maxwell Lyte (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1896. — Vol. I : 1327—1330. — 728 p.

3. CCR II — *Calendar* of Close Rolls of Edward III / H. C. Maxwell Lyte (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1898. — Vol. II : 1330—1333. — 776 p.

4. CCR III — *Calendar* of Close Rolls of Edward III / H. C. Maxwell Lyte (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1898. — Vol. III : 1333—1337. — 882 p.

5. CCR IV — *Calendar* of Close Rolls of Edward III / H. C. Maxwell Lyte (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1900. — Vol. IV : 1337—1339. — 785 p.

6. CCR VI — *Calendar* of Close Rolls of Edward III / H. C. Maxwell Lyte (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1902. — Vol. VI : 1341—1343. — 832 p.

7. CCR VII — *Calendar* of Close Rolls of Edward III / H. C. Maxwell Lyte (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1904. — Vol. VII : 1343—1346. — 836 p.

8. CCR VIII — *Calendar* of Close Rolls of Edward III / H. C. Maxwell Lyte (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1905. — Vol. VIII : 1346—1349. — 795 p.

9. CCR XII — *Calendar* of Close Rolls of Edward III / H. C. Maxwell Lyte (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1910. — Vol. XII : 1364—1368. — 674 p.

10. CFR — *Calendar* of the Fine Rolls, preserved in the Public Record Office / A. E. Bland (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1915. — Vol. V : 1337—1347. — 717 p.

11. CIPM — *Calendar* of Inquisitions Post Mortem and other Analogous Documents, preserved in the Public Record Office. — London : H. M. Stationery Office, 1916. — Vol. IX. — 714 p.

12. CPR III — *Calendar* of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office: Edward III / R. F. Isaacson (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1895. — Vol. III : 1334—1338. — 768 p.

13. CPR IV — *Calendar* of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office: Edward III / R. F. Isaacson (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1898. — Vol. IV : 1338—1340. — 761 p.

14. CW — *Calendar* of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting in London (1258—1688) [Electronic resource] / R. Sharpe (ed.). — London : J. C. Francis, 1889. — Part 1 : 1258—1358. — 834 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1 (дата обращения: 23.06.2020).

15. ML — *Memorials* of London and London Life in the XIII, XIV and XV centuries [Electronic resource] / H. Th. Riley (ed.). — London : Longmans, 1868. — 800 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life (дата обращения: 23.06.2020).

16. RP — *Rotuli* Parliamentorum / J. Strachey (ed.). — London : H. M. Stationery Office, 1835. — Vol. II. — 832 p.

17. Statutes — *The Statutes* of the Realm. — London : H. M. Stationery Office, 1810. — Vol. I. — 435 p.

Литература

1. *Пиренн А.* Средневековые города и возрождение торговли / А. Пиренн. — Горький : Издание Горьковского педагогического института, 1941. — 129 с.

2. *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века / Л. П. Репина. — Москва : Наука, 1979. — 222 с.

3. *Яблонская О. В.* Уильям де ла Поль : история падений и успеха «любимого купца» Эдуарда III / О. В. Яблонская // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. — 2020. — Т. 20, вып. 4. — С. 497—503. — DOI: 10.18500/1819-4907- 2020-20-4-497-503

4. *Яблонская О.В*. Ричард Лайонс: взлет и падение английского королевского финансиста XIV века / О. В. Яблонская // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 469—483. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-469-483.

5. *Barnes F. R.* The Taxation of Wool, 1327-1348 [Electronic resource] / F. R Barnes // Finance and Trade under Edward III / G. Unwin (ed.). — Manchester : Manchester University Press, 1918. — 360 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp137-177 (дата обращения: 23.06.2020).

6. *Beaven A. P.* The Aldermen. The City of London [Electronic resource] / A. P. Beaven. — London : Eden Fisher & Co, 1908. — Vol. I — 454 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/no-series/london-aldermen/hen3-1912 (дата обращения: 23.06.2020).

7. *Fox Bourn H. R*. English Merchants: Memoirs in Illustration of the Progress of British Commerce / *H. R. Fox Bourn.* — London : Richard Bentley, 1866. — Vol. I. — 428 p.

8. *Frost Ch.* Notices Relative to the Early History of the Town and Port of Hull / Ch. Frost. — London : J.B. Nichols, 1827. —58 p.

9. *Fryde E. B.* The Wool Accounts of William de la Pole a Study of Some Aspects of the English Wool Trade at the Start of the Hundred Years' War / E. B. Fryde . - York: St. Anthony' Press, 1964. — 31 p.

10. *Fryde E. B*. William de la Pole. Merchant and King's Banker / E. B. Fryde. —London and Ronceverte, W.Va.: Hambledon Press, 1988. — 250 p.

11. *Fryde E. B.* The Last Trials of Sir William de la Pole [Electronic resource] / E. B. Fryde // The Economic History Review. — 1962. — Vol. 15, No. 1. — P. 17—30. — DOI: https://doi.org/10.2307/2593287.

12. *Greaves D*. Calais under Edward III [Electronic resource] / D. Greaves // Finance and Trade under Edward III / G. Unwin (ed.). — Manchester : Manchester University Press, 1918. — 360 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp312-348 (дата обращения: 23.06.2020).

13. *Harvey A. S.* The De La Pole Family of Kingston upon Hull / A. S. Harvey. — Hull : East Yorkshire Local History Society, 1957. — 102 p.

14. *Power E.* The Wool Trade in English Medieval History / E. Power. — Westport : ABC-CLIO, LLC, 1987. — 128 p.

15. *Prestwich M.* Plantagenet England. 1225-1360 / M. Prestwich. — Oxford : Clarendon Press, 2005. — 638 p.

16. *Russell E.* The Societies of the Bardi and the Peruzzi and Their Dealings with Edward III [Electronic resource] / E. Russell // Finance and Trade under Edward III / G. Unwin (ed.). — Manchester : Manchester University Press, 1918. — 360 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp93-135 (дата обращения: 23.06.2020).

17. *Sargent F.* The wine trade with Gascony [Electronic resource] / F. Sargent // Finance and Trade under Edward III / G. Unwin (ed.). — Manchester : Manchester University Press, 1918. — 360 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp256-311 (дата обращения: 23.06.2020).

18. *Stow J.* A Survey of London [Electronic resource] / J. Stow. — Oxford : Clarendon Press, 1908. — Access mode : http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=60041 (дата обращения: 23.06.2020).

19. *Tillott P. M.* The Later Middle Ages: Communications, Markets and Merchants [Electronic resource] / P. M. Tillott // A History of the County of York: the City of York / P. M. Tillott (ed.). — London : Longman and Co, 1961. — 577 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/vch/yorks/city-of-york/pp97-106 (дата обращения: 23.06.2020).

20. *Unwin G.* Estate of Merchant [Electronic resource] / G. Unwin // Finance and Trade under Edward III / G. Unwin (ed.). — Manchester : Manchester University Press, 1918. — 360 p. — Access mode : https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp205-221 (дата обращения: 23.06.2020).

English Financiers of the Middle of the XIV Century: Features and Results of Activity

© Olga V. Yablonskaya (2021), orcid.org/0000-0002-5479-5561, PhD in History, Associate Professor, Arzamas Branch, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia), Oyablonskii@yandex.ru.

The article examines the features of the country's economic and political development in the second third of the XIV century through the prism of analyzing the activities of famous representatives of the commercial and financial stratum of England. The results of the study of documentary, narrative sources, as well as modern scientific literature are presented. It is noted that the process of capital accumulation by English merchants accelerated in the conditions of the Hundred Years War. The features of the development of trade, credit, customs service are indicated. The relationship of the royal financiers with the parliament and the broad commercial stratum is analyzed. The participation of influential merchants in the financing of military campaigns conducted by Edward III in continental Europe is considered. Particular attention is paid to W. de la Paul and J. Poutney, who were the leaders of the merchant class. The reasons for the bankruptcy of taxation companies in the second half of the 1340s are investigated. The lawsuits against W. de la Paul, J. Poutney, W. Chiriton and T. Swenland are touched upon. It is shown that the bankruptcies and arrests of royal usurers were caused by the complexity of the implementation of government tasks. It is concluded that the economic and political successes of England were achieved largely thanks to the wealthy merchants.

Key words: W. de la Paul; England; Edward III; Hundred Years War; trade, credit.

Material resources

Burton Th. —— Burton Th. (1868). *Chronica Monasterii de Melsa, a Fundatione Usque ad Annum 1396*, III. London : Longman & Co.

CCR I — Maxwell Lyte, H. C. (ed.). (1896). *Calendar of Close Rolls of Edward III, I: 1327—1330*. London: H. M. Stationery Office.

CCR II — Maxwell Lyte, H. C. (ed.). (1898). *Calendar of Close Rolls of Edward III, II: 1330—1333*. London: H. M. Stationery Office.
CCR III — Maxwell Lyte, H. C. (ed.). (1998). *Calendar of Close Rolls of Edward III, III: 1333—1337*. London: H. M. Stationery Office.
CCR IV — Maxwell Lyte, H. C. (ed.). (1900). *Calendar of Close Rolls of Edward III, IV: 1337—1339*. London: H. M. Stationery Office.
CCR VI — Maxwell Lyte, H. C. (ed.). (1902). *Calendar of Close Rolls of Edward III, VI: 1341—1343*. London: H. M. Stationery Office.
CCR VII — Maxwell Lyte, H. C. (ed.). (1904). *Calendar of Close Rolls of Edward III, VII: 1343—1346*. London: H. M. Stationery Office.
CCR VIII — Maxwell Lyte, H. C. (ed.). (1905). *Calendar of Close Rolls of Edward III, VIII: 1346—1349*. London: H. M. Stationery Office.
CCR XII — Maxwell Lyte, H. C. (ed.). (1910). *Calendar of Close Rolls of Edward III, XII: 1364—1368*. London: H. M. Stationery Office.
CFR —Bland A. E. (ed.). (1915). *Calendar of the Fine Rolls, preserved in the Public Record Office, V: 1337—1347*. London: H. M. Stationery Office.
CIPM — *Calendar of Inquisitions Post Mortem and other Analogous Documents, preserved in the Public Record Office, IX*. (1916). — London : H. M. Stationery Office.
CPR III —Isaacson R. F. (ed.). (1895). *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office: Edward III, III: 1334—1338*. London: H. M. Stationery Office.
CPR IV — Isaacson R. F. (ed.). (1898). *Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office: Edward III, IV: 1338—1340*. London: H. M. Stationery Office.
CW — Sharpe R. (ed.). (1889). *Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting in London (1258—1688)*. London: J. C. Francis. Available at: https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol1 (accessed 23.06.2020).
ML — Riley, H. Th. (ed.) (1868). *Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV centuries.* London: Longmans. Available at: https://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life (accessed 23.06.2020).
RP — Strachey, J. (ed.). (1835). *Rotuli Parliamentorum, II.* London: H. M. Stationery Office.
Statutes — *The Statutes of the Realm, I.* (1810). London: H. M. Stationery Office.

References

Barnes, F. R. (1918). The Taxation of Wool, 1327-1348. *Finance and Trade under Edward III*. Manchester : Manchester University Press. Available at: https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp137-177 (accessed 23.06.2020).
Beaven, A. P. (1908). *The Aldermen*. *The City of London, I*. London: Eden Fisher & Co. Available at: https://www.british-history.ac.uk/no-series/london-aldermen/hen3-1912.
Fox Bourn, H. R. (1866). *English Merchants: Memoirs in Illustration of the Progress of British Commerce, I.* London: Richard Bentley.
Frost, Ch. (1827). *Notices Relative to the Early History of the Town and Port of Hull*. London : J.B. Nichols.
Fryde E. B. (1964). *The Wool Accounts of William de la Pole a Study of Some Aspects of the English Wool Trade at the Start of the Hundred Years' War*. York: St. Anthony' Press.

Fryde, E. B. (1988). William de la Pole. Merchant and King's Banker. London and Roncev-erte, W.Va.: Hambledon Press.

Fryde, E. B. (1962). The Last Trials of Sir William de la Pole. *The Economic History Re-view*, 15/1: 17—30. DOI: https://doi.org/10.2307/2593287.

Greaves, D. (1918). Calais under Edward III. *Finance and Trade under Edward III*. Manches-ter : Manchester University Press. Available at: https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp312-348 (accessed 23.06.2020).

Harvey, A. S. (1957). *The De La Pole Family of Kingston upon Hull*. Hull: East Yorkshire Local History Society.

Power, E. (1987). *The Wool Trade in English Medieval History*. Westport : ABC-CLIO, LLC.

Prestwich, M. (2005). *Plantagenet England. 1225-1360*. Oxford : Clarendon Press, 2005.

Russell, E. (1918). The Societies of the Bardi and the Peruzzi and Their Dealings with Edward III. *Finance and Trade under Edward III*. Manchester : Manchester University Press. Available at: https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp93-135 (accessed 23.06.2020).

Sargent, F. (1918). The wine trade with Gascony. *Finance and Trade under Edward III*. Manchester: Manchester University Press. — Available at: https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp256-311 (accessed 23.06.2020).

Stow, J. (1908). *A Survey of London*. Oxford: Clarendon Press. Available at: http://www.brit-ish-history.ac.uk/report.aspx?compid=60041 (accessed 23.06.2020).

Tillott, P. M. (1961). The Later Middle Ages: Communications, Markets and Merchants. *A History of the County of York: the City of York*. London : Longman and Co. Available at: https://www.british-history.ac.uk/vch/yorks/city-of-york/pp97-106 (accessed 23.06.2020).

Unwin, G. (1918). Estate of Merchant. *Finance and Trade under Edward III*. Manchester: Manchester University Press. — Available at: https://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp205-221 (accessed 23.06.2020).

Pirenn, A. (1941). *Srednevekovie goroda i vozrozhdenie torgovli*. Gorkii: Izdanie Gorkovsk-ogo pedagogicheskogo instituta. (In Russ.).

Repina, L. P. (1979). *Soslovie gorojan i feodalnoe gosudarstvo v Anglii XIV veka*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Yablonskaya, O. V. (2020). Uilyam de la Pol: istoriya padenii i uspeha «lyubimogo kupca» Eduarda III. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mejdunarodnyye otnosheniya*, *20(4)*: 497—503. (In Russ.).

Yablonskaya, O. V. (2019). Richard Lyons: The Rise and Fall of the 14th Century English Royal Financier. In: *Nauchnyi dialog*, *12*: 469—483. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-469-483. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в Index Copernicus ICV 2018 = 100.00
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2018 = 0,362
Десятилетний индекс Хирша 2018 = 18
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издается с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© Иванова Анна Ивановна (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос… Уделяется внимание… Представлены результаты сопоставительного анализа… Поднимается вопрос о… Особое внимание уделяется… Новизна исследования видится в том, что… Актуальность исследования обусловлена… Приводятся определения… Автор останавливается на… Доказано, что… Предлагается классификация… Выполнен обзор… Представлена авторская разработка… Описан опыт многолетней работы автора … и под.).*

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги

двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать издательство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.

2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.

4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.

5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.

6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.

2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40— 45.

3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.

4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации … кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.

5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.

6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация …. кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.

8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.

10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : http:// www.anpi.it/militari/rodi.html.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала **http://www.nauka-dialog.ru/.** Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

Contents

Linguistics

Bodnaruk, E. V. Paradigmatics and Functioning of German Infinitive (Scientific and Journalistic Texts). 9

Gorban, O. A. Registration Documents of the Don Army in the 18th Century: Content and Structure of Texts. 28

Eremina, M. A. Analysis of Vocabulary Definitions of the Word “Uspech” (“Success”): Problem of Verification of Linguoculturological Constructions 48

Kaganov, A. Sh. Branched Linguistic Analysis as a Tool for Identifying Attributes Montage’s of Phonograms 62

Kovtunenko, I. V., Bylkova, S. V., Kudryashov, I. A., Korman, E. A. Scenarios for Unison Text Unfolding in Russian Blogosphere 79

Sadchenko, V. T. Verbs with the Prefix *za-* in Russian dialects of the Amur Region 95

Sdobnikov, V. V. Different Aspects of Translation Revision Process 107

Seagal, K. Ya. ‘Fact’ as a Lexico-Syntactic Marker of the Character’s Linguistic Personality 127

Khalikova, N. V., Nikitin, O. V. Image of Subject of Research in Discussions on the Russian of Soviet Period 147

Literary Studies. Journalism. Folklore

Volodina, N. V. Introduction as a Genre of Auto-Commentary in Works of I. S. Turgenev 163

Zhilina, N. P. Christian Discourse in the Tragedy Comedy by Feofan Prokopovich “Vladimir” .. 175

Ilunina, A. A. Mohammed Adam, E. A., Kovalenko, A. G. Semantic Complex of Travel in Work of A. G. Bitov 202

Seibel, N. E. Ritual Functions of Sun Wukong’s Hair in Wu Cheng-en’s novel “Journey to the West” 218

Sytina, Yu. N. Unexpected Facets of Images of Officials by N. V. Gogol and V. F. Odoevsky 231

Tanaseichuk, A. B., Osmukhina, O. Yu. Problem of Periodization and Some Aspects of the Late Work of F. Bret Hart 244

Frolova, N. S. Anglophone Poetry in Kenya at the Turn of the Century: Past Experience and Artistic Transformation 259

Historical sciences

Vinogradov, A. V. Combating Industrial Pollution in the Russian Empire: Legal Context (1800—1917) 277

Ikonnikov, S. A. Parish Clergy of Voronezh Diocese in Fight Against the Cholera Epidemic of 1892—1893 292

Klyueva, I. V. Boris Vladimirovich Zalessky (1887—1966) : Unknown Pages of the Biography of the Scientist 308

Mamkina, I. N., Gusevskaya, N. Yu. Russian State Policy for the Development of the Far East at the Beginning of the Twentieth Century 326

Mamyachenkov, V. N., Lvova, M. I., Shvedov, V. V. Consumption of Food by the Families of Collective Farmers in the Molotov region in the First Post-War Five Years (1946—1950). 344

Nikolae, F. V., Sofronova, L. V., Khazina, A. V. Military-Historical Anthropology: Vectors of Theoretical Polemic in Russian and English Historiography. 356

Osmanova, M. N. Marginalities of the Handwritten Qurans of Highland Dagestan as a Historical Source..... 371

Spichak, A. V. System of Trusteeship for Women of Clerical Rank in Tobolsk Diocese in 1820—1830s..... 385

Tikhomirova, M. N., Tikhomirov, K. N. Fishing of Tatars of the Irtysh Forest-Steppe Region in the 19th — Early 21st Centuries 403

Tsybenov, B. D. A new Source on the Relationship between Hulun Buir and Outer Mongolia in 1912—1915. 422

Yablonskaya, O. V. English Financiers of the Middle of the XIV Century: Features and Results of Activity..... 436

TO AUTHORS..... 453

ПОДПИСКА

на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 20.02.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 27,99. Тираж 500 экз. Заказ 20/02-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2020

Свободная цена